

СЦЕНАРИИ АМЕРИКАНСКОГО КИНО

СЦЕНАРИИ
АМЕРИКАНСКОГО
КИНО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСКУССТВО

FOREIGN CINEMA PLAYWRITING

SCREENPLAYS
OF THE AMERICAN
CINEMA

STATE PUBLISHING HOUSE «ISKUSSTVO»

MOSCOW • 1960

ЗАРУБЕЖНАЯ КИНОДРАМАТУРГИЯ

СЦЕНАРИИ
АМЕРИКАНСКОГО
КИНО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»

МОСКВА • 1960

ОБ АМЕРИКАНСКОМ КИНО

«Сценарии американского кино» — пятая книга из серии «Зарубежная кинодраматургия».

В предлагаемый сборник включено восемь киносценариев, написанных известными американскими кинодраматургами в разное время. Фильмы, поставленные по этим сценариям, занявшие определенное место в истории американского прогрессивного киноискусства, не шли на наших экранах. Поэтому мы считали правильным рассказать не только о публикуемых здесь литературных произведениях, но и об их авторах, о тех, кто воплотил эти произведения в зрительные образы. Это казалось нам тем более необходимым, что большинство сценариев создавалось кинодраматургами для определенного режиссера с учетом особенностей его таланта и творческого почерка или были поставлены самими авторами сценариев.

Мы сочли также целесообразным предварить характеристику сценариев и созданных по ним фильмов кратким вступлением, чтобы дать читателю некоторое представление об американском кино в целом.

Американская кинематография — одна из старейших в мире. 20 апреля 1896 года, менее чем через четыре месяца после того, как французские изобретатели братья Люмьер превратили киноэксперимент в зрелище для широкой публики, американцы увидели на большом экране фильма собственного производства.

Вначале киносеансы лишь дополняли обычные спектакли в мюзик-холлах. Затем возникли кинотеатрики с пышными названиями — «Драгоценность», «Страна мечты» — и множество кинопередвижек. Фильмы появились на базарах, на проезжих дорогах, на церковных собраниях, на пикниках.

Демонстрация фильмов приносила бешеные деньги, и на кинематограф в США, так же, как и в других промышленно развитых странах, буквально набрасываются всевозможные дельцы (пока еще мелкие), жаждущие обогащения. Их вкусы и определяют во многом характер фильмов, которые выходят в этот период на экраны.

Капиталы кинодельцов быстро растут, и уже в 1909 году возникает первая киномонополия. А к началу первой мировой войны в предместье Лос-Анжелоса вырастает целый киногород — Голливуд. Примерно к этому времени складываются почти все основные жанры и виды американской массовой кинопродукции.

В предвоенный период и в годы войны (1908—1918) уровень американского кино значительно поднимается. Этим подъемом кинематография США обязана ряду талантливых режиссеров и в первую очередь яркому, хотя и противоречивому творчеству выдающегося кинорежиссера Д. У. Гриффита, который разрабатывал новый, особый кинематографический язык. Простота игры молодых актеров, умелый выбор обстановки, тонкие психологические детали и превосходный монтаж высоко поднимают фильмы Гриффита над уровнем низкопробной массовой продукции.

Гриффит был склонен к некоей идеализации «патриархального» американского быта, но в то же время он сумел дать правдивые зарисовки пороков современного капиталистического общества. Его знаменитая картина «Нетерпимость» (1916), в которой был показан расстрел полицией забастовавших рабочих, — первый значительный фильм в США, где поднимались социальные проблемы.

К концу войны американская кинопромышленность становится самой крупной в мире. Непрерывно растет кинопроизводство и прокатная сеть. В 1916 году в стране насчитывается 21 000 кинотеатров; некоторые из них вмещают до 3000 человек. Дельцы США проникли на кинорынки Англии, Италии, Франции и других европейских стран. После окончания войны широко вводится существующая и поныне практика использования в Голливуде талантливых творческих киноработников других стран. В США переезжают Грета Гарбо, Пола Негри, Э. Любич, Ф. Мурнау, В. Шестром и многие другие. Немало талантливых людей дает Голливуду и сама Америка.

Однако, за исключением отдельных картин, которые составляют не более трех-четырех процентов общего количества, идейный и художественный уровень американской массовой кинопродукции очень низок. Бесчисленные детективы, вестерны, «легкие» комедии, фильмы ужасов, реву, мелодрамы, пышные псевдоисторические постановки и экзотические приключенческие картины в своем подавляющем большинстве отличаются стандартностью, примитивностью и, как правило, неправдоподобием.

Герои таких фильмов — сыщики и гангстеры, красотки из мюзик-холла, чудовища-скотоводы и авантюристы действуют в мире, имеющем очень мало общего с подлинной действительностью.

Перед потоком этих развлекательных или устрашающих картин стояла и стоит одна задача — отвлечь зрителя, увести его от противоречий реальной жизни или примирить с нею. Так, например, гангстеризм изображается в них как занимательная профессия для выдающихся людей, неспособных примириться с будничным существованием, или как способ самовыявления прирожденных негодяев. В первом варианте язвы капиталистического строя становятся лучшим украшением общества, во втором — эти язвы легко излечиваются умными и добродетельными героями — полицейскими либо детективами. Подлинные социальные причины гангстеризма в обоих вариантах остаются нераскрытыми.

Одна из наиболее распространенных «классических» тем массовой кинопродукции иллюстрирует «преимущества» «американского образа жизни»: разными способами описывается, как бедные молодые люди обоего пола добиваются высокого положения, денег и счастья, а богачи мечтают заполучить в жены бедных девушек.

Мода на темы и жанры меняется довольно часто. Меняются герои: любовников романского типа сменяют любовники англо-американские, порочных героинь заменяют добродетельные женщины и девушки. Одни стандартные образы отступают в тень, другие выходят на первый план, затем снова меняются местами.

Техника массовой продукции Голливуда непрерывно совершенствуется — с 1929 года она обогащается звуком, фон действия и детали становятся все более естественными, в кино приходит цвет, и наконец, в пятидесятые годы вводится широкий экран. И все же эта продукция и до сих пор остается суррогатом искусства.

Конечно, американское кино никогда не было однородным: подлинная жизнь, прогрессивные идеи прорывали все заслоны и просачивались на экран.

Автор «Критической истории американского кино» Л. Джекобс отмечает, что, начиная с первых лет существования кино, в США ставились фильмы, отображавшие подлинную действительность. В первую очередь к ним следует отнести фильмы Ч. Чаплина.

Неумудный, бесправный и обиженный герой Чаплина появился на экранах США еще в годы первой мировой войны. Герой Чаплина принес собой в кино высокие и благородные чувства и, перешагнув границы Америки, из борца за «свое» личное счастье стал страстным борцом за униженных и оскорбленных, пламенным поборником гуманности и справедливости.

Реакционные силы в Америке в течение долгого времени добивались, чтобы с экрана исчез этот разоблачитель недугов капиталистического общества. В годы холодной войны им удалось изгнать Чаплина из США. Американское кино потеряло своего самого замечательного мастера.

Много раньше, в конце двадцатых годов, такая же участь постигла другого выдающегося прогрессивного художника — талантливого кишоре-

жиссера Эриха Штрогейма. Для его творчества были характерны достоверные зарисовки нравов буржуазного мира, сатирические гиперболы и глубокий психологический анализ поведения героев, с помощью которых он разоблачал прогнившее эксплуататорское общество («Глупые жены», 1922 г.; «Алчность», 1924 г.).

В 1928 году появилось одно из интереснейших произведений американской кинематографии — фильм Кинга Видора «Толпа». В нем не раскрыты социальные корни человеческих несчастий, но достоинство фильма уже в том, что на экране показан мелкий американский служащий, его внешне непримечательная и вместе с тем полная глубокого драматизма жизнь.

Кризис 1929—1933 годов и связанная с ним трагедия массовой безработицы привели к росту прогрессивного движения в стране, что сказалось на всем американском искусстве, в том числе и на кино. В этот период, а также в годы второй мировой войны был выпущен ряд крупных реалистических фильмов, стал возможным расцвет творчества Л. Хеллман, В. Уайлера, Д. Форда и других крупных киномастеров.

В «Тупике» (1937) В. Уайлер рассказал о трагической участи людей из трущоб и глубоко вскрыл корни гангстеризма и проституции. Благодаря превосходному сценарию Л. Хеллман фильм был гораздо ярче литературного первоисточника — одноименного романа Г. Кингсли. В 1940 году выходит фильм Ф. Капра «Мистер Смит едет в Вашингтон», в котором показана коррупция в среде американских сенаторов. В картине В. Уайлера «Лисички» (1941), поставленной по сценарию Л. Хеллман, ярко изображаются нравы буржуазных хищников и разложение буржуазной семьи.

После вступления Америки во вторую мировую войну на экраны выходит фильм «Северная звезда» (1943) Л. Майлстрона — о героических подвигах советских колхозников, экранизация романа Анны Зегерс «Седьмой крест» (1944) режиссера Ф. Циннемана.

Вскоре после окончания войны В. Уайлер ставит превосходную картину «Лучшие годы нашей жизни». Она рассказывает о том, как американские воины, мечтавшие, что после войны в США восторжествует справедливость, вернувшись с фронта, увидели ту же коррупцию, безработицу и равнодушие к человеку. Картину не смог испортить даже стандартный конец, ибо она подняла ряд злободневных проблем и с правдивостью и человечностью показала взаимоотношения людей.

Мы перечислили лишь некоторые из значительных по содержанию и по художественной форме картин. К ним можно прибавить еще ряд названий. Однако при всем этом процент таких фильмов в общем потоке кинопродукции был очень невелик.

«Лучшие годы нашей жизни» вышли в 1946 году, а уже в следующем 1947 году происходит суд над десятью сценаристами и режиссерами Голливуда — Говардом Лоусоном, Альбертом Мальцем, Дальтоном Трамбо, Гербертом Биберманом и другими. Всех их обвинили в «коммунистической

пропаганде», приговорили к годичному тюремному заключению и лишили права работать в Голливуде. Вслед за первым процессом последовал ряд других. В общей сложности около двухсот творческих работников подверглось изгнанию. Чтобы не потерять работу, ряд крупных мастеров был вынужден снимать стандартные коммерческие фильмы.

В период холодной войны основной задачей Голливуда стала борьба с прогрессивным движением и пропаганда милитаризма. Выпускаются такие фильмы, как антисоветский «Железный занавес» (1948), «Лис пустыни» (1951), посвященный фашистскому генералу Роммелю, или «Мой сын Джон» (1952), прославляющий мать, которая доносит на сына.

Ведущим жанром массовой продукции в эти годы стала уголовная драма, а главными героями — преступники всех мастей.

Уровень американских фильмов падает все ниже, а с ним падает и интерес зрителей к кино. Десятками закрываются кинотеатры, резко сокращается выпуск картин.

В конце 50-х годов, в связи с некоторым ослаблением международной напряженности, а также беспокойством киномонополий, вызванным резким падением прибылей, постепенно открывается возможность, правда, слабая и ограниченная, для создания произведений, в той или иной мере отражающих современную американскую действительность. Появляются интересные фильмы молодых режиссеров Р. Брукса, М. Ритта и других.

Отдельные картины затрагивают острые жизненные проблемы. Это в первую очередь фильмы о современной молодежи, которая не хочет принимать жизнь такой, какова она есть, но не умеет и не знает, как надо ее переделать («Бунтарь без идеала» Никлеса Рея, 1955 г.), антимаккартистские («В центре бури» Д. Тарадаша, 1956 г.), антимилитаристские («Тропами славы» С. Кабрика, 1958 г.) и другие.

Как будет в дальнейшем складываться развитие американского кино — покажет время. Ясно лишь, что конвейерная система выпуска низкопробной стандартной голливудской продукции окончательно провалилась и ей не найти прежнего спроса ни у себя в стране, ни за рубежом.

* *
*

Из восьми публикуемых в настоящем сборнике киносценариев пять представляют собой экранизации различных литературных произведений. Такой процент экранизации в сборнике не случаен. Подавляющее количество фильмов в США ставится по современным литературным произведениям, получившим широкую известность, и по классическим романам, повестям и новеллам.

Однако это не снижает значения сценариев, предлагаемых вниманию советского читателя не только потому, что не все литературные произведе-

дения, на основе которых были написаны эти сценарии, известны у нас, но и потому, что, несмотря на наличие первоисточников, они представляют собой во многом оригинальные произведения—и по характеру трактовки событий и образов, и по характеру — сугубо кинематографическому — изложения материала, и по своей художественной форме. На примере творчества крупнейших американских сценаристов можно еще раз убедиться, что кинодраматургия представляет собой равноправный вид литературы.

Сценарий «Осведомитель», которым открывается сборник, написан известным американским кинодраматургом Дадли Николсом.

О чем же рассказывает сценарий и роман Лайама О'Флаэрти, который лежит в его основе?

О нищете народа и о жестокости полиции. У героя сценария Джайпо нет ни работы, ни пристанища; это полунищий, голодный человек. Джайпо добр, но ум его совершенно не развит, он не способен глубоко мыслить и живет, руководствуясь лишь инстинктом самозащиты. Желание Джайпо вырваться из нищеты, а главное — спасти девушку, которую он любит, приводит к тому, что за 20 фунтов стерлингов он выдает полиции своего друга — патриота Фрэнка.

В сценарии выведены и ирландские повстанцы. Сценарист, а за ним и режиссер относятся к этим героям с уважением, но при этом словно не верят в смысл их борьбы. Образы патриотов холодны, неглубоки, характеры их чуть намечены. Недаром сценарий заканчивается призывом к христианскому милосердию, воплощением которого является мать погибшего Фрэнка.

Изображение нищеты и борьбы ирландского народа находится как бы на втором плане. Объясняется это, возможно, тем, что сценариста и режиссера интересовал главным образом психологический анализ трагического душевного состояния Джайпо. Ничто в сценарии не отвлекает внимания от его переживаний. Их раскрытию и кинодраматург и режиссер фильма подчинили все элементы сюжета.

Преступление и наказание героя происходит в течение одной ночи в Дублине. Сценарист умышленно избрал для действия ночное время. Помимо символического значения, ночь дает возможность, широко используя резкую смену света и тени, подчеркнуть чувство смятения и подавленности, которые владеют Джайпо.

Событий мало, но каждое из них дает широкий простор изобразительному решению. Вся обстановка окрашена в трагические тона. Превосходно показан ночной Дублин, полный голодных и бездомных людей, которых держит в страхе английская полиция. Это позволяет лучше понять и положение Джайпо и его состояние. Игра тумана на улицах, темные тени проходящих, приглушенные голоса — все создает особый колорит, подчеркивающий напряжение Джайпо, его страх за содеянное, проблески сознания своей вины.

В сценарии есть ряд моментов, при зрительном и звуковом воспроизведении приобретающих особое, более высокое качество. Таково, например, указание на тикание часов в полицейском управлении и в комнате Фрэнка, на стук палки слепого по мостовой. В фильме эти ритмические звуковые повторы объединяют различные эпизоды и служат в них как бы подтекстом.

Николс сумел превосходно воспроизвести литературный подлинник и создал произведение, которое позволило Джону Форду глубоко раскрыть свое режиссерское дарование.

Несомненно, именно высокий профессионализм сценария во многом содействовал успеху фильма.

«Осведомитель» был шестым фильмом, который Форд ставил по сценариям Дадли Николса, но лишь в романе О'Флаэрти они нашли материал, близкий им обоим. В этот период Джона Форда и Дадли Николса интересовали одни и те же проблемы, у них было одинаковое видение жизни, они оба стремились уйти от голливудских штампов. Именно эта творческая общность во многом предопределила успех «Осведомителя». Позднее, в результате творческого содружества Форда и Николса, были созданы две превосходные картины — «Дилижанс» и «Долгий путь домой».

Сценарий «Осведомитель» пролежал пять лет. В течение этого времени и Николс и Форд, каждый в отдельности и оба вместе, неоднократно предлагали его разным фирмам, но неизменно получали отказ. Вероятно, он так и остался бы в числе непоставленных, но его спасло то, что он рассказывал об Ирландии.

Как известно, американские киномастера, отображая «опасные» события и характеры, нередко переносят действие в какую-нибудь другую страну, ибо к таким произведениям цензура относится гораздо снисходительнее. Потому и здесь местом действия является не США, а Ирландия... К тому же магнаты Голливуда оказывают особое покровительство фильмам об Ирландии. В США проживает 3 миллиона ирландцев. Это настолько серьезная сила, что даже кандидаты в президенты США обычно считают своим долгом перед выборами посетить Ирландию. Своеобразную дань платил и Голливуд, выпуская значительное количество фильмов на ирландские темы.

Не случайно, первые американские фильмы, поставленные за пределами страны, были сняты в Ирландии. Перед первой мировой войной туда был послан видный кинорежиссер Сидней Олкотт, снявший там семнадцать фильмов.

Да и сам Джон Форд — ирландец (его настоящее имя — Шон О'Ферна), и естественно, что его привлекали образы ирландцев и волновали события, происшедшие на земле отцов. Но дело не только в этом. В романе его привлекла главным образом возможность создать красочную, достоверную картину ночного города и проследить трагическое душевное состояние героя, низведенного нуждой до уровня получеловека.

Сценарий «Осведомитель» Дадли Николса, как и включенный в книгу сценарий «Как зелена была моя долина» Филиппа Данна, были написаны специально для режиссера Джона Форда, и это в известной степени определило их художественные особенности.

В кино Джон Форд работает с 1913 года, но особенно ярко его большой талант раскрылся в тридцатые годы и в начале второй мировой войны. В 1942 году Д. Форд вступает в военно-морской флот США и снимает военные фильмы. После войны он возвращается к постановкам «вестернов», на которых специализировался в дни своей молодости. Снимает также и другие банальные фильмы.

В течение двадцати двух лет Форда считали «средним» режиссером. После выпуска «Осведомителя» он стал мировой знаменитостью. Академия киноискусств и наук объявляет его лучшим американским режиссером 1935 года.

Джон Форд — единственный американский кинорежиссер, который с огромным интересом и волнением показал трудную жизнь бедняков — крестьян, рабочих, матросов, безработных. Они стали героями его лучших фильмов: «Плуг и звезды» (1937), «Молодой мистер Линкольн» (1939), «Гроздь гнева» (1940), «Долгий путь домой» (1940), «Табачная дорога» (1941) — и тех сценариев, которые опубликованы в настоящем сборнике.

Стремление правдиво рассказать об участии бедноты заставило Форда отбросить обычную голливудскую эстетику, отказаться от стандартных сценариев с их неправдоподобными «занимательными» сюжетами и обратиться к экранизации произведений Л. О'Флаэрти, Шона О'Кейси, Д. Стейнбека, Э. Колдуэлла. Он избегает голливудских кинозвезд, которые переносят из фильма в фильм одни и те же малоправдоподобные образы, отвергает пышные голливудские павильоны.

Внимание режиссера привлекает повседневная действительность, духовный мир простого человека. Форд умеет поэтично показать обычный семейный обед, спокойную дружескую беседу, ожидание родов, встречу или прощание матери с сыном. Нищенское одеяние, пыль, уголь или пот на лицах не мешают ему рассмотреть благородные чувства людей, раскрыть их духовную красоту. Среди его героев есть люди, одичавшие от нужды, у которых жизнь отняла возможность понимать окружающее, есть и великаны духа, ставшие воплощением народной мудрости.

Д. Форд показывает — и нередко показывает ярко, правдиво, как тяжело живется трудовому человеку. Но тщетно было бы искать в его фильмах объяснения причин их несчастий, а тем более изображения борьбы за народное счастье.

Во многом здесь повинна цензура. Но чаще всего и сам Джон Форд, и его сценаристы, да и авторы избранных ими литературных произведений, далеки от анализа социальных причин народных бедствий, которые ими изображаются. И не случайно поэтому фильмы Форда иной раз призы-

вают повернуть назад колесо истории к патриархальным временам или взывают к христианскому милосердию. Лишь один Том — герой картины «Гроздь гнева», как и герой одноименного романа Д. Стейнбека, приходит к выводу, что его долг — бороться за права народа...

Если в «Осведомителе» изображен богатырь — нищий духом, то герой другого, еще более значительного и интересного фильма Д. Форда «Как зелена была моя долина», шахтеры Уэльса — богатыри и телом и духом.

Сценарий, являющийся экранизацией одноименного романа английского писателя Р. Левеллина, принадлежит перу одного из крупных американских кинодраматургов — Филиппа Данна, который пробовал свои силы также и в режиссуре. В 1957 году по собственному сценарию им поставлен фильм «Трое храбрых мужчин» — об «охоте на ведьм» в США.

«Как зелена была моя долина» Ф. Данна — лучший голливудский сценарий, посвященный рабочему классу. Это трагический рассказ о гибели сильной и благородной шахтерской семьи.

Сценарий показывает, что прогресс техники в капиталистическом обществе — бедствие для рабочего: падает заработная плата, начинается безработица; из шахты изгоняются передовые люди, наиболее сильные индивидуальности, опасные хозяину.

Но в то же время сценарий полон неразрешимых противоречий: в нем есть призыв к реформизму, который является якобы единственным спасением рабочего класса, и здесь же показано, как действительность опрокидывает расчеты тех, кто надеялся на мирное соглашение труда и капитала. Зрителя пытаются уверить, что церковь может стать защитником и духовным вождем народа. И вместе с тем ему рассказывают трагедию пастора Граффидда, который, поверив в эту миссию, потерпел крах, потому что его добрые намерения идут вразрез с реальными фактами. Подлинным хозяином церкви оказался враг рабочего движения, ханжа и лицемер Парри. И здесь, как и в «Осведомителе», действие вынесено за пределы США. На этот раз... в Уэльс.

Сценарий «Как зелена была моя долина» чрезвычайно интересно построен. Все события предстают как бы в восприятии одного из героев — мальчика Хью. Здесь всё — его воспоминания, хотя сам он часто и не присутствует в кадре.

Хью не только комментирует происходящее, он раскрывает внутренний смысл событий и поведения героев, направляет внимание на важные, но малоприметные факты, которые могли бы ускользнуть от зрителя. Многокрасочные интонации рассказчика — то лирические, то скорбные, то радостные, то гневные или патетические — всегда усиливают эмоциональную окраску действия. Подобно древнегреческому хору, Хью вторгается в повествование, размышляет по поводу происходящего, негодует, радуется и оплакивает гибель героев. Этот прием «от рассказчика» дает широкую возможность использовать в фильме авторский текст, придает сценарию

лирическое звучание и во многом определяет его построение. Идилличность в изображении далекого прошлого и принцип отбора событий, оправданы тем, что именно так они сохранились в памяти Хью. В финале размышления Хью придают событиям особую трагическую окраску и усиливают осуждение ханжества и лицемерия.

Свободная поэтическая манера сценариста позволила создать романтически яркие образы героев. Шахтеры Уэльса показаны как воплощение нравственной силы, гуманности и мужества. Это цельные могучие натуры, обуруемые сильными и чистыми страстями. Сценарий воспекает их любовь к труду, гордость своей нелегкой шахтерской профессией. Сценарий убеждает, что пастор Граффидд мог отказаться от любимой, не желая обрекать ее на нищету и унижения, что маленький Хью мог, жертвуя жизнью, стоять в ледяной воде, поддерживая ослабевшую мать, а его отец, старый Морган, умирая под обвалившейся угольной громадой, сохранять спокойствие и ясность духа.

Джон Форд поставил фильм в реалистической, несколько обобщенной манере, сделав его в известной мере монументальным. Романтический дикторский текст обогащает изображение, сливается с ним, создает единую, немного приподнятую и одновременно тревожную, атмосферу.

Фильм полон веры в силы народа и, несмотря на трагический финал, глубоко оптимистичен. Характерно, что авторы популярной истории американской кинематографии Р. Гриффит и А. Мейер причисляют фильм «Как зелена была моя долина», так же как и «Тупик», к произведениям «социального реализма»...¹.

Многими своими чертами интересен философский сценарий «Все, что можно купить за деньги», написанный по роману «Дьявол и Даниэль Вебстер» его автором С. В. Беннетом совместно с Д. Тотероном.

Если в фильмах массовой американской кинопродукции погоня за наживой изображается как прекраснейшее человеческое занятие, то здесь показано обратное — как нажива лишает человека всего человеческого.

Чтобы эксплуатировать себе подобных, Джабез должен быть равнодушен к их судьбе. Но для этого прежде всего ему нужно заглушить в себе все добрые чувства. Постепенно Джабез становится эгоистом, черствым и жестоким даже с самыми близкими ему людьми. Опустошенный, одинокий, он в конце концов лишается всех естественных радостей человеческого существования.

Дьявол покупает у Джабеза душу, взамен дает деньги, за которые можно купить все, кроме любви, товарищества, счастья.

Разумеется, не случайно, что такая тема решалась в сказочном жанре. В противном случае она бы встретила противодействие цензуры. Некоторая условность действия, а главное, отход от современности и здесь лишили тему «опасной» злободневности.

¹ Р. Гриффит и А. Мейер, Кино, Нью-Йорк, 1957.

Картина «Все, что можно купить за деньги» была снята в 1941 году режиссером В. Дитерле, постановщиком известных историко-биографических фильмов «История Луи Пастера» (1935), «Жизнь Эмиля Золя» (1937) и «Хуарес» (1939).

Несмотря на сказочность сценария, Дитерле создал жизненные характеры и правдоподобную обстановку действия. В фильме красочно показан старый фермерский уклад жизни, с большой любовью описанный в сценарии. Дьявол в исполнении одного из лучших характерных актеров Голливуда Уолтера Хастона — ловкий и безжалостный делец, который не гнушается никакими средствами для приобретения интересующего его товара — человеческих душ. Это он насаждает в мире ростовщичество, эксплуатацию человека человеком и стремится к моральному разложению общества. С Дьяволом может справиться лишь другой сказочный персонаж — сенатор Даниэль Вебстер — идеальный государственный деятель, которому, по словам Дьявола, никогда не удастся стать президентом...

Сила Вебстера в том, что в душе он простой человек, любящий Америку и ее народ. Благодаря юмору, с которым роль Вебстера написана и с которым она сыграна Э. Арнольдом, изображение этого персонажа лишено слащавости, а ряд смешных бытовых черточек придают его образу житейскую достоверность.

С идеей сценария «Все, что можно купить за деньги» перекликается идея сценария «Гражданин Кейн».

У героя фильма Чарлза Кейна тоже было все, что можно купить за деньги, а умер он в одиночестве, вспоминая о розовом бутоне на своих детских саночках, как о символе самого дорогого в своей жизни.

«Гражданин Кейн» — один из наиболее своеобразных американских фильмов — был поставлен в 1941 году, в период поисков новых путей развития американского киноискусства. Его автор — тогда двадцатипятилетний Орсон Уэллес, театральный актер и режиссер, прославившийся радиопостановкой, сделанной по мотивам «Войны миров» Г. Уэллса. (Кстати, заметим, что эта радиопьеса заставила массы слушателей поверить в появление на земле марсиан и привела к серьезной панике.)

«Гражданин Кейн» принадлежит к числу немногих американских фильмов, созданных «одним» человеком. Орсон Уэллес был автором сценария (совместно с Германом Дж. Манкиевичем), а также продюсером, режиссером и исполнителем заглавной роли.

Пока фильм снимался, упорно распространялись слухи, что в образе Кейна будет показан король желтой прессы У. Р. Херст. Херст не на шутку встревожился, и выпуск фильма оказался под угрозой. Действительно, герой картины Кейн — газетный магнат, и отдельные события его жизни несколько напоминают известные эпизоды жизни Херста. Но в целом сходство было не очень большим, а главное — критические элементы в сценарии не настолько велики, чтобы не допускать выпуска фильма на экраны.

В сценарии лишь упоминается о коррупции прессы, о дезинформации, которой систематически занимаются газеты, о грязных методах борьбы Кейна с другими представителями крупного капитала, о методах проведения избирательной кампании и о путях, которыми он шел к власти. Однако и та часть правды, которая здесь присутствует, представляет несомненный интерес. Хотя и не очень глубоко, сценарий все же описывает механизм, на котором держится уклад буржуазного общества в эпоху империализма.

Орсон Уэллес рассказывает об этом механизме лишь постольку, поскольку это нужно ему для характеристики Кейна, для того чтобы объяснить особенности его образа и раскрыть, как складывались его отношения с людьми, близко стоявшими к нему. Другими словами, действие развивается преимущественно в одной плоскости — психологической и морально-этической. Именно этой задаче подчинена вся сложная конструкция сценария.

Изображенная в самом начале смерть Кейна позволяет подвести итог всей его жизни. Посвященный Кейну короткометражный «документальный» фильм показывает героя с официальной и парадной стороны, рассказывает о его власти и богатстве. Эпизоды этого «фильма в фильме» — хроника начала века, гравюры, диаграммы и т. д. создают впечатление полной достоверности.

Но характер Кейна, его сущность остаются неясными. И чтобы раскрыть этот характер, репортер пытается выяснить значение последних слов умирающего, читает мемуары его покойного опекуна Тэтчера, беседует с людьми, близко знавшими Кейна. Каждый из них рассказывает о каком-то одном периоде жизни Кейна, и она предстает перед зрителем в хронологической последовательности. Но все — управляющий, друг, жена и, наконец, дворецкий — видят Кейна со своей точки зрения. О некоторых важных событиях рассказывают двое, а иногда и трое, и это придает событиям удивительную объемность и разносторонность.

Все рассказы рисуют Кейна внешне импозантным и даже загадочным, а внутренне — ничтожным. Выясняется, что огромная власть была дана человеку душевно опустошенному и эгоистичному. Становится очевидным, что таким Кейн стал потому, что он владел несметным богатством; вера в свое всемогущество и привычка к власти, которую ему дали деньги, сделали его неспособным считаться с волей и желаниями других людей, а под конец и с реальной действительностью.

Сценарий интересен оригинальной композицией и четко выписанным характером главного героя.

Орсон Уэллес показал себя чрезвычайно интересным режиссером. С большой изобретательностью использовал он в фильме острые, выразительные средства — резкие точки съемки, боковое освещение, наезды, необычные монтажные сопоставления. Так, фигура Кейна обычно снимается несколько снизу, как бы подчеркивая его силу, власть. В то

же время герой всегда ограничен в кадре плоскостями потолка, лишен простора.

Эхо усиливает представление о колоссальных размерах зала Ксанаду, в котором сидит одинокий Кейн вместе со скучающей Сьюзен; мрачное величие этого зала подчеркивает мысль о бесполезности накопленного богатства и о бессмысленности жизни героя.

Благодаря интересному изобразительному решению (большую роль, например, играют глубинные кадры, где действие одновременно развивается в двух-трех планах) фильм гораздо богаче по содержанию, нежели сценарий.

Превосходно играет Кейна Орсон Уэллес, остро характерные образы создают исполнители остальных ролей — актеры руководимого им же «Меркюри-театра».

Несмотря на свои достоинства, фильм «Гражданин Кейн» не оказал, однако, влияния на развитие американского киноискусства, а Орсону Уэллесу больше не удалось создать произведения, равного этому.

Сценарии и фильмы «Осведомитель», «Как зелена была моя долина», «Все, что можно купить за деньги» и «Гражданин Кейн», ставшие классикой американского кино, свидетельствуют о реалистических тенденциях, определивших в период тридцатых — начала сороковых годов творчество ряда кинодраматургов и режиссеров Голливуда. И хотя эти сценарии и фильмы различаются многими своими чертами, и художественными и идейными, все они осуждают зло, насилие, власть денег. Они либо показывают горести неимущих, либо демонстрируют разрушительную силу золота, которое лишает людей человеческого облика и простого человеческого счастья.

Иной характер носят и иные проблемы поднимают четыре других сценария, созданные в последние годы: «Двенадцать рассерженных мужчин», «Прощай, оружие!», «Лицо в толпе» и «Скованные цепью».

Эти произведения появились в результате длительной борьбы американских прогрессивных сил с реакцией.

В последние годы для американского кино характерен интерес к творчеству Э. Хемингуэя. В 1953 году выходит фильм — «Снега Килиманджаро», а затем после некоторого перерыва следуют одна за другой картины «Прощай, оружие!» (1957), «Старик и море» (1958), «И встает солнце» («Фиеста», 1959). И хотя в этих экранизациях в значительной степени утрачена острота, присущая произведениям Хемингуэя, в них все же остается многое, привлекающее внимание зрителя. Прежде всего это тема разбитого жизнью, но непообежденного человека, которая особо сильно прозвучала в экранизации «Старик и море».

Произведения Хемингуэя обычно позволяют создать драматическую историю любви и показать представителей интеллигенции, искалеченных жизнью, одержимых тягостными и часто противоречивыми чувствами.

Его герои разочаровались в буржуазном обществе, но неспособны порвать с ним. Таким образом, в этих фильмах находят отражение реальные жизненные противоречия.

Из всех сценариев, написанных по произведениям Хемингуэя, наиболее значительна экранизация романа «Прощай, оружие!». Для советского читателя этот сценарий представляет дополнительный интерес тем, что у нас роман широко известен и это дает возможность судить о принципах экранизации, бытующих в американской кинематографии. Автором экранизации является один из старейших сценаристов Америки — Бен Хект, перу которого принадлежат сценарии «Вива, Вилья!», «Грозовой перевал» (по роману Э. Бронте) и многие другие.

К сожалению, в сценарии «Прощай, оружие!» неправомерно большое место заняла роль Кетрин и в центре внимания оказалась история любви героев, а описанные Хемингуэем типические эпизоды войны иногда заменены мелодраматическими сценами, как, например, вымышленная история бунта и расстрела Ринальди. И все же сценарий сохранил антивоенную направленность романа. Отдельные фронтовые эпизоды в нем изложены с большой драматической силой.

Фильм «Прощай, оружие!», поставленный Чарлзом Видором, оказался неровным, как и сценарий, но в нем правдиво передана атмосфера ненужной народу, жестокой и бессмысленной войны. «Юманите» писала, что эта картина оставляет «целительный вкус горечи» (6.IV.1958 г.).

Интересен литературный сценарий Реджинальда Роуза — «Двенадцать рассерженных мужчин».

Как это ни парадоксально, но для того, чтобы конкурировать с телевидением, Голливуд неоднократно обращается за материалом к телевизионной драматургии и, в частности, к тем пьесам, в которых показаны простые люди и повседневная жизнь. Успех этих экранизаций — обычно очень простых в постановочном отношении — объясняется человечностью их содержания. И зрители, видевшие пьесы по телевидению, снова охотно смотрят их в кинотеатрах.

Характерно, что первый послевоенный американский фильм о простых людях — «Марти» (1954) — был поставлен режиссером телевидения Д. Манном по сценарию Пэдди Чаевского, экранизовавшего собственную телевизионную пьесу.

Во время съемок «Марти» на него не возлагали никаких особых надежд, так как в нем не было ничего, что якобы содействует успеху картины, — он не был ни широкоэкранным, ни цветным, это был фильм без острого сюжета, без постановочных эффектов и виртуозных точек съемки, без смазливых молодых киногероев. Но в фильме хорошо и верно изображен быт средней американской семьи, скука — неизбежный спутник людей без высоких жизненных целей, семейные дразги и скрытые под этим большие человеческие чувства.

Вслед за «Марти» был экранизирован ряд камерных телефес, в том числе и принадлежащих к реалистическому направлению.

В отличие от кинодраматургии, развитие американской драматургии связано с европейской; в какой-то мере это относится и к реалистическому направлению в телевидении. Значительное влияние на него оказал итальянский неореализм (свидетельством этого является, например, телефеса «Марти»).

Автор «Двенадцати рассерженных мужчин» Р. Роуз использовал интересный опыт известного французского фильма «Правосудие свершилось» (1950), сценарий которого был написан режиссером А. Кайаттом совместно с одним из крупнейших сценаристов Франции — Шарлем Спаком. Это рассказ о том, как характеры и жизненные судьбы присяжных повлияли на их отношение к обвиняемой, которая по просьбе умирающего от рака дала ему яд и за это была привлечена к ответственности за убийство.

В социальном плане «Двенадцать рассерженных мужчин» гораздо острее, чем французский сценарий. Вначале одиннадцать присяжных даже не желают разбираться в деле, считая само собой разумеющимся, что подсудимый юноша — действительный преступник, раз он живет в обстановке нищеты и жестокости. Сценарий вскрывает мрачную практику американских судов, рассказывает о бездумном подчинении самых различных людей предрассудкам, о равнодушии к судьбе человека.

Драматическое напряжение достигается здесь умелым изображением борьбы между героями, наделенными разными взглядами и характерами, а не ходом расследования, как было, например, в «Опасном повороте» Д. Б. Пристли, где воспоминания разных людей, цепляясь одно за другое, неуклонно вели к раскрытию убийства.

И если пьеса Пристли доказывала, что под внешней благопристойностью в человеке скрываются отвратительные пороки, то «Двенадцать рассерженных мужчин» убеждают в обратном. Под оболочкой черствости, равнодушия и предрассудков в глубине человеческих душ нередко скрыты благородные чувства. И когда Восьмому присяжному удается заставить своих товарищей честно разобраться в деле, почти каждый из них вносит свой вклад в расследование, которое и убеждает их в невиновности подсудимого. Именно в этом гуманистическое значение сценария.

Нельзя пройти мимо еще одной особенности этого сценария. Действие его происходит, по существу, в одной комнате, число персонажей крайне ограничено, экранное время равно реальному (то есть налицо особенности, чуждые «специфике» кино), и в то же время вы не чувствуете — и читая сценарий и смотря фильм — никакого нарушения требований кинематографа, самой природе которого, казалось бы, свойственны широкий показ мира, многочисленность мест действия и разнообразие со-

бытий. И в этом смысле сценарий и фильм «Двенадцать рассерженных мужчин», как и французский фильм «Мария Октябрь», заставляет подумывать о еще не раскрытых возможностях кинематографа и отбросить ряд кинодраматургических канонов, тормозящих развитие многообразного искусства кино.

Успех фильма во многом зависел от создания образа Восьмого присяжного заседателя, роль которого исполняет один из крупнейших киноактеров США — Генри Фонда.

Генри Фонда, создавший Тома («Грозья гнева»), Линкольна («Молодой мистер Линкольн»), Пьера («Война и мир»), нарисовал в этом фильме яркий образ благородного человека, очень мягкого, честного и стойкого. Он нетерпим к злу и предрассудкам, но его глубоко трогают обиды и горести других людей. Основная черта, которая отличает Восьмого присяжного от остальных действующих лиц, — стремление самостоятельно разобраться в событиях и людях. Актер бережно доносит до зрителя целую гамму чувств своего героя: надежду, грусть, настойчивую работу мысли.

Режиссер фильма С. Люннетт, поставивший и телеспектакль, все свое внимание сосредоточил на раскрытии характеров. И хотя он не пользуется никакими особо выразительными кинематографическими средствами, а действие происходит в одной комнате, фильм поражает своим пластическим многообразием.

Чтобы лучше проследить за поведением героев, глубже раскрыть их характеры, широко используется способность экрана показывать малейшие оттенки выражения лиц и тончайшие детали. Превосходны по своей выразительности динамические композиции групп присяжных. Каждый присяжный является главным героем каких-то эпизодов, и это находит отображение в композиции кадров. Большую драматическую роль играет освещение: меркнущий дневной свет, слияние сумеречного света с электрическим, приближение грозы и т. д.

«Двенадцать рассерженных мужчин» несомненно одна из лучших послевоенных картин.

Широким успехом пользуется в США фильм «Лицо в толпе», созданный режиссером Э. Казаном в содружестве с близким ему по взглядам и стилю писателем и сценаристом Баддом Шульбергом.

В процессе работы над сценарием Б. Шульберг внимательно изучил работу американского телевидения, вопросы рекламы, следил за выступлениями по телевидению американских политических деятелей. Этот богатый фактический материал и помог создать реалистический сценарий. В сценарии и фильме показана практика американского телевидения, одурманивающего массы, и нарисованы образы дельцов, в руках которых оно находится. В сценарии много интересных зарисовок американских нравов и обычаев, начиная от рекламы лекарства, которое ничего не излечивает, и кончая пропагандой в пользу реакционного кандидата на пост

президента США. Избирательная кампания — это грязный бизнес, еще более грязный, чем продажа пилуль «Вайтаджекс», — такое впечатление оставляет у читателя сценарий, а у зрителя фильм.

Грубый, невежественный и себялюбивый Родс делает блестящую карьеру и становится «идолом» Америки, потому что он ловкий демагог и обманщик, умеющий непринужденно говорить с людьми об их повседневных нуждах. И несмотря на свою строптивость и самодурство, Родс оказывается послушным орудием в руках генерала Хейнворта и других бизнесменов и политиканов. Хорошо показано в сценарии бесправное положение в системе «искусства» американской интеллигенции. Но в то же время вину за все происходящее Б. Шульберг и Э. Казан возлагают на биологическую природу человека. Народ согласно фильму и сценарию находится во власти подсознательных животных инстинктов; сила Родса в том, что он умеет на них опираться. Именно в этом, а не в социальной системе общества, авторы видят причину, по которой хейнворты и фуллеры могут господствовать в стране.

Элиа Казан, один из ведущих голливудских кинорежиссеров послевоенного периода, пришел в кино из театра в 1945 году и за это время поставил 12 фильмов, которые получили, за немногим исключением, большую известность и пользовались шумным кассовым успехом.

«Казан, — писал американский журнал «Филм Калчер», — является одним из немногих режиссеров, которым предоставлена свобода действий, столь редкая в Голливуде. Он имеет возможность выбирать сюжеты для фильмов, а также выбирать исполнителей, не считаясь с кассовыми требованиями. Казану гарантирована финансовая поддержка, за какой бы фильм он ни взялся»¹.

«Творческая свобода», предоставленная Казану, объясняется, в сущности, довольно тривиально. Почти все фильмы Казана затрагивают острые злободневные проблемы: «Джентльменское соглашение» рассказывает об антисемитизме в США, «Пинки» (1949) — о расовой дискриминации, которой подвергаются негры, «Да здравствует Сапата!» (1951) — о революции в Мексике, «В порту» — о рабочем движении, «На Восток от рая» (1955) — о распаде семьи. Его фильмы неизменно раскрывают какую-то часть правды и благодаря этому имеют большой успех у самой разнообразной аудитории. Но в то же время Э. Казан непременно пытается найти такое объяснение порокам капиталистического общества, которое ставило бы поверить, что они неустранимы, поверить в бесполезность борьбы с ними. Чаще всего социальные явления трактуются им согласно Э. Фрейду как следствие сексуальных мотивов и подсознательных инстинктов, которые якобы извечно определяют поступки человека и судьбы мира. Отсюда — проповедь «бесплезности» революционной борьбы. Да-

¹ «Филм Калчер», 1956, № 2/8.

же в фильме «Да здравствует Сапата!», где сочувственно изображены вождь мексиканской революции Сапата и народ Мексики, «доказывается» бесплодность народных движений.

Но как бы Казан ни «трактовал» и ни «объяснял» причины уродств современной жизни, действительность, факты говорят зрителю сами за себя. Красноречиво говорят они и в фильме.

«Лицо в толпе», пожалуй, самый интересный фильм Э. Казана.

Сценарий «Скованные цепью» написан Гарольдом Джекобом Смитом совместно с актером и писателем Н. Янгом, уже давно попавшим в голливудские «черные списки» и выступающим под псевдонимом Натана К. Дугласа. Авторам этого сценария была присуждена премия Академии киноискусств и наук и премия нью-йоркских критиков за лучший, оригинальный сценарий года. Под давлением общественности Н. Янг получил премии, хотя по существовавшему положению он, как человек, состоящий в черном списке, не имел на это права.

«Скованные цепью» наиболее значительный антирасистский сценарий последнего времени. Так же как и знаменитая телефильма Р. А. Ауртура «Человек десяти футов ростом», переделанная автором в сценарий и поставленная в 1954 году Мартином Риттом («На окраине города»), — «Скованные цепью» не только разоблачают американский расизм, но и создают образ негра, который благодаря своим высоким душевным качествам помогает белому товарищу вернуть утраченное благородство и любовь к людям.

Взаимная ненависть «скованных цепью» — белого и черного — превращается во время тяжелых испытаний в дружбу, которая раскрывает высокие человеческие качества негра и белого.

Сюжет фильма можно рассматривать как аллегорию: в образе двух преследуемых героев, скованных одной цепью, показано, что опасности и трудности жизни требуют дружбы между людьми всех рас...

Опыт построения напряженного действия, накопленный голливудской детективной кинодраматургией, широко использован здесь при изображении тяжкого пути героев, преследуемых полицией.

Большое, может быть даже чересчур большое, внимание в сценарии уделяется изображению физического состояния героев и описанию обстановки их бегства. Но это не закрывает большой социальной темы.

* *
*

Постановка гуманистической картины «Двенадцать рассерженных мужчин», призывающей к честному судебному разбирательству, антивоенного фильма «Прощай, оружие!», картины «Лицо в толпе», раскрывающей

закулисную сторону американского телевидения, и антирасистского фильма «Скованные цепью» свидетельствует о тех изменениях, которые вопреки воле реакции происходят последние годы в Голливуде.

«Как и вся наша национальная культура, — пишет Джон Гоуард Лоусон, — Голливуд сейчас переживает период перелома. Он стал одной из арен, на которых ныне разыгрывается борьба противостоящих друг другу эстетических и социальных тенденций. Исход этой борьбы будет зависеть от общего положения не только в самой Америке, но и во всем мире»¹.

¹ Журн. «Иностранная литература», 1959, № 11, стр. 259.

В. КОЛОДЯЖНАЯ

Дяди Николс

ОСВЕДОМИТЕЛЬ

0

Вечер.
Окутанная густым туманом, пустынная улица в Дублине. Откуда-то несутся звуки скрипки и пение уличного певца. Сквозь туман с трудом пробивается слабый свет уличного фонаря. Его лучи падают на кирпичную стену, освещают афиши — и свежие, только что наклеенные, и уже превратившиеся в обрывки.

На углу кабачок, за ним еще одна улица, лучше освещенная. На другом ее конце — рыбная лавка-закусочная.

Из тумана, словно какая-то огромная глыба, выплывает нескладная фигура. Это Джайпо Нолен. В старой, видавшей виды шляпе, с истрепанным шарфом на шее, засунув руки в карманы, одинокий, бредет он в тумане, словно в дымке таинственного океана. На углу останавливается. Рассматривает наклеенное на стене небольшое объявление, освещенное косым лучом фонаря. На крупном, изможденном от лишений и голода лице Джайпо испуг и удивление.

Крупно: объявление. На нем чей-то портрет и текст:

«20 фунтов вознаграждения получит тот, кто сообщит о местонахождении этого человека, обвиняемого в подстрекательстве к мятежу против королевской власти.

Командир ирландских королевских отрядов
вспомогательной полиции.

город Дублин»

Неразборчивая подпись и знакомый портрет приковали внимание Джайпо. Он сразу узнал в «мятежнике» Фрэнка Мак Филиппа...

Его взгляд становится рассеянным, воспоминания уносят в прошлое. Возникшая в памяти Джайпо картина появляется на экране...

Фрэнк и Джайпо, щегольски одетые в военные костюмы, с кружками в руках стоят рядом, облокотившись на стойку бара. Видно, что Джайпо весело хохочет. Но смеха не слышно. До нас по-прежнему доносятся лишь звуки скрипки и песня уличного певца...

Джайпо все еще смотрит на объявление... Поднимает руку... В кадре: большая рука Джайпо срывает объявление со стены. Теперь там белеют лишь отдельные неровные кусочки бумаги. Они как бы образуют рамку.

Злобно смотрит Джайпо на объявление, зажатое в руке... С яростью бросает его на тротуар... Еще больше сгорбив свои широкие плечи, глубже засунув руки в карманы, он идет, окутанный туманом, все дальше и дальше... Проходит под фонарем, заворачивает за угол, выходит на другую улицу.

А объявление, подхваченное ветром, катится за ним по тротуару, словно его судьба.

Джайпо идет мимо мелочных лавчонок, минует рыбную закусочную... Слышнее становится музыка.

Излюбленный в районе кабачок. Возле него молчаливая разношерстная толпа. Все слушают слепого певца. Подходит Джайпо. С безучастным видом останавливается.

...По тротуару катится подгоняемое ветром объявление. Вот оно докатилось до ног Джайпо. Застряло здесь... Нечаянно Джайпо ногой отталкивает его. И снова с бесцельным видом, сгорбившись, идет... Опять останавливается. Вытаскивает из кармана смятую сигарету, чиркает о ноготь большого пальца спичку, закуривает.

В кадре: освещенное пламенем спички лицо Джайпо. Что-то привлекает его внимание. Он морщит лоб, бросает спичку. Торопливо затягивается и тут же выпускает большой клубок дыма.

Витрина бюро путешествий. Возле нее стоит миловидная девушка лет 25—28. Это Кэт Медден. Туман и плохое освещение мешают разглядеть ее дешевый туалет, и она кажется нам хорошо одетой. Кэтти по-

глощена изучением реклам и объявлений, выставленных в витрине. В стекле слабо отражается красочный плакат с изображением огромного парохода и какой-то надписью. Кэтти не заметила, как к ней подошел щеголевато одетый мужчина. Незнакомец заговаривает с ней, но она не обращает на него внимания.

Несколько секунд Джайпо издали наблюдает за девушкой. Его лицо омрачается, когда он видит подошедшего к Кэт мужчину. Секунда раздумья... и он направляется к ним.

Все происходящее дальше мы видим из бюро путешествий через стекло витрины. Голосов не слышно.

Щеголеватый мужчина берет Кэт под руку. Они собираются уходить... Неожиданно к ним подходит Джайпо и хватается мужчину за руку. Кэт что-то кричит. Мужчина тоже кричит и угрожает Джайпо. Тот хватается его за отвороты пиджака, поднимает одной рукой, доносит до края тротуара и с необычайной силой швыряет на мостовую. И, не взглянув даже на свою жертву, отворачивается и подходит к Кэт, которая с протестующим и испуганным видом по-прежнему стоит возле витрины.

Перепуганный необычайной силой Джайпо, мужчина молча поднимается и уходит.

Возле Кэтти молча стоит Джайпо. Вид у него беспомощный и несчастный. Его длинные руки висят как плети. Он знает, что сейчас ему достанется.

Но в сердитых глазах Кэт сквозит любовь к этому нескладному парню... Она оглядывается. На секунду взгляд ее задерживается на заманчивом плакате паровой компании.

И этот яркий плакат и доносящаяся сюда музыка подчеркивают нищету и безысходное положение этих двоих...

Кэт. Какой смысл в этом, Джайпо? Я голодна и не могу уплатить за комнату. А у тебя ведь нет денег... да? *(Не дождавшись ответа.)* Я знаю, ты не умеешь разговаривать... Но не смотри на меня так. Ты ведь все, что у меня осталось! Ты — единственный... и ты знаешь это. Но как же нам выбраться из нищеты?.. *(Отворачивается. Подходит к витрине.)* Деньги!.. Некоторым людям везет... Посмотри... Они же смеются над нами!..

...В кадре: плакат паровой компании и преискурант — стоимость поездки в Америку... За кадром горький хохот Кэт и ее голос:

— Двадцать фунтов стерлингов — и мир ваш!

...Снова Кэт и Джайпо у витрины.

Джайпо (Кэт). Зачем ты это говоришь?

Кэт. Что? О двадцати фунтах?

Джайпо (хватает ее за руку). К чему ты клонишь?

Кэт (вырывая руку). Пусти, Джайпо! Что с тобой? (Не дождавшись ответа, с горечью продолжает.) Двадцать фунтов! Для нас это равно миллиону.

Джайпо (сердито). Иди получи двадцать фунтов с этого... которого я сейчас бросил в водосточный желоб.

Кэт (раздраженно). Джайпо, святая простота! Ты, наверно, слишком хорош для меня... Не так ли? Так позволь же тебе что-то сказать — и ты ведь не лучше других! Все вы одинаковы!

Джайпо (смущенно). Кэтти, ты не поняла меня!

Кэт (с горечью). Ну и живи себе со своими благородными принципами... а мне они не по средствам!

Порывисто отходит от Джайпо и направляется в ту сторону, откуда тот пришел.

Не привыкший много говорить, Джайпо не в состоянии выразить словами происходящую в нем душевную борьбу.

Он молча с тоской смотрит ей вслед... жалобно зовет:

— Кэтти!

Но она, даже не обернувшись, исчезает в тумане... Джайпо идет за ней.

На тротуаре валяется смятое объявление. Подхваченное ветром, оно снова, как злой рок, катится за ним... По-прежнему звучит печальная музыка.

Столовая в ночлежном доме. Это довольно большая комната, уставленная деревянными столами и скамьями. На столах, прикрепленные к ним цепочками, ножи и вилки. В углу большая угольная жаровня, на которой ночлежники готовят себе пищу. У одной из стен грубый прилавок. Это буфет, где можно купить готовую незамысловатую еду. Здесь докеры и другие рабочие, у которых нет другого приюта на ночь. Одни уже едят, другие еще только готовят себе ужин.

У двери, выходящей в коридор, стоит Джайпо. В комнату то и дело входят новые ночлежники. Закончив ужин, многие куда-то уходят, потом снова возвращаются.

Не замечая ни сутолоки, ни толчеи, стоит Джайпо, прислонившись к стене, засунув руки в карманы. Он, не отрываясь, смотрит голодными глазами на еду. Достает из кармана смятую сигарету, чиркает спичку о ноготь большого пальца, закуривает. Сощутив глаза, напряженно куда-то смотрит.

Один из докеров закончил свой ужин. Бережно собрал оставленные на завтра продукты, положил их в один из шкафчиков и уже собрался запе-

реть его, когда к нему подошел приятель и попросил сигарету. Докер дал и, забыв запереть свой шкафчик, ушел вместе с ним.

Прищуренный взгляд Джайпо неотступно следует за докером. И как только тот скрывается в коридоре, Джайпо направляется к шкафчику. Пробует дверцу... Она легко открывается. Бросив быстрый вороватый взгляд по сторонам, Джайпо торопливо вынимает из ящика мясо и картошку и, подойдя к жаровне, проворно одновременно с другими ночлежниками бросает продукты в котел.

Крупно: пара мужских ног осторожно шагает по темному тротуару. По временам ноги останавливаются... Вот они приближаются к круглому светлому пятну. Это отблеск уличного фонаря. Шаги становятся быстрее...

Ноги продолжают свой путь... Продолжает свой путь по улице и объявление, сорванное Джайпо. И как только ноги вступают в освещенный круг, под башмак идущего попадает объявление...

Крупно: худая мужская рука поднимает объявление...

Человек в наглухо застегнутом плаще, в кепи разглаживает бумажку, собирает ее прочесть при слабом свете фонаря. Это Фрэнк Мак Филипп, чей портрет напечатан, за кого обещана награда...

Несколько мгновений Фрэнк смотрит на измятое грязное объявление. Его молодое, но уже изможденное и ставшее суровым лицо освещает ироническая улыбка. Скомкав объявление, он бросает его в водосток и осторожно продолжает свой путь под защитой тумана.

Фасад ночлежного дома. Оббитые, потрескавшиеся каменные ступени ведут к освещенной стеклянной двери. Над дверью вывеска: «Ночлежный дом Денбой». Опасливо оглядываясь по сторонам, Фрэнк медленно поднимается по ступенькам.

Но вдруг слышит мерный топот марширующих ног. Быстро сбежав с лестницы, Фрэнк притаился в углублении. Согнувшись, он стоит там, прислушиваясь к приближающимся шагам. Вот он сунул правую руку за пазуху. Вытащил револьвер...

Топот почти рядом... Из тумана показывается патруль. В его составе восемь солдат... Патруль быстро проходит...

...Фрэнк держит револьвер наготове. И лишь когда вдали замирают шаги патрульных, он прячет оружие и, не вынимая правой руки из-под плаща, снова начинает с опаской подниматься по ступенькам.

Прильнув лицом к стеклянной двери, Фрэнк видит пустой коридор. Убедившись, что путь свободен, он быстро открывает дверь и входит в ночлежку.

Столовая ночлежного дома. Сейчас в ней только Джайпо. Он сидит у стены за одним из деревянных столов и уничтожает дымящееся перед ним на оловянной тарелке мясо с картофелем. Один за другим отправляет он в рот огромные куски.

Джайпо уже собрался положить в рот очередной кусок, но рука его вдруг застыла в воздухе, челюсть обвисла... Перед ним за столом сидит вошедший бесшумно, как кошка, Фрэнк Мак Филипп.

С минуту Фрэнк молча смотрит на Джайпо, потом дружелюбно улыбается и протягивает руку. Но изумленный Джайпо сидит с раскрытым ртом, с застывшей в воздухе вилкой и не сводит глаз с приятеля, словно перед ним призрак.

Забавляясь удивлением Джайпо, Фрэнк слабо улыбается.

Фрэнк. Ты не узнаешь меня, Джайпо? *(Молчание.)* Впрочем, не удивительно... Мне повезло, что здесь я застал тебя.

Эти слова заставили Джайпо прийти в себя, и он протянул Фрэнку руку. Но поздоровался с опаской, словно боясь, что это все же не живой человек, а привидение.

В голове Джайпо вдруг проносится воспоминание об объявлении. Перед его глазами возникает портрет Фрэнка, который он видел сегодня... Но вот видение исчезает, и он снова отчетливо видит сидящего перед ним.

Фрэнк не понимает, что происходит с Джайпо. Сначала он удивленно к нему присматривается, потом удивление на его лице сменяется тревогой, правая рука невольно лезет под плащ. Приподнявшись, он бросает через плечо тревожный взгляд.

Фрэнк *(напряженно)*. Послушай, да что с тобой?

Все еще ни слова не говоря, Джайпо не спускает глаз с Фрэнка. Тот продолжает тихим, но полным тревоги голосом.

Фрэнк. Чего ты уставился на меня?

Словно стараясь сбросить с себя наваждение, Джайпо встряхивает головой. Его рука бессильно опускается на стол. Путаясь, он начинает говорить.

Джайпо. Ничего... ничего... Просто ты как снег на голову на меня свалился...

Фрэнк *(с облегчением, нервно смеясь)*. Да... я, кажется, научился прыгать из одного места в другое, узнав, что за мою голову назначена награда. Двадцать фунтов... Оказывается, вот сколько всего и стою-то я!

Из руки Джайпо падает вилка. Он неловко поднимает ее. С губ Фрэнка не сходит улыбка. Ею он старается прикрыть свое беспокойство.

Фрэнк. Шесть месяцев, мальчик, большой срок для того, кто скрывается, ночует в горах, страдает от холода, питается чем попало. И вот

я сказал себе: проберусь-ка в город, повидаясь с матерью, а потом опять скроюсь... и вот я здесь! (Склоняется над столом.) Ты передал ей мое поручение?

Подумав секунду, Джайпо кивает головой.

Фрэнк (нетерпеливо). Что сказала мать?

Прожевав и проглотив кусок, Джайпо наконец медленно заговорил. Голос у него резкий. Всякий разговор для него сопряжен не только с умственным, но и с физическим напряжением.

Джайпо. Она благословляла небо, что ты жив... Она с плачем вышла за мной и вложила мне в руку полфунта стерлингов... чтобы я передал эти деньги тебе... Но я не мог найти тебя... и я был так голоден, что истратил их.

Фрэнк (улыбается). Ах ты, увалень! Она дала их тебе. Она тебя любит, Джайпо, бог весть почему.

Перед глазами Джайпо снова возникает фотография Фрэнка на объявлении. Глаза его расширяются от ужаса. Встревоженный Фрэнк тихо, сразу охрипшим голосом спрашивает:

— Что с тобой? На что ты пялишь глаза?

Джайпо. Ничего, ничего, Фрэнк.

Фрэнк (с подозрением). Может, ты находишь во мне что-то странное?

Джайпо (смущенно). Нет... Видишь ли... (Что-то вспомнив.) Фрэнки, меня судил военно-полевой суд!

Фрэнк (удивленно). За что?

Джайпо (установившись в тарелку). Один «коричневый»... Евинкаведра... Мы тянули жребий, и я вытянул короткую спичку... Ну вот... я повез его на грузовике... а он попросил меня спасти ему жизнь (беспомощно), и я не мог его убить, Фрэнки... к тому же он поклялся мне, что уедет из страны... если я отпущу его.

Добродушно, с сострадательной усмешкой смотрит Фрэнк на приятеля.

Фрэнк. И ты поверил ему! (С интересом.) А что сказал командир Галлахер?

Джайпо (с горечью). Он чуть не убил меня, когда я вернулся... Они исключили меня из организации... (Мрачно глядя на свои огромные руки.) Теперь англичане думают, что я на стороне ирландцев, а ирландцы, что я на стороне англичан... а я из-за этого голодаю... и нет даже собаки, которая дружески лизнула бы мои брюки...

Фрэнк (качая головой). Ах ты, бедный глупец! И подумать только, какие дела мы делали вместе, какие препятствия преодолевали! (Добродушно.) Мы были хорошей парой, Джайпо, с твоими мускулами и моими мозгами. Когда мы попадали в беду, я придумывал, как вылезти из нее. Помнишь?.. А теперь, когда я оставил тебя, ты снова попал в беду. Я — твой ум, старина.

Улыбаясь, Фрэнк молчит несколько мгновений, словно вспоминает что-то хорошее. Затем, склонившись над столом и понизив голос, снова возвращается к настоящему.

Фрэнк. А сейчас я нуждаюсь в твоей помощи. Прежде всего я хочу знать, следят ли еще «коричневые» за моим домом?

Перед глазами Джайпо снова возникает призрак, который вот уже несколько часов неотступно преследует великана. Он молчит. Фрэнк нетерпеливо переспрашивает.

Фрэнк. Они все еще наблюдают за моим домом?

Джайпо (после паузы). Нет... с рождества перестали...

Лицо Фрэнка проясняется, он успокаивается, поднимается из-за стола и задумчиво кивает Джайпо.

Фрэнк. Ну, я пошел. Если мне удастся повидать Галлахера, я замолвлю за тебя словечко.

Почти весело поднимает с улыбкой руку:

— Да здравствуют повстанцы!

Быстро поворачивается и выходит из столовой, правую руку он держит за пазухой. Джайпо смотрит ему вслед. Перед его глазами снова возникает сорванное им объявление. Великан машинально поднимает руку и, как от надоедливой мухи, отмахивается от преследующего его призрака... Встает, собирается уйти, но, заметив оставшуюся на тарелке картофелину, останавливается, засовывает картошку в рот. Его челюсти медленно двигаются...

Погруженный в мрачные мысли, стоит Джайпо возле стола.

Темно. Туман. Фасад кирпичного двухэтажного здания казарменного типа. Здесь помещается штаб английской вспомогательной полиции. Здание погружено во мрак и из-за этого кажется зловещим. Освещены лишь два окна и входная дверь, возле которой стоят часовые.

Из тумана появляется Джайпо. Он медленно приближается к зданию. Подойдя к подъезду, нерешительно останавливается. В нем происходит борьба. Об этом говорит и его лицо — растерянное и жалкое — и нерешительность его движений. Вот, кажется, он уже решил пройти мимо... но вдруг резко останавливается и, как гонимый роком, повернув, бросается к двери.

Выступившие вперед часовые преграждают ему путь.

Джайпо. Я хочу видеть дежурного офицера.

Быстро оглядев Джайпо с головы до ног, перекинувшись взглядом друг с другом, часовые решают пропустить его. Один из них кивает:

Часовой. Идем!

Ярко освещенная комната в здании штаба.

В комнате человек десять инспекторов вспомогательной полиции. За столом несколько «коричневых». На всех шотландская военная форма — круглые шотландские шапочки с национальной эмблемой Ирландии — трилистником, черные мундиры, длинные брюки.

В сопровождении часового входит Джайпо. Взгляды всех обращаются на них. Часовой проходит в дальний конец комнаты, к столу, за которым сидит дежурный офицер. Он что-то пишет, не обращая внимания на подошедших. Джайпо стоит, не снимая шляпы. Наконец офицер, не поднимая головы и продолжая писать, резко произносит.

Офицер. Да?

С трудом, словно выдавливая из себя слова, Джайпо медленно начинает говорить осипшим голосом.

Джайпо. Я пришел за наградой... двадцать фунтов... которые обещаны за Фрэнка Мак Филиппа.

Рука офицера делает конвульсивное движение, он роняет перо и изумленно оглядывает стоящую перед ним огромную нескладную фигуру. Затем резко встает и отрывисто приказывает.

Офицер. Иди за мной!

Подходит к двери, открывает ее, пропускает вперед Джайпо и плотно прикрывает за собой дверь.

Улица.

Крупно: ноги марширующего отряда «коричневых»... Громкий стук шагов по мостовой... И снова туман и безмолвие пустынной улицы.

Комната в здании штаба. Но это уже другая комната. У письменного стола, согнувшись, сидит Джайпо. Он все еще в шляпе. Рядом с ним офицер. У стола стоят еще два офицера. На Джайпо никто не обращает внимания.

А он, устремив неподвижный взгляд на большие часы, прислушивается к грохоту марширующих ног. Внезапно топот сменяется рокотом грузовиков.

Шум моторов приближается, слышатся голоса. Свет фар падает на неподвижное лицо Джайпо.

Улица.

Пронсится один из грузовиков, шум которого был слышен в комнате.

В другой усаживается отряд вооруженных «коричневых». Затем и этот грузовик мчится вслед за первым.

Та же комната в здании штаба. Тишину нарушает лишь тикание часов.

Три офицера о чем-то разговаривают, тихо, почти шепотом. Их голоса еле слышны.

Джайпо по-прежнему сидит, устремив взгляд на часы. Он смотрит на равномерно раскачивающийся маятник.

Один из офицеров взглянул на Джайпо, что-то говорит о нем другим. Посоветовавшись, он ледяным тоном приказывает Джайпо.

Офицер. Сними шляпу!

Не сразу поняв, в чем дело, Джайпо растерянно мигает. И, наконец, разобрав, чего от него хотят, снимает шляпу, машинально свертывает ее и засовывает в карман. Торопливо вынимает сигарету, закуривает. Но не успевает он затянуться и одного раза, как офицер строго одергивает его.

Офицер. Здесь нельзя курить.

Вынув сигарету изо рта, Джайпо тушит ее и бережно прячет в карман.

Часы продолжают звонко отстукивать минуты... Джайпо смотрит на циферблат. Лоб его покрывается потом. Он машинально вытирает его руками.

Кухня в домике Мак Филиппов.

Большая, чистая комната с цементным полом. Сверкающая чистотой плита.

У плиты готовит ужин миссис Мак Филипп — старушка с приятным лицом, на котором оставили след прожитые годы и тяжелые испытания. Мэри, красивая девушка лет двадцати, что-то тихо напевая, кончает накрывать на стол.

Внезапно открывается дверь. Входит Фрэнк. Первой его видит Мэри. На ее лице — растерянность, испуг, радость. Девушка замирает на месте... Беспомощно повисают ее руки. Тарелка, которую она держала, падает на пол.

Плача от радости, миссис Мак Филипп с криком бросается в объятия сына.

Миссис Мак Филипп. Мой мальчик! Мой мальчик!

Фрэнк бережно обнимает мать, целует ее руки, лицо, волосы.

Фрэнк. Мама!

Другой рукой он обнимает радостно подбежавшую к нему Мэри:

— Мэри, дорогая!

Мэри. О, Фрэнки!

По лицу матери катятся слезы радости.

Миссис Мак Филипп. Благодарение богу, ты снова вернулся!

Фрэнк все еще держит в объятиях женщин и с улыбкой, нежно смотрит то на мать, то на сестру.

Фрэнк. Не благодари бога, мама, он здесь ни при чем. Это туман помог мне. Когда я пробирался сюда по темным улицам, он был мне лучшим другом и покровителем... (С любовью глядя на женщин.) Я так тосковал по дому, что готов был пройти посередине улицы О'Коннэль, лишь бы увидеть вас!..

Миссис Мак Филипп подводит сына к столу, заботливо усаживает его. Начинает что-то поспешно делать у плиты. Сестра ставит перед ним прибор.

Миссис Мак Филипп. Мой бедный мальчик, ты выглядишь совсем изголодавшимся.

Улеглись первые минуты радости... Мэри, не желая показывать своих опасений и не в силах их скрыть, поглядывает на брата.

Мэри. Фрэнки, ты не должен был сюда приходить. Для тебя это опасно.

Беззаботно улыбаясь, Фрэнк принимается за еду.

Фрэнк. Как не стыдно, сестра. Посмотри, у тебя уже вытянулось лицо! Не бойся! Как пришел, так и уйду, скрытый туманом. И никто меня не увидит!

Мэри (*с беспокойством*). Ты уверен, что тебя в городе никто не видел?

Фрэнк (*весело, с набитым ртом*). Никто, кроме моего старого друга Джайпо Нолена. Я должен был выяснить у него, следят ли еще «коричневые» за нашим домом.

Миссис Мак Филипп. Кушай, кушай, мой мальчик. Потом поговорим!

В комнате воцаряется тишина... И только тикание часов нарушает ее.

Улица. Ряд двухэтажных домиков. Среди них выделяется чистенький домик Мак Филиппов. Небольшая аллея ведет к заднему крыльцу.

За домом кладбище, огороженное оградой.

Примерно футах в двадцати от дороги — маленькая церковь.

За кладбищем еще один двухэтажный домик. Он беднее всех остальных. В нем, на самом верху, комната Кэт Медден, которую она здесь снимает.

Улица тонет в тумане. Виден лишь домик Мак Филиппов и дорожка к нему.

К дому с шумом подъезжают два грузовика. Останавливаются. «Коричневые» быстро выпрыгивают из машин. Один отряд торопливо направляется по дорожке к заднему крыльцу, другой занимает парадный вход.

Кухня в доме Мак Филиппов.

Ужин уже окончен. Миссис Мак Филипп возится у плиты. Фрэнк пьет кофе. Услышав шум на улице, он быстро ставит чашку, напряженно прислушивается.

Раздается громкий стук в парадную дверь. Фрэнк как ужаленный вскакивает. Мэри прикладывает ко рту руку, чтобы подавить крик. Миссис Мак Филипп в ужасе оборачивается.

Миссис Мак Филипп (*хрипло*). Мой мальчик!

Фрэнк. Тс-с-с!

Жестом он просит их не отвечать. Фрэнк внутренне весь подобрался, но внешне он спокоен. Из плаща, который он сбросил, когда садился за стол, Фрэнк вынимает револьвер, быстро подходит к двери.

Стук становится громче, настойчивее. Фрэнк резко поворачивается к женщинам и тихо приказывает им.

Фрэнк. Оставайтесь на месте! Это самое лучшее для вас!

Выходит в темный коридор, закрывает за собой дверь. Миссис Мак Филипп хочет что-то крикнуть ему, но Мэри хватается за руку, привлекает к себе, молча ласкает мать, стараясь ее успокоить.

Коридор.

Лестница на второй этаж.

Из двери бесшумно выскакивает Фрэнк. Быстро оглядывается. Поняв, что убежать ему уже невозможно, он тихо, на цыпочках, подходит к парадной двери, в которую ломятся «коричневые». С минуту стоит у двери с револьвером в руке.

Дверь начинает трещать. Фрэнк поворачивается и также тихо поднимается по лестнице. Не успевает он скрыться наверху, как дверь с треском валится и «коричневые» с оружием в руках врываются в коридор.

В ту же минуту распаивается дверь из кухни и оттуда выбегает Мэри в сопровождении матери. Им преграждают путь «коричневые».

Мэри (яростно). Его здесь нет! Убирайтесь вон!

Несколько человек, держа ружья наизготовку, начинают подниматься по лестнице.

Догадавшись, что сын наверху, трепещет от страха за его жизнь, миссис Мак Филипп в ужасе что-то кричит. Желая предупредить брата о близкой опасности, кричит и Мэри.

Мэри. Фрэнки, берегись! Они идут наверх!

«Коричневые» уже наверху. Раздается несколько выстрелов; услышав их, Мэри вскрикивает, как будто пуля пронзила ее сердце.

Мэри. Фрэнки! Фрэнки!

Шепча молитву, миссис Мак Филипп опускается на колени.

Наверху продолжают стрелять.

Комната наверху. Отстреливаясь, Фрэнк отступает к окну. Несколько «коричневых» падают под его выстрелами.

Добравшись до окна, Фрэнк перебрасывает через него ноги и повисает на левой руке. В правой держит револьвер.

Один из «коричневых» подбегает к окну, собираясь выстрелить в Фрэнка, но тот стреляет раньше и «коричневый» падает.

Крупно: левая рука Фрэнка, цепляющаяся за подоконник.

...Во дворе, под окном, неясно виднеются человек шесть-семь «коричневых». Они бегут к окну с поднятыми вверх ружьями. Но Фрэнк их не видит.

Раздается залп, и рука Фрэнка, дрогнув, сползает с подоконника.

Та же ночь...

Та же комната в штабе вспомогательной полиции.

У стола по-прежнему, устремив взгляд на громко тикающие часы, сбившись, сидит Джайпо. На его лице крупные капли пота.

Склонив друг к другу головы, тихо переговариваются три офицера.

Кажется, что часы начинают тикать быстрее и громче.

Раздается резкий телефонный звонок. Офицер за столом берет трубку.

Офицер. Штаб... Да?

Тикания часов больше не слышно.

Повесив трубку, офицер резко поворачивается к Джайпо.

Офицер. Можешь идти. Я выпущу тебя через заднюю дверь.

Как автомат, Джайпо с огромным усилием встает с места, поднимает руки и, словно в трансе, смотрит на ладони.

Крупно: большие руки Джайпо. Чья-то рука пододвигает ему на столе деньги.

Офицер (ледяным тоном). Здесь двадцать фунтов... можешь считать.

Не считая, Джайпо берет деньги, свертывает их трубочкой и машинально прячет в правый карман брюк.

Темная улица.

Черный ход какого-то здания... Это штаб...

Из двери выходит Джайпо. Как лунатик идет он по улице...

...Доносится стук палки о тротуар... стук приближается. Из тумана появляется слепой, ощупывающий палкой дорогу. Навстречу ему шагает Джайпо. Он ничего не видит и не слышит... наталкивается на слепого.

Испуганно вздрогнув, точно его уже уличили в содеянном, он издает нечленораздельный вопль, напоминающий вой животного, хватается слепого за горло...

Крупно: искаженное жестокостью и страхом лицо Джайпо.

Неожиданно Джайпо приходит в себя. Видит, что человек, которого он чуть не задушил, слепой. Несколько мгновений с интересом рассматривает его. Уже решает уйти, как вдруг какая-то новая мысль заставляет его снова недоверчиво посмотреть на слепого...

Наконец он нашел выход... С хитрой улыбкой Джайпо поднимает руку и машет ею перед глазами слепого. Убедившись, что тот на это никак не реагирует, Джайпо успокаивается — человек действительно слеп. Оттолкнув его, он торопливо скрывается в тумане. С минуту слепой стоит покачиваясь, стараясь восстановить дыхание. Немного оправившись, кричит глухим, полным ненависти голосом.

Слепой. Будь ты проклят!

Нашупав палку, которую выронил, когда Джайпо схватил его, слепой продолжает свой путь... Он идет в том же направлении, куда скрылся Джайпо. И стук палки о тротуар сопровождает его.

Та же ночь. Улица.

Как раз то место, где мы впервые увидели Джайпо. Он идет, глубоко засунув руки в карманы. Приближается к фонарю на углу.

В правой руке у него зажаты только что полученные деньги. Он усиленно старается что-то уразуметь, но это плохо ему удается...

Сзади раздается постукивание палки слепого.

Дойдя до освещенного угла улицы, Джайпо останавливается. Инстинктивно, словно чего-то пугаясь, прячется от света.

В нерешительности стоит у кирпичной стены, прислоняется к ней. Оставшиеся на стене клочки недавно сорванного им объявления о награде за выдачу Фрэнка Мак Филиппа как бы образуют рамку вокруг его головы.

Стук палки слепого становится громче.

Внезапно мысли Джайпо проясняются. Он вспоминает это место. Повернувшись к стене, смотрит туда, где было приклеено объявление. На какое-то мгновение оно встает перед его глазами...

Снова Джайпо издает тот же, похожий на вой нечленораздельный звук, который мы недавно слышали. На лице у него выражение дикого страха, загнанности...

Метнувшись в сторону, он почти бежит и, словно растаяв в густом тумане, скрывается за углом... Все громче стук палки слепого... Вот он почти рядом... Наконец из тумана появляется и сам слепой. Он направляется к кабачку...

Через вертящиеся двери в кабачок торопливо входит Джайпо. Расталкивая посетителей, подходит к стойке.

Д ж а й п о (хрипло). Виски!

Хозяин кабачка недоверчиво смотрит на него. Джайпо осторожно вынимает из кармана правую руку и бросает на стойку бумажку в фунт стерлингов. Он не спускает с нее глаз, пока хозяин наливает ему виски. Залпом опрокинув стакан, кричит:

— Еще один!

Кабатчик снова наполняет стакан. Не дожидаясь сдачи, Джайпо берет стакан и садится за ближайший столик. Он сидит, оперевшись о колено рукой, устремив неподвижный взгляд на стакан. Вид у него подавленный, на лице мучительное напряжение — человек хочет собрать мысли, а они разбегаются, хочет что-то решить... и не может.

Из-за окна доносится пение. В окне, позади Джайпо, виден уличный певец...

К окну подходит Кэт Медден. Прижав лицо к стеклу, она кого-то ищет. Увидев Джайпо, сидящего вполоборота к окну, направляется к двери.

Кабачок.

За столом одиноко сидит Джайпо. Не двигаясь, не отрывая глаз от стакана, он сначала беззвучно шевелит губами, потом что-то бормочет и, наконец, уже внятно произносит:

— Я должен все обдумать... разработать план...

И вдруг он отчетливо слышит голос Фрэнка. Тихо, но отчетливо тот повторяет слова, сказанные им Джайпо при последней встрече.

Голос Фрэнка. Я твой мозг, старина. Без меня ты не можешь думать...

Слышится смех... Джайпо вздрагивает, как от удара кнута. Округлившись от ужаса глазами он смотрит перед собой, как бы ожидая, что перед ним появится живой Фрэнк...

...В кабачок входит Кэт. Подходит к Джайпо и нежно кладет ему на плечо руку.

Кэт. Хелло, Джайпо!

Вздвогнув, Джайпо вскакивает, задевает стакан. Стакан опрокидывается. Виски разливается по столу.

Перепуганный Джайпо несколько мгновений пустыми глазами смотрит на Кэт. Наконец приходит в себя. Смущенный, что его застали врасплох, он недовольно спрашивает:

— И чего ты крадешься сзади?..

Кэт садится. Подозрительно оглядывает его.

Кэт. Я всюду искала тебя.

Боясь, что он выдал себя, Джайпо держится несколько натянуто. Усаживаясь на свое место, он подозрительно оглядывает Кэт. Но в ее глазах, обращенных к нему, он читает только любовь и нежность.

Кэт. Прости меня. Я вовсе не хотела тебя пугать. Ты же знаешь, я люблю тебя... Одного тебя... (Горько.) Порой дохожу до такого состояния, что перестаю понимать, что делаю.

Ее слова звучат для Джайпо упреком. Ему хочется ей все рассказать... Склонившись над столом, он хватается Кэт за руку и выпаливает:

— Понял!.. Я это для тебя сделал!

Удивленно, не понимая, о чем он говорит, Кэт смотрит на него.

К столу подходит хозяин кабачка и со звоном бросает на стол несколько монет.

Хозяин кабачка. Ты позабыл о сдаче, парень.

На деньги Джайпо смотрит так, как будто видит их первый раз. Кэт тоже с изумлением смотрит на деньги.

Кэт. Джайпо! Откуда у тебя деньги?.. О боже!

Джайпо поднимает глаза на нее, затем снова опускает их на деньги.

Его опять охватывает страх. Ему кажется, что на каждой монете печать его преступления. Пропадает желание рассказать все Кэт. Он ни слова не может произнести и лишь тупо смотрит на деньги... И в душе у него снова нарастает страх...

Далекая от мысли о чем-нибудь дурном, Кэт осторожно касается монеты, как бы боясь, что она может исчезнуть.

Кэт. Подумать только!.. Не больше часа назад у тебя в кармане не было ни пенини! (*Улыбаясь ему.*) Может, кто-нибудь умер и оставил тебе горшок с золотом?

Джайпо (*вздвигнув*). Зачем ты говоришь так?

Кэт (*улыбаясь*). А может быть, ты ограбил церковь или что-нибудь другое?

Неожиданно это наталкивает Джайпо на какую-то мысль. С трудом выдавливая из себя слова, он соглашается:

— Правильно!..

Свое предположение Кэт высказала в шутку. Теперь, услышав ответ Джайпо, она сначала немеет от удивления, потом испуганно спрашивает:

— Ты действительно ограбил церковь?

Джайпо (*тяжело дыша*). Нет... не церковь... матроса с американского парохода.

Кэт (*испуганно*). Тс-с-с-! Не так громко!

Понизив голос, Джайпо торопливо рассказывает о своих мнимых похождениях.

Джайпо. Я натолкнулся на него у таверны Кассиди... на улице Диоромы... Он был мертвецки пьян... (*Внезапно испугавшись.*) Но если ты кому-нибудь скажешь хоть одно слово... накличешь на меня беду...

Кэт (*улыбаясь*). Кто? Я? За кого же ты меня принимаешь? Что я, доносчица, что ли?

Это слово оказывает совершенно неожиданное действие на Джайпо. У него чуть не вылезают из орбит глаза... он грубо хватая Кэт за руку и изо всех сил сжимает ее...

Джайпо (*резко*). Почему ты говоришь о доносе?... Кто доносчик?..

Кэт вскрикивает от боли. С обидой и в то же время жалобно, словно прося пощады, произносит:

— Джайпо!..

Джайпо (*яростно*). Не смей говорить этого, слышишь!.. Как раз ты-то и не имеешь права говорить об этом!

Испуганная Кэт плачет от боли и обиды.

Кэт. Джайпо, прости меня!

Ее восклицание привлекает внимание хозяина кабака.

Явно недовольный, он направляется к их столу.

Хозяин кабака. Что такое здесь происходит?

Джайпо отпускает руку Кэт. На хозяина он смотрит с опаской и злобой, словно перед ним стоит враг...

Впрочем, весь мир теперь населен врагами Джайпо, врагами, которых он раньше не знал.

Кэт. Все в порядке, Барней!.. Не трогай его. Он не хотел обидеть меня.

В недоумении хозяин пожимает плечами, берет со стола пустой стакан.

Хозяин ка ба ч ка. Что подать?

Д ж а й п о. Виски!

Взяв со стола одну из монет, хозяин уходит. Кэт не понимает, что происходит с Джайпо. С тревогой она смотрит на него, стараясь разгадать, о чем он думает.

И Джайпо это понимает. А поняв, пугается... Значит, и Кэт его враг...

Поспешно собрав со стола монеты, Кэт кладет их в руку Джайпо. Умолющим тоном уговаривает.

Кэт. Пойдем, Джайпо... Давай уйдем отсюда! Пойдем ко мне. У меня хороший огонь в печке... (Не получая ответа.) У меня тепло. Прошу тебя, пойдем, Джайпо!

Хозяин приносит очередной стакан и кладет на стол сдачу. Джайпо залпом выпивает. Кэт встает.

Кэт. Дорогой мой, пойдем!

Машинально, как будто повинувшись чужой воле, встает и Джайпо. Со звоном опускает он деньги в карман брюк.

Улица, где расположен кабачок. Туман.

Все еще звучит музыка. Свет из окна трактира слабо освещает тротуар.

Из вертящихся дверей кабачка выходят Джайпо и Кэт. Под окном стоит слепой, прося милостыню. Как ребенка, Кэт ведет Джайпо за руку. Поравнявшись со слепым, Джайпо останавливается. Разглядывает его. Начинает дрожать, словно от озноба. Сует руку в карман и, достав деньги, бросает их в шляпу слепого.

Кэт (ошеломленная). Джайпо! Ты дал ему целый фунт!

Сжимает его руку, как бы пытаясь заставить очнуться и взять обратно бумажку, но Джайпо, словно не слыша, идет, таща за собой Кэт. Внезапно резко останавливается и со стоном бьет себя рукой по лбу.

Д ж а й п о. А-а-а! Почему же я об этом не подумал!.. Они будут удивляться, почему я не там до сих пор...

С тревогой и жалостью Кэт смотрит на него.

Кэт. Джайпо, дорогой, в чем дело? Что случилось?

Вспомнив, что она рядом, а он вслух говорил о своих тревогах, Джайпо пытается успокоить Кэт.

Д ж а й п о. Да так, ничего... ничего!

Кэт (нежно). Пойдем ко мне. Я напою тебя чаем!

Тянет его за руку, стараясь сдвинуть с места. Но он, погруженный

в свои мысли, стоит как пригвожденный... И вдруг торопливо, с усилием, еле разжимая стиснутые зубы, начинает уговаривать ее.

Джайпо. Я забыл... Ты иди, Кэт!.. (Нетерпеливо). Не смотри на меня так... Я приду к тебе, как только освобожусь.

Резко поворачивается и идет обратно — мимо кабачка, мимо слепого, мимо уличного певца... Наконец исчезает в тумане.

Взволнованная Кэт растерянно смотрит ему вслед, пока он не скрывается из виду. Затем поворачивается и, сразу поникшая, обессиленная, продолжает свой путь.

Та же ночь.

К дому Мак Филиппов идет Джайпо.

Перед домом, расплываясь в тумане, стоит толпа.

Убийство Фрэнка взбудоражило весь квартал. Мимо двери одного из соседних домов торопливо проходит Джайпо. Его окликает чей-то голос.

Голос. Эй!

Остановившись, Джайпо сердито кричит в ответ:

— Это кого же вы зовете?

На свет из глубины двери выходит маленькая старушка в опрятном фартуке. Она с любопытством смотрит на Джайпо, горя желанием поболтать о происшествии.

Старуха. Ах, это вы, мистер Нолен? А я думала, что это угольщик Джим Дельней... хотела посоветоваться с ним о моем горле. Я простудилась две недели назад...

Не слушая, что она скажет еще, Джайпо отворачивается и продолжает свой путь.

А вслед ему несется голос назойливой старухи.

Голос старухи... когда мыла полы в Клонтарфе. И до сих пор простуда не проходит. Наоборот, мне становится все хуже. Доктор говорит...

Наконец голос старухи теряется среди голосов толпящихся у дома Мак Филиппов людей.

У фонаря перед домом Мак Филиппов человек двадцать-тридцать.

Из неразборчивого говора толпы то и дело выделяется ясно различимое слово «доносчик».

— «Доносчик»... «Доносчик»... «Осведомитель»... «Предатель»...

Слышится то здесь, то там... Одни произносят это слово с презрением, другие с негодованием, третьи со страхом. Но нет никого, кто сказал бы это страшное слово спокойно или равнодушно. Оно наполняет души ирландцев неукротимой ненавистью и страхом.

Джайпо чувствует это... И он, как чужой, не глядя по сторонам, пробирается в толпе. Подходит к двери домика Мак Филиппов. Выбитая «коричневыми» дверь еле держится на петлях.

У двери тоже толпится народ. Расталкивая людей, Джайпо пробирается к двери и скрывается в доме.

Коридор и кухня также переполнены народом.

Кухня в доме Мак Филиппов. Две раскрытые настежь двери. Одна ведет в коридор, другая — в комнату. Там сейчас лежит тело Фрэнка.

В кухне тесно от набившихся сюда соседей. Заняты не только все стулья, но и ящики. Кто-то примостился даже на старом чемодане. Выразить свое сочувствие Мак Филиппам пришли и торговец бакалеей с женой, и шофер Джон Кенна с женой, и многие другие соседи.

Миссис Мак Филипп сидит у огня. В ее выпуклых голубых глазах застыла тоска. По морщинистым щекам катятся слезы. Она безучастно смотрит на огонь и, беззвучно шепча молитву, механически перебирает черные деревянные четки. За ее стулом стоит Мэри. По временам она ласково гладит плечо матери.

Глаза Мэри сухи. Гордость мешает ей выставлять напоказ свое горе, — горе, от которого сердце готово разорваться.

Собравшиеся шепотом переговариваются друг с другом. Время от времени кто-нибудь подходит к миссис Мак Филипп, смотрит на ее склоненную седую голову, на ее застывшую в отчаянии фигуру и тихо произносит слова сочувствия. Даже не взглянув на говорящего, едва ли поняв смысл сказанного, она в ответ лишь слабо кивает.

В дверях кухни появляется неуклюжая фигура Джайпо. Лицо его похоже на маску. Оглянувшись и не найдя свободного стула, Джайпо садится прямо на пол, неподалеку от двери. Охватив колени руками, он сидит неподвижно, как изваяние.

Среди собравшихся выделяются двое мужчин.

Это Баргли Мульхолленд и Томми Коннор. Оба члены тайной организации Ирландской республиканской армии, во главе которой встал командир Дан Галлахер. Они не разговаривают, не оглядываются с любопытством, как другие. Патриоты сидят с хмурыми лицами, глядя прямо перед собой. Особенно мрачный вид у Мульхолленда. Судя по внешности, у него суровый нрав. Коннор, наоборот, добродушный парень, не способен обидеть даже муху. До восстания он был школьным учителем.

Острый взгляд Мульхолленда останавливается на Джайпо.

В добрых глазах Коннора боль по умершему. Он то и дело бросает взгляд, полный сострадания, на миссис Мак Филипп. Через дверь в комнату виднеются свечи, оттуда доносится непрерывное бормотание молящихся. Там, в комнате, собирают в последний путь умершего. Это священный обряд, и потому даже у тех, кто непосредственно в нем не участвует и не видит сейчас покойника, — на лицах подобающее случаю благоговейно-торжественное выражение, а в глазах — испуг и смятение.

Лишь Джайпо по-прежнему сидит с неподвижным, как маска, лицом.

Вот он начинает внимательно изучать присутствующих. Сначала его взгляд останавливается на Мульхолленде, затем на Конноре, потом задерживается на Мэри и, наконец, впивается в мать Фрэнка.

Как загипнотизированный, смотрит Джайпо на миссис Мак Филипп. Он вспоминает, какая хорошая она женщина, как всегда была добра к нему. И по мере того как в душе у него пробуждается и растет жалость к ней, его глаза раскрываются, смягчается взгляд, а перед глазами проносятся иные картины, далекие от происходящего сейчас здесь.

Та же кухня Мак Филиппов. Все в ней чисто прибрано. У кухонного стола сидит Джайпо и накладывает себе в тарелку какую-то еду...

...Ласково похлопывая Джайпо по плечу, миссис Мак Филипп настойчиво сует ему в руку деньги...

...На снегу у небольшого могильного камня стоит коленопреклоненная миссис Мак Филипп.

Крупно: лицо Джайпо, устремившего взгляд на миссис Мак Филипп. В глазах великана слезы. Он понимает, что должен ей что-то сказать, произнести какие-то слова утешения...

Пытается сделать это, но слова застревают в горле. Перехватывает дыхание... Наконец, глубоко вздохнув, неожиданно громко Джайпо заявляет: Джайпо. Я сочувствую вашему горю, миссис Мак Филипп.

Это похоже на крик. Все вздрагивают. Оборачиваются. Смотрят на Джайпо.

От неожиданности Мульхолленд и Коннор вскакивают со своих мест. Удивленные и немного обеспокоенные выходкой Джайпо, смотрят на него.

Лишь миссис Мак Филипп продолжает неподвижно сидеть. Лицо Мульхолленда становится еще более суровым. Он подходит к Джайпо.

Мульхолленд. Что ты кричишь!.. Ведь там идет отпевание...

Не отвечая, Джайпо смотрит на него. Миссис Мак Филипп, слегка повернув голову, мягко просит.

Миссис Мак Филипп. Оставь его, Бартли... Он был другом моего покойного мальчика.

И снова углубляется в свою молчаливую молитву.

Растерявшись от неожиданной защиты, Мульхолленд в замешательстве смотрит на Джайпо. Сердито бормочет:

— Все равно... мог бы проявить хоть немного уважения к мертвому.

До сознания Джайпо доходит не смысл слов Мульхолленда, а его тон. Его охватывает страх.

«Так, значит, он тоже мой враг», — проносится у него в голове. Внезапно появляется желание ударить Мульхолленда. Джайпо порывисто вскакивает.

От резкого движения из кармана его брюк выпадает несколько серебряных монет и со звоном падает на каменный пол. Это сдача, полученная им в кабачке. Джайпо замирает на месте. У него напрягаются мускулы. Челюсти плотно сжаты. Теперь он убежден, что выдал себя. Ему кажется, будто, увидев эти монеты, все узнали о его преступлении, как если бы он признался в нем.

Однако никто из присутствующих, за исключением, пожалуй, Мульхолленда, не придает этому никакого значения.

Старый рабочий с морщинистым лицом наклоняется, чтобы поднять деньги, но Джайпо сердито останавливает его.

Д ж а й п о. Не тронь их!

Он толкает старика, и тот падает на колени.

Все с удивлением смотрят на Джайпо.

Ст а р и к (*извиняющимся тоном*). Я только хотел поднять их для тебя, Джайпо.

Не обращая больше на него внимания, Джайпо, наклонившись, торопливо подбирает монеты. Выпрямляется. Ну вот, он готов отразить любое нападение... Он знает, что здесь все его враги. ...Будь они прокляты!.. Пусть попробуют тронуть его!

Но, конечно, никто и не думает сражаться с Джайпо, хотя странное поведение разъяренного великана удивило всех. Словно загипнотизированные, раскрыв рот, они смотрят на него. Только Мульхолленд и Коннор, сощуриив глаза, следят за Джайпо.

Дикий, вызывающий взгляд Джайпо переходит с одного на другого. Задерживается на Мульхолленде и Конноре. Они стоят рядом, плечом к плечу, и внимательно наблюдают за ним.

Движимый необъяснимым порывом, Джайпо топает ногой, поднимает над головой руку и кричит:

— Клянусь всемогущим богом, я предупреждал его... говорил, чтобы он не подходил к этому дому!

На несколько мгновений в кухне воцаряется мертвая тишина. Лишь из соседней комнаты доносится бормотание молящихся. Присутствующих охватывает ужас.

Мульхолленд и Коннор о чем-то шепотом переговариваются. Затем Томми Коннор восклицает:

— Бог мой, дружище! Тебя же никто ни в чем не подозревает!

Все искренне подтверждают заявление Коннора.

Старый рабочий, пытавшийся поднять с пола деньги Джайпо, взволнованно кладет ему на плечо руку.

Ст а р ы й р а б о ч и й. Конечно! Ведь все хорошо знают, что ты и Фрэнк...

Но Джайпо ничего не видит и не слышит... Не отдавая отчета в своих поступках, он поспешно подходит к миссис Маг Филипп. Стоит перед ней... Медленно поднимает руку к голове... снимает шляпу...

Проделывает все это он бессознательно. Пытается заговорить... не может... ему мешает комок, который стоит у него в горле. Издает какой-то нечленораздельный звук. И вдруг протягивает миссис Мак Филипп деньги.

Д ж а й п о. Вы всегда были так добры ко мне... Я сочувствую вашему горю...

Кладет монеты к ней на колени.

Секунду миссис Мак Филипп молча смотрит на деньги и вдруг разражается громкими рыданиями.

Джайпо сует руку в правый карман брюк. Нащупывает там пачку банкнот — восемнадцать фунтов стерлингов. У него возникло желание отдать и их, но он вовремя опомнился. Резко повернувшись, Джайпо поспешно идет к выходу. Обо что-то споткнувшись и чуть не упав, он опрометью выбегает на улицу.

В кухне слышны его тяжелые шаги. Все с изумлением смотрят ему вслед. Столь странное поведение Джайпо соседи объясняют его тоской о погибшем Фрэнке. Но иначе думают Бартли и Том. Обменявшись многозначительным взглядом, они, не сговариваясь, бросаются вслед за Джайпо.

Вслед им несутся громкие рыдания матери, ласковый голос Мэри, нежно успокаивающей ее, и бормотание молящихся.

Улица. В тумане видна фигура Джайпо. Он поспешно, как бы стараясь убежать от своего страха, удаляется от дома Мак Филиппов. Внезапно из тумана до него доносится окрик Тома Коннора.

Т о м. Эй, Джайпо!

Услышав этот голос, Джайпо съезживается, как от удара кнута, и сразу же останавливается. Не оборачиваясь, стоит.

К нему быстро подходит Том. Джайпо слегка поворачивает голову и воинственно смотрит на него. Руки Тома засунуты в карманы военной куртки. Он добродушно говорит.

Т о м. Куда ты так торопишься, дружище?

Д ж а й п о (со злостью). Кто торопится? С чего ты взял, что я тороплюсь?

Т о м. Не ори так на меня, мальчик! У нас свободная страна, и, задавая вопрос, каждый может рассчитывать, что в ответ услышит не грубость, особенно от старого друга!.. (Мягко.) Ты теперь работаешь?

Д ж а й п о (вызывающе). Нет!

Не зная, как задобрить и расположить к себе Джайпо, Том, переминаясь с ноги на ногу, продолжает ласково убеждать его.

Т о м. И чего ты так смотришь и кричишь на меня, словно я тебе враг. Ведь не будешь же ты злиться на нас с Бартли за то, что мы подружески принимаем в тебе участие... ну, хотя бы в память того, что когда-то и ты, так сказать, тоже был таким... как и мы.

Джайпо охватывает неудержимая дрожь. Но, как бы не замечая действия своих слов, Том продолжает.

Том. Но сейчас, кажется, ты не нуждаешься?.. У тебя есть деньги, Джайпо?!

Пальцы Джайпо, как железные клещи, впиваются в горло Тома. Тот пытается вырваться, но в лапах силача он беспомощен, как ребенок.

На искаженном страхом и злобой лице Джайпо садистское удовольствие.

Том задыхается, хрипит... Вокруг них начинается толпа. Кажется, сейчас Джайпо прикончит Тома...

У двери домика Мак Филиппов стоит Бартли Мульхолленд. Он внимательно смотрит в ту сторону, где скрылся Джайпо. Видит, как его догнал Том. Недоумевает, почему парни вдруг полезли в драку... Поняв, что Тому грозит опасность, Бартли срывается с места и с криком бросается на помощь другу.

Подбегает Бартли Мульхолленд, хватая Джайпо за руку и, собрав все силы, старается удержать великана.

Отбросив, словно мешок, Тома в сторону, Джайпо всем корпусом поворачивается к Бартли. Упершись в землю ногами, выставив вперед голову, он выжидает, сердито глядя на Мульхолленда.

Бартли. В чем дело, ребята? (*Обращаясь к Джайпо.*) Скажите, бога ради, что с вами?

Успевший уже подняться на ноги, Том старается отдышаться. Услышав вопрос Бартли, сердито кричит.

Том. Я ничего не сказал ему, Бартли. Я только спросил...

Его прерывает злобный рев Джайпо.

Джайпо. Ты лгун!.. Вы оба подозреваете меня!.. Я вас хорошо знаю... Тебя, Бартли Мульхолленд... и тебя, Том Коннор. Вы правая рука командира Галлахера, и я...

Но, быстро вынув из кармана куртки револьвер, Бартли подносит дуло вплотную к боку Джайпо и тем самым заставляет его замолчать на полуслове.

Бартли (*свирепо*). Заткнись сейчас же!.. Ты что, с ума сошел? Не видишь, что ли, что люди слушают нас?

Не глядя на револьвер, Джайпо пренебрежительно отстраняет его от себя. Сердито ворчит.

Джайпо. А вам нечего подозревать меня.

Посмотрев с опаской на собравшихся зевак, Бартли тихо, но решительно говорит:

— Пойдем с нами, Джайпо. Давай пойдем отсюда!

Д ж а й п о (ворчливо). Не пойду.

Т о м (тихо). Тебя хочет повидать командир Галлахер.

Эти слова заставляют Джайпо вздрогнуть. Повернувшись к Тому и с вызовом глядя на него, он резко заявляет.

Д ж а й п о. А я не пойду!

Б а р т л и. Пойдем, дружище, он же не съест тебя!

Д ж а й п о молчит. Не дождавшись ответа, Том добавляет:

— Ты что, боишься командира?

Д ж а й п о (яростно). Еще не родился такой человек, которого бы я боялся... Пойдемте!

И, не говоря больше ни слова, он поворачивается и идет, уверенный, что Том и Бартли последуют за ним. И действительно, друзья, встав по бокам, шагают с ним в ногу.

Так и шагают по улице трое, и Джайпо возвышается между ними как великан... Шагают, пока не скрываются в тумане...

Небольшая комнатка с неоштукатуренными кирпичными стенами.

Комнатка голая, почти пустая. На одной из стен горит газовый рожок. На столе у камина бутылка с воткнутой в нее свечой. Здесь же бутылка виски, полдюжины маленьких стаканчиков и большой стакан для воды. На столе в беспорядке разбросаны бумаги. Лежит шляпа. В камине горит огонь. Одна из стен занята винтовками.

У стола сидит молодой человек в военной форме, ему лет 25—30, но благодаря суровому выражению лица он кажется старше. Это Дан Галлахер. Озабоченно склонившись над столом, он тщательно заряжает револьвер. Лицо его серьезно и задумчиво.

Покончив с этим, Галлахер кладет револьвер в правый карман куртки, встает и хлопает по карману рукой, как бы желая убедиться, что пистолет на своем месте. Что-то ищет в другом кармане. Вытаскивает оттуда грязный, смятый кусок бумаги. Расправляет его, читает, как видно, уже не первый раз. На лице у него появляется выражение горечи.

Через плечо Галлахера мы видим, что это объявление о награде за поимку Фрэнка Мак Филиппа, сорванное Джайпо со стены. Печально, с горечью смотрит Галлахер на фото Фрэнка. Потом подходит к камину, комкает объявление и бросает его в огонь. Огонь вспыхивает ярче, языки пламени поднимаются и пожирают объявление, успевшее уже сыграть свою роковую роль...

Условный стук в дверь. Дан резко оборачивается, подходит к двери, отодвигает тяжелый засов и осторожно заглядывает в коридор. Увидев знакомых, широко распахивает дверь. В комнату входят Том Кошнор, Джайпо и Бартли.

Вошедший последним Бартли тщательно запирает дверь на засов.

Сделав несколько шагов, Джайпо останавливается посреди комнаты.

Светлые глаза Галлахера пристально рассматривают похожее на маску неподвижное лицо Джайпо.

Галлахер. Хэлло, Джайпо.

Не отвечая, Джайпо воинственно смотрит на своего бывшего командира.

Стоящий в стороне Бартли жестом показывает Галлахеру, что хочет что-то сказать ему. Тот подходит. Бартли шепчет на ухо Дану, глазами указывая на великана. Галлахер кивает головой, снова подходит к Джайпо, который внимательно и настроенно наблюдает за ними.

Галлахер. Садись, Джайпо.

Но тот не трогается с места.

Галлахер. Ты что, не рад меня видеть?

То же молчание. Галлахер продолжает задавать вопросы спокойно.

Галлахер. Ты на меня сердишься? Скажи, за что.

Джайпо. В мире нет такого, чего я бы не сделал для тебя, Дан Галлахер... а ты... отдал меня под суд и исключил из организации...

Галлахер. Ты нарушил дисциплину! Вся организацию подверг опасности! Ты правильно был отдан под суд, Джайпо! И если бы все зависело от меня, тебе не удалось бы так легко отделаться! Мне пришлось подчиниться... Я вынужден был считаться с мнением других... а они пожалели тебя...

Дан похлопывает по своему правому карману, где у него лежит револьвер. Джайпо понимает этот жест. Но ему страшен не револьвер. Он боится острого, испытующего взгляда Галлахера.

На его шее надуваются вены, глаза чуть не выкатываются из орбит, но он по-прежнему не может промолвить ни слова.

Напряженное молчание нарушает Дан. Голос у него, как всегда, ровный и звонкий.

Галлахер. Забудь это!.. Сейчас нас тревожит другое... Есть одно дело, которое касается одинаково всех нас... и тебя и нас... Не правда ли, ведь Фрэнк Мак Филипп был твоим другом?

Лицо Джайпо искажается болью и страхом. Он молча кивает головой. Не в силах оторвать глаз от Дана, как загипнотизированный смотрит на его лицо. И Дан сосредоточенно смотрит на Джайпо. В глазах командира видны острый ум и огромная сила воли, способная обуздать любого. Бартли и Том, стоя в стороне, внимательно наблюдают за Джайпо.

Спокойно и приветливо Дан говорит:

— Я хочу, чтобы ты помог нам... Все за то, что это дело рук доносчика. Мы должны найти его. Понятно?

По-прежнему не сводя глаз с Галлахера, Джайпо молча кивает в знак согласия.

Галлахер. У нас есть силы для борьбы против «коричневых», Джайпо. И мы победим их. Но мы не допустим, не можем допустить, чтобы в наших рядах был изменник! Человек, который знал о Фрэнке, знает слишком

много и может погубить всех нас. Предателю нет места среди нас. Он должен быть уничтожен! (Сурово.) И ты должен помочь нам найти доносчика, который послал на смерть твоего друга.

Тупое упрямство, недоверие, изумление и подозрительность можно прочесть в глазах Джайпо. По временам в его взгляде сквозит растерянность дикаря, испугавшегося, что он попался в ловушку. Он тяжело дышит, его лоб покрывают крупные капли пота.

Галлахер. Может, ты не согласен? Дело твое, конечно, но я лишь скажу одно: если ты нам не поможешь в этом, люди могут подумать...

Джайпо (запинаясь). Дело не в этом, но... послушай-ка, командир... Дело в том, что... (Хрипло кричит.) Дело в том, что я сам не понимаю, что делаю!

Галлахер (ласково). Что с тобой случилось, Джайпо?

Как будто прорвалась плотина и потоком хлынули слова.

Джайпо. Последние шесть месяцев я голодал... в этом все дело... Я шатался по городу... вы все проходили мимо меня, и никто из вас не сказал мне ни одного слова... как будто вы никогда даже не знали меня... Я кое-как перебивался на гроши, которые мне удавалось занять у моряков и докеров... У меня же нет денег... У меня ничего нет!..

И, словно сказав все слова, какие он знал, Джайпо замолкает. Он взволнован. Сунув руки в карман, он случайно дотрагивается до пачки денег. И как будто впервые обнаружив у себя эти деньги, Джайпо пугается. В его лице появляется что-то звериное. Да и весь он сейчас похож на дикого зверя, загнанного охотником.

Бартли и Том с удивлением смотрят на него. Только Галлахер остается спокойным. Его тронули слова Джайпо.

Галлахер (после паузы). Послушай, Джайпо. Я хочу заключить с тобой честный договор. В октябре из-за тебя нам всем угрожала серьезная опасность... Предположим теперь, что мы квиты. Мы согласны восстановить тебя в нашей организации, но при одном условии — если ты найдешь человека, предавшего Фрэнка Мак Филиппа.

Крупно: лицо Джайпо. Он с недоверием смотрит на командира.

Наплывом на это лицо находит новый кадр: на черном фоне три фигуры. Двоих мы легко узнаем — это Джайпо и Галлахер. Джайпо показывает пальцем на огромную, скорчившуюся у его ног фигуру без лица. Восхищенный Галлахер дружески обнимает Джайпо.

Видение исчезает...

Перед нами прежний Джайпо. Страх на его лице сменяется радостью.

Джайпо (взволнованно). Это правда?

Подозрения Галлахера о предательстве Джайпо начинают рассеиваться... Он кивает головой.

Галлахер. Да, Джайпо.

Бросившись к командиру, Джайпо хватает его руку и порывисто пожимает ее.

Джайпо (*торжествующе*). Договорились, Дан... Я же сказал тебе, что на свете нет вещи, которой я бы не сделал для тебя. (*С улыбкой, выпячивая грудь.*) Ну, а как насчет того, чтобы выпить за это?

Все так же недоверчиво за Джайпо наблюдают Баргли и Том. Дальнейшее поведение великана еще больше настораживает их. Они с удивлением смотрят, как он развязно подходит к столу, берет бутылку, наливает стакан и залпом опрокидывает его. Причмокнув от удовольствия, наливает себе второй.

К столу подходят остальные.

Джайпо. Вот это виски!

Том отбирает у него бутылку. По-видимому, даже не заметив этого, Джайпо весело предлагает:

— Выпей стаканчик, Том. За здоровье командира... выпей, а?

Неторопливо Том разливает виски по стаканам и подает их присутствующим.

В ожидании, что последует дальше, все стоят со стаканами в руках. Джайпо, снова смачно причмокнув губами, поднимает свой стакан и с сияющим видом говорит, обращаясь к Дану.

Джайпо. За твое здоровье, Дан!

С торжественным видом он подносит стакан к губам. И в этот миг перед его глазами возникает новое видение...

...На черном фоне появляются три фигуры, которые мы недавно уже видели. Но теперь у фигуры, скорчившейся у ног Джайпо, есть лицо. И мы видим, что это... лицо Джайпо. Видение быстро исчезает.

...На наших глазах с Джайпо происходит поразительная перемена.

Рука со стаканом опускается. Часть виски проливается... Однако ему удается взять seine в руки, и он за один глоток выпивает оставшееся в стакане виски.

Выхватив у Тома бутылку, Джайпо быстро наливает себе еще стакан и одним духом выпивает его. Все с изумлением наблюдают за ним. Том снова отбирает у него бутылку. Опять не заметив этого, не отдавая себе отчета в своих поступках, Джайпо механически берет из рук Галлахера его стакан и, опрокинув себе в рот виски, протягивает руку к стакану Баргли. Но тот отводит свою руку со стаканом. Джайпо тянется к стакану Тома. Боясь лишиться виски, тот торопливо выпивает его.

Том (*уставившись на Джайпо*). Что с тобой, дружище? Ты что, умираешь от жажды?

Джайпо (*задыхаясь*). Дай мне бутылку!

Берет у Тома бутылку, наливает большой стакан для воды и, держа его в дрожащей руке, подходит к камину.

Его поведение вызывает все большее и большее изумление.

Залпом осушив стакан, Джайпо резко поворачивается и, обращаясь к Галлахеру, как утопающий, схватившийся за соломинку, с отчаянием громко кричит.

Джайпо. Командир, я скажу тебе, кто донес на Фрэнка... Это сделал этот изменник... Муллиген.

Все трое поражены.

Бартли. Муллиген?!

Джайпо (*хрипло*). Это так же верно... как то, что ты стоишь передо мной!

Рука Бартли невольно опускается в карман куртки и крепко сжимает там револьвер. Все молча смотрят на Джайпо. Спокойный голос Дана прерывает молчание.

Галлахер. Откуда ты знаешь?

Джайпо. Сейчас все расскажу тебе, командир.

Подходит к столу, снова наполняет свой стакан. Обводит всех драматическим взглядом. Сейчас он торжествует в душе. Ведь ему в голову пришла такая замечательная идея! Теперь-то он оправдается!

Джайпо. Сам я не хотел начинать об этом, ребята... Твердой уверенности у человека никогда не бывает в такой штуке...

Выпивает и, обращаясь уже к одному Галлахеру, продолжает еще увереннее:

— Но ты натолкнул меня на это, командир...

Галлахер (*решко*). Живее! Выкладывай, что знаешь!

Но Джайпо невозможно заставить говорить. Чмокая от удовольствия, он выливает в рот остатки вина.

С сожалением глядя на дно своего стакана, он как бы вскользь роняет:

— И как я раньше не подумал об этом!

Задумчиво смотрит на Джайпо Дан. Последние слова заставляют его насторожиться.

Галлахер. О чем ты не подумал?

Доверчиво глядя на Дана, Джайпо многозначительно роняет:

— Да что Муллиген уже давно точил зубы на Фрэнка.

Галлахер. За что?

В душе Джайпо издевается над командиром, над его доверчивостью. Но внешне он ничем не выдает себя. Лишь в его взгляде временами мелькают недобрые огоньки да голос звучит напряженно и хрипло.

Джайпо. О, это длинная история!

Откашливается. Показывает на бутылку.

Джайпо. Ну, а как насчет этого, Дан?.. Там остался всего один стаканчик?!

Командир жестом разрешает ему выпить. Джайпо выливает в свой стакан остатки виски и с жадностью выпивает. Том с презрением смотрит на него.

Том. Бог мой, ты готов проглотить и бутылку!

Галлахер. Ну, а теперь продолжай, Джайпо! На что ты намекаешь?.. О какой обиде идет речь?

Но Джайпо и на этот раз не торопится продолжать. Причмокивая от удовольствия, он не спеша ставит на стол стакан и устремляет на Дана простодушный взгляд.

Джайпо. Ну, ладно... Помнишь его сестру Суэн?

Галлахер. Чью сестру?

Джайпо. Муллигена.

Галлахер (*негерпеливо*). Какое отношение она к этому имеет?

Джайпо (*торжествуя*). А почему бы ей не иметь? И даже прямого отношения?.. С ней произошла неприятность, и она сказала, что виновник — Фрэнк.

Галлахер. Никогда не слышал об этом!

Джайпо. И тем не менее это так! Ну, теперь ты понимаешь, почему Муллиген продал Фрэнка?

Вопросительно смотрит Галлахер на Бартли и Тома. Но на них заявление Джайпо, по-видимому, не производит впечатления. Джайпо чувствует, что ему не верят, поэтому он радостно хватается за новую мысль, промелькнувшую в его затуманенном сознании.

Джайпо. Послушайте еще!.. Сегодня вечером я видел, как он шел к штабу «коричневых».

Галлахер (*резко*). В котором часу это было?

Сморщив лоб, как бы припоминая, Джайпо не очень решительно говорит:

— Да... что-то около половины седьмого...

Все рассказанное Джайпо выглядит для Дана убедительно. Он вопросительно смотрит на Бартли. Но тот отрицательно качает головой. Том с еще большим изумлением смотрит на пьянеющего Джайпо, который с каждой минутой становится общительнее.

Джайпо (*оживленно*). Ну, так как же, командир?.. Принимаете меня обратно?

Несколько секунд Галлахер серьезно, как бы изучая, смотрит на Джайпо. Наконец твердо обещает.

Галлахер. Если твое заявление подтвердится, ты будешь принят обратно.

Обрадованный Джайпо с довольным видом протягивает ему руку. Но Дан делает вид, что не замечает ее.

Галлахер. Сегодня в половине второго ночи на оружейном складе состоится заседание нашего суда. Тебе надо туда прийти. (*Обращаясь к Бартли.*) Проводи его наверх и условься с ним о встрече.

Джайпо (*беспечно*). Бартли, приятель, ты найдешь меня у Кэти Медден.

Бартли (*отрывисто*). Хорошо.

Качаясь, Джайпо направляется к двери. У выхода он оборачивается и кричит громко и дружелюбно:

— До скорого свидания, друзья!

Щелкнув каблуками, отдает честь Галлахеру.

Выпроводив его, Том тщательно запирает дверь. Не успевает за Джайпо закрыться дверь, как встревоженный Бартли бросается к Дану.

Бартли. Это он, Дан! Клянусь жизнью, он!.. Он сделал это! Галлахер (с сомнением, качая головой). Он пьян.

Подойдя к столу, Том берет пустую бутылку и, опрокинув ее вверх дном, удивленно говорит:

— Чего там — пьян! Удивительно, как он еще на ногах держится.

Бартли (взволнованно). Не упускай его, Дан. Я убежден, что это он!..

Галлахер. Я обойдусь без ваших советов... Лучше расскажи мне, что там произошло.

Бартли (растерянно). Видишь ли... во время отпевания мы все сидели у матери Фрэнка. Туда пришел Джайпо... Сначала он сидел, как и все... а потом вдруг так закричал, что и мертвый мог проснуться...

Том (встревоженно). Правда, он вел себя очень странно!

Бартли. А когда я подошел к нему, чтобы сказать, что нельзя так вести себя, он вскочил и из кармана у него вывалились деньги. Он как сумасшедший схватил их и отдал миссис Мак Филипп.

Галлахер (удивленно). Что?!..

В волнении Том размахивает бутылкой.

Том. Это было ужасно... У меня мурашки по телу пошли...

Бартли (взволнованно). А потом, на улице уже, схватил Тома за шиворот и начал душить.

Галлахер. За что?

Том. Якобы за то, что я в чем-то обвинил его. Но я же не говорил ничего такого... Во всяком случае, ничего обидного...

Галлахер (что-то обдумывает). Нет, он просто пьян! (Меняя тон.) А как Мэри переживает смерть Фрэнка?

Том. Ее сердце разрывается от горя, командир, но держится молодцом... Она ждет тебя, Дан! Ты должен повидаться с ней.

Стиснув кулаки, Дан отворачивается и смотрит на огонь. Наконец, взяв себя в руки, уже спокойно обращается к товарищам. Лишь голос у него звучит немного более резко, чем обычно, да слова он выговаривает тщательнее, чем всегда.

Галлахер. Мне ясно одно, кто бы это ни был, мы должны уничтожить провокатора!.. Джайпо ли это... хотя я и не верю этому... Он ведь был другом Фрэнка, и никаких причин доносить на него у Джайпо не было!.. Или это Муллиген, хотя я сомневаюсь и в этом, или кто-либо другой (Сурово.) Кто бы это ни был, мы должны найти его сегодня же ночью... до наступления утра. Один предатель может погубить целую армию!.. Чтобы спасти свою жизнь, он заплатит любую цену, продаст всех... ставкой его сейчас стала наша жизнь, жизнь всех нас! Понятно тебе, Бартли?

Бартли (хмуро). Да!.. Понятно.

Галлахер. Тогда надо действовать! Следи за Джайпо. Ходи за ним по пятам. Узнай все, что сможешь. И ровно в половине второго приведи его на оружейный склад.

Бартли. Слушаюсь.

Галлахер. А ты, Том, отправляйся к капитану Кунлону. Он должен подготовить своих людей и задержать Муллигена. Об остальном я позабочусь сам. Ну, идите!

Том. Слушаюсь, командир.

По-военному, твердым шагом, Том и Бартли выходят из комнаты. Дан задумчиво смотрит им вслед... Берет со стола шляпу, нащупывает револьвер в кармане, оглядывает комнату, гасит газовый рожок и, погруженный в свои мысли, идет к двери.

Все та же ночь.

Улица. Густой туман. Доносится пение уличного певца.

Здание кабачка. Из дверей все время то входят, то выходят посетители.

Распахивается дверь, и на улицу с важным видом выходит Джайпо. Сделав несколько шагов, он издает воинственный клич.

Джайпо. О-о-о-о-о-о-о!

Случайные прохожие, услышав этот крик, останавливаются, заинтересованные, и окружают великана. То там, то здесь раздаются возгласы удивления, насмешки, одобрения.

Джайпо доволен, он считает, что разоблачение ему больше не грозит. Галлахер принимает его обратно в организацию!.. Конечно, это Муллиген донес на Фрэнка. Это он изменник, а Джайпо здесь ни при чем.

Все эти мысли проносятся в его одурманенной голове, и он верит, что так оно и было в действительности.

Шатаясь, Джайпо подходит к краю тротуара и снова испускает воинственный клич, словно вызывая на бой весь мир. Пусть-ка теперь посмеет кто-нибудь тронуть Джайпо Нолену?

Смолкает уличный певец... Толпа на тротуаре растет. Из закрывающихся кабачков выходят запоздалые посетители.

Расталкивая прохожих, Джайпо прокладывает себе путь к ярко освещенной двери с вывеской: «Рыбная закусочная Севольди». Столкнувшись с высоким худым человеком с сердитым лицом, Джайпо и его отталкивает в сторону. Человек делает сердитое замечание. Джайпо останавливается и свирепо смотрит на него. Вокруг них сразу же собирается множество любопытных.

Джайпо. Чего ты на меня глазищи лупишь?!

Человек с сердитым лицом (раздраженно). Да я и не смотрю на тебя!

Джайпо (с ревом). Ты врешь! Разве я не вижу, что ты на меня глазеешь?

Высокий худой человек сердито плюет в сторону и, выпятив вперед подбородок, надменно и поучительно произносит:

— Даже на короля кошка и то имеет право глядеть!

Д ж а й п о. Что ты там бормочешь насчет королей?

Высокий молчит. Это молчание сильнее, чем любые слова, раздражает Джайпо.

Д ж а й п о. Ты лучше ничего при мне не говори о королях. Ты, кажется, хочешь нарваться на неприятность?

Человек сердито грозит кулаком. И в ту же минуту огромный кулак Джайпо, как молния, опускается ему на голову, и тот как подкошенный валится на мостовую.

Толпа ревет от восторга. Джайпо подходит к лежащему без сознания человеку. С пьяным мычанием рассматривает его.

Д ж а й п о. Эй, ты! Вставай! Поднимайся сейчас же!.. Доносчик ты.. вот кто ты!..

Среди любопытных старуха с кувшином пива в руках. Вот она что-то заметила. Тревожно оглядывается. Кричит.

Старуха. Эй, парень. Берегись... берегись!

Джайпо еле держится на ногах. Он шатается... Но возглае старухи доходит до его сознания. Однако он ничего не успевает предпринять, как к нему сзади подходит полисмен и кладет на его плечо руку.

Полисмен. А ну-ка, идем со мной!.. Идем!..

Голос из толпы. Берегись, Джайпо!.. Это Мелони Скреппер!

Полисмен — огромный детина. Он мог бы легко справиться с Джайпо. Но тот, чувствуя, что ему грозит опасность, бросается на полисмена. Сцепившись, мгновение они стоят неподвижно. Затем Джайпо, собравшись с силой, с ревом перебрасывает полисмена через голову. Тот летит на бульжную мостовую и, перевернувшись в воздухе, словно мешок падает позади уже лежащего. В толпе раздаются крики, возгласы одобрения. Все на стороне Джайпо...

Издали доносится пронзительный полицейский свисток, любопытные расходятся. Кое-кто, уходя, советует.

Голоса. Беги, Джайпо!

— Скорее беги!

— Уноси ноги, Джайпо!

Но сегодня Джайпо чувствует себя королем. А короли не должны убежать... Он вызывающе оглядывается, делает шаг к витрине закусочной.

Два полисмена подбегают к пострадавшему товарищу. Наклоняются над ним. Осторожно поднимают его.

Один из них замечает на мостовой еще одного человека, который пытается подняться. Полисмен грубо хватает его за шиворот. Тот кричит:

— Пустите меня! Пустите меня!

Полисмен. Я тебе покажу... Ты навек забудешь, как нападать на полисмена!

Встряивает человека с сердитым лицом так, что у того стучат зубы. Тот пытается слабо протестовать.

Человек с сердитым лицом. Пустите меня!.. Пустите меня!.. Говорю же вам, что я здесь ни при чем.

Полисмен (со злостью). Хватит врать!.. Иди за мной! Я покажу тебе, как бить полисмена! Я тебе помогу твоим же средством!

Грубо тащит за собой упирающегося человека. Его товарищ поддерживает Мелони, который все еще не пришел в себя.

Вокруг Джайпо снова собирается толпа.

Среди окруживших его любопытных Джайпо чувствует себя повелителем. Он наслаждается своим величием. То и дело в толпе раздаются восторженные возгласы. Одни льстят ему из страха, боясь, как бы и их не постигла такая же участь. Другие искренне преклоняются перед его силой, видят в нем героя.

Некто в кепке подобострастно хлопает Джайпо по плечу. Этот спившийся субъект все свое время проводит в кабаках и клянит у всех выпивку. Его зовут Терри. Сейчас он болтает, не замолкая ни на секунду. С его губ не сходит улыбка, а лицо непрерывно меняет выражение.

Терри. Ух, что это был за удар!.. Что за прекрасный удар!.. Ты ему дал на орехи, Джайпо!

Голоса. Что он сделал?

— Кого стукнул?

— За что?

Как бы взяв Джайпо под свое покровительство и тем самым получив право разделить его славу, Терри считает своей обязанностью удовлетворить любопытство зевак.

Терри. Что сделал? Что он сделал!.. Я собственными глазами видел, как через плечо швырнул Мелони Скреппера.

Высокий мужчина. А кто же это?

Терри. Кто это?! Вы не знаете, кто это?.. Это Джайпо Нолен, вот кто это!.. Он сильнее любого быка! Не так ли, Джайпо, мой мальчик?

Второй мужчина. А ты разве о нем никогда не слыхал?

Терри. Этот человек — король. Король Джайпо! Вот он кто.

Человек в котелке. Он, кажется, был другом Фрэнка Мак Филиппа, которого «коричневые» убили сегодня вечером?..

Терри. Ну да, он был его другом! Конечно!.. Джайпо, скажи им сам, что ты был другом Фрэнка.

Джайпо (выпятив грудь). Разумеется, я был его другом... А вы, если говорите о мертвом, должны добавлять: «Боже, спаси его душу».

Голоса. Слышите, что он говорит! Слышите, он правильно говорит!

Джайпо распирает гордость. Он король среди черни. Галлахер снова расположен к нему. Разве не так? Доносчик и изменник — Муллинген. И Джайпо упивается любопытством зевак. А Терри, монополюбно завладевший Джайпо, никого не подпускает к нему близко.

Терри. Слышите, что он говорит?.. Слышите?.. «Боже, спаси его душу!..» Фрэнк умер, борясь за свободу Ирландии. Пусть все последуют его примеру. Я тоже сделаю так, когда придет время. И Джайпо так сделает! Король Джайпо!.. Ведь правда, Джайпо, мой повелитель?

Джайпо, подняв правую руку, величественно приглашает всех:

Д ж а й п о. Я угощаю всех! Идемте... все идемте!

Терри (*возбужденно*). Вы слышите, что он говорит? Нет, вы слышите? Идемте, идемте! Все идемте!

Цепляется за Джайпо. Тот, пошатываясь, идет к ярко освещенной двери закуской. За ним с пением плетется Терри. Сзади двигается возбужденная толпа.

Терри (*поет*). «Из всех моих друзей он самый лучший... он принимает участие во всех сражениях, потому что он замечательный парень!..»

Его пение покрывают восторженные крики толпы, устремившейся в закускую.

Г о л о с а. Ур-р-ра!

— Да здравствует сын Ирландии!

— Да здравствуют повстанцы!

Закусочная.

Направо от входа большая стойка. Позади нее два огромных котла с кипящим маслом. Котлы накрыты ситами. В них все время кладется то рыба, то картошка. На прилавке — груда четвертушек старой газетной бумаги. На них вместо тарелок накладывают посетителям рыбу и картошку.

За прилавком стоят хозяин закуской — вечно улыбающийся итальянец Севольди — и его полная, красивая, смуглая жена.

Распахивается дверь. На пороге появляется Джайпо. За его локоть уцепился Терри.

За ними вваливаются все, кто окружал Джайпо на улице.

Хозяев немного беспокоит появление такой шумной ватаги.

Повернувшись к толпе, торжествующий Джайпо приглашает.

Д ж а й п о. Входите все мужчины и женщины! Джайпо Нолен вас угощает!

Терри (*возбужденно*). Вы слышите, слышите, что он говорит?!.. Так входите же, входите все! Король Джайпо угощает. Он самый сильный человек в мире! И это не выдумка!..

Повернувшись лицом к двери, в которую все еще входят приглашенные, Джайпо хвастливо заявляет:

— Увидите, скоро я буду здесь первым человеком... Я и командир Галлахер.

Кричит итальянцу, с тревогой наблюдающему за происходящим:

— Эй, ты, приготовь-ка нам поесть! Я за всех плачу!

На лице хозяина мелькает страх и удивление. Улыбаясь, он недоверчиво качает головой.

Севольди. Очень уж много народу!

Терри. О!.. Это замечательная компания... чудесная компания! Друзьями Джайпо стали каждый Том и каждая Джуди. Не правда ли, Джайпо, мой мальчик?

Улыбаясь, Джайпо достает из кармана две бумажки по фунту стерлингов и кладет их на прилавок.

Это незабываемый момент в его жизни. Даже в голосе у него звучит торжественность!

Джайпо. Подавай сюда еду, несчастный замарашка!.. Этих денег хватит на всех!

Вид денег еще больше возбуждает Терри.

— Вы слышите, что он говорит. Я же говорил вам, что он король!.. Разве я не говорил этого вам?!

К прилавку подходит девушка-итальянка — служанка Севольди. Вместе с хозяевами она с удивлением разглядывает деньги. Подносит их к свету.

Улица.

У окна закуской стоит Мульхолленд и внимательно наблюдает за происходящим внутри.

Через его плечо мы видим итальянцев, разглядывающих деньги, Джайпо, с величественным видом стоящего перед ними, окруженного возбужденной толпой.

В закуской.

Тихо обменявшись с женой несколькими словами по-итальянски, Севольди улыбается Джайпо и начинает раскладывать порции рыбы и картошки в газетные четвертушки. Раздает их жадно тянущейся за едой, шумящей толпе. Терри весело поет.

Шум голосов, смех, свист заполняют комнату. У стойки толчея. Каждый хочет скорее получить свою порцию, а получившие — пробраться к столам или выйти на улицу.

Огромный детина-докер изо всех сил стучит кулаком по стойке и с пьяным ревом пытается обнять служанку. Та в страхе отступает от него. Встретивший Севольди пятится.

Схватив докера, Джайпо, словно мешок, отбрасывает его в сторону. Серdito приказывает:

— Эй!.. Замолчите-ка все!

Мгновенно воцаряется тишина. Лишь Терри, как бы подчеркивая свою близость к Джайпо, не подчиняется его приказу и возбужденно тараторит.

Терри. Вы слышали, что он сказал? Слышали? Ну так замолчите!..

Его прерывает Джайпо.

Джайпо. Не срамите нашу страну!.. Можно подумать, что у вас целый год крошки хлеба не было во рту... Ну, а теперь продолжайте есть!

Шум, смех и чавканье возобновляются так же внезапно, как и прекратились. Джайпо поворачивается к Севольди.

Хозяин поспешно кладет в бумагу три порции рыбы и картошки и услужливо подает Джайпо. Взяв еду в свою огромную ручищу, тот с удовольствием ест.

Все это видит Мульхолленд, наблюдавший в окно за Джайпо.

Из закуской с важным видом выходит человек в котелке. Смахивает с подбородка крошки. Увидев Мульхолленда, приветливо смотрит на него. Считая, что тот не решается войти, он подбадривает его.

Человек в котелке. Эй, парень! Ты что же, еще не получил своей порции? Так давай входи, дружище!

Бартли (*быстро отпрянув от окна*). Отстань от меня! Иди своей дорогой.

Но его слова не производят никакого действия.

Человек в котелке. Да ты что, не слышал, как Джайпо говорил, что угощает всех?.. Входи, входи, приятель!

Бартли (*яростно*). Говорю тебе, отстань!

Вокруг них начинают собираться любопытные.

Бартли. Я не хочу. Отстань от меня!

Но чем больше сопротивляется Бартли, тем назойливее становится человек в котелке.

Голоса. Тащи его! Пускай и он получит свою долю!

Несколько услужливых зевак хватают Бартли и тащат к двери. Понимая, что отделаться от них ему не удастся, он решает войти в закусочную, но сам, чтобы не было видно даже намека на принуждение.

Бартли. Пустите меня! Оставьте, или я вас стукну.

Человек в котелке (*воинственно*). Ты, значит, набиваешься на драку?.. Да?

Мужчина. Ах вот ты чего хочешь!

Человек в котелке. А ну-ка, пропустите меня к нему!

Шум привлекает внимание Джайпо. Он легко прокладывает себе дорогу, направляясь к спорящим.

Джайпо. Эй, ну что еще там случилось?

Гвалт моментально стихает. Все расступаются, давая Джайпо дорогу. Мгновение... и Джайпо оказывается перед смущенным Мульхоллендом.

Но опасения Бартли оказались напрасными. Он не учел состояния Джайпо. Узнав Мульхолленда, тот радостно улыбается и, схватив Бартли за руку, довольным тоном восклицает:

— Бартли, дружище! (*Обращаясь к зевакам.*) Оставьте его в покое!.. Он мой друг!

Рядом с Джайпо стоит Терри. И на этот раз он считает необходимым вмешаться.

Терри. Слышите?.. Он друг Джайпо. А друг Джайпо также и мой друг! Вот моя рука, рука преданного и честного человека!

Протягивает руку Бартли. Джайпо дружески берет Бартли за руку.

Джайпо. Пойдем, приятель! Съешь чего-нибудь.

Бартли. Я тороплюсь, Джайпо. Но мы еще увидимся с тобой, в час... Ты понимаешь, о чем я говорю?!

Джайпо. Конечно, приятель, конечно.

Улыбается. Глубоко вздыхает. Оглядывается.

Джайпо. Какая чудесная ночь!.. Это самая лучшая ночь в моей жизни... Я вспомнил, что и меня кто-то ждет. (*Подмигнув Бартли.*) Ты понимаешь, что я хочу сказать?!

Фамильярно хлопает Бартли по спине. И вдруг, забыв о закуской, о ватаге своих прихлебателей, он неожиданно уходит и вскоре скрывается в тумане. Бартли удивленно смотрит ему вслед.

Поняв, что добыча ускользает от него, Терри тревожно кричит и бросается вдогонку за великаном.

Терри. Джайпо! Джайпо! Подожди меня, благородный сын Ирландии!

После минутного размышления в погоню за Джайпо бросается и Бартли.

Ночь.

Кухня в доме Мак Филиппов. В соседней комнате еще продолжается отпевание. Оттуда доносится монотонное бормотание молитвы, видны горящие свечи и коленопреклоненные фигуры старух и стариков.

В кухне те же люди. Миссис Мак Филипп по-прежнему сидит неподвижно, устремив взгляд на огонь. Погруженная в свое горе, она машинально перебирает черные четки.

В дверях появляется молодой человек в военной форме. Он внимательно осматривается. Явно чего-то ждет. Вот из комнаты выходит Мэри. Молодой человек делает ей еле заметный знак, и девушка подходит к нему. Он что-то шепчет ей на ухо. Вздрыгнув, бросив торопливый взгляд на мать, Мэри поспешно выходит в коридор.

Спальня в доме Мак Филиппов. Огня нет. Только косые лучи, падающие в окно от уличного фонаря, освещают часть комнаты. Через окно, выходящее на улицу, в тумане виднеются фигуры людей. Они то проходят, то собираются небольшими группами и о чем-то шепчутся.

Дверь в соседнюю комнату открыта. Оттуда доносится монотонное чтение молитв. Комната, по-видимому, пуста. Из открытой двери торопливо входит Мэри. Она быстро подходит к окну.

В ту же минуту из темноты появляется Галлахер. Он в военной форме. Подойдя к Мэри, Галлахер порывисто обнимает ее.

Мэри. Дан!

Галлахер. Мэри, дорогая!
Девушка на секунду замирает в сильных объятиях, но внезапно ее охватывает тревога.

Мэри. Ты не должен был приходить сюда. Вдруг вернутся «коричневые».

Галлахер. Ничего, дорогая! На улице дежурят мои ребята.

Крупно: на фоне слабо освещенного окна видны силуэты нескольких парней, мелькают причудливые фигуры прохожих. Из другой комнаты доносятся монотонные голоса молящихся. Обнявшись, стоят Мэри и Дан, тихо разговаривают.

Галлахер. Бедняжка! Я знаю, как тебе тяжело. Но я, к сожалению, ничем не могу помочь тебе... ни словом, ни делом. Я могу лишь сказать, что... предпочел бы быть на месте Фрэнка.

Мэри (*прижимаясь к нему*). Если бы я потеряла тебя, мне оставалось бы одно — умереть... Бедная мама! (*Горько.*) О Дан, когда это все кончится? Убийства, без конца убийства...

Тихо плачет.

Галлахер (*тихо и нежно*). Я понимаю, Мэри, как это тяжело для вас, женщин! Но я знаю и другое — вы, женщины, мужественнее нас.

С трудом сдерживая слезы, она говорит виновато.

Мэри. Прости меня, дорогой!

Галлахер. Я люблю тебя, Мэри.

Мэри. И я люблю тебя, Дан. Это единственное, что придает мне силы. Пока у меня есть ты, мне ничего не страшно!

Дан нежно целует ее. Положив руки на плечи Мэри, он смотрит на дорогое лицо, сейчас мокрое от слез. Нерешительно говорит.

Галлахер. Я должен задать тебе несколько вопросов... О... О... Фрэнке... Можно?

Мэри. Конечно.

Галлахер (*тихо, но настойчиво*). На него кто-то донес. Ты понимаешь это?

Слова любимого не удивили Мэри. Очевидно, ей и раньше приходила в голову эта мысль. В знак согласия она слегка кивает.

Галлахер. Человек, знавший о работе Фрэнка, знает достаточно, чтобы погубить всех нас. Если его кто-нибудь напугает, он побежит к «коричневым» и расскажет им все. И тогда они одним ударом расправятся со всеми нами.

Замолкает. Мэри смотрит на него расширенными от страха глазами.

Галлахер. Я думаю не о себе, Мэри... Я думаю о нашей организации, об Ирландии. Ты понимаешь меня, не правда ли?

Мэри. Да, дорогой.

Галлахер. Я должен найти предателя. Скажи мне, Фрэнк ничего не заметил? Ему не показалось, что за ним кто-то следил, когда он пришел домой?

Мэри. Нет. Наоборот, он был уверен, что его никто не видел.

Галлахер. Он с кем-нибудь говорил, кого-нибудь видел?

Мэри. Ни с кем!..

И вдруг, вспомнив разговор с братом, не придавая значения этому, без всякого подозрения она говорит:

— Только со своим другом Джайпо Ноленом. Он сказал, что сначала разыскал его, чтобы узнать, нет ли слежки за нашим домом.

Услышав имя Джайпо, Галлахер вздрагивает, но старается не показать Мэри, какое впечатление произвели на него эти слова.

Галлахер. Где он с ним виделся?

Мэри. Сейчас вспомню... Кажется, он говорил, что в ночлежном доме Денбоя.

Галлахер. Гм-гм. Понятно. (*Задумчиво.*) А Фрэнк имя Муллигена не упоминал?

Мэри отрицательно качает головой. После минутного раздумья уверенно говорит:

— Нет. Определенно нет!

Секунду Дан о чем-то размышляет. Потом решительно говорит:

Галлахер. Сегодня ночью в половине второго у нас состоится суд. Можешь ли ты прийти туда? Ты мне будешь нужна.

Мэри (*просто*). Если я тебе нужна, то, конечно, приду.

Галлахер. Я найду за тобой около часа. Сумеешь ли ты выскользнуть из дома через заднюю дверь?

Утвердительно кивнув головой, Мэри горьковато бросается ему на шею и прерывающимся от страха и горя голосом говорит:

— О Дан!.. Дан... что я буду делать, если с тобой что-нибудь случится?.. Это пронзит мое сердце!

Галлахер. Любимая!

Он нежно обнимает ее. Забыв обо всем на свете, стоят они, прижавшись друг к другу. Из нежного забытья их выводит раздавшееся за дверью в коридоре резкое «тсс». Оба вздрагивают. Тихо и отрывисто Дан спрашивает.

Галлахер. Да?..

Приглушенный, напряженный голос сообщает:

— Поблизости проходит отряд «коричневых», командир. Нам лучше поторопиться.

Дан торопливо целует Мэри и мгновенно исчезает. Мэри подходит к окну. Затаив дыхание, смотрит на улицу.

Сквозь туман видит Галлахера, быстро шагающего в сопровождении юноши в военной форме, который вызывал ее из кухни. Прижавшись к стеклу, следит за удаляющимся Даном. Ее тело сотрясается от беззвучных рыданий. Тишину, нависшую в комнате, нарушает лишь монотонное бормотание молящихся.

Все та же ночь.

Улица.

Это примерно то место, где в начале вечера Джайпо встретился с Кэт Медден. Сейчас на улице, за исключением случайных прохожих, никого нет.

Показывается Джайпо. Он нетвердо шагает. Рядом идет Терри, цепляясь за него. Оба успели уже еще выпить, и теперь Терри так же пьян, как Джайпо. Хмель сделал его еще более разговорчивым. То и дело они проходят мимо уличных фонарей. Косые лучи неяркого света неравномерно освещают их раскачивающиеся фигуры. Терри поет сочиненную им самим песню: «Из всех людей он лучше всех, дорогой мой друг. Он участвует во всех боях, дорогой мой друг»...

Терри. О Джайпо, мой повелитель! Эта песня посвящена тебе... Эта песня может вдохновить душу любого поэта. Прав я или нет?

Останавливается вблизи ярко освещенной витрины.

Шатаясь, Джайпо поворачивается к Терри, издав добродушное рычание.

Джайпо. Куда ты меня ведешь, коротышка? Разве мне еще не пора идти к Кэти?

Терри. Ну вот, начинается! Мы решили устроить славную пирушку, а ты опять начал говорить о своей Кэт. Оставь свою маленькую джуди в покое! Она не растеряется! Ха-ха...

С рыком Джайпо хватает его за плечи и изо всех сил трясет. Терри вопит, сердито вырывается.

Терри. Что ты делаешь?.. Ты пьян, вот что! Ты пьян, как собака скрипача.

К нему наклоняется Джайпо. Терри отступает. Пятясь, он подходит к витрине бюро путешествий, где Кэт в этот вечер увидела плакаты.

Терри. Убери от меня свои лапищи, дурень! Ты, должно быть, и вправду считаешь, что ты король?.. А ты, мой милый, просто большая мясная туша!.. Ты пьян... и к тому же истратил все деньги, до последнего пенни... Так что больше ты мне не нужен!

От услужливости Терри не осталось и следа. Сейчас у него уже наглый вид.

Джайпо свирепо смотрит на Терри. Тот отбегает в сторону, открывая витрину, в которой мы видим плакат с роскошным пароходом и прейскурант с ценами на билеты до Америки.

Насмешки Терри сразу отрезвляют Джайпо. Он явно встревожен. Ему приходит в голову мысль — не стащил ли кто-нибудь у него деньги?!.. Он начинает торопливо ощупывать карман. Оттуда вываливается мелкая монета и с тихим звоном катится по мостовой. Как шакал, бросается Терри за ней и, схватив, прячет ее в свой карман. Джайпо судорожно засовывает руку в другой карман и громко, с облегчением вздыхает... вытаскивает деньги, жадно смотрит на них. Налетевший порыв ветра

чуть-чуть не вырывает из его рук одну кредитку, но Джайпо успевает судорожно подхватить ее.

При виде такого богатства у Терри чуть не вылезают на лоб глаза. Он мгновенно преображается. Задыхаясь, глотая слова, бормочет:

— Боже мой! Откуда у тебя такое богатство? Здесь достаточно кредиток... А я смеялся над тобой!.. Да, Джайпо, мой повелитель, ты поистине король, ты потомок всех королей... И это истинная правда! Если понадобится, я готов бороться и умереть за тебя! Вот тебе моя рука, Джайпо, рука честного и преданного человека. Прав я или нет?

Но руки Джайпо заняты, им не до протянутой руки, они сжимают пачку кредиток. Джайпо поглощен созерцанием плаката пароходной компании... Перед его глазами возникает картина...

...На палубе парохода под руку с Кэт появляется роскошно одетый Джайпо. На Кэт подвенечная вуаль, в руках — букет цветов...

Видение также внезапно исчезает. Перед Джайпо снова витрина и плакат. Запрокинув голову, он весело смеется, засовывает обратно в карман деньги и кричит, обращаясь к Терри:

— Пойдем, картошка. Я хочу найти Кэт.

Весело приплясывая перед Джайпо, всячески стараясь показать ему свою услужливость и преданность, Терри бережно берет его за руку.

— Я провожу тебя к ней. «Эта Кэт чудесная, замечательная девушка».

Весело напевает Терри. Шатаясь, они уходят, поддерживая друг друга.

Ночь. Темная улица.

Фасад когда-то красивого, а сейчас облупившегося, давно не отремонтированного дома. Это нелегальный кабачок.

Сквозь туман ярко светится окно, освещая ступеньки, ведущие к входной двери. Изнутри несутся звуки механического пианино, слышны голоса, смех.

Из тумана на улице появляются Терри и Джайпо. Терри тащит Джайпо к входной двери. У того растерянный вид.

Д ж а й п о. Говорю тебе, что это не здесь.

Т е р р и. Послушай меня!.. Ты только послушай меня... Неужели ты думаешь, что я завел бы тебя не туда, куда надо? Тебя?.. Короля Джайпо?.. Да я ради тебя готов...

Растерянный и испуганный, словно заблудившийся ребенок, Джайпо жалобно говорит:

— Ох, да я же не знаю, где я...

Т е р р и. Ты как раз перед домом тетушки Бетти, мой повелитель... Это лучший кабачок в городе. И там тебя ждет твоя Кэт... Слышишь, вон она смеется! А вот они играют на пианино!

Вбежав на ступеньки, Терри начинает стучать в дверь. Музыка и смех мгновенно смолкают. Из-за двери доносится мужской голос:

— Кто там?

Терри. А ты открой дверь и узнаешь... Так ответил дьявол на вопрос англичанина.

Слышно, как отодвигается засов... Сквозь образовавшуюся щель выглядывает коренастый мужчина.

Приняв напыщенный вид, Терри воинственно требует:

— Живее, живее, парень! Открывай дверь, или я сделаю из тебя лепешку.

Дверь открывается. Перед ней в воинственной позе, преграждая вход, встает коренастый, здоровенный мужчина. Терри сбегает по ступенькам на мостовую, тревожно зовет:

— Джайпо, Джайпо! Ну-ка покажи ему, как нас запугивать!

Коренастый, увидев поднимающуюся по ступенькам гигантскую фигуру Джайпо, вытаскивает нож. Но он не успевает им даже замахнуть, как Джайпо одной рукой хватает его и как пушинку отбрасывает прочь.

Из кабачка доносятся визг и испуганные крики женщин. Терри возбужденно приплясывает, размахивает кулаками, словно бы это он уложил врага.

Терри. Да здравствуют повстанцы!

Кабачок. Большая ярко освещенная комната. Входит Джайпо. За ним по пятам следует Терри.

Ослепленный ярким светом, оглушенный шумом, гомоном, песнями и криками подвыпивших посетителей, Джайпо останавливается у входа.

Каменный пол, высокий беленый потолок. Полный блестящей посуды шкаф. У стены пианино. В комнате все сверкает безупречной чистотой. В большом очаге весело горит огонь. Дымятся котлы. Сбоку небольшая стойка-бар — неопровержимое доказательство, что это кабачок.

Хозяйка этого притона, тетюшка Бетти, — маленькая толстая женщина средних лет. Ее густые темные волосы в виде копны зачесаны наверх. Сзади это сооружение из волос поддерживает блестящий черный гребень. Одета она в синюю юбку и белую кофту.

В комнате почти все столики заняты хорошо одетыми посетителями, которые сейчас с изумлением смотрят на вновь пришедших. К ним спешит тетюшка Бетти. Подойдя, останавливается перед ошеломленным, растерянно мигающим Джайпо.

Подбоченясь, не сводя с Джайпо глаз, она вызывающе кричит.

Тетюшка Бетти. Чего тебе тут надо?!

Вперед выступает Терри. Он держится развязно, тон у него нагловатый.

Терри. Чего ему надо? Чего надо? Изволь-ка с уважением относиться к Джайпо Нолену, или тебе придется иметь дело со мной...

Но на тетушку Бетти это не производит впечатления. Она с таким азартом набрасывается на Терри, что тот спешит ретироваться под защиту Джайпо.

Тетушка Бетти (к Терри). Заткни свою глотку! (Сердито, к Джайпо.) Зачем тебя принесло сюда?

Хлопая глазами, стараясь собраться с мыслями, Джайпо дружелюбно смотрит на нее. Вздыхает и мягко говорит.

Джайпо. Я ищу Кэт Медден.

Хорошо одетый, сильно подвыпивший парень с развязными манерами, напустив на себя важный вид, подходит к Джайпо.

Парень. Вы не туда попали, дружище. Разве вы не видите, что у нас здесь вечеринка?!

Словно не видя, Джайпо рассеянно смотрит на него. Потом отталкивает его в сторону и медленно направляется к хорошо одетой, сидящей в стороне с журналом в руках женщине. На ней короткий меховой жакет, на красивых ногах изящная обувь. И ее фигура и ее туалет говорят о культуре и изяществе. По-видимому, это настоящая леди.

Все с интересом наблюдают за Джайпо. Кое-где раздаются смешки, соседи подталкивают друг друга. Джайпо останавливается перед женщиной и с удивлением рассматривает ее. А та, не обращая на Джайпо никакого внимания, продолжает разглядывать журнал.

Пораженный ее красотой, Джайпо не сводит с женщины глаз. Его большая рука нерешительно дотрагивается до меха на ее воротнике...

...Внезапно незнакомая женщина превращается в Кэт Медден, шикарно одетую, с прекрасными манерами. На нее с благоговением смотрит Джайпо. Робко зовет:

— Кэт!

Берет ее за руку...

...Но перед ним снова чужая, незнакомая женщина. Вздвогнув, она поднимает к нему свое прекрасное лицо. Испуганно встает. И в ее позе и на ее лице — страх. Но все же у нее хватает решимости сухо осведомиться.

Женщина. Что вам угодно?

Джайпо не сводит с нее глаз. Сердито вмешивается тетушка Бетти.

Тетушка Бетти. То же самое спрашиваю и я. Что вам здесь угодно?

Набравшись храбрости, за приятеля снова отвечает Терри:

— Как ты думаешь, что ему здесь угодно?.. Ты, старая карга?.. Ему угодно выпить, вот что!

Тетушка Бетти (сердито глядя на него). Для тебя здесь нет ничего выпить, сморчок!.. Отправляйтесь-ка лучше в другое место, для вас более подходящее!

Терри (*приняв важный вид*). Ты так, старуха, не разговаривай с нами и не косись на нас! Ты небось думаешь, что у нас нет денег? А у нас полно денег!.. Правильно я говорю или нет, Джайпо?

Не отвечая Терри, Джайпо лезет в карман и достает оттуда шестнадцать фунтов стерлингов.

С изумлением и жадностью смотрит на деньги тетушка Бетти. Улыбаясь, Джайпо протягивает старухе фунтовую кредитку.

Д ж а й п о. Держи! Налей всем вина!

Обращаясь ко всем, хвастливо приглашает:

— Пейте! Я угощаю!

Среди посетителей оживление.

Раздаются возгласы, слышится смех.

Г о л о с а. Слушайте!.. Слушайте!..

Терри (*гордо*). А что я вам говорил? Что я говорил вам? Он богат! Богат как Крез!

Деньги совершенно изменили тетушку Бетти. Теперь она — воплощенная любезность. И хоть в глазах ее сверкает ненасытная жадность, когда она принимает бумажку из рук Джайпо, на лице у нее приторная, занскивающая улыбка. Джайпо, ухмыляясь, хлопает хозяйку по спине. Она со смехом отталкивает его и зовет служанку.

Т е т у ш к а Б е т т и. Стаканы для всех!

Раздаются аплодисменты. Джайпо важничает... Он снова забыл обо всем на свете... Им опять владеет то же чувство самодовольства, что и в рыбной закуской. Он чувствует себя властелином, не замечает контраста между своей жалкой одеждой и одеждой окружающих его людей. Терри юлит вокруг Джайпо, всячески показывает свое «покровительство».

Т е р р и. Музыку! Музыку! Музыку для моего старого друга! Музыку для короля Джайпо!

Какой-то пьяный молодой человек подходит к пианино и начинает что-то барабанить на нем.

Т е р р и. Ну, а если кто-нибудь захочет померяться с нами силой... пусть выходит... Прав я или нет, Джайпо?

Но Джайпо снова ничего не видит, кроме привлекавшей его внимание женщины. Он еще раз очень деликатно дотрагивается до нее. Но она и теперь в испуге отодвигается от него.

Кто-то, подражая голосу этой дамы, с издевкой кричит:

— Отойдите от меня, страшный вы человек!..

И не понять, к кому относится эта насмешка — к нищему ли Джайпо, случайно затесавшемуся в среду богатых лодырей, или к роскошной даме — тоже чужой в этой веселой компании.

Входит служанка с подносом, уставленным бокалами с вином. Первому она подает Джайпо. Тот залпом осушает один бокал, берет второй, третий... Среди присутствующих начинают раздаваться полушутливые замечания.

Г о л о с а. Эй, смотри все не выпей!

— Он мог бы осушить и озера Килларнея.

— Остановись, Уллис!

Осушив еще один, четвертый бокал, Джайпо удовлетворенно улыбается и, оглядев комнату, гордо бросает:

— Убирайтесь вы все к чертям! У меня еще хватит денег!

Выбивает из рук служанки поднос со стаканами и несколько мгновений смотрит на осколки. Потом вынимает из кармана вторую фунтовую кредитку и протягивает ее служанке.

Т е р р и (возбужденно). Слышите?.. У него еще осталось достаточно денег.

Разгул Джайпо словно заражает и других посетителей. В кабачке начинается буйное веселье. Кто-то бренчит на пианино, кто-то танцует, все возбуждены, все смеются.

Ухватив за талию тетушку Бетти, Джайпо пускается с ней в пляс, напоминая огромного медведя. Терри ревет от удовольствия. Наконец тетушке Бетти удается вырваться из объятий Джайпо. Ее пронзительный голос покрывает шум и гомон.

Т е т у ш к а Б е т т и. Прекратите! Сейчас же прекратите этот содом! Вы хотите, чтобы меня накрыла полиция?!

Слово «полиция» оказывает магическое действие на Джайпо. Сердито оглядывая присутствующих, он яростно кричит, заставив сразу же всех умолкнуть.

Д ж а й п о. Я наведу здесь порядок! Ну, кто здесь буянит? Я раздроблю череп первому, кто громко заговорит!

Пьяный молодой человек выскакивает из-за пианино и, шатаясь, подходит к Джайпо...

М о л о д о й ч е л о в е к. Я тебя научу, как себя вести, приятель. Иди сюда, я научу тебя, как вести себя в обществе джентльменов.

Т е р р и (взволнованно). Дай ему в зубы, Джайпо! Дай ему в зубы!

Молодой человек кулаком тычет в грудь Джайпо, но тот лишь, удивленно мигая, словно возле него кружится муха, смотрит на парня.

Несколько женщин отгаскивают молодого человека от Джайпо. Джайпо смеется. Тетушка Бетти испуганно хватается за руку, старается увести к дивану.

Д ж а й п о. Я только что вспомнил... мне надо идти.

Нетвердыми шагами он пытается подойти к двери, но тетушка Бетти не пускает его.

Т е т у ш к а Б е т т и. Не говори об этом. Ты замечательный парень... правда... Сядь, посиди спокойно, я скажу, чтобы тебе принесли чего-нибудь выпить.

Чтобы вернее удержать его, тетушка Бетти сама садится рядом. В комнате воцаряется напряженная тишина.

Неожиданно поднимается дама в меховом жакете. С презрением она говорит тетушке Бетти.

Женщина. Как вы отвратительны! Вы терпите его присутствие лишь ради его денег!

Взгляды всех устремляются на нее. Тетушка Бетти злобно шипит.

Тетушка Бетти. Прикусите свой язычок, моя дорогая леди.

Женщина (презрительно). О, я знаю, за что вы меня ненавидите... Только за то, что я не хамка... только за то, что я...

Но тетушка Бетти не дает ей договорить, злобно визжит на всю комнату.

Тетушка Бетти. Ничего подобного!.. Я ненавижу тебя потому, что ты чогорное, зазнавшееся создание... Потому, что ты думаешь, что ты лучше всех!

С побледневшим лицом женщина отступает назад, говорит дрожащим голосом.

Женщина. Я не должна была приходиться сюда! Мне давно надо было пойти в полицию.

С ревом вскакивает Джайпо и бросается к даме. Со страхом смотрит на нее.

Джайпо. В полицию?! Не надо!.. Держитесь подальше от полиции!.. Для чего вам нужна полиция?..

Прерывающийся от волнения и горя голосом, со слезами на глазах женщина отвечает, серьезно и умоляюще глядя на Джайпо.

Женщина. Я хочу поехать обратно домой.

Джайпо. А где ваш дом?

Женщина. Он... он недалеко от Лондона.

Удивленно смотрит на нее Джайпо. Он старается разгадать тайну этой дамы, чем-то так взволновавшей его сердце.

Джайпо. Как вам надо ехать домой?.. Сколько это стоит?

Неправильно истолковав его слова, дама отрицательно качает головой. Из ее глаз льются слезы. Она прячет лицо. Тогда Джайпо вытаскивает из кармана пачку денег и, отсчитав пять кредиток, осторожно кладет их в руку дамы.

Джайпо. Вот!.. Вот вам на билет!

Терри (вопит). Джайпо, что ты делаешь?

Женщина. Нет... нет...

Не обращая никакого внимания на вопли приятеля, Джайпо в ответ на отказ женщины мягко просит ее.

Джайпо. Не бойтесь, леди. Берите деньги и уходите отсюда. Уезжайте домой! (Строго.) И держитесь подальше от полиции!.. Слушайте, что я вам говорю!..

Сжимает ее руку, в которую вложил деньги. Побледнев, широко раскрытыми глазами смотрит на него дама. По ее телу пробегает дрожь. Наконец прерывающимся голосом она произносит:

Женщина. Вы хороший человек! Вы очень, очень хороший человек! Схватив его большую красную руку, она целует ее и стремительно выбегает из комнаты, оставив открытой дверь.

Хлопая глазами, Джайпо удивленно смотрит на свою правую руку... Ее поцеловала леди! Он подносит руку к глазам и с недоумением разглядывает ее. Все молчат, потрясенные. Не все понимают, что произошло сейчас в этой прокуренной комнате, но все знают, что они только что были свидетелями чего-то необычного и благородного.

Терри. Джайпо, ты дал ей пять фунтов!.. О, твоя бессмертная душа! Не обращая ни на что внимания, Джайпо продолжает задумчиво разглядывать свою руку.

Хихикая, вперевалку к Джайпо подходит тетушка Бетти.

Тетушка Бетти. Все это хорошо, дорогой мой... Но она была должна мне за комнату и за пансион четыре фунта стерлингов... Кто же мне за это заплатит?..

Джайпо опускает руку. Молчит, сердито глядя на старуху. Наконец, поняв, что она говорит, решительно заявляет:

— На, держи, и чтобы я больше не слышал от тебя ни одного слова о ней.

Отсчитывает четыре фунта и протягивает их тетушке Бетти. Потрясенный Терри пытается остановить приятеля.

Терри. Джайпо! Ради всего святого!

Тетушка Бетти жадно хватает деньги.

Напряженное молчание разряжается смехом и восторженными возгласами по адресу Джайпо. Терри вскакивает на стул. Подняв бокал, он произносит высокопарный тост.

Сквозь полуоткрытую дверь виден Мульхолленд. Он следит за Джайпо.

Терри. Леди и джентльмены! Вы только что были свидетелями нашей чрезвычайной щедрости. Вы видели, как легко, словно девять ударов по зубам, мы отдали девять фунтов стерлингов! Поэтому я предлагаю выпить за короля Джайпо, храброго, как лев, и сильного, как бык!.. Я за ним пойду повсюду, он так же за мной. Где будет один из нас, вы увидите и другого!.. Прав я или нет, Джайпо?

Все, кто весело, кто насмешливо, аплодируют, кричат...

Открывается дверь. В комнату входит Бартли Мульхолленд. Ищет взглядом Джайпо. С ним двое молодых парней.

Терри, не обращая внимания на вошедших, кричит:

— Леди и джентльмены!.. Выпейте за моего великого друга!

Нестройный гомон и крики Терри покрывает резкий, требовательный голос Мульхолленда.

Бартли. Замолчи!

Терри (*высокомерно поворачиваясь к нему*). Кто это посмел не слушать меня и Джайпо?

Увидев Бартли, Джайпо весело приветствует его:

— Хэлло, Бартли, мой мальчик! Выпей-ка с нами.

Но Терри совсем не по вкусу появление какого-то приятеля Джайпо. Он хочет быть при нем единственным близким человеком. Поэтому, по-прежнему стоя на стуле, он начинает размахивать кулаками.

На Бартли это не производит впечатления. Одним ударом ноги он выбивает из-под Терри стул, и тот с грохотом летит на пол.

Все молча наблюдают за этой сценой. Ясно, что внушительная фигура Мульхолленда в военной форме произвела впечатление на посетителей кабачка. Еле держась на ногах, со стаканом в руке, Джайпо, смеясь, говорит:

— Господи, и чего ты тут такой шум устраиваешь! Выпей-ка лучше!

Бартли. Пойдем, нам уже пора.

Все еще смеясь, Джайпо отмахивается от Бартли.

Джайпо. Убирайся ты, дьявол! Кто ты такой, чтобы мне приказывать?

У поднявшегося на ноги Терри испуганный вид. Но, услышав слова Джайпо, он воинственно кричит.

Терри. Выбрось его отсюда, Джайпо!.. Стукни его разок!.. Кто он такой, чтобы приказывать тебе?

Бартли. Хватит!.. сказал тебе — заткнись!

Терри пугает этот решительный тон, и он снова трусливо пятится назад. Нахмурившись, Бартли подходит к Джайпо и тихо говорит ему.

Бартли. Ты же знаешь... Это не мое приказание... Это приказание командира, и я не советую тебе слушаться его.

Моментально Джайпо приходит в себя. Принимает торжественный вид... Конечно, ведь он же теперь снова один из людей Галлахера!.. Он многозначительно кивает головой.

Джайпо. Ты прав, Бартли... Только... неужели уже час?

Бартли (резко). Да!

Повернувшись к присутствующим, Джайпо с непринужденностью няного делает прощальный жест. Смеясь, женщины машут ему в ответ.

Неожиданно Терри, стоящий на безопасном расстоянии от Бартли, начинает кричать, показывая на Бартли и на Джайпо.

Терри. Теперь я знаю, кто они! Вы оба из республиканской армии!

Ударив себя по лбу, сделав испуганную мину, орет, обращаясь к посетителям кабачка:

— Клянусь небом, я не друг Джайпо!.. Я хоть и верный сын Ирландии, но я никогда не подниму на короля даже пальца!

Рука Бартли непроизвольно опускается в карман куртки. Громовым голосом он приказывает, обращаясь к Терри:

— Замолчи!

Все перепуганы. Только на тетушку Бетти все это не производит никакого впечатления. Она подбегает к Бартли и указывает на Джайпо.

Тетушка Бетти. Он мне за выпивку должен. Кто мне будет за него платить?

Бартли. Тебя, старая ведьма, давно бы следовало посадить за продажу спиртного!

Повелительным жестом он приказывает Джайпо следовать за собой. Оба выходят из комнаты. Как только за ними захлопывается дверь, напряженная атмосфера разряжается и гости, усевшись на свои места, возобновляют непринужденную беседу. Терри старается незаметно выскользнуть из комнаты.

Тетушка Бетти. Не торопись, гадюка!.. Ты еще должен заплатить за выпивку!

Терри. Чудесная вы женщина!.. Вы замечательная женщина!.. Завтра же я достану денег и заплачу вам.

С побагровевшим от злости лицом тетушка Бетти набрасывается на него.

— Ах так... Завтра? Завтра?.. (Пронзительно кричит.) Мекки!

Из кухни появляется коренастый человек. У него воинственный вид. Не дожидаясь дальнейших указаний, он хватается Терри за шиворот.

Тетушка Бетти. Ну-ка, достань деньги из его карманов или выбей их из его шкуры!

Перетрусивший Терри вопит во всю глотку, пока Мекки чуть ли не волоком тащит его в заднюю дверь:

— Подождите! Выслушайте меня!.. Не бейте своего старого друга...

Никто не обращает внимания на его вопли. Через несколько мгновений из задней комнаты доносится ужасный грохот, словно кто то со всего размаха падает на стол с посудой. Этот грохот сопровождается пронзительным воплем Терри.

Улица.

Бок о бок по пустынной, окутанной туманом улице молча идут Джайпо и Бартли. У Бартли угрюмое лицо, крепко сжаты губы. Лево́й рукой он поддерживает шатающегося Джайпо. Внезапно из тумана доносится чей-то женский крик.

Голос Кэт. Джайпо!

Они останавливаются. Их догоняет Кэт.

На ее изможденном лице страх и тревога. Лицо Джайпо озаряется радостью.

Джайпо. Кэти, дорогая! А я повсюду искал тебя...

Кэт (испуганно схватив его за руку). Я была у себя... Я ждала тебя все время... Почему ты не пришел? (Тревожно взглянув на Бартли.) Что случилось, Джайпо? Куда ты идешь?

Весело подмигнув ей и подтолкнув локтем Бартли, он успокаивает девушку.

Д ж а й п о. Все в порядке, Кэти! Галлахер принимает меня обратно. Не беспокойся, дорогая.

О чем-то вспомнив, он быстро сует руку в карман и вынимает несколько смятых кредиток.

Д ж а й п о. Хэлло!.. Чуть не забыл. Это я достал для тебя... Помнишь, что ты мне сказала?..

Неумело, торопливо считает деньги. Бартли мрачно смотрит на него.

В пачке осталось всего пять фунтов. Джайпо ошеломлен. Ему все время казалось, что у него должны быть целы все двадцать фунтов. Сразу помутневшими глазами он смотрит на деньги, наконец отдает их Кэт.

Д ж а й п о. Возьми... вот... не бойся, теперь все будет хорошо. Кэти, дорогая!.. И иди домой... Я попозже приду к тебе.

Б а р т л и. Идем, идем... мы и так опоздали.

Отдав Кэт честь, Джайпо уходит. Не двигаясь, со страхом смотрит Кэт на деньги...

Налетает порыв ветра... выхватывает из ее дрожащих пальцев кредитки, и они мгновенно исчезают в тумане. Опомившись, Кэт кричит:

— Джайпо!

В этом крике боль и тревога, предчувствие беды и нового горя... Ответа нет... Лишь издали, из кабачка тетушки Бетти, доносятся звуки механического пианино.

Все та же ночь.

Городское предместье. И хотя кое-где видны стены, увитые диким виноградом, местность производит мрачное впечатление и кажется брошенной жителями. Зияет какой-то темный пролом. Сквозь туман с трудом можно различить что-то похожее на развалины замка.

Откуда-то из тумана сначала доносятся неясные мужские голоса, потом появляется тусклое пятно света. Оно становится все ярче и ярче... Наконец появляется человек с фонарем. За ним идут Галлахер и Мэри Мак Филипп. Она в темном пальто, голова ее покрыта платком. Увидя развалины, Мэри испуганно останавливается. Галлахер обнимает ее и, успокаивая, что-то говорит...

Снова идут они за лучом фонаря, потом исчезают среди развалин.

Погреб разрушенного замка. Здесь убежище повстанцев Ирландской республиканской армии.

Большое подвальное помещение. Каменные стены блестят от сырости. С потолка непрерывно капает вода, образуя на каменном полу, как раз посередине, лужу. У одной стены широкие каменные ступени. На противоположной стороне тяжелая дубовая дверь. Она ведет в зимний погреб, превращенный повстанцами в тюрьму. Освещается помещение несколькими фонарями, поставленными на пол.

Здесь человек двенадцать молодых парней и двое мужчин лет по сорока — Флинн и Кэрли. Все в военной форме, у всех за поясами револьверы.

Флинн, Кэрли и двое парней сидят за длинным столом. Это члены военного суда повстанцев. Рядом с длинным столом — маленький столик и два стула, приготовленные для Мэри и Галлахера.

На некотором расстоянии, как раз позади лужи, против длинного стола — скамья. Сейчас на ней сидит в позе обреченного портной Муллиген — бледный, худой человек. Он то и дело надрывно кашляет. Его худое тело закутано в тяжелое черное пальто, полы которого свисают до пола, шляпа лежит на полу, спутанные густые черные волосы влажны. Он сидит, сжав колени и широко расставив ступни ног. Вид и поза этого человека — олицетворение безысходного горя и нужды.

Позади Муллигена неподвижно стоят трое парней.

...По ступеням спускается Галлахер. Рядом, тесно прижавшись к нему, идет Мэри. Все встают. Лишь Муллиген продолжает неподвижно сидеть, словно окаменелый.

Среди зловещей тишины Галлахер подводит Мэри к стулу, заботливо усаживает ее и садится рядом с ней. Лишь после этого занимают свои места остальные.

И в ту же минуту наверху раздается хриплый голос Джайпо, орущего какую-то песню, и сердитые окрики Мультхолленда, который пытается утихомирить его. В ответ на увещевания Джайпо громко и яростно кричит:

— Уходи прочь, маленький дьявол!

Доносится злое бормотание и глухой звук ударившегося обо что-то тела... Показываются чьи-то ноги. На спине, выставив перед собой руки, катится по ступеням Джайпо. Все вскакивают... Мэри, тяжело дыша, подносит руку к горлу.

С грохотом катится Джайпо... Оказавшись на полу, садится... Разражается громким хохотом... Со всех сторон к нему бросаются люди с револьверами в руках. В нескольких шагах от Джайпо они нерешительно останавливаются, прячут револьверы.

Джайпо. Хэлло, ребята! Вот и я. Я свободно могу справиться с любым, осилить и шестерых часовых... Ну, выходите... кто первый?!

С удивительной для пьяного человека ловкостью он вскакивает на ноги и стоит в воинственной позе, как колокольня возвышаясь над всеми.

Увидев направившегося к нему Галлахера, ослабившись, Джайпо с преувеличенной торжественностью щелкает каблуками и, слегка покачнувшись, отдает ему честь.

Свой шарф он забыл у тетушки Бетти, сейчас у него голая шея, и это придает ему еще более дикий вид, чем обычно. Он пытается положить руку на плечо Галлахера.

Джайпо. Я с тобой, командир!.. Ты и я... мы их всех обратим в бегство... Правильно я говорю, Дан?

Не отвечая, Галлахер вопросительно смотрит на Бартли, спускающегося по лестнице.

Г а л л а х е р. Что с твоим глазом, Бартли?

Д ж а й п о (*весело*). О-о-о... пустяки! Он стал у меня на дороге, ну, я его и стукнул... Не беспокойся о нем, Дан.

Резко повернувшись к нему, Дан отрывисто приказывает:

— Садись!

Д ж а й п о. Слушаюсь, сэр!

Снова церемонно отдает честь и направляется к скамье. Пошатнувшись, натывается на стену, бьет по ней кулаком и со злостью кричит:

— Прочь с дороги, тебе говорят!

Один из парней подводит Джайпо к скамье и сажает рядом с Муллигеном. Но Джайпо не замечает Муллигена.

Все напряженно смотрят на них. Галлахер что-то тихо говорит судьям. Джайпо сидит, положив руки на колени. Тупо смотрит на лужу у своих ног, словно следит за равномерно падающими туда каплями воды.

Постепенно взгляд его проясняется. Посмотрев на неподвижно стоящих вооруженных парней, он приветливо кивает им. Те неохотно ему отвечают. Джайпо оглядывается. Замечает рядом с собой сгорбленную фигуру. Сначала он не узнает, кто это. Сняв шляпу, словно выбивая из нее пыль, смущенно бьет ею по своей ноге. Снова надевает ее на голову. Слегка коснувшись рукой плеча Муллигена, ласково говорит:

— Муллиген?!.. Зачем ты здесь?

Муллиген не отвечает, не шевелится.

— Дружище, почему ты не в постели? Для больного человека сейчас неподходящее время выходить из дому...

Медленно поднимает голову Муллиген. Мы видим его большие, печальные глаза, болезненное лицо. Видит их и Джайпо. Его сознание прсизает ужасная мысль. Он поспешно отдергивает назад руку и, задыхаясь, выпускает дикий вопль.

Охватив своими огромными лапищами голову, он сжимает ее, пытается собрать мысли. Встает... шатаясь, делает шаг и смотрит на Галлахера... Обводит всех взглядом и начинает нервно кричать:

— Послушайте, ребята... когда я пришел сюда, я был пьян... Я не помню, что говорил... Ну, а теперь я вспомнил, кто это. (*Драматическим жестом указывает на Муллигена.*) Это он донес на Фрэнка Мак Филиппа... и он знает, что я видел его!

Муллиген (*вскочив, с испуганным криком*). Это ложь! Я могу, стоя на коленях, поклясться, что выходил из дому только в часовню!

Д ж а й п о (*возбужденно, обращаясь к нему*). Ах, мой милый! Доносчику легко давать клятвы!

Муллиген (*кричит*). Говорю тебе, что это ложь!

Эту крикливую перебранку прерывает повелительный голос Галлахера.

Галлахер: Садитесь оба!

Сбитый с толку окриком Галлахера, мигая, Джайпо медленно садится. Муллиген остается стоять. Военный усаживает его на скамью.

После паузы Дан спокойно говорит:

— Пат Муллиген, расскажи суду, что ты делал сегодня, начиная с двенадцати часов дня.

Подняв голову, Муллиген некоторое время молча смотрит на Галлахера. Затем торопливо, с отчаянием и решимостью затравленного зверя, говорит:

— Командир Галлахер!.. Неужели у тебя не нашлось, кроме меня, более подходящего человека, чтобы среди ночи арестовать его и увести из дому?.. Ты же знаешь, что, день и ночь работая в холодном и сыром подвале, я схватил смертельную простуду?..

Галлахер (спокойно). Прости, Муллиген.. Начнем с двенадцати часов дня. Где ты был в это время?

Муллиген вздыхает. Опустив голову, говорит тихим, испуганным голосом.

Муллиген. В двенадцать часов дня я лежал в постели. Все утро у меня очень сильно болел правый бок из-за моего бронхита, и я не мог встать. Около часу старуха соседка дала мне яйцо и чашку чая. Я даже не смог съесть яйцо. Но это не важно. Потом мне все же пришлось встать и заняться костюмом для возчика Мика Фоли. Костюм нужно сшить к пятнице. В понедельник дочь Мика выходит замуж за...

Галлахер мягко прерывает его:

— Не надо о дочери Мика Фоли. Расскажи нам о себе.

Джайпо (подражая Галлахеру, пытается говорить так же авторитетно). Продолжай!.. Выкладывай все начистоту!

Муллиген смотрит на Джайпо. Его губы дрожат, большие темные глаза наполнены слезами. Внезапно лицо его словно освещается каким-то внутренним огнем, и он ласково, с сожалением говорит, обращаясь к Джайпо:

— Не мне осуждать тебя, Джайпо! Быть может, это и не твоя вина!

Джайпо (сердито, вскочив). Черт тебя возьми! (Взволнованно, обращаясь к Дану.) Что он хочет сказать?.. К чему он клонит?..

Галлахер (сурово). Садись, Джайпо, и молчи!.. Садись, говорят тебе!

Джайпо садится с видом собаки, не понимающей, за что ее побили. Машинально снимает шляпу, так же машинально начинает ее складывать и засовывать в карман.

Галлахер (Муллигену). Продолжай, Муллиген!

Крупно: Мэри и Дан. Широко раскрытые глаза Мэри полны жалости и сочувствия к Муллигену, который покорно, устало и тихо продолжает свой рассказ.

Муллиген. Я работал до половины четвертого или до без четверти четыре. Потом ко мне пришел Чарли Кориган и сказал, что его брат Дэф только что вышел из тюрьмы, куда попал после восемнадцатидневной забастовки. «Он наверху», — сказал мне Чарли.

Крупно: Джайпо. Голова у него опущена. Он смотрит на каменный пол, туда, где образовалась лужа, которая, постепенно увеличиваясь, сейчас почти уже доходит до его башмаков.

Звук падающих в лужу капель с потолка становится все громче. На этом фоне еще жалобнее звучит голос Муллигена.

Муллиген. Ну вот... поднялся я наверх... и мы проговорили за чашкой чая до шести часов. Я знаю, что ушел оттуда ровно в шесть, потому что как раз, когда я спускался по лестнице, начали бить часы и я остановился, чтобы перекреститься. Потом забежал домой, накинул вот это пальто и пошел в часовню. Я молюсь...

Галлахер. *(прерывая его)*. А далеко часовня от твоего дома?

Муллиген *(после раздумья)*. Может, ярдов сто, а может, и больше. Если свернуть за угол у дома Кайна, будет ближе, а если пойти другим путем...

Галлахер. Предположим, что часовня находится за сто ярдов. Значит, ты пришел туда, когда было примерно... три минуты седьмого. Сколько времени ты там пробыл?

Крупно: лужа на полу у ног Джайпо и быстро падающие в нее капли воды.

Муллиген. Оставался я там примерно до половины седьмого. А выйдя из часовни, у входа еще минут десять разговаривал с отцом Конроем. Он хотел...

Галлахер. Говорил ли ты еще с кем-нибудь?

Муллиген. Сейчас скажу, сэр. После того как я расстался с отцом Конроем, я встретил Барни Корригана.

Галлахер. Возле часовни?

Муллиген. Да... должно быть, ярдах в пятидесяти от нее... но я никогда...

Галлахер. Это не важно!

Дэн задумчиво постукивает карандашом по столу. Испытующе смотрит на Муллигена.

Галлахер. Значит, ты не мог быть вблизи штаба «коричневых», скажем, в шесть часов вечера?

Муллиген *(с неподдельным ужасом)*. Сохрани боже! *(Крестится.)* Умереть мне на месте, если это не так!

Галлахер. Расскажи, что ты делал после встречи с Корриганом?

Муллиген. Вернулся домой, проработал до восьми часов, а потом снова начались боли, и я лег. Так и лежал, пока трое ребят под командой Тома Коннора не пришли и не втащили меня в машину, словно какого-то преступника.

Галлахер (*помолчав*). Еще один вопрос... Был ли ты на кого-нибудь зол? Я имею в виду — за твою сестру?

Муллиген (*не понимая*). За сестру? За какую сестру? Вот уже двадцать восемь лет, как моя сестра живет в Билгоне. У нее пятеро детей...

Галлахер. Все... Впрочем... Ты никому не делал ничего плохого?

Муллиген (*торжественно*). Клянусь, что я никому из друзей и близких не сделал ничего дурного!

Галлахер. Не таил ли ты обиды против Фрэнка?

Муллиген. Боже, упокой его душу!.. За что?.. (*С сочувствием глядя на Мэри*.) Клянусь своей бессмертной душой, мисс Мак Филипп, у меня не было никакого зла против вашего брата.

Глаза Мэри наполняются слезами. Она опускает голову.

Галлахер (*зовет*). Корриган!

Сначала раздается шарканье, потом появляется высокий человек лет сорока.

Галлахер. Корриган, ты видел сегодня вечером в половине седьмого Пата Муллигена?

Корриган. Да, командир, видел.

Галлахер. А время ты точно помнишь? Тут нет ошибки?

Корриган. Нет. Это было как раз в половине седьмого.

• Галлахер. Хорошо. Иди на свой пост.

Корриган отдает честь и уходит. Галлахер и судьи о чем-то тихо разговаривают. Затем Дан обращается к Муллигену:

— Тебя отвезет домой та же машина, которая привезла сюда. Мы очень сожалеем, Муллиген, что пришлось побеспокоить тебя.

Муллиген встает, его душит кашель. Он делает шаг по направлению к лестнице. Его останавливает Галлахер.

— Минутку подожди...

Берет что-то у судей, добавляет к этому еще из своего кармана и, подойдя к удивленному Муллигену, вкладывает ему в руку горсть серебряных монет.

Галлахер. Первое время это поддержит тебя, а там что-нибудь придумаем... Спокойной ночи, Муллиген!

Протягивает ему руку. Муллиген собирается что-то сказать, но не в силах произнести ни слова. В глазах у него слезы. Спотыкаясь, он идет вверх по лестнице. Один из парней заботливо поддерживает его.

Широко раскрытыми глазами Джайпо наблюдает за происходящим.

Джайпо (*бормочет*). Господи, что же все это значит? Они отпускают на свободу доносчика! Да еще суют ему деньги!..

На лбу Джайпо выступает испарина. Он озирается, как затравленный зверь.

Галлахер садится на свое место рядом с Мэри. Суд продолжается... Начинается допрос Джайпо.

Галлахер. Теперь ты, Джайпо, расскажи нам, как провел время с шести часов вечера до часу ночи, то есть до того, когда Мульхолленд встретился с тобой.

Подняв голову, стараясь принять вид оскорбленного, Джайпо развязно заявляет:

— Ну, а какое значение имеет для вас, где я был?

Галлахер. Ну, а разве ты не хочешь рассказать нам, что делал после встречи с Фрэнком Мак Филиппом примерно в шесть часов в ночлежном доме Денбоя?

Как от удара хлыста, вздрагивает Джайпо. Побагровев, он с яростью кричит:

— Это ложь!

Галлахер (обращаясь к Мэри). Мэри, прошу тебя повторить, что сказал тебе брат сегодня вечером, когда пришел домой.

С жалостью и страхом Мэри наблюдает за Джайпо. После слов Галлахера она встает и с трудом говорит:

— Он сказал, что... (Переводит дыхание, указывает на Джайпо.) Что виделся с ним... в ночлежном доме Денбоя... Он сказал... что спросил у него, не следят ли за нашим домом.

Потрясенный Джайпо молча смотрит на Мэри.

Галлахер (спокойно, не повышая голоса). Это правда, Джайпо?

Тот опускает голову. Он не может произнести ни слова. Голос Даңа становится жестким.

Галлахер. Почему же ты сказал сегодня у Мак Филиппов во время отпевания, что предостерегал Фрэнка и советовал ему держаться подальше от своего дома?

Бросив на Дана горящий, дикий взгляд, Джайпо упрямо твердит, как безумный:

— Верно! Верно! Я говорил ему это!

Галлахер. Значит, ты его видел?

Джайпо снова не отвечает. Словно ему не хватает воздуха, он то открывает, то закрывает рот. Он снова поник от настороженных, подозрительных взглядов окружающих.

Галлахер. А для чего ты оболгал Муллигена? Ты это сделал потому, что был пьян, или...

Джайпо (кричит). Да... да... я был пьян!..

Галлахер. Расскажи, что ты делал после встречи с Фрэнком?..

По лицу Джайпо катится пот. С отчаянием и вызовом он кричит:

— А если я ничего не расскажу тебе?.. Что ты тогда со мной сделаешь?

Галлахер. Как хочешь... Не хочешь сам рассказывать, за тебя это сделает Бартли Мульхолленд.

Джайпо в ужасе смотрит на Бартля.

Галлахер. Расскажи-ка лучше нам все сам!

Сжав голову руками, озираясь, Джайпо жалобно, с видом несчастного, убитого горем человека роняет:

— У меня все перепуталось в голове... Я ничего не могу вспомнить...

Галлахер (сурово). Где ты достал деньги, которые сегодня тратил?

Джайпо (со стоном). Говорю же, что ничего не могу вспомнить!

Галлахер (спокойно). Сначала ты потратил фунт стерлингов в кабачке Риана. Слепой нищий, что стоит на углу, сказал, что ему ты дал тоже фунт. Два фунта ты оставил в закусочной Севольди. Два фунта уплатил за выпивку в нелегальном кабачке, откуда тебя и увел Мультхолленд. Там же ты дал пять фунтов какой-то женщине. Еще пять фунтов ты дал за что-то хозяйке нелегального кабачка по прозвищу тетушка Бетти. И, наконец, пять фунтов отдал Кэт Медден... Теперь давай-ка подсчитаем. Получается ровно двадцать фунтов.

Со стоном Джайпо сжимает голову руками.

Джайпо (как бы стараясь припомнить). Я не могу вспомнить... Я пьян, говорят вам!.. Я ничего не могу вспомнить!

Не выдерживает даже Дан. И хотя он из последних сил старается сдерживаться, у него все же повышается голос.

Галлахер. Сознаться, Джайпо!.. Тебе самому станет легче. Скажи что на Фрэнка донес ты!

Шатаясь от вина, отчаяния и страха, Джайпо протягивает к Дану дрожащие руки и умоляет:

— Я совсем не сознавал, что делал!.. Я не сознавал!.. понимаете вы, не сознавал?!..

Все смотрят на него с ненавистью. Вытянув руки по швам, он оглядывает каждого, надеясь хоть в ком-нибудь найти поддержку и сочувствие. Задыхаясь, дрожащим голосом говорит.

Джайпо. Может, кто-нибудь из вас объяснит, почему я это сделал? Я не в силах объяснить это!.. У меня голова раскалывается на части от всего этого...

Плечи Мэри сотрясаются от рыданий. Парни, стоящие позади Джайпо, вынимают револьверы и направляют дула в спину предателя. Командир требовательно стучит по столу дулом своего пистолета, и они застывают на месте.

Галлахер. Стойте... Заприте его!

Охрана хватает Джайпо. Вначале он сопротивляется. Но неожиданно опускает руки и покорно дает подвести себя к дубовой двери. Его грубо толкают туда, запирают дверь на засов и встают возле нее.

С тревогой смотрит Галлахер на Мэри. У нее дрожат губы, ее трясет лихорадка. Словно в забытьи, она повторяет:

— Господи, прости его! Прости его, господи!

Галлахер нежно кладет ей на плечо руку, привлекает к себе, уговаривает ее, стараясь успокоить.

Галлахер. Мне очень неприятно, Мэри, что тебе пришлось присутствовать при этом...

Мэри. Зачем люди уничтожают друг друга? Кому и какая от этого польза? Разве мы не можем жить мирно хотя бы между собой. О боже, прости нас всех! Как все это страшно, Дан!

Галлахер (*нежно*). Дорогая, я отвезу тебя сейчас домой!.. Но ты пойми, здесь дело идет не о мести... Если человек становится предателем, доносчиком, встает необходимость сделать выбор — или спасти наши жизни и организацию, или сохранить жизнь полицейскому осведомителю... Одну минуту!

Садитесь и, наклонившись к сидящим за столом судьям, о чем-то тихо с ними советуется.

Погреб, похожий на каменный мешок.

В тусклом свете виден Джайпо. Он стоит на четвереньках и, словно дикий зверь, руками роет землю. По его лицу, по дикому, блуждающему взгляду видно, что руководит им сейчас инстинкт самосохранения, а не какая-то ясно намеченная цель. Наконец он встает, с трудом держится на ногах. Пальцы у него кровоточат.

Джайпо озирается... У одной из каменных стен видит выступ. Шатаясь, подходит к стене. С трудом взбирается на этот выступ. Найдя точку опоры, нагнув голову, выпрямляется и чувствует, как его лопатки упираются в потолок. Делает глубокий шумный вздох и напрягается, стараясь проломить гнилые доски потолка.

Подвал, где происходил суд.

Никто еще не ушел отсюда. Идет жеребьевка. В правой руке Бартли Мульхолленда осталось всего несколько спичек. Все уже, кроме двоих, тащили жребий.

На очереди Том Коннор. За ним Дэл Гоган. Оба молодые ребята лет 20—22. С беззаботным видом Мульхолленд подходит к ним.

Мульхолленд. Следующий!

Взволнованные, Том и Дэл переглядываются. Никто из них не решается первым тащить жребий.

Том. Тяни ты первый, Дэл!

Дэл. Да нет, тащи первый ты!

Том. Тяни, приятель, Я не возражаю быть и последним.

Мульхолленд. Какая разница? (*Тому.*) Тащи, ты стоишь ближе.

Том (*начиная волноваться*). Почему я первым должен?

Дэл. Да ведь твоя очередь!

Том. Это ты так решил? А почему?

Мульхолленд (*сердито*). Ну, хватит, тяни же!

Наконец, решившись, оба юноши одновременно делают шаг, но, заметив это, оба сразу же останавливаются. Враждебно, будто они соперники, смотрят друг на друга. Мульхолленд, пытаясь скрыть свое волнение, нарочито говорит:

— Бойтесь, что ли, вы?

Дэ л. Да нет же!

Т о м. Вовсе нет!

В один голос заявляют они, и опять оба одновременно протягивают руки. На какую-то долю секунды Дэ л раньше взялся за спичку. Увидев это, Том отдергивает свою руку назад и напряженно, как и все, разглядывает спичку Дэ ла. Дэ л вытянул длинную спичку. Он нервно смеется от радости. Мульхолленд разжимает руку и протягивает Тому обломанную спичку.

Му л ь х о л л е н д. Жребий пал на тебя, Том.

Поблуднев, Том берет спичку с ладони Мульхолленда, ломает ее на мелкие куски и бросает их, медленно потирает руки... Внезапно хлопает себя по правому карману и, пытаясь засмеяться, хрипло произносит.

Т о м. Ха-ха! Я испугался, что потерял свой перочинный ножик.

Никто не успевает ему ответить. Внимание всех привлекает происходящее за запертой дверью. Оттуда слышится треск досок и звук осыпающейся на пол земли. Все бросаются к двери.

Погреб, превращенный в камеру. Джайпо, напрягаясь изо всех сил, старается проломить потолок. Слышится треск, небольшие обломки валяются на пол... Наконец доски с грохотом разлетаются, в образовавшееся отверстие врывается слабая полоска света. Джайпо карабкается к образовавшейся дыре, лезет в нее.

В это время распахивается дверь, с шумом и криком, стреляя наугад, в погреб врываются люди. Но здесь пусто. Джайпо исчез. Заметив пролом в потолке, несколько человек начинают взбираться туда. Голос Дана покрывает общий шум.

Г а л л а х е р. Наверх бегите по лестнице! Да живее!..

Скрытые туманом развалины. Раздается несколько выстрелов. Из тумана появляется бегущий Джайпо.

Он приближается. Какой-то человек настигает его, но Джайпо наотмашь бьет преследователя, тот падает и неподвижно лежит. Доносятся издали крики... становятся ближе.

Подвал. Рядом с Мэри стоит угрюмый Галлахер. Несколько человек сбегают вниз по лестнице. Несколько других выбегают из погреба,

где был заперт Джайпо. Все подбегают к Галлахеру и одновременно докладывают:

Первый. Он удрал!

Второй. Его нет в камере!

Первый. Удрал, черт его побери!

Дэл. Его не поймать в этом тумане!

Том. Этот человек — настоящий дьявол!

Дэл. Он заколдован!

На лестнице раздаются шаги. Вниз спускаются четверо. Они несут человека, которого ударил Джайпо.

Кладут его на большой стол.

Галлахер. Кто это?

Флинн. Корриган. У него разбита челюсть.

Том. Этот Джайпо какое-то чудовище!

Входят и остальные, бросившиеся в погоню за Джайпо.

Голоса. Командир, мы не нашли его!

— Он удрал!

Последним спускается Мульхолленд. Еще на лестнице он говорит:

— Решили вернуться. В таком тумане не видно даже собственной руки.

Все окружают Галлахера. Только несколько человек возятся у стола, на котором лежит Корриган. Ему перевязывают разбитую челюсть, вытирают кровь...

Пришибленные внезапной катастрофой, все вопросительно смотрят на Галлахера. Он понимает, что сейчас должен и думать и решать за всех. Лицо у него сосредоточенное, но на нем нет ни тени растерянности или испуга. Очевидно, приняв какое-то решение, командир говорит неторопливо, спокойно и твердо.

Галлахер. Мы должны быстро действовать, друзья! Здесь он не останется. Он прежде всего побежит в город. И если мы не поймем его и ему удастся добраться до «коричневых», мы погибли. И не только мы.... Погибло наше дело... Ясно вам это?

Голоса. Да!

— Да, командир.

— Конечно, ясно!

Позади Дана стоит Мэри. Она с тревогой наблюдает за происходящим.

Галлахер. Финнеган и Мэрфи, вы остаётесь здесь для охраны помещения. Присмотрите за Корриганом. Том, ты вместе с Дэлом отправись к штабу «коричневых». Мульхолленд, поезжай в машине и постарайся у мостов перерезать ему дорогу. Он попробует перебраться на ту сторону. Расставь людей и сам стань у Бэттского моста. Я пришлю вам подкрепление. Слаттерн, отправляйся за подкреплением. Живее. (Сурово.) И помните, если он уйдет от нас, — погибли мы!

За исключением Финнегана и Мэрфи, все поднимаются к выходу. Дан подходит к Корригану.

Галлахер. Ты в него стрелял, Корриган?

Корриган с трудом кивает головой.

Галлахер. Как ты думаешь, убил его?

Корриган отрицательно качает головой.

Галлахер. Я отвезу тебя к врачу как только смогу. Ты можешь выпить немного?

Корриган кивает.

Галлахер. Вот моя фляга, пей!

Вкладывает флягу в руку Корригана. Подходит к Мэри, берет ее под руку и направляется с ней к лестнице. Обернувшись, говорит Финнегану и Мэрфи.

Галлахер. Если он сумеет добраться до «коричневых», то через час те будут здесь. Поэтому лучше унесите отсюда Корригана. Я скоро пришлю за ним... На всякий случай... достаньте из оружейного склада гранату. Если «коричневые» найдут вас, бросьте ее в них...

Не оглядываясь больше, он торопливо поднимается с Мэри и скрывается наверху...

Улица, окутанная туманом. Кругом ни души. Как раз здесь мы впервые увидели Джайпо. Вот и кирпичная стена, слабо освещенная фонарем. Те же старые афиши. Сохранился и след от сорванного Джайпо объявления.

Из тумана возникает чья-то ссутулившаяся фигура... Озираясь, словно затравленный зверь, как призрак скользит она вдоль стены. Это Джайпо. Пробираясь сквозь колючий кустарник, он порвал одежду, где-то потерял шляпу. В его безумных глазах ужас от всего пережитого и страх перед будущим.

Когда Джайпо уже приближается к углу, тишину улицы разрывает мерный топот проходящих мимо солдат.

Джайпо вплотную прижимается к стене, как раз там, где еще недавно висело сорванное им объявление о Фрэнке Мак Филиппе. Так и стоит он, весь сжавшись, почти невидимый в тумане. Топот за углом становится громче. Затравленный, дикий взгляд Джайпо неподвижно устремлен вперед, туда, где в тумане проходит патруль «коричневых». Но вот патруль проходит... Джайпо с опаской выпрямляется. У него все перепуталось в голове, не осталось никаких чувств, кроме одного, — во что бы то ни стало остаться живым. Все его поступки сейчас диктуются инстинктом самосохранения. Вот и сейчас... Именно инстинкт самосохранения заставляет его посмотреть на стену. Он видит там следы объявления. И сразу же перед его взором на стене возникает это объявление, освещенное тусклым светом. А через мгновение на Джайпо уже смотрит живое, улыбающееся лицо Фрэнка Мак Филиппа, и голос друга тихо повторяет.

Голос Фрэнка. Я твой ум... Я мог бы помочь тебе, но не стану. И знай, никогда я не прошу тебе горя, которое ты причинил моей матери... не прошу до тех пор, пока она сама не простит тебя!..

Лицо Фрэнка улыбается... Негромкий вопль, полный тоски и злобы, вырывается у Джайпо. Он яростно бьет по улыбающемуся лицу. Но... окровавленные руки Джайпо больно ударяются о кирпичную стену. На смерть перепуганный, он отскакивает назад, озирается и, гонимый животным страхом, бросается бежать.

Улица, где находится дом Мак Филиппов. Из тумана выбегает Джайпо. Обо что-то споткнувшись, он падает перед дверью. Поднявшись, дико озирается по сторонам. Видит, что в дверях появляется Фрэнк Мак Филипп, озаренный каким-то странным светом. Улыбаясь, Фрэнк указывает на Джайпо. Тот со стоном отворачивается, снова бросается бежать... Гонимый страхом, бежит он мимо какого-то переулочка, мимо церкви... Наконец останавливается перед грязным двухэтажным домиком... У входной двери тускло горит газовый рожок.

Спотыкаясь, Джайпо вбегает в дом.

Грязный коридор. Согнувшись, входит Джайпо. Оглядывается. Тушит газовый рожок. Начинает подниматься по грязным, скрипящим ступенькам. В какой-то квартире громко плачет ребенок... Джайпо идет по грязному, обшарпанному коридору... Крадучись, подходит к дверям одной из комнат. Прислушивается. Очевидно, решив, что там ему ничего не угрожает, открывает дверь и осторожно входит.

Небольшая комнатка. Дешевая мебель. На стене распятие, картина божественного содержания. В углу кровать, дешевенький умывальник, пещурка. Перед печкой спиной к нам на коленях стоит девушка.

Входит Джайпо. Запирает за собой дверь. Девушка испуганно оборачивается. Встает.

Это Кэт Медден. Придя с улицы, она так и не раздевалась. У нее бледное, измученное лицо. Увидя вошедшего, Кэт испуганно шепчет:

— Джайпо!

Тяжело дыша, с мольбой протянув руки, Джайпо подходит к ней.

Дж а й п о. Они гонятся за мной, Кэт.

С любовью и страхом оглядывает его Кэт. Трогает разорванную рубашку, нежно прижимается к нему.

К э т. У меня изболелось сердце, Джайпо!.. Где ты был?

Дж а й п о (хрипло). Они гонятся за мной!.. Но им не поймать меня!.. Нет... Я им не дамся!.. Мы уедем отсюда, Кэти. Уедем, ты и я!

Кэт (*в ужасе*). Джайпо!

Джайпо (*тяжело дыша*). Где те двадцать фунтов стерлингов, что я тебе дал?

Кэт. О чем ты говоришь?.. Что с тобой?

Джайпо. Я сделал это для тебя, Кэт!.. Для тебя.. Но я не могу сказать об этом Галлахеру! Они все равно не поймут меня! А ты должна понять...

Кэт (*с замиранием сердца*). Что сделал ты для меня?.. Что?

Джайпо. Донес на Фрэнка!.. Вот где я получил тебе двадцать фунтов!

Кэт сурово, с осуждением смотрит на него. Из ее груди вырывается крик отчаяния и боли. Сквозь рыдания она повторяет:

— О Джайпо, Джайпо!.. Да простит тебя бог!..

Джайпо. Мы отсюда уедем... Они не найдут меня... Видишь, как я тебя люблю, Кэти!.. Для тебя я предал друга!..

Он страстно прижимает ее к себе и целует. Не отвечая на поцелуй, но и не пытаясь освободиться, она остается в его объятиях.

Вдруг Джайпо замечает огонь в печке. Это радует его, как ребенка. Оставив Кэт, он подходит к печке, протягивает к огню руки и с довольным видом потирает их.

Джайпо. Ух, какой замечательный огонь... Как хорошо здесь после темноты и тумана! Ух, хорошо... Вот я здесь и переночую... а потом мы уедем... Я так устал... так хочу спать...

Садится возле печки на пол. К нему подходит Кэт. На сердце у нее тяжело. С трудом она говорит унылым, бесцветным голосом:

— Ложись... отдохни.

И тут же с материнской нежностью помогает ему устроиться поудобнее. Джайпо с удовольствием растягивается перед огнем, подложив руку под голову.

Джайпо. Ух, как хорошо... хорошо... Ты не знаешь, что значит бежать в тумане в такую ночь...

Стонет. Уже полусонный, приподымается и нежно просит:

— Сядь рядом со мной.

Кэт садится. Она очень расстроена. В ее глазах, устремленных на огонь,— боль и страдание. Но Джайпо совершенно не обращает внимания на ее состояние, вернее, попросту не замечает его.

Джайпо. Ты, Кэт, теперь единственный человек, которому я доверяю.. Ты любишь меня?..

Кэт (*прерывающимся от сдерживаемых рыданий голосом*). О да! Да-да, Джайпо. Я даже после своей смерти буду любить тебя!.. Но ты и не знаешь, что сделал со мной!.. Нет, ты не знаешь!..

Его большая рука доверчиво ложится на ее колено... Глубоко вздохнув, он засыпает... Кэт пристально смотрит на эту большую, сильную ру-

ку. Нежно берет ее, ласково гладит. По ее щекам катятся слезы. В отчаянии девушка шепчет:

— О Джайпо, Джайпо... я знаю, ты не понимал, что делал... Я ведь готова отдать за тебя жизнь... бедный, глупый мальчик!..

Подносит его руку к губам, нежно целует ее и бережно опускает ему на грудь. Сдерживая рыдания, встает, гасит газовый рожок и выходит тихо закрыв за собой дверь. Слышно, как она снаружи запирает ее.

На полу мирно спит Джайпо. Острые язычки пламени мягко освещают его большую голову со спутанными волосами, вздымающуюся грудь. Его лицо безмятежно, спокойно.

Светает.

Комната в доме Мак Филадельфов. Ярко горит камин. Только тикание часов нарушает тишину.

У окна все еще в пальто стоит Мэри. У камина, задумчиво глядя на огонь, — Дан.

Туман на улице рассеивается. В окно проникает слабый рассвет. Молчание прерывает Мэри.

Мэри. Который час?

Галлахер (*посмотрев на часы, стоящие на камине*). Половина шестого.

Из коридора, доносится слабый стук.

— Что это?

В окно Мэри видит маленькую, закутанную в шаль фигурку, свернувшую направо.

Мэри. Мама пошла в церковь.

Галлахер снова погружается в задумчивость, устремив взгляд на огонь. Подходит Мэри, с нежностью смотрит на него. Хочет о чем-то спросить и не решается.

Мэри. Дан... А если вы не найдете его?

Не получив ответа, прижимается к нему. Продолжает взволнованным шепотом:

— Если я потеряю и тебя, я умру... Я не переживу этого.

Галлахер (*тихо*). Дорогая, я думаю теперь не о себе. Я думаю обо всех повстанцах, о нашей борьбе, об Ирландии! (*Горько*.) Этот несчастный глупец слишком много знает.

Мэри (*прижимаясь к нему*). О, если бы я могла хоть чем-нибудь помочь... Это ожидание так ужасно!.. Может быть, я могу помочь чем-нибудь тебе?

Ответа нет... Наконец тихо и нежно он просит:

— Повтори мне еще раз, что ты меня любишь.

Мэри. Люблю тебя... Я всегда буду тебя любить, что бы ни случилось. Никогда никого у меня не будет, кроме тебя!

Дан нежно целует ее.

За окном слышатся торопливые шаги. Кто-то входит в коридор, быстро открывает дверь.

Том. Командир!

Галлахер (*быстро подойдя к двери*). Да?

Том. Она хочет видеть тебя... Настаивает... Ни с кем из нас говорить не желает.

Галлахер (*резко*). О чем ты?.. Кто хочет меня видеть?..

Не успевает Том раскрыть дверь, как, оттолкнув его, в комнату вбегает Кэт Медден. Увидев Галлахера, она останавливается. Дрожанием голоса говорит.

Кэт. Я Кэт Медден... девушка Джайпо Нолена.

Бросив на нее быстрый взгляд, Галлахер делает знак изумленному Тому, стоящему в дверях.

Галлахер. Закрой дверь!

Том закрывает дверь. Кэт стоит молча. Не сводит глаз с Галлахера. Несколько мгновений все молчат. Нервы у всех напряжены до предела. Наконец Кэт, умоляюще сложив руки, обращается к Галлахеру.

Кэт. Командир, я пришла на коленях умолять о пощаде. Он не сознавал, что делал!.. Вы не тронете его, когда узнаете, почему это произошло!

Галлахер (*сурово*). Вы знаете, что он сделал? Вот там лежит тело человека, которого он предал.

Кэт. Я знаю, почему он так поступил... И хоть сделал он это в бессознательном состоянии, он сделал это ради меня... Ради меня, клянусь вам! О всемилостивый боже, прости меня за слова, которые я ему сказала в минуту гнева... Я пристыдила его за бедность, обвинила в моей бедности... Это я и внушила ему!.. Простите его, он не сознавал, что творил.

(*Умоляюще, почти плача*.) Пощадите его, командир... За свой поступок он сам наказал себя... До конца своей жизни он будет теперь мучиться — и вместе с ним... я.

Галлахер. Вы просите невозможного... не в моих силах что-либо изменить...

Кэт. Никогда больше он не причинит вам никакого вреда!

Галлахер. И вы думаете, что теперь «коричневые» оставят его в покое?.. Да они вытянут из него все, что он знает... К ним потянет его страх и страх же превратит его в их орудие, которое и уничтожит нас!

Кэт. Я увезу его! Клянусь вам всеми святыми, что я это сделаю!

Галлахер. Прошу вас, перестаньте!

Поняв, что от командира она ничего не добьется, Кэт приходит в отчаяние. Именно отчаяние и заставляет ее обратиться к Мэри, которая широко раскрытыми глазами наблюдает за происходящим.

Кэт. Я не могу сейчас равнять себя с вами... но когда-то я была такой же девушкой, как и вы... и какой бы сейчас я ни была, по вашим глазам я вижу, что вы любите его. (*Глазами показывает на Галлахера*.)

Так представьте, что вам нужно было бы спасти его жизнь... Разве вы не умоляли бы о пощаде? Так почему же вы отказываете в ней мне, грешной женщине?

Коридор в доме Мак Филиппов.

У двери в комнаты стоят Мульхолленд и Том Коннор. Они прислушиваются к разговору в комнате. Весь разговор здесь ясно слышен.

Голос Галлахера. Где сейчас Джайпо?

Голос Кэт. У меня в комнате... Тут, в доме за церковью. Но обещайте, что вы не причините ему никакого зла. Дайте ему возможность исправиться... Он безобидный человек... Он не сознавал, что делал!...

Мульхолленд многозначительно смотрит на Тома. Том отвечает ему понимающим взглядом. Так, не сказав друг другу ни слова, они одновременно поворачиваются и поспешно уходят.

Комната в доме Мак Филиппов.

Кэт. Мисс Мак Филипп, во имя вашей любви, попросите его не трогать моего Джайпо!

Галлахер (борясь с собой). Кэт, Кэт! Сейчас дело не в наших чувствах... Сейчас война... Уверю вас, я сделал для Джайпо все, что можно... Он сам сознался. Не я вынес ему приговор. Его вынес суд. Разве вы не понимаете, что я бессилён что-либо сделать.

Кэт (с отчаянием, обращаясь к Мэри). А если бы это был он и вы умоляли бы пощадить его жизнь?

Галлахер. Да ведь так оно и есть... На карту поставлена моя жизнь и жизнь сотен других людей, которые борются за наше дело... Неужели вы не понимаете, о чем вы просите?

Кэт. Нет!.. вы этого не сделаете!.. Я знаю, вы этого не сделаете!.. Нет... нет!

Мэри больше не может видеть страдания этой девушки, но и помочь ей ничем не может. С тихим стоном она подходит к распятию, перед которым на столе горит свеча. Опускается на колени, безмолвно молится, сжимая руки. Кэт молча смотрит на нее, взгляд у нее смягчается, неожиданно лицо озаряется внутренним светом. Ни накрашенные губы, ни нарумяненные щеки не могут убить сейчас невинности и чистоты, которые от нее исходят. Она робко подходит к Мэри, нерешительно смотрит на нее и тихо спрашивает:

— Можно мне помолиться вместе с вами?

Мэри. Конечно!

Кэт опускается на колени... И две, такие разные, девушки безмолвно просят у бога одного и того же — сохранить жизнь любимого. С горечью смотрит на них Галлахер... Он-то хорошо понимает их молитву.

Утро. Комната Кэт.

На полу возле потухшей печки спит Джайпо. Вдали слышится церковный звон. Внезапно раздается громкий стук в дверь, слышатся голоса. Проснувшись, Джайпо сразу вскакивает и хватается щипцы для угля. Снаружи кто-то ломится в дверь. Она трещит и наконец распаивается. В комнату врываются Мульхолленд, Дэл Гоган и еще один молодой боец. Джайпо бросается на них. Неожиданная атака заставила тех отступить. Они стреляют... Мимо... Джайпо насаждает. От его удара падает Дэл. Мульхолленд и боец бросаются на Джайпо. Вцепились в него. Он тащит их в коридор. Пускать в ход оружие никто не решается — бояться попасть друг в друга...

Сцепившись в клубок, дерущиеся вываливаются из комнаты в коридор. Стучаются о перила лестницы. Ветхие перила не выдерживают удара и обрушиваются... Вниз по лестнице катится клубок человеческих тел...

Улица перед домом, где живет Кэт.

Несколько парней в военной форме подходят к входной двери. Впереди Том Коннор. За дверью слышен какой-то шум, треск. Том открывает дверь. Сверху по ступенькам с грохотом катится клубок человеческих тел... Внизу из этой кучи сразу же поднимается Джайпо, делает скачок... хочет выскочить на улицу. Раздается выстрел. Это Том Коннор стреляет в Джайпо. Тот пятится от нападающих. Раздается еще несколько выстрелов.

Комната в доме Мак Филиппов. Рядом на коленях молятся Мэри и Кэт. Галлахер стоит у камина. Доносятся звуки выстрелов. Кэт поднимается с колен и, как будто пуля попала ей в сердце, со стоном прижимает руку к груди. Спотыкаясь, идет к окну. Тихо восклицает:

— Джайпо!

Улица перед церковью.

Церковь, окутанная легкой дымкой утреннего тумана.

Еле держась на ногах, шатаясь от слабости, возле церкви стоит Джайпо. Собрав последние силы, вытянув руки по швам, как подобает военному, он направляется в церковь.

Притвор. Медленно входит Джайпо. Останавливается возле чаши со святой водой. Погружает туда руку, хочет перекреститься, но рука не повинуется ему... удивленно смотрит на нее...

Уходит в узкую дверь.

Маленькая бедная церковь...

У бокового придела одинокая женская фигура на коленях.

Входит Джайпо. Он в разорванной, окровавленной одежде. В крови лицо, изо рта течет струйка крови...

Очутившись в полумраке церкви, он оглядывается, не понимая, как сюда попал, где он. Замечает коленопреклоненную женщину. Шатаясь, все той же медленной и напряженной походкой направляется к ней. Узнает миссис Мак Филипп. Останавливается перед ней и громким шепотом говорит:

— Миссис Мак Филипп!.. Это я донес на вашего сына... Простите ли вы меня?..

По добромум изможденному лицу миссис Мак Филипп струятся слезы. Она поднимает на Джайпо глаза и мягко говорит:

— Я прощаю тебя, Джайпо... Ведь ты же не сознавал, что делал!

И тихий ласковый голос убитой горем матери и ее слова наполняют сердце Джайпо огромной радостью. Вот наконец-то он получил прощение и теперь обретет покой... Громко, радостно несчастный кричит:

— Фрэнк! Фрэнк!.. Твоя мать простила меня!

С трудом делает несколько шагов к большому распятию и мертвым падает у его подножия.

Римин Данн

КАК ЗЕЛЕНА БЫЛА
МОЯ ДОЛИНА

Часть первая

Торжественный хор мужских голосов исполняет одну из любимых народных песен Уэльса. Первые кадры идут под звуки этой песни.

Вступает диктор; пение становится тише.

В кадре: руки Хью — руки человека лет шестидесяти, бережно завертывающие рубашки, галстуки и носки в старый платок. Руки завязывают узел. Камера движется к окну; за окном видна типичная угольная равнина Уэльса: безобразная, грязная. Повсюду торчат трубы, краны и многочисленные горы породы. Недалеко от окна возвышается террикон, почти закрывающий небо.

Голос Хью (*на фоне сменяющихся кадров*). Я уложил мои вещи в маленький голубой платок, которым мать повязывала голову, убираясь в доме, и уйду из моей долины. Я уже никогда не вернусь. Позади я оставлю шестьдесят лет воспоминаний. Воспоминаний... Странно, что мы часто забываем случившееся только вчера и бережно храним в памяти события, которые произошли много лет назад. Помним о людях, давно умерших. От прошедшего нас не отделяют никакие барьеры и преграды. Вы можете мысленно возвращаться к тому, что привлекает вас, если это еще сохранилось в вашей памяти.

Круто поднимающаяся вверх улица.

На заднем плане — шахты и терриконы.

По улице, согнувшись, поднимаются и спускаются бедно одетые люди.

Тесно сгрудились закопченные дома, выстроенные из камня. Повсюду следы бедности и разрушения.

Перед нами безобразная угольная долина... Дым, копоть, нищета.
Долина скрывается в дымке.

Снова долина... Но уже другая, цветущая и зеленая, — такая, какой она была когда-то...

Тот же пейзаж до мельчайших подробностей и в то же время совсем иной.

...Во всем своем великолепии возвышается церковь, которая почти не была заметна в первых кадрах. У шахты небольшая гора породы. Это единственное уродливое черное пятно на нежной зелени.

...Сельская церковь. Она господствует над улицей.

...Шахта. Невдалеке небольшая горка породы — грязное черное пятно на зелени.

Снова церковь, горделиво возвышающаяся над всем.

Голос Хью. Я закрываю глаза, чтобы не видеть, как изменилась моя долина... и вот передо мной долина моих детских лет. Она была зеленой и плодородной. Во всем Уэльсе не было долины прекраснее. Угольные копи тогда еще только начали раздирать своими когтями черными пальцами ее нежную зелень. Отбросы угольных шахт — черная порода тогда лежала еще небольшой грудой. Властительницей долины была наша маленькая церковь, возвышавшаяся над улицей.

Вдали под горой появляются мужчина и мальчик, они медленно поднимаются вверх по улице. Это Гвилим Морган и его десятилетний сын Хью — рассказчик этого фильма. Судя по их одежде 90-х годов прошлого столетия, они горняки.

Морган, улыбаясь, смотрит на сына, который старается шагать с ним в ногу.

Хью жадно впитывает слова отца. Он словно видит людей, о которых тот ему рассказывает. Отец и сын останавливаются на склоне холма; их силуэты четко вырисовываются в золотых солнечных лучах, пронизывающих долину. Ветер развеивает их волосы.

Голос Хью. Я обязан моему отцу всем, что я познал в детстве; то, чему он меня учил, никогда не бывало бесполезным или неверным. Он рассказывал мне о нашей долине и ее жителях — мужественных людях Уэльса, никогда не склонявших свои головы перед завоевателями — ни перед римлянами, ни перед датчанами, ни перед саксами. Женщины тогда не успевали рожать, чтобы возместить потери, — так много гибло народа. Люди долины, уже давно умершие, оживали в моем воображении... казалось, я хорошо знал их раньше. Битвы, которые вели они, — уже забыты. Мы, новые люди долины, ведем новую борьбу — мы отвоевываем у зеленой долины черные богатства ее недр, мы добываем уголь — уголь, который

вначале обогатил нас, а затем сделал беднее, чем прежде. Мой отец и все мои братья были шахтерами; они так же гордились своей профессией, как их предки своими битвами.

В кадре крупно: заводской гудок. Он протяжно гудит.

Штольня. Забой.

Старший сын Моргана Айвор отбивает киркой уголь. Он весь черный от угольной пыли.

Голос Хью. У нас была большая семья. После отца самым старшим был Айвор — человек положительный и твердый, как скала.

В кадре: Ианто, второй сын Моргана. Стоя по пояс в воде, он ломом вытаскивает огромный камень.

Ианто оборачивается на звук гудка.

Голос Хью. У Ианто был дьявольский язык, и драка была ему дороже всего на свете.

В кадре: Дэвид с киркой на плече и фонарем в руках. Он идет вниз по штольне.

Голос Хью. Дэви — это был мозг нашей семьи...

Оуэн и Гвилим катят тачку, полную угля.

Голос Хью. Мечтатель Оуэн, почти всегда молчаливый... Другой брат, названный Гвилимом в честь отца, в противоположность ему острый на язык.

Рудничный двор.

Группа горняков у клетки. Среди них Морган с сыновьями. Они входят в клеть. Клеть медленно ползет вверх. Среди шахтеров несколько подростков.

День. У главного спуска в шахту. Дюжие горняки, черные от угольной пыли, выходят из клетки и становятся в очередь за получкой. На переднем плане семья Морганов.

Айвор стоит перед маленькой будкой кассира и получает золотые монеты. Перед кассиром разложены стопочки золотых монет. Айвор роняет одну, она падает со слабым звоном.

Голос Хью. Суббота была радостным днем. После утренней смены шахтеры получали свой недельный заработок. В те далекие дни на шахтах хорошо платили и зарабатывать было легко.

Шахтеры не получали бумажек. Солидные золотые соверены, желтые, как нарциссы, звенели, когда падали на что-нибудь твердое.

Дом Морганов. Энгарад, красивая девушка лет семнадцати, стоит в дверях и смотрит в сторону шахты. Потом уходит в дом, выносит оттуда табуретку и ставит ее у двери.

В дверях появляется миссис Морган (Бетс); она садится на табуретку и тщательно расправляет свой белоснежный передник.

Большая толпа шахтеров спускается с холма. Они приближаются к деревне. Один затягивает песню, остальные тотчас же ее подхватывают.

Звучит мелодичная уэльская песня...

...Горняки спускаются с холма. Они поют. Маленькими группами шахтеры расходятся по домам.

Морган и его пять взрослых сыновей также отделяются от толпы и подходят к калитке своего садика.

Морган бросает соверены на колени жены и входит в дом.

За отцом идет Айвор. Он улыбается матери. За ним следуют остальные братья. Проходя мимо Хью, Ианто дергает его за ухо.

Голос Хью. Моя сестра Энгарад предупреждала мать, когда мужчины начинали спускаться с холма. В день полочки все женщины надевали свои праздничные платья и туго накрахмаленные белые передники. Обычно кто-нибудь из шахтеров запевал песню. Любовь к песне присуща моему народу, как зрение глазу... Когда шахтеры входили в свой дом, они бросали весь заработок, соверен за совереном, в сверкающие белизной передники жен. Впереди шли отцы, за ними сыновья. Каждую неделю отец и пять моих братьев приносили сорок соверенов, которые хранились в копилке на очаге.

Навес у дома Морганов.

Энгарад и Хью соскабливают грязь и копоть со спин обнаженных по пояс братьев. Рядом стоят ведра с водой и висят полотенца.

В кадре две руки, черные от угольной пыли. Руки безуспешно стараются смыть ввешуюся в них грязь. Но, несмотря на все усилия, на коже остаются черные борозды угольной пыли.

...Братья усердно вытираются. Хью становится на цыпочки, стараясь достать до широких плеч Айвора. Он брезгливо смотрит на свои белые руки.

Голос Хью. Под навесом начиналась основательная чистка. Мать приносила ведра горячей и холодной воды, а я помогал сестре соскабливать угольную пыль со спин братьев. Спины удавалось отмыть почти добела, но руки не поддавались. Скребешь, скребешь, а мистер Уголь все остается да еще смеется над вами. Но я завидовал моим братьям, которые носили на себе это почетное отличие шахтера.

Кухня в доме Морганов.

За столом сидит Морган. Подняв глаза, он шепчет слова молитвы. Вся семья стоит вокруг стола, уставленного многочисленными кушаньями. Мо-

лодежь с нетерпением ждет окончания молитвы. Хью беспокойно вертится, и отец бросает на него строгий взгляд.

Морган режет мясо, Бетс разливает суп по тарелкам. Каждый получает полную тарелку, и семья приступает к обеду.

Голос Хью. Затем наступал обед. Отец произносил молитву, устремив глаза на большое пятно на потолке. Порой он исподлобья бросал на меня сердитый взгляд; это случалось, когда я начинал вертеться. Возле отца всегда ставилось блюдо с толстым филеем и второе блюдо с целой лопаткой или окороком баранины. На столе стояли цыплята, утки или гусь, масса овощей и суп. Какой чудесный аромат шел от супа! Он пах живительными соками благоухающих трав девственной земли. Если у счастья есть аромат, то я его знаю, потому что в те дни наш дом был буквально пропитан им. Мы не разговаривали за едой. Я никогда не встречал человека, беседа которого была бы приятнее хорошего обеда.

Бетс, улыбаясь, оглядывает свою семью. Подойдя к печке, она снимает крышку с горшка.

Голос Хью. Моя мать всегда суетилась: она последняя садилась обедать и первая вставала из-за стола. Отец был главой нашей семьи, а мать была ее душой.

Энгард моет посуду в раковине.

Рядом Хью с полотенцем в руках. Он перетирает тарелки.

Голос Хью. После обеда, когда посуда была вымыта, копилка с деньгами ставилась на стол, и каждый из нас получал деньги на карманные расходы.

Столовая в доме Морганов. На камине копилка с деньгами. Бетс берет ее и ставит перед мужем. Сидя за столом, он курит трубку. Вокруг него стоят сыновья. Как только Морган открывает копилку, из кухни прибегают Хью и Энгард.

Друг за другом, по старшинству подходят к отцу сыновья. Каждого из них Морган наделяет небольшой суммой. Но прежде всех золотые монеты получает Бетс. Вместе с ними она получает нежный поцелуй.

Голос Хью. Мой отец всегда говорил, что деньги созданы для того, чтобы их тратить, а так как люди затрачивают физические и духовные силы на их приобретение, то тратить их следует легко, но не бессмысленно.

Позади всех, как самый младший, стоит Хью. Он полон страстного ожидания и нетерпения.

Морган шутливо хмурит брови и протягивает ему пенни.

Получив пенни, мальчик молниеносно выбегает из комнаты. Морган и Бетс смеются. Хью бежит по коридору и скрывается за дверью. Затем стремительно вбегает обратно, хватая свою кепку и снова исчезает.

Хью вылетает из дома. Мчится по улице. Скрывается за углом.

Голос Хью. Каждую субботу я получал пенни; выбегая из дома, заворачивал за угол — и так сотни раз.

По маленькой лужайке бежит Хью. Поравнявшись с церковью, он замедляет шаг и степенно проходит мимо нее. Навстречу ему идет пожилая чета. Хью вежливо приподнимает свою кепку.

Голос Хью. Мимо церкви приходилось идти медленно, потому что отец прежде всего внушал нам уважение к ней.

Миновав церковь, Хью снова пускается бежать. Он заворачивает в переулок и подбегает к маленькой кондитерской. Над входом вывеска.

«Тоссол.

Булочная и кондитерская»

В кондитерскую стрелой влетает Хью. Из глубины доносится звук колокольчика.

От нетерпения Хью приплясывает перед прилавком. Добродушная пожилая женщина вручает ему уже приготовленный пакетик с тянучками и получает пенни. Мальчик вежливо кланяется и идет к двери. Когда он выходит из двери, колокольчик звенит опять.

...Хью набивает рот тянучками. Он блаженствует. С усилием жует... Отправляет в рот еще несколько тянучек.

Тянучки вязнут на зубах; тогда Хью засовывает палец в рот и наводит там порядок.

Голос Хью. Я бежал прямо в лавочку к миссис Тоссол за тянучками. Мне даже теперь кажется, что их можно жевать часами; после того как они уже исчезли, их вкус еще долго ощущается на языке. Этот вкус у меня во рту до сих пор — столько лет спустя. Он всегда напоминает мне о многом хорошем, канувшем в вечность! В одну из таких суббот я впервые увидел Брон—Бронуен. Она пришла тогда первый раз к моей матери из соседней долины...

Хью возвращается домой. У калитки он останавливается и с любопытством смотрит на дорогу. Его что-то там заинтересовало, и даже свои тянучки он жует медленнее, чем обычно.

По улице, приближаясь к калитке, идет очень красивая девушка. На ней шляпка, завязанная под подбородком пестрой ленточкой, на руке небольшая корзинка.

Бронуен подходит к калитке.

На экране вновь воскресает вся жизнь маленькой деревушки с ее неясными шумами — звоном церковных колоколов, стуком колес проезжающего экипажа и шагами Бронуен.

Бронуен вопросительно смотрит на дом и отворяет скрипучую калитку. Увидев Хью, она останавливается и улыбается.

Бронуен. Это дом Гвилима Моргана?

Хью кивает головой, не отрывая от девушки глаз.

Бронуен (*улыбаясь*). Вы, наверное, Хью.

Хью судорожно глотает тянучку, затем поворачивается и мчитя в дом.

Брон, смеясь, идет за ним.

В кухне у окна стоит Бетс. Она режет на столе пирог. Вбегают запыхавшийся Хью.

Бетс. Что с тобой?

Хью не в состоянии произнести ни слова. Он только открывает рот и показывает пальцем на гостиную.

Бетс (*поднимая голову*). О-о!..

Бетс кладет нож на стол и быстро поправляет волосы. Увидев стоящую в дверях гостиную Бронуен, она идет ей навстречу.

Бетс. Вы Бронуен?

Бронуен (*шепотом*). Да.

Бетс. Входите, мое дитя.

Они входят в гостиную. Бетс нежно целует девушку, затем отступает на шаг и любуется ею.

Бетс. Какая вы прелестная. Я так горда за Айвора.

Бронуен (*робко*). Нет. Это мне надо гордиться.

Бетс (*смеется*). Вы такого хорошего мнения о нашем Айворе? Кажется, еще совсем недавно он бегал здесь, разинув рот, как этот. (*Указывает на Хью, который с открытым ртом глазееет на Бронуен.*)

Бетс щелкает пальцем по подбородку мальчика. Потом, взяв у Бронуен корзинку, передает ее Хью.

Бетс. Хью, это Бронуен, она будет твоей сестрой.

Бронуен (*улыбаясь*). Мы уже познакомились.

Наклоняется к Хью и целует его. Хью, полный удивления и благоговейного трепета, слегка поглаживает щеку, которую она поцеловала.

Бронуен (*улыбаясь*). Осторожно: в корзинке песочное печенье.

Это звучит как предложение попробовать. Но мысли Хью далеки от песочного печенья.

Слышен голос Моргана.

Голос Моргана (*сердечно*). Ну...

Морган спускается по лестнице, за ним идут его сыновья. Морган улыбается Бронуен и, обернувшись, подзывает пальцем Айвора.

Морган. Айвор...

Не спуская глаз с Бронуен, Айвор идет вниз по лестнице. Братья урядкой пересмеиваются.

Ухмыляясь, Морган подталкивает Айвора к Бронуен. Когда Айвор заключает Бронуен в свои объятия, Морган замечает, что Хью во все глаза глядит на них. Взяв Хью за ворот, Морган ведет его к лестнице. Мальчику хочется оглянуться, но он не смеет.

Морган (*ухмыляясь*). Тебе еще рано, сынок, подожди, придет и твой черед.

Он дружески подталкивает Хью к лестнице и возвращается в комнату.

Хью неохотно поднимается по лестнице; часто останавливается и грустно оглядывается назад. Он слышит радостные, возбужденные голоса взрослых; его братья знакомятся с Бронуен и поздравляют Айвора.

Голос Хью. Мне кажется, что именно тогда я и влюбился в Бронуен. Пожалуй, глупо думать, что ребенок способен влюбиться. Но я влюбился ребенком, и никто, кроме меня самого, не знает, что я испытывал. В ту субботу, когда я увидел Бронуен на холме, я влюбился в нее.

День.

Группы празднично одетых людей входят в церковь.

...Церковь полна народом в праздничных одеждах. Мужчины сидят с одной стороны, женщины с другой.

Айвор стоит, нервничая. Рядом с ним Ианто, позади остальные братья.

Под руку со своим отцом в подвенечном платье Бронуен идет по проходу между скамьями.

Бетс и мать Бронуен плачут от счастья. Отец Бронуен становится рядом с Морганом. Оба обливаются потом и чувствуют себя очень неловко в своих праздничных костюмах. С торжественным видом стоят братья Морганы. Среди них Хью.

Айвор и Бронуен перед пастором Мердином Граффиддом. Он смотрит на них, чуть наклонив голову и улыбаясь. В его глазах одобрение. Бронуен и Айвор чувствуют некоторую неловкость.

Голос Хью. Все жители нашей долины, как и долины Бронуен, пришли на венчание. В церкви стало так тесно, что было трудно поднять руку. Айвор надел белый жилет отца и выглядел настоящим франтом; в петлице его алены гвоздики. А на Бронуен было подвенечное платье ее прабабушки. Моя мать и мать Бронуен стояли впереди и все время вытирали слезы. Наши отцы выглядели очень несчастными в своих высоких воротничках и цилиндрах. У моих братьев был такой торжественный вид, как будто они присутствовали на похоронах. Но наш новый пастор мистер Граффидд совсем не казался торжественным. Я увидел его тогда впервые.

Я вспоминаю, как он улыбался... смотрел на Айвора и Бронуен... и все чего-то ждал... ждал... казалось, он может не согласиться их повенчать, если не убедится по их лицам, что они будут счастливы вместе.

Присутствующие ожидают начала венчания. Пожилые люди, сидящие на передних скамьях, поражены таким нарушением установленных правил. А Граффидд все еще улыбается, глядя на Айвора и Бронуен. Но вот его глаза становятся серьезными, и он начинает церемонию.

Зеленая лужайка возле церкви.

Длинные столы ломятся от яств. Веселые свадебные гости, смеясь и болтая, толпятся вокруг столов. На центральном месте возвышается огромный свадебный пирог.

Ночь.

У дома Морганов.

Гости с большими оловянными кружками в руках столпились у бочонка с пивом. Морган вынимает из бочонка пробку.

Струя пива бьет из бочонка.

Морган наполняет кружки пивом и сразу же делает огромный глоток из своей кружки.

В доме Бетс угощает женщин чаем.

Голос Хью. Я никогда не забуду этого свадебного пира после венчания. Свадебный пирог можно было поднять только вдвоем! Это был один из тех редких случаев, когда отец выпил слишком много. Но если мужчина не может напиться в день свадьбы своего старшего сына — когда он надеется на появление внучат, — тогда не стоит и жить на свете. В тот вечер все напились, и, если бы чай обладал свойствами пива, женщины также лежали бы на полу.

Группа гостей. Они поют.

Айвор в своем праздничном костюме, запекает.

...Семья Морганов вместе с гостями на крыльце дома. Хью сидит рядом с мистером Граффиддом, отцом и матерью. Все поют.

Немного поодаль Энгарад, Ианто, Дэви и Гвилим. Они также поют.

Хью смотрит на Граффидда. Граффидд поет громко и с увлечением. Продолжая петь, Граффидд улыбается Хью. Энгарад сидит среди своих братьев. Она смотрит на Граффидда, забыв о пении. Хью замечает, что Энгарад перестала петь. Он ловит ее взгляд, устремленный на Граффидда. Смотрит то на сестру, то на пастора, как бы поняв причину ее молчания. Однако Граффидд не замечает пристального, влюбленного взгляда Энгарад.

Голос Хью. Мы так громко пели, что, казалось, могли бы гору сдвинуть с места. И мы убедились, что мистер Граффидд поет так же хорошо, как и говорит проповеди. Но Энгарад совсем не могла петь; она только смотрела на него.

В кадре Энгарад, Ианто и Дэви.

Энгарад все еще смотрит на Граффидда. Заметив, что она замолкла, Ианто дружески подталкивает ее локтем в бок. Энгарад поспешно присоединяется к поющим.

Голос Хью. Долина откликнулась нам счастливыми голосами. Да, счастливыми. Тогда все мы были счастливы. А вскоре начались несчастья...

День.

Шахтный двор.

Возле клетки служащий угольных копей вывешивает объявление:

«График заработной платы.
Действителен с 3 августа»

Подходят шахтеры. Читают. Раздаются сердитые возгласы:

Шахтер (озлобленно). Всю неделю работаешь по грудь в воде, а сегодня опять снижают расценки.

Несколько шахтеров, в их числе Морган и его сыновья. Они проталкиваются сквозь толпу и, хмурясь, читают объявление.

Морган задумчиво смотрит на здание, где помещается правление шахты.

Шахтовладелец Кристмас Эванс и его управляющий, которые стояли возле конторы, входят в здание. Морган поворачивается к Айвору.

Морган. Айвор, разыщи Ибриса Джона и Дэя Гриффитта и приведи их в контору.

Айвор уходит. Морган поворачивается, намереваясь уйти, но Ианто задерживает его.

Ианто. Мы тоже пойдем с тобой?

Морган. Нет. Это дело старших. Идите домой, к матери, и скажите ей, чтобы мой ужин не остыл.

Дэвид хмурится, но Морган уходит.

Дэви (мрачно). Но...

Ианто быстро кладет ему руку на плечо.

Ианто. Оставь, Дэви.

Оба смотрят вслед отцу. У них мрачные, озабоченные лица.

Столовая в доме Морганов.

Братья сидят в напряженном ожидании.

Через открытую дверь видно, как в кухне хлопочет Бетс; Энгарад и Хью помогают ей.

В столовую тихо входит Морган. Он идет через всю комнату к вешалке и снимает с себя куртку. Морган стоит спиной к сыновьям, но нам видно его лицо — озлобленное и расстроенное. Медленно, не оборачиваясь, он вешает свою куртку.

Морган (*спокойно*). Почему вы не мылись?

Ианто. Мы ждали тебя.

Входит Бетс; Морган оборачивается к ней и говорит ласково.

Морган. Снизили всего на несколько шиллингов. Мы еще заработаем достаточно для всех нас. (*Похлопывая ее по руке.*) А сейчас нужен добрый ужин, верно, девочка?

Бетс уходит в кухню.

Морган поворачивается к сыновьям, которые все еще не спускают с него глаз. Он не спешит удовлетворить их любопытство. Наконец он говорит.

Морган. Дело в том, что им не дают прежней цены за уголь. А теперь идите и вымойтесь.

Хочет уйти, но Ианто останавливает его.

Ианто. Можно нам сперва поговорить?

Морган. Можно.

Ианто. Они не сказали вам настоящей причины снижения.

Отец удивленно поднимает брови.

Дэви (*кивая головой*). Мы ждали этого снижения несколько недель — с того времени, как закрылся металлургический завод в Доулейсе.

Морган. Что общего между нами и металлургическим заводом?

Ианто. Рабочие из Доулейса должны были прийти в наши шахты; они готовы работать за любую цену. Поэтому наши заработки и будут падать.

Дэви стоит у камина, на котором хранится семейная копилка. Он мрачно кивает головой.

Дэви. Это только начало. Теперь гляди в оба. Они будут снижать нам расценки — и снижать до тех пор, пока не сделают ее (*стучит пальцем по копилке*) такой же пустой, как свои обещания.

Морган. Ерунда. Хороший рабочий заслуживает хороших денег, и он их получит!

Ианто. Он не может их получить, если на каждое место приходится по три человека.

Дэви (*подчеркнуто*). Зачем хозяевам оставлять высокие расценки, если люди готовы работать за низкие?

Морган. Потому что хозяева не людоеды! Они тоже люди. Как и мы.

Ианто (*спокойно*). Люди, да. Но не такие, как мы. Разве они захотели вести с вами переговоры, когда вы пришли к ним?

Морган (*честно*). Нет.

Ианто. Потому что сила на их стороне, а у нас ее нет.

Морган (*иронически*). Откуда же нам взять эту силу? Из воздуха?

Братья обмениваются взглядами, затем Дэви медленно говорит, как бы взвешивая каждое слово.

Дэви. Нет... путем объединения всех рабочих в союз.

Морган упрямо сжимает губы.

Морган. Союз? *(С нарочитым презрением.)* Я никогда не думал, что услышу этот социалистический вздор от моих собственных сыновей.

Дэви *(горячо)*. Это просто здравый смысл... Только здравый смысл... Если мы не объединимся...

Морган *(прерывает)*. Довольно этих разговоров.

Дэви *(протестуя)*. Но, отец...

Морган пристально смотрит на него. В течение нескольких секунд Дэви отвечает ему таким же упрямым взглядом, затем опускает глаза. Убедившись, что он снова обрел власть над сыновьями, Морган говорит своим обычным тоном.

Морган. А теперь идите и вымойтесь. Ваша добрая мать ждет вас.

Выходит из комнаты, за ним следуют сыновья. Хью смотрит им вслед широко открытыми глазами; он чувствует, что между его отцом и братьями появилась враждебность.

Угольные шахты. Дождливый день. Хью возвращается из школы. В руках у него книги. Подойдя к шахтному двору, он останавливается и смотрит на контролеров, которые проверяют вагонетки, нагруженные углем.

Шахтеры один за другим подкатывают вагонетки к контролерам.

Два контролера работают под маленькими навесами, третий, Морган, стоит под проливным дождем без навеса.

Мальчик с изумлением смотрит на отца.

С мрачным лицом Морган работает под проливным дождем. К нему с вагонетками приближаются Ианто и Дэви. Они укоризненно смотрят на отца. Тот избегает их взгляда.

Морган смотрит на уголь, лежащий в их вагонетках, ставит контрольную отметку и делает знак рукой проезжать дальше.

Сыновья стоят несколько секунд в нерешительности, затем толкают свои вагонетки дальше. Морган поворачивается и проверяет вагонетку, которую подвозит следующий шахтер.

В доме Морганов.

Семья сидит за обедом. Напряженное молчание. Братья исподтишка следят за отцом. Тот спокойно ест. Вдруг Дэви вскакивает, потрясая кулаками.

Дэви *(с внезапным гневом)*. Вы думаете, что я позволю им держать моего отца под дождем, как собаку, и не пошевелю рукой, чтобы помешать этому?

Бетс *(шокированная)*. Дэви, замолчи...

Все смотрят на Моргана, который спокойно дожевывает, а затем поднимает глаза на Дэви.

Морган (*тихо*). Кто разрешил тебе говорить?

Дэви (*упрямо*). Это слишком важное дело, чтобы молчать. Они хотят наказать тебя...

Морган (*прерывая его*). Уметь вести себя важнее этого дела.

Дэви (*запальчиво*). Так что же ты намерен предпринять? Ты умрешь от холода... когда наступит зима.

Ианто (*мрачно кивает головой*). Мы должны держаться вместе. Посмотрим, как они тогда будут действовать.

Дэви. Правильно! И рабочие пойдут за нами, стоит нам сказать слово. Все шахты уже готовы.

При этих словах лицо Моргана становится суровым. Он говорит, подчеркивая слова, но спокойно и неторопливо.

Морган. Вам не удастся сделать из меня орудие вашей политики. Я не желаю служить причиной забастовки.

Ианто. Но если они увидят, что можно так поступать с нашим делегатом, как же они будут обращаться с простыми шахтерами?

Морган. Увидим. А теперь помолчите и кончайте обед.

Дэви (*с отчаянием*). Но, отец...

Морган (*резко*). Конеч.

Его вид ясно говорит, что он больше не намерен продолжать этот разговор. Он снова принимается за еду. Дэви садится на свое место, но Оуэн бросает вилку на стол.

Оуэн. Нет, не конеч!

Морган (*строго*). Оуэн.

Оуэн (*настойчиво*). Очень сожалею, отец, но...

Морган (*тихо*). Когда сидишь за столом, держи язык за зубами, пока тебе не разрешили говорить.

Оуэн. Я буду возражать против несправедливости всюду, безразлично, будет мне это разрешено или нет!

Морган. Но не в этом доме.

Оуэн. И в этом доме и за его стенами!

Морган (*спокойно*). Выйди из-за стола.

Оуэн (*так же спокойно*). Я уйду из дому.

Резко отодвигает свой стул и встает. Бетс протягивает руку к мужу.

Бетс. Гвил! (*Оуэну*.) Скажи отцу, что ты сожалеешь.

Оуэн (*упрямо*). Я не сожалею.

Гвилим вскакивает.

Гвилим. И я с тобой! Мы найдем себе жилье в деревне.

Бетс (*потрясенная*). Гвилим!

Неподвижный, как скала, сидит Морган. Он медленно обводит взглядом сыновей. Этим взглядом он предлагает решить им, с кем они, и заявить о своем решении.

Смело встречает взгляд отца Дэви. Он медленно поднимается из-за стола.

Глаза Моргана останавливаются на Ианто. Тот неохотно присоединяется к братьям.

Морган. Итак, все?

Сыновья молча кивают головами.

Морган (*спокойно*). У вас есть еще возможность. Садитесь, заканчивайте ваш обед, и я не скажу об этом больше ни слова.

Ианто (*так же спокойно*). Отец, мы не посягаем на твой авторитет, но если хорошие манеры мешают говорить правду, мы обойдемся без хороших манер.

Несколько мгновений длится пауза. Затем Морган берет нож и вилку.

Морган. Возьмите ваши вещи и уходите.

Четверо братьев медленно идут к лестнице.

Затаив дыхание, за ними следит Хью. Морган снова принимается за прерванный обед; внешне он спокоен, но, когда подносит вилку ко рту, видно, что рука его слегка дрожит.

Бетс. О Гвилим! (*Тихо всхлипывает.*)

Энгарад встает и начинает собирать тарелки. Она смотрит на отца, затем на мать и вдруг решительно ставит тарелки на стол.

Энгарад (*вызывающе*). Я уйду с ними — я буду о них заботиться.

Бетс быстро поворачивается к дочери. Слезы забыты. В волнении она дает Энгарад легкую пощечину.

Бетс. Помолчи, девочка. Убирай посуду.

Ее слова звучат повелительно. Энгарад подчиняется. Берет тарелки и идет с ними к раковине. Бетс смотрит на лестницу, по которой ушли ее сыновья.

Спальня братьев в мансарде, стоят пять кроватей. Ианто, Дэви, Оуэн и Гвилим связывают свои вещи в узлы, скатывают матрасы.

Кухня. Бетс медленно идет вслед за Энгарад к раковине; ее плечи опущены.

За столом все еще сидят Морган и Хью.

Хью делает вид, что ест. Морган кладет нож и вилку и смотрит прямо перед собой широко открытыми глазами.

Хью тихо царапает вилкой по своей тарелке. Морган слегка улыбается, не глядя на Хью.

Морган. Да, мой сын. Я знаю, что ты со мной.

Ласково смотрит на Хью и начинает медленно набивать свою трубку.

Часть вторая

Мансарда в доме Морганов. Спальня сыновей. Бетс стелет постель Хью. В глубине комнаты видны оголенные четыре кровати.

Мать взбивает подушку Хью, печально поглядывая на пустые кровати.

Где-то громко хлопает дверь, и слышно, что кто-то бежит по лестнице. Бетс оборачивается. В спальню вбегает запыхавшаяся Энгарад. Лицо ее бледно от волнения, глаза широко открыты.

Бетс. Боже мой, девочка!

Энгарад (*задыхаясь*). Мама, шахтеры поднимаются по холму!

Бетс. Как?

Она бегом спускается по лестнице, за ней Энгарад.

Бетс и Энгарад выбегают из дому и бегут к калитке.

Улица, спускающаяся по холму вниз, к шахтам. Видно, как из домов выбегают женщины и останавливаются у своих калиток. Они тревожно смотрят в направлении шахт...

Вдали по холму медленно и молчаливо поднимаются шахтеры. Не слышно обычного пения.

...У калитки стоит Бетс. Зажав рот ладонью, она пристально смотрит на приближающихся шахтеров. Медленно переводит глаза на возвышающийся неподалеку террикон.

...Вдали виден ленточный конвейер, который движется к террикону с породой.

Черная гора растет на глазах.

Вдруг конвейер замедляет ход и со скрипом останавливается.

На переднем плане Бетс и Энгарад; дальше — женщины у калиток своих домов.

...Впереди идущих мужчин бегут несколько мальчишек. Мы слышим их крики. Вначале не можем разобрать, что они кричат, но по мере их приближения слышно:

— Забастовка!

— Шахтеры забастовали!

— Забастовка!

...На экране мелькают изнуренные женские лица. Некоторые женщины плачут. Изможденная мать испуганно прижимает к себе двух маленьких детей.

...Шахтеры уже поднялись на холм. У них мрачные, но решительные лица.

К домику приближаются Морган и Айвор. У калитки Бронуен ждет Айвора.

Айвор и Морган молча обмениваются взглядами. Айвор входит в калитку, Морган идет дальше.

Внизу, за церковью, маленький серый домик Граффидда. Из дома выходят Граффидд и Хью. Они взбираются по каменным ступенькам на дорогу и останавливаются, глядя на шахтеров, которые поднимаются по улице.

Граффидд в рубашке, в руке у него книжка. Он придерживает пальцем страницу; очевидно, урок был внезапно прерван.

Хью взволнован; он смотрит на проходящих с огромным любопытством.

Лицо Граффидда озабоченное и печальное. Шахтеры проходят мимо них. Среди шахтеров братья Морган. Очевидно, они являются вожаками забастовки, потому что идут в центре группы возбужденных и жестикулирующих рабочих.

Хью (шепотом). Что случилось, мистер Граффидд?

Граффидд (мрачно). Мой мальчик, сегодня из нашей долины уходят покой и мир. Возможно, они никогда уже не вернутся сюда.

Глубоко потрясенный Хью смотрит на проходящих шахтеров. Граффидд ласково кладет руку на его плечо.

Граффидд. А теперь иди домой к отцу и матери. Они в тебе нуждаются.

Мальчик пристально смотрит на Граффидда, кивает головой и бежит домой.

У калитки дома Морганов стоят Бетс, Морган и Энгад. Они молча наблюдают за происходящим. К ним бежит Хью.

Он перебегает дорогу как раз перед братьями, которые уже поднялись на вершину холма.

Братья Морган проходят мимо родного дома, не останавливаясь и не глядя в его сторону. Родители, Энгад и Хью провожают их глазами.

Копры. Несмотря на рабочее время, механизмы бездействуют. Большая толпа рабочих собралась на шахтном дворе.

Улица шахтерского поселка. Группами стоят мужчины. Некоторые прислонились к стенам домов. На крылечках сидят унылые женщины. На улице играют, громко кричат и смеются дети. Они не понимают трагедии, происходящей в их родном поселке. Звуки детских голосов стихают; раздается голос Хью.

Голос Хью. Было очень странно видеть шахтеров днем на улице. В этом было что-то страшное.

Из дома Морганов выходит Хью и смотрит на улицу.

...К стене одного из домов прислонились несколько шахтеров; они тихо чем-то спорят. Потом отходят от стены и бредут по улице.

На стене, на уровне их плеч, остались черные пятна.

Женщины с решительным видом стирают черные следы со стен. В руках у них ведра с мыльной водой.

Голос Хью. По всей улице вдоль стен тянулись длинные черные следы; там, где прислонялись плечи шахтеров, оставался уголь. Женщины скребли и мыли эти стены, но черные следы появлялись вновь, потому что шахтерам было некуда идти.

День.

Угольные шахты.

Горняки молча стоят перед шахтой. Они в теплых пальто, шеи закутаны шарфами. Дует сильный ветер.

Вступает музыка. Звуки ее ширятся.

Голос Хью. Двадцать две недели люди не работали. Забастовка продолжалась, наступала зима. Настроение у шахтеров делалось все хуже и хуже. Пустые желудки и отчаяние побеждали рассудок. Любой человек, который не был им другом, становился врагом.

Толпа измученных, дрожащих шахтеров собралась у дома Морганов. Кто-то бросает камень в окно...

Музыка, достигшая кульминационной точки, смолкает.

Столовая Морганов. Морган спокойно курит свою трубку. Он даже не пошевелился, когда камень разбил окно и осколки стекла рассыпались у его ног.

В ужасе застыли Бетс и Хью.

Ночь.

Закутанные Бетс и Хью поднимаются вверх по холму. В глазах Бетс — жестокий, неумолимый огонь.

Бетс (*задыхаясь*). Эта дорога?

Молча Хью кивает головой и показывает рукой вперед.

Падают крупные капли дождя.

Подняв воротник пальто, Хью бредет за своей матерью, которая, не обращая внимания на дождь, решительно идет вверх по холму.

...Под дождем идут Бетс и Хью. На их лицах появляются отблески далеких огней. Дождь усиливается. Ветер.

Вдали, на холме, под проливным дождем — митинг шахтеров.

Собравшиеся вокруг древних камней друидов шахтеры разожгли несколько костров; все тепло одеты. Из-за дождя митинг уже заканчивается. Мужчины расходятся.

Под проливным дождем шахтеры направляются к дороге, ведущей в поселок. При появлении Бетс и Хью некоторые останавливаются. Бетс решительно проходит мимо них к камням, образующим нечто вроде ораторской трибуны.

Не переставая, льет проливной дождь.

...На импровизированной трибуне вместе с другими шахтерами стоят Дэви, Ианто, Оуэн и Гвиллим. Братья Морган с удивлением смотрят на свою мать, которая поднимается к ним. Бетс поворачивается лицом к расходящимся шахтерам..

Бетс (*громким, властным голосом*). Подождите! Остановитесь и выслушайте меня.

На ее голос шахтеры с удивлением оборачиваются. Бетс пристально оглядывает толпу. Ее глаза подобны глазам Жанны д'Арк.

Ианто и Дэви подходят к матери, но она не обращает на них внимания. Голос Бетс неожиданно стал низким и властным, как мужской.

Бетс. Я Бетс Морган. Я пришла сюда сказать вам, что я думаю обо всех вас. Вы распространяете разные слухи о моем муже.

Лица шахтеров — одни смущенные, другие злые и вызывающие.

Бетс. Вы идете против него, потому что вы трусы. Он не сделал вам ничего плохого, и вы прекрасно знаете, что на плохое он не способен. Говорить о нем, что он заодно с хозяевами, не только чепуха — это прямая низость... Я не понимаю, как некоторые из вас осмеливаются сидеть с ним в одной церкви.

Горящими глазами она оглядывает толпу.

Бетс. И я хочу сказать вам еще одно. Если моему Гвиллиму кто-нибудь причинит зло, я найду этих людей и убью их собственными руками. Клянусь в этом всемогущим богом.

Братья Морган смотрят на мать широко открытыми глазами. Бетс берет Хью за руку и уходит вместе с ним.

Шахтеры расступаются перед ней. Они смотрят ей вслед.

Льет проливной дождь.

Пораженные Морганы смотрят в ту сторону, куда ушла их мать.

Темно. Льет дождь. Яростно завывает ветер. С холма спускаются Бетс и Хью.

Над рекой, на крутой насыпи появляются Бетс и Хью. Они скользят по насыпи... Падают в полурастаявший снег на камни у самой реки.

Хью лежит неподвижно; Бетс, увязшая по колена в снегу, пытается выбраться из сугроба. Ее мокрые от дождя волосы прилипли к лицу. Она очень бледна, задыхается.

Бетс. Хью...

Он шевелится, с трудом поднимается. Он даже улыбается матери, но улыбка у него странная.

Хью. Да...

Бетс. Ты ушибся?

Хью. Нет. Все в порядке. (*Храбро.*) Я молодцом, мама.

Она с облегчением смеется.

Бетс. Ты молодцом? А кто испугал свою мать только что до смерти? Осматривается вокруг, счищает с себя снег.

Бетс. Где же мост?

Хью (*указывая рукой*). Вот там.

Они устало бредут дальше...

Голос Хью. Я ошибся тогда; в темноте мне показалось, что мы находились ниже моста, а на самом деле мы его уже прошли.

Бетс и Хью снова бредут, останавливаясь, чтобы определить, где они находятся. Хью показывает то одно направление, то другое. Наконец они снова пускаются в путь и скрываются в темноте.

Свирепствует буря.

Все еще ночь. Склон холма.

Почти окончательно выбившиеся из сил Хью и Бетс спускаются с крутого склона. Льет проливной дождь; ветер визжит в деревьях, стоящих над ними.

Бетс явно слабеет. Хью обнимает ее, стараясь поддержать.

Голос Хью. Кажется, прошло много часов. Во мне замерли все чувства и мысли. Я только взывал к богу, умоляя его помочь мне спасти мою мать. И я получил его помощь, иначе как бы я мог найти в себе силы?!

Мост. Бетс и Хью, шатаясь, подходят к нему. Наконец-то они дошли до моста.

Бетс хватается за перила, стараясь найти опору, но гнилое дерево ломается под ее тяжестью. Бетс падает в ледяную воду под мост.

Хью испуганно вскрикивает и бросается вслед за матерью.

Бетс в воде. Она не в силах сопротивляться быстрому течению, подхватившему ее. Хью с трудом добирается до матери. Течением ее уже прижало к большому камню. Хью задыхается от холода, однако находит силы поддерживать голову и плечи матери над водой.

Хью не может выбраться из воды. Изво всех сил он старается, чтобы мать не унесло бурным потоком.

Голос Хью. Было так холодно, что минутами я совершенно не мог дышать...

...Искаженное лицо Хью. Стоя по плечи в черной ледяной воде, он поддерживает мать.

На Хью и безжизненную фигуру Бетс неожиданно падает слабый свет.

Голос Хью. Мне трудно сказать, как долго это продолжалось, но время тянулось бесконечно. Наконец я увидел какой-то свет.

Из последних сил Хью борется с течением. Свет становится ярче; в проливном дожде появляются черные фигуры. Это шахтеры возвращаются с митинга. Во главе их Ианто и Дэви. У них зажженный фонарь.

Хью поворачивает голову; его глаза блестят в свете фонаря. Он открывает рот, сиюсь закричать.

Голос Хью. Я пытался кричать, но, казалось, у меня не было голоса.

Дэви, Ианто и остальные шахтеры, не замечая Хью и Бетс, проходят по мосту.

Рот Хью открыт. Он старается перекричать ветер, но даже сам не слышит себя. Силы начинают покидать Хью. У него скользят ноги.

Голова Бетс беспомощно свисает; она почти скрывается под водой.

Ианто, Дэви и остальные шахтеры идут по мосту. Они уже почти перешли его. Случайно Ианто замечает, что перила сломаны. Высоко подняв фонарь, он осматривает их. Теряя последние силы, Хью пытается поддержать мать. Ианто уже поворачивается, чтобы уйти, но еще раз поднимает фонарь и смотрит вниз, в поток. Его глаза расширяются от ужаса. Он оборачивается к Дэви.

Ианто (*стараясь перекричать завывание ветра*). Дэви...

Поставив фонарь, он бросается в воду.

Из последних сил Хью удерживает мать над водой, пока к ним спешит Ианто. Ианто тащит их к берегу; Дэви и другие шахтеры бросаются на помощь.

День. Столовая в доме Морганов.

Бронуен сидит с каким-то шитьем и тихонько напевает. Жалюзи за ее спиной опущены, в комнате полумрак. Она поднимает голову и смотрит на кровать у стены. На кровати лежит Хью. Он без сознания, весь в бинтах. Бронуен смотрит на него; неожиданно он открывает глаза и медленно поворачивает к ней голову. Отложив шитье, она подбегает к нему.

Бронуен. О, Хью... (*В ее голосе слезы.*) Я так горжусь, что принадлежу к твоей семье.

Нежно целует его, затем выпрямляется и улыбается ему.

Хью (*с трудом*). Мама?

Бронуен (*весело*). Наверху, и чувствует себя хорошо. Сейчас у нее доктор.

Хью закрывает глаза, на его губах слабая улыбка. Бронуен смотрит на него с жалостью и любовью.

По лестнице спускаются Морган, Энгарад и доктор Ричардс. Все подходят к Хью.

Бронуен (*шепчет*). Он только что очнулся.

Доктор Ричардс (*тихо*). Значит, он поправится... Но я не в состоянии понять, как это могло случиться. Вы растите богатырей, мистер Морган. Я был убежден, что мальчик окажется в гробу.

Морган (*улыбаясь*). Он — Морган, вот в чем дело.

Ласково касается забинтованного плеча Хью. В этом жесте и нежность к сыну и гордость им. Энгарад подает пальто доктору; доктор одевается.

Доктор Ричардс. Теперь его надо накормить, миссис Айвор, — немного бульона и ласковой улыбки.

Кивнув головой, Бронуен уходит в кухню.

Доктор, Энгарад и Морган выходят из дому. Морган неплотно прикрывает за собой дверь. К крыльцу подходит Граффидд с книгой под мышкой.

Морган (*Граффидду*). Хью пришел в сознание, он только что говорил с Брон.

Граффидд (*Ричардсу*). Сколько еще мальчуган должен пролежать в постели?

Доктор Ричардс (*сжимая рот*). Это трудно сказать. Он отморозил ноги до костей. Год, может быть, два... Но я вообще не могу обещать, что он когда-нибудь встанет на ноги...

Хью открывает глаза; ясно, что он слышит разговор, происходящий за дверью. Доносится голос доктора Ричардса:

— Иначе это противоречило бы самой природе, мистер Граффидд.

Услышав эти слова, Хью беспокойно ворочается. Его губы слегка дрожат; он тоскливо обводит глазами комнату. Входит Бронуен с тарелкой бульона. Она тревожно взглядывает на Хью и спешит к двери.

Из дома выходит Бронуен. Она плотно закрывает за собой дверь и обращается к доктору с еле сдерживаемой яростью.

Бронуен. Как можно так говорить! Мне кажется, он слышал ваши слова.

Встревоженные Морган, Граффидд, Энгарад и доктор молча смотрят на дверь.

Доктор направляется к калитке, остальные входят в дом.

Столовая Морганов.

Хью лежит в своей кровати; его глаза блестят от слез. Все подходят к нему. Граффидд садится возле мальчика.

Граффидд (*улыбаясь*). Хэлло, Хью.

Губы Хью беззвучно шепчут:

— Хэлло.

На его лице горе и страх. Он не в силах смотреть в глаза Граффидду.

Граффидд (*сурово*). Почему в твоих глазах нет света, которого я ожидал? Ты испугался, мальчик?

Хью поднимает на Граффидда свои затуманенные, умоляющие глаза.

Возмущенная суровым тоном Граффидда, Бронуен кладет свои пальцы на его руку, намереваясь остановить его. Граффидд нетерпеливо отстраняется.

Граффидд (*безжалостно*). Ты слышал, что сказал доктор?

Судорога пробегает по лицу Хью. Он утвердительно кивает головой.

Граффидд. И ты этому веришь?

Хью снова утвердительно кивает.

Граффидд (*сурово*). Ты хочешь встать, правда?

По-прежнему молча Хью кивает головой.

Граффидд. Тогда ты должен верить, что выздоровеешь... если ты этому поверишь, ты будешь ходить, что бы там ни говорили все доктора!

Мальчик жалобно смотрит на него.

Хью (*тихо*). Он сказал, что это противоречило бы природе...

Граффидд (*быстро*). Природа только служанка высшей силы. (*Улыбаясь*.) Я вспоминаю один или два случая, когда природе было приказано изменить свое течение. Ты знаешь священное писание, мальчик?

Хью кивает головой; глаза его широко открыты. Энгарад слушает, затаив дыхание. В ее глазах нескрываемое восхищение Граффиддом.

Граффидд. Тогда ты должен понять — то, что было сделано прежде, может быть сделано и для тебя. (*Наклонившись*.) Ты веришь мне, Хью?

Мальчик снова кивает, его глаза сияют.

Граффидд (*весело*). Прекрасно. Ты будешь собирать первые нарциссы в горах. Хочешь?

Хью (*тихо, с улыбкой*). Я очень хочу их собирать, сэр.

Граффидд. Значит, будешь их собирать!

Он улыбается Хью. Тот также отвечает ему улыбкой.

Взволнованный Морган со слезами благодарности сжимает плечо Граффидда. Энгарад улыбается; ее глаза сияют, как звезды, Граффидд показывает Хью книгу, которую он принес.

Хью. «Остров сокровищ»!

Слегка улыбаясь, Граффидд прикасается к книге рукой.

Граффидд. Я согласился бы, пожалуй, быть на твоем месте — лишь бы снова прочесть эту книгу первый раз в жизни.

Хью подносит книгу к глазам и с интересом ее рассматривает. Граффидд встает и выходит из комнаты.

Несколько секунд Энгарад стоит в нерешительности, затем идет вслед за Граффиддом.

Из дома Морганов выходит Граффидд, за ним Энгарад.

Энгарад. Мистер Граффидд!

Граффидд оборачивается.

Энгарад. Не могу, чтобы вы ушли, и я не поблагодарила вас.

Граффидд. Я исполнил лишь свой долг, девушка.

Энгарад (глядя на него). Нет. Это больше, чем долг.

Граффидд (спокойно). Да... Он славный мальчик.

В нерешительности Граффидд смотрит на Энгарад, словно хочет сказать ей комплимент. Но, не решаясь сделать это, идет на компромисс.

Граффидд. У вас прекрасная семья.

Однако Энгарад поняла его взгляд и не сводит с него сияющих глаз. Граффидд пытается скрыть свое смущение.

Граффидд (мягко). Вы бы лучше пошли домой. А то можете простудиться насмерть.

Энгарад. Да. (Не двигаясь.) Когда вы придете к нам ужинать?

Граффидд. Потом, когда вы уже покончите с докторами и со всем этим...

Энгарад (с улыбкой). Тогда я постараюсь их выпроводить как можно скорее.

Граффидд (улыбаясь). Хорошо.

Касается рукой своей шляпы и уходит. У калитки останавливается, чтобы еще раз взглянуть на Энгарад. Она некоторое время смотрит ему вслед, позабыв обо всем на свете. Наконец, передернув плечами от пронизывающего холода, поворачивается и уходит в дом.

Энгарад входит в столовую. Закрыв за собой дверь, молча стоит, думая о Граффидде.

У кровати Хью с книгой в руках сидит Бронуен. Она смотрит на Энгарад с симпатией и сочувствием, затем поворачивается к мальчику и начинает читать.

Бронуен (читает). «Сквайр Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об Острове сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указать, где лежит этот остров, в настоящее время еще не-

возможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли. И вот в нынешнем 17... году я берусь за перо».

Глаза Хью загораются. Бронуен продолжает читать.

На экране иллюстрация к книге «Остров сокровищ»: Джим Гокинс с кортиком в зубах взбирается по вантам с Израэлем Гендсом.

...Рука Хью переворачивает страницу.

День. Снова столовая в доме Морганов.

Хью, теперь уже без бинтов, сидит в кровати в подушках и занимается, в то время как вокруг идет обычная домашняя жизнь.

Хью жадно читает какую-то книгу. Он все еще в столовой. Двойной экспозицией дана полка около его кровати.

В кадре рука Хью ставит на полку одну за другой несколько книг: «Остров сокровищ», «Айвенго», «Записки Пикквикского клуба»..

Полулежа в кровати, Хью читает. Вот он опускает книгу и к чему-то прислушивается, глядя на потолок.

Оттуда доносится стук. Хью улыбается, трижды стучит в стену.

Голос Хью. Долгие месяцы пролежал я в своей кровати у стены. Я учился и читал. Все замечательные книги, прочитанные мной в то время, навсегда сохранились у меня в памяти. Все время я надеялся и верил в свое выздоровление. Первые месяцы мать тоже болела; она лежала наверху, и мы могли только перестукиваться...

... Быстро меняются кадры: Морган красит притолоки; Энгарад вешает чистые занавеси, Хью со своей кровати наблюдает за их работой.

Вечер. Столовая в доме Морганов. Ианто, Дэви, Оуэн и Гвиллим стоят перед отцом. В глубине, у стены, Хью в своей кровати. Он наблюдает за происходящим. Все очень серьезны. Братья похудели, их одежда обтрепана.

Голос Хью. Но вот отец начал готовиться к радостному событию: доктор сказал ему, что вскоре матери будет разрешено встать с постели. В кухне был настлан новый кафельный пол, побелены сени, повешены новые занавеси, в столовой выкрашены стены. И матери был приготовлен еще один сюрприз...

Морган (тихо). Мои сыновья, я бы хотел, чтобы вы вернулись домой...

Братья пристально смотрят на отца; тот продолжает:

—... Но при одном условии. Мы здесь все будем на правах жильцов.

Братья отвечают не сразу.

Ианто (спокойно). Как можешь быть ты жильцом в своем собственном доме?

Морган. Но ведь у меня больше нет прежнего авторитета... Ни один мужчина не может сказать, что он глава семьи, если его слово не является законом. Вы стали взрослыми, и у вас есть право на собственное мнение. Итак, мы все будем просто жильцами, а ваша мать будет заботиться о нас.

Братья стоят молча, опустив глаза.

Морган. Вы придете?

Братья переглядываются, кивают в знак согласия.

Морган. Хорошо. Ваша мать будет очень счастлива. Итак, до завтра.

Братья поворачиваются и выходят.

День.

Снова столовая в доме Морганов. Хью в своей кровати. Он сияющими глазами смотрит на лестницу.

...Мы видим лестницу, покрытую по уэльскому обычаю ковром. Слышны приглушенные шаги Бетс. Наконец она спускается вниз, поддерживаемая Морганом. Она очень слаба, нетвердо держится на ногах, еще больше побледнела. Но глаза ее сияют. Опираясь на руку Моргана, Бетс останавливается у лестницы и смотрит на Хью. Затем медленно идет к нему. Морган остается позади.

Голос Хью. И вот наконец наступил тот знаменательный день, когда она спустилась вниз... Ее первые шаги... Забастовка, трудности, болезнь — все было забыто... Четыре месяца... Нас разделял только потолок, но в течение четырех месяцев мы даже не могли взглянуть друг на друга. И вот наконец она здесь. Смотрит на меня глазами, в которых сверкают алмазы слез, и зажимает рот рукой... Смеяться или плакать теперь...

Глаза Бетс полны слез. Волнение ее так огромно, что она не может говорить. Она сидит на кровати Хью, буквально съедая его глазами. Он смотрит на ее поседевшие волосы, нежно касаясь их рукой...

Бетс. Это вечный снег...

Спазма перехватывает ей горло; она начинает горячо целовать сына. Потом слегка отстраняется, желая его лучше рассмотреть.

На цыпочках Морган подходит к двери, приоткрывает ее и подает рукой знак.

Откуда-то доносится песня. Бетс и Хью прислушиваются.

Гордо улыбаясь, Морган подходит к жене и сыну. Бетс с удивлением смотрит на дверь. Морган заботливо помогает ей встать и ведет ее к двери. Хью с гордостью смотрит им вслед.

Перед домом Морганов собрались шахтеры; они поют. Айвор дирижирует...

...На крыльце Бетс и Морган.

В первом ряду поющих братья Морган. Они смотрят на свою мать. В руках у них узлы с их вещами.

Бетс бесконечно взволнована этим пением и больше всего видом сыновей с узелками в руках. Слезы струятся по ее щекам; не выдержав, она прячет лицо на плече мужа.

Бетс (*всхлипывая*). О Гвил, что за жена тебе досталась — она нежилась в своей постели, и чужие люди заботились о ее семье.

Улыбаясь, Морган накручивает прядку ее серебряных волос на свой палец.

Морган. Это моя жена, вот и все...

Бетс (*шутливо*). Так тебе и надо, мальчишка...

Шахтеры заканчивают свою песню и кричат «ура» в честь Бетс.

Раздаются возгласы:

— Речь!

Морган слегка подталкивает Бетс вперед.

Морган. Скажи им что-нибудь.

Бетс (*испуганно*). А что я скажу?

Морган. Прошлый раз, когда ты выступала, ты ведь нашла что сказать. Теперь тебе будет легче, это друзья.

Не находя слов, Бетс слегка задыхается. Она улыбается, протягивает руки к толпе и вдруг приглашает:

Бетс. Заходите поесть... все!

В ответ несутся крики одобрения. Шахтеры входят в дом, почтительно здороваясь с Бетс. Но все ее внимание поглощено сыновьями и теми узлами, которые они держат в руках.

Ианто и Дэви, а за ними Оуэн и Гвиллим подходят к ней и молча обнимают. Она смотрит блестящими глазами на узелок Ианто, улыбается сквозь слезы, затем принимает суровый вид.

Бетс. Какой у вас оборванный вид!.. (*Берется за брючину Дэви.*)
Еще один шаг, и все увидят твою голую ногу.

Гвиллим. Посмотри лучше на Оуэна. Еще один шаг, и мы увидим его голую спину.... это уж наверняка!

Оуэн (*толкает его*). Заткнись...

Все входит в дом.

Семья Морганов и гости, толпясь, входят в столовую. Кое-кто уже усаживается за накрытый стол. Ианто останавливает Моргана и показывает ему газету.

Ианто. Ты это видел?

Морган берет газету у Ианто, надевает очки и читает. Затем, подмигнув, лукаво смотрит на Хью.

Морган. Хорошо. (*Поворачиваясь к гостям.*) Слушайте!.. Все слушайте!

Гости окружают его.

С важным видом Морган откашливается.

Морган. Кажется, кто-то из наших знакомых попал в газету. (Читает.) «Соревнование на лучший почерк. Участники — мальчики в возрасте двенадцати лет. Первый приз — две гиней — присужден Хью Моргану за лучший результат».

Крики одобрения. Все смотрят на лежащего в кровати Хью.

Тот очень смущен; пытается даже спрятаться под подушку, но Ианто и Бронуен вытаскивают его.

Морган. Этот мальчик лежит здесь уже четыре месяца, и никто не слышал от него ничего, кроме смеха и веселых разговоров. (Снимает очки и протирает их.) Вот я буду стоять здесь и скажу — какой ты хороший сын, Хью. Но, если я подойду сейчас к тебе, я боюсь, что поступлю тогда очень глупо.

Бронуен нежно целует Хью.

Бронуен. Какой ты умник...

Он мечтательно дотрагивается до своей щеки, которую она поцеловала...

Хотя поцелуй Бронуен и очень смутил Хью, он счастлив. Его глаза сияют.

Вечеринка продолжается.

Двое шахтеров играют на скрипках, а мисс Дженкинс — чопорная старая дева — на арфе.

Веселье в полном разгаре.

Эти люди, голодные и нуждающиеся, искренне веселятся в гостеприимном доме Морганов. Энгарад угощает чаем и печеньем большеглазого шахтера.

Шахтер. У вас настоящий чай.

Энгарад. Немного слабый.

Шахтер. Слабый! В нашем доме пьют теплую воду.

Рядом с Ианто стоит мистер Парри — пожилой аскетического вида человек в очках. Он только что наполнил свою тарелку и, набив рот едой, обращается к Ианто.

Парри. Ианто, прошлый раз я не видел тебя в церкви.

Ианто. Я был слишком занят.

Парри. А что у тебя за дела, осмелюсь спросить?

Ианто (смотря на него). Это мое дело.

Вокруг воцаряется тишина.

Парри (оскорбленно.) Я, кажется, вежливо задал вопрос.

Ианто. И получили вежливый ответ. (Глядя на Парри.) Я был занят делами союза.

Парри (мрачно качая головой). Союзы — творение дьявола. Ты плохо кончишь.

Ианто (ледяным тоном). По крайней мере я не занимаюсь пустой болтовней в церкви.

Парри. Послушай...

Ианто (с жестом нетерпения). Прекратим этот разговор или я скажу вам что-нибудь неприятное.

Отворачивается от Парри и сталкивается лицом к лицу с Граффиддом, который смотрит на него в упор.

К ним подходят Морган, Бетс и братья. Они внимательно прислушиваются к разговору.

Граффидд. Нет. Это требует объяснения, Ианто. Почему ты думаешь, что мы занимаемся в церкви пустой болтовней?

Ианто. Мое замечание к вам не относится.

Граффидд (улыбается, но говорит серьезно). Тогда скажи, к кому это относится.

Ианто (решительно). Хорошо. Я хотел сказать, что вы считаете себя пастырем и в то же время разрешаете вашим овцам жить в грязи и бедности, а если они пытаются выступить против нищеты, вы успокаиваете их, говоря, что они страдают по воле божьей. (С возрастающим презрением.) Действительно овцы! Значит, мы — овцы, которых кучка владельцев должна пасти и стричь? Меня учили, что человек сделан по образу и подобию божию! А вовсе не овцы!

Морган. Ианто, мистер Граффидд исцелил Хью.

Граффидд (продолжая в упор смотреть на Ианто.) Мистер Морган, Хью исцелил себя сам. (К Ианто.) До сих пор я не высказывал здесь своей точки зрения, потому что я не хочу вмешиваться в семейные разногласия. (С вызовом смотрит на Моргана.)

Морган (тихо.) Можете говорить, я не возражаю.

Граффидд. Хорошо. Я скажу, что думаю... Во-первых, у вас должен быть союз. Он необходим.

Морган внимательно слушает Граффидда.

Голос Граффидда. Порознь вы слабы. Вместе вы — сила.

Мелькают внимательные лица Ианто, Дэви, Оуэна и Гвилима.

Голос Граффидда. Но помните, что там, где сила, должна быть ответственность и перед другими и перед самими собой. Несправедливость нельзя победить еще большей несправедливостью! Добиться победы можно лишь справедливостью, с помощью божьей.

Сидящая возле большого чайника Энгарад напряженно слушает. Ее губы полураскрыты, глаза блестят.

В комнате тишина. По-видимому, слова Граффидда произвели глубокое впечатление и на Моргана и на его сыновей.

Парри плотно сжал губы.

Парри. Мистер Граффидд, вы затрагиваете вопросы, лежащие вне круга ваших обязанностей. Ваше дело — чисто духовное.

Граффидд (спокойно). Меня касается все, что возникает между человеком и духом божьим.

Парри (злобно.) Блюстители церкви узнают о том, что вы проповедуете социализм...

Ианто, всегда готовый ввязаться в драку, подступает к Парри.

Ианто. Мистер Парри...

К ним подходит Гвиллим.

Гвиллим (*запальчиво*). А ну-ка, выбей зубы этому старому дьяволу!

Между ними быстро становится Морган. Он отталкивает Ианто и Гвиллима от Парри.

Морган (*к Ианто*). Он наш гость!

Берет Парри под руку и делает знак Бетс.

Морган (*улыбаясь*). Бетс, налей-ка мистеру Парри пинту нашего домашнего пива и заставь его опять закурить добрую трубку.

Бетс (*воинственно*). Я бы лучше треснула его сковородкой.

Смущенный Парри не решается продолжать ссору. Граффидд, улыбаясь, отходит. Морган и его сыновья смотрят друг другу в глаза.

Ианто. Ну как, отец, ты и твои жильцы могут сойтись на том, что мы сейчас услышали?

Морган (*просто*). У меня нет жильцов — только сыновья.

Обнимает одной рукой за плечо Ианто, другой Дэви и подает знак мисс Дженкинс.

Морган. А теперь, мисс Дженкинс, сыграйте песню «Товарищи по оружию», хорошо?

Веселая музыка. Все поют.

Качая головой, Парри уходит.

Со счастливой улыбкой на лице Энгарад идет в кухню. В руках у нее большая стопка грязных тарелок, которые она ставит в раковину. Через открытую дверь на нее смотрит Граффидд.

Он видит, что Энгарад мешает в плите и, подняв тяжелое ведро с углем, собирается высыпать его в топку. Граффидд направляется в кухню.

Кухня.

Сюда доносится пение. Энгарад возится с тяжелым угольным ведром. К ней подходит Граффидд. Девушка с улыбкой взглядывает на него.

Энгарад. О мистер Граффидд, мы, наверное, будем у вас всегда в долгу. Сегодня вы снова сделали нас семьей.

Граффидд (*улыбаясь*). Позвольте мне...

Берет у нее ведро и подкидывает уголь в печку. Энгарад не спускает глаз с Граффидда. Тот ставит на место ведро и, выпрямившись, смотрит ей прямо в лицо. Девушка замечает, что руки Граффидда запачканы углем.

Энгарад. Ваши руки... как жаль...

Граффидд (*улыбаясь*). Не важно.

Показывает ей ладони своих рук.

Крупно: руки Граффидда. На них видны красноречивые черные полоски, которые бывают только на руках шахтеров. Нежно взяв его руки, Энгарад смотрит на ладони, затем — ему в глаза.

Энгарад. Вы работали в шахтах?

Граффидд. Десять лет — пока учился.

Энгарад (*взволнованно*). Десять лет...

Не кончив фразы, приняв очень деловой вид, подходит к раковине.

Энгарад. Возьмите мыло.

Граффидд. Пожалуйста, не беспокойтесь.

Он вынимает из кармана носовой платок и начинает вытирать им руки.

Энгарад оборачивается к нему.

Энгарад. Что вы за человек — портите хороший носовой платок.

Не отвечая, Граффидд улыбается ей. Энгарад берет кусок мыла и тряпку.

Энгарад. Подождите! Вы король в церкви, а я королева в моей кухне.

Подходит к нему и начинает смывать уголь с его рук. Выражение лица Граффидда меняется. Его глаза становятся серьезными. Он ждет, чтобы она окончила. Вдруг, как бы против своего желания, говорит.

Граффидд. Вы будете королевой всюду, где бы ни появились.

Энгарад кидает на него быстрый взгляд. В этом взгляде вся ее душа.

Напряженное молчание.

Энгарад (*шепотом*). Что вы хотите этим сказать?

Граффидд (*смотря на нее*). Я не должен был говорить так.

Энгарад. Почему?

Граффидд. Я не имею права так говорить с вами.

Продолжая смотреть на него, Энгарад слегка улыбается.

Энгарад. Если это право я могу дать — оно у вас есть.

Глубоко взволнованные, они смотрят друг другу в глаза.

В кухню входит Бронуси с тарелками в руках. Увидев их и чувствуя, что чему-то помешала, останавливается. Но затем идет к раковине.

Улыбаясь Энгарад, Граффидд выходит из кухни. Девушка смотрит ему вслед.

За ней наблюдает Бронуси. В ее взгляде сочувствие. Энгарад поворачивается к ней и говорит с некоторым раздражением.

Энгарад. Ну что ты уставилась на меня?

Бронуси (*улыбаясь*). Позволь, девочка, посмотреть, как мне хочется. (*Кладет руку на плечо Энгарад.*) Если бы я не была замужем, я бы постаралась выйти за мистера Граффидда, хотя, может быть, и стыдно так говорить.

Часть третья

Ночь на исходе, хотя луна еще светит. Во всех домах уже видны огни.

Шахтеры идут на работу. Слышится их песня «Парни из Гарлеха».

Быстро меняются кадры. Вот Бетс готовит пакеты с завтраками.

...Хью машет на прощание рукой отцу и братьям; он все еще в кровати.

...Вот открываются ржавые ворота шахтного двора.

...Шахтеры, выстроившиеся в очередь; их пропускают по-одному.

...С песнями шахтеры спускаются в шахту.

...Со скрипом начинает вращаться застоявшееся колесо подъемной клетки. Клубы пара снова вырываются из вентиляционной трубы шахты.

...Двигается транспортер.

...Идут шахтеры, размахивая в такт песни своими лампочками.

Голос Хью. Забастовка окончилась, конфликт был улажен при помощи мистера Граффидда и моего отца. У шахтеров остались низкие расценки, но по крайней мере они получили обещание, что снижения больше не будет. Это не было победой... Но все же, как приятно было видеть лицо моей матери, когда она снова стала готовить пакеты с завтраками. Рано утром шахтеры отправились в шахту. Было холодно и еще темно, но, кажется, я один во всем поселке лежал в постели. Опять завертели заржавевшие колеса, и начали снова прятать деньги для нашей копилки на камине, которая за время забастовки стала такой легкой... Работа начала стираться из памяти дни безделья и нищеты. В это утро, поднимаясь по холму, люди были счастливы. Однако не все. Было слишком много желающих работать, и некоторые узнали, что для них никогда больше не будет работы в их родной долине!..

У ворот.

Главный управляющий с листом бумаги в руках подходит к воротам, у которых стоит охрана. По-одному шахтеры проходят в ворота. Глядя на них, управляющий сверяется со своим списком. Но вот охрана закрывает ворота и отталкивает шахтеров, которые тоже стремятся попасть во двор.

.. За закрытыми воротами остались уволенные рабочие. Среди них Оуэн и Гвиллим. Молчаливые, они стоят с мрачными лицами рядом с другими. Глаза их суровы.

Столовая в доме Морганов. На «военный» совет собрались Морган, Айвор, Ианто, Дэви, Оуэн и Гвиллим. В глубине комнаты в кровати Хью.

Оуэн. В Южном Уэльсе повсюду то же самое. В Кардиффе люди стоят в очередях за куском хлеба, который им дает правительство. (Качает головой.) Это не для нас. Мы возьмем нашу долю из копилки и уедем.

Морган. Куда?

Оуэн (тихо). В Америку.

У Моргана опускаются плечи. Он медленно поворачивается к камину, берет копилку и ставит ее на стол. Открывает крышку и заглядывает

внутри. Сыновья стоят вокруг. Морган медленно достает два маленьких столбика соверенов и ставит один перед Оуэном, а другой — перед Гвиллимом. Вдруг Ианто предлагает.

Ианто (тихо). Возьми и мою долю, Оуэн.

Дэви (быстро). И мою.

Оуэн. Нет, только то, что принадлежит нам. Мы не хотим благотворительности.

Ианто (грубо). Это не благотворительность, чудак, а здравый смысл.

Гвиллим (упрямо). Нет. Только наши собственные.

В знак согласия Оуэн кивает головой. Морган захлопывает копилку и поворачивается к Оуэну и Гвиллиму.

Морган. Не говорите ничего матери. Пусть хоть этот день пройдет для нее спокойно.

Неожиданно раздается голос Бетс.

Голос Бетс. Не бойтесь, говорите.

Все оборачиваются. К ним медленно подходит Бетс. Она все время стояла у кухонной двери.

Бетс. Я все слышала.

Бетс подходит к Оуэну и Гвиллиму. Со слезами на глазах она обнимает их.

Бетс (прерывающимся голосом). Америка... Америка, мои детки...

Обняв жену, Морган мягко отводит ее от сыновей и ласково прижимает к себе. Смотрит на юношей.

Морган. Ну, мои сыновья, прочтем главу?

Оуэн. Что мы будем читать?

Морган. Исая, глава пятьдесят пятая. «Ты напоишь всякого жаждающего и накормишь всякого голодного».

Подойдя к камину, Оуэн берет с полки библию. Бетс не в состоянии больше держаться на ногах; она подходит к Хью, садится на его кровать и плачет. Хью неловко пытается утешить ее.

Бетс (трагически). Это только начало. Оуэн и Гвил первые... затем уйдете вы все — один за другим уйдете все.

Хью (решительно). Я никогда не покину тебя, мама.

Бетс берет его за плечи и пристально смотрит ему в глаза...

Бетс. Да, Хью. Если и ты когда-нибудь уйдешь от меня, я буду жалеть, что у меня есть дети.

Хью (удивленно). Зачем они тебе нужны?

Бетс (с гримасой). Боже милосердный, мой мальчик! Зачем, в самом деле! Наверное, для того, чтобы держать руки в воде, а лицо у огня плиты.

Переворачивая страницы библии, Морган ищет нужную ему главу.

Вокруг него собрались сыновья. Но, прежде чем он успел начать чтение, с улицы доносится какой-то шум.

Все вопросительно смотрят друг на друга. Слышатся громкие, возбужденные голоса. Слов разобрать нельзя. Один из братьев открывает дверь. Все выходят на улицу.

У крыльца стоят Морган с сыновьями. К ним присоединяется Бетс. К дому направляется почти половина жителей поселка. Во главе толпы почтальон Дэй Эллис. Высоко над головой он держит какое-то письмо.

Люди кричат и громко разговаривают друг с другом.

Ианто. Что это?

Морган. Они идут сюда.

Морганы обмениваются испуганными взглядами, как будто к ним приближается суд Линча. Дэй Эллис дрожащей от волнения рукой протягивает письмо. Он пытается что-то сказать, но беспомощно заикается.

Ианто (*нетерпеливо*). Что с тобой?

Наконец почтальону удается вымолвить несколько слов.

Дэй Эллис (*фальцетом*). Это из Королевского Виндзорского замка...

Он вручает письмо Айвору. Семья Морганов страшно взволнована. Айвор берет письмо, открывает конверт непослушными пальцами и дрожащим голосом начинает читать. Односельчане тесно обступают его.

Айвор. «Мистеру Айвору Моргану надлежит явиться к ее величеству в Виндзорский замок с лучшими певцами его хора...»

Раздаются громкие крики собравшихся. Растроганный Морган берет Айвора за плечо.

Морган. Петь перед королевой. (*С гордостью.*) Сын мой, я никогда не думал, что доживу до такого прекрасного дня. (*С живостью.*) Ианто, Дэви... (*к собравшимся односельчанам*) все вы. Сзывайте всех жителей соседних долин. (*Почтальону.*) Дэй Эллис, садись в свою двуколку и поезжай в город — расскажи новость. Дэви, обойди все шахты — приглашай всех. Скажи, что у нас праздник. Ианто, беги за пивом в «Три колокольчика». Сегодня мой дом открыт для всех, кто хочет зайти к нам.

Его взгляд падает на Оуэна и Гвилима, стоящих рядом. Он обращается к ним. Голос у него дрожит.

Морган. Сыны мои! У вас будут проводы, достойные Морганов.

Улица шахтерского поселка. В разных направлениях бегут взволнованные люди.

Перед зданием почты Дэй Эллис прыгает в свою двуколку. Он нахлестывает лошадь, пока та не пускается галопом.

Ночь.

Тот же шахтерский поселок. Во всех домах свет. Почти из каждого окна выглядывают люди. Начинается торжество. Улица полна веселящимися людьми. Рекой льется пиво.

Поют последний куплет веселой уэльской песни. Когда песня кончается, Морган и Айвор поднимаются на паперть. Хор выстроился на улице.

Подняв руку, Морган водворяет тишину. Когда все стихает, он начинает молиться, просто и искренне.

Морган. Отец небесный. Я от души благодарю тебя за то, что ты привел меня дожить до этого дня, за все, что ты ниспослал мне... благодарю тебя за новую милость. Ты — отец наш, а королева — наша мать. Помоги ей в ее заботах. Господи, пусть королевские тревоги не превышают того, что она может выдержать в столь преклонном возрасте. И пусть голоса хора, который будет петь по ее приказанию, станут красивыми, мощными и вдохновенными. Пошли силы Айвору с честью оправдать доверие королевы. Аминь!

Многоголосое, благоговейное «аминь» проносится по улице!

Морган сходит с паперти, подходит к Бетс.

Айвор начинает дирижировать. Тенора поют первую фразу гимна «Боже, спаси королеву», к тенорам присоединяются сопрано.

Хью лежит в кровати. Его глаза сияют. Возле него Бронуен и Энгаград. Окно открыто. Слышно, как хор Айвора исполняет гимн. Баритоны, басы и альты присоединяются к тенорам и сопрано.

Поющий хор. Вместе со всеми поет Морган. Бетс молча стоит рядом и, не отрываясь, полными слез глазами смотрит на своих сыновей, которые стоят в первом ряду поющих.

Звучат последние звуки гимна.

В кадре крупно — Оуэн и Гвиллим.

Часть четвертая

Церковь. Кончается служба. Вместе с прихожанами поет Граффидд. Мужчины берут свои шляпы.

Граффидд (*спокойно*). Прошу остаться на своих местах. Сегодня собрание старост.

Тихо переговариваясь, прихожане рассаживаются по местам. Старосты, в большинстве пожилые люди, важно идут к амвону. Среди них Морган.

Свое место за кафедрой Граффидд уступает мистеру Парри и, опустив голову, медленно идет по проходу между скамьями. Проходит мимо Энгарад.

Выборный от старост мистер Парри выходит вперед.

П а р р и (*суровым тоном*). Мейллин Льюис, подойди сюда.

Девушка, которой мы до сих пор не видели, спотыкаясь, проходит мимо Энгарад. Рыдая и уткнув лицо в носовой платок, она подходит к собравшимся старостам.

П а р р и (*смотря на нее сверху вниз*). Твой грех выдал тебя, и теперь ты заплатишь за это, как и все женщины, подобные тебе. Ты родила ребенка против заповеди.

В кадре — Энгарад. Ее глаза широко открыты, лицо бледно. Она потрясена и полна жалости.

На задней скамье Граффидд. Его лицо ничего не выражает, однако заметно, что он чувствует себя смущенным.

Лица старост суровы. Один только Морган выглядит расстроенным и несчастным.

П а р р и (*продолжает*). Для таких, как ты, молитва бесполезна. Ты должна быть выброшена во тьму до тех пор, пока не искупишь своей вины. Мейллин Льюис, ты признаешь свой грех?

Всхлипывая, Мейллин бормочет нечто похожее на «да».

Медленно встает Энгарад. Парри сурово смотрит на Мейллин Льюис.

П а р р и. Тогда ты должна понести наказание...

Вдруг раздается голос Энгарад.

Э н г а р а д. Прекратите это! Прекратите это! Оставьте ее в покое, вы, лицемеры!

Ее слова, как гром, поражают собрание. Мейллин Льюис, открыв рот, продолжая плакать, устави́ась на Энгарад. Старосты повернулись в ее сторону. Они слишком удивлены, чтобы разгневаться.

Поднимается Морган. Его лицо бледно от ярости. Он направляется к Энгарад.

М о р г а н (*в бешенстве*). Энгарад, ты...

Между ними быстро встает Граффидд. Он кладет свою руку на плечо Моргана.

Г р а ф ф и д д (*смотря на Энгарад*). Не надо сейчас, мистер Морган. Он мягко ведет Энгарад к выходу.

Морган, не двигаясь, смотрит им вслед. Граффидд и Энгарад выходят из церкви. Прихожане провожают их глазами.

Граффидд и Энгарад выходят на паперть. Потрясенная девушка все еще бледна; Граффидд спокойно смотрит на нее.

Недалеко от них стоит старая, бедно одетая женщина — мать Мейллин

Льюис. На руках у нее маленький ребенок. Она нервно оглядывается. С возмущением Энгарад поднимает глаза на Граффидда.

Энгарад (*страстно*). Как вы могли там стоять и спокойно слушать их? Жесткие старики брюзжат и поддакивают, чтобы причинить ей еще большие страдания. Это непохоже на слово божье! Иисус сказал: «Иди и не грехи больше».

Граффидд (*печально*). Вы слишком хорошо знаете библию и слишком мало жизнь.

Энгарад (*бурно*). Я достаточно знаю жизнь и понимаю, что Мейллин Льюис не хуже меня!

Граффидд. Энгарад!

Энгарад. Что понимают эти старосты? (*Сжимая кулаки.*) А вы, разве вы понимаете, на что способна бедная девушка, если она любит мужчину так сильно, что не видеть его хотя бы одну секунду для нее уже мучение!

Энгарад смотрит ему прямо в лицо; сейчас она говорит ему о своей любви. Однако Граффидд не отвечает на ее вызов.

Граффидд. Это жестоко, но вы должны понять, что люди этой долины строили здесь свои дома, жили и умирали, не получая никакой помощи от правительства, созданного людьми, и признавали только авторитет библии. Если это породило лицемеров и фарисеев, то виноват в этом сам человеческий род. Люди не ангелы.

Энгарад. Сегодня они были похожи на дьяволов! И мой отец — тоже. (*Обвиняя.*) А вы стояли там и позволяли им это.

Граффидд хмурится. Он взволнован так же глубоко, как и Энгарад, но ему трудно объяснить ей, в какое затруднительное положение он поставлен.

Граффидд. Это их церковь. Я только слуга церкви. Если я сейчас выскажу то, что думаю, они могут выгнать меня, и мне останется одно — проповедовать под открытым небом воробьям.

Энгарад. Но вы будете когда-нибудь отстаивать свои убеждения?

Граффидд (*мрачно кивая головой*). Когда настанет время и будет готова почва. Поверьте мне.

Она смягчается. Их глаза встречаются; они смотрят друг на друга.

Позади них открывается церковная дверь. Они оборачиваются. Спотыкаясь, из церкви выходит Мейллин Льюис. Плача, она подбегает к своей матери.

Начинает выходить народ.

Мейллин берет ребенка на руки и целует его, прижимается к матери, и они медленно уходят.

С состраданием смотрят им вслед Энгарад и Граффидд. В едином порыве они идут за Мейллин и ее матерью.

Энгарад (*тихо*). Мейллин...

Часть пятая

Столовая в доме Морганов. Хью читает, лежа в кровати. Бетс прибирает комнату.

Открылась входная дверь. На Хью падает солнечный свет, и он поднимает глаза от книги. В дверях стоит освещенный солнечным лучом Граффидд. Лицо Хью светлеет. У Граффидда торжественный вид; его лицо очень серьезно.

Бетс удивлена приходом Граффидда.

Бетс. Доброе утро, дорогой мистер Граффидд. Очень рада вас видеть. Энгарад ушла на рынок.

Граффидд стоит неподвижно. Он не спускает с Хью пристального взгляда.

Граффидд. Я пришел за Хью.

Бетс (с изумлением). За Хью?

Смотрит на Хью. Тот улыбается, поняв, зачем пришел Граффидд. Но улыбка у мальчика немного испуганная и трепетная.

Хью. Зацвели нарциссы, мама.

Бетс (в сильном волнении). О Хью...

Подходит к нему, нервно комкая руками свой передник.

Продолжая смотреть на Хью, Граффидд делает несколько шагов к его кровати.

Граффидд. Где твоя одежда, Хью?

Хью. Под подушкой, сэр.

Бетс. Под твоей подушкой?

Хью. Все эти месяцы я готовился к сегодняшнему дню.

Граффидд (улыбаясь). Тогда пойдём... Ты принесешь домой царский букет для своей храброй матери...

Хью (его глаза сияют). Непременно принесу.

Бетс настолько ошеломлена, что не может двинуться с места. Граффидд помогает Хью встать с постели и достать одежду из-под подушки.

Склон холма.

Яркое, ветреное утро. Небольшая лужайка цветущих нарциссов, они склоняют свои головки от ветра. Вдали появляется Граффидд. Он несет Хью на спине. Их силуэты вырисовываются на горизонте. Они приближаются к цветущим нарциссам. Граффидд осторожно ставит мальчика на ноги и поддерживает его. Оба смотрят на цветы и улыбаются друг другу.

Осторожно отпустив Хью, Граффидд отходит от него на несколько шагов; затем оборачивается и протягивает к нему руки.

Граффидд. Ну, а теперь — ко мне...

Медленно, преодолевая боль, Хью делает один шаг, затем другой. Он шатается. Кажется, вот-вот упадет. Граффидд быстро подходит к нему, чтобы поддержать его, но Хью с улыбкой останавливает его.

Хью (*слегка задыхаясь*). Я чувствую себя хорошо...

Делает еще два шага и оказывается рядом с Граффиддом. Оба довольны, улыбаются друг другу. Граффидд поддерживает Хью.

Граффидд. На сегодня хватит. (*Внимательно осматривает Хью и говорит серьезно.*) Тебе повезло, Хью. Повезло, что тебе пришлось пострадать, и повезло, что ты пролежал эти тяжелые месяцы в кровати. Потому что бог даровал тебе возможность обрести в себе духовную силу. Так же как твой отец чистит свою шахтерскую лампу, чтобы свет был ярким, так и ты должен сохранять чистым дух свой.

Хью. Как, мистер Граффидд?

Граффидд. Молитвой, сын мой. Я не хочу сказать, что человек должен постоянно бормотать слова, кричать об этом или погружаться в религиозные настроения, как свинья в грязь. Молитва — это только другое название хорошего, чистого, правильного мышления. Когда ты молишься, подумай как следует о том, что ты говоришь, и направь свои мысли на благородные дела. Тогда твоя молитва получит силу, и эта сила станет частью твоего ума, тела и духа.

Глубоко потрясенный, Хью смотрит на Граффидда.

Граффидд (*улыбаясь*). Первая обязанность твоих выздоровевших ног — привести тебя в следующее воскресенье в церковь.

Утро. Церковь.

У церкви появляется семья Морганов. Но среди них не видно самого Моргана и Бетс. В маленькой группе — Энгарад, Ианто, Дэви и Хью, с трудом передвигающийся при помощи Дэви.

...У входа в церковь по зеленой лужайке расхаживает Иестин Эванс — высокомерный молодой человек, одетый по последней моде, чересчур нарядно для такого поселка. Увидев Энгарад, он приподнимает свою шляпу и делает по направлению к ней несколько шагов.

Иестин. Хэлло, Энгарад.

Ианто и Дэви загораживают сестру.

Ианто (*с подозрительным спокойствием*). С кем ты разговариваешь?

Иестин (*небрежно*). С Энгарад. Она, вероятно, твоя сестра.

Одним ударом Ианто сбивает его с ног. Иестин, не ожидавший нападения, ударяется о церковную паперть и падает на землю. Падая, он срывает объявление о сегодняшней проповеди на тему «Любите друг друга».

Ианто, его братья и Энгарад смотрят на лежащего Иестина. Сжав кулаки, Энгарад подходит к Ианто.

Энгарад. Ты, дьявол!

Дэви оттаскивает Энгарад от Ианто, который смотрит вначале на суставы своих пальцев, а затем на лежащего Иестина.

Ианто (*спокойно*). Я не потерплю, чтобы с моей сестрой обращались как с девкой. Его отец может быть владельцем копей, но, если этот парень захотел поговорить с тобой, он должен был спросить разрешения. У нас есть дом, и он прекрасно знает, где он находится.

Прихожане столпились вокруг Иестина, которому его отец Кристмас Эванс и Морган помогают встать на ноги. Все подходят к Ианто.

Эванс. Это ты ударил моего сына?

Ианто. Я.

Морган. Здесь, у церкви?

Ианто (*смотря на Иестина*). Там, где он стоял. С цветочком в петлице!

Эванс. Я подам на тебя в суд, молодой человек.

Иестин нетвердо стоит на ногах.

Иестин (*к Ианто, с вызовом*). Без сомнения, у тебя была причина сделать это!

Ианто. Без сомнения. И без сомнения, я сломаю тебе шею, если у меня будет на то вторая причина.

Морган. Почему ты его ударил?

Ианто. Пусть он сам тебе расскажет.

Морган вопросительно смотрит на Иестина.

Иестин (*после минутного колебания*). Я заговорил с вашей дочерью, сэр.

Эванс (*его брови поднимаются*). Ты заговорил с ней?

Иестин (*сдержанно*). Да, сэр.

Повернувшись к Ианто, Эванс протягивает ему руку.

Эванс. Ианто, я беру свои слова обратно. (*Строго глядя на Иестина.*) Если бы какой-нибудь мужчина заговорил с сестрой Иестина, он был бы убит.

Эванс толкает Иестина к Ианто.

Эванс. Ну, а теперь пожмите друг другу руки — и чтобы между вами не было никакой злобы.

Без всякого энтузиазма, как борцы на ринге, молодые люди обмениваются рукопожатием. Затем Иестин кланяется Моргану.

Иестин. Я приду завтра вечером, мистер Морган, спросить вашего разрешения.

Морган. Хорошо. Я буду вас ждать.

Доносятся звуки органа; из церкви выходит служитель.

Прихожане входят в церковь.

В церковные двери вместе проходят Ианто и Иестин. И хотя они идут рядом, но не смотрят друг на друга.

За ними следует Кристмас Эванс, сзади него — Дэви и Хью. И, наконец, Бетс и Морган.

Когда Бетс и Морган подходят ближе, мы видим, что в ее глазах блещут слезы. Ее муж замечает их.

Морган (*шепотом*). Что с тобой, девочка?

Бетс (*всхлипнув*). Слишком молода — ей даже думать рано о браке..

Морган (*хитро подмигивая*). А сколько тебе было лет?

Бетс (*вытирая глаза*). Я была намного старше, мальчик.

Морган. Брось, девочка. Ты была еще моложе, чем Энгарад.

Сзади них идет Энгарад. Она сталкивается с Граффиддом. Какую-то секунду стоит в нерешительности, затем входит в церковь.

Вечер. Кухня в доме Морганов.

Дверь в столовую полуоткрыта. В нее осторожно заглядывает Энгарад. Когда до нее доносится голос Граффидда, на ее лице появляется выражение смущения и горя.

Голос Граффидда. Бассейн вмещает сто галлонов. «А» наполняет бассейн со скоростью двадцати галлонов в минуту. «Б» — со скоростью десяти галлонов в минуту.

В столовой Граффидд, Морган и Бронуен. За столом, заваленным книгами и тетрадями, сидит Хью. Рядом Бетс. Она что-то шьет. Граффидд читает Хью задачу, тот записывает условие.

Граффидд. «С» — это отверстие, через которое из бассейна каждую минуту вытекает пять галлонов. Записал?

Хью кивает головой.

Граффидд. Сколько потребуется времени, чтобы наполнить бассейн водой?

Бетс неодобрительно прищелкивает языком — и так громко, что все поворачиваются и смотрят на нее.

Бетс. Какая глупость, стараться наполнить бассейн водой, когда в нем дыра.

Морган. Это арифметика, моя девочка. Арифметика. Упражнение для ума. Она нужна ему для экзамена в школу на будущий месяц.

Бетс (*упрямо*). Уж эта старая национальная школа, и задачи-то у них глупые. Кто будет наливать водой старый, дырявый бассейн? Кому это может прийти в голову? Разве только сумасшедшему?!

Морган (*поднимает глаза к небу*). Это для того, девочка, чтобы проверить, умеет ли считать наш маленький. Цифры, ничего больше. Сколько галлонов и сколько времени.

Бетс. В бассейн, полный дыр...

Бросает шитье в рабочую корзинку, не попадает, сердито бросает снова.

Выведенный из терпения Морган наблюдает за ней с усмешкой, затем поворачивается к Граффидду, который чуть-чуть улыбается.

Морган. Теперь я понимаю, почему у меня целое племя сыновей. Это все ты. Этому причиной Бетс Морган. Послушайте, мистер Граффидд, что у вас еще там осталось?

Граффидд. Запятая в десятичной дроби, мистер Морган.

Морган. Запятая в десятичной дроби... (смотрит на Бетс) и тогда мир в моем доме.

Бетс (спокойно). Продолжай чесать язык...

Откладывает свою работу и встает. Граффидд встает тоже.

Граффидд (улыбаясь). Уже поздно. Я пойду. (Кладет руку на плечо Хью.) Запятой в десятичной дроби мы займемся завтра вечером. (Кланяется Моргану и Бетс.) Спокойной ночи!

Морган, Бетс (вместе). Спокойной ночи!

Взяв лампу со стола, Морган направляется к лестнице.

В комнате полумрак; горит только маленькая лампочка около постели Хью.

Морган вместе с Бетс поднимаются по лестнице.

Подойдя к двери, Граффидд делает Хью знак следовать за ним. Хью ковыляет за Граффиддом.

Из дома выходят Граффидд и Хью. Граффидд достает из кармана красивый пенал и протягивает его Хью.

Граффидд. Это мой пенал; прежде он принадлежал моему отцу.

Хью (глубоко взволнованный). Какой он красивый, мистер Граффидд.

Руки Граффидда то открывают, то закрывают крышку пенала.

Голос Граффидда. Посмотри, как скользит крышка, — и какая резьба по дереву. Труд и любовь — поэтому так красиво. (Отдает пенал Хью.) Теперь он твой... ты будешь носить его в школу.

Хью (благоговейно, шепотом). Мистер Граффидд...

Граффидд. Береги его...

Хью (взволнованно). О, я буду беречь его, сэр... благодарю вас...

Граффидд. Тебе дана возможность, которой не было ни у одного из твоих братьев, — ты получишь хорошее образование, в хорошей школе. Будь достоин этого, Хью.

Хью. Я постараюсь, сэр.

Граффидд. Хорошо. Ты придешь завтра? Я обещал твоему отцу, что мы сделаем для Айвора рамку к портрету, который дала ему королева Виктория.

Хью. Хорошо, сэр.

Граффидд (улыбаясь). Ну, спокойной ночи. Храни тебя бог.

Хью. Спокойной ночи, сэр.

Граффидд спускается по дороге. Хью входит в дом и запирает дверь.

Хью ковыляет к своей кровати, держа в руках подарок и не отрывая от него глаз. Он кладет пенал на кровать и начинает раздеваться.

Ночь. Спальня Бетс и Моргана.

В старомодном ночном платье Бетс забирается на двухспальную кровать, ложится и натягивает на себя одеяло.

В такой же старомодной ночной рубашке к кровати подходит Морган. В руках у него зажженная свеча, которую он ставит около кровати.

Бетс (*слегка хмурясь*). Гвил, кому нужна эта запятая в десятичной дроби?

Морган (*жалобно*). Послушай, Бетс, моя крошка, оставь это, иначе утром мы оба попадем в сумасшедший дом.

Бетс. Но кто выдумал эту запятую?

Морган. Я не знаю. Думаю, что французы.

Бетс. Тогда нет ничего удивительного. Уж мне эти французишки!

Морган (*ложась*). Ах ты, старая красотка. Засыпай сейчас же, или я столкну тебя на пол.

Бетс (*бормочет, поворачиваясь к стене*). Что будет с мальчиком от этих французишек и старых дырявых бассейнов? И что будет с нашей страной?

Морган. Позволь уж позаботиться об этом старой королеве в Виндзорском замке.

По-видимому, это успокаивает Бетс. Она укладывается поудобнее, закрывает глаза. Морган тянется к свече, чтобы потушить ее, однако, прежде чем он успевает это сделать, Бетс снова открывает глаза и говорит.

Бетс. Гвил...

Морган (*нетерпеливо*). Да, девочка?

Бетс (*сонным голосом*). Интересно, знает ли королева об этой запятой в десятичных дробях?

Морган. Ах, черт бы тебя побрал!

Тушит свечу.

Ночь. Комната Граффидда. Эта комната служит ему одновременно кабинетом, спальней и столярной мастерской. Работа по дереву — конек Граффидда. В комнате темно.

Входит Граффидд, подходит к столу, зажигает лампу и в изумлении замирает... В комнате стоит Энгарад. Она неестественно спокойна. Несколько секунд оба молчат.

Граффидд (*тихо*). Вы не должны быть здесь.

Энгарад. Я не могу выдержать еще и эту ночь, не зная... (*Смотрит на него измученными глазами.*) Что случилось? Что-нибудь плохое?

Граффидд. Плохое?

Энга рад. Вы знаете, о чем я говорю. Почему вы ко мне изменились? Почему я стала вам теперь чужой? Я виновата в чем-нибудь?

Граффидд. Нет. Виноват я сам. Ваша мать говорила со мной тогда, после богослужения. Она счастлива, что вы будете жить в богатстве.

Энга рад (с ноткой презрения). Иестин Эванс.

Граффидд (глядя на нее). Это будет самое лучшее для вас.

Энга рад (тихо). Он не нужен мне. Мне нужны вы.

Граффидд (тихо). Энга рад. Я тоже не спал ночи напролет — все время думал об этом. Когда я начинал свою работу, я знал, что это означает. Это требует преданности и жертвы. Я знал, что всю мою жизнь я должен буду заниматься этим и отказываться от всего остального. Я шел на это совершенно добровольно. Но делить свою судьбу с кем-нибудь... (С внезапным волнением.) Вы думаете, я допущу, чтобы всю жизнь вы ходили в тряпье? Чтобы вы зависели от благотворительности даже в пище? Чтобы наши дети росли в платьях, выброшенных другими людьми? А мы сами благодарили бога за право создать семью в домишке, полном нужды? (Решительно.) Нет, ради моей работы я готов примириться с лишениями. (С внезапным бешенством.) Я думаю, я могу стать убийцей, если увижу седину в ваших волосах на двадцать лет раньше срока.

Подойдя к нему почти вплотную, Энга рад смотрит на него затуманенными глазами. Она понимает значение его последних слов.

Энга рад (тихо). Почему?

Он не отвечает.

Энга рад (настойчиво). Почему вы могли бы убивать?

Граффидд отводит свои глаза. Энга рад подходит к нему еще ближе.

Энга рад. Вы человек или святой?

Граффидд (тихо). Я не святой... Но у меня есть долг по отношению к вам. Не мешайте мне его выполнить.

Энга рад понимает, что ей не удалось поколебать его решимости.

Энга рад (прерывающимся от слез голосом). Разве я пришла сюда, чтобы слушать проповеди о вашем долге?

Он не двигается. Она смотрит на него еще несколько мгновений, затем круто поворачивается и выходит из комнаты. Граффидд, не шевелясь, смотрит ей вслед.

Из дома Граффидда выбегает Энга рад. Она поворачивает за угол и начинает рыдать.

День.

Комната Граффидда.

Хью и Граффидд склонились над токарным станком. Они делают рамку. Хью показывает Граффидду свою работу.

Граффидд. Хорошо. Теперь сделай кусок для украшения — примерно в два фута.

Хью. Хорошо, сэр.

Он подыскивает подходящий кусок дерева и вдруг поднимает глаза на Граффидда.

Хью. Я буду когда-нибудь богатым, мистер Граффидд?

Граффидд (*серьезно*). Ты и сейчас богат, Хью.

Хью. Я? О нет, мистер Граффидд.

Граффидд. Чего же тебе недостает?

Хью молчит; он старается придумать, чего ему хочется.

Граффидд (*улыбаясь*). Если ты не можешь придумать, чего тебе хочется, подумай, что бы ты чувствовал, потеряв то, что имеешь... Твоих отца и мать. Твоих братьев и сестру. Твой дом. Ты почувствовал бы себя бедняком, если бы потерял их? (*Мальчик кивает головой.*) Значит, ты богат, если они у тебя есть. Это подлинное богатство, Хью, потому что оно добыто любовью.

Слова Граффидда производят глубокое впечатление на Хью. Но у него снова все путается, когда он думает о Граффидде и Энгарад. Поколебавшись несколько мгновений, он вдруг выпаливает.

Хью. Но у вас не будет и этого богатства! Вы не можете жениться на Энгарад, потому что у вас нет денег.

Слова Хью поражают Граффидда. Однако в ответ на его вопрошающий взгляд Граффидд говорит совершенно спокойно и мягко.

Граффидд. Кто говорил с тобой об этом, Хью?

Хью. Брон... и другие говорили.

Лицо Граффидда на секунду становится суровым, затем он грустно улыбается и ласково кладет свою руку на плечо Хью. Спустя мгновение Граффидд поворачивается и медленно идет к окну.

Молча он стоит у окна. В глубине комнаты Хью наблюдает за ним.

Наконец Граффидд говорит, не столько Хью, сколько себе.

Граффидд (*спокойно, но с горечью*). Может быть, еще существует третий род богатства... Может быть, человек должен довольствоваться возможностью служить богу...

Яркий весенний день. Церковь. В открытые двери видна масса народу. Собралась вся долина, как когда-то на свадьбу Бронуен и Айвора. Слышны приветственные крики; в дверях появляются жених и невеста; их осыпают рисом.

На переднем плане нарядная открытая коляска; на козлах сидит кучер. Мы не видим лиц жениха и невесты, так как они закрываются от летящего в них риса.

Кучер спрыгивает с козел и помогает молодым сесть в коляску. Это Иестин и Энгарад. Иестин гордо улыбается. Энгарад очень бледна. Ие-

стин подсаживает ее и садится с ней рядом. Он берет ее за руку с видом собственника.

И е с т и н. Моя дорогая... у тебя будет все на свете.

Целует ее. Невеста отвечает на его поцелуй, но холодно. Ее глаза устремлены мимо Иестина, на церковь.

Смех и приветственные возгласы провожающих.

Кучер взмахивает кнутом... толчок, и коляска отъезжает.

Гости машут вслед удаляющейся коляске. Люди начинают расходиться; идут по улице.

У церкви остаются лишь Морган, Бетс и Хью. Но вот и они медленно уходят. Бетс плачет; Морган обнимает ее за плечи. Хью смотрит на мать, затем оборачивается и всматривается в открытые двери церкви. Его лицо мрачно...

...В кадре: открытая церковная дверь.

Видно, как Граффидд убирает свою книгу, тушит свечу, расправляет скатерть на кафедре. Его движения спокойны и методичны. Закончив, он медленно направляется к выходу. Когда он подходит ближе к дверям, видно, что его лицо сосредоточенно и мрачно.

Выйдя из церкви, он закрывает за собой дверь, поворачивается и скрывается из виду.

Часть шестая

День. Школа. После перемены в класс вбегают мальчики и девочки.

Перед одной из парт группа детей. Среди них Мервин Филлипс — первый задира и хулиган. Они что-то рассматривают.

На парте лежат книги Хью и пенал, который ему подарил мистер Граффидд. Мальчишки злорадно переглядываются. Мервин Филлипс берет пенал Хью и с треском ударяет им по парте. Остальные рвут книги Хью и обливают их чернилами. Один из мальчишек оглядывается через плечо.

М а л ь ч и к. Смотрите, он идет.

Все моментально разбегаются по своим местам. Хью подходит к парте и смотрит на свои вещи... Его глаза широко открываются. Кулаки невольно сжимаются, и слезы навертываются на глаза. Он поднимает голову и смотрит на ребят.

Хью. Я буду драться со всеми вами.

Некоторые мальчики громко смеются, другие презрительно фыркают.

М е р в и н Ф и л л и п с. Грязный шахтер!

Хью. С тобой первым.

Несмотря на попытки удержать рыдания, Хью начинает всхлипывать. Он вытирает свой пенал чистым носовым платком, этим же платком вытирает глаза, оставляя на лице черные следы.

Сжав кулаки, Хью направляется к Мервину Филлипсу. Вдруг один из мальчиков предостерегающе кричит.

М а л ь ч и к. Приготовиться!

Все быстро рассаживаются по своим местам. Слышен звук открываемой двери. В класс входит Джонас — учитель. Это неприятный молодой человек, толстый, педантичный и высокомерный. Он утрирует английскую манеру растягивать слова. Учитель оглядывает класс и замечает взъерошенного и плачущего Хью. Джонас медленно подходит к нему. Останавливается, не спуская с него глаз.

Медленно вставая с места, Хью с вызовом смотрит на него.

Д ж о н а с. Ты новичок? (С неприятной улыбкой.) Что за грязный трубочист.

Выдергивает носовой платок из кармана Хью и неодобрительно разглядывает его, пренебрежительно держа двумя пальцами.

Хью (воинственно). Он был чистый, когда я уходил из дому...

Улыбка, как по волшебству, покидает лицо Джонаса.

Д ж о н а с. Ты будешь обращаться ко мне только со словом «сэр» или попробуешь моей палки. Теперь садись. Если ты хочешь остаться у нас, ты должен быть более воспитанным.

В душе Хью поднимается бунт. Он свирепо смотрит на Джонаса. Джонас отворачивается от него и идет к своему столу.

Школьный двор. Толкаясь, дети с шумом высыпают из школы. Большая перемена.

Навстречу друг другу идут Хью и Мервин Филлипс. Сходятся.

М е р в и н. Ты хочешь со мной драться?

Размахнувшись, с силой ударяет Хью. Тот отвечает ему. Но Хью слабее Филлипса. И он падает под градом ударов. Пытается приподняться. Из его носа и уголков рта течет кровь. Снова падает. Но Мервин прыгает на Хью и продолжает его колотить. Дети, собравшиеся вокруг них, явно сочувствуют Мервину. Они подбадривают его задорными криками; Мервин колотит Хью.

Дом Морганов. Наступает вечер.

К дому медленно подходит избитый, весь испачканный Хью. В руках у него сломанный пенал, залитые чернилами книги и тетради. Его одежда измазана и разорвана. Лицо Хью изуродовано: один глаз заплыл, из носа течет кровь, на щеках и на лбу ссадины.

Мальчик смотрит на входную дверь, потом поворачивается и обходит дом, надеясь незаметно проскользнуть черным ходом. Неожиданно раздается голос Дэви, и Хью останавливается.

Г о л о с Д э в и. А вот и он.

Из-под навеса, где они мылись, выходят Ианто и остальные братья. Подходят к Хью. Увидев лицо Хью, Ианто, свистнув, берет брата за подбородок. Хью пытается выдумать какую-нибудь правдоподобную ложь.

Хью. Я.. Я упал с горы.

Ианто (*мрачно*). Ты победил?

Хью (*честно*). Нет.

Ианто смотрит на Дэви.

Ианто. Где нам разыскать Дэя Бандо?

Дэви. Вернее всего в «Трех колокольчиках».

Ианто. Пойдем.

Они уходят. Хью идет к дому. В дверях появляется Бетс с ведром помоев. Увидев сына в таком виде, пораженная, останавливается. Бросив ведро, бежит к Хью, обнимает его со слезами на глазах.

Бетс. О Хью, что они с тобой сделали?!..

Из дома выходит Морган и также подходит к Хью. Строго смотрит на сына, затем берет его за руку.

Морган. Пойдем со мной.

Ведет мальчика в дом. Бетс, боясь, что Морган собирается наказать Хью, бежит за ними.

Бетс. Гвилим... Гвилим...

Столовая в доме Морганов.

Входят Морган и Хью. За ними вбегает взволнованная Бетс. Не говоря ни слова, Морган останавливается перед камином, берет копилку и ставит ее на стол. Вынув из копилки несколько монет, он смотрит на Хью.

Морган. Ты хочешь завтра идти в школу?

Хью. Да, отец.

Морган. Хорошо. С сегодняшнего дня ты будешь получать по одному пенни за каждый синяк на твоём лице, по шесть пенсов за кровоточащий нос, по шиллингу за подбитый глаз и по два шиллинга за сломанный нос.

Дает несколько монет Хью. Бетс слушает мужа с возрастающим негодованием.

Бетс. Гвилим, перестань! (*К Хью.*) Можешь драться опять, но, когда ты будешь приходить домой, ты ни слова не услышишь от меня. Я даже не взгляну на тебя. (*В бешенстве.*) Разбивай свой нос. Разбивай сердце своей матери каждый раз, когда уходишь из дому!

Морган. Бетс, мальчик должен драться.

Бетс. Это называется драться? Еще одна такая драка — и его забьют до смерти.

Морган (*улыбаясь*). Он не дрался. Защищался — да, но не драл-

ся. Ему будет так попадать до тех пор, пока он сам не начнет драться. Не так ли?

Отец и мать гневно смотрят друг на друга. Это первое серьезное недоразумение между ними.

Открывается дверь. В сопровождении Ианто и Дэви в столовую входит Дэй Бандо.

Дэй — призовой борец, коротышка; ширина его плеч равна его росту. У него длинные руки, во рту торчит всего один или два зуба.

На лице следы многочисленных драк. Один глаз заклеен пластырем, другой — узенькая щелочка среди синева-багровой опухоли.

Морган и Бетс оборачиваются. Морган рад видеть Дэя, Бетс не скрывает своего недовольства. Однако Дэй слишком прост, чтобы заметить это. Когда он идет своей курьезной семенящей походкой призового борца и расплывается в широкой улыбке, он похож на большую дружелюбную собаку. Вслед за Дэем появляется Сифарта, хилый человек в претенциозном клетчатом костюме, с огромной кривой трубкой. Это менеджер Дэя, его тень, руководитель, философ и друг.

Дэй (*сердечно*). Добрый вечер, миссис Морган. (*Моргану*.) Добрый вечер, сэр.

Сифарта (*всем*). Добрый вечер.

Дружелюбно улыбаясь, Морган пожимает им руки; Бетс холодно взглядывает на Дэя. Ианто подталкивает Хью к Дэю.

Ианто (*Хью*). Дэй будет учить тебя боксу.

Дэй (*поправляя его*). Вначале борьбе. Очень многие называют себя боксерами, хотя они даже не борцы. (*С чувством*.) Бокс — это искусство, не так ли?

Сифарта кивает головой в знак согласия и изображает пантомимой удар кулаком.

Бетс выразительно фыркает, выражая этим свое негодование. Морган попытается загладить ее неучтивость.

Морган. Перестань, девочка! Почему ты не предложишь Дэю и Сифарта по чашке чая?

Сифарта (*поспешно*). Нет-нет. Никакого чая, миссис Морган. Он сейчас тренируется для матча с Бигем Шони. Он пьет только пиво. Пниту вашего доброго домашнего пива, миссис Морган, можно?

Многозначительно поднимает вверх два пальца.

Дэй сразу же приступает к своим обязанностям.

Дэй (*к Хью*). Ну, а теперь раздевайся, мальчик.

Тот расстегивает рубашку.

С недовольным видом Бетс идет на кухню. У дверей ее останавливает Морган.

Морган (*шепотом*). Что с тобой, девочка?

Бетс (*шипит*). Французы, старые бассейны с дырками, а теперь призовые борцы!

Хлопнув дверью, она уходит на кухню. Морган качает головой и направляется к гостям.

Хью разделся до пояса. Дэй, пробуя его мускулы, начинает его щипать, ощупывает ребра.

Дэй (*хмурясь*). Узковат в плечах, узки предплечья, а ноги должны по крайней мере потолстеть вдвое, чтобы стать нормальными.

Ианто (*быстро*). Это не его вина, Дэй.

Дэй. Да, я забыл.

Он виновато улыбается, показывая при этом свой единственный зуб, и похлопывает Хью по спине. Сифарта также похлопывает Хью.

Дэй. А теперь, мальчик, бей меня сюда.

Вытянув подбородок, он дотрагивается до него своим коротким указательным пальцем. Хью в нерешительности. Дэй снова нетерпеливо показывает на свой подбородок.

Дэй. Бей, мальчик, бей изо всех сил!

Сифарта (*попыхивая трубкой*). Получишь соверен, если собьешь его с ног.

У смущенного Хью нет никакого желания бить Дэя. Тем не менее он стучает его кулаком.

Мальчик крепко хватил боксера, но тот принял удар, даже не моргнув.

Дэй. Гм!.. Он хорошо владеет плечами?.. эй, Сифарта!

Сифарта. Видал других и похуже.

Размахивает кулаком по воздуху.

Чтобы быть одного роста с Хью, Дэй опускается на колени. Встает в позицию.

Дэй. Теперь смотри. (*Иллюстрирует свои слова убедительными жестами.*) Никогда не бей, пока не увидишь незащищенного места. Сперва прямой левой, вот так. Приподнимись на носки, правую руку держи у подбородка...

Все свои объяснения Дэй сопровождает показом приемов бокса. Хью копирует все его движения. Они начинают драться.

На заднем плане Сифарта с упоением повторяет все их движения.

Бетс приносит пиво и с шумом ставит кружки на стол.

Хью и Мервин Филлипс дерутся. Хью держится как настоящий боксер. Оба до пояса голые. В начале борьбы преимущество на стороне Мервина; град ударов сыплется на Хью. Но тому удастся защитить свою голову от ударов и удержаться на ногах. Выбрав момент, он бьет левой рукой по незащищенному носу Мервина, тот поднимает руку, чтобы закрыть лицо, и Хью бьет его коротким ударом правой руки под верхнее ребро. Мервин сгибается от удара; Хью бьет его коротким ударом левой и тотчас же правой. Мервин, как подкошенный, падает на землю. Из его носа ручьем льется кровь.

С удивлением смотрит на него Хью. Широко открытыми глазами он рассматривает свои кулаки, которые совершили это чудо. Сестра Мервина, Гейнвен — очень красивая девочка одних лет с Хью — расталкивает толпу и опускается на колени возле брата.

Гейнвен (*плача*). О Мервин, Мервин!..

Вынимает носовой платок и пытается остановить поток крови; затем встает и смотрит горящими от гнева глазами в лицо Хью.

Гейнвен. Ты убил его! Ты грязный маленький зверь! Ты убил моего брата!

Яростно наступает на Хью. Тот пятится, стараясь увернуться от нее. В это время кто-то кладет руку на плечо Гейнвен. Она останавливается и испуганно смотрит вверх.

Голос Джонаса. Тише.

Рядом с Гейнвен, держа ее за плечо, стоит Джонас. Он смотрит на Хью. На его губах появляется улыбка.

Джонас. Так-так. Опять наш друг угольщик дал волю своему гневу. (*Резко, как удар хлыста.*) Ступай к моему столу и жди.

В классе. Около учительского стола стоят Хью и Мервин. Джонаса не видно.

Мервин (*шепчет*). Сунь книжку в штаны, а то он изобьет тебя до крови.

Весь класс с ужасом наблюдает за Джонасом, который подходит к своему столу, размахивая гибкой тростью с набалдашником из слоновой кости. Девочки нервно переговариваются между собой.

На одной из парт в первом ряду сидит Гейнвен. В руке у нее носовой платок, измазанный кровью ее брата. Она торжествующе улыбается, глядя на Хью. Поймав ее взгляд, Хью мрачно сжимает губы. Джонас подходит к Хью и Мервину.

Джонас (*любезно, Мервину*). Будь так добр, подставь спину.

Мервин послушно нагибается.

Джонас (*сладким голосом*). Благодарю тебя. (*Поворачивается к Хью.*) Пожалуйста, перегнись через его спину.

Хью принужден покориться.

Размахнувшись, Джонас яростно ударяет Хью тростью по спине. Хью принимает первый удар; его губы лишь слегка сжимаются, глаза сверкают.

Мы слышим, как палка со свистом опускается второй раз. Лицо Джонаса искажено садистским удовольствием; он снова и снова с силой замачивается тростью.

...Напряженные лица детей. Один за другим раздаются свист ударов.

На лицах ребят, как в зеркале, отражаются и возрастающий страх и жалость.

Улыбка торжества медленно сходит с лица Гейнвен. Ее глаза прикованы к трости Джонаса. Вслед за ней они поднимаются вверх и опускаются вниз.

Гейнвен начинает нервно теревить свой окровавленный носовой платок.

Удары Джонаса становятся все яростнее. Наконец трость ломается. Набалдашник из слоновой кости, подпрыгивая, катится по полу. Тяжело дыша, Джонас отступает назад.

Превозмогая боль, Хью медленно выпрямляется. Мервин также разгибается и с уважением смотрит на Хью.

Джонас (*запыхавшись, писклявым фальцетом*). Теперь дерись опять. Это было только начало... Я научу тебя хорошим манерам.

Движением руки он велит Хью занять свое место за партой. Хью смотрит ему в лицо, но Джонас избегает его взгляда. Повернувшись, Хью медленно идет к своей парте.

От боли он еле двигается, но держится прямо. Школьники смотрят на него с восхищением, уважением и жалостью.

Поравнявшись с партой Гейнвен, Хью на секунду останавливается и смотрит на нее. Девочка поднимает на него свои большие глаза. Перед ней лежит, разорванный на мелкие клочки, носовой платок.

Медленно, с трудом держась прямо, подходит Хью к своей парте и садится на место.

У школы.

Дети выбегают из дверей и расходятся по домам. Появляются Мервин Филлиппс и Гейнвен. Девочка оглядывается, надеясь увидеть Хью.

Брат и сестра останавливаются. Мимо них проходят школьники.

Обращаясь к брату, Гейнвен говорит:

— Иди долой. Я приду попозже.

Возвращается в школу. Идет по коридору. Входит в свой класс.

...За партой одиноко сидит Хью. Гейнвен подходит к нему. С огромной симпатией смотрит на него.

Гейнвен. Ты остался здесь?

Хью. Ненадолго...

Гейнвен. И не будешь обедать?

Хью. Нет.

Гейнвен. Можно мне принести тебе чего-нибудь? Я живу недалеко отсюда.

Хью отрицательно качает головой.

Гейнвен смотрит на него; на глазах у нее слезы.

Гейнвен (*порывисто*). Хью Морган... Я поцелую тебя!

Горячо целует его. Хью слегка вздрагивает, потому что ее рука коснулась его плеча.

Гейнвен (*с раскаянием*). Я сделала тебе больно?

Хью (*торжественно*). Нет!

Гейнвен. Говорят, что у тебя спина была покрыта кусочками ковра?

Хью. Посмотри сама.

Она осторожно дотрагивается до его спины; Хью не может удержать невольную дрожь.

Гейнвен (плача). Как мне тебя жаль... и нет никакого ковра.

Несколько мгновений они смотрят друг на друга в замешательстве.

Гейнвен (тихо). У меня есть яйцо реполова. Хочешь, я тебе его дам?

Хью. У меня их много.

Гейнвен. Не может быть!..

Хью. Много. Есть даже соловьиные...

Гейнвен. У вас поют соловьи?

Хью (хвастливо). Тысячи соловьев.

Гейнвен. У нас раньше тоже пели, а потом новый железодельный завод сжег все деревья. (С очаровательной улыбкой.) Можно мне прийти к тебе послушать соловьев?

Хью. Можно.

Гейнвен (радостно). Когда?

Хью (довольно резко). На следующее лето, девочка, когда они запоют опять.

Его слова немного смутили Гейнвен. Но через мгновение она овладевает собой. Застенчиво смотрит на Хью.

Гейнвен. Ты в кого-нибудь влюблен, Хью?

Пораженный Хью не может произнести ни слова. С большим трудом он встает, выпрямляется и берет свою корзинку для завтрака.

Хью. Я пойду домой.

Гейнвен (в ужасе). Через холм? Отец может подвезти тебя на своей двуколке.

Хью (нелюбезно). Нет...

Гейнвен. Пожалуйста, Хью.

Хью (решительно). Нет!

Он идет к двери; Гейнвен разочарована и задета. Ее губы слегка дрожат.

В дверях Хью останавливается, оглядывается на Гейнвен и отрывисто говорит.

Хью. Завтра я принесу тебе соловьиное яйцо.

Выходит. Лицо Гейнвен светлеет; она смотрит ему вслед. ●

Смеркается. Улица шахтерского поселка. По дороге, ведущей вверх по холму, с трудом тащится Хью. Он едва передвигает ноги, но его глаза сияют от гордости. Когда он проходит мимо «Трех колокольчиков», оттуда выходят Айвор, Ианто, Дэви, Дэй Бандо и Сифарта.

Айвор. А, ученый!

Хлопает Хью по спине. Хью вздрагивает и почти теряет сознание от боли. Ианто подхватывает его.

Дэви. Что это с ним?

Дэви стаскивает со спины Хью рубашку. Взгляды всех приковываются к его спине.

Ианто (*шепотом*). Это тебя так отделали в школе?

Дэви. Он содрал тебе мясо до костей, парень. Кто это?

Хью не отвечает.

Ианто (*тихо*). Это мистер Джонас?

Хью не отвечает. Ианто медленно обводит глазами окружающих.

Ианто. Мы немножко побеседуем с мистером Джонасом.

Все мрачно кивают в знак согласия; Хью поднимает голову.

Хью. Нет! Пожалуйста! Дэви, Ианто — я дрался, а это не разрешается правилами.

Дэви (*указывая на спину Хью*). А это по правилам?

Хью (*со слезами в голосе*). Но он предупреждал меня.

Дэви. Это глупости, мальчик...

Ианто кладет свою руку на плечо Дэви.

Ианто. Подожди, Дэви... Это дело Хью, и он будет решать его сам. (*К Хью.*) Скажи только слово, и мы оторвем ему мясо от костей.

Хью. Оставьте его в покое.

Ианто медленно кивает головой. Он смотрит то на Хью, то на братьев. На его губах появляется улыбка.

Ианто (*мягко*). Мне кажется, наш малыш становится взрослым мужчиной.

Взяв Хью за руку, он уводит его. За ними идут остальные братья. Дэй и Сифарта смотрят им вслед. Единственный глаз Дэя зловеще поблескивает.

Сифарта (*шепчет*). Ну, он будет иметь дело с нами. Это так же верно, как то, что мы помрем в свое время.

Оба возвращаются в бар.

В класс входит Хью и направляется к своей парте. На секунду он останавливается у парты Гейнвен, но мы не видим, что он делает; затем идет на свое место.

Прежние его враги — одноклассники — улыбаются ему. Ясно, что теперь его признали своим. Хью ни на кого не смотрит. Он не отрывает глаз от парты Гейнвен.

Спустя несколько секунд в класс вбегает Гейнвен. Подходит к своей парте. На ее лице появляется довольная улыбка.

На парте Гейнвен лежит соловьиное яйцо. Она смотрит через плечо

на Хью, стараясь поймать его взгляд. Хью доволен, что она увидела лицо, но старается не смотреть на нее.

В кадре линейка Джонаса.

К доске подходит Джонас. Кусочком мела он начинает чертить какие-то диаграммы. Открывается дверь, на пороге вырастают Дэй Бандо и Сифарта. Несколько секунд они стоят спокойно, наблюдая за Джонасом. Он их не видит.

Дэй, в праздничном костюме и котелке. В руках у него легкая трость.

Увидев Дэя и Сифарту, Хью даже рот открыл. Он понимает, что сейчас должно что-то произойти.

Своим обычным высокомерным тоном Джонас начинает объяснять задачу.

Дж о н а с. Вчера класс добился некоторого успеха — правда, очень небольшого — в области линейных измерений.

Пока Джонас говорит, Дэй семенит к нему своей характерной походкой боксера. Удивленный Джонас оборачивается.

Д э й (*приветливо*). Доброе утро, мистер...

Дж о н а с. Джонас.

Д э й (*сияя*). Мистер Джонас. (*Сифарте*.) Значит, мы действительно пришли, куда нам надо.

Дэй очень любезен, но его глаза холодны как лед. Сифарта кивает головой.

Дж о н а с. Чем могу служить?

Д э й Скажите, мистер Джонас, ведь человеку никогда не поздно поучиться. Не так ли?

Дж о н а с (*в замешательстве*). Да.

Дэй делает несколько шагов к нему, Джонас отступает.

Д э й. Когда-то и я ходил в школу... но тогда я был легковесом и не особенно усердным учеником.

Стучит указательным пальцем по груди Джонаса. Тот снова отступает от него.

Д э й. Но сегодня другое дело... сегодня я готов учиться.

Они вплотную подходят к столу Джонаса. Джонасу уже некуда пятиться. Не больше дюйма отделяет улыбающееся лицо Дэя от лица Джонаса.

Дж о н а с (*испуганно*). Что вам нужно?

Д э й. Знание! Как бы вы измерили палку, мистер Джонас?

Дж о н а с (*дрожа*). По ее длине, конечно.

Д э й. А как бы вы измерили человека, который маленького мальчика, в три раза меньше его ростом, избил своей палкой?

Джонас с трудом переводит дыхание: у него совершенно пересохло в горле.

Д э й (*как бы беседуя*). Вот вы мастер по палочным ударам, а моя профессия — бокс, по правилам, установленным добрым маркизом Куинсберри.

Сифарта (*вмешиваясь*). Господи, упокой его душу.

Дэй. Я счастлив, что могу передать вам свои знания. Итак, начнем.

Он снимает свой пиджак и котелок, отдает их Сифарте, который смахивает пылинки с котелка и тщательно расправляет пиджак на своей руке.

Дэй. Ни один человек не имеет права считать себя боксером, если он не владеет хорошим прямым левым...

Джонас (*визжит*). Помогите!.. помогите!..

Дэй бьет Джонаса по лицу; его удары молниеносны.

Дэй. Так, чтобы не искалечить человека, понимаете? (*Снова бьет.*) Так не искалечишь. Но выведешь его из равновесия...

Джонас. Помогите! Полиция!..

Случайно учителю удается отбить рукой один из ударов Дэйа.

Дэй (*одобрительно*). Хорошо... прекрасная блокировка, в самом деле! Но вы же оставили себя не защищенным против удара правой.

Свои слова он иллюстрирует крепким ударом в ухо Джонаса. Тот упал бы, если бы Дэй не подхватил его за воротник.

Дэй. Вы должны уметь бить любой рукой... такими ударами вы накажете вашего противника...

Иллюстрирует свои слова ударами левой и правой рук...

Дэй. Всем плечом... поворачивайте кулак когда бьете... вот так... так... и так...

Джонас слабо вскрикивает.

Дэй. Держите, друг, вашу защиту выше! Под вашим подбородком, вот так! И наблюдайте за вашим противником, чтобы не получить прямого правого в солнечное сплетение...

Бьет Джонаса под ребра. Тот испускает лишь слабое «уф». Его голова повисает.

Дэй (*продолжает наносить удары*). Это заставит вас уронить голову, а противник даст вам апперкат.

Подкидывает голову Джонаса левым апперкатом. Лицо учителя превратилось в бесформенную массу. Джонас издает лишь какие-то нечленораздельные звуки. Он еле держится на ногах.

Дэй. А вот это...

Бьет Джонаса по носу, тот валится на пол.

Дэй. ... против правил... никогда так не бейте. Вы сломаете противнику нос.

Обозревает дело своих рук. Джонас со стоном пытается подняться на ноги. Дэй встряхивает его и вздыхает, увидев, что учитель снова падает.

Боксер смотрит на притихший класс.

Дэй. Ох, боже мой, я боюсь, он никогда не научится, а, Сифарта?

Сифарта мрачно кивает головой. Схватив Джонаса за шиворот и за брюки, Дэй кидает его в угольный ящик, который стоит возле печки, и захлопывает крышку.

Распахивается дверь. В класс вбегают Мотшилл — директор школы, и Тизер — младший учитель. Все ученики встанут и молча стоят у своих парт.

Мотшилл (*в ярости*). Ах ты, коварный негодяй! Я подам на тебя в суд.

Не обращая внимания, Дэй берет у Сифарты свой пиджак и надевает его.

Дэй. Зачем? Это был только урок. (*Надевая котелок.*) А теперь можно и по домам, выпить пинту пива. У вас здесь слишком пыльно и мрачно.

Сифарта. Действительно, пыльно. Пинта будет настоящим благодеянием.

Дэй (*вежливо приподнимая свой котелок*). Всего хорошего, сэр.

Сифарта также приподнимает свой котелок. Они выходят из класса. Мотшилл смотрит им вслед. Из угольного ящика вылезает выпачканный, всхлипывающий, окровавленный Джонас.

Мотшилл (*сквозь зубы*). Мистер Тизер, будьте добры, проводите мистера Джонаса домой.

Тизер уводит Джонаса.

Мотшилл поворачивается к ученикам, которые все еще стоят.

Мотшилл. Садитесь.

Все садятся, кроме Хью. Он очень бледен, ждет наказания.

Мотшилл (*строго*). Садись, Морган.

Хью садится.

Лицо Мотшилла все еще сурово, но на его губах мелькает легкая улыбка.

Мотшилл. А теперь откройте «Комментарии Цезаря»...

Часть седьмая

День.

Мастерская портного. В одном белье стоит Хью. Портной Хфа и старый Твим, его помощник, снимают с него мерку. Морган наблюдает за Хфой. Щелкнув, Хфа закрывает метр и смотрит на Моргана.

Хфа. Пиджак будет замечательный. Теперь брюки. Длинные брюки или короткие, мистер Морган? Будет он мужчиной или останется мальчиком?

Хью смотрит на отца; в его взгляде страстная мольба; больше всего на свете он хочет иметь длинные брюки.

Поглаживая свой подбородок, Морган как бы в нерешительности молчит. Наконец улыбается.

Морган. Конечно, брюки длинные.

Хью гордо выпрямляется, быстро надевает свою курточку и короткие штанишки. Хфа торопливо складывает метр, булавки и прочее.

Хфа. Хорошо. Будут длинные. Приходите в среду в половине пятого, получите костюм «горяченьким», прямо из-под утюга.

Туим (с сарказмом). И Нэн Марди придет в среду в это же время за своим дождевым плащом с черной тесьмой и карманами по бокам.

Хфа (сердито). Что ты болтаешь о Нэн Марди.

Туим (с деланным равнодушием). Я только сказал на всякий случай.

Хфа. На какой случай?

Туим (вдруг сердито). На тот случай, если в это время его брюки будут спущены, а подол рубашки задран до подбородка!

Хфа. Черт поberi эту Нэн Марди. Если она увидит подол его рубашки, она только обрадуется.

Морган (прерывая его, строго). Придержите ваши языки — здесь мальчик!

Уже одевшийся Хью умирает от любопытства. Морган берет его за руку.

Морган. Пойдем, Хью. (К Хфа). Он будет здесь в половине пятого. Уходят.

У мастерской портного.

Из мастерской выходят Морган и Хью.

Хью. Почему Нэн Марди обрадуется, если увидит подол моей рубашки?

Морган. Занимайся своим делом, а Нэн пусть занимается своим. Так будет лучше для всех!

Комната Граффидда.

Граффидд и Хью работают на токарном станке; они чинят пенал Хью.

За Граффиддом исподлобья наблюдает Хью. Набираясь храбрости, чтобы задать важный вопрос, он рассеянно сдувает опилки на Граффидда. Тот шуточно хмурится. Хью показывает Граффидду свою работу.

Граффидд. Хорошо. Теперь поперечный кусочек вот для этого уголка.

Но к работе Хью не притрагивается.

Хью. Мистер Граффидд...

Граффидд. Да...

Хью. Почему Нэн Марди будет рада, если увидит подол мужской рубашки?

Удивленный Граффидд смотрит на Хью.

Граффидд. Кто тебе это сказал?

Хью. Хфа, портной.

Граффидд (строго). Это отвратительная шутка, Хью. Я удивляюсь, что ты ее повторяешь.

Хью. А разве это шутка? Папа не смеялся.

Граффидд смягчается. Он понимает, что мальчик не шутит.

Граффидд. Видишь ли, Хью... этим хотели сказать, что... она уже не молодая женщина, у нее нет мужа, а поэтому нет и детей. Это значит... что с мужем ей было бы лучше.

Хью. А разве не может быть детей без мужа?

Граффидд поражен. На него молча смотрит Хью. Мальчику даже в голову не приходит, что его слова звучат как шутка.

Граффидд. Да, конечно... Но вот... ждет ребенка Бронуен. А у нее ведь есть муж, не так ли?

Хью (*в замешательстве*). Да, Айвор.

Граффидд. И у твоей матери есть муж, твой отец.

Хью. Но почему же?..

Внимательно смотря на Хью, Граффидд старается решить, пришло ли время мальчику узнать эти вещи. Хью чувствует, что это серьезный момент, что сейчас он узнает нечто новое и очень важное.

Хью (*настойчиво*). Я скоро надену длинные брюки.

Приняв наконец решение, Граффидд улыбается.

Граффидд. Ну что ж, хорошо, Хью! И так, прежде всего кое-что ты узнаешь сейчас, кое-что позже... Так вот... на свете существуют мужчины и женщины. Но до того, как они станут взрослыми, они бывают мальчиками и девочками, а еще раньше грудными детьми, не так ли?

Хью. Да, сэр.

Граффидд. Ну, а до этого что же было с ними?

Хью (*недоумевая*). Ничего, сэр...

Граффидд. Ничего!

Хью. Подобно тому как мир начался от слова.

Граффидд (*кивая головой*). И слово было с богом... А потом?

Хью. Потом появились Адам и Ева.

Граффидд. Хорошо!.. Адам и Ева жили в саду. Что же там произошло?

Хью. Там было древо познаний, и они согрешили.

Граффидд. Да.. а потом?

Хью (*не совсем уверенно*). Тогда прилетел ангел с огненным мечом и изгнал их из рая...

Граффидд (*кивая головой*). Чтобы они в поте лица своего добывали хлеб свой... А потом?

Хью (*это он знает твердо*). Тогда появились Каин и Авель. Авель был хороший человек, но Каин его убил.

Граффидд (*смеясь*). Подожди! Прежде чем его убивать, надо, чтобы он появился на свет... Мы знаем, как произошли Адам и Ева. А откуда же взялись Каин и Авель?

Хью. Из библии, сэр.

Граффидд (*слегка нетерпеливо*). Но как они попали в библию, мальчик?

Хью молчит. Думает. Граффидд старается помочь ему.

Граффидд. Адам был сотворен по образу божию, а Ева создана из ребра Адама. Откуда же появились Каин и Авель?

Хью. Они были сыновьями Адама и Евы.

Граффидд. Хорошо! Теперь скажи, почему мужчина считается отцом, а женщина — матерью?

Хью (*очень серьезно*). Да потому, сэр, что у него усы и брюки, а у нее гладкая кожа и юбки.

Граффидд (*терпеливо*). Нет, Хью... Потому что он — муж, а она — жена. Ева была женой Адама. Они были родители Каина и Авеля, их отцом и матерью. У ребенка всегда должны быть отец и мать... ими бывают муж и жена... Всему приходит свое время. И когда люди женятся, у них появляются дети. Вот и ты, когда будешь мужчиной, также станешь отцом, а девушка, на которой ты женишься, — матерью. Как Айвор и Бронуен.

Хью кивает головой. Объяснения Граффидда он понимает смутно.

Граффидд запускает токарный станок.

Граффидд. Вот так-то обстоят дела.

Хью. И это все, сэр?

Граффидд. Все. А чего же ты хочешь еще?

Хью. Я думал, происходит что-нибудь страшное.

Лицо Граффидда становится строго.

Граффидд. Это действительно страшно, Хью. Страшно... Подумаешь, Хью!

Сейчас Граффидд отходит от станка. Он думает уже не о Хью, а об Энгарад и о детях, которых у него никогда не будет... Задумавшись, он делает несколько шагов. Думы об Энгарад захватили его...

Широко открытыми глазами Хью смотрит на него.

Граффидд (*тихо*). Когда просишь любимую женщину разделить с тобой не только твой дом, твое состояние... твою бедность... (*на секунду замолкает и тяжело вздыхает*), но и ответственность за создание новой жизни по образу и подобию божию... может быть, за создание многих жизней... Думать о нищете и страданиях, которые могут выпасть на долю этих маленьких существ, и не быть в силах предотвратить это... Думать, что у тебя могут быть дети, похожие на тебя, что ты будешь держать их на коленях, знать, что они плоть от плоти, кровь от крови твоей, что они ждут от тебя помощи так же, как ты ждешь ее от бога... Это страшно. И в то же время так величественно и прекрасно, что невозможно передать словами!

Хотя Хью далеко не все понимает, он потрясен.

Хью. Но почему же все-таки обрадуется Нэн Марди, если увидит подол мужской рубашки?

Обернувшись, Граффидд строго смотрит на Хью.

Граффидд. Я уже сказал тебе, что это грязная шутка и ее не нужно повторять. А теперь иди домой ужинать.

Неожиданно доносятся отрывистые, резкие гудки. Это сирена шахты. Граффидд и Хью переглядываются и одновременно бросаются к дверям.

Улица поселка. К шахте бегут мужчины и женщины.
Резкие гудки сирены возвещают о несчастье.
К толпе присоединяются Граффидд и Хью.

У шахты.

Медленно поворачивается колесо подъемника. Останавливается... Появляется клеть. В ней несколько шахтеров. Среди них Ианто и Дэви.

На полу клетки что-то лежит, покрытое парусиной. Лица Ианто и Дэви мрачны. Граффидд и Хью подбегают к клетке. Взглянув на Ианто и Дэви, они понимают, что трагедия касается их.

И а н т о Айвор...

Глаза Хью широко раскрываются.

Дэ в и. Поскользнулся и попал под вагонетку.

Все направляются вниз, к дому Айвора.

Улица шахтерского поселка.

Ианто, Дэви, Граффидд и Хью подходят к дому Айвора.

Из дому выходит Бронуен и медленно идет им навстречу.

По выражению ее лица видно, что она догадывается о несчастье. Поравнявшись с братьями, она сжимает руки Ианто. У того не повертывается язык сказать ей о случившемся.

Б р о н у е н (задыхаясь). Айвор?

Ианто и Дэви молча кивают.

Широко открытыми глазами Бронуен смотрит прямо перед собой. Вдруг глаза ее закрываются, колени подгибаются, и, потеряв сознание, она падает. Ианто успевает подхватить ее.

Г р а ф ф и д д (к Хью). Скорее позови доктора Ричардса!

Мальчик убегает. Ианто и Дэви уносят Бронуен в дом.

Ночь. Столовая в доме Бронуен. Тихо. Только тикают на камне часы. Три часа ночи.

В комнате Граффидд, Морган, Хью, Ианто и Дэви. Они ждут. Глаза всех устремлены на лестницу. От бессонной ночи и от волнений у людей измученный вид.

По лестнице медленно спускается Бетс. Рукава ее платья засучены. Видно, что она также измучена и подавлена, однако не теряет присутствия духа.

Бетс идет прямо к Моргану, который стоит под портретом королевы Виктории.

На стене ниже портрета висит дирижерская палочка, подаренная Айвору королевой.

Бетс (*тихо, кусая губы*). Гвил... У нас родился первый внук.

Морган (*торжественно склонившись*). Одного бог взял, другого дал.

В глазах Бетс загораются недобрые огоньки. Ее голос слегка дрожит, когда она сердито отвечает мужу.

Бетс. Пойди наверх к ней и скажи ей об этом. Она найдет, что тебе ответить!

Морган. Помолчи, Бетс, не гневи бога.

Бетс. Иди к черту с этим гневом! (*Поднимает глаза.*) И пусть эти слова будут услышаны!

Часть восьмая

Столовая в доме Морганов.

Крупно: свидетельство Хью об окончании школы в руках Морганов.

Морган и Бетс рассматривают свидетельство. В глубине комнаты сидит Бронуен с ребенком на руках.

Морган (*изучая свидетельство*). С наградой. (*Улыбаясь.*) Наш сын ученый.

Взяв из рук мужа свидетельство, Бетс с любопытством его разглядывает.

Бетс. Что это такое, Хью? Я ничего не могу понять.

Морган (*гордо*). Это латынь.

Отложив свидетельство, Бетс сжимает руками голову Хью и глядит на него любящими глазами.

Бетс. Мой бедный Хью, значит, они набили твою голову латынью?

Проводит рукой по его голове, как бы желая убедиться, что на ней нет никаких шишек, которые могли появиться от учения.

Морган. Ну, а что ты намерен делать теперь? Поедешь в Кардифф? Поступишь в университет и станешь адвокатом? Или доктором?

Бронуен (*подмигивая*). Доктор Хью Морган... Это будет неплохо...

Бетс (*одобрительно*). Да, в самом деле... Заведешь хорошую лошадь с двуколкой на рессорах, хороший черный костюм и крахмальные рубашки... Ох, как хорошо, мой маленький. (*Живо.*) А пока стакан сливок для тебя и всех твоих знаний.

Хью (*улыбаясь*). Да, мама... (*косясь на Бронуен*) и немножко песочного печенья Бронуен.

Уже направившаяся за сливками Бетс останавливается и, оперев руки в бока, спрашивает.

Бетс. А моим печеньем будем кормить свиней?.. Так, что ли?

Хью. Нет... но я его съел вчера, а сегодня очередь за печеньем Брон.

С печальной улыбкой Бронуен смотрит на Хью.

Бронуен. Мне очень жаль, Хью, но сегодня я испекла только хлеб с коринкой. Нет того, кто любил мое печенье.

Все замолкают. Глаза Бронуен блестят от навернувшихся слез. Она встает, направляется к двери. В дверях останавливается и, прислонившись лбом к косяку, стоит с ребенком на руках.

Бронуен. Ах, мама, если бы вы знали, как я одинока без него!.. Каждый вечер чищу его ботинки и готовлю ему костюм. А утром нахожу их нетронутыми. *(Рыдания душат ее.)* Как я одинока!

Выходит. Морган, Бетс и Хью печально смотрят ей вслед... Бетс идет на кухню. Возвращается со стаканом и большим кувшином со сливками. Морган и Хью по-прежнему смотрят вслед Бронуен.

Бетс наливает сливки и передает стакан Хью.

Бетс. Гвил, пусть Брон живет у нас, если она захочет.

Морган *(качает головой)*. Нет. В доме должна быть одна хозяйка. Вдыхая, он постукивает по столу свидетельством Хью.

Морган. Итак, Хью, что же ты намерен делать?

Хью все еще смотрит на дверь, за которой скрылась Бронуен. Вопрос отца выводит его из задумчивости. Он оборачивается к нему.

Хью. Я пойду с тобой в шахту, отец.

Морган. Опомнись, Хью. На шахте тебе не место. Почему не поискать более достойную работу?

Бетс *(фыркая)*. Дстойную? Значит, ты и его братья недостойные люди? Может быть, преступники?

Морган. Оставь, Бетс. Я хочу, чтобы мальчик добился лучшей доли.

Бетс *(упрямо)*. Если он будет таким же хорошим человеком, как ты и его братья, я умру спокойно.

Морган. Бетс!.. я думаю о будущем мальчика. В наше время было по-другому. Тогда платили хорошие деньги и честно относились к людям. *(Стучит свидетельством по столу.)* К тому же Хью ученый. Зачем же растрчивать свой ум в шахте?

Хью. Я хочу работать в шахте.

Морган беспомощно разводит руками.

Морган. Решай сам. И потом вини уж только себя, если тебе придется плохо.

Хью. Я пойду в шахту.

Морган. Прекрасно!.. Итак, решено... в шахту...

Бетс. Вот и хорошо!

Морган *(холодно)*. Хорошо... А я пойду и напьюсь.

Поворачивается и выходит из комнаты. Бетс и Хью молча смотрят ему вслед.

Хью (*отрывисто*). Мама! Я мог бы поселиться у Бронуен.

Вначале Бетс пугается.

Бетс. Хью...

Хью понимает, что она боится потерять еще одного сына.

Хью. Мама, ведь я буду жить почти рядом... на этой же улице...

Бетс раздумывает вслух.

Бетс. Да, тяжело ей одной. (*Решительно кивает головой.*) Хорошо. Иди, Хью! И пока она снова не выйдет замуж, живи у нее.

Уже готовый было вскочить, Хью с удивлением смотрит на мать. Никогда раньше ему не приходила в голову такая возможность.

Хью. Выйдет замуж? Брон?

Бетс. Конечно, мальчик! Она еще молода. Еще много лет она будет красива... А в доме нет денег... Конечно, у нее будет другой муж, и, наверное, скоро.

Несколько мгновений Хью раздумывает, затем встает.

Хью. Я пойду и поговорю с ней.

Уходит.

Часть девятая

День. В доме Бронуен.

Медленно раскачиваясь, Бронуен сидит в своей качалке. На руках у нее ребенок; она нежно гладит его волосы.

Неожиданно Бронуен поворачивается. Ее глаза загораются, как будто она ждет, что в комнату войдет Айвор. Но спустя мгновение ее лицо снова становится печальным.

Бронуен. Да?

В комнату тихо входит Хью. Подходит к Бронуен и смотрит на нее.

Хью. Я иду работать в шахту, Брон.

Легкая улыбка трогает губы Бронуен.

Бронуен. Ну... в шахту. У старика Угля задрожат все морщины.

Но Хью по-прежнему очень серьезен.

Хью. Брон... ты хочешь, чтобы я жил у тебя в доме?

Она смотрит на него широко открытыми глазами.

Хью. Я буду отдавать тебе мое жалованье.

Бронуен (*отрицательно качая головой*). Ты должен жить у твоей матери.

Хью. Она сама послала меня.

Бронуен. Из жалости.

Хью. Нет! В этом есть здравый смысл. Ты все равно готовишь одежду вечером и утром, так пусть уж это будет для меня.

Бронуен (*слегка улыбаясь*). Ты хороший парень.

Хью. Да или нет, Брон?

Б р о н у е н. Да.
Х ь ю. Хорошо. Я принесу мою постель.
Поспешно выбегает.

Улица.
От дома Бронуен бежит Хью, направляясь к себе домой.

На шахтном дворе.
Дневная смена идет на работу. Среди проходящих шахтеров Ианто и Хью.

Клеть скользит вниз. Быстро мелькает неровный ствол шахты. Среди шахтеров, набившихся в клеть,— Хью. Кроме него еще два или три мальчика постарше его.

Забой.
Работают Ианто и Хью. Ианто методично взмахивает киркой, вонзая ее в угольный пласт; Хью торопливо отгребает уголь в конце забоя и грузит его на вагонетку. Они вгрызаются в пласт. Хью складывает породу в кучи.

Г о л о с Х ь ю. Работать, чтобы зарабатывать на хлеб тем, кого любишь... Это значит — терять здоровье в сыром подземелье, проводить часы, недели, месяцы в темноте, чувствовать, что угольная пыль оседает на тебе, легко, едва ощутимо дотрагиваясь, словно земля касается тебя своими пальцами, предупреждая, что все равно ты попадешься ей в руки, что рано или поздно наступит день расплаты...

День. У входа в шахту.

На поверхности появляется подъемная клеть. Из нее гурьбой выходят черные от угольной пыли шахтеры. Среди них Хью и Ианто. Хью шурит-ся, глубоко вздыхает и жадно оглядывается по сторонам. Он как бы пьет благословенный солнечный свет. Ианто тушит свою лампочку и идет к воротам. Хью следует за ним.

Окно кассы.

Шахтеры выстроились в очередь за получкой. Среди них Ианто, Дэви и Хью. Хью стоит с гордым видом.

Наконец Хью, Ианто и Дэви приближаются к окошечку кассы...

Очередь Хью. Он получает свои деньги и отходит. Ианто и Дэви задерживаются у окошка. Вместе с деньгами кассир вручает им какие-то листочки.

Остановившись, Хью оборачивается назад; он понимает: что-то случилось. Братья с мрачным видом показывают ему полученные листочки.

Г о л о с Хью. Когда раздавался гудок и кончалась смена, наступало чувство благословенного облегчения. Можно было наконец расправить ноющие мускулы, а главное, мы снова выходили на свет! Тогда я понял, почему шахтеры так любят посидеть на своих крылечках, когда светит солнце. Когда я шел в толпе шахтеров такой же усталый, такой же черный от угольной пыли и приветствовал свет так же прищуриваясь, как и они, я чувствовал себя настроющим мужчиной. Я жил их мыслями, думал вместе с ними и о них, был частью их. Мужчина среди мужчин. Но вместе со счастьем пришло ко мне и горе. Лучшими рабочими в шахте были Ианто и Дэви. Но их труд слишком высоко оплачивался по сравнению с другими, нищими, отчаявшимися шахтерами.

День. Дом Морганов.

В кепках, с узлами в руках из дому медленно выходят Ианто и Дэви.

За ними показываются Морган, Бетс, Бронуен и Хью. Останавливаются у двери, печально провожая глазами уходящих.

Братья спускаются по тропинке.

На секунду задерживаются, оглядываются и машут рукой на прощание.

Идут по улице... Уходят все дальше и дальше и наконец скрываются за холмом.

Г о л о с Хью. Теперь в семье зарабатывали только двое. Мой отец и я.

Вечер. Столовая в доме Морганов.

В кадре: атлас Хью. Книга открыта на карте мира.

При помощи линейки Хью ведет линии от Уэльса к Америке, Новой Зеландии, Канаде и Кейптауну.

Появляются Бетс и Морган; они заглядывают через плечо Хью.

Бетс. Что это за паук?

Хью (*улыбаясь*). Эта линия идет от нас к Оуэну и Гвилиму. (*Проводит пальцем по линиям.*) Вниз — к Кейптауну, к Энгарад; сюда вверх — к Ианто, в Канаду; сюда — к Дэви, в Новую Зеландию.

Положив палец на то место, откуда расходятся линии, Хью, улыбаясь, говорит матери.

Хью. А ты — звезда, которая сияет из нашего дома и освещает им все пути и по океанам и по суше.

Бетс (*с иронией*). Все пути? (*С легкой горечью.*) Видно, невелико мое сияние, если ты уместил все это на маленьком клочке бумаги!

Морган. Это карта, Бетс, моя малышка! Картина мира... должна же ты знать, где они находятся.

Бетс (*мрачно*). Я и без этих старых картинок и пауков, нарисованных карандашом, знаю, где они!

Медленно отходит от стола. Останавливается и смотрит на мужа.

Бетс (*решительно*). Они всегда со мной, дома.

Поворачивается и идет на кухню.

Хью и Морган молча смотрят ей вслед.

Часть десятая

Дом Бронуен.

На дороге показывается толпа шахтеров. От толпы отделяется Хью, измазанный, в рабочем костюме. Он быстро подходит и скрывается в доме.

В столовую торопливо входит Хью. Но, увидев Мэтта Харриса, приятного, худощавого и не слишком блестящего молодого человека, круто останавливается.

Одет Харрис в свой лучший костюм, который сидит на нем мешковато.

На столе лежит незатейливый букетик цветов. У Харриса гордый вид неловкого ухаживателя. Хью смотрит на него без всякого энтузиазма.

Хью. О... (*Затем недовольно.*) Хэлло.

Расплываясь в улыбке, Мэтт протягивает ему руку.

Мэтт. Хэлло, Хью.

Неохотно пожимая руку Мэтта, Хью смотрит на него пристально и недоверчиво.

Мэтт. Я зашел к Брон, но рад и тебя видеть.

Хью смотрит мимо него, на цветы. Неодобрительно хмурится. Сверху доносится голос Бронуен.

Голос Бронуен. Это ты, Хью?

Хью (*поворачиваясь*). Да.

Идет к лестнице. Поднимается на несколько ступенек.

Наверху, у перил лестницы, стоит Бронуен, Хью — внизу.

Бронуен. Я одеваю бэби. Может быть, ты угостишь мистера Харриса чашкой чая?

Хью (*недовольно*). Он что, дожидается чая?

Бронуен. Да.

Уходит в свою комнату. Хью возвращается к Харрису.

Мэтт стоит спиной. Хью видит, как он снимает со стены из-под портрета королевы Виктории дирижерскую палочку Айвора и с любопытством ее рассматривает. Хью подходит к Мэтту и берет палочку из его рук.

Хью (*глядя на палочку*). Королева подарила ее Айвору, когда он дирижировал для нее хором.

Мэтт. Айвор был хороший человек.

Хью (*глядя на Мэтта*). Да...

Он вертит палочку в руке и искоса поглядывает на гостя.

Хью (*тихо*). Мэтт...

Мэтт. Да, мальчик...

Хью. Я хочу вам что-то сказать...

Мэтт. Да?

У Хью такой вид, словно он не решается заговорить. Наконец решительно встряхивает головой.

Хью. Нет... Это не мое дело...

Он отходит от Мэтта; но тот идет за ним, берет его за руку.

Мэтт. В чем дело, мальчик?

Хью. Пусть Брон сама вам скажет...

Мэтт. Это о... (*он запинается*) Бронуен... И обо мне?..

Хью (*тихо*). Да... И об Айворе...

Мэтт (*поражен*). Айворе?

Хью. Брон никогда его не забудет.

Мэтт (*в замешательстве*). Конечно, нет...

Хью (*решительно*). И никогда не выйдет замуж за другого.

Мэтт совершенно ошеломлен.

Мэтт. Она с тобой говорила об этом, мальчик?

Хью. Много раз.

Мэтт. Мне она ничего не говорила.

Хью. Конечно... ей не хочется огорчать вас. Но она сказала мне, что вы только зря теряете время.

Мэтт (*шепчет*). Она так сказала?

Неискушенному во лжи Хью помогает только несообразительность Мэтта. Утвердительно кивая головой, мальчик продолжает.

Хью. Она мне сказала, что ей вас очень жаль.

У Мэтта удрученный вид, но он старается улыбнуться.

Мэтт. Ну, хорошо, мальчик... Я... Я рад, что ты мне сказал. Я... (*Запинаясь*.) Ну, а теперь прощай.

Хью (*вежливо*). Разве вы не останетесь, чтобы повидаться с Брон?

Однако Хью надеется, что Мэтт не останется.

Мэтт. Нет. (*Задыхаясь*.) Нет... Я лучше пойду.

Хью кивает головой. Мэтт берет свою шляпу, бросает взгляд на цветы и уходит. С торжеством Хью смотрит ему вслед. Услышав, что Бронуен идет по лестнице, он старается принять спокойный вид.

С лестницы через открытую дверь Бронуен видит, как Мэтт уходит.

Бронуен. Куда ушел Мэтт?

Хью. Он не сказал.

Бронуен. Но почему...

Хью. Он просил извинить его.

Хью отворачивается, и у Бронуен возникают подозрения.

Бронуен. Хью...

Хью. Да?..

Бронуен. Что ты ему сказал?

Хью (*невинно*). Кому?

Бронуен. Мэтту Харрису, кому же еще?

Хью упрямо молчит. Бронуен слегка трясет его за плечо.

Бронуен. Что ты ему сказал, Хью?

Хью (*неохотно*). Я наврал ему такое, что он сразу ушел.

Бронуен (*спокойно*). Ступай за ним и приведи его сюда. Скажи ему, что ты сожалешь.

Хью поворачивается к ней спиной.

Хью. Я не жалею об этом... и я не хочу приводить его сюда.

Бронуен. Хью...

Бронуен, видимо, рассержена, но в ревности Хью есть что-то трогательное, и она не может быть с ним строгой.

Бронуен. Он хороший человек и может стать для меня хорошим мужем. Почему же мне не выйти за него замуж?

Хью. Потому что ты его не любишь.

Бронуен. Он это понимает. Любовь — еще не все. Доброта тоже кое-что значит. И, кроме того, кое-что значат хлеб насущный и крыша над нашими головами. Я не могу больше брать деньги у тебя и твоего доброго отца. Что ж ты хочешь, чтобы мой маленький Айвор голодал? А это случится, если не будет мужчины, который позаботится о нем.

Хью. Я стану этим мужчиной и буду о нем заботиться.

Бронуен. Нет, Хью, когда ты станешь мужчиной, твой заработок уже не будет принадлежать мне.

Хью. Он будет твоим до тех пор, пока я жив.

Бронуен (*с легкой улыбкой*). Ты хороший парень. Но когда-нибудь у тебя появится жена. Она будет очень счастливой... будут и дети... ведь так?

Хью (*решительно глядя на нее*). Нет, Брон.

Бронуен. Да, Хью.

Она улыбается. Гладит его по голове. Он все так же твердо смотрит на нее.

Бронуен. Давай забудем на сегодня о Мэтте. И посидим за чаем вдвоем.

Бронуен выходит из комнаты; Хью провожает ее взглядом. Постепенно на его глаза навертываются слезы. Это уже не детские слезы — это горькие слезы мужчины!

Голос Хью. Брон была неправа — Брон, которую я всегда любил, с первого взгляда, и до сих пор. И хотя в тот день я смотрел еще на все глазами ребенка, я уже видел свое будущее, будущее взрослого человека. Мое предчувствие оправдалось. Я остался одиноким. В этом я не переменялся. А в моей долине происходили перемены. Терриконов становилось все больше и больше. Они пожирала все на своем пути — все, что было создано богом и человеком.

Моя долина уже почти не была зеленой!...

Общий вид долины.

Теперь она стала такой, какая была в первых кадрах фильма.

Терриконы значительно выросли. Чахлые деревья наполовину погребены под породой. Когда-то веселый маленький ручей превратился в заросшее тиной болото.

Разрушающийся дом какого-то шахтера, полузасыпанный породой.

Голос Хью. Неожиданно вернулась Энгарад. Вернулась одна. Поселилась она не у нас, а в большом доме Эванса.

Особняк Эванса. Это самый большой дом в долине.

По дорожке к дому идет Хью. У входных дверей он останавливается, стучит большим дверным молотком. Снимает кепку, поправляет галстук, манжеты. Дверь открывает Энид, молоденькая деревенская девушка.

Позади нее вырастает миссис Николас — полная несимпатичная экономка. Она в трауре.

Хью (*вежливо*). Можно видеть миссис Эванс?

Энид. Кто вы?

Хью. Хью Морган.

Холл в особняке Эванса. Миссис Николас величаво идет вперед.

Миссис Николас. Вы ее брат, не так ли?

Кивнув головой в ответ, Хью входит. Девушка закрывает дверь. Миссис Николас высокомерно оглядывает гостя.

Миссис Николас. Вот сюда, пожалуйста.

Открывает дверь в гостиную.

В глубине гостиной у окна стоит Энгарад.

Медленно входит Хью; миссис Николас продолжает стоять на пороге.

Энгарад значительно постарела. Одета она просто, но модно. За эти годы она изменилась больше, чем кто-либо другой в семье Морганов. Увидев Хью, Энгарад быстро подходит к нему и ласково улыбается.

Энгарад. Неужели Хью?!

Целует его в щеку. Хью поражен, что эта величественная дама — его сестра. Энгарад бросает взгляд на миссис Николас.

Энгарад. Миссис Николас, пожалуйста, принесите чаю.

Экономка приседает и выходит, оставив дверь открытой.

Взяв кепку у Хью, Энгарад кладет ее на подоконник.

Энгарад. Садись, Хью.

Хью садится. Сестра берет его за руку, нежно улыбается ему.

Энгарад. Ты стал совсем взрослым... очень изменился...

Хью. Ты также...

Энгарад смеется. Но в ее смехе слышна горечь.

Энгарад. Я выгляжу больной, и мне следует позаботиться о своем здоровье. Все, кто приходит сюда, говорят об этом. Повтори и ты то же самое — и покончим с этим. (*Желая переменить тему разговора.*) Лучше расскажи мне здешние новости. Как теперь живут парни и девушки — наши бывшие друзья?

Хью. Сестры Дженкинс вышли замуж. Малдвин Хьюгес уехал учиться на доктора, Рис Хоуелл работает в конторе адвоката и каждую неделю присылает домой десять шиллингов, а (*исподлобья смотрит на сестру*) мистер Граффидд по-прежнему встает раньше всех и ложится последним.

Глаза Энгарад выдают ее волнение. Она сжимает руку Хью.

Энгарад. Как он, Хью?

Хью. Он не такой, как был.

Энгарад. А может быть, у него болезнь?

Хью. Только в глазах и голосе, как у тебя.

Не спуская глаз с Хью, Энгарад медленно встает. Она бледнеет, в глазах у нее гнев.

Энгарад. Уходи отсюда.

Хью медленно поднимается... берет свою кепку.

Брат и сестра смотрят на дверь. Там стоит миссис Николас, за ней видна Энид с чайным подносом в руках. Очевидно, миссис Николас подслушивала их разговор. Заметив, что ее увидели, она быстро входит в комнату.

Миссис Николас. Пожалуйста, миссис Эванс, чай готов.

Энгарад. Подожди, Хью.

Энид ставит поднос на стол. Миссис Николас хлопотливо расставляет чашки.

Энгарад. Оставьте, миссис Николас. Я налью сама.

Миссис Николас (*поднимая брови*). Но я всегда наливала чай для бедной покойной матушки мистера Истина.

Слегка бьет своими ключами по пальцам Энид.

Миссис Николас. Убери пальцы с тарелок, Энид.

Энгарад (*холодно*). Довольно. Не размахивайте так ключами или я отберу их у вас. Я сама налью чай.

Миссис Николас (*приседая*). Слушаюсь, миссис Эванс. (*С масляной улыбкой.*) Новая хозяйка, как и новые простыни... да. Немного жестки, но придет стирка...

Она делает знак Энид следовать за ней и выходит из комнаты, под черкнуто закрыв за собой дверь.

Хью и Энгарад молча смотрят им вслед.

Хью. Почему ты ее здесь держишь?

Энгарад. Тридцать шесть лет в семье или что-то в этом роде. По крайней мере она говорит мне об этом сотни раз в день. Хочешь чаю, Хью?

Вдохнув, она садится за чайный столик. Хью серьезно смотрит на нее. Хью. Ты же сказала мне, чтобы я уходил.

Но Энга рад уже искренне раскаивается в своей вспышке.

Энга рад. Нет, оставайся!

Указывает ему на козетку рядом с собой. Хью садится, Энга рад берет его за руку.

Энга рад. Хью, мне очень жаль, что я была такой гадкой.

Хью. Это ничего, сестренка.

Энга рад смотрит на него, затем отворачивается; ее глаза полны слез. Достает носовой платок и прижимает его к глазам.

Энга рад. Ах, милый мой, я как сущий ребенок. О Хью, мой маленький, я хотела рассказать все маме — и не могла.

Вдруг Энга рад теряет самообладание и начинает рыдать. Хью обнимает ее. Она горько плачет на его плече. Хью пытается ее успокоить.

День. Кухня в доме Эванса.

У кухонного стола миссис Николас и Энид. Возле двери деревенская чета — муж и жена. Они пришли продавать яйца.

В глубине кухни мальчик наполняет углем ящик у плиты. Миссис Николас — олицетворение справедливого негодования. Она отбирает яйца и говорит.

Миссис Николас (*добродетельно*). Не мне бы это говорить. Я только экономка. Но я тридцать семь лет в семье и дожидая до того, что проклинаю каждый день.

Крестьянка (*изумленно*). Ну, подумайте, как это ужасно...

Миссис Николас (*рассматривая яйцо на свет*). Я не удивлюсь, если когда-нибудь увижу старого хозяина, который поднимается из гроба. Только могильный камень удерживает его там. Я могу поклясться...

Энид. Ужасно, ужасно... (*В замешательстве.*) Но что?..

Миссис Николас наклоняется к Энид и что-то шепчет ей на ухо.

Энид (*потрясенная*). Развод?

Деревенская чета возмущена.

Крестьянка. Что?

Миссис Николас. Я ничего не буду рассказывать, но именно это у нее на уме. (*Крестьянке.*) Я возьму дюжину яиц... но просить за них шиллинг — грабеж! (*Продолжает.*) Она здесь без мужа, не так ли? А почему? Потому что она влюблена в этого пастора...

Крестьянка (*потрясенная*). Не может быть...

Миссис Николас. Я говорю вам, в этого пастора — мистера Граффидда.

Крестьянка (*разинув рот*). Мистера Граффидда? Не может быть!

Миссис Николас. Так оно и есть, но я не скажу никому об этом ни слова.

Крестьянка. О, я не разболтаю, миссис Николас...

Миссис Николас (*намекая*). О, конечно, нет, нет, разве только если вы будете считать это своим долгом.

Вынимает носовой платок и начинает сморкаться.

Миссис Николас. Бедняжка наш хозяин Иестин. Шахтерская шлюха бесчестит его дом, а он за тысячу миль отсюда!

Муж и жена сочувственно качают головами. Уходят.

Когда дверь за ними закрывается, Энид поворачивается к миссис Николас. У нее совершенно растерянный вид.

Энид (*робко*). Но мистер Граффидд даже не подходит к нашему дому...

Миссис Николас (*презрительно*). Какое это имеет значение, де-вушка? (*Резко*.) Занимайся своим делом.

Слезы у нее уже высохли. Сейчас она предстает перед нами в своем подлинном виде.

Центральная штольня.

Хью ожесточенно избивает какого-то юношу старше себя. В глазах Хью ярость. Из рассеченной губы у него сочится кровь. Он наносит один беспощадный удар за другим. Наконец прижимает своего противника к стене и снова осыпает его ударами.

Появляется несколько шахтеров. Они оттаскивают Хью, который рвется к парню.

День. Улица шахтерского поселка.

По холму медленно спускается Хью. Его голова опущена, кулаки сжаты.

Он проходит мимо людей, которые там и тут стоят небольшими группами. Все с любопытством смотрят на него, некоторые за его спиной перешептываются. Хью ни на кого не смотрит. Подходит к дому Бронуен. Останавливается у калитки и смотрит в сторону родного дома.

Мы видим, что дверь дома Морганов закрыта.

Хью направляется к своему дому, переходит дорогу и подходит к дверям.

На него падает тень облака. Взглянув на небо, Хью входит в дом.

Голос Хью. Праздная болтовня может ранить острее ножа. Многие поколения Морганов жили в долине, но только теперь, впервые, клевета коснулась нашего имени. Как порода покрывала нашу долину, так и черная клевета затмевала умы людей. Станным показался мне наш дом. Я понял почему. В первый раз у нас была плотно закрыта днем входная дверь. Тогда на меня это произвело большое впечатление, а позднее я стал вспоминать тот день по другой причине. Мой отец — и тень облака, упавшая на нашу дверь... Если бы я знал тогда...

Столовая в доме Морганов.

Одетый в свой рабочий костюм, Морган зашнуровывает ботинки. Бетс стоит рядом.

Открывается дверь. Солнечный луч, проникший в открытую дверь, падает на Моргана. Входит Хью. Морган встает.

Морган (*глядя на Хью*). Ну что, Хью?.. Опять неприятности с этими сплетниками?

Бетс подбегает к Хью.

Бетс. О Хью, что с тобой? Посмотри на свои руки.

Хью. Эван Джон... (*оскорбленно, в замешательстве*) он — он нехорошо говорил об Энгарад и мистере Граффиде.

Бетс (*Моргану*). Даже дети...

Морган. Ты поступил правильно, мой сын. (*К Бетс.*) Я вернусь к ужину.

Бетс. И ты не пойдешь в церковь?

Морган. Нет. (*Решительно.*) А если они это сделают, моей ноги больше не будет в церкви, пока я жив.

Поворачивается, собираясь уходить.

Бетс. Я приготовлю тебе брэнди и нагрею простыни.

Морган. Ты у меня старая красotka.

В словах Моргана сквозит его прежний юмор.

Бетс (*шепотом*). Иди и дерись, мальчик.

Морган выходит из дому. Бетс и Хью смотрят ему вслед. Затем Хью поворачивается к матери.

Хью. А что произойдет в церкви, мама?

Бетс (*глядя в сторону*). Сегодня вечером после службы — собрание старост. Будут говорить об Энгарад.

Хью (*потрясен*). Об Энгарад! Но она ничего дурного не сделала.

Бетс (*мрачно*). «Ничего» уже достаточно для людей, которые любят пустые сплетни. (*Со слезами.*) О Хью, мой маленький, я надеюсь всем сердцем, что, когда ты вырастешь, эти языки уже не будут так ранить.

Хью. И Энгарад должна быть на этом собрании?

Бетс. Нет. Никто из нас не пойдет. Но позора не избежать.

Хью. Я пойду туда, мама.

Из дома Морганов выходит Хью и направляется к дому Бронуен.

У шахты.

Морган и несколько шахтеров его смены подходят к подъемной клетки. Входят в клеть. Морган дает сигнал машинисту. Клеть быстро опускается.

Вечер. Церковь переполнена народом. Все надели свои лучшие костюмы и выглядят настоящими праведниками. Среди прихожан обращают на се-

бя внимание Парри и другие старосты, сидящие впереди. Миссис Николас рядом с ними. В глубине церкви появляется Хью. Он уже вымылся и переоделся.

Хью тихо проходит к задней скамье и садится. Его с любопытством оглядывают.

Головы прихожан поворачиваются: в церковь входит Граффидд, неторопливо проходит вперед и занимает свое место за кафедрой.

Несколько секунд Граффидд мрачно смотрит на свою паству, затем спокойно и решительно начинает говорить.

Граффидд. Я говорю с этой кафедры последний раз. *(С бесконечной грустью.)* Я покидаю долину, искренне сожалея о тех, кто помогал мне здесь, о тех, кто позволял помочь себе. Но тем из вас... *(в его голосе звучит почти презрение)* кто доказал, что я напрасно потратил здесь время, я хочу сказать...

Прихожане ждут. Хью в отчаянии от мысли, что он скоро потеряет своего друга.

Г о л о с Г р а ф ф и д д а. Среди вас не нашлось ни одного, кто имел бы мужество прийти ко мне и обвинить меня в грехе. Если вы считаете, что произошел грех, вы должны были меня заклеймить как грешника. Кто же поднимет здесь свой голос и обвинит меня?

Граффидд ждет. Он обводит взглядом прихожан. Не дождавшись ответа, с презрением продолжает.

Граффидд. Таких нет! Значит, вы не только лицемеры, вы еще и трусы! *(Меняя тон.)* Я не обвиняю вас. Я сам виноват в этом не меньше вашего. Праздная болтовня, бедность ума, которую вы проявили, показывают, что я не сумел научить вас тому, чему должен был научить.

Его взгляд скользит по прихожанам.

— Когда я был молод, я думал, что правдой завоюю мир. Я думал, что мне удастся повести армию больше той, о которой когда-то мечтал Александр, но такую армию, которая должна освободить человеческий род, а не покорять нации. Правдой! Золотым звуком слова... Но только немногие из вас услышали меня. Только немногие поняли. Остальные оделись в черное и уселись в церкви. *(Его тон становится язвительным.)* Зачем вы приходите сюда? Зачем вы одеваете в черное ваше лицемерие и выставляете его по воскресеньям напоказ богу? От любви?.. Нет!.. Вы уже доказали, что ваши сердца слишком иссохли, чтобы впитывать в себя любовь вашего божественного владыки... Я знаю, почему вы приходили. Каждый раз стоя здесь перед вами, воскресенье за воскресеньем я видел это по вашим лицам. Сюда вас приводил страх, отвратительный, суеверный страх. Страх перед божественным возмездием — перед небесным громом.

Лицо Граффидда становится все более суровым. Неумолимо он продолжает.

Граффидд. Вы боитесь мести бога... Правосудия бога... Вы забыли о любви Иисуса. Вы забыли о его жертве. Смерть, страх, ад, ужас и черная одежда — вот все, что осталось вам!

Граффидд опирается обеими руками о кафедру. Его голос слегка дрожит.

Граффидд. А теперь пусть начинается собрание старост. Но знайте, если вы это затеете в доме божьем и во имя бога, — это будет богохульством и поношением его и его слова.

Сходит с кафедры и медленно идет по проходу между скамьями. Головы прихожан поворачиваются вслед ему. Хью смотрит на своего друга; на глазах у него слезы. Он встает и выходит за Граффиддом.

Прихожане шепчутся и переглядываются. Несколько человек, друзья Морганов, встают и выходят. Парри подходит к кафедре.

Парри. Подождите, начинается собрание.

Еще несколько человек встают и уходят. Какой-то мужчина намеревается уйти. Его жена, стараясь заставить его сесть, дергает за полу пальто. Он вырывается и жестом приказывает ей следовать за собой. Больше половины прихожан выходит из церкви. Остаются лишь наиболее праведные; они с презрением смотрят вслед уходящим.

Забой. Трое или четверо шахтеров кирками откалывают уголь. Мальчик толкает вагонетку, наполненную углем.

Появляется Морган. Останавливается, поднимает голову. На его лице тревога.

Морган (*резко*). Прекратите работу.

Шахтеры немедленно перестают работать и вопросительно смотрят на Моргана. А он стоит, наклонив голову, как бы к чему-то прислушиваясь. Затем делает несколько шагов вперед, продолжая прислушиваться. Он отталкивает какого-то шахтера, который старается заглянуть ему в лицо.

Морган (*спокойно*). Сделайте несколько подпорок. (*Настойчиво*.) Быстрее, ребята.

Один из шахтеров бросается выполнять приказание. Лица шахтеров мрачны.

Ночь. Комната Граффидда. Горит только одна лампа. Старый глэдстоновский рюкзак Граффидда и жестяной чемодан лежат возле двери. Граффидд, одетый в дорожный костюм, перевязывает веревкой чемодан.

Входит Хью. Граффидд поднимает на него глаза. У мальчика торжественный, но явно подавленный вид.

Граффидд. А, Хью! Я рад, что ты пришел.

Хью. Благодарю вас, сэр. (*Нерешительно*.) Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

Граффидд. Да. Ты можешь оказать мне большую услугу.

Вынимает из кармана золотые часы и отдает их Хью.

Граффидд. Эти часы дал мне отец, когда я стал священнослужителем. Возьми их, Хью. Они отсчитывали счастливое для нас обоих время.

Глаза Хью наполняются слезами.

Хью (*шепчет*). Нет, мистер Граффидд.

Граффидд (*строго*). Я сказал, что этим ты окажешь мне услугу.

Осторожно взяв часы, Хью смотрит на них. Затем поднимает глаза на Граффидда. Слезы текут по его щекам.

Граффидд (*ведет Хью к двери*). Нам не нужны рукопожатия. Мы будем жить в мыслях друг у друга.

В дверях Хью останавливается. Он смотрит на Граффидда. Его глаза полны слез.

Хью. Вы не хотите увидеть Энгарад, прежде чем уедете?

Граффидд молчит. Его лицо искажается болью. Затем он мягко отвечает.

Граффидд. Нет, Хью.

Хью. Она хочет, чтобы вы...

Несколько мгновений Граффидд пристально смотрит на Хью. Наконец решает объяснить ему причину.

Граффидд. Да... Я был учителем, ты — учеником, но мы ведь всегда были друзьями. (*Тихо.*) Если я увижу ее, у меня не хватит сил оставить ее опять. (*Молчит.*) До свидания, мой маленький, любимый...

Смотрят друг на друга.

Неожиданно раздается тревожный, короткий гудок сирены. В первое мгновение они не обращают на него внимания. Доносится второй гудок. Взглянув в сторону шахты, оба выбегают на улицу.

Слышны короткие, отрывистые гудки сирены. Люди выбегают из домов. Мужчины и женщины бегут по холму, к шахте.

Граффидд и Хью обмениваются тревожным взглядом и вливаются в поток бегущих.

Улица шахтерского поселка.

Улицу перебегают Граффидд и Хью. Они спешат на шахту. К ним присоединяется Бетс. Из своего дома выбегает Бронуен и тоже присоединяется к ним.

Здание бара «Три колокольчика». Из бара вместе с другими посетителями выходит Дэй Бандо. Он постарел. Годы, проведенные на ринге, почти лишили его зрения. В руках у него кружка пива. Он совершенно пьян. Сифарта, также с кружкой в руках, следует за ним.

Дэй Бандо (*бормочет*). А что теперь... пожар, наводнение... что?

Сифарта. Говорят, обвал.

Дэй Бандо. А-а... Я обниму бочку и просплю мертвецки пьяным до самой смерти.

Допивает пиво и бросает кружку в сторону.

Дэй Бандо (*Сифарте*). Подойди ко мне, помоги мне добраться туда.

Шахтер. А что толку в этом?.. Все равно ты ничего не увидишь!

Дэй Бандо. И все-таки я могу рубить киркой глубже, чем кто-либо... пошли...

Положив руку на плечо Сифарты, он спешит к шахте.

На шахтном дворе собралась толпа жителей поселка.

На переднем плане медленно вращается колесо подъемника. Появляется клеть. Шахтеры помогают выйти из клетки пострадавшим при обвале. К клетки подбегают еще люди и начинают выносить тяжелораненых и убитых.

Женщины бросаются вперед. Они тревожно всматриваются в лица живых и мертвых. Какая-то женщина, радостно вскрикнув, прильнула к мужу, который легко ранен.

Другая рыдает на коленях — своего мужа она нашла среди мертвых.

Несколько шахтеров поспешно садятся в клеть. Управляющий с каким-то списком в руках делает знак, и клеть быстро опускается.

Управляющий проходит мимо мертвых и тяжелораненых, записывает их имена.

Хью, Бетс, Бронуен и Граффидд подбегают к воротам шахты. Вздвигнутые, они ищут Моргана, заглядывают в лица раненых шахтеров, которых увозят.

Бетс переходит от одного шахтера к другому, тревожно вглядывается в их лица. Она полна страха за мужа. Сквозь беспокойную толпу к клетки проталкиваются Граффидд и Хью. Подходят к управляющему.

Граффидд. Гвилим Морган?

Управляющий. Еще не нашли.

У ворот шахтного двора.

Из поселка все еще бегут и бегут люди.

Подвезжает коляска с кучером на козлах. Из коляски выходит Энгарад. И хотя ее платье резко отличается от одежды жен и дочерей шахтеров, выражение ее лица такое же, как у всех, ибо она — одна из них. Она подбегает к Бетс и Бронуен, быстро окидывает взглядом их лица.

Глаза Бетс прикованы к поднимающейся клетке. Она мрачно качает головой. Бронуен обнимает Энгарад.

Клеть поднята. Управляющий, Граффидд и все остальные бросаются вперед, чтобы помочь прибывшим. Из клетки выходят шахтеры, которые только что спускались в шахту, и выносят троих тяжелораненых товарищей.

Раненые кашляют, задыхаются. В их глазах боль и страдание.

Бетс, Бронуен и Энгарад осматривают раненых, которых проносят мимо них.

Подходят Граффидд и Хью. Увидев Энгарад, Граффидд резко останавливается. На мгновение их глаза встречаются. Граффидд поворачивается к Бетс.

Граффидд. О нем никто ничего не знает. Сейчас я спущусь сам.

Бетс храбро кивает ему.

Хью (кричит). Я спущусь вместе с вами.

Граффидд отрицательно качает головой и отстраняет его.

Граффидд. Оставайся с матерью, Хью.

Взглянув на Энгарад, он уходит. Со слезами на глазах Энгарад смотрит ему вслед. Кулаки ее судорожно сжаты. Вдруг она бежит за ним.

У клетки.

В клеть входят шахтеры, чтобы спуститься вниз. Граффидд оборачивается, когда Энгарад подбегает к нему.

Забыв об окружающих их людях, они смотрят друг другу в глаза. В глазах Энгарад невысказанная любовь и тревога.

Энгарад. Возвращайтесь.

Граффидд. Хорошо.

Еще мгновение он смотрит на нее, затем поворачивается и входит в клеть. Энгарад смотрит ему вслед.

Неожиданно Хью оставляет мать и бежит к клетю. Он вскакивает, когда клеть уже начинает опускаться. Бетс с ужасом глядит на сына, хочет броситься за ним, но Энгарад и Бронуен удерживают ее.

В опускающейся клетю.

На переднем плане Хью и Граффидд. Граффидд ничего не говорит Хью; он лишь кладет руку на его плечо. Сзади них раздается голос Дэй.

Голос Дэй. Я так долго глотал из бочонка в «Трех колокольчиках», что у меня не застегивается ни одна пуговица на штанах.

Обернувшись, Хью видит позади себя Дэй в костюме шахтера.

Хью Дэй...

Дэй. Кто это?

Хью. Хью Морган.

Дэй (ухмыляясь). Хью, ты? (Ободряюще.) Не бойся, мы обязательно найдем твоего отца. Ведь он кровь моего сердца.

В штольне.

Клеть останавливается. Вода тотчас же заливает пол клетки. Штольня уже наполовину затоплена. Граффидд, Дэй, Хью и шахтеры входят в бурлящую воду. Сразу все начинают кашлять. Глаза слезятся от газа.

Хью (*глядя на воду*). Уже по колена...

Граффидд. Скоро начнут работать насосы. Идем.

Шахтер. Воздух плохой. Следите за лампочками!

Пламя в лампочках колеблется.

Не обращая внимания на предупреждение, Граффидд устремляется вперед. Остальные в напряженном молчании следуют за ним. Все кашляют. Руками закрывают носы и рты.

Высоко подняв лампочки, кашляя и задыхаясь от удушливых газов, маленькая партия людей спускается по штольне.

Доходят до небольшого подъема. Идут вверх. Пламя в лампочках горит ровнее.

Дэй (*отдуваясь*). Здесь воздух чище.

Вдруг Граффидд останавливается и высоко поднимает свою лампочку. Перед ними куча глинистого сланца и щебня. Это обвалилась кровля. Дэй руками ощупывает обвал.

Дэй (*шепотом*). Может быть, они здесь? (*Нащупывает кирку*.) Глаза здесь не нужны. Дайте мне кирку.

Граффидд. Нужно сделать несколько подпорок.

Один из шахтеров подает Дэю кирку. Дэй отстраняет шахтеров и начинает копать.

Граффидд и несколько шахтеров разбирают породу. Им помогает Хью. Двое шахтеров приносят подпорки и начинают их устанавливать. Дэй продолжает копать.

Общий план долины.

Над горами за шахтой занимается заря. На шахтном дворе мужчины, женщины и дети. Все ждут в тягостном молчании. Некоторые спят, привалившись к стене.

Здесь же Бетс, Бронуен и Энгарад. Они сидят. Энгарад положила голову на колени Бронуен; Бронуен ласково гладит ее по волосам.

В шахте.

Спасательная партия добилась некоторого успеха. Граффидд работает киркой, правда, не с такой силой, как Дэй, но умело. Он устал, весь перемазался. Вдруг останавливается. Мы не знаем, что он увидел. Оглядывается на шахтеров.

Граффидд (*тихо*). Здесь один из них.

Шахтеры оттаскивают валуны и вынимают из-под породы тело. Граффидд становится на колени перед пострадавшим, надеясь обнаружить в нем признаки жизни. Но спустя мгновение качает головой.

Один из шахтеров (смотря вниз). Эван Льюис. Господи, упокой его душу.

Дэй. Теперь отойдите.

Он снова начинает раскапывать обвал.

Утро. Шахтный двор.

Энгарад, Бетс и Бронуен ждут по-прежнему. Энгарад сидит выпрямившись. Управляющий шахтой и две молодые девушки разносят еду и питье. Одна из девушек предлагает Бетс поесть. Та отрицательно качает головой. Она не сводит глаз с подъемника.

В штольне.

Дэй и Граффидд вытаскивают из-под обвала второго шахтера. Он еще жив, но чень слаб.

Дэй, Граффидд и Хью наклоняются к нему.

Дэй, Гвилим Морган?

Шахтер делает слабое движение.

Шахтер. Он был как раз впереди меня...

Снова теряет сознание. Граффидд подает знак двоим шахтерам.

Граффидд. Возьмите его наверх.

Дэй снова берет кирку и копает. Он заметно устал, дыхание его стало прерывистым, но энергия словно удвоилась.

...Лицо Дэя черно от угольной пыли, блестит от пота. Он тяжело дышит, его огромные мускулы дрожат, когда он вытаскивает валун и с гротом откатывает его по штольне. Затем что-то нащупывает в темноте и замирает.

Дэй. Хью!

Хью и Граффидд бросаются к нему. Дэй вытаскивает грязную, мокрую кепку.

Дэй. Это его кепка?

Хью выхватывает кепку, разглядывает и молча кивает головой. Граффидд указывает на другую стену штольни.

Граффидд. Выше, в том забое.

Дэй беспомощно разводит своими большими руками.

Дэй. В главном или в боковом?

На лице Хью мучительное выражение растерянности.

Граффидд. Кто же знает...

Но не успевает Граффидд закончить фразу, как Дэй хватается за руку.

Дэй. Слушайте!

Откуда-то издалека доносится едва слышное постукивание кирки. Хью, Граффидд и Дэй прислушиваются. Они смотрят в сторону верхнего забоя. Дэй с новой силой замахивается киркой.

Дэй. Теперь отойдите.

Он наносит удары такой силы, что дрожат стены.

Один из шахтеров нервно говорит.

Шахтер. Помни о крыше, Дэй!

Дэй (задыхаясь). К черту крышу. С нами бог и время.

И продолжает сотрясать скалу; Хью и Граффидд откидывают землю и камни, которые откалывает Дэй.

Вдруг боксер ловит ртом воздух и падает. Голова его свисает как у пьяного. Он совершенно обессилел от усталости. Граффидд берет его кирку и начинает рубить стену. Неожиданно кирка вылетает из рук Граффидда. Она ударилась в свободное пространство.

Наконец-то они обнаружили в обвале мешок. Хью заглядывает в отверстие, берет лампочку и проползает в щель. Граффидд следует за ним.

Продвигаясь по узкому проходу, Хью и Граффидд сгибаются почти пополам. Лампочки они держат перед собой. Чтобы передвигаться, им все время приходится расчищать щебень. По временам они останавливаются, прислушиваясь. Граффидд стучит киркой по скале. Слушают. Но ответа нет. Граффидд стучит снова; в ответ доносится два слабых удара. Хью и Граффидд поворачиваются и с трудом ползут в ту сторону, откуда раздались удары. Доползают до другого обвала. Граффидд работает киркой. Хью оттаскивает породу. Сделав узкое отверстие, они проползают в него и останавливаются.

Они видят Моргана. Он придавлен и наполовину закрыт от них упавшей скалой. Хью и Граффидд быстро подползают к нему. Морган зажат, как тисками. Он не может пошевелиться, свободной осталась только одна рука. Возле нее лежит его кирка.

Он видит Хью, и слабая улыбка трогает его губы.

Не отрываясь, смотрит на отца Хью. Граффидд взглядывает на скалу, повисшую над ними; затем осторожно старается отодвинуть несколько камней, придавивших Моргана.

Скала зловеще сотрясается. Слышится слабое громохание. Пораженный Граффидд останавливается, обхватив скалу руками. Он смотрит на Моргана. Тот не может говорить; он лишь слабо качает головой, как бы предупреждая, чтобы Граффидд не трогал скалы.

...В узкое отверстие вползают шахтеры. У них лампочка. Хью говорит, не глядя на них.

Хью. Крис, принеси скорее несколько подпорок.

Крис. Вы нашли его?

Хью (подавляя рыдание). Да.

С расширенными от ужаса глазами Крис уползает обратно.

Хью осторожно наклоняется к отцу. Он отодвигает спутанные волосы с его рассеченного лба и кладет его голову к себе на руку.

Морган улыбается сыну. Едва слышный хор начинает петь уэльскую песню.

Голос Хью. Я знал, что, если мы сдвинем хоть один камень, вся скала обрушится на него... и тогда земля погребет не только его... Земля взбунтовалась, земля пошла в наступление... А ведь там, наверху, на земле... Я вспомнил о домах, в окнах которых сверкают солнечные лучи, о людях, живущих в них, о детях, играющих на улице, о женщинах, моющих в этот час посуду, о знакомом запахе нашей кухни. Помнил об этом и отец. И все это еще больше увеличивало груз, обрушившийся на него... И вот он, раздавленный этим грузом, лежал передо мной, а на его губах бродила улыбка... В ней была огромная духовная сила, которая, как луч маяка, разорвала окружавшую нас темноту. И мое опечаленное сердце наполнилось гордостью: вот какой он, мой отец!.. Смерть уже витает над ним, но он еще борется, и в душе его нет места страху... Неожиданно я почувствовал, как он вдруг вытянулся и... навеки ушел от нас... Словно откуда-то издали долетели до меня голоса шахтеров. Они пропели «аминь».

...Морган слегка шевелит головой, открывает глаза, несколько секунд смотрит куда-то вдаль... и глаза его медленно закрываются.

Возле него неподвижно стоит на коленях Хью. Он держит отца в объятиях, не спуская с него глаз.

Слышнее становится пение. Песня звучит красиво и торжественно.

День.

Шахтный двор.

Все так же ждут вестей Бетс, Бронуен и Энгарад. Доносится чуть слышное пение. Прислушиваясь, Бетс поднимает голову. Затем тихо говорит.

Бетс. Он только что приходил ко мне. С ним был Айвор...

Бронуен оборачивается, смотрит на нее.

Бетс. Они говорили со мной. К ним пришла слава.

Энгарад смотрит на мать, затем переводит взгляд в сторону клетки. В ее глазах — предчувствие несчастья.

Клеть быстро поднимается вверх. На переднем плане Граффидд. Он высоко поднял голову; в его глазах страстное желание увидеть Энгарад.

Измученные и перепачканные, Дэй Бандо и шахтеры стоят позади него.

На полу сидит Хью; на его коленях покоится голова отца. Хью смотрит вверх. Клеть приближается к поверхности. В нее проникает свет. Сначала

он падает только на Граффидда, затем освещаются головы и плечи шахтеров, Хью и его отца.

Голос Хью. Моя мать была права. Такие люди, как мой отец, не умирают. Они остаются с нами живыми в памяти, такими же, какими были при жизни, — любящими и любимыми всегда.

Общий вид долины, какой она была вначале — зеленой и освещенной лучами заходящего солнца.

Голос Хью. Как мне поверить, что все мои друзья ушли навсегда, если их голоса торжественно звучат в моих ушах? Нет!.. Еще раз нет и снова нет!.. Об этом твердит все во мне... Все мое существо говорит: нет. Потому что они живут в моей памяти и в моем сердце.

Крупно. У очага сидит Бетс, такая, какой мы видели ее в первых кадрах. Она улыбается своей семье, сидящей за столом. И на фоне этих кадров звучит голос Хью.

Голос Хью. Разве моя мать умерла? Разве могла умереть она, которая понимала значение семьи для человека и учила всех нас понимать это вместе с ней?

...Крупно братья Морган. Такими мы видели их в первых кадрах. Вот они входят в дом, бросая заработанные соверены в передник матери.

Голос Хью. Мои братья, с их мужеством и силой, были настоящими мужчинами. И они заставили меня гордиться тем, что рядом с ними и я тоже был мужчиной.

На крыльце в день свадьбы Айвора сидит Энгарад и смотрит на Граффидда.

Вместе с гостями поет Граффидд и улыбается Энгарад и Хью.

Голос Хью. Энгарад — разве она умерла? А мистер Граффидд? Этот человек, про которого можно одновременно сказать, что он скала и пламя, человек, который научил меня ценить и понимать дружбу?

По холму поднимается Бронуен с корзинкой в руке. Такой Хью увидел ее впервые.

Голос Хью. Разве умерла Бронуен? Бронуен, которая доказала мне, что любовь и воля женщины сильнее, чем кулаки, мускулы и крики мужчин?

В очках, с газетой в руках Морган читает своей семье о премии, полученной Хью за красивый почерк.

А вот он после драки сына в школе дает Хью деньги.

Голос Хью. Разве умер мой отец, раздавленный углем? Нет, он и сейчас со мной, гордый за мои успехи по чистописанию. Я и сейчас вижу его принимающим горячее участие в моих тревогах, подающего советы, которые никогда не были неверными или бесполезными.

...На холм поднимаются Морган и Хью. Такими мы их уже видели в первых кадрах.

...Идут по вершине холма; Хью старается шагать в ногу с отцом.

Крупно: силуэты Моргана и Хью на фоне золотистых лучей, пронизывающих долину. Ветер развеивает их волосы.

Голос Хью. Разве отец умер? Если умер он — значит, умер и я, значит, мы все мертвецы, а все чувства — насмешка... Как зелена была моя долина, долина тех, кто ушел навсегда...

Звучит песня... Голоса хора растут в мощном крещендо.

*Орсон Уэллес,
Герман Манкиевич*

ГРАЖДАНИН
КЕЙН

ПРОЛОГ

1940 год.

Панорама Ксанаду... Вступает музыка...

В ночной мгле, где-то очень далеко, светится окно. К нему движется камера.

Вырисовываются мощные заграждения: толстая колючая проволока гигантская витая ограда, колоссальные решетчатые ворота. Ворота увенчаны огромной буквой «К»; ее черные контуры выделяются на фоне светящегося предрассветного неба. Сквозь заграждения виден силуэт огромного замка на горе Ксанаду.

Мы движемся к небольшой светящейся точке — окну замка и проезжаем необъятные владения Чарлза Фостера Кейна.

Правее замка, вдоль берега моря, тянутся бескрайние просторы. Когда-то здесь была лишь пустынная болотистая равнина. Кейн изменил природу, создал красивый горный пейзаж.

И холмы и гору создали здесь человеческие руки. Они разбили прекрасные парки, вырыли озера. С вершины горы над всей окрестностью господствует громадный замок, вернее замковый ансамбль, в который входят несколько европейских замков различных архитектурных стилей.

Когда-то здесь все цвело и благоухало... Земля приносила обильные урожаи.

А сейчас повсюду следы запустения. Площадки для игры в гольф заросли тропическими растениями — так давно здесь не играли.

Печально выглядит огромный зоопарк гагенбековского типа. Еще сохранились рвы с водой, отделявшие участки земли, где на свободе жили

звери. На этих участках остались лишь надписи: «Львы», «Тигры», «Жирафы»...

В вольере для обезьян медленно покачивается большая нахальная обезьяна. Одинокая, она смотрит на далекое окно, светящееся в утренней мгле.

В бассейне кучей лежат спящие аллигаторы. В грязной воде отражается освещенное окно.

У лодочного причала в воде плавают старый номер нью-йоркской газеты «Инквайер». Ветер несет газету в высохший бассейн для плавания.

Внизу вокруг замка стоят наглухо заколоченные коттеджи.

Подъемный мост. Под ним заросший зловонный ров.

За небольшими, еще крепкими воротами, у стен замка разбит прекрасный сад. В нем и сейчас безупречный порядок. Много редкостных экзотических растений. В роскошных тропических цветах есть что-то безвольное, безнадежное... Мох... мох... много мха...

Когда камера приближается вплотную к окну, в комнате гаснет свет. Музыка смолкает. На стеклах отражаются великолепные, но мрачные владения Кейна.

Спальня Кейна. Снова вступает музыка.

На фоне гигантского окна силуэт огромной кровати Кейна. Наплывом все это переходит в сказочный снежный пейзаж.

Неправдоподобно крупные снежинки осыпают вычурный деревенский домик, снежную бабу. Где-то звенят бубенцы, как бы пародируя колокольчики буддийского храма.

Неожиданно музыка замирает. Раздается старческий голос Кейна:

— Розовый бутон!

Камера отъезжает, и мы видим, что сказочный пейзаж — это внутренность стеклянного шарика, который Кейн держит в руке. Это один из тех шариков, какие можно встретить на базаре в любом уголке земного шара.

Рука Кейна, сжимавшая шарик, слабеет... Шарик выпадает из нее, скользит по ступеням подножия кровати, покрытым ковром, падает на мраморный пол и разбивается. Осколки сверкают в лучах утреннего солнца.

На окно опускаются жалюзи: лучи восходящего солнца, превратившись в узкие полоски, перекрещиваются.

В полутьме комнаты виден силуэт сиделки. Она покрывает тело умершего Кейна простыней. Под этим тонким покровом вырисовываются очертания его тела.

Просмотровый кинозал.

Начинается демонстрация последнего выпуска кинохроники. Это обычный ежемесячный полнометражный фильм из серии тех, которые посвящаются определенному событию или известному лицу.

На экране появляются титры. Мы приближаемся к ним, и экран просмотрного зала сливается с настоящим экраном...

Титры: «США. Владелец Ксанаду — Чарлз Фостер Кейн».

Вступает диктор. На экране кинохроника 1940 года. Перед зрителем — принадлежащие Кейну бескрайние заброшенные земли флоридского побережья.

Диктор. Ксанаду — легендарное место, где знаменитый Кубла Хан основал свой величественный храм удовольствий. (*Цитирует стихи.*) «Эти плодородные земли были окружены кольцом стен и башен». В наши дни почти такую же легендарную славу заслужило Ксанаду во Флориде. На земле нет другого места таких масштабов, предназначенного для наслаждений. Здесь на пустынных просторах побережья Галф Коуст была задумана и воздвигнута для Кейна огромная гора. В 1940 году здесь состоялись самые величественные и самые странные похороны, какие когда-либо, где-либо происходили, — был предан земле выдающийся человек нашего столетия — Кубла Хан Америки — Чарлз Фостер Кейн.

Титр. «Для сорока четырех миллионов американских читателей значительно интереснее, чем любая знаменитость, о которой кричали заголовки его газет, был сам Кейн, величайший газетный столп нескольких поколений».

Экран заполняет огромный портрет Кейна.

Вступает диктор. До появления нового титра он рассказывает о Кейне.

Мы видим, что портрет Кейна напечатан на первой половине газеты «Инквайрер». Его обрамляют извещения о похоронах и многочисленные заголовки.

На экране появляются газетные сообщения американской и иностранной прессы о смерти Кейна... Фотографии Кейна. Заголовки этой информации самые разнообразные. Характеристика диаметрально противоположная. Одни его называют «патриот» и «демократ», «пацифист». Другие — «военное чудовище», «предатель», «идеалист», «американец»...

Диктор. В истории журналистики есть имена более уважаемые, чем имя Чарлза Фостера Кейна. И это справедливо. Среди издателей Кейн стоит на втором месте. Его имя идет после Джемса Гордона Беннета первого; Кейн — его дерзающий блудный сын. Для всей Америки Кейн был тем же, чем Нортклифф и Бивербрук для Англии, Паттерсон и Мак Кормик только для Чикаго; Бонфилс и Соммс для Денвера, покойный великий Джозеф Пулитцер для Нью-Йорка. Он был таким же, как и американский король газетного синдиката, издатель и земельный магнат, все еще могущественный Херст.

Всё это крупные имена. Но никто из них не встречал такой ненависти и не имел такой популярности, никого так не боялись и ни о ком из них так много не говорили, как о Чарлзе Фостере Кейне.

Титр. «С 1895 и до 1940 года Кейн был влиятельным человеком. Многие из этих лет были годами его славы».

Вступает диктор. Одновременно на экране появляются кадры кинохроники.

Диктор. Все помнят об ужасном землетрясении в Сан-Франциско. Газеты Кейна первыми сообщили о несчастье и первыми призвали оказать помощь пострадавшим. И они первыми оповестили мир о помощи Кейна.

Кадры хроники.

На улицах Сан-Франциско бушует пламя... Сан-Франциско после пожара... Специальные поезда, на них огромные плакаты: «Кейн организует помощь пострадавшим». Двойной экспозицией впечатана дата «1906 год».

Первая мировая война.

Диктор. Газеты Кейна первыми, на восемь часов раньше своих конкурентов, оповестили о перемирии. Они опубликовали со всеми подробностями условия, предложенные Германии маршалом Фошем в Компьенском лесу.

На экране железнодорожный вагон Фоша, участники переговоров о мире.

Двойной экспозицией в кадр впечатана дата «1918 год».

Диктор. В продолжение сорока лет печать Кейна занимала четкую позицию во всех происходящих событиях.

Следуют кадры с датами: ...1898, 1910, 1922. Газетные заголовки, карикатуры, звуковая кинохроника, кадры немого кино, посвященные избирательному праву женщин (известный кадр из хроники 1914 года). Закон о запрещении спиртных напитков. Стачки рабочих.

Диктор. Не было ни одного общественного деятеля, к которому Кейн лично оставался бы равнодушен. Он либо поддерживал его, либо выступал против. А часто случалось, что он кого-либо поддерживал, а потом начинал против него враждебную кампанию.

Кадры из старой кинохроники. Перед зрителем проходят: Вильям Дженнингс Бриан, Теодор Рузвельт, Сталин, Уолтер П. Тэтчер, Эл Смит, Мак Кинлей, Лэндон, Франклин Рузвельт...

В кадрах кинохроники последних лет на экране появляется пожилой Кейн с лидерами фашистов: Гитлером, Герингом. Еще более поздние кадры показывают Кейна с Чемберленом и Черчиллем.

Диктор. Начал Кейн с прогоравшей газетенки.

Ветхое здание. В окна видны старые типографские машины. Старомодными золотыми буквами выведено:

«Инквайер» (1892).

Диктор. Кейн владел тридцатью семью газетами, тринадцатью журналами и рядом радиостанций. Это было государство в государстве. Он имел склады колониальных товаров, бумажные фабрики, жилые дома, заводы, леса, океанские пароходы.

Роскошное современное здание «Инквайрера» (1891—1911 годы).

Карта США заполняет экран.

Диаграмма распространения изданий Кейна. Крошечные фигурки мальчишек-газетчиков из Нью-Йорка несутся в Чикаго, Детройт, Сан-Луи, Лос-Анжелос, Сан-Франциско, Вашингтон, Атланту, Эль-Пасо и другие города Америки.

Слышны их голоса: «Экстренный выпуск газеты Кейна! Экстренный выпуск!»

Диктор. В течение пятидесяти лет богатства империи Кейна пополнял бесконечный поток золота из рудника, третьего в мире по своим запасам.

Большой рудник.

Полным ходом идут работы. Огромные трубы извергают клубы дыма... Двигаются вагонетки, проносятся поезда.

Большая вывеска: «Компания рудников Колорадо» (1940).

Другая вывеска: «Малый Салем, Колорадо, 25 миль».

Диктор. О происхождении богатств Кейна в Америке существует легенда... В 1868 году хозяйка одной гостиницы, Мэри Кейн, получила от задолжавшего ей постояльца документы на заброшенный рудник «Рудная жила Колорадо». Казалось, что эти документы ничего не стоят.

Гравюра: Малый Салем, 70 лет назад. На медной пластинке надпись: «1870 год».

Фотография Томаса Фостера Кейна и его жены Мэри в день их свадьбы.

Фотография Мэри Кейн с пятилетним сыном — Чарлзом Фостером Кейном.

Диктор. Спустя пятьдесят семь лет, на заседании конгресса, Уолтер П. Тэтчер — знаменитый старик с Уолл-стрита, который в течение ряда лет был главной мишенью для атак газет Кейна против «трестов», вспомнил о путешествии, предпринятом им в дни своей молодости.

Кадры немой кинохроники 1925 года.

Капитолий в Вашингтоне, комитет расследований при конгрессе.

На экране Уолтер П. Тэтчер. Рядом с ним сын Уолтер П. Тэтчер-младший и другие акционеры. Подвыпившие члены конгресса задают Тэтчеру-старшему вопросы; неожиданно на коленях у него оказывается детеныш аллигатора. Это вызывает всеобщее смущение и замешательство.

Крупно: Тэтчер.

Тэтчер. ...Из-за этого пустякового инцидента...

Член конгресса. Однако в тысяча восемьсот семидесятом году вы действительно посетили Колорадо?

Тэтчер. Да.

Член конгресса. По делам Кейна?

Тэтчер. Да. Миссис Кейн поручила моей фирме управление своим состоянием, которое она тогда только что получила. Она также пожелала, чтобы ее сын, Чарлз Фостер Кейн, был вверен моему попечению.

Член конгресса. А правда, что мальчишка бросился на вас и ударил в живот санками?

Громкий смех, общее оживление.

Тэтчер. Господин председатель!.. Я зачитаю комитету подготовленное мной заявление, но категорически отказываюсь отвечать на все другие вопросы. Мистер Джонсон, пожалуйста!

Молодой человек, секретарь, достает из портфеля лист бумаги и передает ему.

Тэтчер (читает). «Понимая все значение моих слов, я тем не менее с полной ответственностью заявляю о своем твердом убеждении, что, судя по той опасной настойчивости, с которой мистер Чарлз Фостер Кейн нападает на американские традиции по вопросам частной собственности, инициативы, возможностей преуспевания, он по сути своих социальных убеждений является на самом деле не кем иным, как коммунистом!»

Диктор. В этот же месяц на Унион-сквере...

Митинг на Унион-сквере.

Толпа... Плакаты с требованием бойкотировать газеты Кейна. На трибуне над толпой возвышается оратор.

Оратор. ...Слова «Чарлз Фостер Кейн» стали угрозой для каждого американского рабочего. Сегодня Кейн таков же, каким всегда был и будет. Он — фашист!

Диктор. А вот и мнение самого Кейна.

Перед роскошным зданием редакции «Инквайер». Трибуна, задрапированная флагами. Чарлз Фостер Кейн в парадном костюме произносит речь. Слов не слышно.

Титр. «Я — американец. Всегда был и буду только американцем».

Чарлз Фостер Кейн обменивается рукопожатиями с избирателями.

Титр. «Трудно назвать другого человека, личная жизнь которого была бы так широко известна, как личная жизнь Кейна».

Диктор. Он был дважды женат и дважды разводился. Его первая жена Эмили Нортон — племянница президента. В тысяча девятьсот девятом году она ушла от него и с тех пор жила в полном уединении. Она умерла в тысяча девятьсот четырнадцатом году.

Хроника 1900 года показывает свадебное празднество возле Белого дома.

Жених, невеста, Тэтчер-старший, Тэтчер-младший, Бернштейн, Лилэнд и остальные. Среди гостей много известных людей, множество фоторепортеров и кинооператоров.

Диктор. Через две недели после развода с Эмили Нортон Кейн женился на певице Сьюзен Александер.

Кейн, Сьюзен и Бернштейн выходят из боковых дверей Таун-холла. Их тотчас же окружают фотографы и репортеры. В первую минуту Кейн растерялся, даже отшатнулся... Но затем он бросается на фотографов и, нанося палкой удары направо и налево, прокладывает себе путь.

Диктор. Для второй жены, которая одно время пела в опере, Кейн выстроил в Чикаго городской оперный театр стоимостью в три миллиона долларов.

Фотографии эскизов и чертежей Чикагского городского оперного театра с резолюцией: «К исполнению».

Диктор. Замок Ксанаду, задуманный для Сьюзен Кейн, только наполовину был закончен ко времени ее развода с Кейном. Он не закончен и до сих пор. Стоимость его ни один человек не может определить.

Кадры почти законченного Ксанаду — великолепного сказочного поместья на горе.

...Строительство Ксанаду (1917).

...С шумом несутся друг за другом грузовики, мчатся поезда.

...Работают огромные землечерпалки. Паровые ковши.

...Пароход на причале. Идет разгрузка.

Быстрая смена кадров: строительные работы, рытье котлованов, заливка бетона.

Диктор. Сто тысяч деревьев, двадцать тысяч тонн мрамора пошло на строительство замка Ксанаду.

Кадры горы на песчаной равнине в разные периоды ее возведения.

Диктор. Живой инвентарь Ксанаду: самый большой частный зверинец со времен Ноя. В нем различные птицы, морские рыбы, звери равнин и джунглей — по паре каждого вида.

На экране слоны, обезьяны, зебры, другие звери и животные.

...Их перевозят в Ксанаду... Выгружают с пароходов. Они пасутся в парке стадами.

Диктор. Во дворце Ксанаду — живопись, картины, статуи и еще статуи. Даже камни для стен были привезены из других дворцов. Все это

было доставлено во Флориду из разных уголков земного шара. Здесь собрали столько редкостей, что хватило бы на десять музеев...

Богатство, собранное со всего мира!

С пароходов, поездов и грузовиков выгружаются ящики. На них всевозможные надписи — на итальянском, арабском, китайском и других языках. Все адресовано Чарлзу Фостеру Кейну, Ксанаду, Флорида.

Ксанаду.

Большая терраса. Группа лиц в костюмах 1917 года. Среди них Кейн и Сьюзен.

Титр. «В течение последних двадцати пяти лет Кейн управлял своими предприятиями из Ксанаду. В Ксанаду решались многие вопросы, важные для судеб нации».

Диктор. Кейн побуждал Америку вступить в войну...

Заголовки многих американских газет начиная с 1895 года.

Кадры кинохроники из испано-американской войны (1898).

Диктор. Он возражал против ее участия в другой войне.

Кладбище во Франции. Кадры из первой мировой войны.

Сотни крестов (1919).

Диктор. Кейн провалил на выборах по крайней мере одного американского президента и так яростно нападал на другого, что его считали виновником смерти этого человека. Кейна называли убийцей и сжигали его изображения.

Вечер.

Толпа сжигает чучело, изображающее Чарлза Фостера Кейна. У чучела комическое, почти гротесковое сходство с Кейном. Его бросают в пламя, которое ярко вспыхивает... затем гаснет (1910).

Титр. «В политике он всегда лишь шафер, но отнюдь не новобрачный».

Диктор. Кейн был скульптором, лепившим мнения масс. Однако за всю свою жизнь он ни разу не получил в своей стране ни одной выборной должности. Правда, лишь немногие из американских владельцев газет бывали куда-нибудь избраны. Немногие из газетных магнатов получили выборные должности, подобно Херсту, который одно время был членом конгресса. Существует мнение, и всем это хорошо известно, что для этого ни одна из газет не обладает достаточным влиянием. Но одно время газеты Кейна имели такое колоссальное влияние, что Кейн был почти избран. В тысяча девятьсот десятом году он был выдвинут на пост губернатора кандидатом от независимых. Его поддерживали лучшие люди штата... Белый дом уже казался возможной ступенью в его молниеносной политической карьере...

Хроника 1910 года.

Здание на Мэдисон Сквер-Гарден... В него стекаются толпы народа.

Огромная аудитория. На задней стене колоссальный портрет Кейна.

В ложе — миссис Эмили Кейн с пятилетним сыном Говардом Кейном. Они прислушиваются к приветственным крикам.

На трибуне за столом сановники, среди них Кейн. Желая успокоить приветственные крики толпы, сияющий Кейн поднимает руку.

Диктор. Затем неожиданно, меньше чем за неделю до выборов, — провал! Постыдное, позорное поражение; поражение, которое на двадцать лет отодвинуло вопрос об американских реформах и поставило крест на политической карьере Чарлза Фостера Кейна.

Кадр из кинохроники 1910 года. Кейн произносит речь.

Первая полоса газеты за 1910 год... Кричащий заголовок. Двойное фото Кейна и Сьюзен.

Диктор. На третий год большого экономического кризиса газеты закрываются. Это случилось у всех издателей... Так было у Беннетта, Мэнси и Херста. За четыре коротких года все надежды Кейна потерпели крушение. Одиннадцать его газет и четыре журнала прекратили свое существование. Они были проданы, ликвидированы, поглощены другими.

Титр, сообщающий о кризисе.

Снова карта США. На ней указаны издания Кейна.

1932—1939 годы. Иллюстрируя слова диктора, империя Кейна начинает сжиматься.

Дверь конторы газеты «Инквайер». На ней объявление: «Закрито».

Диктор. Проходит четыре долгих года... один в своем, так и недостроенном, но уже начавшем разрушаться дворце удовольствий, в стороне от жизни, Чарлз Фостер Кейн все еще продолжал управлять своей распадающейся империей. У него редко бывают посетители, к нему никогда не заглядывают фоторепортеры. Кейн все еще пытается, хотя и тщетно, повлиять на судьбы нации, которая перестала и слушать его и верить ему.

Кейн в кресле-коляске. Он закутан в плед, его возят по саду, полному цветущих роз.

Одинокая фигура Кейна ярко освещена солнцем.

Диктор. И наконец смерть пришла к Чарлзу Фостеру Кейну так же, как она приходит ко всем.

1940 год.

Новое здание «Инквэйрера» в Нью-Йорке. Ночь. Электрическое объявление... Одна за другой возникают электрические буквы:
«Чарлз Фостер Кейн умер».

В кадре: Дверь. На ней надпись: «Просмотровый зал».

...День. Просмотровый зал.

В зале темно. Здесь редакторы «Кинохроники», короткометражек и журналов Роулстона. Сам Роулстон также здесь. Лица присутствующих трудно различить. Фигуры частично освещаются настольной лампой; чей-то силуэт отражается на экране. Несколько фигур попадает в сверкающий свет косых лучей, падающих из проекционной будки.

Томпсон. Вот и всё.

Он поднимается, закуривает папиросу. Садится на край стола. Остальные также закуривают. В зале оживление.

Первый редактор (*в телефон*). Довольно! Я скажу, если мы захотим посмотреть еще раз... (*Вешает трубку*.)

Томпсон. Итак? Что вы скажете, мистер Роулстон?

Роулстон (*вставая*). А ваше мнение, друзья? (*Молчание*.)

Второй редактор. Ну... э...

Третий редактор. Семьдесят лет человеческой жизни...

Четвертый редактор. Слишком много материала для хроникального фильма.

Томпсон зажигает настольную лампу.

Роулстон (*подходя к Томпсону*). Это хороший короткометражный фильм, Томпсон, но нужно найти для него изюминку. Весь фильм сводится к тому, что Чарлз Фостер Кейн умер. Но я знаю это... я читал об этом в газетах.

Его слова встречены одобрительным смехом.

Роулстон (*продолжает*). Что вы скажете на это, друзья?

Третий редактор. Я согласен.

Первый редактор. Вы правы, мистер Роулстон... Изюминка необходима!

Роулстон. Видите ли, Томпсон,— недостаточно показать, что сделал человек. Нужно показать, кем он был...

Томпсон. Да.

Второй редактор. Томпсон, фильму не хватает изюминки.

Роулстон. Безусловно! (*Ему приходит какая-то мысль*.) Подождите!

Все заинтересованы.

Роулстон. Вы помните, друзья, последние слова Кейна?

Третий редактор. Последними словами Кейна были...

Второй редактор. Предсмертные слова...

Роулстон. Какие же слова Кейн произнес на земле последними? Может быть, на смертном одре он рассказал нам о себе все?

Томпсон. А может быть, и не рассказал. Может быть...

Роулстон (*наклоняясь к нему*). На экране мы увидели подлинного американца, большого человека... (*Идет к экрану.*)

Третий редактор. Одного из самых крупных...

Роулстон. Но чем он отличается от Форда, Херста, от Рокфеллера... или (*улыбаясь*) Джона Доу¹?

Одобрительный шепот.

Роулстон (*возвращаясь к Томпсону*). Я говорю вам, Томпсон,— слова умирающего...

Второй редактор. Какие же это были слова?

Томпсон (*второму редактору*). Вы не читаете газет.

Все смеются.

Роулстон. Когда мистер Чарлз Фостер Кейн умирал, он сказал всего два слова...

Томпсон. Розовый бутон!

Первый редактор. Это все, что он сказал? Именно «розовый бутон»?

Второй редактор. Гм... Розовый бутон...

Четвертый редактор. Такой прожженный парень, а? (*Насмешливо.*) Умирая, взывает к розовому бутону!

Снова все смеются.

Роулстон (*поворачиваясь к ним*). Да, розовый бутон! Именно эти два слова!.. Но кто же была она?

Второй редактор. Или что это было такое?

Роулстон. Вот человек, который мог бы быть президентом. Его любили и ненавидели, о нем говорили так много, как ни об одном человеке в наши дни... И, несомненно, предсмертные слова «розовый бутон» отражают последние мысли Кейна. Что же это были за мысли?

Третий редактор. Может быть, так звали скаковую лошадь, на которую он ставил когда-то...

Четвертый редактор. Да... это вполне возможно.

Роулстон. Хорошо... (*Подходит к третьему и четвертому редакторам.*) Но что же это были за скачки? (*Короткое молчание.*) Томпсон!

Томпсон. Да, мистер Роулстон.

Роулстон. Задержите картину на неделю, если надо будет, на две.

Томпсон (*неуверенно*). Не думаете ли вы... что сразу после его смерти... что если мы выпустим фильм сейчас... это будет лучше, чем...

Роулстон (*решительно, перебивая его*). Выясните все, что касается Розового бутона!.. Обращайтесь ко всем, кто знал Кейна... его управляющему (*шелкает пальцами*) Бернштейну... Его второй жене... Она еще жива...

Томпсон. Сьюзен Александер Кейн...

Второй редактор. Она содержит ночной клуб в Атлантик Сити.

¹ То есть обыкновенного, среднего американца.

Роулстон (*подходит к Томпсону*). Вы должны их всех повидать... Всех, кто работал на него... кто любил его... кто его ненавидел... (*Пауза*) Я вовсе не хочу сказать, что вы должны взять все фамилии городского справочника...

Третий редактор громко смеется. Остальные вторят ему.

Томпсон (*встает*). Я сейчас же приступаю к делу, мистер Роулстон.

Роулстон (*похлопывает его по плечу*). Хорошо!.. Добудьте розовый бутон — живой или мертвый! Возможно, это будет и очень просто!

ИНТЕРВЬЮ

Начинается сам рассказ — расследование Томпсоном фактов... его поиски... его беседы с людьми, знавшими Кейна.

1940 год. Дешевое кабаре «Эль-Ранчо» в Атлантик Сити.

Вечер. Идет дождь.

Из темноты появляется вывеска: «Эль-Ранчо».

«Каждый вечер два эстрадных выступления — Сьюзен Александер Кейн». Эти неоновые слова особенно ярко горят во тьме. При блеске молнии видно ветхое здание, на котором помещена неоновая реклама.

Камера подъезжает совсем близко к стеклянной крыше, через которую зритель видит внутренность кабаре. Внизу за столом фигура женщины. Она пьет в одиночестве.

Вечер. Зал в кабаре «Эль-Ранчо».

За столом одинокая женщина. Это Сьюзен. Ей уже пятьдесят лет, но она старается выглядеть моложе. Ее волосы плохо покрашены в белокурый цвет, на ней дешевое, сильно декольтированное вечернее платье. Тени Томпсона и капитана движутся к ней. Капитан подходит к Сьюзен и останавливается позади.

Капитан (*к Сьюзен*). Мисс Александер — это мистер Томпсон, мисс Александер.

Сьюзен (*не поднимая глаз*). Я хочу еще выпить, Джон.

Слышны раскаты грома.

Капитан. Правильно. А вам что-нибудь подать, мистер Томпсон?

Томпсон (*усаживаясь*). Выпью стаканчик.

Сьюзен (*смотрит на Томпсона*). Кто вам разрешил здесь сесть?

Томпсон. Я думал, что мы могли бы вместе выпить.

Сьюзен. Вам придется передумать. (*Неловкая пауза*.) Почему меня не хотят оставить в покое? Я не вмешиваюсь в ваши дела. Не вмешивайтесь в мои.

Томпсон. Если бы вы только разрешили мне поговорить с вами немного, мисс Александер. Я хочу спросить вас.

Сьюзен. Вон отсюда. (*Почти истерически*.) Убирайтесь!

Томпсон (*встает*). Извините.

Сьюзен. Убирайтесь!

Томпсон. Может быть, как-нибудь в другой раз...

Сьюзен. Убирайтесь!

Томпсон вопросительно смотрит на капитана. Тот легким кивком головы указывает ему на дверь, затем идет к официанту, прислонившемуся к стене у двери. Томпсон следует за ним.

Капитан. Джин, подай ей еще. *(Томпсону, проходящему мимо.)* Мистер Томпсон, она вообще не желает ни с кем разговаривать.

Томпсон. О'кей... *(Идет к телефонной будке.)*

Официант. Опять двойную порцию?

Капитан. Да.

Томпсон опускает монету в автомат и набирает междугородный номер. Официант выходит.

Томпсон *(по телефону)*. Хэлло! Дайте Нью-Йорк Сити... Коурт-лэнд семь-девять тысяч девятьсот семьдесят.

К телефонной будке подходит капитан.

Томпсон. Атлантик Сити четыре-шесть тысяч восемьсот двадцать семь... Хорошо... *(Опускает монеты в автомат и поворачивается к капитану.)* Так... вы думаете, ей нужен еще стаканчик?

Капитан. Да. Она его пропустит. До смерти мистера Кейна она говорила о нем так же, как и о всяком другом. Даже...

Томпсон *(по телефону)*. Хэлло... это Томпсон. Соедините меня с начальником. *(Закрывает дверь будки.)* Хэлло, мистер Роулстон... Она не желает разговаривать...

В зал входит официант и ставит перед Сьюзен бокал. Она жадно пьет.

Голос Роулстона. Кто?..

Томпсон. Вторая миссис Кейн... ни о розовом бутоне, ни о чем другом... Я говорю из Атлантик Сити.

Голос Роулстона. Заставьте ее говорить!

Томпсон. Хорошо... Утром я уезжаю в Филадельфию... в библиотеку Тэтчера... там меня ждут... хочу посмотреть его дневник. Затем у меня свидание в Нью-Йорке с главным управляющим Кейна... с этим — его фамилия... Бернштейн... Потом я снова вернусь сюда.

Голос Роулстона. Повидайте всех.

Томпсон. Хорошо, я повидаю всех... кто еще жив. До свидания, мистер Роулстон. *(Вешает трубку, открывает дверь.)* Эй... как вас...

Капитан. Джон...

Томпсон. Джон, вы могли бы мне помочь... В своих рассказах о Кейне... упоминала ли она когда-нибудь... о розовом бутоне?

Капитан *(смотрит на Сьюзен)*. О розовом бутоне?

Томпсон сует ему в руку чек. Капитан кладет чек в карман.

Капитан. Благодарю вас, мистер Томпсон... Большое спасибо. Как раз на этих днях, когда это сообщение появилось в газетах, я спрашивал ее... Она никогда не слышала о розовом бутоне.

1940 год.

День.

Мемориальная библиотека Тэтчера.

Бюст мистера Тэтчера из прекрасного мрамора. На зрителя смотрят его мраморные глаза. На пьедестале выгравировано: «Уолтер Паркс Тэтчер».

Возле бюста за конторкой сидит Берта Андерсон — мужеподобная старая дева. Она говорит по телефону. Томпсон со шляпой в руке стоит перед ней.

Мисс Андерсон (в трубку). Да, я сейчас его приму. (Вешает трубку. Смотрит на Томпсона.) Директоры Мемориальной библиотеки Тэтчера просили меня еще раз напомнить вам об условии, на котором вам разрешено просмотреть некоторые главы неопубликованных мемуаров Тэтчера. Цитатами из его рукописи вы не должны пользоваться ни при каких обстоятельствах.

Томпсон. Хорошо.

Мисс Андерсон. Можете пройти со мной.

Она встает и направляется к двери. Томпсон идет за ней.

Большая комната со сводами, напоминающая наполеоновскую гробницу. Мраморный пол. В центре комнаты огромный стол красного дерева. Позади стола сейф. Страж, вооруженный револьвером, вынимает из сейфа дневник Уолтера П. Тэтчера и передает его Берте.

Мисс Андерсон (стражу). Страницы с восемьдесят третьей до сто сорок второй, Дженнингс.

Страж. Хорошо, мисс Андерсон.

Мисс Андерсон (Томпсону). Итак, согласно условию, вы ограничитесь главой, касающейся мистера Кейна.

Томпсон. Это единственное, что меня интересует.

Мисс Андерсон. Вы должны выйти из этой комнаты ровно в четыре тридцать.

Уходит. Томпсон закуривает папиросу. Страж недовольно качает головой. С глубоким вздохом Томпсон наклоняется над рукописью и начинает читать. Камера движется от его плеча к рукописи.

Заглавие и текст написаны аккуратно и тщательно:

«Чарлз Фостер Кейн.

Спустя пятьдесят лет после моей смерти эти строки появятся в печати. Я уверен, что к тому времени весь мир согласится с моим мнением о Чарлзе Фостере Кейне, если, разумеется, он не будет совершенно забыт, что я считаю вполне возможным.

В печати было опубликовано много чепухи о моей первой встрече с шестилетним Кейном... На самом деле все было очень просто. Зимой 1870 года...».

1870 год.

День.

Ослепительная белизна бесконечного снежного поля. Появляется фигура шестилетнего Чарлза Фостера Кейна. Он бросает снежок прямо в зрителей.

Напротив небольшое здание гостиницы. На ней вывеска:

«Гостиница миссис Кейн.
Стол и помещение высшего класса.
Справки можно получить здесь»

Снежок Чарлза Кейна попадает в вывеску. Чарлз лепит новый снежок.

Гостиная. Миссис Кейн, женщина лет двадцати восьми, смотрит в окно на своего сына.

Миссис Кейн (*кричит*). Осторожнее, Чарлз!

Голос Тэтчера. Миссис Кейн...

Миссис Кейн (*кричит в окно*). Чарлз, завяжи покрепче шарф на шею!

Видно, как мальчик убегает. Миссис Кейн поворачивается. Перед нами ее лицо — волевое, но измученное и доброе.

Голос Тэтчера. Я думаю, мы должны сказать ему...

Камера отъезжает, и мы видим Тэтчера, который стоит у стола. Это надменный человек лет 26. На столе его цилиндр и какие-то бумаги.

Миссис Кейн. Я сейчас подпишу эти бумаги, мистер Тэтчер.

Голос Кейна-отца. Вы, по-видимому, забыли, что я отец мальчика.

При звуке его голоса миссис Кейн и Тэтчер оборачиваются к нему, камера отъезжает еще дальше. Мы видим Кейна-отца.

Миссис Кейн. Все будет так, как я сказала мистеру Тэтчеру.

Кейн-старший. Если я захочу, я могу подать в суд. Отец имеет право... Постолец, который не мог уплатить по счету, оставил акции, не имеющие никакой ценности... эта собственность принадлежит также и мне, тем более если она действительно представляет какую-то ценность... Я лично знал Фреда Грейвса... и если бы он мог подозревать, что может произойти нечто подобное, он составил бы эти документы на нас обоих.

Тэтчер. Однако документы были оформлены только на имя миссис Кейн.

Кейн-старший. Но он задолжал за пансион нам обоим... Кроме того, я не согласен отдать моего мальчика под опеку какого-то банка только потому...

Миссис Кейн (*спокойно*). Я хочу, чтобы ты перестал говорить глупости, Джим.

Тэтчер. Решения банка по всем вопросам обучения, местожительства мальчика и тому подобное окончательны.

Кейн-старший. Сама мысль о банке, как об опекуне...

Миссис Кейн встречается с мужем глазами. То, что он не оканчивает начатой фразы, говорит о ее победе.

Миссис Кейн (еще спокойнее). Я хочу, чтобы ты прекратил эти глупости, Джим.

Тэтчер. Мы принимаем на себя полное управление вашими рудниками в Колорадо — единственной владелицей которых, я повторяю, являетесь вы, миссис Кейн.

Кейн-старший пытается заговорить. Дважды он открывает рот, но не решается ничего произнести.

Миссис Кейн. Где я должна расписаться, мистер Тэтчер?

Тэтчер (показывает). Вот здесь, миссис Кейн.

Кейн-старший (мрачно). Не говори потом, что я тебя не предупреждал... Мэри, прошу тебя в последний раз... Люди подумают, что я не был хорошим мужем и...

Миссис Кейн медленно поднимает на него глаза. Кейн замолкает.

Тэтчер. Вы и мистер Кейн будете пожизненно получать пятьдесят тысяч долларов в год, а оставшийся в живых...

Миссис Кейн подписывает документы.

Кейн-старший. Ну, будем надеяться, что все к лучшему.

Миссис Кейн. Конечно... Продолжайте, мистер Тэтчер...

Говоря с Тэтчером, миссис Кейн прислушивается к голосу мальчика. Кейн-старший подходит к окну.

В окно виден Чарлз. Он наступает на снежную бабу. Целясь снежком, опускается на одно колено.

Чарлз. Если мятежники хотят битвы, они ее получают! Наше условие — безоговорочная капитуляция. Вперед на врага! Да здравствует Америка!

Кейн-старший закрывает окно.

Тэтчер. Всем остальным — и основным капиталом и всеми доходами — по доверенности до совершеннолетия вашего сына Чарлза Фостера Кейна должен управлять банк. Когда ему исполнится двадцать пять лет, он вступит во владение всем своим состоянием.

Миссис Кейн подходит к окну, открывает его.

Миссис Кейн. Продолжайте, мистер Тэтчер.

В окно снова виден Чарлз.

Чарлз. Тебе не побить меня, Энди Джэксон! Я — старый Хиккори! Запускает снежком в снежную бабу. Не попадает. Падает на живот и осторожно ползет к ней.

Голос Тэтчера. Уже почти пять часов, миссис Кейн... Не думаете ли вы, что мне пора познакомиться с мальчиком...

Миссис Кейн и Тэтчер стоят у окна.

Миссис Кейн. Его чемодан уже уложен... (Ее голос прерывается от волнения.) Я уложила вещи еще две недели тому назад.

Она не может больше говорить. Идет к двери.

Тэтчер. Я распорядился, чтобы воспитатель встретил нас в Чикаго. Я бы привез его с собой, но вы так хотели сохранить все в тайне...

Сжав рот, Тэтчер молча смотрит на Кейна-старшего. Затем идет за миссис Кейн; ее муж подходит к ним.

На снегу Чарлз с санками в руках. Он играет перед домом Кейнов — ветхим двухэтажным зданием с деревянным крыльцом.

Кейн-младший внимательно следит за приближающейся к нему матерью и другими.

Чарлз. Эй, мама!.. Мама, видишь? (Показывает на снежную бабу.) Я вытащил трубку у него изо рта. Если снег будет идти, я ему задам...

Миссис Кейн. Пойдем лучше домой, сынок. Нам надо с тобой подготовиться к... к...

Тэтчер (подходит к Чарлзу). Чарлз, меня зовут мистер Тэтчер...

Миссис Кейн. Это мистер Тэтчер, Чарлз.

Тэтчер. Здравствуй, Чарлз.

Кейн-старший. Он... приехал с Востока...

Чарлз. Хэлло! Хэлло, папа!

Кейн-старший. Хэлло, Чарли.

Миссис Кейн. Чарлз, ты отправишься сегодня вечером с мистером Тэтчером путешествовать. Вы поедете с десятичасовым поездом.

Кейн-старший. Это тот самый поезд, у которого горят все огни.

Чарлз. И ты поедешь, мама?

Тэтчер. Мама не поедет с нами, Чарлз...

Чарлз. Куда я поеду?

Кейн-старший. Ты увидишь Чикаго и Нью-Йорк... может быть, и Вашингтон... не так ли, мистер Тэтчер?

Тэтчер (сердечно). Конечно, он увидит. Я хотел бы быть маленьким мальчиком и впервые в жизни поехать в такое путешествие.

Чарлз. Мама, почему ты не едешь с нами?

Миссис Кейн. Мы должны остаться здесь, Чарлз.

Кейн-старший. Ты будешь жить теперь с мистером Тэтчером, Чарли! Станешь богатым. Твоя мама считает... то есть... э... она и я решили, что ты не должен воспитываться здесь... Возможно, ты будешь самым богатым человеком в Америке, и ты должен...

Миссис Кейн. Ты не будешь скучать, Чарлз...

Тэтчер. Мы будем весело проводить время, Чарлз... Нам будет хорошо.

Мальчик смотрит на него в упор.

Тэтчер. Давай, Чарлз, пожмем друг другу руки.

Чарлз по-прежнему смотрит на него.

Тэтчер. Я вовсе не такой страшный! Ну, давай руку!.. Ты что-то хочешь сказать?

Пытается взять Чарлза за руку. Не говоря ни слова, тот бьет его санками по животу. Тэтчер отшатывается. С трудом переводит дыхание.

Тэтчер (пытаясь улыбнуться). Ты чуть не сбил меня с ног, Чарлз... Санки существуют не для того, чтобы ими дрались. На санках нужно кататься. Когда мы приедем в Нью-Йорк, Чарлз, мы достанем тебе санки, которые...

Снова хочет положить руку на плечо мальчика, но в этот момент Чарлз ударяет его ногой.

Миссис Кейн. Чарлз!

Мальчик бросается к матери, обнимает ее. Миссис Кейн прижимает сына к себе.

Чарлз (испуганно). Мама! Мама!

Миссис Кейн. Ничего, Чарлз, ничего...

Кейн-старший. Простите, мистер Тэтчер! Этот мальчишка заслуживает хорошей порки.

Миссис Кейн (с вызовом в голосе). Ты так думаешь, Джим?

Кейн-старший. Да!

Пристально глядя на мужа, миссис Кейн говорит отдельно:

— Вот почему он будет воспитываться там, где ты его не сможешь тронуть.

По рельсам катятся колеса старомодного спального вагона.

Ночь.

Поезд.

Купе. Тэтчер стоит у постели Чарлза. Молча смотрит на мальчика. Его взгляд одновременно выражает раздражение, симпатию и сознание своего бессилия.

Чарлз уткнулся лицом в подушку. Слышны душераздирающие рыдания.

Чарлз. Мама! Мама!

Текст рукописи Тэтчера заполняет экран. Он гласит:

«...Это был обыкновенный счастливый негодяй, испорченный, беспринципный, не отвечающий за свои поступки.

Его состояние, значительно увеличенное вследствие разумного руководства, по условиям опеки было передано ему в день его двадцатипятилетия.

Среди многочисленных приобретений, сделанных мной для него, пока я был доверенным опекуном, нужно отметить одну крупную операцию — покупку нью-йоркского «Инквайрера». Эта газета стала его любимой игрушкой.

Через три года, после того как он получил право контроля над «Инквайрером», я счел своим долгом, хотя больше и не являлся его доверенным, откровенно указать ему на всю опасность его поведения».

1898 год.

День.

Контора Кейна в «Инквайрере».

Заголовок в газете:

«Испанские военные корабли покинули берега Джерси».

Камера отъезжает, мы видим Тэтчера с номером «Инквайрера» в руках. Он стоит перед столом Кейна в его кабинете.

Тэтчер. Вы действительно считаете, что можно так руководить газетой?

Кейн. Я не имею представления о том, как надо руководить газетой, мистер Тэтчер. Я лишь пытаюсь осуществить то, что мне приходит в голову.

Тэтчер (*читает заголовок*). «Испанские военные корабли покинули берега Джерси». Но ведь у вас нет ни малейшего доказательства, что эти галеоны действительно покинули берега Джерси.

Кейн. А вы можете доказать противное?

С каблограммой в руке вбегает Бернштейн. Увидев Тэтчера, он останавливается.

Кейн (*добродушно знакомит их*). Мистер Бернштейн — мистер Тэтчер.

Бернштейн. Здравствуйте, мистер Тэтчер.

Тэтчер лишь слегка кивает ему.

Бернштейн. Мистер Кейн, мы только что получили каблограмму из Кубы.

В нерешительности замолкает.

Кейн. Дальше, мистер Бернштейн... У нас нет тайн от наших читателей... А мистер Тэтчер — один из самых преданных наших читателей... С тех пор как я принял на себя руководство, он ловит каждую ошибку и находит их в каждом номере нашей газеты. Итак, что же в каблограмме?

Бернштейн (*читает*). «На Кубе очень вкусно кормят, прекрасны женщины, точка. Могу прислать вам стихи в прозе о природе, но не чувствую себя вправе тратить ваши деньги, точка. Никакой войны на Кубе нет». Подписано: Уилер. Ответ будет?

Кейн. Да... Дорогой Уилер... (*минутная пауза*) шлите стихи в прозе... а я обеспечу войну.

Бернштейн. Превосходно, мистер Кейн.

Кейн. Мне самому это нравится. Отправьте немедленно.

Бернштейн. Сию минуту.

Уходит. Кейн поднимает глаза и, посмеиваясь, смотрит на Тэтчера. Тот с трудом сдерживает свое негодование.

После короткого колебания Тэтчер предпринимает еще одну попытку.

Тэтчер. Чарлз, я пришел поговорить с вами относительно этой... вашей кампании... э... кампании, проводимой «Инквайером»... против общества «Метрополитэн».

Кейн. Прошу вас, мистер Тэтчер...

Тэтчер (снова пытается возобновить разговор на эту тему). Вы, очевидно, считаете, Чарлз, что все еще выпускаете вашу газету «Дейли» в колледже?.. Не правда ли?

Кейн. Нет, не считаю... (Притворно печально.) Если бы вы могли познакомиться с моими расходами... (Пауза.) ...Кроме того, я не мог бы продолжать выпуск газеты в колледже, так как меня исключили оттуда. (С иронией.) Разве вы забыли об этом?

Тэтчер смотрит на него в упор.

Кейн. Я хорошо помню это. Мне кажется, что именно тогда, мистер Тэтчер, я потерял веру в ваше всемогущество. (Почти с жалостью.) Я никогда бы не поверил, что вы согласитесь проделать такой путь из Нью-Йорка, в течение трех часов будете говорить наедине с деканом и не сможете убедить его, что я был неправильно понят... Знаете, мистер Тэтчер, во мне что-то умерло, когда вы объявили, что решение декана неизменно... (Задумывается, вопросительно смотрит на Тэтчера, повторяет раздельно.) Не-из-мен-но...

Плотно сжав губы, Тэтчер сердито смотрит на него.

Кейн. Не могу сказать вам даже, сколько времени я потратил, чтобы научиться правильно произносить это слово... и вот, видите, все-таки забываю.

Тэтчер (говорит быстро, безразличным тоном). Я пришел к вам, Чарлз, чтобы поговорить относительно вашей... кампании, проводимой «Инквайером» против общества «Метрополитэн». Я считаю своим долгом напомнить вам об одном факте, который вы, по-видимому забыли... Ведь вы сами — один из крупных держателей акций.

Кейн (мягко). А разве сведения «Инквайера» о «Метрополитэне» неправильны?

Тэтчер (сердито). Это ваши обычные нападки... ваши бессмысленные нападки... на все и всех, у кого в кармане больше десяти центов. Они...

Кейн. Вся трудность заключается в том, мистер Тэтчер... вы не представляете себе, что вы разговариваете с двумя людьми. (Обходит свой стол.) Как Чарлз Фостер Кейн, который владеет восьмьюдесятью тысячами шестьсот тридцать одной акцией общества «Метрополитэн», как видите, я имею приблизительное представление о своих делах, я вполне согласен с вами. И я, как и вы, считаю, что Чарлз Фостер Кейн — опасный негодяй и продажу его газеты нужно запретить. Кроме того, необходимо

создать комитет, который объявит ему бойкот. Вы можете, если вам удастся, сформировать такой комитет и взыскать с меня тысячу долларов.

Тэтчер (*сердито*). Чарлз, я слишком дорожу своим временем...

Кейн. С другой стороны... (*Став серьезным.*) Я издатель «Инквайрера»... Я вас посвящу в одну тайну, которая доставляет мне удовольствие... Как издатель я обязан следить за тем, чтобы честные жители этого города, тяжелым трудом зарабатывающие свой хлеб и ни о чем не подозревающие, не стали бы жертвой кучки пиратов, наживающих на них бешеные деньги. Да поможет им бог, так как у них нет никого, кто охранял бы их интересы! Я также посвящу вас и в другую маленькую тайну, мистер Тэтчер... Я считаю, что именно я призван это сделать. Как вам известно, у меня есть и деньги и собственность. И если я не буду защищать интересы этих людей, за это возьмется кто-нибудь другой. Возможно, это будет человек, не имеющий ни денег, ни собственности... а это было бы очень плохо.

Тэтчер надевает шляпу.

Кейн. Вы уже уходите, мистер Тэтчер?

Тэтчер. Позднее вы поймете, Чарлз, что о деньгах и собственности нужно заботиться, сохраняя их так же, как и... (*Пауза.*) Вчера я случайно увидел ваше заявление.

Кейн (*с оттенком грусти*). Я его также видел.

Тэтчер. Мне хотелось сказать вам, что с вашей стороны неблагоприятно... продолжать вести подобное филантропическое предприятие... этот «Инквайрер»... который стоит вам миллион долларов в год.

Кейн. Вы правы... В прошлом году мы действительно потеряли миллион долларов. Мы предполагаем, что и в текущем году также потеряем миллион... Знаете ли, мистер Тэтчер... теряя даже по миллиону каждый год, мы будем вынуждены закрыть это предприятие... только через шестьдесят лет.

Мемориальная библиотека Тэтчера.

Крупно строки из рукописи:

«Я повторяю, ему была неизвестна самая элементарная человеческая порядочность.

Его невероятная вульгарность, его полное неуважение...».

Прежде чем зрители успевают дочитать фразу, Томпсон с досадой закрывает рукопись.

Поворачивается и видит мисс Андерсон, которая пришла его выпроводить отсюда.

Мисс Андерсон. Вам была оказана очень редкая привилегия, молодой человек. Нашли то, что вы искали?

Томпсон. Нет. Скажите мне, мисс Андерсон, вы не розовый бутон?

Мисс Андерсон. Что?

Томпсон. Я и не думал, что вы когда-нибудь им были. Ну, благодарю вас за разрешение войти в этот зал.

Надевает шляпу и, выходя, закуривает сигарету. Шокированная мисс Андерсон провожает его глазами.

1940 год.

День. Небоскреб «Инквайрера».

Кабинет Бернштейна.

Крупно — фото Кейна лет шестидесяти пяти. Камера отъезжает, и мы видим, что это портрет в раме на стене. Под ним за своим столом сидит Бернштейн. Это старик, совершенно лысый, маленький, очень подвижной. Его глаза смотрят пронизательно. Он разговаривает с Томпсоном.

Бернштейн (с гримасой). Кто деловой человек? Я? Я — председатель правления. У меня, кроме времени, нет ничего... Что вы хотите узнать?

Томпсон. Видите ли, мы думали, что, может быть... (медленно) если бы мы могли догадаться, что он, умирая, хотел сказать своими последними словами...

Бернштейн. Вы имеете в виду розовый бутон, да? (Задумывается.) Может быть, это какая-нибудь девушка? В дни его молодости в них не было недостатка...

Томпсон (с интересом). Согласитесь, мистер Бернштейн, невероятно, чтобы мистер Кейн, случайно встретив какую-то девушку спустя пятьдесят лет, на своем смертном одре...

Бернштейн. Вы слишком молоды, мистер... (вспоминает фамилию) мистер Томпсон. Иногда человек вспоминает такое, что, казалось бы, он вспомнить-то не может. Возьмите меня, например. Однажды в 1896 году я переправлялся на пароме в Джерси. Как раз когда мы отплывали, причаливал другой паром... (медленно) и на нем была девушка... она ждала своей очереди сойти на берег. На ней было белое платье... в руках белый зонтик... Я видел ее всего одну секунду, а она меня не видела совсем... Но, я клянусь, с тех пор нет месяца, когда бы я не вспоминал эту девушку. (С торжеством.) Вы понимаете, что я хочу сказать? (Улыбается.)

Томпсон. Да... Понимаю. (С легким вздохом.) Но как же относительно розового бутона? Я хотел бы знать...

Бернштейн. У кого вы были еще?

Томпсон. Видите ли, я ездил в Атлантик Сити...

Бернштейн. Сюзи?! Я звонил ей в день его смерти. Я думал, что кто-то должен... (Печально.) Она не могла даже подойти к телефону.

Томпсон (спокойно). Она также не в состоянии была говорить со мной. Через несколько дней я опять поеду повидаться с ней. (Молчит.) Итак, розовый бутон, мистер Бернштейн...

Бернштейн. Если бы я имел хоть малейшее представление, кто это, поверьте, я бы сказал вам.

Томпсон. Если бы вы, мистер Бернштейн, были столь любезны... и рассказали мне что-нибудь о мистере Кейне... что вы можете о нем вспомнить... Какие-нибудь факты, которым вы не придавали значения... В конце концов ведь вы были около него с самого начала.

Бернштейн. Даже до начала, молодой человек! *(Без особой грусти.)* И теперь, после конца. *(Пауза.)* Вы кого-нибудь, кроме Сюзи, пытались увидеть?

Томпсон. Я никого больше не видел. Но я просмотрел материалы Уолтера Тэтчера. Его дневник...

Бернштейн. Тэтчер! Это был самый большой дурак, которого я когда-либо встречал!

Томпсон. Он нажил уйму денег.

Бернштейн. Нажить много денег — не штука, если именно в этом состоит цель вашей жизни. Возьмите мистера Кейна — ему нужны были не деньги! Мистер Тэтчер никогда не понимал его. Иногда даже и я не понимал... *(Задумывается.)* Знаете ли, мистер Кейн всегда говорил, что он гений... и я думаю, что он был прав. У него был несколько странный юмор, и часто я не знал... *(перебивает себя)* как в ту ночь, когда в Чикаго состоялось торжественное открытие его оперного театра. Знаете, этот оперный театр он построил для Сюзи... она должна была стать оперной певицей.

Пренебрежительным жестом он подчеркивает невысокое мнение об этом. Со вздохом продолжает:

— Конечно, это было много лет назад... В 1914 году. Миссис Кейн исполняла главную партию... Она была ужасна. Но никто не решался сказать об этом... даже критики. В те дни мистер Кейн был большим человеком! Только один парень, его друг Джек Лилэнд...

1914 год.

Вечер. Контора чикагского отделения «Инквайрера». Комната почти пуста. Уже поздно. Никто не работает. Бернштейн — ему лет пятьдесят — окружен группой служащих Кейна. Большинство из них в вечерних костюмах, некоторые в пальто и шляпах. Все напряженно чего-то ждут.

Обращаясь к молодому сотруднику, редактор отдела городских новостей тихо спрашивает:

— А как Джек Лилэнд? Он уже сдал свою статью?

Сотрудник. Еще нет.

Бернштейн. Идите поторопите его.

Редактор отдела городских новостей. Почему вы сами не пойдете, мистер Бернштейн? Вы знаете характер мистера Лилэнда...

Несколько мгновений Бернштейн молча смотрит на него. Наконец медленно говорит:

— Я боюсь, что он нервничает.

Редактор отдела городских новостей (после паузы).
Насколько мне известно, в прежнее время вы, Лилэнд и мистер Кейн были большими друзьями?

Бернштейн. Мистер Лилэнд был самым близким другом мистера Кейна. Они вместе учились в классической школе... в Граутоне.

Редактор отдела городских новостей. А разве она называется не Гротон?

Бернштейн. Граутон... Гротон... Они вместе выпускали газету в колледже. У мистера Лилэнда никогда не было ни гроша... Он родился в одной из тех старинных семей... где отец оценивается в десять миллионов, а потом в один прекрасный день пускает себе пулю в лоб. И тогда выясняется, что у семьи, кроме долгов, ничего нет... Но у Лилэнда была бездна вкуса.

Редактор отдела городских новостей. Он настоящий парень... этот Лилэнд. (Небольшая пауза.) Почему он уезжал из Нью-Йорка?

Бернштейн (нехотя). Это длинная история.

Другой сотрудник (бестактно). Кажется, произошла какая-то ссора между...

Бернштейн (быстро). Я ничего не знаю об этом... (Мрачно.) Во всяком случае, то, что произошло между Лилэндом и Кейном, нельзя назвать ссорой в буквальном смысле этого слова... Лучше забыть об этом... (Обращаясь к редактору отдела городских новостей.) Кстати, свою статью Лилэнд пишет с креном на актерское мастерство?

Редактор отдела городских новостей. Да... Я думаю, это хорошая идея... А мы подошли к этому событию с точки зрения выдающихся новостей.

Бернштейн. И с общественной точки зрения... А как относительно статьи о музыке? Вы ее уже получили?

Редактор отдела городских новостей. Да, она уже закончена... Мистер Мервин написал пространное обозрение.

Бернштейн. Темпераментное?

Редактор отдела городских новостей. Да. Очень! (Тихо.) Естественно.

Бернштейн. Ну-ну... разве это плохо?

Голос Кейна. Мистер Бернштейн!

Бернштейн оборачивается. Входит Кейн. Ему уже сорок девять лет. Он сильно растолстел. На нем пальто, в руках складной цилиндр.

Бернштейн. Хэлло, мистер Кейн.

Все служащие во главе с Бернштейном устремляются к Кейну. Сдержанное оживление.

Редактор отдела городских новостей. Мистер Кейн, какой сюрприз!

Кейн. В хорошую историю мы попали...

Сразу воцаряется молчание. Слова излишни.

Кейн. Все отделы написали об опере?

Редактор отдела городских новостей. В точном соответствии с вашими указаниями, мистер Кейн. Есть два комплекта фотографий.

Кейн (*подчеркнуто небрежно*). И статья?

Редактор отдела городских новостей. Да... мистер Кейн.

Кейн (*спокойно*). Удачная?

Редактор отдела городских новостей. Да, мистер Кейн.

Несколько мгновений Кейн молча смотрит на него.

Редактор отдела городских новостей. Но будет еще другая... об актерском исполнении.

Кейн (*резко*). Разве она не закончена?

Редактор отдела городских новостей. Нет, мистер Кейн.

Кейн. Это статья Лилэнда?

Редактор отдела городских новостей. Да, мистер Кейн.

Кейн. Он сказал, когда он ее закончит?

Редактор отдела городских новостей. Нам он ничего не говорил.

Кейн. Раньше он работал быстро! Не так ли, мистер Бернштейн?

Бернштейн. Да, он действительно всегда работал быстро, мистер Кейн.

Кейн. Где он?

Кто-то из сотрудников редакции показывает на закрытую стеклянную дверь в другом конце редакции:

— Он там, мистер Кейн!

Кейн смотрит на дверь. Беспомощно, волнуясь, Бернштейн пытается что-то сказать:

Бернштейн. Мистер Кейн...

Кейн. Я знаю, мистер Бернштейн!

Подходит к стеклянной двери. Редактор смотрит на Бернштейна. Кейн открывает дверь, входит и закрывает ее за собой.

Бернштейн. Лилэнд и мистер Кейн... они не разговаривали десять лет. (*Длинная пауза.*) Извините меня. (*Направляется к двери.*)

Кабинет Лилэнда.

Входит Бернштейн.

На столе Лилэнда пустая бутылка. Лицом он уткнулся в пишущую машинку. В машинке лист бумаги, на котором напечатан всего один абзац. По другую сторону стола стоит Кейн и смотрит на Лилэнда. Лицо у Кей-

на жестокое. Бернштейн несколько мгновений смотрит на Кейна, затем быстро подходит к Лилэнду и встряхивает его.

Бернштейн. Эй, мистер Лилэнд!.. Мистер Лилэнд!

Лилэнд выпрямляется. Увидев Кейна, смотрит на него.

Бернштейн. Раньше он никогда не пил, мистер Кейн. Никогда. Мы знали бы об этом.

Кейн (после паузы). Что здесь?.. Что он написал?

Низко склонившись над машинкой, Бернштейн с трудом читает написанное.

Бернштейн (читает). «Миссис Сьюзен Александер хорошенькая, но безнадежно бездарная любительница... (на секунду останавливается, чтобы передохнуть) вчера вечером открыла сезон в новом Чикагском оперном театре. Она выступила в опере Т... Т...». (Смотрит на Кейна с жалкой улыбкой.) Я не могу выговорить это имя, мистер Кейн.

Кейн. Таис.

Несколько мгновений Бернштейн жалобно смотрит на Кейна, затем с измученным видом продолжает читать.

Бернштейн. «Оценка ее пения, к счастью, не входит в функции нашего отдела. Что же касается ее игры, то совершенно невозможно...».

Замолкает. Не отрываясь, смотрит на страницу.

Кейн (после короткого молчания). Продолжайте!

Бернштейн (не поднимая глаз). Это все.

Кейн выхватывает бумагу из машинки и читает про себя. На его лице появляется странное выражение.

Кейн (очень тихо). Что же касается ее игры, то, по мнению автора этой статьи, о ней ничего другого невозможно сказать, кроме того, что ее исполнение стоит на самом низком... (Затем резко.) Вы поняли, мистер Бернштейн?.. По мнению автора этой статьи...

Бернштейн (жалобно). Я не вижу этого.

Кейн. Здесь этого и нет, мистер Бернштейн. Я диктую.

Бернштейн (в ужасе смотрит на него). Я не умею стенографировать.

Кейн. Дайте мне машинку. Я сам закончу статью.

Бернштейн выходит из комнаты.

Уже без пиджака, Кейн сидит за машинкой и что-то с ожесточением печатает.

Раздается голос Бернштейна. Он продолжает говорить в следующем кадре...

1940 год.

День. Кабинет Бернштейна.

Бернштейн (Томпсону). Он закончил статью. Он написал о лю-

бимой женщине самую ругательную рецензию, которую мне когда-либо приходилось читать. Мы поместили ее во всех газетах.

Томпсон (*после паузы*). Я думаю, что мистер Кейн никогда не был высокого мнения о таланте Сюзи.

Бернштейн (*уверенно*). Он считал ее великой актрисой, мистер Томпсон. Он действительно верил в это. Ее карьера была вопросом его честолюбия. После встречи с Сюзи мистер Кейн перестал так заботиться о своем успехе, как раньше... О, я не обвиняю Сюзи...

Томпсон. Ну, хорошо, тогда как же он мог написать такую рецензию? В газетах Кейна о ней всегда появлялись только самые лестные отзывы.

Бернштейн. О да! Он следил за этим... Но я же говорил вам, мистер Томпсон, что этого человека трудно было понять. Он обладал своеобразным чувством юмора... А потом, может быть, мистер Кейн полагал, что если он закончит эту статью в таком духе, то он докажет Лилэнду свою честность. Видите ли, Лилэнд был другого мнения на этот счет... Я полагаю, что Кейну удалось это ему доказать... Я уже говорил вам, что этого человека трудно было понять. (*Пауза.*) Вы должны поговорить с Лилэндом. (*Задумчиво.*) Он был с нами и в тот первый день, когда Кейн принял руководство «Инквайрером».

1891 год.

Теплый летний день.

Старое здание «Инквайрера».

На экране появляется двухколесный экипаж. В нем Кейн и Лилэнд. Оба одеты как нью-йоркские денди. Кейн выпрыгивает из экипажа. Не торопясь, следует за ним Лилэнд.

Кейн (*указывая тростью*). Посмотри-ка на это, Джед. На днях все будет выглядеть иначе.

Сияющий Кейн бурно выражает свою радость. Джед смотрит с задумчивой улыбкой. Они входят в здание.

К тротуару подъезжает дилижанс. Задняя дверца его открыта. Под ворохом всевозможных вещей — кроватью, постельными принадлежностями, сундуками, картинами в рамках — сидит Бернштейн. С трудом он выбирается оттуда.

Бернштейн (*кучеру*). Давай! Я помогу тебе управиться с этой рухлядью.

Кучер. Здесь нет спальных комнат. Это редакция.

Бернштейн. За что вам платят, мистер, за ваши советы или за вашу работу?

Редакция «Инквайрера».

Большая контора на втором этаже. Окна в ней очень маленькие и узкие, поэтому в комнате, несмотря на яркий солнечный день, полутьма.

Много столов и старомодных конторок, за которыми сидят репортеры. В конце комнаты, на возвышении, — два стола, очевидно, предназначенные для начальства. С левой стороны открыта дверь, за которой находится «святая святых» — кабинет Картера.

Когда Кейн и Лилэнд входят в контору, пожилой, полный джентльмен, сидящий за столом на возвышении, звонит. Все работники редакции встают и молча смотрят на вошедших. Картер — пожилой джентльмен в парадном костюме — подходит к Кейну.

Картер. Добро пожаловать, мистер Кейн. Я Герберт Картер.

Кейн. Благодарю вас, мистер Картер. Это мистер Лилэнд.

Картер (кланяясь). Здравствуйте, мистер Лилэнд!

Кейн. Мистер Лилэнд — ваш новый театральный критик, мистер Картер. Надеюсь, что я не ошибся, Джек. Ты ведь намерен стать театральным критиком? Не правда ли? (Указывая на репортеров.) Они ждут меня?

Картер. Я думал, что вам будет приятно такая встреча... молодой издатель...

Кейн (с усмешкой). Попросите их сесть.

Картер. Вы можете продолжать вашу работу, джентльмены. (Кейну.) Я не знал ваших планов... и поэтому не мог подготовиться...

Кейн. Я сам не знаю своих планов... Да-да... действительно у меня нет никакого плана, за исключением того, что я намерен выпускать газету.

В дверях раздается грохот. Все оборачиваются и видят Бернштейна, растянувшегося на пороге под грузом двух картин в тяжелых рамах, чемодана и постельных принадлежностей.

Кейн. А, мистер Бернштейн!.. Если бы вы могли уделить мне минуту внимания, мистер Бернштейн.

С трудом поднявшись, Бернштейн подходит к нему.

Кейн (знакомит). Мистер Бернштейн — мой главный управляющий.

Картер (холодно). Здравствуйте, мистер Бернштейн.

Кейн. У вас здесь личный кабинет, не правда ли?

В дверях появляется кучер. Он тащит спинку кровати и какие-то другие вещи.

Картер. Мое маленькое святилище в вашем распоряжении. Но я не совсем понимаю...

Кейн. Я намерен здесь жить... (Задумчиво.) До тех пор пока найду это нужным.

Картер. Но мы ведь утренняя газета, мистер Кейн... Поэтому фактически мы бываем закрыты двенадцать часов в день... исключение делается только для представителей торговых контор...

Кейн. Это-то как раз одно из тех положений, которые будут изменены, мистер Картер! Информация в газету поступает в течение всех двадцати четырех часов!

Редакция «Инквайрера».

За столом с откидной крышкой, без пиджака, сидит Кейн. Он горюливо правит рукопись и одновременно плотно закусывает. Рядом с ним Картер, его костюм застегнут на все пуговицы. Лилэнд сидит в углу комнаты и внимательно следит за ними. По выражению лица Лилэнда видно, что эти наблюдения его забавляют. Бернштейн записывает какие-то цифры.

Кейн. Я не критикую, мистер Картер... но вот что я думаю. Посмотрите заметку на первой странице «Кроникл». *(Показывает на газету.)* Вот фотография... женщина из Бруклина, пропала без вести. Возможно, она убита. Какая-то миссис Хэрри Сильверстон. Почему «Инквайрер» не поместил этого сообщения?

Картер *(натянута)*. Потому что мы выпускаем газету, мистер Кейн, а не бульварный листок.

Кончив есть, Кейн отодвигает тарелки.

Кейн. Я все еще голоден, Джек.

Лилэнд. Попозже мы найдем к «Ректору» и постараемся получить там что-нибудь существенное.

Кейн *(указывая на «Кроникл»)*. Мистер Картер, в «Кроникл» заголовки занимают две колонки. Почему мы этого не делаем?

Картер. Наши сообщения не имели большой важности.

Кейн. Если заголовок достаточно велик, то он делает и сообщение значительным... Убийство этой миссис Хэрри Сильверстон...

Картер. Нет никаких доказательств, что эта женщина убита... даже, что она умерла.

Кейн *(слегка улыбаясь)*. «Кроникл» не говорит, что она убита, мистер Картер. Газета сообщает, что она пропала; подозрение падает на соседей.

Картер. Передавать сплетни домашних хозяек не входит в наши функции. Если бы нас интересовали вещи такого рода, мистер Кейн, мы могли бы заполнять газету материалом дважды в день...

Кейн *(мягко)*. Именно такого рода вещами мы и должны отныне интересоваться, мистер Картер. Я хочу, чтобы вы послали вашего лучшего репортера взять у мистера Сильверстона интервью. Пусть репортер скажет мистеру Сильверстону, что если тот немедленно не обнаружит местопребывания своей жены, «Инквайрер» будет настаивать на его аресте. *(Осененный новой мыслью.)* Пусть репортер представится мистеру Сильверстону как детектив из Центрального отдела. Если же мистер Сильверстон спросит документы, ваш сотрудник должен принять оскорбленный вид и назвать его анархистом. Но громко, так, чтобы могли слышать все соседи.

Картер. Но серьезно, мистер Кейн, я не могу согласиться, что функции уважаемой газеты...

Кейн *(не слушая)*. Послушайте, мистер Бернштейн!

Бернштейн поднимает глаза от своих цифр и вопросительно смотрит на Кейна.

Кейн. Я только что сделал потрясающее открытие. В «Инквайрере» нет телефона! Сейчас же поставьте два аппарата!

Бернштейн. Я уже заказал шесть аппаратов сегодня утром! И притом со скидкой!

Картер (*решительно вставая*). Но, мистер Кейн...

Кейн. Все это нужно сделать сегодня, мистер Картер! Вы меня прекрасно понимаете... До свидания, мистер Картер.

Картер молча выходит из комнаты. Закрывает за собой дверь.

Лилэнд. Бедный мистер Картер!

Кейн. Почему это они думают, что газета — нечто застывшее, негибкое... неужели люди должны платить свои два цента за...

Бернштейн. Три цента.

Кейн (*спокойно*). Два цента.

Удивленный Бернштейн поднимает голову и, еще ничего не понимая, смотрит на Кейна.

Бернштейн (*постукивает пальцами по бумагам, которые лежат перед ним*). Расчеты сделаны по три цента за экземпляр.

Кейн. Сделайте перерасчет, мистер Бернштейн... по два цента. Ты готов идти обедать, Джд?

Бернштейн. Мистер Лилэнд, может быть, мистер Кейн решит снизить цену до одного цента или задумает раздавать газету с премией в полфунта чая?..

Лилэнд. За вашей изобретательностью просто не угонишься! Лучше вспомним пословицу о новой метле!

Бернштейн. Кто сказал о новой метле?

Кейн. Есть такая пословица, мистер Бернштейн. Новая метла чисто метет.

Бернштейн. О!

1891 год.

Типография «Инквайрера». Помещается типография на первом этаже. Окна ее выходят на улицу.

Полночь.

Вокруг большого талера, на котором разложены различные образцы цифрового набора, стоят Кейн и Лилэнд. Они в элегантных вечерних костюмах. Здесь же Бернштейн, Картер и старший метранпаж Смэтерс. Все очень взволнованны.

Кейн. Видите, мистер Картер, теперь первые полосы выглядят совсем иначе... Вы видели «Кроникл»?

Картер. «Инквайрер» не должен состязаться с такой дрянью, как «Кроникл».

Бернштейн. А мы будем издавать именно такую дрянь... «Инквай-
рер»... Раньше мне не хотелось даже завертывать печенку для кота
в «Инквайрер».

Картер. Мистер Кейн, я должен просить вас обратить внимание...
Этот человек должен научиться придерживать свой язык. Мне кажется,
раньше он никогда не работал в газете...

Кейн. Вы правы. Мистер Бернштейн работал в оптовом ювелирном
деле.

Бернштейн. Да, я работал в оптовом ювелирном деле.

Кейн. Но его способности, кажется, соответствуют моим требова-
ниям.

Возмущенный Картер плюет. Но в то же время он по-настоящему
сгорчен.

Картер. Я предупреждаю вас, мистер Кейн, что как раз тогда,
когда вы особенно нуждаетесь во мне, я вынужден буду, хотя мне это и не-
желательно, покинуть вас... Мне придется просить вас принять мою
отставку...

Кейн. Она принята, мистер Картер, с изъявлением моего глубочай-
шего сожаления.

Картер. Но, мистер Кейн, я хотел сказать...

Но Кейн уже не слушает его. Повернувшись к Смэтерсу, он спокойно
предлагает.

Кейн. Давайте снова переверстаем эти полосы.

Не понимая, чего от него хотят, как будто Кейн говорит на чужом
языке, Смэтерс молча смотрит на него. Наконец говорит:

— Мы не можем их передсывать, мистер Кейн.

Кейн. Переделывать?! Пожалуй, не то слово.

Смэтерс. Через пять минут это идет в печать.

Кейн (*спокойно*). Хорошо, хорошо... Так давайте переделывать эти
полосы, мистер Смэтерс.

Смэтерс. Через пять минут это идет в печать, мистер Кейн.

Кейн. Газета выйдет на полчаса позже, только и всего.

Смэтерс. Вы не понимаете меня, мистер Кейн. Через пять минут
мы их отдаем в печать. Мы не можем уже ничего переделывать, мистер
Кейн.

Молча Кейн сбрасывает набор на пол. Он рассыпается.

Кейн. Теперь вы сможете их переверстать, не так ли, мистер Смэ-
терс? После того как набор будет готов и полосы сверстаны, согласно
моим указаниям, будьте любезны, мистер Смэтерс, распорядитесь, чтобы
сделали оттиски, и доставьте их мне. Если я найду, что никаких новых
изменений не потребуется... тогда мы сдадим их в печать.

В сопровождении Лилэнда он выходит из наборного цеха.

Бернштейн. Если вам это не ясно, мистер Смэтере... вспомните
о новой метле.

1891 год.

Светаег.

Нью-йоркская улица. Здание «Инквайрера».

Большая вывеска. На фоне здания «Инквайрера» пробегают мальчишки-газетчики, продающие «Кроникл».

Камера двигается к единственному освещенному окну — окну кабинета Кейна.

Кабинет Кейна.

С улицы доносятся голоса газетчиков. Кейн без пиджака стоит у открытого окна и смотрит вниз. На кровати сидит Бернштейн. Лилэнд устроился в кресле.

Голоса газетчиков. «Кроникл»...

—«Кроникл»...

—Вот «Кроникл»...

—Покупайте «Кроникл»...

Кейн закрывает окно и поворачивается к остальным.

Лилэнд. Скоро и мы будем на улицах, Чарли... Через каких-нибудь десять минут.

Бернштейн. Мы опоздали на три часа пятьдесят минут, но мы добились своего...

Лилэнд поднимается с кресла. С трудом разминает ноги.

Кейн. Устал?

Лилэнд. Выдался горячий денек.

Кейн. Потерянное время.

Бернштейн (*страшно удивлен*). Потерянное?

Лилэнд. Чарли?!

Бернштейн. За сегодняшний вечер вы переделывали газету четыре раза, мистер Кейн... И все это...

Кейн. Я лишь немного изменил первую полосу, мистер Бернштейн. Этого мало... В эту газету кроме иллюстраций и новых шрифтов я должен еще кое-что добавить... Я должен сделать «Инквайрер» таким же необходимым для жителей Нью-Йорка, как газ для освещения.

Лилэнд. Что же ты намереваешься сделать, Чарли?

Кейн. Я опубликую декларацию моих принципов... Не смейся, Джек... Записывайте, мистер Бернштейн...

Бернштейн. Я не умею стенографировать, мистер Кейн...

Кейн. Я сам запишу.

Хватает лист грубой бумаги и замусоленный карандаш. Садится на кровать рядом с Бернштейном и начинает писать.

Бернштейн (*смотря через плечо*). Но вы не хотели давать обещаний, мистер Кейн, и не хотели брать на себя обязательств.

Кейн (*пишет и говорит*). Эти обещания будут выполнены!

Перестав писать, читает написанное им:

— «Я дам жителям этого города ежедневную газету, которая будет добросовестно знакомить их со всеми новостями».

Снова начинает писать, одновременно прочитывая вслух написанное.

— «Я также обеспечу им...»

Лилэнд. Это уже вторая фраза, которую ты начинаешь с «я»...

Кейн (*поднимая глаза*). Люди всегда хотят знать, кто отвечает за обещанное... И они хотят знать все новости... «подлинные происшествия и события... быстро, в простой и занимательной форме». (*С подлинным убеждением.*) «А также не будет допущено, чтобы достоверность информации страдала от чьего-либо вмешательства...». Я дам им неутомимого борца за их гражданские и человеческие права... Подписано: «Чарлз Фостер Кейн».

Лилэнд. Чарли...

Кейн поднимает глаза.

Лилэнд. Можно прочесть?

Кейн. Я это сейчас же напечатаю... (*Зовет.*) Майк!

Майк. Да, мистер Кейн.

Кейн. Вот передовая. Я хочу, чтобы ее поставили на первую полосу!

Майк (*очень устало*). На первую полосу сегодняшнего номера, мистер Кейн?

Кейн. Правильно... Вам придется опять переделывать... Спуститесь вниз и скажите им об этом.

Майк. Хорошо, мистер Кейн.

Собирается уходить.

Лилэнд. Подождите минутку, Майк.

Майк останавливается.

Лилэнд. Когда вы наберете, я хотел бы получить эту бумажку обратно.

Недовольный вид Майка ясно показывает, что, по его мнению, это никому не нужная прихоть. Кейн вопросительно смотрит на Лилэнда.

Лилэнд. Мне хотелось бы сохранить этот клочок бумаги. У меня предчувствие, что он станет одним из важнейших документов... нашего времени. (*Слегка стесняясь своей горячности.*) Документ... подобный Декларации независимости... и конституции... и моему первому школьному сочинению.

Хотя Кейн и отвечает ему улыбкой, но оба серьезны. Снова доносятся голоса газетчиков.

Голоса газетчиков. «Кроникл»!.. Вот «Кроникл»!

— Покупайте «Кроникл»!..

— «Кроникл»!

1891 год.

День. Окно конторы «Инквайрер», выходящее прямо на тротуар.

Первая страница «Инквайрера» с большой передовой под крупным заголовком:

«Мои принципы. Декларация Чарлза Фостера Кейна»

Камера отъезжает, и мы видим большую пачку газет. Вот перед нами уже четыре пачки, шесть, множество газет, связанных в пачки. Это номера «Инквайрера».

Камера панорамирует до окна конторы «Инквайрер», на котором написано: «Нью-Йоркский ежедневный «Инквайрер». Тираж 26 000».

Через закрытое окно мы видим Кейна, Лилэнда и Бернштейна. Они стоят у окна, облокотившись на низкие перила, обитые бархатом. Смотрят на улицу, где бегают мальчишки-газетчики, продавая «Инквайрер».

Окно конторы «Инквайрер».

Маляр переписывает цифры, обозначающие тираж газеты.

Появляются крупные цифры: 49 000.

Стоя у окна, Бернштейн с довольной улыбкой следит за работой маляра.

1895 год.

День.

То же здание сбоку. Маляр в люльке подрисовывает последний ноль к цифре 62 000 на огромной рекламе «Инквайрера».

На улице перед зданием редакции «Кроникл» висит реклама:

«И н к в а й р е р — народная газета. Тираж 62 000».

Кейн и Бернштейн смотрят на эту рекламу.

Бернштейн (*радостно*). Шестьдесят две тысячи... это очень недурно...

Кейн. И в городе триста таких реклам!

Бернштейн. Разве не я их заказывал?

В окне редакции «Кроникл», почти во всю его величину, огромная фотография; на ней девять человек. Вверху надпись: «Редакционная коллегия нью-йоркского отделения газеты «Кроникл». Внизу: «Величайший в мире газетный персонал». Здесь же сообщается тираж «Кроникл»: 460 000. Кейн смотрит на фотографию, Бернштейн — все еще на рекламу «Инквайрера».

Кейн. Лучше бы нам смотреть на что-нибудь другое.

Бернштейн (*отрывает глаза от своей рекламы*). «Кроникл»... Хорошая газета.

Кейн. Хороший тип газеты. Видали, какой тираж?

Бернштейн (*мрачно*). Четыреста шестьдесят тысяч.

Кейн. Я не критикую... как сказал петух, показывая своим курам яйца страусихи... Я просто стараюсь показать вам, что делается в этой области вашими конкурентами.

Бернштейн. А, мистер Кейн... с этими ребятами из «Кроникл»... (*показывает на фото*) нетрудно иметь хороший тираж.

Кейн. Вы правы, мистер Бернштейн.

Бернштейн (*вздыхает*). Знаете ли вы, сколько времени «Кроникл» подбирал этот штат? Двадцать лет!

Кейн. Знаю.

Улыбаясь, Кейн зажигает сигарету. Смотрит на окно «Кроникл». Камера приближается к окну: мы видим все то же фото девяти человек.

1895 год.

Вечер.

Редакция «Инквайрера».

Те же девять человек, которых мы видели на фотографии. Даже в тех же позах, с той лишь разницей, что среди них в центре первого ряда — Кейн. Камера отъезжает, и мы видим, что эта группа фотографируется в углу комнаты. В этой же комнате накрытый для банкета стол.

Фотограф. Вот и все. Благодарю вас.

Все встают.

Кейн (*фотографу*). Сделайте лишний экземпляр и пошлите его почтой в редакцию «Кроникл».

Направляется к столу.

Кейн. Джентльмены, сотрудники «Инквайрера»! Я думаю, что у нас найдется подходящее приветствие для этих выдающихся журналистов... (*указывает на них*) только что вступивших в наши ряды... Им будет приятно узнать, что сегодня утром было продано свыше двухсот тысяч экземпляров «Инквайрера».

Бернштейн. Двести одна тысяча шестьсот сорок семь экземпляров! Общье аплодисменты.

Кейн. Все вы... старые и новые работники... получаете лучшие в городе оклады. Все вы приглашены на работу не только из-за ваших убеждений... Ваш талант — вот что меня интересует... талант, который сделает «Инквайрер» такой газетой, какая мне нужна... самой лучшей газетой в мире! (*Аплодисменты.*) На этом я кончаю мое приветствие и надеюсь, что вы извините мою бестактность. Сейчас я покину вас. На следующей неделе я уезжаю в отпуск за границу.

Все перешептываются.

Кейн. Уже давно я обещал своему доктору уехать, как только смогу. Теперь, мне кажется, я могу ехать. Это решение во всех отношениях является наилучшим комплиментом, который я могу вам сделать...

Одобрительный шепот.

Кейн. Я обещал мистеру Бернштейну, и сейчас повторяю это обещание публично, что на ближайшие три месяца забуду о новых рубриках в газете... о воскресных приложениях... постараюсь также ничего не придумывать для отдела сатиры и юмора... и не...

Бернштейн (*перебивая*). Скажите, мистер Кейн, раз уж вы даете обещания... Возможно, в Европе осталась масса статуй, которые вы еще не приобрели...

Кейн (*перебивая его*). Вы не можете меня обвинить, мистер Бернштейн. Статуи создаются в течение тысячелетий, а покупаю я их всего в течение пяти лет.

Бернштейн. Мы уже получили девять Венер, двадцать шесть святых дев... Два склада полностью забиты ими... итак, обещайте мне, мистер Кейн...

Кейн. Обещаю вам, мистер Бернштейн.

Бернштейн. Благодарю вас!

Кейн. Мистер Бернштейн...

Бернштейн. Да?!

Кейн. Надеюсь, вы, конечно, не думаете, что я сдержу хоть одно из своих обещаний... не так ли, мистер Бернштейн? (*Все громко смеются.*)
А вы, мистер Лилэнд?

Лилэнд. Конечно, нет.

Смех и аплодисменты.

Кейн. А теперь, джентльмены, прошу вашего внимания.

Заложив два пальца в рот, Кейн свистит. Это сигнал. Начинает играть оркестр. Появляется целый отряд хорошеньких девушек. Некоторые из них отделяются от общей группы, их подхватывают участники банкета. Начинаются танцы...

1899 год.

День.

Здание «Инквайрера». Контора Кейна.

Крупно — багажный ярлык с надписью: «От Ч. Ф. Кейна, Париж, Франция» — заполняет весь экран.

Камера отъезжает, и мы читаем другую надпись на другом багажном ярлыке, сделанную также крупными буквами: «Чарлзу Фостеру Кейну, Нью-Йорк. Сохранить до прибытия».

Камера продолжает отъезжать, и мы видим «святая святых», до потолка забитое ящиками, упакованными статуями и другими предметами искусства. Примерно треть статуй распакована.

Без пиджака, в одном жилете, Лилэнд открывает ящики. В руках у него клещи. К двери подходит Бернштейн.

Бернштейн. Хорошо, что он обещал не присылать нам этих статуй!

Лилэнд. Мне кажется, что вы плохой ценитель скульптуры, мистер Бернштейн. Это один из редчайших экземпляров Венеры.

Бернштейн (*тщательно рассматривая статую*). Не такой уж редкий, как вы думаете, мистер Лилэнд. (*Передает ему листок.*) Вот каблограмма от мистера Кейна.

Взяв ее, Лилэнд молча читает. Улыбается.

Бернштейн (*продолжает, заглядывая в каблограмму*). Он занимается не только коллекционированием статуй.

Океанский пароход.

1900 год.

День.

Редакция.

Стол мисс Таунсенд — нового редактора светских новостей. Это пожилая старая дева. К ее столу прикреплена дощечка, на ней надпись: «Редактор светских новостей».

У стола стоят загорелый, в превосходном заграничном костюме Кейн и мрачный Бернштейн.

Кейн. Извините меня. Вы мисс Таунсенд, не так ли? Ну, а я Чарлз Фостер Кейн.

От волнения мисс Таунсенд чуть не падает в обморок.

Кейн. Я отсутствовал несколько месяцев и, естественно, не знаю ваших порядков, но хотел бы, чтобы вы отнесли к этому маленькому объявлению несколько иначе, чем к любому другому.

Протягивает ей конверт и похлопывает Бернштейна по спине.

Кейн. Что же касается нового метода производства типографской краски... вам придется извинить меня, мистер Бернштейн. Очаровательная молодая леди ждет меня внизу.

Уходит в прекрасном настроении.

Мисс Таунсенд (*читает дрожащим голосом*). «Мистер и миссис Томас Монро Нортон объявляют о помолвке своей дочери Эмили Монро Нортон с мистером Чарлзом Фостером Кейном».

Бернштейн вырывает у нее листок.

Мисс Таунсенд (*возбужденно*). Она... это племянница... президента Соединенных Штатов... мистер Бернштейн.

Бернштейн. Хорошо, хорошо... Послушайте, мисс Таунсенд, его ожидает очаровательная молодая леди. Может быть, нам удастся увидеть ее из окна.

Открытое окно. Бернштейн и мисс Таунсенд подбегают к нему.

Улица перед зданием «Инквайрера».

(Снято сверху.) Кейн садится в элегантное ландо, которое стояло у тротуара. В ландо Эмили Нортон. Она улыбается ему. Кейн целует ее в губы. Эмили делает вид, что смущена, но это лишь для того, чтобы люди кругом видели ее скромность. На самом деле она не сердится.

У окна Бернштейн и мисс Таунсенд.

Бернштейн. Такая девушка, поверьте мне, принесет удачу!.. Племянница президента, ух!.. Он не остановится на этом... Она будет женой президента!

Первая полоса газеты «Инквайрер».

Большая фотография молодоженов Кейна и Эмили занимает четыре колонки. У них очень счастливый вид..

1940 год.

Кабинет Бернштейна в редакции «Инквайрера». В комнате Бернштейн и Томпсон.

Бернштейн. Как известно, об этом можно даже не говорить вам... Мисс Нортон не была розовым бутонем!

Томпсон. Этот брак кончился не совсем хорошо, не правда ли?

Бернштейн. Счастью скоро пришел конец... Потом была Сюзи. И этому тоже пришел конец. *(Пожимает плечами. Пауза.)* Я догадываюсь, что и она не была с ним очень счастлива... Знаете ли, я думаю... что розовый бутон, о котором вы пытаетесь разузнать...

Томпсон. Да?..

Бернштейн. Может быть, это было то, что он потерял. Мистер Кейн был человеком, который потерял... почти все, что имел. Вам надо поговорить с мистером Лилндом. Он мог бы рассказать вам многое... Больше, чем я... Хотел бы я знать, где он теперь?.. *(Медленно.)* Может быть, даже... очень давно никто мне ничего не говорил о нем... возможно, его уже нет в живых.

Томпсон. Если вы хотите знать, мистер Бернштейн, он в Хептингтоне, в Мемориальном госпитале на 180-й улице.

Бернштейн. Не может быть! Я не имел понятия.

Томпсон. Мне сказали, что он ничем не болен. Только...

Бернштейн. Только старость. *(Печально улыбается.)* Это единственная болезнь, мистер Томпсон, которая неизлечима!

1940 год.

День.

Крыша госпиталя.

На стуле, прислонившись спиной к трубе, сидит Томпсон. Прежде чем зритель увидит Лилэнда, несколько мгновений он слышит только его голос.

Голос Лилэнда. Когда вы доживете до моего возраста, молодой человек, вам не захочется ни от чего отказываться... Даже если это будет только хорошая порция бургундского... А если вы при этом вспомните, что в этой стране уже в течение двадцати лет нет хорошего бургундского, просто не придавайте этому значения!

Камера отъезжает, и мы видим Лилэнда. Закутанный в одеяло, он сидит в больничном кресле и разговаривает с Томпсоном.

Томпсон. Мистер Лилэнд, вы были...

Лилэнд. Может быть, случайно, у вас найдется сигара? Меня лечит молодой врач... не забыть попросить его показать мне диплом... ставлю сто против одного, что у него вообще его нет... Мой врач считает, что я должен прекратить курение... Но я отвлекся от темы нашего разговора, не так ли?.. Боже мой, боже мой! Каким противным стариком я стал... Вы хотите знать, что я думаю о Чарлзе Кейне... Ну... Я считаю, что в своем роде это был великий человек! Но он не афишировал этого. *(Усмехаясь.)* Он никогда не говорил о себе... Он никого не посвящал в свои тайны. Он лишь... намекал на них. Он был человеком обширного ума... Я не знаю человека, который высказывал бы более противоречивые мнения... Возможно, это происходило потому, что в его руках была власть и он мог выражать их не стесняясь... Чарли жил сознанием своего могущества и был всегда опьянен им... Но он ни во что не верил, кроме как в Чарли Кейна! В течение всей своей жизни у него не было другой веры, кроме веры в Чарли Кейна... Я думаю, что он и умер без веры во что-либо другое... Наверное, это очень тяжело... Конечно, большинство из нас приходит к своему концу, не имея особых взглядов даже по вопросу о смерти, но мы хоть знаем, что именно мы оставляем на земле... мы верим во что-то... *(Бросает испытующий взгляд на Томпсона.)* Вы абсолютно уверены, что у вас нет сигары?

Томпсон. К сожалению, нет, мистер Лилэнд.

Лилэнд. Ну, ладно! Бернштейн рассказал вам о первых днях работы в редакции, не так ли? Видите ли, Чарли даже тогда был плохим газетчиком. Он развлекал своих читателей, но никогда не говорил им правды.

Томпсон. Может быть, вам удастся что-нибудь вспомнить...

Лилэнд. Я все помню... Это мое проклятье, молодой человек. Это самое большое проклятье, которому подвержено человечество. Память... Я был его самым старинным другом. *(Медленно.)* В отношении меня он поступил по-свински. Может быть, я не был ему другом?! В таком случае он никогда не имел друзей. Может быть, я был только, как вы теперь называете, приятелем...

1895 год.

Вечер.

Редакция «Инквайрера».

Банкет. Рядом за столом сидят Лилэнд и Бернштейн.

Голос Кейна. Надеюсь, вы, конечно, не думаете, что я сдержу хоть одно из своих обещаний... не так ли, мистер Бернштейн?.. *(Все громко смеются.)* А вы, мистер Лилэнд?

Лилэнд. Конечно, нет.

Смех и аплодисменты.

Кейн. А теперь, джентльмены, прошу вашего внимания.

Заложив два пальца в рот, Кейн свистит. Это сигнал. Начинает играть оркестр. Появляется целый отряд хорошеньких девушек.

Бернштейн. Ну, разве это не замечательно?.. Такой банкет!

Лилэнд. Да.

Бернштейн *(Лилэнду)*. В чем дело?

Лилэнд. ...Мистер Бернштейн, эти люди, которые теперь пришли в «Инквайрер»... они до вчерашнего дня работали в «Кроникл»... они были преданы такой газете, как «Кроникл». А теперь они будут так же преданы нашей газете?..

Бернштейн. Конечно. Они будут, как и все. Они должны работать. Вот они и работают. *(Гордо.)* Только они самые лучшие работники.

Лилэнд *(спустя несколько мгновений)*. Разве мы намерены проводить ту же политику, что и «Кроникл», мистер Бернштейн?

Бернштейн *(с негодованием)*. Конечно, нет. Этого не может быть. Мистер Кейн за неделю сделает из них таких репортеров, какие нужны ему.

Лилэнд. А может случиться, что они заставят измениться мистера Кейна... И при этом без его ведома.

Кейн подходит к Лилэнду и Бернштейну. Садится рядом с ними и закуривает.

Кейн. Ну что ж, джентльмены, мы собираемся объявлять войну Испании?

Лилэнд. «Инквайрер» уже объявил.

Кейн *(с энтузиазмом)*. Мы напишем об этом так же, как «Хиквилльская газета» описывает церковное собрание! Имена всех участников, как они одеты, что они едят, кто получил награды, кто эти награды выдавал... *(Возбуждаясь еще больше.)* Я говорю тебе, Джед, я тебе завидую. *(Раздельно.)* От специального военного корреспондента «Инквайрера» Джеда Лилэнда... У меня большое искушение...

Лилэнд. Но никакого же фронта нет, Чарли. Всего-навсего гражданская война — и то очень сомнительная. Кроме того, я вообще против такой работы.

Кейн. Хорошо, Джед, хорошо... Ты можешь и не быть военным корреспондентом, если не хочешь... Но я бы на твоём месте согласился. *(Поднимает глаза.)* Хэлло, Джорджи.

Подходит Джорджи — очень красивая дама. Наклонившись к Кейну, она что-то тихо говорит ему на ухо.

Джорджи. Хэлло, Чарли. Все ли так, дорогой, как ты хочешь?

Кейн (*осматривая все вокруг*). Если всем весело — это как раз то, что мне и нужно.

Джорджи. Приехали еще несколько девочек.

Лилэнд (*перебивая*). Чарлз, я говорю тебе, что никакой войны нет!.. Есть одно обстоятельство, которое необходимо изменить... но между этим и...

Кейн (*серьезно*). Хорош был бы «Инквайер» без информации об этой несуществующей войне... когда Пулитцер и Херст ежедневно посвящают ей по двадцать столбцов.

Лилэнд. Они подражают тебе.

Кейн (*усмехаясь*). Я делаю это потому, что они это делают, а они это делают... порочный круг, не так ли? (*Встает.*) Я иду к девочкам, Джорджи. Джек... ты знаком с Джорджи, а?

Лилэнд кивает головой.

Джорджи (*перебивая Кейна*). Рада видеть вас, Джек.

Лилэнд вздрагивает.

Кейн. Я говорил вам о Джеде, Джорджи. Ему необходимо развлечься. (*Лилэнду.*) Джорджи знает одну молодую леди, которая, я уверен, сведет тебя с ума... Не так ли, Джорджи? Как-то недавно вечером я сказал себе: если бы Джек только был здесь и увидел эту молодую леди, она бы покорила его сердце... это... (*Щелкает пальцами.*) Опять забыл, как ее зовут?

1895 год.

Ночь.

Квартира Джорджи. Джорджи знакомит Лилэнда с молодой девушкой. Слышны звуки рояля.

Джорджи. Этель... Этот джентльмен очень хотел познакомиться с вами... Мистер Лилэнд, это Этель.

Этель. Хэлло, мистер Лилэнд.

Камера панорамирует до Кейна, который сидит за пианино, окруженный девушками.

Одна из девушек. Чарли! Сыграйте песенку о себе.

Другая девушка. Разве есть песенка о Чарли?

Кейн. Стоит вам купить мешочек земляных орехов в этом городе — и о вас сейчас же сочинят песенку.

Запеваает песенку: «О! Мистер Кейн», — аккомпанирует себе. Девушки вторят ему. Этель и Лилэнд подходят к группе. У Лилэнда кислый вид. Кейн замечает настроение Лилэнда и делает знак профессору, который стоит рядом, чтобы тот сменил его. Профессор садится за рояль. Пение продолжается. Кейн подходит к Лилэнду.

Кейн. Послушай, Джек. *(Отводит его в сторону.)* У меня есть идея.

Лилэнд. Да?

Кейн. Мне кажется, я нашел для тебя работу.

Лилэнд. Хорошо.

Кейн. Мне кажется, что события на Кубе «Инквайрер» освещает очень односторонне... это объясняется моим пристрастием к войне и прочее. Что ты скажешь, если я предложу тебе ежедневно писать статейку... в которой ты будешь высказывать свои мысли... *(Спокойно.)* Точно так же, как ты выражаешь их мне.

Лилэнд. Ты это серьезно?

Кейн молча кивает головой.

Лилэнд. Это мне подойдет. И никакого редактирования моих статей не будет?

Кейн. Не-ет.

Трудно понять, что он хотел этим сказать.

Лилэнд продолжает смотреть на него. В его взгляде восхищение и замешательство. Он знает, что ему никогда не удастся понять этого загадочного человека.

Кейн. Мы поговорим еще об этом за обедом, завтра вечером. У нас впереди еще десять вечеров до моего отъезда... Ты знаешь, что Ричард Карл открывает сезон в «Весенних цыплятах»? Я приведу для нас несколько девушек. Ты достанешь билеты. Театральный критик должен получить их бесплатно... Итак, обедаем у Ректора в семь?

Лилэнд. Чарли...

Кейн. Да?

Лилэнд *(все еще улыбаясь)*. Хотя это меня и не касается, но в ближайшие дни ты и сам убедишься, что одного твоего обаяния еще недостаточно...

Кейн. Ты ошибаешься: тебя это также коснется... Итак, у Ректора. Джек?.. Подумай об этом, но я не в претензии на тебя за то, что ты не хочешь быть военным корреспондентом. Ты ничего не потеряешь. Это еще не настоящая война. Кроме того, мне говорили, что на всем острове нет ни одного порядочного ресторана.

1899 год.

День.

Кабинет Кейна.

Бернштейн. Каблограмма от мистера Кейна... Мистер Лилэнд, почему вы не поехали с ним в Европу? Он этого хотел.

Лилэнд. Я хотел, чтобы он развлекся... а со мной...

Не понимая, Бернштейн смотрит на него.

Лилэнд. Мистер Бернштейн, разрешите задать вам несколько вопросов... Только отвечайте правду!

Бернштейн. А разве я не всегда говорю правду? По крайней мере в большинстве случаев?

Лилэнд. Мистер Бернштейн, разве я накрахмаленное чучело? Разве я лицемер с лошадиной мордой? Разве я синий чулок из новой Англии?

Бернштейн. Да!

Лилэнд удивлен.

Бернштейн. Если вы думали, что я отвечаю вам иначе, чем вам ответил бы мистер Кейн... вы ошиблись. *(Пауза, во время которой Бернштейн осматривает комнату.)* Мистер Лилэнд, хорошо, что он обещал не присылать нам этих статей!

Лилэнд. Мне кажется, вы плохой ценитель скульптуры, мистер Бернштейн. Это один из редчайших экземпляров Венеры.

Бернштейн *(тщательно рассматривая статую)*. Не такой редкий, как вы думаете, мистер Лилэнд. *(Передает ему листок.)* Вот каблограмма от мистера Кейна.

Лилэнд берет ее и, улыбаясь, читает.

Бернштейн *(заглядывая в каблограмму)*. Там он не только статуи коллекционирует.

Лилэнд *(читает каблограмму)*. «Дорогой мистер Бернштейн, пожалуйста, немедленно телеграфируйте адрес лучшего маклера алмазов в Париже. Мой близкий друг испанский гранд желает приобрести самый большой из имеющихся в мире бриллиантов. Привет всем».

Женская рука. Элегантное обручальное кольцо с огромным бриллиантом скользит по пальцу.

Камера отъезжает, и мы видим Кейна и Эмили. Они обнимаются.

Первая страница «Инквайрера».

Большой портрет молодоженов Кейна и Эмили заполняет четыре колонки. У них счастливый вид.

Газета.

Фото свадьбы Кейна и Эмили. Фотография группы перед Белым домом. Кадры хроники.

1940 год.

Крыша госпиталя.

Лилэнд и Томпсон.

Лилэнд. Я вместе с ней ходил в школу танцев.

Томпсон. Как она выглядела?

Лилэнд. Она ничем не отличалась от других девушек, которых я встречал в школе танцев... Это были славные девушки... Эмили была не-

много милее других... Она делала все, что от нее зависело... Чарли также делал все, что мог... Но все же после первых двух месяцев брака они уже стали встречаться почти исключительно за завтраком. Этот брак был похож на все обычные браки.

Следующие кадры охватывают девятилетний период... Кейн и Эмили сняты во время завтраков, меняются только освещение и костюмы.

1901 год.

Дом Кейна.

Маленькая столовая.

Комната залита солнцем, масса цветов, красивая обстановка. Кейн и Эмили сидят и завтракают.

Эмили. Сегодня мы обедаем рано, Чарлз.

Кейн. Боюсь, что я не успею, дорогая.

Эмили. Чарлз, ты знал об этом уже неделю.

Кейн пожимает плечами.

1902 год.

Та же комната.

Кейн и Эмили за тем же столом, только в других костюмах. Несколько иначе сервирован и стол.

Перед Кейном грудa писем.

Кейн. Я постараюсь присоединиться к вам попозже. Сегодня ты идешь к Боардмэнам?..

Эмили. Думаю, что да. Хотя мне и не хотелось бы... Знаешь, это становится уже неудобным!

Кейн. Не слишком ли много внимания ты обращаешь на этих дураков, а?

Эмили пожимает плечами.

1905 год.

В той же комнате завтракают Кейн и Эмили. Эмили в выходном костюме.

Эмили. Чарлз, некоторые люди не желают иметь «Инквайрер» в своих домах... Маргарет Инглиш говорила мне, что на собрании, которое состоится на следующей неделе, будет вынесено решение о запрещении «Инквайрера» для читальни... Она говорит, что уже более сорока человек дали на это свое согласие.

Кейн. Замечательно. Мистер Бернштейн будет в восторге. Видишь ли, Эмили, когда запрещают газету, это значит, что тем самым мы избавляемся от лишних бесплатных подписчиков. Богатые считают делом чести не платить газетчику.

Эмили пожимает плечами.

1906 год.

День.

За столом Кейн и Эмили. Они завтракают. На них другие костюмы; другая сервировка стола.

Эмили. В разговоре с нашим сыном твой мистер Бернштейн употребил вчера невероятно грубое выражение. Я не могу этого допустить в детской.

Кейн. Мистер Бернштейн будет продолжать заходить в детскую.

Эмили. Разве это необходимо?

Кейн (*коротко*). Да.

1907 год.

День.

За столом Кейн и Эмили. Завтракают. Все то же, только опять другие костюмы и сервировка.

Эмили. Вчера вечером ты сделал себя посмешищем. А значит, и меня!

Кейн (*холодно*). Не думаю.

Эмили. Неприятно быть одной из тех женщин, которые с мужем появляются в обществе раз в три месяца... И если ты думаешь, что на приеме у Хардингов допустимо было продемонстрировать твои трюки для увеселения гостей... подражать уткам и петухам... двигать ушами... все подумали, что ты был пьян.

Кейн. Мое преимущество в том, что я не думал, будто они пьяны... Я знал, что они пьяны!

Эмили. В самом деле, Чарлз, имеют же право люди ждать от тебя...

Кейн. Только то, что я захочу дать им.

1909 год.

За столом Кейн и Эмили.

В комнате ничего не изменилось, лишь на них другие костюмы.

Оба молчат... читают газеты. Кейн читает свой «Инквайер», Эмили — «Кроникл».

1940 год.

Крыша госпиталя.

Лилэнд и Томпсон.

Лилэнд. Я всегда думал, что он женился на ней без всяких расчетов. Конечно, само собой подразумевалось, что кандидату на пост президента полагается иметь семью. Вам кажется это очень грубо?

Томпсон. Не то чтобы грубо...

Лилэнд. Чарли и не был никогда грубым. Он лишь иногда поступал очень жестоко.

Томпсон. Разве он никогда не был в нее влюблен?

Лилэнд. Он женился для любви... (*С усмешкой.*) Так он всегда делал! Поэтому и занялся политикой. Ему было недостаточно нашей любви.

Он хотел, чтобы избиратели его тоже любили... Чего он действительно хотел от жизни — это любви... Такова история Чарли... история о том, как он потерял любовь... Видите ли, ему просто некого было любить. Конечно, он любил Чарли Кейна — и очень нежно... и свою мать; я думаю, что он любил ее всегда!

Томпсон. А свою вторую жену?

Лилэнд. Сьюзен Александер?.. (С усмешкой.) Вы знаете, как Чарли называл ее?.. На следующий день после того, как он ее встретил, он рассказал мне о ней... он сказал, что она типичная средняя американка... Мне кажется, он не смог ее переделать... но в ней было нечто такое, что его привлекало. (С улыбкой.) В первую ночь, если верить Чарли... у нее только болели зубы.

1909 год.

Вечер.

Аптека на углу улицы в западной части Нью-Йорка.

Из аптеки выходит Сьюзен. Ей двадцать два года. На ней дешевый, но опрятный костюм. Лицо ее выражает страдание — у нее нестерпимая зубная боль. У щеки она держит мужской носовой платок.

Рядом с тротуаром быстро проезжает экипаж.

Сьюзен идет, ничего не видя перед собой, шатаясь от боли. Наталкивается на Кейна, который стоит у края тротуара. Он очень элегантно одет, но костюм его забрызган грязью. Сьюзен поднимает на него глаза и внезапно улыбается... Идет дальше, затем оборачивается, смотрит на него и громко хохочет.

Кейн (покраснев). Ничего нет смешного!..

Сьюзен. Простите, мистер!.. Но вы действительно выглядите очень смешно. (Внезапно она хватается рукой за щеку.) Ох!

Кейн. Что с вами?

Сьюзен. Болит зуб.

Кейн. Хм! (Носовым платком он начинает чистить костюм.)

Сьюзен. У вас и лицо в грязи. (Хохочет.)

Кейн. А что же в этом смешного?

Сьюзен. Вы смешной. (Острая боль заставляет ее вскрикнуть.) Ох!

Кейн. Ага!

Сьюзен. Если хотите, зайдите ко мне и вымойте лицо... Я могу дать вам горячей воды и щетку, чтобы вы почистили свои брюки.

Кейн. Благодарю.

Идет за Сьюзен.

Поздний вечер.

Комната Сьюзен.

Кейн стоя ждет ее. Входит Сьюзен. В руках у нее таз, на плече полотенце. Дверь она оставляет открытой.

Сьюзен (*объясняя*). Когда у меня в гостях мужчина, хозяйка предпочитает, чтобы дверь была открыта. Она очень приличная женщина. (*Делает гримасу.*) Ох!

Кейн подбегает к ней, берет таз, ставит его на тумбочку. Задевает фотografiю, которая там стоит. Та падает, но Сьюзен успевает подхватить карточку.

Сьюзен. Поосторожней!.. Это мои мама и папа.

Кейн. Простите. Они тоже здесь живут?

Сьюзен. Нет. Они умерли.

Хватается рукой за щеку.

Кейн. Бедняжка, вам очень больно?

Сьюзен больше не в силах сдерживаться, она опускается в кресло и тихонько стонет.

Кейн. Посмотрите на меня!

Девушка смотрит на него.

Кейн. Почему вы не смеетесь? Я такой же смешной, каким был на улице!

Сьюзен. Да... но вам ведь не нравится, что я смеюсь над вами?!

Кейн. Мне не нравится, что у вас болит зуб!

Сьюзен. Тут уж я ничего не могу поделать...

Кейн. Ну, тогда смейтесь надо мной.

Сьюзен. Не могу... Что вы делаете?

Кейн. Двигаю ушами. (*Двигает ушами.*) Я потратил целых два года, чтобы научиться этому трюку в лучшем мужском колледже в мире!.. Парень, научивший меня этому, сейчас президент Венесуэлы.

Снова двигает ушами. Сьюзен начинает улыбаться.

Кейн. Вот так, хорошо!

Сьюзен весело улыбается... затем начинает хохотать.

Вечер.

Комната Сьюзен.

Тень утки на стене.

Камера отъезжает, и мы видим, что это Кейн пальцами делает на стене тень. Он в рубашке, пиджак его висит на стуле.

Сьюзен (*нерешительно*). Цыпленок?

Кейн. Нет... Но вы почти угадали.

Сьюзен. Петух?

Кейн. Теперь вы уже дальше от истины. Это утка!

Сьюзен. Утка?.. Вы профессиональный фокусник?

Кейн. Нет. Я уже говорил вам. Меня зовут Кейн — Чарлз Фостер Кейн.

Сьюзен. Знаю... Чарлз Фостер Кейн. Ух... Я совершенная невежда, и, мне кажется, вы этим пользуетесь...

Кейн. Вы на самом деле не знаете, кто я?

Сьюзен. Не знаю... То есть ручаюсь, что ваше имя я слышала миллион раз... только знаете, как это бывает...

Кейн. Но я вам нравлюсь, правда? Хотя вы и не знаете, кто я?

Сьюзен. Вы — замечательный! Я не могу даже выразить, как я счастлива, что вы здесь, — у меня так мало знакомых... *(Замолкает.)*

Кейн. А у меня их слишком много. Очевидно, мы оба одиноки. *(Улыбается.)* Хотите знать, куда я шел сегодня вечером... когда вы налетели на меня и когда был испорчен мой праздничный костюм?

Сьюзен. Я вовсе не налетала на вас... и держу пари, что у вас это не единственный праздничный костюм. У вас, наверное, куча костюмов.

Кейн. Шучу... *(Пауза.)* Я направлялся на склады Западного Манхэттена... я искал свою юность.

Пораженная Сьюзен смотрит на него.

Кейн. Видите ли, моя мать также умерла... Уже давно. Ее вещи были отправлены на склад в Западном Манхэттене... в то время мне было их некуда деть. Впрочем, так же как и сейчас... Но, несмотря на это, я послал за ними... И вот сегодня вечером я решил предпринять это до некоторой степени сентиментальное путешествие... и теперь...

Не закончив фразы, Кейн смотрит на Сьюзен. В комнате воцаряется молчание.

Кейн. Кто я?.. Давайте разберемся. Чарлз Фостер Кейн родился в Нью-Салеме, в Колорадо, в тысяча восемьсот шестьдесят...

На слове «шестьдесят» останавливается в замешательстве.

Кейн. Я издаю газеты... Ну, а о себе что вы скажете?

Сьюзен. О себе?

Кейн. Сколько, вы сказали, вам лет?

Сьюзен *(весело)*. Я ничего не говорила об этом...

Кейн. А я и не думал, что вы говорили... Если бы вы сказали, я не спрашивал бы вас опять, потому что я бы это запомнил. Итак, сколько же вам лет?

Сьюзен. Совсем старушка! В августе мне исполнится двадцать два года.

Кейн. Солидный возраст... Чем вы занимаетесь?

Сьюзен. Работаю у Сэлигмана.

Кейн. И вы хотите заниматься именно этим?

Сьюзен. Нет... Я хотела быть певицей... Собственно, не я хочу, а мама хотела, чтобы я стала певицей.

Кейн. Ну и как же обстоят дела с пением? Вы не выступаете?

Сьюзен. О нет! Ничего даже похожего! Мама всегда думала... она много говорила о Гранд Опера... Только подумайте... Во всяком случае, мой голос не годится для этого. Он просто... но вы же знаете, как матери всегда...

Кейн. Да...

Сьюзен. Сказать по правде, я немного пою.

Кейн. Не споете ли вы для меня?

Сьюзен. О, вам не понравится мое пение.

Кейн. Нет, почему же?.. Понравится!.. Знаю, что понравится! Поэтому и прошу вас.

Сьюзен. Но я...

Кейн. Пожалуйста, не сваливайте на зубную боль.

Сьюзен. О нет, она прошла.

Кейн. Тогда нет никаких отговорок... Пожалуйста, спойте!

Слегка жеманясь, Сьюзен подходит к пианино и поет простую песенку. Поет она довольно мелодично. У нее небольшой необработанный, но приятный голосок. Кейн слушает... Он растроган... Он доволен всем миром.

Смена кадров.

Заголовок в газете «Инквайрер»:

«Капиталист Роджерс поддерживает демократического кандидата»

Новый заголовок в другом номере «Инквайрера»:

«Капиталист Роджерс поддерживает республиканского кандидата»

Еще один номер «Инквайрера». Последняя страница. Карикатура на четыре колонки. На ней изображен капиталист Роджерс в арестантском костюме, в каждой руке он держит на веревочке по маленькой марионетке. Под фигурками подписи: под одной — «Демократический кандидат», под другой — «Республиканский кандидат».

Камера панорамирует от номера газеты к плакату с текстом:

«Жители Нью-Йорка, посадите этого человека в тюрьму».

Крупная подпись:

«Чарлз Форстер Кейн»

Между заголовком и подписью Кейна на плакате малоинтересный текст о влиянии отдельных капиталистов на выборы.

1910 год.

Мэдисон Сквер Гарден.

Последний вечер накануне выборов. Эмили с сыном сидит в ложе. У Эмили измученный вид, хотя она и старается улыбаться.

Сыну уже девять с половиной лет. Мальчик возбужден, полон страстного нетерпения, глаза у него горят. Кейн на трибуне заканчивает свою предвыборную речь.

Кейн. Ни для кого не тайна, что я принял участие в этой кампании, не рассчитывая быть избранным губернатором нашего штата! Не секрет,

что у меня была только одна цель. Я хочу обнародовать так широко, как только смогу, факты о влиянии на дела нашего штата капиталиста Эдварда Г. Роджерса... о его влиянии на все ресурсы штата, на доходы штата... даже на жизнь и смерть граждан. Сейчас уже не секрет, что каждый избиратель, каждый независимый избирательный участок готов избрать меня. Поэтому я заявляю, как только я стану губернатором, первым моим официальным распоряжением будет назначение специального прокурора, который предъявит обвинение капиталисту Эдварду Г. Роджерсу, будет вести расследование и вынесет ему приговор.

Бурные крики и приветствия собравшихся.

Ораторская трибуна. На ней Кейн, окруженный многочисленными должностными лицами и представителями общественных организаций. Фотографы снимают его при вспышках магния.

Первый представитель. Великолепная речь, мистер Кейн!

Второй представитель (*напыщенно*). Одна из наиболее выдающихся речей, когда-либо произнесенных кандидатами этого штата.

Кейн. Благодарю вас, джентльмены!.. Благодарю вас...

Замечает, что ложа, в которой сидела Эмили с сыном, — пуста. Уходит с трибуны.

Идет, пробираясь сквозь толпу. К нему подходит Хиллмэн.

Хиллмэн. Замечательная речь, мистер Кейн.

Кейн похлопывает его по плечу. Дальше они идут вместе.

Хиллмэн. Если бы выборы происходили сегодня, вы были бы избраны сотней тысяч голосов... Никогда еще не было ничего подобного при выборах кандидата независимых!

Видно, что Кейн очень доволен. Вместе с Хиллмэном он продолжает медленно пробираться сквозь толпу. Играет оркестр.

Кейн. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Хиллмэн. Роджерс даже не притворяется. Он боится уже не только провала... Он болен. Фрэнк Норрис сказал мне вчера вечером, что ни разу за двадцать пять лет он не видел Роджерса таким удрученным.

Кейн. Я думаю, мистер Роджерс начинает понимать, что я не трачу слов попусту. Если мы уберем с нашего пути Роджерса, тогда, я думаю, Хиллмэн, мы сможем надеяться, что в этом штате будет действительно хорошее правление.

Первый доброжелатель. Великолепная речь, мистер Кейн!

Второй доброжелатель. Замечательно, мистер Кейн!

Изъявления восторга со стороны других доброжелателей.

Вход в Мэдисон Сквер Гарден.

Возле одного из подъездов Эмили с сыном ждут Кейна.

Говард. Папа уже губернатор, мама?

Появляется Кейн с Хиллмэном. Он окружен избирателями.

Увидев Эмили и сына, быстро подходит к ним. Мужчины вежливо приветствуют Эмили.

Кейн. Хэлло, сынок! Как тебе понравилась речь твоего старика?

Говард. Я был в ложе, отец... Я слышал каждое твое слово.

Кейн. И я видел тебя... Спокойной ночи, джентльмены.

Прощаются. У тротуара стоит автомобиль Кейна.

С сыном и Эмили Кейн идет к машине.

Эмили. Я пошла Говарда домой в автомобиле, Чарлз... с Оливером.

Кейн. Но я собирался ехать с вами домой...

Эмили. Я хочу, Чарлз, чтобы ты зашел со мной в одно место.

Кейн. Это не к спеху.

Эмили. Нет, это очень спешно. *(Целует Говарда.)* Спокойной ночи, дорогой.

Говард. Спокойной ночи, мама.

Кейн *(когда автомобиль отъезжает)*. Эмили, в чем дело? У меня был очень тяжелый день и...

Эмили. Может быть, все окажется пустяками. *(Направляется к экипажу, стоящему у тротуара.)* Я намерена выяснить это.

Кейн. Я настаиваю, чтобы ты мне толком объяснила, чего ты хочешь.

Эмили. Я еду... *(Смотрит на клочок бумаги.)* На семьдесят четвертую улицу, Вест сто восемьдесят пять.

По выражению лица Кейна ясно, что этот адрес ему известен.

Эмили. Если хочешь, можешь поехать со мной...

Кейн *(утвердительно кивает)*. Я поеду с тобой.

Открывает дверцу экипажа. Эмили садится. Он следует за ней.

В экипаже. Кейн смотрит на Эмили и старается понять ее намерения. Но ее лицо холодно и бесстрастно.

У входной двери квартиры Сьюзен стоят Кейн и Эмили, Эмили звонит.

Кейн. Никогда не думал, Эмили, что у тебя такая склонность к мелодрамам.

Эмили не отвечает. Служанка открывает дверь. Узнает Кейна.

Служанка. Входите, мистер Кейн, входите.

Пропускает в квартиру Кейна и Эмили.

Квартира Сьюзен. Гостиная. При входе Кейна и Эмили Сьюзен быстро встает с кресла.

Кроме нее в комнате оказывается высокий, широкоплечий мужчина, немало старше сорока лет... Он так и остается сидеть, развалившись в кресле. Пристально смотрит на Кейна.

Сьюзен. Я не виновата, Чарли... Это он заставил меня послать твоей жене записку... Он сказал, что я должна... о, он говорил такие ужасные вещи... я не знала, что делать... Я... *(Замолкает.)*

Роджерс. Добрый вечер, мистер Кейн. *(Поднимается.)* Я думаю, нас нечем знакомить... Миссис Кейн — я Эдвард Роджерс.

Эмили. Здравствуйте.

Роджерс. Я заставил мисс... мисс Александер послать вам записку. Вначале она не хотела... *(Мрачно улыбается.)* Но все же я заставил ее это сделать.

Сьюзен. Я даже не могу рассказать тебе, что он говорил, Чарли... Ты не можешь себе представить...

Кейн *(поворачиваясь к Роджерсу)*. Роджерс, кажется, я не буду откладывать своих намерений в отношении вас до момента моего избрания. *(Идет к нему.)* Я, очевидно, начну с того, что сейчас же сверну вам шею.

Роджерс *(не двигаясь)*. Может быть, вам удастся это сделать, а может быть, и нет, мистер Кейн!

Эмили. Чарлз!

Остановившись, Кейн смотрит на нее.

Эмили. Ты... ты собираешься сломать шею этому человеку?.. *(На ее лице ясно видно отвращение.)* Но это едва ли объяснит записку... *(Читает.)* ...«Серьезные последствия для мистера Кейна...». *(Поднимает глаза и говорит медленно.)* И даже для меня и моего сына... Что означает эта записка, мисс?

Сьюзен *(натянуто)*. Я Сьюзен Александер. *(Пауза.)* Я знаю, что вы думаете, миссис Кейн, но...

Эмили *(игнорируя ее слова)*. Что означает эта записка, мисс Александер?

Сьюзен. Дело было так, миссис Кейн. Я учусь пению... Я всегда хотела стать оперной певицей... и так случилось, что мистер Кейн... Я хочу сказать, что он помогает мне...

Эмили. Что означает эта записка, мисс Александер?

Роджерс. Она не знает, миссис Кейн... Она только написала и отправила ее... потому что я ее заставил понять, что ей будет плохо, если она не пошлет этой записки.

Кейн. Если ты не знаешь, Эмили, этот... этот джентльмен является...

Роджерс. Я вовсе не джентльмен, миссис Кейн, и ваш муж просто смешон, называя меня так. Я, собственно, даже не знаю, каким должен быть джентльмен... Видите ли, мое представление о джентльмене, миссис Кейн... ну, скажем, если бы у меня была газета или если бы я порицал чей-нибудь образ действий, допустим, какого-нибудь политика... я бы боролся с ним всеми доступными мне средствами... Но я бы не изображал

его в полосатом костюме каторжника, зная, что этот портрет в газете могут увидеть его дети или его мать...

Эмили. О!!

Кейн. Вы мелкий преступник... взяточник... и ваша забота о детях и вашей матери...

Роджерс. Говорите что угодно, мистер Кейн... Но сейчас речь идет не обо мне, а о том, что собой представляете вы... Вот для чего была послана записка, миссис Кейн... Я готов открыть все свои карты. Я борюсь за свою жизнь. Не за свою политическую жизнь, а именно за жизнь в буквальном смысле. Ведь если ваш муж будет избран губернатором...

Кейн. И я буду избран губернатором! И первое, что я сделаю...

Эмили. Дай ему кончить, Чарлз.

Роджерс. Я защищаюсь, как умею, миссис Кейн. На прошлой неделе я, наконец, узнал, как можно помешать избранию вашего мужа. Если избиратели этого штата узнают то, что мне удалось узнать на прошлой неделе, у Кейна не будет ни одного шанса... Его не выберут даже собак ловить...

Кейн. Вы не смеете меня шантажировать, Роджерс... Вы не смеете...

Сьюзен (взволнованно). Чарли, он сказал, что если ты не откажешься от участия...

Роджерс. Я как раз хочу предоставить вам эту возможность, мистер Кейн! Вы бы меня прижали куда крепче... Если завтра же вы не объявите, что вы так больны, что вам необходимо уехать на год или на два... то в понедельник утром все газеты штата, за исключением, конечно, ваших... напечатают сведения, которые я им собираюсь сообщить...

Эмили. Какие сведения, мистер Роджерс?

Роджерс. Это сведения о нем и мисс Александер, миссис Кейн.

Эмили пристально смотрит на Кейна.

Сьюзен. Между нами ничего не было!.. Все это ложь!.. Мистер Кейн просто...

Роджерс (Сьюзен). Замолчите! (Кейну.) Мы располагаем уликами, которые могут фигурировать в любом суде. Вы хотите, чтобы я представил вам эти улики, мистер Кейн?

Кейн. Делайте что хотите!

Роджерс. Миссис Кейн, я не прошу вас верить мне на слово. Я хочу доказать вам...

Эмили. Я верю вам, мистер Роджерс.

Роджерс. Я бы хотел, чтобы мистер Кейн снял свою кандидатуру до опубликования этих данных. Не потому, что я забочусь о нем... Просто мне было бы так удобнее... да и для вас тоже, миссис Кейн!

Сьюзен. А что будет со мной? (Кейну.) Он сказал, что мое имя сбьют грязью. Он сказал, что всюду, куда бы я теперь ни пришла...

Эмили. Мне кажется, ты можешь принять только одно решение, Чарлз. Я сказала бы, что у тебя остался только один выход...

Кейн. Ты окончательно сошла с ума, Эмили! Не думаешь ли ты, что я позволю этому шантажисту запугать меня?

Эмили. Я не вижу другого выхода, Чарлз. Если он говорит правду... и газеты опубликуют сведения, которыми он располагает...

Кейн. Конечно, они все опубликуют. Но я этого не боюсь... Неужели ты думаешь, что избиратели нашего штата...

Эмили. Сейчас меня интересуют не избиратели... Меня интересует, во-первых, сын...

Сьюзен. Чарли! Если все будет опубликовано...

Эмили. Они не опубликуют... Спокойной ночи, мистер Роджерс!.. Говорить больше не о чем. Ты едешь, Чарлз?

Кейн. Нет.

Эмили в упор смотрит на него.

Кейн приходит в бешенство.

Кейн. Только один человек во всем мире может решить, что должен делать я... и это я сам... И если ты думаешь или кто-нибудь из вас...

Эмили. Если ты уже решил, что тебе делать, Чарлз, — пойдём.

Кейн. Можешь идти... Уходи отсюда. Я могу бороться и один!

Роджерс. Не думал, что вы способны на такую глупость!.. Вы побеждены, мистер Кейн.

Кейн (*обращиваясь к нему*). Убирайтесь! Мне не о чем разговаривать с вами!.. Если вы хотите меня видеть, пусть Уорден напишет мне...

Роджерс кивает. Его взгляд ясно говорит: «Как вам угодно».

Сьюзен (*начинает плакать*). Чарли, ты просто взволнован... Ты не понимаешь...

Кейн. Я прекрасно понимаю, что делаю... (*Кричит.*) Вон!

Эмили (*спокойно*). Чарлз, ты не отдаешь себе отчета, потом будет слишком поздно...

Кейн. Что — слишком поздно?.. Слишком поздно, чтобы ты и этот... этот вор, обкрадывающий штат, могли отнять у меня любовь народа?.. Этого вам не удастся добиться! Говорю вам это. Не удастся!..

Сьюзен. Чарли, надо же подумать и о других. (*Ее глаза становятся хитрыми.*) Твой сын... ты же не хочешь, чтобы он прочел в газетах...

Эмили. Теперь уже поздно бороться, Чарлз.

Подбежав к двери, Кейн распахивает ее:

— Убирайтесь, вы оба!..

Сьюзен (*бросается к нему*). Чарли, пожалуйста, не надо...

Кейн. Что вам еще надо здесь? Почему вы не уходите?

Эмили. Доброй ночи, Чарлз.

Выходит. Роджерс останавливается перед Кейном.

Роджерс. Кейн, вы самый большой дурак, которого я когда-либо встречал... Если бы это касалось кого-нибудь другого, я бы сказал, что это будет ему хорошим уроком... Но вам одного урока мало. И вы получите их в достаточном количестве даже для вас...

Кейн. Не беспокойтесь обо мне! Я — Чарлз Фостер Кейн... Я не дешевый, продажный политик, который пытается спасти себя от разоблачения своих преступлений...

Вестибюль.

По лестнице спускаются Роджерс и Эмили. Наверху, в дверях, стоит Кейн.

Кейн (*громко кричит*). Я запрячу вас, Роджерс, в тюрьму, в Синг-Синг!

Он дрожит от ярости, потрясает вслед Роджерсу кулаками. Сьюзен несколько успокоилась; она прижалась к его плечу. Оба стоят в дверях и смотрят на уходящих.

Первая полоса газеты «Кроникл».

Фото Кейна и Сьюзен. Подробное описание их отношений.

1910 год.

Типография газеты «Инквайер».

Набор огромного заголовка, рядом гранки. Сзади лежит уже напечатанная первая полоса, но еще без заголовка.

Заголовок гласит:

«Кейн — губернатор»

У талера взволнованный Бернштейн стоит рядом с метранпажем Дженкинсом.

Бернштейн. Миллион голосов уже против него, а еще нет голосов самых враждебных графств... Боюсь, что пригодится только это...

Камера панорамирует по направлению его руки. Заголовок, набранный мелким шрифтом:

«Кейн потерпел поражение»

А рядом заголовок крупным шрифтом:

«Подложные избирательные списки»

Кабинет редакции «Инквайер». За столом сидит Кейн. Стук в дверь. Кейн поднимает глаза.

Кейн. Войдите.

Входит Лилэнд.

Кейн (*удивлен*). Мне показалось, что кто-то стучал.

Лилэнд (*навеселе*). Я стучал.

Вызывающе смотрит на Кейна. Тот старается все обратить в шутку.

Кейн. Официальный деловой визит? (*Приглашает жестом.*) Садитесь, мистер Лилэнд!

Лилэнд (*сядась, сердито*). Я пьян.

Кейн. Неплохо, давно пора...

Лилэнд. Нечего смеяться.

Кейн. Хорошо. Знаешь, что я сделаю?! Я тоже напьюсь...

Лилэнд (*обдумывая*). Нет... Это не поможет. Кроме того, ты никогда не бываешь пьян. (*Пауза.*) Я хочу поговорить с тобой... об... относительно... (*Не решается.*)

Несколько мгновений Кейн пристально смотрит на него.

Кейн. Если ты напился для того, чтобы говорить со мной о Сьюзен Александер... Мне это не интересно.

Лилэнд. Не в ней дело. Более важно другое.

Все так же пристально смотрит на Кейна. Тот как будто искренне удивлен.

Кейн. О! (*Встает.*) Откровенно говоря, я никогда не думал... что мне придется выслушивать от тебя поучения. (*Пауза.*) Ты хочешь сказать, что я предал священное дело реформы? Что я отодвинул ее на двадцать лет? Не говори мне, Джек, ты...

Несмотря на то, что Лилэнд пьян, он держится с достоинством. На Кейна он смотрит с молчаливым презрением.

Кейн (*в гневе*). Почему это дело так священно? Почему реформа должна быть превыше всех других жизненно важных дел? Почему на страже законов этого штата должен стоять только человек с незапятнанной репутацией?

Лилэнд дает пройти грозе. Кейн успокаивается.

Кейн. Если они этого хотят... они сделали свой выбор... Население этого штата, очевидно, предпочитает мне мистера Роджерса. (*Плотно сжимает губы.*) Хорошо... Пусть будет так!

Лилэнд. Ты так говоришь о жителях этого штата, как будто они принадлежат тебе... Насколько я помню, ты заявлял, что обеспечишь их правами, как будто ты мог дарить им свободу... в награду за оказанные тебе услуги. Ты помнишь рабочего? Ты его хорошо защищал. А ведь он олицетворяет то, что называется «организованной рабочей силой», и тебе отнюдь не понравится, когда ты узнаешь, что это значит... Этот рабочий считает, что своим правом он должен пользоваться и так, а не получать его от тебя в качестве подачки. (*Пауза.*) Послушай, Чарлз... Когда твои любимые бесправные объединятся... возникнет нечто большее, чем обещанные тобой привилегии... и я не знаю, что ты тогда будешь делать. Пожалуй, тебе придется уплыть на необитаемый остров и царствовать над обезьянами!

Кейн. Не беспокойся об этом, Джек. И там, наверное, найдется несколько обезьян, которые скажут мне о моих ошибках.

Лилэнд. Может быть, тебе не всегда будет сопутствовать такая уда-

ча... (Пауза.) Чарлз, почему для тебя важно только то, что касается лично тебя?.. Есть ведь мир и помимо тебя... Твои первобытные инстинкты...

Кейн (с яростью). Личная инициатива — это самое важное. Это всегда было самым важным! Важнее всего! Глупость нашего правительства... продажность... даже только самодовольство, и самоудовлетворенность, и нежелание поверить, что поступки людей, принадлежащих к определенному классу, могут быть несправедливы... Нельзя бороться с этим вообще. Безличных преступлений против народа нет. Их совершают реальные личности... с конкретными именами и занимаемыми постами, и право американского народа на его собственную страну — это не академическая награда, Джек, о присуждении которой ведутся дебаты... а затем судьи удаляются, чтобы вынести решение. И победители угощают обедом побежденных.

Лилэнд. Ты почти убедил меня, что именно так ты и думаешь... Но ведь в действительности дело обстоит вовсе не так... Суть в том, удастся ли тебе доказать людям, что ты настолько их любишь, что они должны полюбить тебя... Но только любить их ты хочешь по-своему... И в этом ты хочешь поставить на своем... в соответствии с твоими правилами... а если что-нибудь окажется не так, и ты начинаешь страдать... игра сразу же прекращается... тебя надо успокаивать, нянчиться с тобой независимо от событий, не обращая внимания на тех, кто страдает еще...

Пристально смотрят друг другу в глаза. Кейн пытается изменить настроение Лилэнда.

Кейн. Ах ты, Джедедиа!

Но ему не удастся подкупить Лилэнда этой лаской.

Лилэнд. Чарли, я хочу, чтобы ты разрешил мне работать в чикагской газете... ты говорил, что подыскиваешь туда репортера для отдела театральной критики...

Кейн. Здесь ты полезнее.

Молчание.

Лилэнд. В таком случае, Чарли, я боюсь, что мне остается только просить тебя принять...

Кейн (резко). Хорошо, можешь переходить в Чикаго.

Лилэнд. Благодарю.

Неловкая пауза. Кейн открывает ящик своего бюро и вынимает оттуда бутылку и два стакана.

Кейн. Кажется, мне все-таки придется выпить.

Передает стакан Джеду. Тот не двигается.

Кейн. Но я предупреждаю тебя, в Чикаго тебе не понравится... Завывающий ветер с озера... и только один бог знает, слышали ли там о Ньюбургских оврагах.

Лилэнд. Если я поеду в следующую субботу?

Кейн (устало). Когда тебе угодно.

Лилэнд. Благодарю.

Кейн пристально смотрит на друга и поднимает стакан.

Кейн. Предлагаю тост, Джедедиа... за любовь на моих условиях. Единственно правильные условия для каждого — это его собственные условия.

1911 год.

День.

Таун-холл в Трентоне.

Вместе с Сьюзен выходит Кейн. Многочисленные фоторепортеры направляют на них аппараты. Кейн яростно бьет тростью по одной камере, по другой... Полицейский разгоняет репортеров. Кейн замахивается на третьего, но репортер кричит:

— Мистер Кейн! Мистер Кейн! Это же «Инквайрер».

Кейн видит написанное сбоку камеры слово «Инквайрер» и останавливается.

Репортер «Кроникл» (*скороговоркой*). Как относительно статьи для «Кроникл», мистер Кейн?

Кейн (*сердито*). «Кроникл»? (*Внезапно улыбается.*) О, как газетчик я понимаю вас...

Все смеются.

Репортер «Кроникл». Кстати, мистер Кейн, вы покончили с политикой?

Кейн. Я бы сказал как раз наоборот, молодой человек. (*Улыбается.*) Мы собираемся стать большой оперной звездой.

Репортер «Кроникл». Вы собираетесь петь в «Метрополитэн», миссис Кейн?

Кейн. Безусловно.

Сьюзен. Чарли сказал, если я не буду петь там, он построит для меня оперный театр.

Кейн. В этом не будет необходимости.

Первая полоса чикагского издания газеты «Инквайрер». Фотография Сьюзен. Объявление гласит, что Сьюзен Александер открывает сезон в новом Чикагском оперном театре; идет опера «Таис». А в это время мы слышим звуки настраиваемого оркестра, гул голосов публики, ожидающей начала спектакля.

Чикагский оперный театр.

Камера находится за опущенным занавесом. На сцене декорации для оперы «Таис». Посреди сцены уже одетая для спектакля Сьюзен. На ней роскошный костюм, но она кажется очень маленькой и выглядит очень беспомощной. Она чуть жива от страха.

Слышны аплодисменты. Оркестр начинает бурную мелодию.

Занавес медленно поднимается. Сьюзен зажмуривается и начинает петь.

Вместе с занавесом вверх движется камера. Она поднимается до арки просцениума. Сюда голос Сьюзен еле доносится.

Камера движется выше. Двое рабочих сцены уселись на верхних колосниках и внимательно смотрят вниз. Переглядываются. Один из них показывает «нос» певиче.

Металлическая вывеска на здании чикагского отделения «Инквайрер».

1914 год.

Кабинет Лилэнда.

Уткнувшись в пишущую машинку, сидит Лилэнд. Кто-то снимает с валика бумагу. Лилэнд вздрагивает и смотрит пьяными глазами. Видит Бернштейна.

Бернштейн. Хэлло, мистер Лилэнд!

Лилэнд. Хэлло, Бернштейн!.. Куда она делась... где же моя заметка... Я должен ее закончить!

Бернштейн (спокойно). Мистер Кейн заканчивает ее сам.

Лилэнд. Кейн?.. Чарли?.. (С трудом встает.) Где он?

Слышится стук пишущей машинки. Лилэнд смотрит в ту сторону. До его сознания с трудом доходит, что Кейн в редакции.

В белом галстуке, без пиджака, Кейн что-то печатает на машинке. На его лице, освещенном настольной лампой, бродит странная улыбка. Лилэнд останавливается в дверях и пристально смотрит на него.

Лилэнд. Пусть он ее заканчивает... Уверен, что я бы не мог этого сделать.

Бернштейн (подходя к Лилэнду). Мистер Кейн заканчивает за вас рецензию в вашем же духе.

Лилэнд недоверчиво смотрит на Бернштейна.

Бернштейн. Он пишет так же насмешливо, как и вы хотели. (Со сдержанным волнением.) Мне кажется, это должно вам кое-что доказать...

Лилэнд подходит к Кейну. Тот не смотрит на него. Продолжает печатать.

Кейн (после паузы). Хэлло, Джек.

Лилэнд. Хэлло, Чарли... Я не знал, что мы с тобой разговариваем.

Кейн перестает печатать, но не оборачивается.

Кейн. Конечно, мы разговариваем, Джек... Ты уволен!..

С невозмутимым видом продолжает печатать.

1940 год.

Крыша госпиталя.

Темнеет. На крыше остались только Томпсон и Лилэнд.

Лилэнд. Ну, вот и всё... у меня начинается озноб. Эй, няня!.. Пять лет назад он написал мне из своей резиденции, там, на юге... (*Задумавшись.*) Вы знаете... Шангри-ла? Эльдorado? (*Пауза.*) Слоппи Джо? Как называлось это место?.. Ах да, Ксанаду. А я ведь с самого начала знал, как оно называется... Вы это, наверное, поняли?

Томпсон. Да.

Лилэнд. Понять меня, пожалуй, не так уж трудно. Как бы там ни было, я не ответил на его письмо... Может быть, я должен был ответить. В последние годы он был там, наверное, очень одинок. Он так и не достроил свой замок после того, как она ушла от него... так и не закончил его. Он никогда ничего не заканчивал. Конечно, он создал этот замок для нее.

Томпсон. Наверное, он любил ее.

Лилэнд. Не знаю... Он разочаровался в мире. Поэтому и создал свой собственный мир... Абсолютную монархию... Во всяком случае, это было нечто большее, чем оперный театр... (*Зовет.*) Няня! (*Понижая голос.*) Послушайте, молодой человек, могу я попросить вас об одном одолжении?

Томпсон. Конечно.

Лилэнд. На обратном пути вы не могли бы зайти в табачную лавку и послать мне парочку сигар?

Томпсон. Хорошо, мистер Лилэнд!.. С удовольствием.

Лилэнд. Эй, няня!

Подходит няня, становится позади него.

Няня. Что, мистер Лилэнд?

Лилэнд. Теперь я могу сойти вниз... Знаете, когда я был молодым, мне казалось, что все няни хорошенькие. Теперь не нахожу этого... совсем наоборот...

Няня. Разрешите взять вас под руку, мистер Лилэнд.

Лилэнд. (*раздраженно*). Ну, ладно, ладно... Не забудете о сигарах? И попросите завернуть их так, чтобы они выглядели как зубная паста или что-нибудь в этом роде... иначе их мне не передадут. Этот молодой доктор, о котором я вам говорил, вбил себе в голову, что он может продлить мне жизнь...

1940 год.

Раннее утро. Кабаре «Эль-Ранчо» в Атлантик Сити.

Неоновая реклама на крыше: «Эль-Ранчо. Дважды за вечер выступает Сьюзен Александер Кейн».

От огней рекламы камера панорамирует до стеклянной крыши, через которую мы видим Сьюзен за ее обычным столиком. Напротив сидит Томпсон. Доносятся слабые звуки пианино.

Кабаре.

Друг против друга сидят Сьюзен и Томпсон. В другом конце комнаты кто-то играет на пианино. Кабаре почти пусто. Сьюзен трезвая.

Томпсон. Мне хочется, чтобы вы рассказали мне, что придет вам в голову... о себе и о мистере Кейне.

Сьюзен. Может быть, вы и не захотите слушать все, что мне придет в голову рассказать о себе и о мистере Чарли Кейне. (*Залпом выпивает бокал.*) Знаете... может быть, я не должна была петь тогда... первый раз, для Чарли. Ха!.. После того я много пела. Начать с того, что пела с учителями пения, которые брали по сто долларов за час... Учителя-то получали свой гонорар, а я ничего не имела от этого.

Томпсон. Но, может быть, вы все-таки получили что-нибудь?

Сьюзен. Что вы хотите сказать?

Томпсон не отвечает.

Сьюзен. Ничего я не получила... только уроки музыки — и ничего, кроме них.

Томпсон. Он женился на вас?

Сьюзен. Он никогда даже не упоминал о женитьбе, пока все это о нас не появилось в газетах... и пока он не провалился на выборах... Эта Нортон тогда развелась с ним... Почему вы улыбаетесь? Говорю вам, что его в самом деле интересовал мой голос. (*Резко.*) Как вы думаете, зачем он построил этот оперный театр? Я этого не хотела. Я не хотела петь. Это была его идея... всегда все было так, как хотелось ему, всегда, кроме одного раза, когда я ушла от него.

1913 год.

День. Гостиная в нью-йоркском доме Кейна.

У рояля стоит и поет Сьюзен. Матисти, ее учитель пения, аккомпанирует. Кейн сидит рядом. Матисти внезапно останавливается..

Матисти. Невозможно! Невозможно!

Кейн. В ваши обязанности не входит выражать миссис Кейн ваше мнение по поводу ее талантов. Вы должны ставить ей голос. И ничего больше.

Матисти (*весь в поту*). Но это же невозможно. Я буду посмешищем в глазах всего музыкального мира! Люди скажут...

Кейн. Если вас интересует, что о вас скажут, синьор Матисти, я могу вас немного просветить на этот счет. Возьмем, например, газеты. Газетам я диктую их точку зрения, синьор Матисти, потому что я хозяин восьми

газет на территории от Нью-Йорка до Сан-Франциско. (Сьюзен.) Все хорошо, дорогая. Синьор Матисти послушается здравого смысла... Не так ли, маэстро?

Матисти. Мистер Кейн, как я могу убедить вас...

Кейн. Вам это не удастся.

Молчание. Матисти снова встает.

Кейн. Я знал, что вы согласитесь со мной.

1914 год.

Чикагский оперный театр. Вечер премьеры. Занавес опущен. Установлены декорации. Из зала слышатся аплодисменты. Вступает оркестр. Сцена пуста.

На сцене одна Сьюзен. Занавес поднимается. Сьюзен начинает петь. Она стоит рядом с будкой суфлера. Мы видим его встревоженное лицо. Испуганный дирижер в оркестре.

Крупно — лицо Кейна... Он сидит среди публики... слушает. Мелодия оркестра затихает. Внезапно раздается иронический голос.

Голос... Действительно патетично...

В браваурной мелодии тонет окончание фразы. Но сотни людей уже слышали ее, так же как и Кейн. То там, то здесь в зале раздаются смешки. Постепенно они становятся громче.

Быстрая смена кадров. Крупно — растерянное лицо поющей Сьюзен. Крупно — напряженное лицо Кейна.

В зале три тысячи зрителей, но аплодисментов почти не слышно. Это производит удручающее впечатление.

Кейн продолжает смотреть на сцену.

Внезапный взрыв аплодисментов. Аплодирует небольшая группа сидящих рядом с Кейном.

Камера отъезжает, и мы видим Бернштейна, Хиллмэна и других приближенных Кейна... Спектакль окончен...

Занавес опускается. Аплодисменты быстро смолкают. Никто не выходит раскланиваться.

Крупно — Кейн. Он тяжело дышит. Вдруг начинает яростно аплодировать.

Сцена.

Сьюзен выходит раскланиваться. Она едва идет.

В зале раздаются одинокие вежливые аплодисменты. Они еще больше подчеркивают удручающую атмосферу.

Крупно — Кейн. Не отрывая глаз от Сьюзен, он продолжает бешено аплодировать.

...Опять сцена. Сьюзен выходит за занавес. Огни на сцене гаснут и загораются в зрительном зале.

Крупно — Кейн. Он все еще яростно аплодирует.

1914 год.

День. Чикаго. Комната в отеле.

Посреди комнаты стоит Кейн. Сьюзен в халате сидит на полу. Вокруг нее разбросанные газеты.

Сьюзен. Не говори мне, что он твой друг. *(Показывает на газету.)* Друг не напишет такую статью... Во всяком случае, настоящий друг, насколько мне известно. Конечно, я не принадлежу к высшему классу, как ты, и я не ходила в шикарные школы...

Кейн. Довольно, Сьюзен.

Взглянув на Кейна, Сьюзен понимает, что с него действительно хватит. Стук в дверь.

Сьюзен *(кричит пронзительно)*. Войдите!

Ходит мальчик-посыльный.

Посыльный. Мне сказали, что я могу пройти прямо наверх... Я...

Кейн *(перебивая)*. Спасибо, сынок.

Выпроваживает мальчика и вскрывает полученный от него конверт. Сьюзен снова начинает атаку.

Сьюзен. Подумать только, он хотел испортить мне дебют.

Держа в руке вынутый им сложенный лист бумаги, Кейн рассматривает конверт.

Кейн. Больше он ничего не испортит, Сьюзен.

Сьюзен. А ты... тебе надо проветрить свои мозги! Посылаешь ему извещение об увольнении и вкладываешь в конверт чек на двадцать пять тысяч долларов! Это называется уволить? Ты же послал ему чек на двадцать пять тысяч долларов. Послал?

Кейн медленно постукивает пальцами по конверту. Из него выпадают кусочки бумаги. Падают на пол.

Кейн. Да, я послал ему чек на двадцать пять тысяч долларов!

Смотрит на клочок чека, который у него остался в руке.

Сьюзен. Что это такое?

Кейн. Античная редкость...

Сьюзен. Ты ужасный человек!.. Ну, хорошо... я скажу тебе такое, что у тебя пропадет охота смеяться... О моем пении. Теперь я покончила с ним!.. Я никогда и не хотела...

Кейн *(не глядя на нее)*. Ты будешь продолжать петь, Сьюзен. Я не желаю быть в смешном положении.

Сьюзен. Ты не желаешь быть в смешном положении? А я? Петь-то должна я! Свистки получаю я... Почему ты не можешь просто...

Кейн (*смотрит на нее*). Для меня достаточно доводов, о которых я тебе уже говорил, Сьюзен. Ты, по-видимому, не в состоянии этого понять. Повторять их не стану. (*С угрозой смотрит на Сьюзен, приближается к ней, наступает на газету и разрывает ее.*) Ты будешь продолжать свое пение!

Смотрит на нее. Его беспощадный взгляд пугает Сьюзен. Она медленно опускает голову... она сдалась.

Первая полоса газеты «Инквайрер Сан-Франциско».

Большой портрет Сьюзен в роли Таис. Объявление гласит о том, что оперный сезон в Сан-Франциско открывается оперой «Таис» с Сьюзен в главной роли. Тот же портрет на фоне заголовков газет Кейна в Нью-Йорке, Сан-Луи, Лос-Анжелосе, Кливленде, Денвере, Филадельфии.

Слышен голос Сьюзен. Она тихо поет арию.

1916 год.

Поздний вечер. Спальня Сьюзен в нью-йоркском доме Кейна. В комнате полумрак. На кровати лежит Сьюзен.

В дверь громко стучат. Слышен голос Кейна, зовущий Сьюзен, затем слугу.

Голос Кейна. Джозеф!

Голос Джозефа. Слушаю, сэр.

Голос Кейна. У вас есть ключи от спальни миссис Кейн?

Голос Джозефа. Нет, мистер Кейн. Ключи, должно быть, в двери изнутри.

Голос Кейна. Нам придется взломать дверь.

Голос Джозефа. Слушаю, сэр.

Дверь с треском открывается. Потоки света наполняют комнату, и мы видим Сьюзен, распростертую на кровати. Она в вечернем платье. Тяжело дышит. Кейн бросается к ней, становится на колени перед кроватью и ощупывает ее лоб. Джозеф стоит рядом.

Кейн. Пошлите за доктором Керей.

Джозеф выбегает.

Опять спальня.

В комнате горят две лампы. Доктор Керей складывает свои инструменты в чемоданчик.

В кадре: на кровати в ночной сорочке лежит Сьюзен. Она тяжело дышит. Сиделка наклоняется над постелью, поправляет простыни. Слышен голос доктора.

Керей. Через день-два, мистер Кейн, она совсем поправится.

Сиделка отходит. Теперь мы видим Кейна, который сидит по другую сторону кровати. В руках у него пустая аптечная склянка. К нему подходит доктор Керей.

Кейн. Я не могу себе представить, как миссис Кейн могла допустить такую глупую ошибку.

Сьюзен отворачивается от Кейна.

Кейн. Успокаивающее средство, которое ей дал доктор Вагнер, было в большой бутылке... Мне кажется, напряжение, связанное с подготовкой к дебюту, очень взволновало ее.

Пристально смотрит на доктора Керей.

Доктор Керей. Да-да... я уверен, что дело именно в этом.

Доктор подходит к сиделке.

Кейн. Вы не возражаете, если я останусь с ней?

Доктор Керей. Нет... вовсе нет. Но я хотел бы, чтобы и сиделка также осталась. Спокойной ночи, мистер Кейн.

Быстро уходит.

Та же спальня.

В комнате темно. В кресле дремлет сиделка. В другом кресле у кровати сидит Кейн и пристально смотрит на Сьюзен, которая спит.

Снова та же спальня. Но теперь ее заливают солнечный свет. С улицы сюда доносятся звуки шарманки. Кейн по-прежнему сидит у кровати Сьюзен, которая продолжает спать. Он все так же внимательно на нее смотрит.

Наконец Сьюзен тяжело вздыхает и открывает глаза. Смотрит на окно. Кейн наклоняется к ней. Она переводит взгляд на него, но быстро опускает глаза.

Сьюзен (жалобно). Чарли... Я была не в силах заставить тебя понять, что я переживала. Я просто не могла больше продолжать это пение... Ты не знаешь, что я чувствовала, когда люди в театре... вся публика относились ко мне враждебно.

Кейн (сердито). Вот тут-то ты и должна была начать с ними бороться.

Она молча смотрит на него. В глазах у нее страдание. (Пауза.)

Кейн (мяжко). Ну, хорошо. Больше ты не будешь бороться с ними... Они от этого только потеряют.

Она по-прежнему смотрит на него, но теперь уже с благодарностью.

Строительные работы по возведению замка Ксанаду.

1925 год.

Ксанаду. Большой зал.

Экран заполнен загадочной мозаикой. Женская рука кладет последний кусочек.

Камера отъезжает, и мы видим разложенную на полу огромную карти-

ну-головоломку. Перед ней, здесь же на полу, в колоссальном зале сидит Сьюзен. Недалеко от нее в кресле Кейн. Зал освещен канделябрами.

Сьюзен. Который час?

Голос ее гулко звучит в зале.

Ответа нет.

Сьюзен. Чарли! Я спрашиваю, который час?

Кейн (смотрит на часы). Одиннадцать тридцать.

Сьюзен. Я хочу сказать, в Нью-Йорке...

Ответа нет.

Сьюзен. Я спрашиваю, сколько сейчас времени в Нью-Йорке?

Кейн. Одиннадцать тридцать.

Сьюзен. Вечера?

Кейн. Угу... Набор только что пошел в печать.

Сьюзен (саркастически). С чем его и поздравляю! (Вдыхает.)
Одиннадцать тридцать! Магазины только что закрылись. Народ расходится по ночным клубам и ресторанам... Конечно, у нас все не так, как у людей, потому что мы живем во дворце!

Кейн. Ты же всегда говорила, что хочешь жить во дворце.

Сьюзен. А нам нельзя вернуться обратно, Чарли?

Улыбаясь, Кейн смотрит на нее, затем вновь углубляется в свою газету.

Сьюзен. Чарли...

Молчание.

Сьюзен. Если я пообещаю быть хорошей девочкой?! Не пить... достойно принимать всех твоих старых губернаторов и сенаторов... Чарли... Чарли... Чарли....

Ответа нет.

Тот же зал... Сложена другая головоломка. Рука Сьюзен вставляет недостающий кусочек.

...Опять новая головоломка. Руки Сьюзен вставляют недостающий кусочек.

1928 год.

День. Большой зал в Ксанату. Снова лежит головоломка.

Камера отъезжает, и мы видим Кейна и Сьюзен почти в тех же позах. Но они стали значительно старше.

Кейн. Одного я никак не могу понять, Сьюзен. Как ты узнаешь, какие из них ты разгадывала уже, какие еще нет.

Сьюзен бросает на него сердитый взгляд. Ее больше не забавляют его шутки.

Сьюзен. В этом куда больше смысла, чем в коллекционировании Венер.

Кейн. Может быть, ты и права... Порой мне кажется... но это становится привычкой...

Сьюзен (*резко*). Вовсе не привычка... Я занимаюсь этим, потому что мне нравится.

Кейн. Я не имел в виду тебя... Я говорил о себе. (*Пауза.*) Я думаю, что завтра мы могли бы устроить пикник... Пригласи всех... Поедем в Эверглейдс...

Сьюзен. Пригласить всех?.. Ты хочешь сказать, приказать всем и заставить их спать в палатках? Кому же хочется спать в палатке, когда есть своя собственная удобная комната, собственная ванна, дом, где все под рукой?

Пристально, но не враждебно смотрит на нее Кейн.

Кейн. Я думаю, мы можем пригласить всех завтра на пикник. Переночуем в Эверглейдсе. (*Слегка похлопывает ее по плечу.*) Пожалуйста Сьюзен, распорядись, чтобы все было приготовлено.

1928 год.

Ночь. Лагерь в Эверглейдсе. Ряд роскошных палаток.

Большая палатка. В ней две кровати. Стильный туалет, несколько кресел и круглый стол посередине.

Перед зеркалом сидит Сьюзен, делая ночной туалет. У нее очень мрачный вид. В кресле, уже без пиджака, сидит и читает Кейн.

Сьюзен (*кричит*). Я не намерена больше это терпеть!

Обернувшись, Кейн пристально смотрит на нее.

Сьюзен. Да-да... именно так! Я всегда сначала скажу, чего хочу, а потом уступаю... ты заставляешь меня уступать... но...

Кейн (*перебивая*). Ты не дома, а в палатке, дорогая! И я очень хорошо услышу тебя, если ты будешь говорить обычным тоном.

Сьюзен. Я не допущу, чтобы оскорбляли моих гостей только потому, что ты думаешь... (*в ярости*) если люди на пикнике захотят немножко выпить... это их дело. Ты не имеешь права...

Кейн (*быстро*). Я не только имею право, я обязан, раз это касается тебя, Сьюзен.

Сьюзен. О, я до смерти устала жить по твоей указке... делать то, что я, по-твоему, должна, и не делать того, чего не должна!

Кейн. Ты моя жена, Сьюзен, и...

Сьюзен. Я не только твоя жена. Я еще человек... или по крайней мере должна быть человеком. Когда-то я и была им!.. Правда, ты иногда заставляешь меня подумать, что я никогда и не была человеком...

Кейн. Мы можем все это обсудить в другой раз, Сьюзен. Сейчас...

Сьюзен. Нет, раз я этого хочу, я выложу все, что у меня на душе!.. И больше тебе не удастся заставить меня жить, как ты хочешь!..

Кейн. Когда речь идет о тебе, Сьюзен, я никогда ничего не хотел... и сейчас не хочу ничего... кроме того, чего ты сама хочешь!

Сьюзен. То есть того, что тебе нужно, чтобы я хотела... того, что решено тобой за меня... того, что ты захотел бы на моем месте... Но ты никогда не давал мне ничего...

Кейн. Сьюзен, в самом деле я думаю...

Сьюзен. Я не говорю о вещах, которые ты дарил мне... Это для тебя ничего не значит. Какая тебе разница, подарить мне браслет или заплатить кому-нибудь сотню тысяч долларов за статую, которую ты даже никогда не распакуешь?! Это всего лишь деньги. Они для тебя равным счетом ничего не значат. Но ты ничего не даешь из того, что действительно твое, то, что тебе дорого...

Кейн *(встает)*. Сьюзен! Я требую, чтобы ты сейчас же замолчала... немедленно!

Сьюзен. Нет, я не намерена молчать... Я собираюсь сказать все, что я думаю. *(Кричит.)* Ты никогда ничего мне не давал!.. Ты пытался купить меня для себя...

Внезапно она находит объяснение его поступкам.

Сьюзен. Ты... как бы покупал меня! Так было с самого начала, с первого дня нашего знакомства! Для тебя не важно, сколько это стоит... Ты заплатишь твоим временем или твоими деньгами... Ты так поступал со всеми, кого знал... Всегда старался купить их!..

Кейн. Сьюзен!

Она молча смотрит на него. Приступ ее ярости не утихает.

Кейн. Ты наговорила невероятно много глупостей, Сьюзен! *(Спокойно.)* Что бы я ни делал... Я делаю... потому что люблю тебя.

Сьюзен. Любишь!.. Ты никого не любишь! Ни меня, ни кого-либо другого! Ты хочешь, чтобы тебя любили... вот все, что тебе нужно! Я — Чарлз Фостер Кейн!.. Чего бы вы ни захотели... только назовите — и все ваше!.. Только любите меня!.. Но не ждите, чтобы я любил вас.

Не говоря ни слова, Кейн бьет ее по лицу и молча на нее смотрит.

Сьюзен. Повторить это тебе никогда не удастся. До этой минуты я не знала...

Кейн. Сьюзен, мне кажется...

Сьюзен. Не говори, что ты раскаиваешься.

Кейн. Я не раскаиваюсь.

1929 год.

День. Большой зал Ксанаду. У окна стоит Кейн. При звуке шагов дворецкого Раймонда он оборачивается.

Раймонд. Миссис Кейн хотела бы вас видеть, мистер Кейн.

Кейн. Хорошо.

Заметив, что Кейн хочет что-то сказать, Раймонд не уходит.

Кейн. Что миссис Кейн...

Окончить вопроса он не может.

Раймонд. С самого утра Мэри упаковывает ее вещи, мистер Кейн!

Кейн стремительно выходит из комнаты.

Комната Сьюзен.

Повсюду запакованные чемоданы. Сьюзен в дорожном костюме. В комнату врывается Кейн.

Сьюзен. Мэри, скажите Арнольду, что я готова. Он может взять вещи.

Мэри. Хорошо, миссис Кейн.

Уходит. Кейн закрывает за ней дверь.

Кейн. Ты совсем сошла с ума?

Сьюзен смотрит на него.

Кейн. Разве ты не понимаешь, что все узнают об этом?.. Что ты упаковала свои вещи, заказала автомобиль и...

Сьюзен. ...И уехала?.. Конечно, все узнают... Хотя я ни с кем не буду прощаться... кроме тебя... Я и не думала, что это может остаться в тайне.

Кейн становится возле двери, как бы намереваясь преградить ей путь.

Кейн. Я не пушу тебя.

Сьюзен (протягивая ему руку). Прощай, Чарли.

Кейн (в порыве). Не уходи, Сьюзен.

Сьюзен смотрит на него.

Кейн. Сьюзен, не уходи! Сьюзен, прошу тебя!..

Гордость покинула его. Сьюзен останавливается. Просьба и вид Кейна трогают ее.

Кейн. Тебе незачем уходить, Сьюзен! Все будет так, как ты захочешь. Не так, как мне кажется, что ты должна хотеть, а действительно по-твоему... Прощу тебя, Сьюзен... Сьюзен!

Широко раскрытыми глазами она смотрит на него и уже готова уступить.

Кейн. Не уходи, Сьюзен!.. Ты не можешь уйти! (Почти плачет.) Ты... ты не можешь так поступить со мной, Сьюзен...

Эти вырвавшиеся у него слова действуют на нее, как ледяной душ. Она снова замыкается в себе.

Сьюзен. Понимаю!.. Опять только ты!.. Я ничто. Не важно, что я чувствую. Не важно, что это значит для меня. Нет... (Смеется.) Я не могу так поступить с тобой! (Смотрит на него.) О нет, могу.

Проходит мимо Кейна. Выходит из комнаты. Он смотрит ей вслед.

Сейчас Кейн очень усталый, одинокий старик.

1940 год.

Вечер. Кабаре «Эль Ранчо». За столиком Сьюзен и Томпсон. Они молчат. Он предлагает ей сигарету и дает прикурить.

Сьюзен. Если вы слышали, я потеряла все свои деньги... а их было много, поверьте мне...

Томпсон. Последние десять лет многим было трудно...

Сьюзен. Нет, мне не было трудно. Я просто потеряла свои деньги. (Курит.) Итак, вы едете в Ксанаду?..

Томпсон. В понедельник с несколькими товарищами из редакции. Мистер Роулстон хочет, чтобы весь Ксанаду был тщательно заснят... все произведения искусства... Знаете, мы выпускаем специальный номер киножурнала.

Сьюзен. Да... Я знаю... Раз уж вы так любопытны, вы можете поговорить с Раймондом. (Нервно тушит сигарету.) Это дворецкий. От него вы многое услышите. Он знает то, чего другие не знают.

Порывисто берет бокал. Крепко сжимает его обеими руками.

Томпсон. Знаете, а все же мне жаль мистера Кейна.

Сьюзен (хрипло). Вы думаете, мне его не жаль?..

Пьет. Заметив, что уже занимается заря, зябко поводит плечами, закутывается в мантию.

Сьюзен. Ну и что же вы от меня узнали?.. Уже утро. (Несколько мгновений смотрит на него.) Заходите ко мне как-нибудь... расскажете мне о себе.

1940 год.

Сумерки. Ксанаду. Вдали на горе замок. Мы его видим через огромную букву «К», вделанную в железные ворота.

Горит несколько фонарей.

1940 год.

Сумерки. Ксанаду. Большой зал. Крупно. Томпсон и Раймонд.

Раймонд. Розовый бутон? Я расскажу вам о розовом бутоне. Сколько вы заплатите за это?.. Тысячу долларов!

Томпсон. О кей.

Раймонд. Иногда у него бывали заскоки... вы знаете об этом?

Томпсон. Нет, не знал.

Раймонд. Иногда он вел себя как сумасшедший. Я работал у него одиннадцать лет, последние годы его жизни — и я уж знаю. Да, сэр, старик был чудаковат, но я умел с ним обращаться.

Томпсон. С ним было много хлопот?

Раймонд. Да. Но я умел обращаться с ним.

1929 год.

Ночь. Телеграф в Ксанаду. По коридору быстро идет Раймонд. Открывает дверь...

У аппарата сидит телеграфист. Рядом с ним телефонистка.

Раймонд (читает). «Мистер Чарлз Фостер Кейн объявил сегодня, что миссис Чарлз Фостер Кейн покинула Ксанаду — его дом во Флориде — на условиях мирного и дружеского соглашения. В ближайшее время будет

начат бракоразводный процесс. Миссис Кейн заявила, что она не намерена возвращаться к своей оперной карьере, от которой отказалась по требованию мистера Кейна, спустя несколько лет после их свадьбы. Подписано: Чарльз Фостер Кейн».

Кончив печатать, телеграфист смотрит на Раймонда.

Раймонд. Передать немедленно. Право приоритета за всеми газетами Кейна.

Телеграфист. О'кей.

Раздается писк зуммера на коммутационной доске.

Телефонистка (берет трубку). Да... да... хорошо, миссис Тинсдалл. (Поворачивается к Раймонду.) Звонила экономка.

Раймонд. Да?

Телефонистка. Она говорит, что из комнаты миссис Кейн доносится какой-то странный шум. Она боится туда войти.

1929 год.

Ночь. Ксанаду. Коридор перед спальней Сьюзен.

Экономка — миссис Тинсдалл — и две горничные стоят около двери. Они испуганы и боятся подойти ближе. Из комнаты доносится оглушительный шум и треск. Подбегает Раймонд. Он открывает дверь и входит.

Спальня Сьюзен.

В своей молчаливой ярости Кейн поистине ужасен. Он буквально разносит комнату... сдирает со стен картины, вывертывает крюки, срывает портьеры, разрывает на клочки дешевые картинки... картинки Сьюзен, говорящие о ее плохом вкусе. Со столов, туалетов и бюро сметает многочисленные безделушки. Он уничтожает все, что принадлежало Сьюзен.

В дверях стоит Раймонд и молча наблюдает за ним. Кейн не произносит ни слова. Он продолжает быстро и с удивительной силой, молча разрушать комнату. Одним рывком сдирает с окон занавеси, слишком накрахмаленные и чересчур красивые. Сбрасывает с полок на пол кипы дешевых романов. На полке, скрытая под книгами, оказывается наполовину выпитая бутылка ликера. Он швыряет и ее на пол.

Наконец останавливается. Уютная комната Сьюзен совершенно разгромлена. Кейн тяжело переводит дыхание. Его взгляд падает на полочку в углу, которую он не заметил раньше. На ней среди фарфоровых безделушек лежит дешевый стеклянный шарик со «снежной бурей» внутри.

Кейн сбрасывает полку. Фарфоровые безделушки разбиваются вдребезги. Стеклянный шарик остается невредимым. Подпрыгивая по ковру, он катится к ногам Кейна. Кейн следит за шариком. Нагибается, хочет его поднять и не может.

Раймонд поднимает шарик и протягивает его Кейну. Тот берет шарик, тупо смотрит на него, потом медленно, тяжело ступая, выходит из комнаты.

Коридор перед спальней Сьюзен.

Здесь собрались многочисленные слуги во главе с миссис Тиндалл. В дверях появляется Кейн. При виде Кейна все отбегают. Выходит невозмутимый Раймонд.

Кейн все еще смотрит на стеклянный шарик, который он держит в руке.

Кейн (*Раймонду, не оборачиваясь*). Закройте дверь, Раймонд.

Раймонд. Слушаю, сэр. (*Закрывает.*)

Кейн. Заприте ее... и не открывайте.

Заперев дверь, Раймонд подходит к Кейну. Все молчат... Слуги настороженно следят за происходящим. Кейн встряхивает стеклянный шарик, в нем мелькают снежинки.

Кейн (*почти в транс*). Розовый бутон.

Раймонд. Что такое, сэр?

Одна из молоденьких служанок хихикает. Кто-то ее одергивает. Кейн опять встряхивает шарик. В нем снова бушует снежный буран. Кейн наблюдает, как в стекле падают снежинки... Поднимает глаза. Его сознание проясняется. Он видит собравшихся слуг. Медленно опускает стеклянный шарик в карман и тихо говорит Раймонду, так тихо, будто самому себе.

Кейн. И не открывайте ее.

Медленно идет по коридору. Слуги расступаются перед ним и молча смотрят вслед.

Зеркала коридора отражают его фигуру. Он совсем, совсем старый!

Кейн поворачивает в другой коридор... видит себя в зеркале... оставившись. Его отражение повторяется в зеркале сзади него... повторяется снова и снова в зеркалах в глубине. Кейн смотрит на свое отражение... Мы видим тысячу Кейнов.

1940 год.

Вечер. Большой зал. Томпсон и Раймонд.

Раймонд (*равнодушно*). Вот и вся история...

Томпсон. Вы не сентиментальны?

Раймонд. И да и нет.

Томпсон. И это все, что вы знаете о розовом бутоне?

Раймонд. Больше, чем кто-либо другой... Я же говорю вам, у него был небольшой заскок... во всяком случае, последние два года... но я знал, как с ним надо обращаться. Этот розовый бутон... Я слышал, как он говорил о нем и в другой раз. Сказал «розовый бутон» и уронил этот шарик. Шарик разбился. После этого мистер Кейн уже больше не произнес ни слова, и я понял, что он умер. Он много говорил такого, что не имело никакого смысла.

Томпсон. Но то, что вы рассказали, — все это несущественно.

Раймонд. Если хотите, можете задавать мне вопросы.

Томпсон (*холодно*). Сегодня вечером мы уедем. Как только они кончат снимать дворец...

Томпсон поднимается. Встает и Раймонд.

Раймонд. У вас еще много времени. Поезд останавливается на станции по требованию... но ждать они не любят... Теперь не любят. А я помню, как они бывало целый день ждали... если этого хотел мистер Кейн.

ЭПИЛОГ

Медленно движемся по большому залу.

Великолепные ковры, канделябры, гобелены, драпри. В одном углу стоит несколько больших ящиков. Одни из них открыты, другие закрыты. По всему залу в беспорядке стоит мебель, статуи, лежат картины. Это вещи, по-видимому, огромной ценности. И тут же рядом с ними — кухонная плита, старая качалка и другой хлам. Среди него старые детские санки, которые зритель уже видел в начале фильма.

В центре зала фотограф со своим помощником снимают различные вещи. С ними какая-то девушка, два репортера. Тут же Томпсон и Раймонд.

Девушка и еще один репортер в шляпе танцуют под музыку фонографа. Фотограф только что снял картину, по-видимому, большой ценности — итальянский подлинник. Его помощник смотрит на ярлычок, наклеенный с обратной стороны картины.

Помощник фотографа. Номер девять тысяч сто восемьдесят два.

Один из репортеров записывает эти данные.

Помощник фотографа. «Рождество»... произведение приписывается Донателло... Куплено во Флоренции в 1921 году. Стоимость сорок пять тысяч лир. Записали?

Репортер. Да.

Фотограф. Хорошо... Следующая. Лучше поставьте сюда эту статую.

Помощник фотографа. О'кей.

Раймонд. Как вы думаете, сколько все это стоит, мистер Томпсон?

Томпсон. Миллионы... если эти вещи кому-нибудь понадобятся.

Раймонд. Банкам не повезло, а?

Томпсон. Не знаю... Да, пожалуй... В них будет пусто.

Помощник фотографа. «Венера» — четвертое столетие. Приобретена в 1911 году. Стоимость двадцать три тысячи. Записали?

Репортер. О'кей.

Помощник фотографа (*похлопывая статую по плечу*). Слишком много денег было заплачено за эту даму без головы.

Второй репортер (*читая ярлычок*). Номер четыреста восемьдесят три. Конторка — собственность Мэри Кейн, Литтл Салем, Колорадо. Стоимость шесть долларов. Теперь мы, кажется, уже до всего добрались. Утиль и произведения искусства!

Репортер. О'кей.

Вспышка магния. Томпсон открывает ящик и захватывает полную горсть маленьких кусочков картона.

Томпсон. А это что такое?

Раймонд. Головоломка.

Репортер. Мы много нашли таких... А здесь в зале еще лежат храм из Бирмы и три испанских потолка!

Раймонд смеется.

Фотограф. Да-да... и все упаковано.

Репортер. Там есть еще часть шотландского замка... но мы его даже не стали распаковывать.

Фотограф. Хотел бы я знать, неужели кто-нибудь может разобратся в этой головоломке?

Помощник фотографа (*читает наклейку*). Железная печка. Имущество Мэри Кейн. Стоимость два доллара.

Фотограф. Поставь ее к той статуе. Это будет хорошая композиция.

Девушка (*кричит*). Кто же она, наконец?

Второй репортер. Венера. Все она же.

Репортер. Он на самом деле любил собирать вещи...

Фотограф. Все и повсюду... как настоящая ворона!

Репортер. Мне интересно вот что... Здесь сложено все вместе... дворцы и живопись, игрушки и всякая рухлядь... Что же это такое?..

Томпсон поворачивается, и мы впервые видим его лицо. Прежде он всегда стоял таким образом, что его лицо было от нас скрыто.

Томпсон. Чарлз Фостер Кейн.

Фотограф. Или розовый бутон?.. А как с ним, Джерри?

Репортер (*танцующим*). Выключите. Мне это действует на нервы! Что это еще за розовый бутон?

Фотограф. Последние слова Кейна... не так ли, Джерри? (*Томпсону*.) Но это и была твоя задача, Джерри... разве нет? Ну, ты выяснил, что это значит?

Томпсон. Нет! Мне это не удалось.

Музыка смолкает. Танцующие подходят к Томпсону.

Второй репортер. Скажи, что же ты узнал об этом бутоне?

Томпсон. Не много.

Второй репортер. Ну, а что ты делаешь сейчас?

Томпсон. Разгадываю головоломку... Я разговаривал со многими, кто его знал.

Девушка. Что же они рассказали?

Томпсон. Картина совершенно ясная. Он был самым честным человеком, который когда-либо жил на свете... В его характере было много непонятных противоречий. Он был либералом и реакционером одновременно. Любящим мужем... но обе жены ушли от него... Обладал редким даром ценить дружбу и в то же время разбил сердце своего самого верного друга... и сделал это с такой легкостью, с какой вы бросаете выкуренную сигарету... Кроме этого...

Репортер. О'кей, о'кей.

Девушка. Если бы вы могли узнать, что значит розовый бутон, я, ручаюсь, это бы все объяснило!

Томпсон. Нет, этого я не узнал... Во всяком случае, об этом мне известно очень немного. Чарлз Фостер Кейн был человеком, который достиг всего, чего хотел, а потом все потерял. Может быть, «розовый бутон» для него был тем, что он не мог получить... или тем, что он потерял... но все равно это не объяснило бы всего... Не думаю, чтобы два слова могли объяснить всю жизнь человека. Нет... Мне кажется, что «розовый бутон» — лишь частица головоломки... Правда, недостающая частица... *(Бросает кусочки головоломки в ящик и смотрит на свои часы.)* Мы должны торопиться. Иначе опоздаем на поезд.

Берет свое пальто, которое лежало на маленьких санках, тех самых санках, которыми молодой Чарлз Фостер Кейн когда-то ударил Тэтчера.

Репортеры также берут свои пальто, захватывают аппараты. Все выходят из зала.

1940 год.

Ночь. Ксанаду. Подвал.

Большая печь, дверцы которой открыты. Двое рабочих лопатами бросают в печь различные вещи. Раймонд наблюдает за ними.

Раймонд. Бросай этот хлам тоже.

Показывает на кучу какой-то рухляди. Это части упаковочных ящиков, бумага, объявления и т. д. Наверху детские саночки Кейна.

Камера наезжает: на саночках нарисован розовый бутон. Внизу полустершиеся слова: «Розовый бутон».

Рабочий кладет лопату, берет санки и бросает их в печь. Пламя тут же пожирает их.

1940 год.

Ночь. Ксанаду. Темно, ни одного огонька. Только из трубы валит дым. Камера движется по двору Ксанаду.

В большом зале в беспорядке свалены мебель, статуи, картины... старые вещи. Вместе с камерой мы проходим по экзотическому саду, подъемному мосту... проходим весь обратный путь по владениям Чарлза Фостера Кейна.

Камера движется прямо — ее путь короче.

Наконец мы у ворот, которые медленно закрываются. На мгновение камера задерживается у огромной буквы «К», которая ясно выделяется в лунном свете.

Толстая колючая проволока, гигантская витая ограда.

На ограде плакат:

«Частные владения — вход запрещен».

*Ден Шейерон,
Стефен В. Беннет*

ВСЕ, ЧТО МОЖНО
КУПИТЬ
ЗА ДЕНЬГИ

Часть первая

Действие фильма происходит приблизительно в 1840 году... Горный район в штате Нью-Хемпшир. Ферма Джабеза Стоуна... Простой маленький, неприглядный домишко. Это бедная ферма. Скудные плоды собирает здесь хозяин за свой тяжелый труд...

С фермы Джабеза Стоуна открывается обширный вид вокруг...

Ранняя весна. Моросит дождь. По небу плывут серые облака. Зима уже разомкнула свои объятия, и по земле бегут ручьи. И хотя воздух еще холодный, в полдень уже припекает солнце. Жизнь снова возвращается на землю. Погода уже не угнетает, а скорее возбуждает. На смену томительным месяцам снега и льда идут свет и тепло. И хоть еще не очень заметно, но в воздухе уже чувствуется весна.

Воскресное утро.

Из деревни Крос Корнес доносится слабый перезвон церковных колоколов.

Сухопарый молодой фермер лет тридцати трех — Джабез Стоун — запрягает тощую лошадь в расшатанную двуколку.

Джабез. Мэри! Мама!.. Вы готовы?.. Колокола уже звонят!

Мать Джабеза — пожилая подвижная женщина — появляется в открытой двери. На ней ее лучшее праздничное платье. Она на ходу поправляет свой капор, дрожащими пальцами завязывает ленты под подбородком.

Мамаша Стоун. Да-да... мы совсем готовы. Мэри сейчас спустится.

Выходит на крыльцо.

Мамаша Стоун остра на язык и умеет этим пользоваться. Но когда она разговаривает со своим сыном или невесткой, в ее голосе слышится нежность.

Мамаша Стоун (*помогая сыну надеть пальто*). Ну, сынок, не унывай!.. Мы все пока в добром здравьи, и в закромах у нас еще кое-что осталось... Взгляни-ка на небо. Слышишь, какой шум, как будто мельница колет лед в дробилке... Это весна идет! Хотела бы я знать, разве для Нью-хемпширской семьи этого недостаточно, чтобы благодарить бога?

Взбирается на свое место в двуколке. Джабез помогает ей удобнее устроиться.

В дверях появляется Мэри, тоже принарядившаяся. Она на четыре-пять лет моложе Джабеза. Это привлекательная женщина, небольшого роста, с довольно тонкими чертами лица. Выглядит Мэри более хрупкой, чем на самом деле. Очевидно, Мэри и Джабез очень любят друг друга.

Мэри (*увидев перед собой грязную лужу, останавливается. Зовет мужа*). Джабез, помоги!

Джабез. Иду! (*Спрыгивает на землю и спешит к ней на помощь*.)

На пригорке появляется косматая пастушья собака — Шеп. Во рту она держит палку.

Подбежав к Джабезу, начинает ласкаться и прыгать ему на ноги, оставляя на брюках следы грязных лап.

Джабез. Прочь, Шеп!.. Прочь!..

Мэри. Он только хочет, чтобы ты бросил ему палку, Джабез. Он, наверное, тоже чувствует приближение весны.

Джабез. Хорошо, но зачем же пачкать грязью мои брюки?!

Вырывает палку из зубов собаки и сильным движением бросает ее далеко вперед. Весело лая, Шеп бежит за ней.

Мэри, стоя на краю крыльца, следит за полетом палки.

Мэри (*с гордостью*). Ты бросил с такой силой, что палка долетела почти до свинарника.

Мамаша Стоун (*из двуколки*). Мэри!.. Джабез!..

Мэри. Сейчас, сейчас, мама!

Джабез (*берет Мэри на руки и несет ее к двуколке*). Что это ты так улыбаешься? (*Оглядывает себя*.) Разве у меня что-нибудь не в порядке?

Мэри. Ну-у, Джабез! Чтобы пойти в церковь со своим мужем, я надела свой лучший праздничный капор. Кажется, с осени мы там не были вместе... и если это не повод для улыбки, тогда уж я не знаю!..

Джабез. Ты права, Мэри.

Мамаша Стоун. Надеюсь, мы не слишком опоздали.

Подвигается, освобождая место для Мэри. Слышится лай Шепа и визг поросенка.

Д ж а б е з. Ну, черт възьми...

На склоне холма мы видим Шепа. С веселым лаем он бежит от сарая, гонясь за поросенком. Лай собаки пугает поросенка.

Двуколка у дома Стоунов.

Д ж а б е з (*кричит*). Поглядите на этого проклятого пса!.. Шеп!.. Не смей!

Спрыгнув с двуколки, Джабез бросается в кусты за поросенком. За ним бежит Шеп, неистово лая.

Склон холма. Пологий склон постепенно переходит в лощину.

По склону бежит поросенок. За ним гонится Джабез. Оба — и человек и поросенок — прыгают через грязь. Падают. Наконец Джабезу почти удается поймать поросенка. Он с яростью хватает его за ногу, но тот снова вырывается и убегает.

Уже у самой лощины поросенок срывается с камня и падает. Визжит — он ушиб себе ноги. В конце концов Джабезу удается схватить его.

Активное участие в этой погоне принимает Шеп, привыкший сгонять овец.

Одежда Джабеза вся в грязи, мокрая.

У дома Стоунов.

М а м а ш а С т о у н. Ну, очевидно, сегодня мы не поедem в церковь.

М э р и. Я тоже так думаю.

Из лощины с поросенком в руках, который дико визжит, поднимается Джабез. Он тяжело дышит. За ним идет грязный Шеп; у него вид победителя, а не виновного.

Не выпуская поросенка, Джабез подходит к Мэри. Мгновение они смотрят друг на друга.

Д ж а б е з (*обращаясь к поросенку*). Спокойно, мистер поросятина! (*Смеется, с трудом удерживает поросенка.*) Он хуже откормленной свиньи, попавшей на сельскую ярмарку.

Вместе с Мэри уходит в дом.

Начинается дождь.

Кухня.

Это большая, уютная комната. Большая печь. Она топится. Над очагом висят ухваты, журавль, крюки и прочая утварь.

На стене часы. Они то и дело хрипят.

В кухню входят Джабез и Мэри. За ними идет мамаша Стоун.

Джабез (*осматривая поросенка*). Боюсь, что он сломал себе ногу.

Передает поросенка матери.

Снимает мокрые брюки; Мэри вешает их возле огня. Накидывает на колени Джабеза одеяло.

Мэри. Ох, Джабез!

Джабез (*качая головой*). Да...

Накладывает лубок на поврежденную ногу поросенка. Мэри помогает ему. Джабез туго забинтовывает ногу лоскутом материи, оторванной от старой рубашки. Поросенку это совсем не нравится, и он пронзительным визгом часто и громко протестует.

Джабез. Я помню, отец говаривал бывало: когда на людей начнут сыпаться несчастья, то в первую очередь их получит фермер.

Мэри. Джабез, разве ты не помнишь нашу свадьбу? Ведь тогда мы решились — как бы у нас ни было плохо или хорошо, богатство или бедность...

Джабез. Да-да... мы говорили это.

Мамаша Стоун (*берет библию и начинает читать*): «На земле Юз был человек по имени Иов; и был тот человек добрый, честный, один из тех, кто боялся бога и избегал греха».

Извиваясь, поросенок почти вырывается из рук.

Джабез. Ах черт!..

Мамаша Стоун. Джабез!.. Как можно говорить такие вещи в воскресный день, да еще когда я читаю слово божье!

Джабез. Извини, мама, но этот разбойник не дает забинтовать его!

Мэри (*улыбаясь*). Он упорный, как Стоуны!

Джабез. Держи лубок покрепче, сейчас все будет в порядке!

Мэри крепко держит лубок.

Джабез. Продолжай, мама, читай... И этот человек, Иов, много пертерпел... не так ли?

Мамаша Стоун. Ты знаешь об этом, сынок.

Джабез (*утвердительно кивает*). Такой же неудачник, как и я.

Мамаша Стоун (*сурово*). Ну, вот что, Джабез Стоун... от того, что ты называешь неудачей,— получим большие барыши... да еще треску в придачу...

Джабез. Да... ты права, мама. Мы еще никогда ни перед кем не пресмыкались... Стоун никогда ни перед кем не пресмыкался, до самой своей смерти! Вот что обычно говаривал отец. Не правда ли?

В знак согласия мамаша Стоун молча кивает. Джабез кончает возиться с поросенком.

Джабез. Все! Думаю, что теперь тебе будет лучше... Положи его к огню, Мэри. (*Двигает вперед пустой деревянный ящик*.) Но класть его слишком близко к печке не следует, а то, пожалуй, на ужин у нас окажется жареная свинина.

Мамаша Стоун (*вздыхая*). Только не в воскресенье, Джабез!
Мэри. Дай мне библию, мама! Я почитаю сейчас что-нибудь утешительное.

Мать передает ей книгу. Мэри кладет ее на свои колени. Ей очень хочется скорее приняться за чтение. Перелистывает страницы. Вопросительно смотрит на мамашу Стоун.

Мэри. Я прочту вот это, мама, если ты ничего не имеешь против.

Мамаша Стоун. Ради бога... я не возражаю. К этому Иову, хотя о нем и рассказывается в библии, я никогда не была особенно расположена. Уж слишком громкая у него слава, и мне это не по вкусу... Я не хочу злословить про человека, но он всегда выглядел для меня так, как если бы явился из Массачусетса... Пожалуйста, Мэри, ты можешь начинать чтение.

Пока Мэри собирается читать, на улице начинается дождь. Слышится лай Шепа. Джабез, закутавшись в одеяло, подходит к окну.

Джабез. К воротам подъехала какая-то подвода.

Мэри (*быстро подходя к окну*). Кто же это?

Джабез. Том Шарп и еще два парня... О господи, где же мои брюки?

Поспешно хватает брюки со стула, стоящего у печки. Женщины торопливо бегают из угла в угол, приводя в порядок кухню. Снаружи доносится еще более громкий лай Шепа.

Проливной дождь.

Во двор въезжает подвода. Два фермера, насквозь промокшие, вылезают из экипажа. Третий, сидящий на облучке, остается на месте.

Приехавшие бегут на крыльцо, стараясь скорее спрятаться от дождя. На них лает собака. Подойдя к входной двери, стучат. Один из них гладит собаку, успокаивает ее.

Дверь открывается.

Том Шарп. Добрый день, Мэри.

Мэри. Добрый день, Том, входи.

Кухня.

Медленно входит Том Шарп в сопровождении приятеля.

Мамаша Стоун. Там, у порога, есть половик для ног.

Том Шарп. Спасибо, мамаша! Здравствуй, Джабез!

Джабез. Здравствуй, Том!

Том старательно вытирает ноги. То же делает и его спутник.

Том Шарп (*представляя фермера*). Это Ван Брукс — из Массачусетса.

Услышав это имя, мамаша Стоун смотрит на приехавших еще более подозрительно.

Появляется третий фермер. Он сбрасывает грязь со своих ботинок, ударяя ногами одна о другую. Том Шарп представляет и этого гостя.

Том Шарп. Это Хигинс из Вермонта.

Мамаша Стоун. У порога лежит половик для ног.

Третий фермер. Благодарю, мамаша.

Когда Том называет их имена, фермеры неловко кланяются и, обращаясь к мамаше и к Мэри, бормочут невнятно: «Добрый день, мисс». Протягивают руки к огню, который Мэри помешивает кочергой.

Джабез. Идите ближе к огню... Присаживайтесь.

Все садятся. Ближе всех к ящику садится Ван Брукс. Увидя поросенка, спрашивает.

Ван Брукс. Что, поросенок покалечил себя?

Джабез. Да!

Женщины суетятся у шкафа, стоящего в углу напротив печки. Мужчины удобнее располагаются у огня. Джабез подбрасывает в печь несколько поленьев и снова мешает в огне кочергой. Поленья не загораются. Эйли Хигинс вынимает трубку, набивает ее табаком, собираясь закурить.

Мамаша Стоун. У нас в Нью-Хемпшире не курят по воскресеньям!

Эйли Хигинс. Извините, миссис... Я забыл. (*Прячет трубку.*)

Джабез (*Эйли Хигинсу*). Как прошел этот год в ваших краях?

Эйли Хигинс. У нас были хорошие виды на урожай кукурузы. Казалось, все будет хорошо, но в июне прошел сильный град. Градины были таких размеров, что после шторма куры садились на них, принимая градины за свои яйца... Иной раз в тупик встаешь перед тем, что провидение тебе может уготовить.

Ван Брукс. А у нас в августе снежный буран был!

Мэри. В августе?

Ван Брукс. Да... и был такой мороз, что человек, попавший в буран, промерз до костей.

Том Шарп. Это не мироед ли Лоан?

Джабез. Жаль, что это случилось не с Майзером Стивенсом.

Том Шарп. Ты тоже клиент старого Стивенса?

Джабез. Конечно!

Том Шарп. Да... долги, арест имущества — вот что заедает фермера.

Вытягивает свои худые ноги; отламывает щепку от полена, лежащего на печи, и делает из нее зубочистку.

Эйли Хигинс. Хозяин любой фабрички может объявить себя банкротом, а фермеру из беды так просто не выбраться.

Ван Брукс. Надо как-то изменить законы...

Том Шарп. Да!.. Нам нужно что-то вроде общества фермеров...

Вот как сделали в Бермонте... И на общем собрании этого общества принять свои собственные законы.

Ван Брукс. Вот почему, сосед Стоун, мы трое и встретились сегодня... Мы ведь американские граждане и имеем право объединиться в какую-то организацию, по примеру городских жителей...

Том Шарп. Что ты на это скажешь?.. Тебе не кажется, что это было бы разумно?

Джабез (взявшись за подбородок). Конечно, разумно!.. Но я все же должен подумать еще об этом пару ночей.

Том Шарп. Правильно, Джабез! Мужчина должен обдумать дело со всех сторон... Мы заедем к тебе через недельку или что-нибудь вроде этого.

Поднимаются со своих мест.

Джабез. Я боюсь только, что там, в Вашингтоне, постараются похоронить эту идею.

Том Шарп. Почему? В конгрессе обсуждают законопроект, чтобы дать нам право объявлять себя несостоятельными... Даниэль Вебстер сейчас как раз и борется за это.

Джабез. Черный Даниэль?

Ван Брукс. Да... Самый большой человек в Соединенных Штатах... Сенатор из Массачусетса и, конечно, наш будущий президент.

Джабез. Он родился во Франклине, в тех краях, откуда и Мэри.

Покраснев от смущения, в разговор вмешивается Мэри.

Мэри. Он много раз давал советы моему отцу относительно урожая... и насчет политики тоже... и они всегда оказывались правильными.

Том Шарп. Я много слышал о его ферме в Маршфилде. Говорят, он встает там всегда в пять часов утра... Он не таков, как наши фермеры-джентльмены, и по-настоящему знает землю.

Эйли Хиггинс. Рассказывали, будто на рыбалке, как только он приходит к реке, форель прыгает прямо ему в карманы — знает, что сопротивляться бесполезно!

Джабез. А еще говорят, что когда он произносит речь, на небе появляются звезды и полосы нашего национального флага.

Ночь. Рабочий кабинет Вебстера.

Даниэль Вебстер сидит за письменным столом. Он готовится к выступлению. Свет настольной лампы падает на его лицо, оставляя остальную часть комнаты затененной.

За его спиной на стене видна тень Дьявола.

Голос Дьявола. Послушай, Черный Даниэль, ты напрасно теряешь время на составление подобной речи. Зачем беспокоиться о людях и об их нуждах?.. Подумай лучше о своих собственных делах. Ты хочешь стать президентом этой страны, не правда ли? И ты должен им стать.

(*Мечтательно.*) Торжественный парад по случаю вступления в должность нового президента США... Оркестр, гарцующие лошади. Солнце освещает развевающиеся на легком ветерке полотнища наших флагов. Толпы народа криками приветствуют Даниэля Вебстера — президента Соединенных Штатов Америки... (*Оживленно.*) Не будь глупцом! Перестань мучиться над этой речью и вместо того, чтобы думать о народе, займись собственными делами.

При этих словах Вебстер хватает со стола чернильницу и бросает ее в тень на стене.

Тень исчезает. Вебстер снова поворачивается к столу и про себя читает приготовленную им речь.

На экране появляется текст речи, написанной Вебстером:

«Мне хотелось бы сказать каждому человеку, идущему за своим плугом, каждому механику, ремесленнику и рабочему любого города нашей страны, каждому, кто хочет честным путем зарабатывать на жизнь, мне хотелось бы сказать: «Остерегайтесь волков в овечьей шкуре».

Быстрая смена кадров.

В деревенском саду женщина и мужчина, похожие на фермеров, читают речь Вебстера, озаглавленную «Вебстер защищает законопроект о праве фермера объявлять себя несостоятельным».

Фермер (*читает*). «Несостоятельные фермеры не могут даже обратиться в парламент, чтобы передать конгрессу прошение о своих нуждах. Они запуганы до того, что боятся, как бы кредиторы не арестовали их, пока будет разбираться дело».

День.

Другой фермер со своей женой и сыном читают эту же речь в поле.

Фермер (*читает*). «Мы много и горячо говорим о политической свободе. Но кто может пользоваться плодами этой свободы, если он фактически лишен личной свободы? Какое дело этим несчастным людям, испытывающим вечное бремя долгов, что у нас свободная система правительственных учреждений?..»

Вторая половина дня.

Кухня в доме Джабеза Стоуна.

Одетый, чтобы ехать в город, возле маленького стола сидит Джабез. Он просматривает речь Даниэля Вебстера, напечатанную в газете «Крос Корнэс». Шериф через плечо Джабеза читает газету. Напротив сидит Мэри. На столе потрескавшийся чайник, в котором они хранят свои маленькие сбережения. Мэри считает деньги.

Джабез (*читает*). «А если голосование все же обречет тысячи наших граждан с их семьями на безысходное горе, разве сможем мы, члены правительства, спокойно спать и без угрызения совести просить всемогущего о милосердии простить нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим».

Мэри. Замечательно сказано... Такие слова могут тронуть и камень.

Джабез. Эх, хоть бы они тронули одного старого Майзера Стивенса... Ну, а пока мы еще обязаны выплачивать ему проценты...

Шериф. Да... Ты никуда не можешь деться от этой закладной... Сочувствую тебе, Джабез!

Джабез. Ничего, шериф!..

Шериф. Мне хотелось бы сделать все возможное, чтобы помочь тебе. Но ведь ты сам знаешь Стивенса. Если ты не заплатишь ему сегодня, он не остановится и перед тем, чтобы завтра же выбросить тебя с твоей фермы.

Джабез. Пусть только попробует!

Шериф. Закон остается законом... До свидания, Мэри.

Мэри. До свидания, шериф!

Шериф уходит.

Джабез. Итак... что же мы будем делать дальше?

Мэри. Мы еще можем воспользоваться моими деньгами, полученными за масло.

Джабез. Твоими деньгами, полученными за масло?..

Мэри. Ты думаешь, мне их жалко?

Джабез. Мэри... Но они уже утекли...

Мэри. Может быть, еще не все?

Джабез. Все... Я должен был полностью заплатить ветеринару... Если бы я этого не сделал, он отказался бы на этот раз лечить нашу лошадь... А ведь без лошади мы не можем остаться...

Мэри. Ну, ничего, Джабез!.. Что-нибудь наскребем, чтобы расплатиться со Стивенсом.

Джабез. Вот если бы поросенок не сломал себе ногу, мы могли бы рассчитывать на него.

Мэри. Джабез!.. А не можешь ты вместо поросенка отдать мешок семян?

Джабез (*с горечью*). Чтобы избавить себя от весенней пахоты?

Мэри. Но ты ведь сам говорил, что поле на кособоге нуждается в отдыхе... или если ты думаешь...

Джабез. Мэри, я фермер... и всегда им останусь. Я не должен тратить семена, чтобы расплачиваться с долгами. Это совершенно ясно... яснее, чем что-либо другое... Но, по-видимому, ты права... Мы вынуждены хватиться и за эту соломинку... Ох, чем же все это кончится?!

Мэри. Джабез, тебе следует поговорить с Томом относительно вступления в общество фермеров.

Джабез. Я это сделаю, Мэри. Очевидно, я заблуждался, думая, что человек сильнее, если он действует в одиночку.

Снаружи доносится голос мамы Стоун.

Голос мамы Стоун. Джабез! Ты же опоздаешь!

Джабез (*отзываясь*). Сейчас, мама...

Складывает потрепанные ассигнации, прячет их во внутренний карман своего пальто.

Мэри. Одну минутку!..

Бежит по ступенькам вверх, в спальню.

Боковое крыльцо.

У крыльца стоит запряженная повозка. Возле нее мама Стоун. Она держит за веревку упитанного тельца с белой мордочкой. Теленок явно обеспокоен. Попав в непривычную обстановку, он вертится, то и дело натягивая веревку, за которую его держат, все время переступает с ноги на ногу.

Мама Стоун резко дергает веревку, пытаясь заставить тельца успокоиться.

Из дому выходит Джабез.

Джабез. Мама, как ты догадалась подготовить тельца к отправке?

Мама Стоун. Я просто решила, что тебе не хватит твоих ассигнаций.

Джабез. Да, черт побери, ты правильно решила!

Мама Стоун (*неодобрительно*). За последнее время, Джабез, ты слишком часто употребляешь эти слова... Только и слышишь от тебя — черт побери это, черт побери то!..

Джабез. Обстоятельства вынуждают.

Мама Стоун (*с сочувствием*). Ну, уж если обстоятельства вынуждают, так и быть, ладно, сынок!

На крыльце появляется Мэри. В руках у нее шарф.

Мэри (*увидев тельца*). Джабез!

Джабез. Одни семена не спасут нас, Мэри... Мы должны отдать и тельца.

Мэри (*огорченная*). О... Джабез! А мы рассчитывали, что... (*После паузы.*) Это такой чудесный теленок.

Джабез (*угрюмо*). Ты права, Мэри... Теленок хороший. Поэтому Стивенс и возьмет его в счет оставшихся платежей...

Вздыхает. Втаскивает тельца на повозку.

Намереваясь помочь мужу, Мэри начинает взбираться на повозку. Неожиданно лошадь дергает, Мэри теряет равновесие и сваливается. Джабез бросается к ней.

Джабез. Мэри, дорогая, ты ушиблась?

Но Мэри не отвечает. Она без сознания.

Мамаша Стоун. Она ударилась головой... Неси ее скорее в дом.
Взяв Мэри на руки, Джабез несет ее в дом.

Кухня.

Джабез усаживает Мэри на стул. Ему помогает мать.

Мамаша Стоун. Принеси скорее воды!

Схватив ведро, Джабез выбегает. Мамаша Стоун суетится возле Мэри.

Двор.

С ведром в руках из дому выбегает Джабез. Спешит к колодцу.

За углом видна собака. Подняв морду, Шеп громко и жалобно воет.

Джабез. Шеп, замолчи!

Собака на секунду смолкает, но как только Джабез проходит, Шеп снова начинает выть.

Из кухни выглядывает мамаша Стоун. Кричит сыну:

— Чего это собака так беспокоится?!

Джабез (*у колодца*). Не знаю.

Мамаша Стоун. Так заставь ее замолчать!

Джабез. А зачем?.. Пусть воет, если это приносит ей облегчение.
(*С горечью.*) Черт побери! Собаке легче, чем мне! Как бы я хотел рассказать всевышнему, что я переживаю... (*Сердито указывая на небо.*)

Передать туда все, что я думаю...

Мамаша Стоун. Не говори так, Джабез!

Джабез. Мне хочется сказать это... На меня свалилось больше того, что предназначено на мою долю... Мне ничего не удастся — ничего!..

Быстро набрав воды, Джабез возвращается в дом.

Кухня.

С ведром воды входит Джабез. Ставит ведро на пол. Склоняется над Мэри и нежно говорит.

Джабез. Мэри...

Мэри (*приходя в сознание*). Джабез...

Джабез. Мэри, как ты себя чувствуешь?

Мамаша Стоун. Не тревожь ее, сынок!.. Она оправится. Лучше приведи себя в порядок.

Мэри (*слабым голосом*). Да, Джабез... не беспокойся... Мне уже лучше...

Джабез. Я пойду за доктором.

Мэри. Не нужно, Джабез... мне нужен только покой... Ты поезжай и расплатись с нашими долгами... и тогда все будет в порядке... все.

Глаза Мэри закрываются.

Она засыпает. Джабез выходит.

Амбар.

Взяв мешок с семенами, Джабез вскидывает его на плечи. Но мешок разрывается и семена высыпаются в грязную лужу.

Джабез. Ну, этого сверхдостаточно, чтобы заставить человека продать душу дьяволу!.. И я бы так сделал хоть за два цента!..

Осознав, что он только что сказал, Джабез замолкает и испуганно озирается.

Джабез. Надеюсь, что никто меня не слышал... Наверное, никто...

Сует руки в карманы. На его лице выражается ужас. Медленно вынимает из кармана правую руку. На ладони видны две большие медные монеты по одному центу.

Голос (мягко). Добрый вечер, сосед Стоун.

Обернувшись на голос, Джабез видит хорошо одетого человека, похожего на торговца. Джабез безмолвно впивается в него взглядом.

Голос. Меня зовут Дьявол... Во всяком случае, под этим именем я часто появляюсь в Новой Англии.

Джабез. Я не хочу с вами иметь никаких дел.

Дьявол. А разве ты только что не звал меня?.. В некоторых штатах мне приходилось знать людей, которые отказывались от своих слов... но я не думал, что это же может случиться и в штате Нью-Хемпшир.

Джабез (уязвленный). Вы не смеете говорить мне этого!.. Я из штата Нью-Хемпшир... Если я звал вас — значит, так оно и есть. (Тихо.) Очевидно, это правда.

Дьявол. За последние дни на тебя свалились крупные неприятности, которых можно было легко избежать... Когда я думаю о твоих возможностях...

Джабез. Возможностях?

Дьявол. Конечно! Почему бы и нет, человеке? Ты владеешь одной из богатейших ферм в округе...

Заметив горькую усмешку Джабеза, Дьявол уверенно настаивает на этом:

— Да-да! Именно так! Подобно многим другим, ты идешь неправильным путем... Тяжелый труд — подходящее дело для тех, кто ни на что другое не способен. Труд предназначен для неудачников... Ну, а раз тебе повезло, не следует трудиться на других. Ты должен других заставить работать на тебя.

Джабез. Ваши речи, мистер, звучат прекрасно. Но...

Дьявол. Умный человек, вроде тебя, может везде раздобыть деньги... Он может достать деньги и для того, чтобы расплатиться с долгами, и для своей жены и детей, и для того, чтобы стать богатым человеком... Ему нужно лишь найти друга, который научил бы его, как это сделать. Вот так, например!

Непомерно острым носком своего ботинка он бьет по рыхлой доске обшивки амбара.

Гнилая доска разваливается. Под ней оказывается чугунный горшок, наполненный деньгами. Дьявол молча показывает на него. Ошеломленный Джабез смотрит на деньги.

Дьявол. Не бойся. Подними его и взвесь на руках.

Снаружи доносится голос Шарпа.

Голос Шарпа. Джабез Стоун!

Но Джабез не слышит зова. Он стоит неподвижно, вперив взгляд в золото.

Дьявол. Кто-то зовет тебя, мистер Стоун.

Растерянный Джабез с трудом отрывает глаза от денег.

Снаружи доносится чей-то другой голос.

Другой голос. Джабез Стоун!

Поспешно Джабез подбегает к двери. Видит, что к амбару приближаются Том Шарп, Эйли Хигинс и Ван Брукс. Но Джабез неприветливо встречает их у порога.

Джабез (*запыхавшись*). Что вам нужно?

Шарп. Здорово, мистер Стоун!.. Мы заглянули к тебе, чтобы спросить, не решился ли ты наконец вступить в ассоциацию фермеров?

Джабез (*удивленно*). В какую ассоциацию?

Шарп. Мы имеем в виду ассоциацию фермеров. Ту самую, о которой с тобой беседовали на днях.

Эйли Хигинс. Ты еще тогда обещал поразмыслить как следует.

Джабез (*перебивая*). Нет-нет! Я не хочу вступать в нее. (*Резко*.) Идите отсюда!.. Оставьте меня в покое!

Шарп (*отступает назад*). Мы не собирались принуждать тебя, Джабез... но это в твоих же интересах.

Джабез. Я позабочусь о себе сам... а сейчас уходите... оставьте меня!

С минуту Джабез стоит, неподвижно наблюдая, как удаляются фермеры, затем быстро входит в амбар.

Джабез (*глядя на золото*). Откуда оно здесь взялось?

Дьявол. О!.. Ты же знаешь старую историю о гессенском купеческом транспорте, на который напали по пути в Саратогу... Часть того золота была зарыта под твоим амбаром!

Джабез (*лихорадочно*). Да, почему бы ему и не быть здесь?

Дьявол. Конечно!.. Человек, который знал, где оно хранится, умер, а люди забыли об этом. Словом, ты знаешь, как в таких случаях бывает...

Джабез хочет взять золото, но Дьявол жестом останавливает его.

Джабез. Оно ведь мое?

Дьявол. Совершенно верно, мистер Стоун... но существует... (*Быстро вынимает из кармана лист бумаги*.) Нужна только одна маленькая формальность... Я хотел бы, чтобы здесь вот была твоя подпись... Смотри, вот здесь... Если это будет сделано... она будет иметь силу семь лет.

(Заметив, что Джабез колеблется.) Это обычная процедура. Но, конечно, мы можем, когда придет время, поднять вопрос и о продлении срока.

В смятении Джабез пристально смотрит на бумагу, которую Дьявол держит перед ним.

Джабез. А что тут говорится о моей душе?

Дьявол. И чего это тебя так беспокоит?.. Душа — это ничто... Разве ты можешь ее видеть, трогать, чувствовать ее запах? Конечно, нет... Твоя душа — ничто по сравнению с семью годами настоящего счастья. Ты будешь обладать деньгами... и всем, что можно купить за деньги! Честное слово, сосед Стоун, если бы не репутация моей фирмы устраивать щедрые сделки...

Хочет убрать бумагу.

Джабез. Нет-нет, давай ее сюда!

Вынув булавку из отворота своего пальто, Дьявол подает ее Джабезу.

Дьявол. Вот булавка, сосед Стоун! Боюсь, что тебе придется уколоть свой палец... но что значит небольшой укол для счастливого человека!

Взяв булавку, Джабез колет ею себе палец, выпускает немного крови.

Дьявол (показывая). Подпиши здесь.

Джабез подписывает.

Дьявол. Превосходно! Твердая, красивая подпись. Подпись, которая просуществует до дня Страшного суда. (Прячет подписанный документ в свой бумажник и пожимает Джабезу руку.) Мой дорогой сосед Стоун, поздравляю тебя!.. Тебе предстоит стать самым богатым человеком в штате Нью-Хемпшир!

Собирается уходить.

Джабез. Итак, я буду...

Наклоняется, чтобы взять несколько золотых монет.

Дьявол. Да, конечно... Но не сейчас, а через семь лет. Ох, я совсем забыл, какое сегодня число!

Джабез. Седьмое апреля...

Дьявол. ...Тысяча восемьсот сорокового года. Итак, срок истечет седьмого апреля тысяча восемьсот сорок седьмого года.

Вместе направляются к выходу.

На улице, возле амбара.

Уже потухающий закат солнца.

У двери амбара рядом с чахлым деревцем стоят Джабез и Дьявол.

Дьявол. Осталось только напомнить тебе... Хотя, разумеется, мы еще увидимся с тобой.

Своими пятью заостренными пальцами Дьявол проводит по коре дерева, и на нем появляется дата:

«7 апреля 1847 года».

Дьявол направляется к своей черной коляске с впряженной в нее черной лошастью, которые кажутся призрачными тенями в этом призрачном свете.

Дьявол (*приподнимая шляпу*). До свидания, сосед Стоун. (*Садится в коляску.*) Прекрасный закат, мистер Стоун!

Держа в руках золотые монеты, неподвижно стоит Джабез.

Слышится шум колес удаляющейся коляски, но в наступивших сумерках мы с трудом можем заметить ее.

Оставшись один, Джабез протирает глаза, будто очнувшись от фантастического сна. Бросает взгляд на золото, подносит одну из монет к глазам и, часто моргая, смотрит на нее.

Джабез (*едва слышно*). Мэри... (*С чувством обретенного счастья.*) Мэри... Мэри... Мэри!

Стремглав бежит в дом. Крадучись, вслед за Джабезом из амбара выходит собака. Но, неожиданно избавившись от своих страхов, она начинает весело скакать вокруг хозяина.

Кухня в доме Джабеза Стоуна.

Горят все лампы.

У горячего очага в кресле сидит Мэри. Мамаша Стоун занята приготовлением ужина. Входит Джабез, бросается к Мэри. Он возбужден, не может усидеть на месте. Радостно кидает золотые монеты на колени Мэри. Изумленно и недоверчиво дотрагивается она пальцами до денег.

Джабез. Мэри, что бы ты сделала с полным горшком золота?

Мэри. Джабез!..

Джабез. Мэри, ну что бы ты все-таки сделала?

Мэри. Я... я, право, не знаю... Ну, я бы расплатилась с долгами и, может быть, купила себе новый капор... но думаю, что жить стала бы по-прежнему.

Джабез. Когда я доставал семена... я споткнулся и увидел, что одна доска немножко покособилась... и... вот вам золото!

Мамаша Стоун (*неся тарелки, недоверчиво говорит*). Самая диковинная вещь, какую мне когда-либо приходилось слышать! (*Ставит тарелки на стол.*) Так или иначе, но это кажется неправдоподобным!

Джабез. Но это же правда!.. Мэри, возьми их в свои руки и посмотри... ведь это же настоящее золото.

Пристально смотрит Мэри на свои колени, но денег в руки не берет.

Джабез. Ты рада, Мэри?

Мэри. Я бы хотела радоваться, но... никак не могу представить себе этого.

Мамаша Стоун (*берет одну из монет*). Гм, золото гессенских купцов... Ну, будем надеяться, что оно принесет нам больше счастья, чем самим гессенским купцам. (*Роняет монету.*)

Джабез. Теперь никто из нас ни о чем не должен беспокоиться, мама! Мы богаты. *(Наклоняется и целует Мэри.)*

Мамаша Стоун *(у очага)*. Это утешительно!.. *(Снимает с ухагата чугунок и возвращается с ним к столу.)* Давайте все же ужинать.

Джабез. Скажи, Мэри, как твое плечо?

Мэри. Сейчас не болит.

Джабез. Ты поедешь со мной в город завтра?

Мэри. Я была бы очень рада!

Часть вторая

На следующий день.

Утро.

Уходящая вдаль дорога. Светит яркое весеннее солнце. Одетые по праздничному, Джабез и Мэри едут в двуколке в деревню Крос Корнес. Джабез в приподнятом настроении: он то напевает, то тихо насвистывает. Мэри также оживлена, но ведет себя более сдержанно.

Деревня Крос Корнес.

Вторая половина дня.

Контора Майзера Стивенса.

К конторе, поднимая за собой облако пыли, подъезжает двуколка. Останавливается.

Не успевает еще Джабез выпрыгнуть из двуколки, как из конторы выходит шериф.

Джабез. Здорово, шериф!

Шериф. Здорово, Джабез... Я только что говорил со Стивенсом относительно небольшой отсрочки твоих платежей.

Джабез *(смеясь)*. И не получил согласия на такую отсрочку, верно? Ну, пойдем и поговорим с ним по-другому.

Взяв шерифа под руку, Джабез идет с ним в контору Стивенса. У двери оборачивается, подает Мэри какие-то сигналы, лукаво ей подмигивает, стараясь ее успокоить.

Контора Стивенса.

Пустая, неуютная комната.

Около письменного стола стоит небольшая чугунная печка, у стены небольшой сейф, несколько простых стульев — вот и вся обстановка. В печке тлеют угли.

За письменным столом сидит Стивенс. Перед ним груда юридических документов. Он хитро посматривает на открывающуюся наружную дверь, через которую входит шериф, за ним Джабез.

Закрыв за собой дверь, Джабез развязно выступает вперед. Широким жестом срывает с себя шляпу.

Джабез. Почтение Стивенсу! (С насмешливой покорностью.) Мне едва удалось кое-что наскрести для вас... Надеюсь, что если внесу немного в счет погашения долга...

Стивенс (твердо). Ну уж нет, Стоун!

Джабез. Я имею в виду золотом...

Стивенс. Хотел бы я знать, где ты достал его.

Джабез. Знаешь... некоторым людям везет... а другим золото падает прямо с неба.

Делает над головой быстрое движение рукой, как будто что-то ловит, затем небрежно бросает на стол золотую монету.

Джабез. Вот так, например!

Схватив монету, Стивенс пробует на зуб.

Стивенс. Настоящее!.. Шериф, будь свидетелем, что эти деньги вносятся мне добровольно... И хотя их недостаточно, чтобы погасить закладную, — теперь они мои.

Джабез. Этого не хватит, чтобы погасить закладную, ты говоришь? М-м... очень плохо...

Начинает делать руками какие-то пассы, как делают фокусники, и извлекает еще одну золотую монету. Бросает и ее на стол.

Джабез. Загребай и это... (Подбрасывает золото.) Бери и эту тоже... и ту...

Внимая золотые монеты, Джабез все быстрее, одну за другой бросает их вниз. Он буйно хохочет, видя, как потрясенный Стивенс торопливо сгребает деньги. Подходит к столу вплотную.

Джабез. Хорошенько считай их... считай!.. Шериф здесь в качестве свидетеля.

Склонившись над столом Стивенса, Джабез быстро отыскивает закладную и хватает ее. Внимательно читает, чтобы убедиться, что это действительно его закладная, а убедившись в этом, порывисто разрывает документ и разбрасывает обрывки по столу.

Джабез. Теперь я чист... Ну, пойдем, шериф!

Берет под руку шерифа и выходит с ним из конторы, даже не оглянувшись на Стивенса, который пристально разглядывает одну из золотых монет.

Вспомнив, что он уже видел когда-то такое же золото, Стивенс бросает монету на стол, потом с отвращением отталкивает ее в сторону. Рывком, трясущимися руками захлопывает ящик стола и неподвижно смотрит на пол. Там словно из тумана появляются какие-то слова.

Крупно дата — 8 апреля 1840 года. Эту надпись и рассматривает Сти-

венс. Она сделана точно так же, как дата, высеченная Дьяволом на дереве во дворе фермы Джабеза.

Долго разглядывает Стивенс роковую надпись на полу. Наконец, пошатываясь, поднимается и быстро направляется к своему сейфу. Открывает его. Выгребает оттуда несколько золотых монет, толстые пачки потрепанных ассигнаций. Набивает ими свои карманы и выходит из конторы.

Деревня Крос Корнес.

Церковь. Это типичное для Новой Англии красивое белое строение, расположенное среди деревенских лугов.

По ступенькам главного входа поднимается Стивенс. Он спешит. Крепко прижимает руками карманы, оттопыривающиеся от тяжести золотых монет и бумажных ассигнаций.

Входит в церковный притвор. Это темный уголок. Здесь находится ящик для милостыни беднякам. Стивенс начинает торопливо перекладывать деньги из карманов в этот ящик.

На улице, у ступеней, ведущих на паперть, появляется тень фигуры в черном сюртуке. На нижней ступени ясно виден остроконечный ботинок. Доносится голос.

Дьявол (мягко). Что ты делаешь, мистер Стивенс?

Вытянув шею и дрожа от страха, Стивенс суетится. Перестает перекладывать деньги.

Стивенс (съезжившись). Я... хотел бы отдать все эти деньги церкви.

Дьявол. Отдать мои деньги? Почему, мистер Стивенс? Что за странное намерение! Подойди к двери, я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз... Перестань выбрасывать эти деньги! Ты не должен показывать людям, что у тебя есть слабость, мистер Стивенс. Ты знаешь, что люди пользуются человеческими слабостями!.. Выходи оттуда... Я дам тебе хороший совет, конечно, при условии, что ты выбросишь эту глупую мысль о раскаянии!

Стивенс (выходит из церкви). Да дело не в этом... Это... одиночество, мистер Дьявол... одиночество.

Дьявол (поглаживает свой удлиненный подбородок и посмеивается). Одиночество?.. Неужели ты чувствуешь себя одиноким с твоим золотом, мистер Стивенс?.. В этом едва ли ты прав...

Стивенс (переводя дыхание). Я хочу с кем-нибудь поговорить о...

Дьявол. Ты можешь поговорить со мной...

Стивенс. Нет... нет... (Снова начиная хныкать.) Я хочу поговорить с людьми... с народом Крос Корнеса... с моими соседями.

Дьявол. Так почему же ты этого не делаешь?

Стивенс. Я не могу быть откровенен с ними!

Дьявол. Ах вот что ты хочешь!.. Ну, теперь ты можешь быть вполне откровенен с Джабезом Стоунсом.

Деревня в Крос Корнес.

Сельская лавка.

Джабез грузит на повозку купленные товары. Из лавки выходит приказчик Эдди. В его руках счет, который должен оплатить Джабез.

Эдди. Сегодня действительно большой праздник для нашего магазина, мистер Стоун.

Джабез (*расплачивается*). Получи по счету... А это вот для тебя!

Вручает Эдди еще одну золотую монету.

Эдди. Ей-богу, мистер Стоун... может быть, повезет и мне и в один прекрасный день я тоже наткнусь на горшок с золотом гессенских купцов.

В то время как Эдди входит в магазин, оттуда выходит Мэри в сопровождении Сары.

Мэри (*показывает капор*). Ну, что ты на это скажешь, Джабез?

Джабез. Ты выглядишь в нем очень элегантно, Мэри!

Сара (*суетится около Мэри*). Новейшая модель каталога прошлой осени и журнала дамских мод.

Мэри. Ты не думаешь, что он слишком шикарен для меня?

Сара. Ну что вы, милое дитя, вам ли это говорить!

Джабез. Бери, бери этот капор!.. Для нас теперь нет ничего слишком шикарного...

Мэри (*обращаясь к Саре*). Да... может быть, к нему приколоть несколько роз?

Сара. Будет очень мило, Мэри.

Мэри (*направляясь обратно в магазин*). Теперь мне осталось лишь выбрать небольшую шаль для мамы Стоун... но только хорошую и прочную.

Джабез (*вслед Мэри*). Займись одна своими покупками, Мэри... Я на полчаса отлучусь.

Уходит. У дверей магазина Мэри сталкивается с Эдди, который выходит оттуда с трубой под мышкой.

Мэри. Куда это вы направляетесь со своей трубой?

Эдди. А вы разве не слышали, миссис Стоун?.. Сегодня в нашем селе обещал остановиться Даниэль Вебстер. Он направляется во Франклин.

Мэри. Даниэль Вебстер здесь?

Эдди. Вы не пойдете на встречу с ним?

Вечереет.

Сельская площадь.

Здесь собрались все жители поселка. Впереди местный оркестр, в составе которого должен быть по меньшей мере хотя бы один ветеран гражданской войны между Севером и Югом. Ветеран в темно-синей форме, с косичкой.

Шериф выстраивает в шеренгу оркестр и зрителей. Школьный учитель наводит порядок среди учеников.

Перед оркестром стоит судья. Он с сомнением смотрит на Эдди, который упражняется на своей трубе.

Судья. Эдди, стоит ли тебе сейчас заниматься этим?

Эдди. Я хочу как следует настроить трубу к приезду Вебстера.

Шериф (подходит к ним). Как вы думаете, судья, не следует ли мне узнать поподробнее о золоте Джабеза.

Судья. Вы лучше узнайте о мистере Вебстере. Он опаздывает уже больше чем на час... Я не могу понять, в чем дело.

Судья оборачивается к ожидающей толпе, которая становится все беспокойнее. Он уже собрался что-то сказать, но Эдди снова затрубил и навлек на себя гнев судьи.

Эдди. Не беспокойтесь, судья, я сейчас настрою.

Судья (обращается к толпе). Друзья, соседи!.. Я прошу вас... немного терпения! Давайте еще раз прорепетируем наш парад.

Поворачивается к руководителю оркестра. Тот подает сигнал. Оркестр начинает играть.

Смеркается.

Поле... Сарай... Из-за сарая выходит Джабез. Он идет к кузнецу. Видит мальчика. Спрашивает у него.

Джабез. А где кузнец?

Мальчик. Подковывает лошадь Даниэля Вебстера.

Джабез. Чью лошадь?

Обернувшись, он видит Даниэля Вебстера и кузнеца. Вокруг них, весело болтая, столпились мальчуганы. Здесь же стоят несколько фермеров. Все с интересом наблюдают за кузнецом.

Первый фермер (обращается к своему соседу). Глупый недотепа, воображает, что может тягаться с Даниэлем Вебстером.

Второй фермер. Даниэль ковал лошадей с раннего детства... Не так ли, Даниэль?

Вебстер. Да, вместе с моей бабушкой. Она тоже была неплохим мастером... Ну, а теперь я в самом деле должен ехать... Народ, наверное, ждет меня в Крос Корнесе.

Направляется к своей коляске. Но в этот момент Дьявол удерживает его за пальто.

Дьявол. Вам осталось ехать совсем немного, мистер Вебстер.

Вебстер (оборачиваясь). А, это опять ты!.. Что тебе нужно?

Дьявол. Приближаются выборы президента... я мог бы оказать вам помощь, сэр!

Вебстер. Я предпочитал бы видеть тебя на стороне моих противников!..

Дьявол. А я буду и там!

Остановившись, Вебстер оглядывается и видит, как Джабез гнет подкову.

Вебстер. Совсем неплохо, молодой человек!

Дьявол. Неплохо... это просто прекрасно!

Джабез. Десять ударов, мистер Вебстер.

Вебстер. Идет, десять ударов..

Наплыв, означающий, что уже прошло какое-то время. Затем мы снова видим Джабеза. Он делает несколько ударов и выходит из игры победителем.

Фермеры возгласами выражают свое удивление.

Крепко пожимая руку Джабезу, Вебстер дружелюбно констатирует.

Вебстер. Ты победил... Не поедешь ли со мной в деревню, мистер Стоун?

Пока коляска Вебстера спускается по склону, мы видим опустевшую площадь. Очевидно, народ устал от долгого ожидания и разошелся по своим домам.

Снова появляется коляска Вебстера...

Одновременно по склону спускаются еще две коляски. В них огорченные члены комитета по организации встречи с Вебстером. Они уныло оглядывают опустевшую площадь.

Вебстер лукаво улыбается, в его черных глазах искрятся огоньки юмора, когда он, обращаясь к оказавшемуся возле судьей, спрашивает:

— По-видимому, я не очень популярен в Крос Корнесе?

Джабез. Похоже, что это моя вина, мистер Вебстер!

Вебстер (хлопая Джабеза по колену). Вовсе нет, юноша... (Неискренне.) Хорошую игру с подковой я всегда предпочту славе и грому аплодисментов.

Несколько мальчишек спрыгивают с задка коляски и стрелой убегают, что-то крича на бегу своими пронзительными голосами. Один из мальчиков, Мартин, подбегает к двери сельского кабачка.

Мартин. Черный Даниэль приехал!

Сельский кабачок, битком набитый фермерами и горожанами, которых мы уже видели на деревенской площади.

В кабачок, где в разгаре выпивка, вбегает Мартин.

Мартин. Эй, вы... Даниэль Вебстер здесь!

На площади перед кабачком коляски останавливаются. В тот же миг распаивается дверь и из кабачка выскакивает хозяин Си Биббер, сутулый и краснолицый человек. Он приветствует Даниэля Вебстера, держа

в руках объемистый кубок с ромом, который ему только что передал Дьявол. Судья также бросается к коляске.

Судья. Добро пожаловать, мистер Вебстер! Добро пожаловать в Крос Корнес!

Си Биббер (*вручая Вебстеру кубок с ромом*). Ваше доброе здоровье, сэр!

Вебстер (*берет кубок*). Ну-с, друзья, давайте выпьем все вместе... Выпьем бокальчик за чемпиона — мистера Стоуна.

Си Биббер. Сию минуту, мистер Вебстер, сию минуту!

Раболепно кланяется, уходит и тут же возвращается с наполненными бокалами.

Вебстер (*нюхает кубок с ромом*). Здесь оказался человек, который знает, что нравится Даниэлю Вебстеру... Медфордский ром! Эх, дыхание земли обетованной! (*Пробует ром и звонко чмокает губами.*) За чемпиона железной подковы — Джабеза Стоуна!

Джабез (*получив свой бокал*). Спасибо, мистер Вебстер! (*Поднимает бокал.*) За чемпиона всех Соединенных Штатов Даниэля Вебстера!

Одобрительные возгласы. Все пьют.

Взобравшись на коляску, маленький Мартин, не сводя глаз, пристально рассматривает Вебстера.

Вебстер. Что ты смотришь на меня, полковник?

Мартин не отвечает.

Вебстер. Как тебя зовут?

Мартин. Меня зовут Мартин ван Бюрен Олдридж. Мой отец — единственный демократ во всем Крос Корнесе. Он сказал, что у вас есть рога и хвост, мистер Вебстер! Я никак не могу их увидеть!

Вебстер. Видишь ли, Мартин, дело в том, что я ношу их только в Вашингтоне. Вот если ты когда-нибудь приедешь в этот город, я покажу их тебе.

Мартин (*таращит глаза*). В самом деле, мистер Вебстер?

Вебстер. Ну конечно! А от меня передай своему отцу, что мы можем твердо стоять на разных позициях; но я всегда бываю рад услышать о человеке, имеющем свои собственные убеждения. Пока люди будут придерживаться этого, у нас в стране все будет в порядке... Ты понял меня, Мартин?

Мартин. Да, сэр, думаю, что понял...

Дьявол. Произнесите речь, мистер Вебстер, речь...

Вебстер, Джабез, судья, сельский учитель, шериф снова пьют. Си Биббер подносит Вебстеру новый бокал. Заметно, что Вебстер опьянел. Он тяжело опускается на переднее сиденье коляски, с трудом удерживая в руке кубок. Из толпы слышатся возгласы, обращенные к гостю.

Голос из толпы. Просим речь, Черный Даниэль, просим речь.

Судья. Они просят вас сказать речь, мистер Вебстер.

Вебстер. Сказать речь?.. О нет... я немного устал, к тому же здесь так хорошо на солнышке. *(Вытягивает ноги, ложится на спину.)* Солнце и воздух Крос Корнеса так приятны.

Улыбается. Глубоко вздохнув, закрывает глаза.

Судья *(растерянно)*. Но... мистер Вебстер... *(Беспомощно оглядывается на стоящих вокруг него людей.)*

Вебстер *(обращаясь к судье)*. Скажите им...

Голоса из толпы. Просим речь, Даниэль Вебстер!

— Речь!

— Скажите речь!

Судья *(к членам комитета)*. Что же нам делать, джентльмены?

Вдруг Джабез, понявший состояние Вебстера, выходит из коляски и прыгает на крыльцо кабачка. Вытягивает руку в сторону собравшихся встречать гостя. Постепенно толпа успокаивается, ее внимание переключается на Джабеза. А он, в душе смущенный и испуганный, начинает, сразу скрипнув.

Джабез. Слушай, народ... я хочу сказать... народ, я... я не большой мастер произносить речь... *(Делает глоток.)* Но я считаю своим долгом...

Воцаряется тишина. Все с любопытством поглядывают на Джабеза, а он, все еще не оправившись от смущения, вглядывается в толпу и мучительно подбирает слова...

Крупно: в толпе рядом с высокой, худой женщиной по имени Сюзанна Орт стоит Мэри.

Сюзанна *(пристально глядит на Джабеза)*. Что с ним случилось? Что, кто-нибудь проглотил его язык?

Мэри. Помолчи, Сюзанна.

Сюзанна. Джабез хороший фермер, но произносить длинные речи — другое дело!.. Как ты думаешь, сумеет он справиться с этим?

Мэри. Конечно, справится... Правда, я знаю, что ему никогда не приходилось... но... О, не можешь ли ты постоять спокойно!

Крупно: Джабез Стоун на ступеньках кабачка.

Джабез *(собравшись с мыслями)*. Ну-с, люди... все, что я хочу сказать, сводится к тому... ну, так сказать, когда человек, подобный Даниэлю Вебстеру, посещает нас... мы не должны требовать от него речи... говорить нужно нам самим... Нужно сказать ему, что мы, фермеры, каждый день благодарим наши счастливые звезды за то, что сделал для нас Даниэль Вебстер. Каждый, кто имеет зерно в закромах и сено в сарае, обязан всем этим нашему доброму соседу, Даниэлю Вебстеру, который стойко защищает в конгрессе наши интересы от акул-занемодателей... борется за введение нового закона. И вполне понятно, что Даниэль Вебстер устал от такой нелегкой работы... устал от речей и хочет хотя бы небольшого отдыха на солнце. И почему бы ему не выбрать деревенское солнышко Крос Корнеса?! Прежде чем кончить говорить, мне хотелось бы добавить, что мы вспахиваем землю под посевы в округе Франклина

благодаря, так сказать, Даниэлю Вебстеру, и мы будем ее вспахивать до тех пор, пока наш гость находится в Белом доме в Вашингтоне, где для него самое подходящее место.

Поклонившись, Джабез спускается с крыльца. Его награждают аплодисментами, одобрительными возгласами.

Крепко заснувший Вебстер открывает глаза. Поняв, в чем дело, протягивает Джабезу руку. Тот восторженно пожимает ее.

Вебстер (*в полусне*). Красноречивое выступление, сосед Стоун... Я сам не смог бы произнести лучшей речи. (*С лукавой улыбкой.*) При данных обстоятельствах. (*Пожимает руку Джабезу.*) Благодарю тебя.

Джабез. Мистер Вебстер, я бы хотел, чтобы вы познакомились с моей женой Мэри.

Вебстер. Ну что же, хорошо... если речь не идет о маленькой Мэри Сэмпсон из Франклина.

Мэри (*улыбаясь*). О ней самой.

Вебстер (*протягивает руку Мэри*). Вы нашли хорошего человека, миссис Стоун. Ну, обнимите же его.

Мэри (*обменивается рукопожатием с Вебстером*). Мне очень хочется это сделать, мистер Вебстер! (*Краснеет.*)

Вебстер. Вот и прекрасно!.. (*Берет в руки вожжи.*) Итак, я должен попасть во Франклин до наступления ночи... До свидания, Мэри.. До свидания, Джабез... Да благословит вас бог... До свидания все остальные и благодарю вас!

Поднимает руку в знак приветствия. Народ отвечает ему приветственными возгласами. Лошади трогают с места.

И в этот момент наконец появляется оркестр. Музыканты играют прощальный марш. Из толпы все еще раздаются приветственные возгласы. Вебстер оборачивается, машет рукой.

Стоящие рядом Мэри и Джабез прощально машут руками...

Судья и многие другие направляются к кабачку.

Судья. Ну, пойдем с нами, Джабез!

Джабез (*обращается к Мэри*). Может быть, зайдем?

Мэри. Нам нужно ехать домой, Джабез.

Джабез. Пожалуй, верно, Мэри. (*Удовлетворенно вздыхая.*) Да, денек выдался утомительный!

Кабачок.

Зал для почетных гостей. Здесь судья, шериф, учитель и еще несколько человек. Все они, включая и самого хозяина Си Биббера, много пьют. Си Биббер уже не за стойкой бара, где ему следовало быть. Там его место занял Дьявол. Он быстро и умело приготавливает коктейли и обслуживает посетителей бара.

Дьявол. Еще поднести, шериф?

Си Биббер. Я хочу произнести тост... (*Поднимает кубок, который Дьявол только что наполнил.*) Тост в честь Даниэля Вебстера... за величайшего человека... во всех Соединенных Штатах!

Дьявол. Великолепно, мистер Биббер!.. прекрасно.. и я бы хотел провозгласить тост. (*Поднимает свою чашу.*) За Джабеза Стоуна... который так искусно поддержал... (*глотаю слова*) великого Даниэля Вебстера!.. Иногда не замечают великих людей в своей собственной общине!..

Си Биббер (*обращаясь к судьбе*). Ты слышал, судья Слоссэм?

Судья. Мистер Стоун?.. Великий человек?.. Ну, теперь.. я... он, по-видимому, стал таким важным после того, как проехался в коляске мистера Вебстера. Нет... я не очень-то верю в его величие.

Дьявол (*обращаясь к судьбе*). Подлить еще рому, судья Слоссэм?

Судья (*хрипло*). Мне... я... я не знаю...

Дьявол. Что вы сказали?.. Не знаете?

Судья. Ну тогда еще только одну кружечку... и она уже будет последней!..

Главная улица Крос Корнеса.

Темно. Безмолвно. В домах не видно ни одного огонька.

Из кабачка, взявшись за руки, выходят Дьявол, судья, шериф, Си Биббер и учитель. В центре шествует Дьявол.

Мы видим, как они, тихо напевая пьяными голосами, плетутся неровной шеренгой вдоль улицы.

Хором. Мы за Джабеза Стоуна!.. Чтобы он стал членом сельской управы... Джабез Стоун! Джабез Стоун!

Ночь. Спальня Джабеза.

Небольшая комната со скошенным потолком, освещенная лампой. В ней стоит обычная для Новой Англии большая кровать с пологом, накрытая пестрополосатым одеялом. Джабез и Мэри готовятся ко сну. Мэри расплетает косу, Джабез снимает ботинки.

Джабез (*мечтательно*). Помнишь, Мэри, как он сказал: «Я бы сам не смог произнести лучшую речь, Джабез Стоун». А ведь это была моя первая речь!.. Я не знаю, Мэри, что случилось со мной... Я просто поднялся, и слова, как вода, полились из моего рта.

Мэри. О, Джабез, это был изумительный день...

Мэри расплела косу. Начинает расстегивать платье.

Мэри. Но я рада, что снова возвратилась домой...

Джабез (*посмотрев на Мэри*). Устала?

Мэри. Меня беспокоит...

Джабез. Теперь не о чем беспокоиться.

Мэри (*озабоченно*). Ведь ты никогда не изменишься... не правда ли?

Джабез. Мэри... ты только подожди — и увидишь... Вот и все... ведь это только начало... только начало всего. Я стану самым большим человеком во всем Нью-Хемпшире... а ты будешь женой самого большого человека!

Расстегивает рубашку. Со двора доносится лай Шеп. Джабез подходит к окну, открывает его. Занавеска колышется на легком ветру. В комнату врывается запах земли. Виден молодой месяц, опускающийся на крутые холмы.

Джабез. Успокойся, Шеп! *(Глубоко вздыхает.)* Сейчас новолуние, Мэри...

Голос Мэри. Я знаю, Джабез... молодой месяц... А я увидела его через правое плечо... Это означает большое счастье... для нас обоих.

Джабез. Да... мы богаты...

Мэри. Это означает надежду и обещание, Джабез... Хороший сезон надежды на хороший урожай.

Джабез *(снова глубоко вздыхает)*. Да, ты права, Мэри. Мне кажется, я слышу шелест маленьких ростков, пробивающихся сквозь землю... Слышу движение каждого семени под землей.

Мэри *(после паузы, мягко)*. Смотри не простудись, Джабез. *(После новой паузы.)* Иди сюда... здесь теплее.

Гаснет лампа, и комната погружается во мрак. Лишь слабый свет луны на несколько секунд освещает фигуру Джабеза. Он отворачивается от окна. И тогда становится ясно видна фигура Дьявола, стоящего в тени дерева и наблюдающего за спальней. Но Джабез не видит его.

В тусклом свете луны мы видим фигуру Джабеза, идущего к кровати. На кровати, повернув голову на подушке в сторону Джабеза, лежит Мэри. Она ждет его.

Джабез. Мэри...

Мэри. Джабез...

Джабез целует Мэри.

Часть третья

Полдень.

Поле на склоне холма за домом Стоуна. Джабез занят весенней пахотой. Хотя его лошадь так же стара, как и плуг, но зритель чувствует, какие блага и радости может приносить здесь земля. Джабез выглядит умелым земледельцем. Это чувствуется по его уверенному и любовному обращению с землей.

Крупно — Джабез, идущий за плугом.

Из дома доносится звук рожка. Этим сигналом обычно пользуются, когда нужно позвать кого-нибудь с поля.

Прекратив пахоту, Джабез направляется домой.

Дом Стоунов.

Боковое крыльцо. Джабез и мамаша Стоун подходят к крыльцу. Возле крыльца Мэри, засучив рукава, стирает в корыте белье.

Мэри (*увидев Джабеза*). О, Джабез... мне очень не хотелось оторвать тебя от пахоты, но...

Крупно — судья, его жена Люси, учитель Фиппс и шериф.

У судьи, шерифа и учителя подозрительно болезненный вид. Заметно, что они страдают от головной боли. Особенно непривлекательно выглядят судья. Тем не менее он старается сохранять напыщенный вид.

Джабез (*возбужденно*). Какими судьбами!.. Доброе утро, судья.

Судья. Доброе утро, Джабез!

Другие. Доброе утро!

Джабез. Доброе утро, миссис Слоссэм!

Судья. Видишь ли.. мы хотели поговорить с тобой по секрету, сосед Стоун... Хотя нам и не хотелось отрывать тебя от полевых работ... но иногда...

Джабез. Может быть, пройдем в гостиную, соседи.

В честь таких почетных гостей мамаша Стоун надела новую шаль. Она с гордостью ее демонстрирует. То и дело приглаживает волосы.

Мамаша Стоун. Конечно, Люси Слоссэм!.. Пройдемте с нами, пожалуйста.

Люси. Благодарю, миссис Стоун.

Все уходят в дом.

Гостиная в доме Стоунов.

Это холодная комната, которую вполне можно принять за хорошо выбеленную кладовую. Джабез вводит сюда судью, шерифа и учителя. Все неловко рассаживаются на жестких стульях, слегка поживаясь от холода.

Джабез. Очень любезно с вашей стороны заглянуть к нам, судья, и уделить время на... (*подозрительно поглядывает на других*) и с вашей стороны, шериф, и с вашей, учитель... очень мило!

Судья. Итак, сосед Стоун, мы хотим...

Его мучит головная боль. Шериф и учитель чувствуют себя не лучше.

Судья (*стонет*). Ох!

Джабез (*озабоченно*). Головная боль, судья?

Судья. Самая ужасная, какая была у меня за последние годы... Ох-хо-хо, и все это из-за холодной весны!.. Может быть, Стоун, у вас в доме найдется немного настоя ромашки?

Джабез. Настоя ромашки?..

Кухня в доме Стоунов.

Здесь сидят мамаша Стоун, Люси Слоссэм и Мэри. Мэри уже немно-

го принарядилась, но еще не успокоилась. Так и сидит она, раскрасневшаяся и смущенная внезапным появлением гостей.

Входит Джабез.

Джабез. Мэри, приготовь три чашки настоя из ромашки для судьи и остальных. Они замерзли, пока добирались сюда.

Мэри. Сейчас, Джабез.

Джабез. Поторопись, Мэри!

Снова уходит в гостиную. Мэри подходит к шкафу. Вынимает оттуда кувшин с сидром и несколько чашек.

Люси. Бедный Генри! Так страдает!.. Вчера у него было важное заседание комитета, и он лишь в полночь вернулся домой... Я, конечно, уже спала в это время, но на утро... Боже мой!

Мамаша Стоун (сухо). От такой головной боли есть одно хорошее средство... Давайте я вам его покажу.

Гостиная в доме Стоунов.

Судья с трудом удерживается на ногах. Но это не снижает его торжественности.

Судья. Итак, Джабез Стоун, от имени партии вигов Крос Корнеса мы предлагаем тебе выставить от этой партии свою кандидатуру в члены сельской управы.

Джабез (ошеломленный). Членом сельской управы?.. Меня?

Шериф и учитель в знак одобрения хлопают в ладоши.

Шериф. Отличная речь, которую ты произнес вчера, доказывает, что ты вполне подходишь для этого.

Судья. Молодая кровь — и старинный род...

Джабез. Но... мне ведь просто повезло.

Судья. Ну, а кто сказал, что политическому деятелю не должно везти!

Шериф. Твоя кандидатура кажется нам вполне подходящей!

Джабез (с глубоким вздохом). Ну что ж, соседи... ладно, я согласен!

Судья. Вот и хорошо!.. Самая подходящая кандидатура в Нью-Хемпшире!.. Ну, а теперь... гм... может быть, мы скажем маленький тост по этому случаю?

Мэри (входит с чашками на подносе). Вот, Джабез.

Джабез (берет поднос). Мэри, знаешь, я буду членом управы Крос Корнеса!

Но на Мэри это приятное сообщение производит совсем иное впечатление. Она смотрит на Джабеза так испуганно, как будто потеряла его навсегда.

Мэри О, Джабез!

Поворачивается и выбегает из комнаты.

Ничего не понимая, Джабез смотрит ей вслед. Пожимает плечами. Подходит к мужчинам и передает им чашки.

Судья (*поднимая чашку*). За нашего нового члена сельской управы — Джабеза Стоуна!

Одним жадным глотком выпивают они содержимое. И тут же с выражением крайнего недоумения все трое смотрят друг на друга. Их губы кривятся. Ясно, что проглотили они что-то невкусное.

Шериф. Провалиться на месте, если это не сливовая слабительная настойка!

Гости удивленно смотрят на Джабеза.

Кухня.

Мамаша Стоун и миссис Слоссэм роются в коробке, наполненной рецептами.

Мамаша Стоун. Ну, а если это не поможет, попробуйте вот этот рецепт.

Миссис Слоссэм. Благодарю вас, мамаша Стоун.

Входит Мэри. В руках у нее поднос с пустыми чашками.

Мэри. О, миссис Слоссэм, они собираются уходить!.. Вам лучше поспешить, если не хотите остаться здесь.

Миссис Слоссэм доедает кусок пирога, вытирает пальцы и направляется к выходу из кухни.

Миссис Слоссэм. До свидания, мамаша Стоун!.. До свидания, Мэри!.. Спасибо за все.

Мамаша Стоун (*заглядывая в чашки, которые принесла Мэри*). Они и вправду выпили все до последней капли?! Ай-яй-яй!

Подходит к окну. Отсюда видна коляска гостей.

Мэри. Ты знаешь, мама, зачем приезжал судья?

Мамаша Стоун. Да, миссис Слоссэм рассказала мне... Разве Люси умеет хранить секреты?! Член сельской управы.. мой сын... Кто бы мог подумать?!

Вошедший в комнату Джабез слышит слова матери.

Джабез. Я — и вдруг член управы.

Боясь расплакаться, Мэри не хочет говорить на эту тему.

Мэри. Я так и не кончу сегодня свою стирку.

Джабез. Как раз об этом-то я и хотел поговорить с тобой, Мэри.

Мэри (*делая реверанс*). Да, мистер член сельской управы!

Джабез. Я говорю серьезно.

Мэри. Это вам очень идет, мистер член сельской управы.

Джабез. Но тебе совсем не идет показываться перед судьей и его женой с руками в мыльной пене.

Мэри (*сбитая с толку*). Но, Джабез... ведь я должна выстирать белье.

Джабез. Хорошо... Но пусть это будет последний раз... Теперь у нас будет прислуга для этого.

Мэри. Нет-нет!.. Я не хочу быть бездельницей.

Джабез. А я не хочу, чтобы моя жена была прачкой.

Мамаша Стоун. Ох, сынок, а я рада, что Стоуны снова выходят в люди.

Джабез. Послушай, мама! Я уже не мальчик и хочу, чтобы вы это поняли... Я не собираюсь до конца моих дней оставаться однолошадным фермером... и Мэри должна быть такой женой, в какой нуждается человек с положением...

Мэри. Джабез, ты говорил когда-то, что мы никогда не переменимся...

Джабез. Тогда мне не приходилось быть большим человеком... и у меня не было больших планов... ну, а теперь... мои взгляды изменились!

Уходит, оставив женщин в полном недоумении.

Двор фермы Стоунов.

Из кухни выходит Джабез. Видит слоняющегося по его двору соседа — фермера Хэнка.

Хэнк. Здравствуй, Джабез.

Джабез. Здравствуй, Хэнк.

Хэнк (*застенчиво, извиняющимся тоном*). Может быть, ты уделишь мне минутку, Джабез?

Джабез (*снисходительно*). Почему же?.. Конечно, Хэнк! У меня всегда найдется время для соседа. Что тебя заботит?

Хэнк. Дело вот в чем... Том Шарп, Эйли Хигинс и еще двое фермеров говорили со мной относительно новой организации фермеров... Что ты думаешь об этом?

Джабез. Не знаю, право... мне кажется, это нестоящее дело.

Хэнк. Да, но... но что же делать фермеру, если он не хочет окончательно запутаться в сетях этих долговых акул?

Джабез. О, тебе нет нужды идти к Майзеру Стивенсу, раз я тут рядом.

Хэнк. Не следует идти, говоришь?.. Это очень благородно с твоей стороны, Джабез...

Джабез. Ничего особенного. Да-да... Хэнк... Я рад помочь тебе.

Хэнк. Спасибо, Джабез... по сути говоря, мне немного и нужно-то... Не одолжишь ли ты семян, чтобы я мог засеяться?

Джабез. Семян?.. Нет ничего проще на свете... Пойдем, Хэнк, и сразу же достанем, что тебе нужно.

Направляются в сторону амбара.

Хэнк. Скажи... а на каких условиях ты даешь мне?

Д ж а б е з. Об этом не беспокойся. Положись во всем на меня. Не будем говорить о делах... Знай только, я не принадлежу к людям, которые богатеют на несчастье других... Нет, сэр, только не я!..

В амбаре.

Входят Джабез и Хэнк.

Д ж а б е з. Мне тоже приходилось трудно... и я знаю, каково тебе сейчас. Вот...

Наклоняется над закромами, полными семян. Рядом с ним стоит Хэнк.

Д ж а б е з. Вот самые лучшие семена, какие только можно найти во всем Нью-Хемпшире.

Сквозь пальцы Джабеза легко струится зерно.

Серия коротких кадров, показывающих, как меняется ферма Стоунов.

Под лучами весеннего, а затем летнего солнца мы видим процветающее хозяйство этой фермы... Полосы яркой, едва пробивающейся зелени сменяются полями высокой, налившейся крупным зерном пшеницы... За ними следуют полосы спелого, богатого урожая ячменя...

Вот в сарай вводят породистого, недавно купленного быка и двух коров...

Снова поля спелой высокой пшеницы и ячменя...

Полдень.

Спальня Стоунов.

На кровати, не раздеваясь, лежит Мэри. Ее глаза закрыты. Она мирно спит.

Входит Джабез. Его волосы по-мальчишески взъерошены, однако он выглядит более солидным и серьезным, чем раньше. В манерах проглядывает самодовольство.

Д ж а б е з (шепотом). Мэри...

Увидав, что Мэри спит, Джабез замолкает и отходит от кровати. Он направляется к двери, но, передумав, снова возвращается. Приподнимает с одной стороны кровати стеганое одеяло, накрывает им Мэри и на цыпочках выходит из комнаты.

Кухня.

С вязаньем в руках у печки сидит мамаша Стоун. Сняв очки, протирает их и искоса поглядывает на дверь. Входит Джабез и начинает молча расхаживать по кухне.

Мамаша Стоун. Это не первый ребенок, который появится на свет в этом доме. (Мнет в руках свое вязанье.) Вот тебе на!.. Из-за тебя я спустила петлю!

Не отвечая, Джабез продолжает шагать.

Мамаша Стоун. Да сядь же!.. Ты действуешь мне на нервы.

Словно не слыша, Джабез продолжает ходить по комнате.

Мамаша Стоун. Все вы мужчины одинаковы! Каждый из вас думает, что появление на свет его сына — самое важное событие во всем мире.

Джабез. Мой сын! Ты в самом деле думаешь, мама...

Мамаша Стоун (смеясь). Да убирайся ты! Думаешь, что это очень важно для бабушки!.. Но, может быть, тебе повезет и в этом.

Внезапно окно освещается вспышкой молнии.

Мамаша Стоун. Кажется, начинается гроза. Надеюсь, она не разбудит Мэри. (Зажигает лампу.)

Джабез. Какая-то странная погода... Такая же странная, как и все остальное!..

Мамаша Стоун. Ну, мы-то в Новой Англии, слава богу, всегда зависим от погоды... Нам достается вдоволь за все Соединенные Штаты!

Джабез. Я так беспокоюсь, мама, что совсем потерял голову.

Мамаша Стоун. О господи, послушать тебя, так подумаешь, что тебе первому предстоит произвести на свет ребенка!

Джабез. У меня... сын.

Бросает взгляд на окно. Ему кажется, что кто-то наблюдает за ним оттуда. Но он видит только темные облака и хилое дерево, на котором висечен его рок. Пытаясь побороть страх, он говорит.

Джабез. Да... деньги, деньги! Удивительная они вещь. Не так ли, мама?

Мамаша Стоун. Мне кажется, это зависит от того, как их наживать и как тратить, сынок.

Джабез (возбужденно). Ты действительно так думаешь?

Мамаша Стоун. Ну конечно! В этом весь смысл, сынок. Вот, например, Даниэль Вебстер. Я думаю, ему много платят за его работу... Но он заслуживает этого, потому что помогает другим... Вот в чем разница.

Джабез. Я знаю это, мама, но... а если человек приобрел деньги дурным путем?..

Мамаша Стоун. То они не принесут ему никакой пользы.

Прищелкнув языком, Джабез снова бросает взгляд на темное окно, в этот момент освещенное молнией, которая словно подмигивает, насмехаясь над ним.

Мамаша Стоун. Я стара... Я достаточно прожила... Потому и могу твердо сказать тебе: если человек получает деньги нечестным путем... если, видя лучший путь, избирает худший, — дьявол вселяется в его душу и подчиняет себе человека.

Джабез. Мама... но ведь человек может изменить это, не правда ли?

Ма м а ш а С т о у н. Человек всегда может изменить положение вещей, сынок... Этим-то он и отличается от амбарных жуков.

Посмотрев еще раз на хилое дерево, Джабез отходит от окна и решительно направляется к двери.

Ма м а ш а С т о у н. Куда ты, сынок?

Но Джабез оставляет ее вопрос без ответа и молча выходит из комнаты.

Двор.

Над фермой плывут темные облака. Время от времени вдалеке видны вспышки молнии.

К дереву поспешно направляется Джабез. Торопливо оглядывается. Убедившись, что его никто не видит, вынимает широкий карманный нож и принимается соскабливать дату, которую Дьявол вырезал на дереве. Но быстро убеждается, что буквы и цифры высечены слишком глубоко и ему не удастся уничтожить надпись.

Отказавшись от этой попытки, Джабез принимает другое решение. Он бросается к амбару. Входит туда.

В амбаре.

Джабез что-то торопливо ищет. Наконец находит, что ему нужно. Это топор. Собирается выйти, чтобы снова приняться за дерево, но в это время по крыше начинает барабанить град.

Через открытую входную дверь амбара видны падающие на кровлю градины небывалой величины.

В то время как Джабез мечется по амбару, из темного угла или внезапно мелькнувшей молнии появляется Дьявол. Он предстает пред Джабезом спокойным, улыбающимся, учтивым.

Дьявол. Добрый вечер, сосед Стоун!

Джабез. Теперь ты увидишь...

Дьявол. Подожди, сосед Стоун... Если бы я был на твоём месте, то не стал бы срубить это дерево. Ведь это означает нарушение заключённого контракта.

Джабез. Я не беспокоюсь об этом.

Дьявол. Но ты должен побеспокоиться: ведь тебе предстоит стать отцом.

Джабез. Не смей говорить об этом!

Дьявол. О, конечно. Я даже не появлюсь на крестинах... с моей стороны это было бы бестактностью, проявлением дурного тона. (Смеется.) Но я могу прислать моего друга — просто в память о прошлом... Да... да... это я могу сделать.

Задумчиво поглаживает подбородок рукой.

Г о л о с м а м а ш и С т о у н (з о в е т). Джабез! Джабез!

Дьявол. Твоя мамаша!.. Я нахожу ее несколько тяжелой в обращении... она едва ли подходит для наших дел. *(Отступая в темноту.)* Спокойной ночи, сосед Стоун!

Дьявол раскланивается и мгновенно исчезает через заднюю дверь амбара. Джабез удивленно смотрит ему вслед. Град продолжается. Скот в стойле начинает волноваться. В конюшне бьет копытом лошадь.

Не успевает Джабез подойти к прогнившей доске, под которой спрятаны деньги, как через переднюю дверь в амбар входит мамаша Стоун. Она держит над головой старое пальто, чтобы защитить себя от града.

Мамаша Стоун *(запыхавшись)*. А, вот где ты, Джабез! Я так беспокоилась за тебя... Град в августе!.. теперь весь урожай пропадет!

Джабез. Ничего!

Мамаша Стоун. Что ты сказал, сынок?

Джабез. Я сказал — это ничего.

Мамаша Стоун *(с чувством облегчения)*. Теперь только и остается сказать это, сынок! Я знаю, ты потрудился немало, чтобы вырастить такой урожай... Но мы выдержим.

Джабез. Выдержим?.. Мы больше, чем выдержим! Я никогда не думал, что буду радоваться несчастью, как радуюсь сейчас... Никогда не думал, что буду рад граду во время уборки... О, благословенны твои дела, господи, когда ты посылаешь град, дождь и ураган!

Сжав губы, мамаша Стоун качает головой.

Град с силой барабанит по крыше. Темнеет...

На следующее утро.

Открывается вид на поля Джабеза.

В ярком свете солнечного утра стоят прямые, высокие посевы Джабеза. На легком ветерке колышутся спелые золотые колосья, нетронутые градом, прошедшим накануне.

За полем Стоунов, на склоне холма и в долине, видны поля соседних фермеров.

Какой печальный контраст являют собой они! Повсюду следы разрушительного урагана. Колосья прибиты до самой земли. Джабез, Мэри и мамаша Стоун стоят у каменной ограды близ дороги, не отрывая удивленных взглядов от своих уцелевших полей.

Мэри. Все поля погибли. *(Опускается на колени, как на молитве.)*

Джабез. Мэри, но посмотри, на моем поле не задет ни один колос... мы соберем богатый урожай.

Мамаша Стоун. Каждому воздается свое.. и будет он жить в изобилии.

Подняв голову, Джабез с вызовом смотрит на мать.

Джабез. Правильно, мама!..

...Под яркими лучами утреннего солнца стоит Джабез. Мимо по доро-

ге идут два фермера, хозяева соседних полей. Подавленные, едва переставляя ноги, идут они на свои поля. Вот они поравнялись с Джабезом. Он приветствует их.

Джабез. Здравствуй, Хэнк... Здравствуй, Лем.

Но фермеры, не отвечая на приветствие, лишь слегка наклоняют головы. Подняв глаза, они смотрят на Джабеза, потом на его цветущие поля и снова на Джабеза. В их взглядах — явное осуждение. С угрюмым видом продолжают они свой путь...

Джабез смотрит им вслед. Его мучают угрызения совести... Наконец он направляется к своей ферме.

Сельский кабачок «Вашингтонское оружие».

По углам, у столов, группами собираются фермеры. Здесь и знакомые зрителю Лем, Ноа, Том Шарп. Хозяин кабачка Си Биббер, он же и буфетчик, разносит напитки.

Лем (*у стойки*). Подлей-ка мне в долг еще рому, Си. Только так и можно забыть о своих заботах.

Си Биббер. Извини, Лем, не могу... Я тоже вынужден ведь считать свои копейки!

Стивенс (*обращается к Бибберу*). Налей ему еще чарку... за мной счет. (*Обращается к Лему*.) Ты думаешь, что Стоуну помогает провидение?

Лем. Не знаю... Знаю только, что пользы от моего поля мне теперь не больше, чем от прошлогоднего вороньего гнезда.

Стивенс. Может быть, ты разрешишь мне помочь тебе немножко?

Сэз. Похоже, что кто-то нагло смеется над нами.

Том Шарп. Думаю, теперь вы поняли, ребята, что всем нужно вступить в ассоциацию фермеров?

Стивенс. Одну минутку, соседи... Я могу сделать вам предложение куда лучше!

В кабачок входит Дьявол. Сейчас он в одежде фермера.

Си Биббер. Доброе здоровье!

Дьявол. Здравствуйте... Никогда не видел такого града. В наших местах град был с бильярдный шар. Выбило все стекла в окнах и чуть не убило кошку. Дай-те мне сидра покрепче. (*Оборачивается к другим*.) Ребята, у меня есть к вам предложение от Джабеза Стоуна.

Лем. Какое?

Дьявол. Да вот... Зная, что на своих полях после вчерашнего града вам нечего убирать, Джабез предлагает вам помочь собрать его урожай.

Наступает пауза. Смущенные фермеры переглядываются. Они чувствуют себя оскорбленными, но в то же время понимают, что от такой возможности подработать им нельзя отказываться.

Сэз (с горечью). Никогда в своей жизни я не батрачил ни на кого... если не считать того времени, когда был подростком... Да и тогда работал на своего старика!

Том Шарп. Я этого делать не стану.

Лем. Ну, а я подумаю об этом.

Дьявол (с улыбкой). О чем тут думать, ребята! Вот вам по доллару на каждого... в качестве аванса, тем, кто захочет работать.

Бросает деньги на стойку.

Поля Стоуна.

Сэз, Ноа, Том Шарп и еще несколько фермеров жнут небывалый урожай, другие укладывают снопы в копны.

На новой, упитанной лошади проезжает Джабез, наблюдая за уборкой. С фермерами он держится снисходительно, почти надменно...

Новый кадр — с полей выезжают нагруженные до отказа телеги. Они направляются к большому новому амбару. Джабез, подобно владельцу большого поместья, наблюдает за уборкой...

Вечер.

Дверь, ведущая в спальню Джабеза и Мэри.

Из нового амбара, где празднуется окончание уборки, доносятся звуки веселой народной мелодии, исполняемой на скрипке, маленькой флейте и банджо.

Только что взошла большая красная луна. Джабез подходит к закрытой двери спальни. Прислонившись к ней ухом, прислушивается. Делает движение, чтобы постучать в дверь, но, передумав, принимается ходить взад и вперед, заложив руки в карманы. Вдруг дверь открывается, и из спальни выходит мамаша Стоун.

Джабез (бросается к ней). Мама, ну как она?

Мамаша Стоун (благодарно). С минуты на минуту ты станешь отцом.

Джабез. Правда, мама?

Звуки музыки усиливаются.

Джабез. Черт бы побрал эту музыку!.. И нужно же было устраивать этот праздник сегодня.

Мамаша Стоун. Какой вздор ты говоришь!.. Она и не слышит ее. Ей предстоит услышать лучшую музыку, чем эта.

Неожиданно за дверью раздается плач новорожденного.

Мамаша Стоун. Вон, слышишь?..

Пронзительный крик ребенка заглушает танцевальную музыку. Джабез останавливается, слушает как зачарованный. Мамаша Стоун возвращается в комнату. Дрожая от волнения, следом за ней на цыпочках идет Джабез.

Ночь. Спальня Стоунов. На широкой кровати лежит Мэри. Около нее прислуга и доктор. Доктор кладет на кровать Мэри ребенка, завернутого в одеяло. В комнате повсюду разбросаны разные вещи — чайник, таз с горячей водой, полотенца и прочее.

Не поднимая головы с подушки, Мэри, приподняв уголок простынки, смотрит на крохотное сморщенное личико младенца.

К кровати на цыпочках подходит Джабез.

Джабез. Мэри...

Мэри (*слабо улыбаясь ему*). Здравствуй, Джабез... (*После паузы.*) Вот твой сын!

Слишком взволнованный, чтобы говорить, Джабез пристально смотрит на ребенка. Его глаза увлажняются. Мэри опускает веки. Она еще слаба, но счастлива.

С беспокойством наблюдая за Мэри, мамаша Стоун обращается к прислуге.

Мамаша Стоун. Принеси грелку для постельки, Дороти.

Прислуга выходит. Джабез все еще смотрит на ребенка. Доктор укладывает в чемодан свои инструменты.

Неловко, но бережно, как какую-то хрупкую стеклянную вещь, Джабез берет на руки ребенка и идет с ним к окну, выходящему в сторону нового амбара. Открывает окно. В комнату врывается музыка. Джабез высовывается из окна, высоко держа в руках младенца.

Ночь.

Новый амбар.

Через приоткрытую дверь видны танцующие пары. Возле двери стоит залитая лунным светом группа фермеров. О чем-то беседа, они смеются.

Из окна высовывается Джабез. Весело, по-мальчишески он кричит.

Джабез. Эй! Смотрите все сюда!.. Вот мой сын!..

На мгновение от неожиданности все замолкают. Затем раздаются веселые возгласы и приветствия.

Фермеры. Джабезу Стоуну ура!

— Да будет счастлив Джабез Стоун!

— Да здравствуют Джабез Стоун и его новорожденный сын!

Приветственные крики несутся и из амбара. У двери образуется толпа.

Музыканты исполняют что-то очень веселое и бравурное. В руках каждого появляются кубки с сидром... Все пьют за здоровье Джабеза и новорожденного, за Мэри Стоун.

Мамаша Стоун (*кричит из-за спины Джабеза*). Вот бездельники!.. (*И уже строго.*) Да закрой же окно, Джабез! Ты хочешь, чтобы ребенок схватил простуду и умер от этого?..

Отбирает у Джабеза ребенка и уносит его от окна.

Джабез (*несколько смущенно*). Ну что ты... я... я...
Мэри. Не сердись на него, мама! Ведь это случается не каждый день...

Мамаша Стоун кладет ребенка Мэри в постель на сгиб ее руки. Молодая мать открывает глаза, слабо улыбается и прикладывает свою щеку к щеке ребенка. Тот начинает плакать, но Мэри быстро успокаивает его.

Мамаша Стоун (*обращается к Джабезу*). Ты бы спустился вниз и посмотрел, чего там копаются Дороти.

Джабез. Хорошо, мама.

Торопливо проходя мимо доктора, который все еще укладывает свои инструменты, Джабез панибратски хлопает его по плечу.

Джабез (*выходя из комнаты*). Спасибо, доктор!

Кухня в доме Стоунов.

Перед печкой, спиной к двери, стоит женщина. Она задумчиво смотрит на пылающие угли. В кухню поспешно входит Джабез.

Джабез. Дороти! Что ты так долго копаешься тут? Мэри нужна эта...

На полслове замолкает и пристально смотрит на женщину. Та медленно оборачивается. В упор смотрит на него. Это молодая, хорошо сложенная женщина с несколько необычной, какой-то по-особому чарующей красотой. Под ее притворной застенчивостью виден горячий темперамент. В своей скромной одежде она выглядит гораздо элегантнее, чем женщины, которых мы видели в предыдущих кадрах.

Джабез (*отступая назад*). Но это же... не Дороти.

Женщина (*спокойно, низким певучим голосом*). Нет... Дороти умерла.

Джабез (*недоверчиво смотрит на женщину*). Она не могла умереть.

Женщина. Но тем не менее это так... и я заняла ее место... Разве вы не помните?.. Вы же написали мне письмо. Госпожа Стоун была тогда очень больна...

Просовывает руку за лиф платья, вынимает оттуда письмо и показывает его Джабезу. Джабез смотрит на письмо.

Джабез. Это... это действительно похоже на мой почерк.

Женщина выпускает из рук письмо. Кружась, оно падает в огонь и мгновенно вспыхивает.

Женщина. У меня есть и другая рекомендация, от вашего хорошего друга. (*Делает движение, чтобы достать ее.*)

Джабез (*сразу*). Не беспокойтесь... Как вас зовут?

Женщина. Белла.

Джабез. Белла!..

Белла. Белла Ди. Я пришла с гор.

Джабез (*будто заипнотизированный*). С гор...

Продолжает смотреть на нее. Она смело выдерживает его взгляд.

Голос мамыши Стоун (*сверху*). Джабез!.. Джабез!..

Белла поворачивается к печке, чтобы наполнить грелку горячими углями.

Джабез. Я отнесу грелку.

Белла. Нет... это моя обязанность...

Направляется к двери в спальню. Проходит мимо мамыши Стоун, которая в это время провожает доктора.

Спальня.

С грелкой в руках в комнату входит Белла.

Мэри (*сквозь сон*). Джабез?

Белла (*очень тихо и вежливо*). Я принесла вам кое-что согревающее, миссис Стоун.

Поправляет подушки так, чтобы Мэри было удобнее. Кладет ей грелку. Мэри смотрит на незнакомку... Инстинктивно она прижимает к себе ребенка.

Снаружи доносится музыка.

Белла. Вероятно, эта музыка мешает вам отдыхать? (*Закрывает окно.*) Вам нужно уснуть... Не угодно ли что-нибудь еще?

Мэри. Нет, спасибо... как ваше имя?

Белла. Белла.

Мэри. Спасибо, Белла.

В комнату входит мамаша Стоун. Белла выходит.

Мэри (*сквозь сон*). Какая добрая и милая девушка!.. Кто она такая?

Мамаша Стоун. Это новая служанка... Джабез говорит, что она с гор.

Мэри. С каких гор?

Ее голос слабеет. Она погружается в сон.

В новом амбаре.

Все закрома и полки заполнены недавно собранным урожаем. Этот большой амбар свидетельствует о процветающем хозяйстве Джабеза Стоуна.

Сейчас он ярко освещен фонарями, украшен снопами ячменя, высокими колосьями, тыквами и золотисто-желтыми листьями осенних деревьев.

В одном углу амбара сооружено возвышение для музыкантов и стол для напитков. Гостям разносят чарки с сидром.

В другом углу стоят столы. Они ломятся от обилия всяких блюд. Здесь торты, пироги, холодное мясо, колбасы, куры, утки и многое другое...

Только что начались танцы.

Появляется Белла. Она грациозно пробирается сквозь веселую толпу... Пестрая шаль прикрывает ее красивые плечи. Экзотическая расцветка шали показывает, что она привезена в Нью-Хемпшир торговым кораблем, вероятно, побывавшим в портах Дальнего Востока или Черной Африки.

Здесь все веселы, за исключением Майзера Стивенса, который сидит в углу с понурым видом.

Возле возвышения для музыкантов, где сейчас собираются пары для нового танца, стоит Дьявол. Здесь он подвизается в роли скрипача. Подпирая острый подбородок скрипкой, он смотрит на Беллу и начинает тихо наигрывать.

Рядом с ним стоит Белла, опустив руки на бедра. К ней подходит Джабез.

Джабез. Давайте потанцуем, Белла.

Белла (*медленно поворачивается к Джабезу*). Нет, Джабез... Вы должны быть около вашей жены... (*Улыбается*.)

Скрипач играет немного громче, другие музыканты подхватывают начатую им мелодию.

Вперед выступает Белла и начинает танцевать одна.

Белла (*весело, музыкантам*). Быстрее, быстрее...

С довольной улыбкой Дьявол смотрит на Беллу и одобрительно ей кивает.

Белла (*продолжая танцевать*). Быстрее, быстрее...

Теперь Белла обращается к Джабезу, когда пронесится в танце мимо него.

Танцующие все ускоряют и ускоряют ритм, и танец превращается в бешеный вихрь...

В широко открытую дверь амбара светит луна.

Часть четвертая

Зимняя ночь.

Спальня Стоунов.

Комната освещена холодным светом луны и слабым огоньком горячей возле кровати свечи. Мэри и Джабез в постели. Между ними лежит ребенок. Мальчик плачет. Мэри старается его успокоить.

Мэри. Ш-ш-ш... пора спать, малютка Даниэль, пора спать. (*Поет.*) «В лучах солнца. На картофельном листке сидит жучок, спи, усни, крошка... Енот сидит на елочке всю ночь, спи, моя крошка, усни».

Плач ребенка мешает уснуть Джабезу. Он злится.

Джабез (*с раздражением*). Что с ним стряслось сегодня?

Мэри. Ничего, Джабез... вполне естественно для ребенка иногда поплакать.

Ребенок продолжает плакать. Мэри старается успокоить его.

Мэри. Ш-ш-ш, крошка Даниэль... спи... усни...

Снова начинает петь песню, но это не помогает. Джабез сбрасывает с себя одеяло и поднимается с постели.

Джабез. Черт побери!

Мэри. Джабез!

Не обращая больше внимания на жену, Джабез надевает брюки.

Мэри. Куда ты хочешь идти?

Поправляя на ходу брюки, Джабез открывает дверь, выходит и хлопывает ее за собой. Мэри садится на кровати. Растерянная, смотрит на закрытую дверь. Зовет.

Мэри. Джабез! Джабез!

Слышны шаги Джабеза, спускающегося по лестнице.

Наступает тишина. Мэри откидывается на подушку и вытирает слезы, навернувшиеся на глаза. Ребенок продолжает плакать.

Зима.

Проселочная дорога. На сугробах играют отблески солнечных лучей.

Вдалеке показывается санная упряжка. Это новое приобретение Джабеза — красивые сани, напоминающие своей формой лебедя, и хорошо упитанная лошадь. На шее лошади бубенцы, издающие веселый перезвон. Сани поднимаются вверх по холму, сворачивают к озеру, скованному льдом.

По мере приближения саней становятся видны Джабез, управляющий лошадыо, а рядом с ним — Белла, одетая в нарядный зимний костюм. Резкий ветер, бьющий в лицо, раздурянил ей щеки. Глаза у нее блестят, как снег в морозную солнечную погоду. На Джабезе енотовая шапка и тяжелое зимнее пальто. Легкими ударами кнута он погоняет лошадь.

Джабез (смеется). Ей богу, Белла, это прекрасная мысль! Нам следует каждое утро совершать такие прогулки...

Белла. Что мы и будем делать!

Весело смеются.

Белла. Джабез, заставь лошадь бежать быстрее!.. Ну, быстрее же... быстрее...

Прикрикнув на лошадь, Джабез бьет ее кнутом. Сани несутся еще быстрее.

Озеро уже совсем близко. Окруженное темными елками, оно блестит под лучами солнца, как драгоценный алмаз. На льду видна темная фигура человека, склонившегося над прорубью. К берегу подкатывают сани Джабеза. Поднявшись в санях во весь рост и размахивая кнутом, он кричит.

Джабез. Эй, вы! Эй! Эй!

У проруби.

Крупно — закутанный в тяжелую зимнюю одежду. Это рыболов. Он вытаскивает из проруби только что пойманную рыбу и кладет ее на лед рядом с другими, пойманными раньше.

Услышав голос Джабеза, человек оборачивается.

Г о л о с Д ж а б е з а. Ты не имеешь права ловить здесь рыбу. Это мои владения!.. Меня зовут Джабез Стоун, и я сообщу о тебе шерифу.

Испугавшись, рыболов припускается бежать. На льду он оставил наловленную рыбу, но взял с собой удилище с леской, на которой болтается последняя пойманная им рыба.

Скользя и падая, человек бежит по озеру. Добежав до берега, скрывается в чаще деревьев.

Крупно — сани Джабеза. Белла смеется, наблюдая, как рыбак бежит и падает на льду. Громче смеется и Джабез, стоя в санях и размахивая кнутом. Когда рыбак скрывается, Джабез усаживается рядом с Беллой.

Д ж а б е з (с о с м е х о м). Забавно вот так поугагать человека... и посмотреть, как он удирает.

Подбирает рыбу, брошенную рыболовом...

Кухня в доме Стоунов.

В печке ярко горит огонь. Мамаша Стоун, одетая по-праздничному, стоит на лестнице и надевает капор. На ней новая шаль.

Возле печи в коляске лежит ребенок.

М а м а ш а С т о у н (з о в е т). Мэри!.. Ты готова?.. Уже звонят в колокола!

Мэри (спускаясь вниз). Да, мама... я готова.

Слышится плач ребенка. Мэри направляется к коляске. Но, прежде чем она успевает подойти, в комнату входят Джабез и Белла — оба покрасневшие от мороза и ветра. Белла сразу же направляется к детской коляске. Сбросив с себя тяжелую шаль, она становится на колени перед коляской и начинает монотонно напевать. Ребенок успокаивается. Джабез подходит к столу и бросает на него рыбу.

Д ж а б е з (о б о р а ч и в а я с ь к Мэри). Доброе утро, Мэри!.. Я принес немного рыбы... может быть, ты пригостишь ее к завтраку.

Мэри смотрит на Джабеза. Ее добрые глаза полны горя и стыда.

М а м а ш а С т о у н. Нет, она ничего делать не будет!.. Мы сейчас идем в церковь!

Мэри (твердо). Джабез... ради блага твоей души... пойдём с нами.

Д ж а б е з. Я хочу, чтобы ты приготовила эту рыбу!

М а м а ш а С т о у н. А я говорю, она этого не сделает... Я не допущу, чтобы в моем доме с презрением относились к богу... оскверняя во-

скресный день запахом рыбы. (Оборачиваясь к Белле.) Что же касается тебя... то разреши сказать тебе, молодая особа.

Слышится слабый звон церковных колоколов.

Мэри. Пойдемте, мама!.. Колокола звонят уже во второй раз.

Подходит к мамаше Стоун, и они вместе выходят, закрыв за собой дверь. Со двора доносится шум отъезжающей коляски.

Джабез. Мы приготовим ее сами... Ты поможешь мне, Белла?

Белла. Конечно, помогу!

Но им не удастся приняться за приготовление рыбы. Открывается наружная дверь, и в комнату входит Стивенс.

Стивенс. Доброе утро, Джабез...

Джабез. Здравствуй, Стивенс... ты что-то рано пришел сегодня.

Стивенс. Да, мне хотелось приехать сюда раньше других... я должен поговорить с тобой с глазу на глаз.

Джабез. Лучше как-нибудь в другой раз!

Привычным движением он быстро и ловко отодвигает от стены стол, расставляет вокруг него стулья. Подходит к буфету, вынимает оттуда бутылки с ромом, с крепким сидром, стаканы. Возвращается к столу, выдвигает ящик и вынимает оттуда стаканчик с игральными костями.

Слышится легкий стук в наружную дверь. Белла грациозно подходит к двери, открывает ее и делает глубокий реверанс. В комнату, крадучись, входят судья Слоссэм, Арон Коффин, неуклюжий местный банкир и еще двое молчаливых людей с глуповатыми лицами.

Судья (потирая озябшие руки). Доброе утро, миссис... Доброе утро, Джабез.

Джабез и Белла (одновременно). Доброе утро!

Белла. Присаживайтесь, господа.

Судья (лукаво подмигивая Белле). Благодарю, миссис!

С напыщенным видом судья садится за стол. Рассаживаются и остальные.

Взяв стул, Джабез пододвигает его к столу, берет стаканчик с игральными костями и перемешивает их.

Судья. О, я чуть было не забыл...

Вынимает пачку ассигнаций и нехотя передает их Джабезу.

Джабез. Надеюсь, судья, что тебе повезет сегодня.

Считает ассигнации. Лицо его становится алчным. Некоторые из них он смотрит на свет, чтобы убедиться, не фальшивые ли они. Сосчитав деньги, кладет их в карман и начинает выбрасывать кости. Остальные молча раскладывают перед собой деньги для ставки.

Начинается игра... Белла разносит ром и крепкий сидр, зорко наблюдая за играющими мужчинами. Снова начинает плакать ребенок. Белла быстро подходит к коляске, берет мальчика на руки и тихо напевает ему французскую колыбельную песенку. Незнакомая мелодия и французские слова странно звучат в этой простой кухне.

Судья (*подмигивая Белле*). Вы француженка?
Белла (*прищурившись, смотрит на судью*). Нет. (*Продолжает напевать.*)

Джабез. Твоя игра, судья!

Раздается настойчивый стук в дверь. Игроки испуганно прислушиваются. Выжидают.

Посмотрев в окно, Белла спокойно идет к двери.

Белла. Это шериф.

Джабез. Входи, шериф!

Шериф. Джабез... похоже, что это о вас я слышал разговоры в округе... Священник Харпер считает, что по воскресным дням в церкви должно быть больше прихожан из Крос Корнесе.

Джабез. Белла, предложи шерифу чашечку рома...

Церковь в Крос Корнесе.

Служба уже подходит к концу. В церкви царит атмосфера строгой набожности. Прихожане сидят со склоненными головами.

На третьей скамье мы видим мамашу Стоун и Мэри. Рядом с ними свободные места.

Голос священника. О всемогущий господь бог наш, давший нам в наследство благодатную землю!.. Мы смиренно молим тебя принять наши заверения, что мы всегда будем ценить твое благосклонное внимание к нашему народу и будем рады выполнять твою волю! Спаси нас от разладов и беспорядков, от зазнайства и высокомерия, от всех других пороков, насаждаемых Дьяволом.

Мэри. Господи! Спаси Джабеза от зазнайства и высокомерия, от всех других пороков, насаждаемых Дьяволом.

Голос священника. В дни процветания наполни наши сердца чувством благодарности, а в дни горя и страданий не лишай нас веры в тебя!.. Аминь!..

Голоса молящихся. Аминь!..

Прихожане поднимают опущенные головы. Раздается звон церковных колоколов. Служба кончается.

Кухня в доме Стоунов.

До игроков доносится слабый звон церковных колоколов. Все смотрят друг на друга... Быстро выбрасываются последние кости... Со стола собираются деньги... Проигравшие расплачиваются...

В полном молчании гости торопливо разбирают свои пальто, головные уборы, шарфы. Уходят...

Судья. До свидания, Стоун... в следующее воскресенье соберемся, как обычно.

Судья елейно улыбается Белле и выходит.

Когда все гости покидают кухню, Джабез закрывает дверь. Белла ставит на обычное место стол, убирает чашки и кувшины. Джабез прячет игральные кости. Белла подходит к ребенку. Скромно усаживается на низкий табурет около коляски и начинает ее медленно покатывать, тихо напевая колыбельную песню.

Звон колоколов постепенно затихает. Джабез пододвигает стул к столу и заносит в свою приходную книгу выигрыш. В старомодном календаре он ищет какую-то дату. Находит, указывает на нее пальцем.

Зритель видит пальцы Джабеза, перелистывающие страницы календаря. Сначала страницы листаются медленно, затем все быстрее и быстрее. Меняются дни, недели, месяцы, годы... С дерева Времени сыплются, как осенние листья, страницы календаря. Меняются кадры...

Крупно — проект нового дома Джабеза Стоуна. Это большой особняк. Рука Джабеза вносит в проект поправки, дополняет его...

На экране появляется часть фасада этого особняка. Этот кадр сменяет вид уже готового дома. Зритель видит его через плечо человека, одетого в охотничий костюм и сидящего верхом на лошади.

Новые кадры — строительные рабочие заканчивают отделку дома.

Через входные двери вносят новую мебель.

Человек, сидящий на лошади, медленно поворачивается, и зритель узнает в нем Джабеза Стоуна. Он оглядывается на бедную старую ферму, где родился.

Часть пятая

Утро.

Вид старого фермерского дома Стоунов.

Возле боковой веранды дома мамаша Стоун работает в саду у цветочной клумбы.

На миссис Стоун старая, грязная рабочая одежда. Она как бы подчеркивает явное пренебрежение мамыши к своему внешнему виду. Склонившись над клумбой, она что-то сажает. Ее руки до самых локтей запачканы в земле.

Рядом с ней стоит Даниэль — маленький сын Джабеза.

Даниэль. Бабушка, а когда мы переедем в новый дом?

Мамаша Стоун. Переедем?.. А мы и не собираемся переезжать туда... Для нас и старый достаточно хорош!

Даниэль. А мне больше нравится новый.

Мамаша Стоун. Очень плохо, что...

В саду возле дома прогуливается курица с цыплятами, выскивающими жучков и червячков на грядках и клумбах сада.

Мальчик осторожно вынимает рогатку. Набивает себе рот сухим горохом... заряжает им рогатку и прицеливается в цыплят. Но попадает... в старую курицу. Шумно размахивая крыльями, курица с кудахтаньем взлетает вверх. Цыплята поднимают тревожный писк, мечутся в разные стороны.

Мамаша Стоун (*испуганно*). Боже мой, что случилось с этой курицей?.. Ты опять балуешься своей рогаткой?

Спрятав рогатку, Даниэль с невинным видом отвечает:

— Нет, бабушка, я не балуюсь.

Мэри (*выходя из кухни*). Нет, ты баловался, Даниэль!.. Я видела тебя в окно... И как только ты можешь говорить неправду!.. Дай мне сюда рогатку, Даниэль!

Подпрыгивая и пританцовывая, Даниэль убегает от матери.

— Это моя рогатка, мама!.. Ее сделал мне папа, и я не собираюсь отдавать ее кому бы то ни было!

Мэри (*пытаясь вырвать рогатку*). Даниэль, сейчас же отдай мне рогатку!

Даниэль (*наступая на Мэри*). Нет!.. Нет!.. Не отдам!..

Мэри. Даниэль... (*Поймав его.*) Моему терпению пришел конец!

Тащит пронзительно кричащего Даниэля к деревянному сараю, находящемуся возле входа в кухню. Это даже не сарай, а скорее обычная пристройка к дому.

Во двор въезжают Джабез и Белла. Они оба верхом.

Джабез. Что случилось... куда ты его тащишь?

Мэри. Хочу запретить его в сарай.

Джабез (*слезает с лошади*). Уж не думаешь ли ты наказывать моего сына, Мэри...

Белла. Это, собственно, мое дело... Ну, да теперь все в порядке, Даниэль.

Даниэль продолжает плакать. Белла обращается к Мэри:

— Что он наделал?

Мэри. Он опять сказал мне неправду.

Даниэль. Нет... я не лгал.

Белла (*к Мэри*). Он никогда не лжет мне. (*Даниэлю.*) Не плачь, Даниэль, я тебе верю. Ты всегда был хорошим мальчиком... пойдём отсюда!

Уводит его в дом.

Мэри. Джабез, как ты разрешаешь ей говорить такие вещи в присутствии мальчика?! После этого он не будет меня уважать.

Джабез (*холодно*). А не сама ли ты в этом виновата?

Мэри. Я?.. Виновата?.. О Джабез... я только хочу воспитать ребенка так, чтобы им можно было гордиться... Он может быть хорошим мальчиком, если мы научим его...

Джабез. Даниэль мой сын, и я люблю его таким, каков он есть!..

Почему ты всегда придираешься к нему?.. А когда оставляешь в покое ребенка, принимаешься за меня! То тебе не нравится мой образ жизни, то тебе не нравятся мои друзья, то мой новый дом... ну, а если не это, находишь что-нибудь еще.

Мэри. Но, Джабез, я никогда этого не говорю.

Джабез. Это и так видно, по твоему лицу.

Мэри. Ну, уж раз заговорили об этом... меня очень беспокоит, что ты так переменялся! Ты делаешь то, чего обещал никогда не делать... ты помнишь об этом?

Джабез. О, ради бога, оставь меня в покое!

Из дому выходят Даниэль и Белла. Джабез подхватывает сына на руки.

Джабез. Готовься, Даниэль... мы поедем охотиться на лис в горных пастбищах.

Даниэль. Урра!

Выхватывает из кармана рогатку и размахивает ею.

Даниэль. Вот этой рогаткой я наповал убью старую лису.

Смеясь, Джабез сажает Даниэля на лошадь. Обращаясь к мамаше Стоун, мальчик гордо поднимает головку.

Даниэль. Бабушка, посмотри-ка, где я!

Сидя на корточках перед клумбой, мамаша Стоун, прищурившись, смотрит на Даниэля.

Мамаша Стоун (*выпрямляясь*). Я?.. Послушай, Мэри Стоун... не свались.

Даниэль. Ну, я-то уж не упаду!..

Джабез, Даниэль и Белла уезжают.

Мамаша Стоун (*обращаясь к Мэри*). Охота на лис в будний день, когда давно пора заняться землей..

Мэри. Ты лучше, мама, постарайся научить меня выдержке.

Мамаша Стоун (*выпрямляясь*). Я?.. Послушай, Мэри Стоун... я беспокоюсь о тебе... вот и все.

Мэри. Беспокоишься обо мне!.. Теперь уже в этом нет никакой надобности!

Мамаша Стоун. Что ты такое говоришь?!..

Мэри (*стараясь быть твердой*). Я же сказала, что тебе нечего больше беспокоиться обо мне... Я уже все для себя решила!

Поворачивается и быстро идет к дому. Мамаша Стоун озабоченно смотрит ей вслед.

Спускается вечер.

Дорога в Маршфилде, проходящая по полям Даниэля Вебстера. Кругом обширные зеленые поля. Под ясным июньским небом все выглядит радостно.

По дороге в старой повозке Джабеза едет Мэри. Навстречу ей идет старый крестьянин. Он смотрит на Мэри черными, как пуговицы, глазами и дружелюбно улыбается.

Мэри (*останавливается*). Это поля мистера Вебстера?

Старый крестьянин. Да, миссис. Его поля тянутся тут на целые мили... и похоже, что ваша лошадь устала — тащится как застывающая патока.

Мэри. Да, мы проделали длинный путь от самого Крос Корнеса, чтобы повидать мистера Вебстера... Надеюсь, он сейчас дома?

Старый крестьянин. Да, миссис, он сейчас здесь.

С западной стороны открывается вид на клеверные поля.

Вебстер и с ним двое молодых высоких крестьян косят клевер.

Голос старого крестьянина. Эй, Даниэль!.. Черный Даниэль!

Вебстер (*весело*). Хэлло!..

Голос старого крестьянина. Здесь кто-то хочет видеть вас, Даниэль!

Вебстер. Если это английский посланник, то веди его прямо в кладовую и угощай мадерой.

Голос старого крестьянина. Это кто-то из Нью-Хемпшира!

Вебстер (*кричит*). Ну, это другое дело! (*Обращается к крестьянам.*) Ну, ребята, придется делать перерыв. Мне нужно повидаться с другом.

Передает волов молодым крестьянам и крупными шагами идет вдоль поля.

Вечер.

Столовая в Маршфилде. Это большая, богато и уютно обставленная комната. На хозяйском месте у стола сидит Вебстер. Справа от него Мэри. Только что закончен обильный и вкусный обед. Мы видим их за десертом.

Вебстер. Очень жаль, Мэри, что вы не дали мне раньше знать о вашем приезде... тогда я устроил бы для вас настоящий обед... а тут еще и жена сейчас в Вашингтоне... разрешите положить вам еще кусочек торта...

Режет большой кусок.

Мэри. Нет, в самом деле не нужно... благодарю вас... Миссис Вебстер предполагает скоро вернуться?

Вебстер. Видите ли... она едва ли вернется сюда... Она не принадлежит к тому типу женщин, которым нравится сельская жизнь... Приходится здесь самому заботиться обо всем... И это иногда заставляет меня испытывать чувство одиночества. (*Вынимает сигару.*) Вы не возражаете, если я закурю?

Мэри. О, разумеется, нет...

Вебстер. Я так и знал... вы не из тех женщин, которые боятся дыма... или огня... Ну, давайте теперь поговорим о ваших делах.

Мэри. Бог мой!.. Весь обед я только и делала, что говорила о своих делах.

Вебстер. Да, вы по-дружески рассказали мне кое-что... но, как и все женщины, старались обойти главное... А мне, старому адвокату, нужно знать самую суть дела... и я надеюсь, вы простите меня за это, не правда ли, Мэри?

Мэри. Да... но... это трудно рассказать. Дело касается и воспитания маленького Даниэля и нового дома... и есть еще что-то неладное... и, главное, с каждым годом все становится хуже и хуже, как разрастающаяся зловещая тень... Я не могу поговорить об этом даже с мамашей Стоун... Она во всем винит Джабеза... а я... не могу согласиться с этим.

Вебстер. Недавно я слышал странные вещи о Джабезе... кажется, он создал себе дурную славу.

Мэри. Мистер Вебстер, вы не должны верить, что говорят люди

Вебстер. Мэри, вам не следует защищать Джабеза передо мной... мне ведь так же в свое время многое приписывали...

Мэри. Видите ли... мне все равно, бедны ли мы или богаты... Меня не беспокоит, будем ли мы большими или маленькими людьми... Я беспокоюсь только о Джабезе... Он моя первая любовь... Раньше он никогда не гнался за большими деньгами... Мы были бедны, как турецкие святые, но никогда не тяготились этим. Теперь я вижу, как он выгоняет за дверь таких же бедняков, какими и мы были когда-то. Он стал нечестивым и грубым, хотя от природы совсем не таков. Я слышала, как он насмеялся над звоном церковных колоколов... колоколов, которые звонили во время нашего венчания... Все это так не похоже на него, мистер Вебстер... Должно быть, в этом есть доля и моей вины!..

Вебстер. Мэри, вы говорите со мной так, как, наверное, говорили бы со своим отцом... И я знаю, что он хотел бы, чтобы я вам помог... Иногда жизнь бьет нас... а мы ведь живем вовсе не для того, чтобы быть битыми!.. Согласны со мной? Иногда кажется, что на нас надвигается мрак, мрак и сам Дьявол... но мы должны бороться с ним! Я думал еще до вашего приезда сюда, в конце этого месяца навестить Крос Корнес... и чтобы познакомиться с моим крестником и по другим делам...

Мэри (*затаив дыхание*). О, неужели это правда, мистер Вебстер?

Вебстер. Ну, а сейчас пойдете, Мэри. Я хочу показать вам такой огромный пастернак, какого нет во всех Соединенных Штатах. И выросил я его, конечно, здесь, в Маршфилде.

С отеческой заботливостью Вебстер берет Мэри под руку.

Ночь.

Зал в новом доме Джабеза.

Рабочие заканчивают отделку.

Отделка и убранство дома сделаны как напоказ. Все в нем необычно для здешних мест. Стиль и архитектура заимствованы, видимо, из прежних эпох.

Стоя перед зеркалом, Джабез примеряет новый костюм. Портной снимает с него улаженный рукав.

За примеркой наблюдает Белла.

Джабез. Костюм выглядит неплохо! Разве вам нужно опять все распарывать?

Портной. Сожалею, сэр, но это еще только примерка.

Джабез. Да, но костюм должен быть готов к званому вечеру. (Обращается к Белле.) Посмотри, Белла, правда людям будет о чем поговорить?!

Белла (поправляет его). Не людям, а народу, Джабез!

Джабез. Люди или народ—какая разница... если речь идет о друзьях.

В зал входит судья.

Джабез. Здорово, судья! Как поживаете?!

Судья. Здравствуйте, Белла. Здравствуй, Джабез.

С удивлением оглядывает все вокруг.

Судья. Да, дом получился шикарный.

Джабез. Ты в самом деле так думаешь?

Через зал проходят двое рабочих. Они несут бильярдный стол.

Джабез (рабочим). Эй, вы! Поосторожнее там... не обдерите мой брюссельский ковер... А... черт бы вас побрал!

Белла. Джабез, будь осторожнее в выражениях...

Джабез (сконфуженный). О, знаю, так не полагается разговаривать в присутствии дамы. (Белле.) Принеси вина для судьи, Белла.

Судья. Знаешь, Джабез... у меня нет времени... Ты хотел поговорить со мной о каком-то деле.

Джабез. А, да-да! Подожди, пожалуйста, минутку... Ты умеешь хранить секреты?

Судья. Ну конечно!

Джабез. Даниэль Вебстер собирается приехать на мой вечер.

Судья. Даниэль Вебстер?!

Джабез. Да... Вот об этом я и хотел поговорить с тобой. Ты получил мое приглашение?

Судья. Да!

Джабез (вынимает лист бумаги). Теперь посмотри— вот список приглашенных... Кажется, здесь все, кого нужно пригласить... Но ты все же взгляни, не забыл ли я кого-нибудь?

Судья (просматривая список). Единственно, кого ты забыл пригласить, так только президента!

Джабез. Ты думаешь, это шутка?.. Сначала включил и президента... да побоялся, что это обидит Даниэля Вебстера.

Судья собирается вернуть Джабезу список гостей.

Джабез. Нет-нет! Ты оставь его у себя... Я хочу попросить, чтобы ты поговорил с приглашенными о моем вечере... чтобы я был уверен... что эти люди действительно придут.

Судья. Ты хочешь, чтобы я обошел всех?..

Джабез. Да, сэр... именно это я и имел в виду... Я хочу собрать всех их здесь и сказать: «Посмотрите, люди, вот Даниэль Вебстер! Он — мой почетный гость». Боже мой, воображаю, как они будут хлопать глазами!

Судья. Ты только для этого и пригласил меня на свой званый вечер?

Джабез. Ну, судья, неужели ты хочешь подвести меня?.. Мы же замыслием с тобой немало дел, не правда ли?

Судья. Ну... да...

Джабез. Вот и прекрасно... Ты можешь рассказывать всем о моем новом доме, но даже не заикайся о Вебстере.

Судья. Ты не совсем уверен, что он примет твое приглашение?

Джабез. Да нет, я вполне уверен... хочешь поспорим?

Судья. Почему бы и нет?!

Джабез. На сколько?

Судья. На пять тысяч... как раз на сумму, которую я тебе должен.

Джабез (*протягивая руку*). По рукам!

Как полагается спорящим,жимают друг другу руки.

Дорога, ведущая в Крос Корнес.

На ней показывается экипаж, запряженный парой прекрасных лошадей. Правит Вебстер.

Поравнявшись с маленьким Даниэлем, который читает афишу, известную о цирковых представлениях, экипаж останавливается.

Вебстер (*обращается к Даниэлю*). Здравствуй, полковник! Хочешь прокачу?

Даниэль. Гм, я не прочь. (*Подбегает к экипажу.*) Меня зовут Даниэль Стоун.

Вебстер. А-а, ладно... Ну, Даниэль, прыгай сюда.

Мальчик забирается в экипаж, и он следует дальше.

Даниэль. Черт возьми, вот это ярмарка!

Вебстер. Она еще не открылась?

Даниэль. Нет... И я никак не могу дождаться, когда она откроется!.. Скажите, господин, там действительно будет... (*читает по складам*) че-ло-век, ко-то-рый гло-тает о-гонь?

Вебстер. По-видимому, будет, если об этом здесь пишется.

Даниэль. И две бес-по-добны-е цир-ко-вые кра-са-ви-цы? А что это такое?

Вебстер. Молодой человек, вы возьмите меня туда с собой.

Даниэль (снова смотрит на афишу). Там будет присутствие-вать Да-ни-эль Веб-стер.

Вебстер (тихо смеется). Сколько разнообразных представлений!.. А какое из них ты хотел бы увидеть первым, Даниэль?

Даниэль. Думаю... что глотателей огня...

Вебстер. А как насчет Даниэля Вебстера?

Даниэль. Я думаю, что его надо выпустить в середине представления.

Вебстер (смеется). Правильно!

Ласково понукая лошадей, Вебстер переводит их на рысь. Даниэль роется в кармане своего пальто. Достает оттуда свою любимую рогатку. Набирает в рот гороху и, воспользовавшись моментом, когда Вебстер не смотрит на него, стреляет в одну из лошадей. Лошадь пугливо бросается в сторону. Обернувшись, Вебстер замечает проделку Даниэля, прежде чем тот успевает спрятать рогатку.

Вебстер. Даниэль! Смотри не попадись мне снова на таком ба-ловстве.

Даниэль. Почему?.. Это ведь не больно.

Вебстер. Нет, от этого как раз бывает больно!.. Больше ты та-ких вещей не делай.

Не зная, что еще сказать мальчику в назидание, Вебстер начинает погонять лошадей. Те ускоряют бег.

Даниэль. Заставьте лошадей бежать еще быстрее, мистер!

Вебстер. Нет, Даниэль. Больше нельзя. Это не скаковые лошади. Это мои старые друзья... Я зову их — «Конституция» и «Закон о пра-вах». Для дальних поездок это самая надежная пара у меня... Я купил еще пару лошадей. Одну назвал «Компромисс Миссури», а другую — «Верховный суд»... Хорошая, такая величавая лошадка... хотя время от времени ее приходится одергивать.

Даниэль. Эх, как бы мне хотелось посмотреть всех ваших ло-шадей!

Вебстер. Может, когда-нибудь ты их и увидишь. Ты знаешь, я ведь фермер и люблю показывать свою ферму... Но больше всего мне хотелось бы показать тебе другое...

Даниэль. Что же это такое, сэр?

Вебстер. Ну... такое высокое и широкое протянулось далеко-да-леко... Внизу дуют ветры, а вверху — голубая крыша... Знаешь, что это?.. Это горы, это реки, бегущие на Юг, это новые штаты, растущие на Западе.

Даниэль. Ну-у, всякий может увидеть это!

Вебстер. Ты ошибаешься, мистер Стоун. Есть люди, которые про-жили всю жизнь, так и не увидев всего этого!.. На деньги, которые есть в их кармане, они не могут увидеть своей страны... А некоторые дума-

ют, что штат, где они живут, и есть вся страна! Другие считают, что вся страна должна жить так, как живут они. Поэтому они стремятся разделить страну. Ну я уверен, когда вырастешь большим, ты сам столкнешься со всем этим. Встретишься и с глотателями огня и с цирковыми красавицами. Ведь это, конечно, непрменный атрибут всякой ярмарки... Но если бы мы зависели от них, то наша страна кончалась бы у Аллеганских гор.

Даниэль. Но ведь она кончается не там, я знаю. Бабушка говорила мне, что это не так.

Вебстер. Нет, конечно!.. И чтобы ни случилось, так будет, пока народ будет верить в свободу и союз. (*Подгоняя лошадь.*) Ну-ка, Конституция, вези побыстрее мистера Стоуна.

Даниэль (*кричит возбужденно*). Быстрее, быстрее!

Вынув рогатку, он снова стреляет в лошадей. Вебстер останавливает экипаж.

Вебстер (*схватив Даниэля*). Думаю, теперь, молодой человек, тебя следует наказать!

Неожиданно для мальчика кладет его на свои колени.

Вебстер. Я же сказал тебе, чтобы ты больше этого не делал.

Шлепает Даниэля. Тот принимается неистово кричать.

Кабачок в Крос Корнесе.

Возле кабачка толпится много фермеров.

Сначала слышен только разноголосый гул. Потом раздаются возгласы:

— Черный Даниэль!

— Скорее навстречу Даниэлю Вебстеру!

— Фермерскому союзу и Черному Даниэлю — гип-гип, ура!

Все бросаются вперед.

На дороге показывается экипаж Вебстера.

С разных сторон с приветственными криками подбегают фермеры к экипажу как раз в тот момент, когда Вебстер дает последнюю порцию шлепков Даниэлю.

Крупно: Даниэль, распластанный на коленях Вебстера.

Услышав магическое имя — Даниэль Вебстер, — мальчик поднимает заплаканное лицо. Его глаза выражают крайнее удивление. Смущенный и потрясенный, он быстро скрывается в толпе.

К Вебстеру подходит судья.

Вебстер. Да что ж это такое?! Я думал увидеть всех вас на носовоселье у Джабеза Стоуна... Надеюсь, вы не ждали меня?..

Судья. Не совсем так, мистер Вебстер... Нам хотелось бы поговорить с вами, прежде чем пойти на званый вечер... Вы не откажетесь выпить с нами?

Вебстер. Чтобы я отказался выпить с вами, джентльмены? Разве можно спрашивать об этом Даниэля Вебстера!

Выбирается из экизажа и в сопровождении судьи, окруженный фермерами, направляется в кабачок.

Ночь.

Кухня в старом доме Стоунов.

У окна сидит мамаша Стоун. Она чистит горох. Прерывает свою работу и внимательно вглядывается в темноту. Сверху слышатся шаги. Мамаша Стоун оборачивается и на лестнице видит Мэри, одетую в вечернее платье.

Мамаша Стоун. Итак, ты решила пойти на этот вечер?

Мэри. Ты на меня не рассердишься?

Мамаша Стоун. Какой вздор!.. Ты не маленькая и сама знаешь, как тебе поступать.

Идут к двери...

Двор.

У двери в кухню стоит мамаша Стоун. Она смотрит на удаляющуюся Мэри, кричит ей вслед:

— Не забудь сказать мне, если Даниэль там будет.

Мэри. Не забуду.

Скрывается в темноте... Вдали видны мерцающие огни нового дома.

Гостиная в новом доме Джабеза.

Широкая парадная лестница ведет к двустворчатой двери, через которую входят в большой зал, а оттуда в гостиную. Здесь выставлены все сокровища, о которых хвастливо рассказывал Джабез. Множество прислуги стоит в ожидании гостей.

В углу маленький оркестр настраивает свои инструменты.

Все здесь с претензией на роскошь и представляет резкий контраст амбару, в котором раньше праздновали окончание уборки урожая.

В простом, но элегантно платье Мэри спокойно обходит гостиную, проверяя, все ли готово к приему гостей. У нее вид скромной, очаровательной хозяйки дома. Пока ей успешно удается скрывать свое настроение.

Входит франтовато разодетый Джабез. Подходит к большому стеновому зеркалу, чтобы завязать галстук. Во всем его облике видна какая-то неестественная торжественность и вместе с тем — трагичность.

Посмотрев на часы, он обращается к Мэри:

— Почему же никто не идет?!

Мэри (беспомощно). Я не знаю, Джабез!..

В ожидании гостей Джабез нетерпеливо шагает взад и вперед по залу. Вдруг поворачивается к оркестру.

Джабез. Сыграйте что-нибудь веселое... праздничное.

Оркестр начинает играть...

Проходит некоторое время... Джабез нервничает. Не знает, чем занять себя. Обращается к Мэри.

Джабез. Думаю, этот зал больше любой из комнат дома Вебстера в Маршфилде?.. Ведь ты была там... Как ты думаешь, Мэри?

Мэри. Этот зал совсем в другом роде, Джабез... вот и все.

Джабез (снова смотрит на часы). Что случилось?.. Почему до сих пор никто не пришел?..

По лестнице в сопровождении Беллы бегом спускается маленький Даниэль.

На Белле вечерний туалет, сшитый специально для этого случая. Взволнованный отсутствием гостей, Джабез даже не замечает сына.

Мэри. Даниэль, ты должен идти спать.

Даниэль. Нет-нет... я не хочу спать! Я хочу остаться здесь, на вечер.

Убегает из комнаты. Джабез, не переставая, ходит по залу. Подойдя к окну, видит прижавшиеся к стеклу лица незнакомых людей. Обращается к Белле.

Джабез. Что там делают эти люди?.. Что им нужно?

Белла. Это просто зеваки. Они хотят посмотреть, как живет теперь Джабез Стоун... Они тоже ждут ваших гостей...

Джабез отворачивается от окна. Проходя мимо оркестра, который только что кончил играть, он изливает свое раздражение на музыкантов.

Джабез (кричит). Черт побери... ведь я плачу вам за игру... так продолжайте!

Музыканты торопливо начинают снова играть. И в этот момент наконец раздается долгожданный звонок. Джабез внимательно прислушивается. Белла отходит от окна. Мэри выходит на площадку и стоит там, затаив дыхание.

Слуга бросается к входной двери. Оркестр играет что-то торжественное.

Дверь открывается. На ступеньках парадной лестницы показывается шупленькая фигура в выцветшем костюме. Это Стивенс. Он снимает свою старую, измятую шляпу. Слуга протягивает за ней руку. Гость неохотно ее отдает. С раболепным видом Стивенс поднимается. Подходит к хозяйке. Мэри делает реверанс, и Стивенс горячо целует ей руку.

Мэри. Добро пожаловать, мистер Стивенс...

Стивенс. Добрый вечер, миссис Стоун.

Явно нервничая и поеживаясь от страха, он входит в гостиную... Подходит к Джабезу.

Стивенс. Добрый вечер... Извини, Джабез, я немного опоздал.

Джабез. Нет, нисколько!

Стивенс (*осматривается вокруг*). А где же гости?

Джабез. Не знаю, что случилось! Приглашения все получили... а почему-то никого нет...

Даниэль. Они все в кабачке. Я сам видел... И мистер Вебстер с ними!

Кабачок в селе Крос Корнес.

За столом сидят Вебстер, Том Шарп, Эйли Хигинс, Хэнк и другие фермеры. Вебстер просматривает контракты, которые фермеры заключили с Джабезом.

Том Шарп (*обращается к Хэнку*). Покажи-ка мистеру Вебстеру тот несправедливый контракт, который ты подписал с Джабезом Стоуном.

Достав из кармана потрепанную бумагу, Хэнк протягивает документ Вебстеру. Тот сравнивает его с другими контрактами.

Вебстер. Да... он живет здесь, как большая лягушка в маленьком болоте... не так ли?

Один из фермеров. А сначала все выглядело так, будто мы получаем ссуды без всяких условий. (*Обращается к Тому Шарпу.*) Мне бы следовало послушаться тебя, Том.

Вебстер (*медленно*). Да, он поймал вас... Боюсь, что теперь он крепко привязал вас к своему денежному мешку... Вы продали ему свои души, джентльмены!

Гостиная в доме Стоунов.

Все те же лица. По-прежнему, кроме Майзера Стивенса, нет ни одного гостя. Белла подходит к Мэри, которая, выполняя роль хозяйки, все еще стоит в дверях гостиной.

Белла. Теперь я понимаю, почему вы здесь... Вы заранее знали, что никто не придет.

Мэри. Нет, не знала!

Белла. Вы лжете.

Мэри. Лгать тебе?.. Зачем мне это нужно?

Белла. Вы же знаете, что это мой дом.

Мэри. Знаю... знаю, что ты можешь даже показать мне на дверь... И ты бы это сделала, если бы еще не надеялась, что гости могут прийти.

Белла. Вы воображаете, что очень привлекательны, госпожа Стоун... Вы хотите остаться около Джабеза... И вам кажется, что сегодня для вас представится возможность добиться этого... Но вы ошибаетесь, вам не вернуть его!

Мэри. Об этом уж я сама позабочусь, Белла.
Уходит.

За столом Джабез и Стивенс. Возле отца маленький Даниэль. Джабез уговаривает сына.

Джабез. Тебе пора идти отсюда, Даниэль.

Даниэль нехотя уходит.

Стивенс. Какой у тебя хороший мальчик, Джабез... Сколько ему лет?

Джабез. Почти семь. (*Быстро поправляется.*) Нет-нет, ему еще нет семи.

Стивенс. Я, кажется, помню, когда ты мне заплатил...

Джабез (*быстро прерывая*). О, это не важно, давай лучше выпьем.

Стивенс насмешливо смотрит на Джабеза.

Джабез. Что ты так на меня смотришь?

Стивенс. Вижу, ты боишься.

Джабез. Боюсь?.. Чего же?

Стивенс. Того, что произойдет после нашей смерти!

Джабез. Да ты с ума сошел!.. Что может случиться?.. Похоронят нас... вот и все.

Стивенс. А что будет с нашими душами?

Джабез. Чего ты беспокоишься о том, чего не существует?

Стивенс (*с отчаянием*). Не говори так... я знаю, что она есть.

Джабез (*пьет*). Ну, ладно... пусть тогда ее похоронят с тобой.

Стивенс. А что будет с тем, у кого уже нет души? Тогда что?

Джабез (*встревоженно*). Гм... Что тогда?..

Задумывается. Не найдя ответа, берет бокал и большими глотками пьет вино. Наконец торопливо говорит:

— Тогда что?.. А кто об этом беспокоится?

Стивенс. Я, например... Думаю, что и тебе следует подумать об этом...

Джабез (*возбужденно*). Куда это ты клонишь, Стивенс? Ты обо мне что-то знаешь... так расскажи! Ну, начинай...

Их беседу прерывают гурьбой вошедшие в гостиную мужчины и женщины с простоватыми лицами. Это те люди, которые заглядывали в окна. Их приводит Белла. Гости кланяются Джабезу.

Джабез (*Белле*). Что это за люди?

Белла. Это мои друзья... они пришли с гор. (*Обращаясь к пришедшим.*) Добро пожаловать!.. Угощайтесь напитками!.. Я рада, что вы смогли навестить нас! Желая хорошо провести у нас время.

Ошеломленный Джабез обменивается рукопожатиями с людьми, которых он никогда не видел. Стивенс стоит в стороне. Оркестр начинает

играть какой-то незнакомый танец. Белла грациозно подходит к Стивенсу.

Белла. Давайте потанцуем, мистер Стивенс.

Стивенс (*испуганно*). Нет-нет... Я не умею танцевать...

Белла. О, ничего... Со мной вы сумеете танцевать. Я поведу вас. (*Берет Стивенса за руку.*) Посмотрите, это так просто... вот так.

Показывает несколько па... Они начинают медленно танцевать. Танцуют и другие гости — эти странные люди в неприглядных одеждах. Их грубые ботинки тяжело стучат по красивому дубовому паркету. В дверях стоит Мэри. Она с грустью наблюдает, как Джабез пьет ром и громко смеется. Она-то знает, что он ведет себя так, чтобы подавить растущий в нем страх!

Крупно — входная дверь.

Раздается легкий стук. Мэри, опережая лакея, стремглав бросается к двери. Входит Вебстер.

Мэри (*взяв Вебстера за руку*). О мистер Вебстер! Я так рада, что вы пришли.

Вебстер (*вглядывается в ее взволнованное, грустное лицо*). Думаю, что и я рад... У вас такой печальный вид. (*Смотрит на танцующих гостей.*) Кажется, вечер вполне удался?! (*С саркастической улыбкой.*) Во всяком случае, гостей здесь много...

Молча смотрит Мэри на Вебстера. Ее глаза наполняются слезами, губы дрожат. Она готова сказать все, разорвать сковывающие ее цепи... Но появляется Джабез. Его лицо раскраснелось от выпитого рома, глаза неестественно блестят. Он подходит к Вебстеру, протягивает ему руку.

Джабез. Сегодня у меня, мистер Вебстер, большой день!.. Проходите, сэр! Я хочу, чтобы вы заняли почетное место и познакомились с моими гостями.

Вебстер. Все это очень хорошо, сосед Стоун... Но я должен быть осмотрительным... и с выбором занимать почетные места... Я хочу сказать, что не всегда и не всюду следует садиться. Ведь я, должно быть, у всех на виду, у всей страны... Это относится не только ко мне... каждый, кто занимает какое-то место в общественной жизни, обязан с этим считаться... даже ты, Джабез! За нами ведь пристально следят наши друзья и наши враги. И они видят и понимают гораздо больше, чем мы думаем... Мои друзья, которые дороги моему сердцу, привыкли считать, что я хороший человек, и они должны быть уверены, что, с кем я имею дело, также достойные люди!.. Ты догадываешься, Джабез, о чем я говорю?

Джабез. Что... что вы имеете в виду?

Вебстер. Я говорю о тебе, Джабез Стоун, и о бедных фермерах — хороших земледельцах, которых ты притесняешь... Или я неправ относительно этих контрактов?..

Джабез. Контракты?.. Да... многие из них заключили со мной контракты... но... но в этом нет ничего дурного... Без меня и моих денег у них вообще ничего бы не было...

Вебстер. Нет!.. У них был бы хороший сосед, Джабез!.. А это дороже всего... значительно дороже!

Джабез громко смеется. Вебстер укоризненно качает головой. Его глаза выражают искреннюю печаль.

Вебстер. Мне очень жаль, что ты не понимаешь этого, Джабез. Знаю, раньше тебе это было понятно... Когда-то ты сказал небольшую речь... я ее всегда вспоминаю. Знаю, и другие помнят о ней... И видят, как сильно ты изменился. Поэтому-то, Джабез, никто и не захотел прийти к тебе сегодня. Получив золотой горшок, ты ослеп, как бирманская летучая мышь!.. Пойми, я говорю не о деньгах, а о том, как ты распоряжаешься этими деньгами.

Джабез. Я... я не понимаю, о чем вы говорите. Я... у меня нет времени выслушивать все это!

Вебстер (*качает головой*). Конечно, у тебя нет времени... у тебя нет времени для твоей матери, для твоей жены и даже для ребенка.

Джабез (*оборачиваясь к Мэри*). Это все твои проделки!.. Ты привела сюда Даниэля Вебстера только для того, чтобы выставить меня на посмешище! Ты, как змея, подкрадываешься за моей спиной, чтобы ужалить! Ты выдумываешь всякую ложь обо мне!.. Убирайся отсюда! Твое место в старом доме... я не желаю больше разговаривать с тобой!

За спиной Джабеза, в открытых дверях зала, на мгновение становятся видны кружащиеся пары. Белла все еще танцует со Стивенсом.

Заботливо, почти нежно Вебстер обращается к Мэри.

Вебстер. Пойдемте, Мэри!

Мэри подходит к Вебстеру, и они направляются к двери. В этот момент из зала в вестибюль выбегает маленький Даниэль. Он испуган необычным видом танцующих.

Мэри. Даниэль... пойдем со мной.

Берет его за руку. Все трое спускаются по лестнице и выходят из дому. За ними с шумом захлопываются двери. Джабез возвращается в зал и зовет Беллу, все еще танцующую со Стивенсом.

Джабез. Белла!

Она не слышит. Музыка становится все более быстрой и громкой.

Джабез (*обращаясь к лакею в ливрее*). Закрой окна и затопи печь.

Лакей выходит.

Джабез снова зовет.

Джабез. Белла! Белла!

Голос. Что случилось?

Обернувшись, Джабез видит Дьявола, стоящего в дверях зала.

Дьявол. У вас такой обеспокоенный вид, мистер Стоун! Может быть, я смогу вам помочь?

Джабез (смотрит на Дьявола). Ты обещал мне процветание, счастье, любовь и дружбу.

Дьявол (перебывает). Простите, сосед Стоун... Я обещал вам деньги и все, что можно купить за деньги... И не помню, чтобы я брал на себя еще какие-нибудь обязательства... Кстати, давайте-ка посмотрим наш контракт.

Вынимает большую черную записную книжку и, перелистывая ее, читает имена.

Дьявол. Шервин, Слеттери, Стивенс, Стоун...

Из записной книжки вылетает какое-то маленькое белое существо, напоминающее моль. Оно подлетает к Джабезу. Тот ловит его рукой и, крепко зажимает в кулаке. Это, оказывается, душа Майзера Стивенса

Из руки слышится слабый тонкий голосок.

Душа Стивенса. Сосед!.. Сосед Стоун!.. Помоги мне!

Джабез (изумленно). Так ведь это же голос Майзера Стивенса! Майзер Стивенс...

Дьявол (смеясь). Вернее, душа Майзера Стивенса. Сожалею, что побеспокоил вас.

Джабез. Но ведь он же не умер — он танцует сейчас там.

Дьявол. Танцевал...

Дьявол вынимает из кармана большой цветной носовой платок. Подходит к Джабезу, накрывает платком его руку и, переместив душу в платок, завязывает ее в узелок.

Джабез смотрит в зал. Он пуст. Лишь на полу распростерто мертвое тело Стивенса.

Дьявол. У нас, правда, не любят платить старые долги. Но ничего не поделаешь — бизнес есть бизнес!

Джабез не отрывает взгляда от платка. Сразу охрипнув, спрашивает.

Джабез. Разве они все такие... маленькие... как эта?

Дьявол. Маленькие?.. А, понимаю, что вы имеете в виду!.. Нет, они бывают разные. (Посмотрев на Джабеза.) Если бы я сумел завладеть таким человеком, как Даниэль Вебстер, мне пришлось бы строить специальный ящик. Представляю, каким удивительным у его души был бы размах крыльев. (Снова смотрит на Джабеза.) Что же касается вас...

Джабез. Но мое время еще не пришло.

Он резко поворачивается и уходит.

Старая ферма Стоунов.

Джабез пытается срубить чахлое дерево, на котором высечена роковая дата. Но не успевает он сделать несколько зарубок, как рядом вырастает фигура Дьявола.

Дьявол. Пытаетесь покончить с нашим договором, мистер Стоун? С неистовством Джабез бьет топором по стволу.

Джабез. С меня хватит!

Дьявол. Какой упрямый парень!.. Ну что ж, думаю, вы готовы к испытаниям, которые за этим последуют.

Джабез. В моем распоряжении еще целый год... целый год, чтобы возместить все...

Дьявол. О нет, вы нарушили пятую статью нашего договора... И я могу сейчас же принять меры, если мне это будет угодно.

Джабез (с отчаянием). Не сейчас! Только не сейчас! Позволь мне рассчитаться с тобой! Рассчитаться за все!

Дьявол. Ну, вы, кажется, впали в полное отчаяние, мистер Стоун... (Пауза.) Вы же знаете, что я добрый человек и всегда готов пойти на уступки... Если вы дадите небольшую гарантию... то могу...

Джабез. Все что угодно! Ты можешь взять назад все: деньги, мой новый дом, ферму, мои вещи!

Дьявол. Боюсь, что я имел в виду не такую гарантию! (Пауза.) Видишь ли... у тебя есть подающий надежды маленький паренек, твой сын...

Джабез (страсно). Нет! Нет! Нет! Только не его... только не моего сына! Я скорее пойду с тобой... сейчас же!

Дьявол. Подождите, мистер Стоун!.. Вы немножко расстроены, и сейчас было бы несправедливо торговаться с вами. Я даю вам срок до полуночи, мистер Стоун, но ни одной минуты больше... Ну, а тогда вы и в самом деле пойдете со мной!

Дьявол исчезает. Бросив все, Джабез бежит к своему старому дому...

Внешний вид старого дома Стоунов. Погруженный в темноту, он кажется жалкой, необитаемой лачужкой по сравнению с обманчивым блеском нового особняка. Джабез подбегает к дому, открывает дверь кухни.

Джабез стремительно вбегает по лестнице. Распахивает дверь спальни. Истукленно зовет.

Джабез. Даниэль! Даниэль! Мэри!

Безумным взглядом осматривает все вокруг, снова зовет.

Джабез. Мэри!.. Даниэль!

Затем быстро спускается в кухню. Там так же пусто и темно.

Из дому выбегает Джабез. Направляется к старому амбару, где он впервые встретил Дьявола. Вбежав туда, на мгновение останавливается. Беспомощно, с безнадежным видом оглядывается.

Джабез (зовет). Мэри... Даниэль...

Ответа нет. Обхватив голову руками, с мучительным стоном опускается на старую бочку. Через заднюю дверь амбара входит мамаша Стоун. В руках у нее зажженный фонарь.

Мамаша Стоун. Что случилось, сынок?

Джабез (*подняв глаза*). Мама!.. (*Вскакивает, подходит к ней.*) Где Мэри... маленький Даниэль?

Мамаша Стоун. Они уехали с Даниэлем Вебстером... в Маршфилд, сынок... Ты же сказал Мэри, чтобы она уходила...

Замолкает, не желая причинять сыну боль. С глубоким сочувствием и пониманием смотрит в его перекошенное мукой лицо.

Подбежав к конюшне, Джабез выводит оттуда лошадь.

Подняв фонарь, мамаша Стоун смотрит, как он вскакивает в седло и уезжает.

Быстрая смена кадров.

Дорога, ведущая в Маршфилд.

Коляска Вебстера. Он правит лошадьми. Рядом с ним сидят Мэри и маленький Даниэль...

Другой отрезок этой же дороги.

Галопом мчится по ней Джабез. Постепенно он догоняет коляску.

Рядом с Вебстером сидит Мэри. У нее на коленях сын. Они слышат крик.

Джабез. Мистер Вебстер, подождите!

Вебстер едет тише. Джабез подъезжает к коляске.

Джабез. Мэри!..

С радостным криком Мэри оборачивается.

Мэри. Джабез!..

Джабез. Мэри! Вернись...

Мэри (*радостно*). О, Джабез! (*Вебстеру.*) Вы слышали, мистер Вебстер? Теперь вы поможете ему, не правда ли?

Вебстер. Чтобы спасти человека из Нью-Хемпшира, я готов бороться с десятью тысячами дьяволов!

Поворачивает лошадей, и они едут в обратном направлении.

Перед зрителями внешний вид старого амбара на ферме Стоунов.

У входа в амбар — толпа фермеров.

Показываются Джабез и Вебстер. Они пробираются к входу в амбар и вскоре скрываются в нем.

В амбаре.

Темноту пронезает тусклый свет фонаря. На сеновале и в стойлах царит ночной покой.

Входят Вебстер и Джабез.

Вебстер. Так ты говоришь, здесь заключил с ним эту сделку?

Джабез. Да, мистер Вебстер, как раз здесь все и началось.

Вебстер. Так... понимаю... И теперь он хотел встретиться с тобой здесь?

Джабез. Да, в полночь.

В амбар входит Мэри.

Мэри. Джабез...

К ней подходит Вебстер и задерживает ее у двери.

Вебстер. Мэри!.. Вы сделали для вашего мужа все, что любовь и вера могли сделать... Но сейчас это место станет неподходящим для женщин.

Мэри. Мистер Вебстер, вы обязательно поможете ему?

Вебстер. Я сделаю все возможное, Мэри!

Джабез. Теперь ты должна уйти, Мэри.

Мэри. Хорошо... Я...

Поворачивается и уходит.

Вебстер. Какие мужественные женщины в Новой Англии!..

Подходит к фонарю, смотрит на свои часы.

Вебстер. Гм... Долго ли нам еще придется ждать?..

Джабез старается также держаться спокойнее. Смотрит на свои часы.

Джабез. Теперь уж не долго!

Расхаживая по амбару, Вебстер подходит к закрому. Там на сене стоит запыленный кувшин.

Вебстер. С твоего разрешения, Стоун, я сейчас обновлю этот кувшин... Как бы то ни было, с его помощью ожидание покажется гораздо короче.

Ставит кувшин на доску, лежащую на двух козлах. Наливает себе вино в один из кубков, принесенных Мэри. Пробует.

Вебстер. Гм... Вино выдержанное.

Чмокает губами, садится на днище бочки.

Около грубо сколоченного стола стоит еще несколько бочек.

Вебстер. Ничто не может сравниться с этим!.. На, выпей немного.

Джабез. Это не развеселит меня.

Вебстер. Будь мужчиной! Раз ты продал свою душу дьяволу, тебе вовсе не подобает быть трезвенником!

Медленными глотками Вебстер пьет вино.

Раздается стук в заднюю дверь амбара. Стук необычный, едва слышный.

Вебстер. Войдите.

Входит Дьявол. Под мышкой он держит один из тех ящиков, в которые собирает души своих жертв.

Дьявол (*учтиво*). Мистер Вебстер, как я полагаю?

Вебстер. Адвокат по делу Джабеза Стоуна. Могу я узнать ваше имя?

Дьявол. Дьявол, исполняющий свои обязанности по вечерам. Разделите разделить вашу компанию?

Легко опускается на соседнюю бочку. Наливает себе из кувшина вино. Молча поднимает кубок, жестом предлагает выпить за Джабеза и Вебстера. Выпивает свой бокал до дна.

Вебстер. Отчего же?.. Конечно, выпьем. Но будьте осторожны, мистер Дьявол! Этот ром обычно сильно ударяет в голову даже таким старым пьяницам, как вы.

Дьявол (*с мягкой усмешкой*). Однажды этот ром и вам ударил в голову, не правда ли?

Вебстер (*притворяется удивленным, негодующим*). Мне?

Дьявол. О нет... вы никогда не были пьяны! Конечно, нет! Это просто было похоже на необыкновенную усталость или глубокий сон.

Вебстер. Во всем Нью-Хемпшире не найдется столько вина, чтобы усыпить меня. (*Намеренно пьет еще.*)

Дьявол. Словами не докажешь этого, мистер Вебстер. (*Осушает свой кубок.*) Кубок за кубок — что вы на это скажете?

Вебстер (*быстро*). Кубок за кубок!

Наливают и пьют. Оба смакуют выпитое.

Дьявол. Ну, как, мистер Стоун, вы приняли решение?

Джабез. Относительно чего?

Дьявол. Согласны отдать мне вашего сына?

Джабез. Никогда!

Кухня в старом доме Стоунов.

Мамаша Стоун занята приготовлением пирога. У окна стоит Мэри. Она отворачивается от окна как раз в ту минуту, когда в кухню в ночной рубашке и босиком спускается маленький Даниэль.

Даниэль. Мама!

Мэри. Даниэль, ты должен идти спать!

Даниэль (*обнимая мать*). Я не хочу оставаться там один, мама... Мне хочется, чтобы ты посидела со мной.

Снаружи слышатся голоса, затем торопливый стук в окно.

Мамаша Стоун (*обращается к Мэри*). Посмотри, кто там, мне нужно поставить пирог в печь.

Мэри открывает дверь. За дверью стоят Том Шарп и несколько фермеров.

Том Шарп. Загорелся новый дом Джабеза!

Мамаша Стоун (*отрываясь от печи*). Не беспокойтесь... Пусть горит... Дьявольские дела должны сгореть!

Закрывает окно перед удивленными фермерами. Поворачивается к Мэри. С высоко поднятой головой и плотно сжатыми губами стоит молча старая женщина...

В амбаре.

Вебстер и Дьявол продолжают пить ром. Дьявол поднимается с усмешкой. Он твердо держится на своих проворных ногах. Вебстер сидит за столом. Он слегка сполз со стула.

Дьявол. Ваши энергичные действия от имени ваших клиентов создают вам хорошую репутацию, мистер Вебстер... Но, если у вас нет еще каких-либо аргументов в защиту вашего клиента, я сейчас перейду к делу с ним непосредственно.

Вебстер. Не торопитесь слишком, мистер Дьявол! Сначала представьте свои доказательства, если, разумеется, вы ими располагаете.

Дьявол (*вынимает записную книжку*). Они вот здесь, мистер Вебстер. (*Передает книжку.*) Сюда все записано. Честно, по подобающей юридической форме.

Вебстер (*просматривает записи*). Гм... здесь действительно все выглядит — я подчеркиваю — выглядит, как дело, оформленное должным образом. Но вы все же не получите этого человека!.. Человек не имущество! Мистер Стоун — американский гражданин. А американского гражданина, каким бы он ни был, нельзя заставить поступить на службу к иностранному вельможе.

Дьявол. К иностранному? Но кто же назовет меня иностранцем?

Вебстер. Видите ли, я никогда не слышал, чтобы вас называли американским гражданином.

Дьявол. Хотел бы я знать, кто с большим правом, чем я, может называться американским гражданином? Это я был свидетелем первого злодеяния против первого индейца. Я стоял на палубе корабля, когда первого раба посылали в Конго. И разве не обо мне до сих пор говорят в каждой церкви Новой Англии?.. Правда, северяне считают меня обитателем Южных Штатов, а южане — Северных, но в действительности не правы ни те, ни другие... Говоря по правде, мистер Вебстер, хотя я и не люблю этим хвастаться, мой род более древний в этой стране, чем ваш.

Вебстер. Тогда я буду действовать в соответствии с американской конституцией!.. Я требую судебного разбирательства дела моего клиента.

Дьявол. Вы имеете в виду суд с присяжными заседателями?..

Вебстер. Да. Именно это! Если я не смогу выиграть дело совместно с заседателями, то вы получите также и меня. Если два человека из штата Нью-Хемпшир не смогут дать достойный отпор Дьяволу, нам лучше снова отдать нашу страну индейцам!

Дьявол (*улыбается*). Хорошо. Пусть будет по-вашему. Судебный процесс состоится, мистер Вебстер. Но... для обычных заседателей это слишком сложное дело.

Вебстер. Ну что ж, начнем борьбу не на жизнь, а на смерть!.. Итак, будет американский судья и американские заседатели.

Дьявол. Жизнь или смерть! Так вы сказали.

Поднимает свой кубок и приглашает Вебстера выпить с ним.

Дьявол. Пусть же выиграет лучший человек, мистер Вебстер!

Вебстер. Я пью за это, мистер Дьявол!

Поднимает свой кубок. Оба пьют до дна. Дьявол пристально смотрит на Вебстера, стараясь определить, какое действие оказал на него ром.

Затем Дьявол встает и направляется в темный угол амбара, где расположен люк в подполье. Откинув люк, Дьявол стоит перед темной ямой подполья.

Из люка первым вылезает в военной форме головорез капитан Кидд. За ним следуют другие.

Дьявол. Разрешите мне представить всех вам... но вы должны извинить преступное прошлое некоторых из них... Капитан Кидд убил человека, чтобы завладеть его золотом. Саймон Герти уничтожал людей, чтобы присвоить себе их богатства. Губернатор Дейл — колесовал людей. Аза — черный монах — душил людей до смерти. Флойд Айрезон и Стив Боннэ — жестокие убийцы и палачи. Уолтер Батлер — король головорезов. Большой и малый Харпы — грабители и убийцы. Тир — головорез, Мортан — порочный адвокат... и... генерал Бенедикт Арнольд, безусловно, вы его помните. Это негодяй, лгун, предатель и мошенник. Все они — американские граждане.

Представленная Дьяволом свора преступников направляется к стойлу, предназначенному для присяжных заседателей.

Ночь. Кухня в старом доме Стоунов.

Возле печи сидят мамаша Стоун и Мэри.

Мамаша Стоун (читает псалом 102). «Когда я в беде, обрати ко мне свое лицо; прислушайся своим чутким ухом и откликнись скорее в день, когда я призову тебя. Сделай это, ибо дни моей жизни тают как дым, а мои кости горят, подобно камину. Биение моего сердца стихает, оно увядает, как трава; я уже забываю принимать хлеб наш насущный. Но ты, наш господь, будешь жить вечно; ты будешь помнить о нуждах всех поколений».

Снова в старом амбаре.

Присяжные заседатели, как в зале суда, расположились в стойле. Они молча сидят в тени и кажутся и призраками и людьми в одно и то же время. Появляется судья Хазорн. Это высокий, худощавый, пугающий своим видом пуританин.

Секретарь суда (невнятно). Внимание, внимание, внимание! Открывается заседание полуночного суда штата Нью-Хемпшир, округа Франклин. Председательствует судья Хазорн. Внимание, внимание, внимание! Слушается иск Дьявола, предъявленный им Джабезу Стоуну.

Хазорн. Кто выступает в качестве истца?

Дьявол. Я, ваша честь.

Хазорн. Кто защитник?

Вебстер. Я.

Хазорн. Мистер Вебстер, вы согласны с составом присяжных заседателей?

Вебстер. Я возражаю против участия генерала Бенедикта Арнольда, ваша честь, ибо это законренный предатель великого американского...

Хазорн (*резко обрывает*). Отвод не принимается... Судебное разбирательство продолжается.

Дьявол (*быстро выступая вперед*). Ваша честь! Господа заседатели! Это дело не требует долгого разбирательства. Оно касается всего лишь передачи, обмена и продажи определенной категории собственности — ума и души Джабеза Стоуна. Эта передача, обмен или продажа подтверждается документами. Я передаю суду эти документы в качестве доказательства и помечаю их как вещественное доказательство категории «А».

Вебстер. Я возражаю против этого.

Хазорн. Возражение не принимается. Пометьте эти доказательства под рубрикой «А».

Дьявол вручает документ секретарю суда. Тот передает его Хазорну.

Дьявол. Теперь я прошу для дачи показаний вызвать Джабеза Стоуна.

Секретарь суда. Джабез Стоун, подойдите сюда для дачи показаний!

У Джабеза испуганный вид. Вебстер ободряет его взглядом и похлопывает по спине. Джабез подходит к месту, указанному секретарем суда. Это пустой заком для зерна. Взоры присяжных заседателей устремлены на Джабеза.

Дьявол. Джабез Стоун, вы подписывали этот документ?

Джабез (*на его лице выступает пот*). Да, я подписал этот документ. Но вы обманом заставили меня пойти на это; вы говорили мне, что душа — ничто... и я забуду о своей душе, когда стану богатым. Это была ложь, ложь... ложь!

Дьявол (*улыбается*). Это совсем не относится к делу, ваша честь.

Судья глубокомысленно покачивает головой, обращается к присяжным заседателям.

Хазорн. Не принимайте к сведению замечания о душе. (*Джабезу.*) Продолжайте.

Дьявол. Я бы хотел спросить мистера Стоуна, выполнил ли я свои обязательства по договору? Разве я не дал вам семь лет большого счастья и процветания? Разве я не сделал вас самым богатым человеком в округе?

Джабез. Да-да, я самый богатый человек! Даже слишком богатый... Я не могу думать ни о чем, кроме как о деньгах. В этом мое несчастье.

Дьявол (*улыбается*). Но, мистер Стоун, меня едва ли следует обвинять в том, что вы страдаете от угрызений совести.

Протягивает Джабезу документ.

Дьявол. Скажите, это ваша подпись?

Джабез (*почти кричит*). Вы знаете, черт возьми, что моя!

Дьявол (*обращается к заседателям*). Господа заседатели, мое обвинение доказано.

Хазорн. Желают ли присяжные заседатели продолжать рассмотрение дела?

Присяжные молчат.

Хазорн. По-видимому, никто не хочет что-либо сказать. Забирайте вашего человека, мистер Дьявол.

Дьявол направляется к Джабезу. Тот отступает. Присяжные заседатели по-прежнему неподвижно сидят на своих местах.

Вебстер. Я протестую, ваша честь!.. Я хочу подвергнуть перекрестному допросу, чтобы доказать...

Хазорн. В данном случае перекрестного допроса не будет!

Дьявол. Ваша честь, вы лишите себя возможности многому научиться, если не разрешите ему говорить. В мире есть только один адвокат, и это Даниэль Вебстер!

Хазорн (*обращается к Вебстеру*). Вы можете выступить, если желаете... но только покороче.

Вебстер выходит вперед.

Хазорн. И разрешите предупредить вас, мистер Вебстер, что если ваша речь не убедит нас, тогда и вы тоже... (*вытягивая вперед свой палец*) обречены!

Крупно—Даниэль Вебстер. По его лицу можно судить, что он напрягает все свои силы, чтобы сосредоточиться.

Голоса присяжных заседателей. Тащите его с нами в подполье... Тащите его с нами!

Голос Джабеза. Поберегите себя, мистер Вебстер. Откажитесь от речи!

Голос Дьявола (*иронически*). «Во всем штате Нью-Хемпшир не найдется столько рома, чтобы усыпить меня».

Голоса присяжных заседателей. Пропавший и потерянный... пропавший и потерянный.

Раздается звонок, призывающий к порядку.

Вебстер. Соблюдайте тишину!

Его громогласный голос заглушает всех. Мощный голос Вебстера ошарашивает шум. Звонок постепенно затихает. Наступает абсолютная тишина. Вебстер смотрит на заседателей. Его глаза, словно светлячки, блестят во мраке.

Вебстер. Господа присяжные заседатели! Сегодня ночью мне представляется возможность обратиться к людям, с которыми я уже давно знаком по песням и рассказам, но которых я никогда не надеялся увидеть.

Молчание. Заседатели смотрят на Вебстера. Бенедикт Арнольд медленно поднимает голову.

Вебстер. Мой достопочтенный оппонент, мистер Дьявол, назвал всех вас американцами. И мистер Дьявол прав. Вы действительно все были американцами. О, какое наследство получили вы при рождении! Господа заседатели! Я завидую вам! Завидую потому, что вы были свидетелями рождения мощного союза штатов. Вам было суждено услышать первый крик новорожденного и увидеть чудесное дитя, рожденное в крови и слезах... А сегодня вас пригласили судить человека по имени Джабез Стоун. Что он сделал?.. Его обвиняют в нарушении контракта. Он, стремясь быстро разбогатеть, заключил сделку и этим сократил свою жизнь. Такую же сделку заключил когда-то каждый из вас. (*Пауза.*) Вот хотя бы вы, Бенедикт Арнольд... Я обращаюсь к вам первому, потому что вас знают лучше, чем кого-либо из сидящих здесь ваших коллег... Героем скольких песен вы могли бы стать!.. Друг Вашингтона и Лафайетта, солдат-генерал Арнольд, вы так отважно сражались за дело американцев вплоть до... до какого года? Ах да, до 1779 года... Эта дата, вероятно, выжжена в вашем сердце!

Бенедикт Арнольд снова опускает голову.

Вебстер. Золото соблазнило вас, и вы изменили своему делу.

Молчание. Вебстер быстро поворачивается в сторону Саймона Гертги.

Вебстер. А вы, Саймон Гертги, широко известный ренегат! Вы, носящий на себе это позорное клеймо, пошли по тому же пути.

Подходит ближе к присяжным заседателям.

Вебстер. А вы, Уолтер Батлер! Разве вы не отдали бы все, чтобы иметь возможность завоевать себе добрую славу в «Черри Валли», не запятнав себя кровью! Или вы, капитан Кидд, или вы, губернатор Дейл... Я мог бы продолжить и назвать вас всех, но в этом нет необходимости. Зачем беречь ваши раны? Я знаю, что они и так кровоточат у вас до сих пор. (*Повышает голос.*) Все вы, как и Джабез Стоун, захотели встать против судьбы и были одурачены и обмануты. Каждый вправе бороться против своей судьбы... но, к сожалению, человек не всегда умеет выбрать для себя правильный путь. Вы так же, как и Джабез Стоун, пошли по неправильному пути. Но он вовремя одумался, и здесь он сегодня, чтобы спасти свою жизнь! Господа присяжные заседатели, я прошу вас дать Джабезу Стоуну возможность пользоваться благами жизни — видеть зеленеющие леса, поля, вдыхать свежий весенний запах травы! Сознаться, вы много дали бы, чтобы видеть и наслаждаться всеми этими красотами, которые вы, конечно, помните! Ведь вы были когда-то такими же людьми. Вы дышали свежим ветром Америки, овевающим землю, которую вы когда-то любили. Я говорю сейчас о самых обыкновенных и как будто даже незаметных, но радующих человека вещах. А если человек не имеет души, все это для него ничто... больше того — вызывает у него отвращение. Господин Дьявол сказал вам, что никакой души у человека нет; вы поверили ему и поплатились за это свободой. Свобода не просто великое слово — это хлеб наш насущный, это светлое утро, это восход солнца!

Ради свободы мы в челнах и на судах приплыли к этим берегам. Ради нее мы совершили это долгое, тяжелое и горькое путешествие... Человек должен уметь преодолевать трудности... только тогда он имеет право гордиться собой! В страдании, в голоде, пройдя через дурное и хорошее, родилось на земле новое существо — человек, стремящийся к свободе. И я верю, придет день, когда будут уничтожены плети угнетателей, а имена их забыты и стерты из памяти. И тогда под свободными звездами будут жить и творить свободные люди. Да, на нашей земле мы выращивали свободу, как зерна пшеницы... Обратив наши взоры к небу, мы сказали: «Душа каждого человека принадлежит только ему...» Вот здесь перед вами один из таких людей... Он ваш брат! Вы все американцы, и вы не должны (указывает на Дьявола) становиться на его сторону — на сторону угнетателя. Сохраните же Джабезу Стоуну жизнь, жизнь, которая принадлежит не только ему, но и его сыну, его семье, его стране. Господа присяжные заседатели, не позволяйте Дьяволу завладеть нашей страной!

Продолжительное молчание. Присяжные заседатели неподвижно сидят на своих местах. Вебстер спокойно подходит к столу и садится на свое место. Молчание наконец прерывает Хазорн.

Хазорн. Присяжные заседатели приступают к обсуждению приговора.

Передает договор старшему присяжному. Присяжные поднимаются со своих мест и, тесно сгрудившись, тихо совещаются. Их головы касаются одна другой.

За ними напряженно наблюдает Джабез. По его лицу градом катится пот.

Кончив совещание, присяжные медленно расходятся по своим местам. Старший заседатель разрывает договор.

Хазорн. Присяжные заседатели высказались в пользу обвиняемого.

С улицы доносится крик петуха.

Дьявол (с гримасой, обращается к Вебстеру). Поздравляю вас, как джентльмен джентльмена!

Вебстер (хватает Дьявола за воротник). А ты, долговязый скелет, ростовщик и мошенник, убирайся отсюда подальше...

Подгоняет Дьявола к двери и пинками вышвыривает вон.

Ясное, веселое утро.

Двор возле амбара. Дьявол вылетает из амбара. Обернувшись, кричит:

Дьявол. Вы никогда не станете президентом!.. Уж я позабочусь об этом.

Старается вновь проникнуть в амбар, но подоспевшие фермеры выгоняют его за ворота. Пугливо озираясь, он бежит вдоль дороги.

У дверей амбара.

Обвив шею Джабеза, Мэри радостно шепчет.

Мэри. О Джабез... Джабез!

Джабез. Мэри!

Вебстер. Не правда ли, ты очень волновался, Джабез?

Джабез. Видите ли, я...

Вебстер. Я знаю... ты хочешь сказать об этом крепком и чудном роме. Я его сразу распробовал. Но, чтобы свалить Вебстера с ног, потребовалось бы гораздо больше рома!

Мэри (*пожимая Вебстеру руки*). Мы обязаны этим вам, мистер Вебстер... Да благословит вас бог!

Двор возле кухни.

Мамаша Стоун накрывает под яблоней стол для завтрака. К ней подбегает ликующий Джабез. Он похож на мальчика, раньше срока отпущенного из школы.

Джабез. Мама! Мама! Все в порядке, мама!

Продолжая накрывать на стол, мамаша Стоун отвечает так, словно она не допускала даже тени сомнения в благополучном исходе дела.

Мамаша Стоун. Разумеется, все в порядке, сынок. Ведь на твоей стороне был Даниэль Вебстер. (*Кричит.*) Завтрак готов! (*Обращается к Джабезу.*) Я приготовила особые блюда для мистера Вебстера.

Ферма Джабеза Стоуна.

Возле амбара стоит Вебстер, держа в руках кувшин с ромом. Его окружают фермеры. Среди них Том Шарп и Эйли Хигинс.

Фермеры (*весело кричат*). Ура, Черный Даниэль! Ура!..

Вебстер. Друзья мои!.. Не преувеличивайте пустяков!

Джабез (*подходит к группе фермеров*). Мистер Вебстер, мамаша объявила, что завтрак готов!

Вебстер. Завтракать... Ну что же, пойдете, друзья. Мамаша Стоун — райский повар.

Берет Джабеза под руку, и они направляются к дому. Том Шарп идет рядом с Джабезом.

Все садятся за стол. Начинается завтрак. На почетном месте сидит Вебстер. Около него стоит кувшин с ромом. Джабез, Мэри и маленький Даниэль сидят рядом.

Том Шарп. Ну, Джабез, теперь ты вступишь в нашу ассоциацию фермеров?

Джабез. Спасибо, Том!.. Я только что хотел просить тебя об этом.

Том Шарп. Мы будем очень рады видеть тебя в своей компании.

Вебстер. Ничто не может сравниться с хорошим сельским завтраком... А где же мамаша?

Мэри. Сию минуту придет. Она приготовила сюрприз для вас.

Появляется мамаша Стоун. В руках у нее большое блюдо, накрытое крышкой. С довольным видом она ставит его перед Вебстером.

Вебстер (нюхает). Так это же пирог с персиками!

Мамаша Стоун лукаво улыбается. Вебстер поднимает крышку... на блюде — пусто. Все ошеломлены.

Мамаша Стоун. Что за...

На перекрестке дорог зритель видит Дьявола, который сидит в своей коляске, держа в руках большой пирог с персиками. И в то время, как Дьявол с аппетитом жует пирог, экран постепенно темнеет.

Редисинальд Роуд

ДВЕНАДЦАТЬ
РАССЕРЖЕННЫХ
МУЖЧИН

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Председательствующий — маленький мужчина, преисполненный важности от сознания ответственности за порученное ему дело. Относится ко всему формально. Не очень умный, упрямый.

Второй заседатель — скромный, застенчивый. Такому трудно иметь свое собственное мнение. Его легко склонить в любую сторону. Обычно он придерживается мнения последнего человека, с которым разговаривал.

Третий заседатель — очень крупный, сильный мужчина с твердо установившимися взглядами. В его отношении к людям есть какой-то налет садизма. Ему недоступен юмор, он крайне нетерпимо относится к мнению других. Больше того, видно, что он привык навязывать другим свои желания и свою точку зрения.

Четвертый заседатель — судя по всему, человек зажиточный, занимающий в обществе видное положение. Привык к публичным выступлениям, умеет показать себя в выгодном свете. По-видимому, считает себя выше остальных присяжных. Его интересует только фактическая сторона дела, поэтому он поражен поведением других заседателей.

Пятый заседатель — наивный, очень запуганный молодой человек. Вполне серьезно относится к обязанностям заседателя в данном процессе, но стесняется выступать против людей старше себя.

Шестой заседатель — честный, но недалекий. Он медленно, осторожно приходит к окончательному решению. Человек, которому трудно составить определенное мнение, но он может и умеет внимательно слушать, сделать выводы из услышанного и согласиться с мнением, наиболее для него приемлемым.

Седьмой заседатель — крупный, юркий мужчина типа торговца или маклера. Считает, что у него есть дела поважнее, чем заседать в суде. Быстро возбуждается, быстро составляет себе определенное мнение о вещах, в которых ничего не понимает. Задира и, конечно, трус.

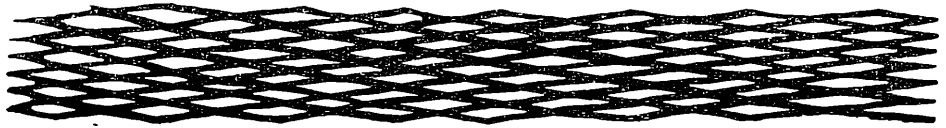
Восьмой заседатель — спокойный, вдумчивый и мягкий человек. Способен рассматривать дело со всех сторон. Постоянно стремится добраться до истины. И прежде всего это человек, твердо решивший добиться справедливого приговора, готовый бороться за это.

Девятый заседатель — скромный, мягкий, обманутый жизнью старый человек. Ему нечего в жизни ждать, кроме смерти. Хорошо знает себе цену и горько сожалеет о днях, когда он мог еще быть смелым, не прятаться за свой возраст.

Десятый заседатель — злой и жестокий человек. В каждом и сразу же он видит своего противника. Ханжа, которому не дорога ничья жизнь, кроме своей собственной. Это человек, с трудом пробивающийся в жизни, без всякого будущего. В душе он сам это прекрасно понимает, но ни за что не хочет сознаться в этом.

Одиннадцатый заседатель — эмигрант из Европы, приехавший в Америку в 1941 году. Говорит с акцентом. Он как бы чего-то стыдится. Очень скромен, даже робок по отношению к другим. Тем не менее он честно стремится установить истину, так как сам много страдал от несправедливости.

Двенадцатый заседатель — ловкий, старающийся казаться смышленным человек, для которого живые люди — всего лишь проценты и графы. Он изобретатель, но совершенно не способен понять человеческих чувств. Поверхностен, сноб. Все время старается казаться простым, хорошим парнем.

Зал суда.

Места для присяжных заседателей.

На них сидит двенадцать человек. Все внимательно слушают судью, который произносит им напутственную речь.

Мы судьи не видим, слышим только его голос. Говорит он медленно, размеренно, серьезно и степенно:

—Преднамеренное убийство — самое серьезное преступление, которое разбирается сейчас в нашем уголовном суде. Вы, джентльмены, прослушали длинный и очень сложный процесс.

Пока мы слышим этот голос, камера проходит по лицам заседателей. Головы большинства из них повернуты в левую сторону.

Седьмой заседатель смотрит на свои руки, третий — в том направлении, где должна находиться скамья подсудимых и сидеть обвиняемый. Десятый все время нервно поводит головой.

Судья монотонно продолжает:

— Теперь вы должны попытаться отделить истину от вымысла. Если у вас имеются обоснованные сомнения в виновности обвиняемого... вы должны признать его невиновным. Если же таких обоснованных сомнений нет, вы вынесете ему обвинительный приговор.

— Как бы вы ни решили, ваше решение должно быть единодушным. Я призываю вас быть честными и вдумчивыми... На вас возлагается большая ответственность. Благодарю вас, джентльмены!

Длинная пауза.

Клерк. Суд удаляется.

И вот медленно, робко судебные заседатели начинают подниматься.

Неловко, один за другим, выходят они из зала и исчезают за пределами камеры.

Несколько мгновений камера еще задерживается, теперь уже на пустых скамьях для присяжных заседателей.

Примерно около четырех часов дня.

Большая, голая, неудобная комната присяжных заседателей уголовного суда штата в крупном городе на востоке страны.

В комнате длинный стол для заседаний, дюжина стульев. Совершенно голые, обшарпанные стены. Они уже давно нуждаются в покраске.

На одной из стен ряд окон, из которых открывается вид на деловую часть города. На другой стене электрические часы. Дверь в туалетную комнату. В одном из углов резервуар с водой.

На столе бумага, карандаши, пепельницы.

Одно из окон открыто, и, когда открывается дверь, бумаги со стола разлетаются, падают на пол.

На наружной стороне двери планочка с надписью: «Комната заседателей».

Сторож в форме придерживает открытую дверь.

Медленно, с сознанием ответственности через нее по-одному проходят заседатели. По мере того как они проходят, сторож считает их. Губы у него шевелятся, но он не произносит ни звука.

Несколько заседателей, входя, закуривают сигареты.

Пятый заседатель закуривает трубку, которую он затем, во время всего заседания, почти не выпускает изо рта.

Второй и Двенадцатый заседатели направляются к резервуару с водой. Девятый проходит в туалетную комнату, на двери которой дощечка с надписью: «Для мужчин». Одни сразу же усаживаются у стола. Другие, словно не зная, куда себя девать, остаются стоять.

Многие заглядывают в окна.

Все они чувствуют себя как-то неловко. Никто из них не знает друг друга, поэтому им не о чем поговорить. Больше всего они хотели бы сейчас оказаться где угодно, только не здесь.

Седьмой заседатель стоит у окна. Вынимает пакет с жевательными резинками, берет одну себе, предлагает другим. Все отказываются. Он недовольно морщит лоб.

Седьмой заседатель обращается к Шестому заседателю, оказавшемуся рядом.

Седьмой заседатель. Как вы считаете?.. Жарко?

Шестой заседатель молча кивает в знак согласия. Седьмой недовольно продолжает.

Седьмой заседатель. Мне кажется, что они могли бы по крайней мере поставить в этом доме установку для кондиционирования воздуха. Я чуть не умер в зале суда.

Открывает окно пошире.

Сторож еще раз осматривает комнату и пересчитывает заседателей. Удовлетворенный своим подсчетом, собирается выйти.

Сторож. О'кей, джентльмены! Все на месте. Если вам что-нибудь нужно, я буду за дверью — вы только постучите.

Выходит. Закрывает за собой дверь. Все молча смотрят на закрывшуюся дверь. Слышат, как в замке поворачивается ключ.

Пятый заседатель. Я не знал, что они запирают двери.

Десятый заседатель (*сморкаясь*). Конечно, они запирают двери. А вы как думали?

Пятый заседатель. Право, не знаю... Я ведь здесь первый раз.

Несколько заседателей снимают пиджаки, рассаживаются вокруг стола. Они все еще избегают говорить друг с другом.

Во главе стола стоит Председательствующий. Он рвет листы бумаги на равные полоски. Они нужны будут для голосования.

В кадре крупно — Восьмой заседатель. Он смотрит в окно.

Третий заседатель говорит, обращаясь ко Второму.

Третий заседатель. Шесть дней!.. Могли бы закончить все в два дня! Все говорят, говорят и говорят!.. Вам когда-нибудь приходилось слышать, чтобы так много болтали ни о чем?

Второй заседатель (*нервно посмеиваясь*). Но... мне кажется, это их обязанность.

Третий заседатель. Каждый преступник имеет право на добросовестное расследование. (*Качает головой.*) Да, такова система! Думаю, что вы ничего не можете возразить против нее?

Не совсем понимая, чего от него хотят, Второй заседатель смотрит на говорящего, нервно кивает и переходит к резервуару с водой.

Восьмой заседатель, высунувшись, смотрит в окно.

У стола стоит Седьмой заседатель. Он гасит сигарету.

Седьмой заседатель (*обращаясь к Десятому*). Как вам понравилась эта история с ножом?.. Приходилось вам когда-нибудь слышать более забавную историю?

Десятый заседатель. Ну, знаете, этого можно было ожидать! Вы сами-то знаете, с кем имеете дело?

Седьмой заседатель. Думаю, что знаю... Что с вами, вы простужены?

Десятый заседатель (*сморкается*). Немного... Эти простуды в жаркую погоду могут убить человека!

В знак сочувствия Седьмой заседатель кивает головой.

Председательствующий. Итак, джентльмены, занимайте ваши места!

Седьмой заседатель. Правильно! Лучше поскорее покончить с этим. У меня на сегодняшний вечер билеты на «Семь лет чесотки». Наверное, я единственный человек в мире, который еще не видел этой пьесы. (*Смеется, садится.*) О'кей, ваша честь, начинайте представление.

Все начинают рассаживаться. Садится во главе стола и Председательствующий. Лишь Восьмой заседатель по-прежнему смотрит в окно. К нему обращается Председательствующий.

Председательствующий. А как вы насчет того, чтобы сесть?

Восьмой заседатель не отвечает. Он не слышал вопроса. Председательствующий повышает голос.

Председательствующий. Джентльмен!.. Там, у окошка!

Испуганный Восьмой заседатель оборачивается.

Председательствующий. Как вы насчет того, чтобы сесть?

Восьмой заседатель. О, простите!

Десятый заседатель (*обращаясь к Шестому*). Трудно даже представить себе, правда?.. Мальчишка убивает своего отца! Бум!.. Вот так... Вот вам факт. Распускают своих детей... а может быть, тот и получил по заслугам...

Председательствующий. Все на месте?

Двенадцатый заседатель. Старик вон там застрял.

Показывает на дверь туалетной комнаты.

Председательствующий смотрит на дверь, но в это время она как раз открывается и входит смущенный Девятый заседатель.

Председательствующий говорит ему:

— Мы хотели бы начать.

Девятый заседатель. Простите, джентльмены. Я не думал, что задерживаю вас.

Председательствующий. Ничего, ничего... Присаживайтесь.

Немного смущенный Девятый заседатель садится на первый попавшийся ему свободный стул.

Все выжидаательно смотрят на Председательствующего.

Председательствующий. Так, теперь все в порядке. Джентльмены, вы можете рассматривать это дело, как пожелаете. Я не буду навязывать вам какой-либо порядок. Если хотите, сначала мы все обсудим, а уже затем будем голосовать. Это ваше дело... Или, может быть, начнем с голосования, чтобы выяснить, кто и что думает об этом деле?..

Седьмой заседатель. Давайте сразу голосовать! Как знать, может быть, нам удастся сразу же и разойтись по домам!..

Десятый заседатель. Конечно, давайте сразу определим, кто что думает!..

Третий заседатель. Да-да... давайте сразу голосовать.

Председательствующий. Может быть, кто-нибудь не хочет голосовать?

Обводит глазами сидящих за столом. Никто не возражает.

Председательствующий. Ну, хорошо. Тогда поднимите руки те, кто голосует за «виновен».

Сразу же поднимаются семь-восемь рук. Другие поднимают руку более медленно. Каждый обводит глазами стол. Остались не поднятыми две руки. Это руки Девятого и Восьмого заседателей. Председательствующий подсчитывает голоса.

Наконец рука Девятого заседателя медленно, словно неуверенно поднимается.

Председательствующий. Девять... десять... одиннадцать... одиннадцать голосов за «виновен». Так. За «невиновен»?

Восьмой заседатель поднимает руку.

Председательствующий. Так. О'кей. Одиннадцать за «виновен». Теперь нам все ясно.

Третий заседатель. Но один голосовал против! (*Восьмому.*) Вы считаете, что он невиновен?

Восьмой заседатель (*спокойно*). Я не знаю.

Третий заседатель. Никогда в жизни не видел человека, который был бы более виноват. Вы же ведь присутствовали на суде и слышали то же самое, что и я... Обвиняемый — опасный убийца. Вы должны были бы понять это.

Восьмой заседатель. Ему всего девятнадцать лет.

Третий заседатель. Он достаточно взрослый... Он зарезал своего отца. Всадил нож в грудь на глубину четырех дюймов! Действительно, невинный девятнадцатилетний мальчик! Это было доказано дюжиной разных способов. Хотите, чтобы я вам их перечислил?

Восьмой заседатель. Не нужно.

Десятый заседатель (*Восьмому*). Неужели вы верите тому, что говорил мальчик?

Восьмой заседатель. Не знаю, верю ли я этому. Возможно, что и не верю.

Седьмой заседатель. Тогда почему же вы голосуете за «невиновен»?

Восьмой заседатель. Одиннадцать голосов было подано за «виновен»... Но мне было трудно поднять руку и послать мальчика на смерть, не обсудив сначала дела.

Седьмой заседатель. А кто вам сказал, что мне было это легко?

Восьмой заседатель. Никто.

Седьмой заседатель. Вы думаете так потому, что я проголосовал первым? Да, я считаю парнишку виновным! И вам не изменить моего мнения, если даже будете убеждать меня сто лет подряд.

Председательствующий. Коронер также определил, что смерть наступила около полуночи.

Третий заседатель. Правильно... Так чего же вы еще хотите?

Четвертый заседатель. История, которую рассказывает мальчик, неправдоподобна от начала до конца. Он утверждает, что был в кино. Нелепо как-то, не правда ли?.. Был в кино и не мог даже вспомнить, какой фильм видел.

Третий заседатель. Правильно. Вы слышали это? (*Четвертому.*) Вы абсолютно правы!

Десятый заседатель. Ну, а как насчет женщины, живущей на другой стороне улицы? Если уж и ее показание бездоказательно, тогда все будет недоказанным...

Двенадцатый заседатель. Правильно! Она ведь видела, как происходило убийство.

Председательствующий. Прошу вас говорить по порядку.

Десятый заседатель (*громко*). Минуточку!.. Женщина лежит в кровати и не может заснуть...

Встав, он начинает расхаживать по комнате, сморкается. Продолжает, как бы рассуждая вслух.

Десятый заседатель. Зачем-то она выглянула в окно и на той стороне улицы увидела, как юноша ударил ножом своего отца. Этого юношу она знала всю жизнь. Окно его квартиры — как раз напротив окна ее комнаты, и она под присягой показала, что видела, как он убивал отца.

Восьмой заседатель. Видела сквозь окно проходившего мимо поезда надземной дороги?!

Десятый заседатель. О'кей! И в суде было доказано, что ночью через окно вагона проходящего поезда можно увидеть, что делается на противоположной стороне улицы... Это ведь было доказано.

Восьмой заседатель. Мне хотелось бы задать вам один вопрос... Почему вы ей верите? Ведь она также одна из «них», не правда ли?

Резко вскочив со своего места, Десятый заседатель направляется к Восьмому.

Десятый заседатель. Вы думаете, что вы очень остроумны, да?

Председательствующий (*вставая*). Успокойтесь, успокойтесь, джентльмены.

Поднимается со своего места Третий заседатель. Направляется к Десятому. Берет за руку, подводит его к стулу, хочет что-то доказать ему.

Третий заседатель. Продолжаем. Садитесь. Вы только мешаєте всем нам. Успокойтесь.

Председательствующий. Ну, а теперь спокойствие. (*Пятому.*) Ваша очередь.

Пятый заседатель. Я отказываюсь от слова.

Председательствующий. Это ваше право. (*Шестому.*) Ну, а вы как?...

Шестой заседатель (*медленно*). Право, не знаю. Вначале я был убежден... ну, знаете, на основании показаний всех свидетелей, которые

жили в этом доме... Ведь они говорили о какой-то ссоре между отцом и сыном, происшедшей в этот вечер около семи часов?.. Может быть, я ошибаюсь?

Одиннадцатый заседатель. Мне кажется, это было в восемь часов, а не в семь...

Восьмой заседатель. Правильно, в восемь!.. Они слышали, как отец два раза ударил мальчика, после чего мальчик сердитым вышел из дому. А что это доказывает?

Шестой заседатель. Ну, точно-то это еще ничего доказать не может... Так просто, какая-то часть общей картины. Да я и не говорил, что это что-то доказывает.

Председательствующий. Вы хотите сказать еще что-нибудь?

Шестой заседатель. Нет.

Направляется к резервуару с водой.

Председательствующий. Так... (Седьмому.) А вы?

Седьмой заседатель. Право, не знаю... кажется, все уже сказано. Мы можем толковать об этом целый день, но я считаю, что мы только зря теряем время... Полюбуйтесь на справки об этом мальчике. В пятнадцать лет он побывал в исправительной школе — украл автомобиль. Затем его арестовывают за пьянство. Снова арестован за то, что во время драки пустил в ход нож. Кажется, что он кого-то саданул ножом по руке... Действительно, прелестный мальчик!

Восьмой заседатель. С тех пор как ему исполнилось пять лет, отец регулярно бил его каждый день... Кулаками!

Седьмой заседатель. И я бы делал так же. Такой мальчишка!

Третий заседатель. Вы правы, таковы мальчики. Они именно такие. Не хотят слушаться. (С озлоблением.) У меня тоже был сын. Ему было восемь лет, когда он удрал, испугавшись драки... Я сам это видел... Мне было просто стыдно... И тогда я сказал ему: «Нет, я все-таки сделаю из тебя настоящего мужчину, даже если бы мне пришлось разорвать тебя на мелкие кусочки...» Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он ударил меня по лицу. Он, знаете ли, высокий!.. Я не видел его уже три года. Испорченный мальчишка... А вы вкладываете в них всю душу... (Пауза.) Ну, ладно, давайте продолжать.

Смущенный своей откровенностью, глядит в сторону.

Четвертый заседатель. Мы упускаем из виду один момент. Этот мальчик — он, скажем, прямо... это уже продукт испорченной среды и разрушенного домашнего очага... С этим мы ничего поделать не можем... Да мы здесь и не для того, чтобы решать, почему трущобы являются таким богатейшим рассадником преступников. Но они именно таковы... Я это знаю, и вы это знаете... Дети, которые выходят из этих трущоб, — потенциальная угроза для общества.

Десятый заседатель. Правильно сказано! И поверьте мне — лично мне они не нужны.

На минуту в комнате воцаряется мертвое молчание. Наконец Пятый заседатель говорит запинаясь.

Пятый заседатель. Я прожил в трущобах всю свою жизнь...

Десятый заседатель. О нет, погодите минутку!

Пятый заседатель. Я играл на заднем дворе, заваленном мусором. Может быть, запах его сохранился на моей одежде и до сих пор.

Председательствующий. Успокойтесь! Он не хотел сказать ничего лично против вас.

Пятый заседатель *(встает)*. И все-таки в этом было что-то обидное для меня...

Увидев, что все смотрят на него, он спохватывается и садится, стиснув кулаки. Третий заседатель пытается его успокоить.

Третий заседатель. Ну, ну, он совсем не думал о вас, старина! Нельзя же быть таким обидчивым...

Всем как-то не по себе. Продолжительное время никто не решается заговорить. Наконец Одиннадцатый заседатель прерывает это неловкое молчание.

Одиннадцатый заседатель. А мне понятна его обидчивость.

Председательствующий. Давайте прекратим эти пререкания. Мы зря теряем время. *(Восьмому.)* Ваша очередь... Прошу...

Восьмой заседатель. Хорошо... Все время, пока шел этот процесс, меня не покидало какое-то странное чувство. У меня создалось впечатление, что настоящего перекрестного допроса защитник не устроил. А ведь суд назначил его для защиты этого мальчика... А мне показалось, что он ничем даже не интересуется... И, конечно, на многие вопросы так и не было получено четкого ответа.

Третий заседатель *(раздраженно)*. А что вы скажете насчет тех, ответы на которые были даны?.. Давайте вспомним, например, историю с этим складным ножом. Я имею в виду тот самый нож, в покупке которого сознался этот прелестный и откровенный мальчик!..

Восьмой заседатель. Хорошо... Давайте поговорим об этом ноже. Попросим принести его сюда и посмотрим на него... Мне очень хочется еще раз увидеть этот нож, мистер Председательствующий.

Вопросительно посмотрев на него, Председательствующий направляется к двери. Стучит.

Входит сторож. Председательствующий что-то шепчет ему, сторож кивает головой и выходит, снова заперев за собой дверь.

Третий заседатель. Но ведь мы и так все хорошо знаем, как выглядит этот нож. Не понимаю, зачем нам еще раз смотреть на него! *(Четвертому.)* Как вы думаете, а?..

Четвертый заседатель. Этот джентльмен имеет право потребовать любое вещественное доказательство, чтобы осмотреть его еще раз.

Третий заседатель *(пожимая плечами)*. По мне, пожалуйста.

Четвертый заседатель (*Восьмому*). Этот нож достаточно серьезное вещественное доказательство... не так ли?

Восьмой заседатель. Да.

Четвертый заседатель. Мальчик сознался, что ушел из дому в восемь часов, после того как отец дал ему пощечину.

Восьмой заседатель. Или ударил его кулаком.

Четвертый заседатель. Или ударил кулаком. Он пошел в соседнюю лавку и купил там складной нож. Владельца лавки арестовали на другой день после того, как он сознался, что продал нож мальчишке. Это ведь не обычный перочинный нож. Лавочник опознал нож, сказав, что в его лавке такой был всего один. Зачем мальчишка купил его? (*Саркастически.*) Он говорит, что хотел подарить приятелю... Правильно я все излагаю?

Восьмой заседатель. Правильно.

Третий заседатель. Конечно, правильно (*Остальным.*) Вы прислушайтесь к этому человеку. Он знает, о чем говорит.

Четвертый заседатель. Затем мальчик утверждает, что по дороге домой он потерял этот нож... Якобы он выпал у него, потому что карман был дырявый, и он никогда больше его не видел... Вот его версия, джентльмены! Но вы ведь знаете, что фактически-то произошло. Мальчишка принес нож домой и через несколько часов убил им своего отца, не забыв при этом стереть на нем следы от пальцев.

Открывается дверь. Входит сторож с подносом в руках. На подносе не совсем обычный нож. Четвертый заседатель, встав с места, берет поднос у сторожа. Тот уходит.

Четвертый заседатель. Все, так или иначе связанные с этим делом, опознали нож... А вы пытаетесь доказать мне, что кто-то поднял этот нож на улице, пошел в дом мальчишки и убил им его отца просто так, для собственного развлечения!

Восьмой заседатель. А я верю и в такую возможность: мальчик потерял нож, кто-то поднял его, а его отца кто-то убил ножом, похожим на этот... Это же вполне допустимо!

Четвертый заседатель раскрывает нож и с размаху, с силой вонзает его в стол.

Четвертый заседатель. А не пытаетесь ли вы заставить нас поверить в очень маловероятное совпадение?

Восьмой заседатель. Я вовсе не пытаюсь заставить кого-либо поверить этому... Я только говорю, что это вполне возможно.

Третий заседатель (*кричит*). А я говорю, что это невозможно.

Вытащив из своего кармана нож, Восьмой заседатель быстро открывает его и вонзает в стол рядом с первым. Все видят, что ножи совершенно одинаковые. Многие потрясены. Все молча смотрят на этот нож. О такой возможности никто не думал. Пораженный Третий заседатель тихо спрашивает Восьмого:

— Что вы хотите этим доказать?

Заседатели перешептываются...

Десятый заседатель (*громко*). Да что же это такое? Что вы думаете?

Пятый заседатель. Посмотрите! Это такой же точно нож!

В комнате поднимается шум. Говорят все сразу. Слов разобрать нельзя.

Председательствующий. Спокойно, джентльмены, спокойно!

Все замолкают. И когда Восьмой заседатель начинает говорить, его слушают все с особым вниманием.

Восьмой заседатель. Я купил этот нож вчера вечером в лавочке, что за углом того дома, в котором жил обвиняемый. Он стоит два доллара.

Третий заседатель. А теперь послушайте меня... Вы проделали сейчас очень ловкий фокус... но он решительно ничего не доказывает... Возможно, что в городе найдется десяток таких ножей. Ну и что же из этого следует?

Восьмой заседатель. Может быть, найдется десяток!

Третий заседатель. Мальчишка врал, и вы это знаете.

Восьмой заседатель. Возможно, врал. (*Десятому*.) Как вы считаете, он врал?

Десятый заседатель (*резко*). Глупый вопрос!.. Конечно, врал!

Восьмой заседатель (*Четвертому*). А вы?

Четвертый заседатель. Зачем вы меня спрашиваете?.. Вы же и так знаете мой ответ... Да, врал!

Восьмой заседатель (*Пятому*). Вы тоже думаете, что он врал?

Не решаясь сразу ответить, Пятый заседатель нервно оглядывается, бормочет неуверенно.

Пятый заседатель. Я... я не знаю.

Седьмой заседатель. Подождите-ка минутку!.. Вы что, защитник мальчишки? Вы же видите, одиннадцать человек из нас считают его виновным... И только вы один... Чего вы хотите добиться? Единственное, чего вы можете добиться... если и заседатели не придут к единодушному решению... над мальчишкой будет назначено новое следствие... но его все равно признают виновным! Это так же верно, как то, что он родился на свет.

Восьмой заседатель. Весьма вероятно, что вы и правы.

Седьмой заседатель. Так чего же вы добиваетесь?.. Мы же можем просидеть здесь всю ночь!

Девятый заседатель. Для нас всего одна ночь, а невинный человек может умереть...

Пораженный этими, как бы вскользь сказанными словами, Седьмой заседатель уставился на Девятого. Долго смотрит на него, но ничего

не говорит. Восьмой заседатель пристально всматривается в Девятого, и чувствуется, что между ними устанавливается внутренняя связь. Наступает длительное молчание.

И вдруг все начинают одновременно говорить.

Третий заседатель. Но тогда кто же виноват?

Шестой заседатель. А что, если бы мы все сначала... Я говорю о...

Десятый заседатель. Да разве кто-нибудь заставлял его убивать своего отца? (Третьему.) Как это вам нравится? Как будто его кто-то заставлял!

Одиннадцатый заседатель. Да ведь дело не в этом...

Пятый заседатель. Никто никого не заставлял. Но, послушайте...

Двенадцатый заседатель. Послушайте, джентльмены, так мы просидим здесь всю ночь.

Второй заседатель. Я хотел сказать...

Седьмой заседатель. Минуточку... У многих из нас есть дела поважнее, чем сидеть здесь, в этой комнате для заседателей.

Четвертый заседатель. Теперь я уже ничего не понимаю. Почему мы говорим все сразу?

Председательствующий. Он прав!.. Считаю, что нам всем следует серьезно подумать.

Переводя глаза с одного на другого, Восьмой заседатель внимательно прислушивается к беспорядочному обмену мнениями.

Третий заседатель (Восьмому). Ну, что же вы в конце концов скажете?.. Ведь вы же затеяли этот спектакль.

Восьмой заседатель. У меня есть предложение.

Встает. Пятый заседатель, не отрываясь, смотрит на Восьмого, внимательно слушает, что тот говорит.

Восьмой заседатель. Я вношу предложение проголосовать еще раз. Я хочу, чтобы вы, одиннадцать человек, проголосовали тайно... Я воздержусь. И если сейчас все одиннадцать голосов будут поданы за «виновен», я присоединюсь к ним. Тогда мы единогласно вынесем приговор, что он виновен.

Седьмой заседатель. О'кей. Так и сделаем.

Председательствующий. По-моему, честное предложение. Все с ним согласны?

Все кивают головами.

Восьмой заседатель подходит к окну. На минутку высовывается из него, затем оборачивается лицом к сидящим за столом заседателям.

Председательствующий. Передайте это, пожалуйста.

Раздает всем бумажки для голосования.

Заседатели начинают писать.

Восьмой заседатель напряженно смотрит на них.

Затемнение.

Та же комната.

В стороне, у окна, стоит Восьмой заседатель и сосредоточенно наблюдает, как остальные заполняют розданные им бумажки.

Он стоит неподвижно и внешне спокойно смотрит, как один за другим заседатели складывают заполненные ими бумажки и передают их Председательствующему.

Так же молча Председательствующий собирает листочки. Считает и наконец начинает открывать.

Громко прочитывает он написанное и откладывает листочек в сторону. Все внимательно следят за этой процедурой.

В комнате так тихо, что слышно даже, как Второй заседатель сосет конфетку от кашля.

Председательствующий. Виновен. Виновен.

Останавливается, вскрыв десятый листочек. Мгновение молчит, затем так же громко произносит:

— Невиновен!

Услышав это, Третий заседатель резко бьет кулаком по столу. Председательствующий открывает последнюю бумажку, читает:

— Виновен.

Десятый заседатель (*сердито*). Как вам это нравится!

Седьмой заседатель. Кто подал эту бумажку?.. Думаю, что мы имеем право знать это?

Одиннадцатый заседатель. Простите, но ведь было тайное голосование. Мы согласились на это, не так ли? Если джентльмены не хотят, чтобы это знали...

Третий заседатель (*встает, раздраженно*). Что вы хотите сказать?.. Между нами не должно быть секретов! Я знаю, кто это написал. (*Оборачивается к Пятому.*) В чем дело?.. Когда вы вошли сюда, вы голосовали за «виновен». Что же, этот ловкий проповедник растрогал вас баснями о бедном мальчике, который вынужден был стать убийцей? И вы поэтому изменили свое мнение?! Это отвратительно...

Испуганный этой вспышкой, Пятый заседатель покорно смотрит на Третьего.

Председательствующий. Прекратите это!

Третий заседатель. Прекратить?.. Мы стараемся виновного человека отправить туда, где ему надлежит быть... и вдруг начинаем прищипываться и верить всяким сказкам...

Пятый заседатель. Подождите же минуточку...

Одиннадцатый заседатель. Прошу вас, мне бы тоже хотелось сказать несколько слов!.. Я всегда считал, что в этой стране человек может высказывать свое мнение, даже если оно не соответствует мнению большинства... Поэтому-то я и приехал именно в эту страну... В моей родной стране, как мне ни горько об этом говорить...

Десятый заседатель. Что же, теперь нам придется еще выслушать и историю вашей страны?

Седьмой заседатель. Давайте говорить только по существу. (Пятому.) Я хотел бы знать, почему вы изменили свое мнение?

Продолжительное молчание. Седьмой и Пятый заседатели сердито смотрят друг на друга.

Девятый заседатель (спокойно). Он ничего не сможет ответить вам... Он не менял своего мнения. Это я изменил свое. (Пауза.) Может быть, вы хотите узнать — почему?

Третий заседатель. Нет, мы не желаем знать почему.

Председательствующий. Но если человек хочет высказаться?!

Девятый заседатель. Благодарю вас. (Указывая на Восьмого.) Этот джентльмен один решился пойти против всех нас... Это его право... Но, если даже вы глубоко уверены в чем-нибудь, требуется большое мужество, чтобы выступить вот так одному. Решение он предоставил нам... Значит, теперь соотношение десять к двум.

Десятый заседатель. Прекрасно... Если вы кончили, давайте продолжать!

Встав с места, Председательствующий идет к двери. Стучит. Отдает сторожу нож и снова возвращается на свое место.

Третий заседатель (Пятому). Простите меня, юноша... Я немного погорячился. Ну, надеюсь, вы меня понимаете. Я... я не хотел бы, чтобы вы обо мне дурно думали... В моих словах не было никаких намеков против вас...

Задумчиво, не отвечая, смотрит на него Пятый заседатель.

Седьмой заседатель (Восьмому). А не можете ли вы ответить на такой вопрос... Если мальчишка не убивал отца, то кто же убил его и почему?

Восьмой заседатель. Насколько я понимаю, мы должны решить только, виновен ли мальчик, против которого велся процесс. Все остальное не входит в нашу компетенцию.

Девятый заседатель. Виновность его не вызывает никаких обоснованных сомнений. Эту формулировку надо помнить.

Третий заседатель (Десятому). Здесь все не юристы. (Девятому.) А не можете ли вы объяснить мне, что такое обоснованное сомнение?

Девятый заседатель. Это не так просто... Но я так чувствую. Чувствую... Может быть, вы меня не понимаете?

Десятый заседатель. Чувство! Что же, мы потратим всю ночь для того, чтобы говорить о чувствах?.. А как насчет фактов?

Третий заседатель. Вы кончили? (Девятому.) Вы помните — старик слышал, как мальчишка крикнул «я убью вас». А через секунду он же услышал стук упавшего тела и увидел, как с лестницы сбежал мальчишка и через пятнадцать секунд вышел из дому.

Двенадцатый заседатель. Правильно! Не следует забывать и женщину, что живет в доме напротив. Она выглянула в открытое окно и увидела, как мальчик ударил отца ножом... Она видела это! Неужели вам этого еще недостаточно?..

Восьмой заседатель. Для меня недостаточно.

Седьмой заседатель. Нет, как он вам нравится?.. Убеждать его все равно, что говорить в выключенный телефон.

Четвертый заседатель. Женщина видела момент убийства через окно проходившего поезда надземной дороги... В поезде пять вагонов... она видела это через окна последних двух вагонов. Она помнит все, даже мельчайшие подробности.

В кадре крупно — Двенадцатый заседатель. Он на клочке бумаги рисует поезд.

Третий заседатель. Ну-с, а на это что вы скажете?!

Восьмой заседатель. Не знаю... Мне кажется, что это неверно.

Третий заседатель. Ну, ладно, подумайте хорошенько об этом. (Двенадцатому.) Дайте-ка мне ваш карандаш!

Тот передает ему карандаш. Третий быстро рисует два перекрещивающихся прямоугольника, вписывает в одну из клеток крестик и передает бумажку Двенадцатому.

Третий заседатель. Теперь ваша очередь. Мы можем таким образом скоротать время.

Не успевает Двенадцатый взять карандаш, как встает Восьмой заседатель и выдергивает у него листок.

Третий заседатель вскакивает.

Третий заседатель. Минуточку!

Восьмой заседатель (твердо). Это не игра!

Третий заседатель. Да что в конце концов вы о себе думаете?

Седьмой заседатель (встает). Ладно, ладно! Успокойтесь!

Третий заседатель. Мне хочется обойти вокруг стола и стукнуть его.

Председательствующий. Прошу вас!.. Я не допущу здесь драки.

Третий заседатель. Видали?.. Какая выдержка, какое чертовское самообладание!

Десятый заседатель. Ну, ладно!.. Забудем об этом.

Шестой заседатель. А что, если мы сядем?

Третий заседатель. Это не игра!.. Да что он о себе воображает!

Дает себя усадить. Восьмой остается стоять. Он рассматривает клочок бумаги. Долго и внимательно смотрит на него, как будто заинтересовался тем, что там нарисовано.

Наконец отбрасывает эту бумажку Третьему заседателю. Бумажка падает в центре стола. Это снова раздражает Третьего заседателя, но Четвертый успокаивает его.

Раздается голос Восьмого заседателя. Сейчас он говорит более энергично и решительно.

Восьмой заседатель (*Четвертому*). Посмотрите-ка на этот рисунок... Сколько времени надо поезду надземной дороги, идущему с полной скоростью, чтобы пройти мимо определенной точки?

Четвертый заседатель. А какое это имеет значение?

Восьмой заседатель. Определите, сколько времени нужно.

Четвертый заседатель. Понятия не имею.

Восьмой заседатель (*Пятому*). А вы как думаете?

Пятый заседатель. Примерно десять-двенадцать секунд.

Восьмой заседатель. Вы правы. По-моему, столько же. Может еще кто-нибудь определит это время?

Одиннадцатый заседатель. Мне думается, секунд десять примерно.

Второй заседатель. Около десяти секунд.

Четвертый заседатель. Правильно!.. Скажем, десять секунд. Но для чего это вам?

Восьмой заседатель. А вот для чего... Поезд надземной железной дороги проходит через определенную точку за десять секунд. Этой точкой в данном случае является окно комнаты, в которой произошло убийство. Высунувшись из этого окна, вы можете почти коснуться поезда рукой. Правильно?

Некоторые заседатели кивают в знак согласия.

Восьмой заседатель. Хорошо... Теперь ответьте мне — жил ли кто-либо из вас вблизи надземной железной дороги?.. Я жил. Когда у вас открыто окошко и мимо проходит поезд, стоит невероятный шум. Вы не слышите себя.

Десятый заседатель. О'кей. Вы себя не слышите! Но для чего все это?

Восьмой заседатель. Старик услышал, как мальчик крикнул «я убью вас», а через секунду услышал стук падающего тела... Через секунду. Ведь он так говорил в своих показаниях?

Второй заседатель. Правильно.

Восьмой заседатель. Женщина, живущая напротив, выглянула из окна, когда проходили последние два вагона, и увидела, как убитый падал. Правильно!.. (*Подчеркивая.*) Последние два вагона?

Десятый заседатель. Что вы тут нам рассказываете?

Восьмой заседатель. Надземный поезд проходит через данную точку за десять секунд... значит, каждый вагон проходит ее за две секунды. Мимо окошка старика поезд шел не менее шести секунд, а может быть, и дольше, еще до того, если верить показаниям женщины, как

упало тело. Старик уверяет, что в тот момент, когда мимо его окна с грохотом проходил поезд надземной железной дороги, он слышал, как мальчик крикнул «я убью вас». Но он же не мог этого слышать... это просто невозможно!

Третий заседатель. Что вы такое говорите?! Конечно, он мог слышать.

Восьмой заседатель. Вы думаете?

Третий заседатель. Он же говорил, что мальчик кричал это... Для меня этого достаточно!

Девятый заседатель. Мне кажется, он действительно не мог слышать.

Второй заседатель. Возможно, что он этого и не слышал из-за шума поезда.

Третий заседатель. О чем вы говорите, люди?.. Вы считаете старика лжецом?

Пятый заседатель. Но против него логика...

Третий заседатель. Вы с ума сошли!.. Зачем ему лгать?.. Какая ему от этого выгода?

Девятый заседатель. Возможно, внимание...

Третий заседатель. Не рассказывайте мне этих сказок!.. Почему бы вам не послать одну из них в газету!.. Они платят по два доллара за штуку.

Спокойно, но строго, явно осуждая, смотрит Восьмой заседатель на Третьего. Затем мягко обращается к Девятому.

Восьмой заседатель. Зачем было лгать старику?.. Вы имеете право на то, чтобы вас выслушали.

Девятый заседатель. Я как раз долго рассматривал его... На его пиджаке под мышкой лопнул шов... Вы не заметили?.. Это глубокий старик в разорванном пиджаке. В зал он вошел, опираясь на две палки... Мне думается, что я рассмотрел его лучше, чем кого-либо из вас... здесь присутствующих. Это тихий, запуганный человек. Всю свою жизнь он прожил в неизвестности... Его никто никогда не замечал и вдруг... его имя в газетах. Никто о нем не знал, пока он не дожил до семидесяти пяти лет... Это очень грустная история... Такому человеку необходимо, хоть один раз в жизни, признание, необходимо, чтобы к нему обращались с вопросами, выслушивали его, повторяли его слова. Для него это очень, очень важно!..

Двенадцатый заседатель. И вы хотите убедить нас, что он мог солгать в таком деле просто так, лишь для того, чтобы приобрести какое-то значение?

Девятый заседатель. Нет... Он не стал бы заведомо лгать... Но, очевидно, он и себя убедил, что слышал эти слова, что узнал мальчика в лицо.

Третий заседатель (громко). Ну, это уж самая фантастическая

история, какую мне когда-либо приходилось слышать!.. И как только вы могли сочинить ее?.. Откуда вы знаете обо всем этом?

Девятый заседатель (*тихо*). Я говорю на основании собственного опыта.

В комнате снова воцаряется неловкое молчание...

Длительная пауза.

Председательствующий откашливается.

Председательствующий (*Восьмому*). Хорошо... У вас есть еще что-нибудь?

Не отвечая, Восьмой заседатель с грустной полуулыбкой смотрит на Девятого.

Заметив, что Председательствующий то и дело покашливает, и думая, что тот простужен, Второй заседатель протягивает ему коробку с конфетами от кашля. Председательствующий отмахивается от нее.

Второй заседатель (*запинаясь*). Может... кто-нибудь желает конфеты от кашля...

Председательствующий (*резко*). Хорошо... Продолжаем.

Восьмой заседатель. Я возьму одну.

Чуть ли не с благодарностью Второй заседатель передает ему через стол конфету.

Восьмой заседатель. Спасибо!

Довольный Второй кивает головой, а Восьмой рассеянно кладет конфетку в рот.

Восьмой заседатель. Итак... Я хотел бы еще указать на следующее. Думаю, мы доказали, что старик не мог слышать, как мальчик сказал «я убью вас». Но если даже предположить, что он слышал это. Такие слова!.. Да каждый из нас в своей жизни, несомненно, не раз, а сотни раз говорил их. «Если вы, юноша, еще раз сделаете это, я убью вас!» «Роки, иди сюда, убей его!» Да мы говорим это каждый день... Но это вовсе не значит, что мы действительно собираемся кого-то убить.

Третий заседатель. Постойте минуточку... Значит, фраза была такая: «Я убью вас»... и выкрикнул ее мальчик во весь голос... Нет... не пытайтесь убеждать меня, что он не собирался убивать... Каждый, кто такую вещь говорит так, как она была сказана в данном случае,—серьезно намеревается убить.

Десятый заседатель. Конечно, собирается.

Восьмой заседатель. Хорошо... Разрешите тогда мне у вас спросить... Вы думаете, что юноша действительно об этом мог кричать, чтобы слышали все соседи?.. Я не думаю... Для этого обвиняемый слиш-ком умен.

Десятый заседатель (*вспыхивая*). Умен!.. Он-то?! Да это же просто грязный невежда. Он даже по-английски-то хорошенько говорить не умеет.

Одиннадцатый заседатель (*тихо*). Даже по-английски не умеет как следует говорить.

Снова все умолкают на минуту. Десятый заседатель сердито смотрит на Одиннадцатого.

Явно нервничая, Пятый заседатель обводит взглядом сидящих за столом.

Пятый заседатель. Я хотел бы взять свой голос... и проголосовать за «невиновен».

Со своего места поднимается Третий заседатель. Отходит к окошку. Он взбешен, но пытается овладеть собой.

Председательствующий. Вы твердо решили это?

Пятый заседатель. Да. Твердо.

Теперь еще более резко разделились голоса: девять за «виновен» и три против.

Седьмой заседатель. Ну, это ли не чудеса... (*Пятому*.) Чем вы обосновываете свое решение? На вас повлияли сказки этого парня? (*Указывает на Восьмого*.) Ему следовало бы писать потрясающие детективные истории для ежемесечника. Он мог бы составить себе состояние на этом... Послушайте, ведь у юнца был защитник, не так ли?.. Почему же он не делал подобных возражений?

Пятый заседатель. Юристам всегда бывает не до этого...

Седьмой заседатель. Ох, какая ерунда! (*Восьмому*.) Вы, сидя здесь, из воздуха ловите ваши теории... Мы должны поверить вам, что старик не вставал со своей постели, не подбежал к двери и не видел, как через пятнадцать секунд после убийства вниз по лестнице сбегал обвиняемый. Оказывается, он рассказал все это только потому, что хотел приобрести какое-то значение в глазах общественности?!

Пятый заседатель. А разве старик говорил, что он подбежал к двери?

Седьмой заседатель. Подбежал, подошел... Какая разница?! Он был там.

Пятый заседатель. Я не помню точно, что он говорил... Но не представляю, как он мог бежать.

Четвертый заседатель. Он сказал, что из своей спальни подошел к входной двери. Достаточно вам этого?

Восьмой заседатель. А где находится его спальня?

Десятый заседатель. Где-то внизу, возле двери... А мне казалось, что вы все прекрасно помните. А такую вещь не запомнили?

Восьмой заседатель. Нет, не помню... Председательствующий, я хотел бы посмотреть план квартиры.

Седьмой заседатель. Почему бы нам не повторить всего следствия, чтобы вы могли все точно вспомнить?

Восьмой заседатель. Мистер Председательствующий...

Председательствующий. Я слышал.

Встает и, подойдя к двери, стучит в нее. Открывается дверь, показывается сторож. Председательствующий что-то шепчет ему, сторож кивает и закрывает за собой дверь.

Третий заседатель (*Восьмому*). Ну, ладно... скажите только, для чего вам все это?.. Почему только один вы требуете предъявления вещественных доказательств?

Пятый заседатель. Я тоже хочу видеть этот план.

Третий заседатель. А я хочу, чтобы мы, наконец, перестали зря тратить время.

Четвертый заседатель. Ну, знаете, если мы начнем снова изучать всю эту ерунду относительно того, где был найден труп...

Восьмой заседатель. Не будем.. Мы хотим только проверить, как человек, у которого уже было два удара за последние три года и который с трудом ходит, опираясь на две палки, мог дойти до входной двери за пятнадцать секунд.

Третий заседатель. Он говорил о двадцати секундах.

Второй заседатель. Нет, о пятнадцати.

Третий заседатель. Да как он может определить точно, что прошло именно пятнадцать секунд? Такого рода вещи точно определить нельзя.

Девятый заседатель. Он сказал «пятнадцать» и твердо стоял на этом.

Третий заседатель (*со злобой*). Он старик... Вы ведь видели его... Половину процесса он вообще просидел, ничего не видя и не слыша от волнения. Как он может на чем-либо настаивать?!

Чувствуя, что проговорился, исподтишка оглядывается.

Открывается дверь. Появляется сторож. Он принес большой план квартиры, вычерченный тушью.

Окна этой квартиры, где произошло убийство, выходят на железную дорогу. Дальше, в глубине дома, ряд комнат, выходящих в длинный коридор. Отсюда лестница спускается в подъезд.

На плане отмечена спальня и место, где лежало тело. Видна входная дверь последней квартиры. Из подъезда она ведет в прихожую. Указаны размеры всех комнат обеих квартир.

Сторож передает план Председательствующему.

Сторож. Этот план вам нужен?

Председательствующий. Да-да. Благодарю вас.

Кивнув головой, сторож уходит. Восьмой заседатель подходит к Председательствующему.

Восьмой заседатель. Разрешите?..

Кивком головы Председательствующий дает разрешение. Восьмой заседатель берет план и раскладывает его на столе так, чтобы все могли видеть.

Некоторое время Восьмой заседатель молча, внимательно изучает план. Часть заседателей подходит к нему, чтобы рассмотреть план получше.

Лишь Третий, Седьмой и Десятый заседатели не хотят даже взглянуть на него.

Иронически улыбаясь, Седьмой заседатель громко обращается к Десятому.

Седьмой заседатель. Будьте любезны, когда это кончится, разбудите меня... Очень прошу вас!..

Не обращая на этот выпад внимания, Восьмой заседатель объясняет столпившимся возле него.

Восьмой заседатель. Да, это та самая квартира, где произошло убийство. Комната старика — прямо под ней. Она точно такая же... *(Показывает.)* Вот надземная железная дорога... Спальня. Другая спальня. Столовая, ванна, кухня... А вот и прихожая. Здесь входная дверь в квартиру... Вот лестница... Старик, следовательно, был в этой комнате... Он говорит, что встал, вышел в прихожую, подошел к входной двери, открыл ее и выглянул как раз в тот момент, когда юноша сбежал вниз. Правильно я говорю?

Третий заседатель. Да... таковы данные.

Восьмой заседатель. Выглянул он через пятнадцать секунд после того, как услышал шум от падения тела.

Одиннадцатый заседатель. Правильно.

Восьмой заседатель. Его кровать стоит у окна. *(Всматриваясь в план.)* От кровати до двери футов двенадцать... Длина коридора сорок три фута шесть дюймов. Значит, он должен был встать с кровати, взять свои палки, пройти двенадцать футов, открыть дверь спальни, пройти еще сорок три фута и открыть входную дверь... И все это за пятнадцать секунд! Вы считаете это возможным?

Десятый заседатель. Но вы же знаете, что это оказалось возможным.

Одиннадцатый заседатель. Он ходит очень медленно. Его пришлось поддерживать, чтобы он дошел до места для свидетелей.

Третий заседатель. Вы хотите изобразить дело так, будто тут очень большое расстояние... Но это же вовсе не так.

Поднявшись, Восьмой заседатель идет к задней стене комнаты и берет там два стула. Составляет их вместе. Это должно изображать кровать.

Десятый заседатель. Для старого человека, который ходит, опираясь на палки, это очень большое расстояние.

Третий заседатель *(Восьмому)*. Что вы там устраиваете?

Восьмой заседатель. Хочу узнать одну вещь... Проверим, сколько времени ему было нужно, чтобы пройти это расстояние... Я сейчас отмерю 12 футов — длину его спальни.

Шагами начинает отмерять.

Третий заседатель. Вы с ума сошли!.. Вы не сможете воспроизвести все это!

Одиннадцатый заседатель. Но, может быть, если мы сами увидим... это очень важное обстоятельство.

Третий заседатель (в бешенстве). Глупая потеря времени!

Шестой заседатель. Ну, а вам-то что?.. Пусть делает.

Восьмой заседатель. Передайте мне еще один стул.

Ему передают стул.

Восьмой заседатель. Спасибо... Вот это — дверь из спальни...

Как вы думаете, сколько будет отсюда до двери этой комнаты?..

Шестой заседатель. По моему, двадцать футов.

Второй заседатель. Двадцать футов — это мало... Ну ладно, отсюда до двери и обратно будет примерно сорок футов... Это несколько короче, чем длина коридора... Правильно?

Девятый заседатель. Пожалуй, на несколько футов.

Десятый заседатель. Нет, вы посмотрите!.. Ведь это же настоящее сумасшествие! Как вы можете думать, что вам удастся...

Восьмой заседатель. Вы возражаете против моей попытки проверить?.. Но ведь, если вы уверены, что все правильно, это займет всего пятнадцать секунд... Мы должны проверить это...

Подходит к сдвинутому стульям. Садится на них.

Восьмой заседатель. Кто будет следить за временем? У кого есть часы с секундной стрелкой?

Второй заседатель. У меня.

Восьмой заседатель. Когда вы найдете нужным начать, топчите ногой... Это будет соответствовать моменту падения тела... И после этого считайте секунды...

Ложится на стулья.

Восьмой заседатель. Будем считать, что его палки стояли у самой кровати. Хорошо?

Второй заседатель. Хорошо.

Восьмой заседатель. О'кей. Я готов.

Все внимательно следят за Восьмым заседателем. Второй смотрит на свои часы, дожидаясь, когда секундная стрелка подойдет к 60... Наконец, он топает ногой. Восьмой заседатель начинает подниматься на своей импровизированной кровати. Медленно перекидывает ноги со стульев на пол, берет воображаемые палки и встает. Второй не спускает глаз с часов. Походкой старого калеки Восьмой заседатель направляется к стулу, который изображает дверь спальни. Доходит до него. Делает вид, что открывает дверь.

Десятый заседатель. Поторапливайтесь. Он ходит в два раза быстрее.

Не останавливаясь, не отвечая на реплику Десятого заседателя, Восьмой начинает проходить воображаемый коридор, направляясь к входной двери.

Одиннадцатый заседатель. Мне кажется, он идет даже быстрее, чем ходил старик в зале суда.

Восьмой заседатель. Если вы считаете, что следует идти быстрее, — я пойду.

Немного ускоряет шаг. Доходит до двери, поворачивает обратно.

Идет он, слегка прихрамывая, так, как должен прихрамывать старик, опирающийся на свои палки.

Заседатели напряженно следят за ним... Снова доходит до стула, который теперь уже изображает входную дверь. Делает вид, что поворачивает ключ, затем распакивает ее.

Восьмой заседатель (*громко*). Стоп!

Второй заседатель. Правильно.

Восьмой заседатель. Сколько секунд?

Второй заседатель. Пятнадцать... двадцать... тридцать... Точно! тридцать одна секунда.

Одиннадцатый заседатель. Тридцать одна секунда?!

Несколько заседателей шепотом обмениваются замечаниями. Несколько человек выражают удивление.

Восьмой заседатель. Мне кажется, что старик лишь попытался дойти до двери, услышав, что кто-то быстро спускается по лестнице... и решил, что это был обвиняемый...

Шестой заседатель. Я считаю это возможным.

Третий заседатель (*в бешенстве*). Но ведь это лишь предположение!.. послушайте меня, люди! Я видел много разных гнусностей за свою жизнь... Но этот спектакль превосходит все, с чем мне пришлось сталкиваться!.. (*Обращаясь к Четвертому.*) Скажите же ему об этом и вы!

Но тот молчит. Несколько секунд Третий заседатель пристально смотрит на него, потом переводит взгляд на Восьмого.

Третий заседатель. Из чувства жалости к детям трущоб, оплакивая несправедливое к ним отношение, вы пришли сюда с кровотокающим сердцем и начали рассказывать эти фантастические небылицы... Некоторые мягкосердечные старые девы слушают вас... Ну, а я не хочу слушать эти басни... Мне все это до смерти надоело! (*Обращаясь ко всем.*) Что с вами, люди?.. Этот парень виновен. И он должен быть наказан! А мы хотим допустить, чтобы он проскользнул у нас между пальцами...

Восьмой заседатель (*спокойно*). Нашими пальцами... А вы разве палач?

Третий заседатель (*в бешенстве*). Я один из них.

Восьмой заседатель. Может быть, вы даже согласитесь дернуть веревку?

Третий заседатель. Веревку на этом парне? Будьте уверены... я с удовольствием дернул бы за нее.

Восьмой заседатель. Мне вас очень жаль.

Третий заседатель (*кричит*). Не смотрите на меня так!

Восьмой заседатель. Интересно, что же чувствует человек, желающий повесить другого...

Третий заседатель. Заткнитесь!

Восьмой заседатель. Вы садист!

Третий заседатель (*еще громче*). Заткнитесь!

Восьмой заседатель. Вы хотите, чтобы мальчик умер, потому что этого хочется вам, а вовсе не потому, что доказана необходимость его смерти!

Третий заседатель (*кричит*). Да заткнитесь же вы!

Бросается на Восьмого заседателя, но находящиеся поблизости два других заседателя удерживают его. Он пытается вырваться. Восьмой заседатель спокойно наблюдает за ним.

Вне себя от бессильной злобы, Третий заседатель уже не кричит, а визжит.

Третий заседатель. Пустите меня!.. Я убью его... Я убью его!..

Восьмой заседатель. Но ведь на самом деле вы вовсе не собираетесь убивать меня... Правда?..

Пораженный Третий заседатель сразу же перестает вырываться и растерянно смотрит на Восьмого. Остальные хранят молчание.

Затемнение.

Та же комната.

Третий заседатель, которого все еще удерживают два человека, сердито смотрит на Восьмого.

После небольшой паузы он освобождается от них. Отворачивается. Идет к окну.

Все потрясены этим взрывом гнева... В комнате царит молчание...

Входит сторож. Оглядывается.

Сторож. Что случилось, джентльмены?.. Я слышал какой-то шум.

Председательствующий. Ничего, ничего!.. Все в порядке. (*Указывает на план квартиры.*) Можете унести его... С этим мы покончили!..

С любопытством глядя на заседателей, сторож забирает план и уходит.

Некоторые заседатели начинают медленно рассаживаться. Третий все еще стоит у окна. Вдруг он оборачивается. Все смотрят на него.

Третий заседатель (*громко*). Ну, чего вы все уставились на меня?

Все отворачиваются. Третий заседатель идет на свое место.

Молча расходятся по своим местам и остальные. Десятый заседатель сморкается. Никто не говорит ни слова.

Наконец Четвертый заседатель прерывает это тяжелое молчание.

Четвертый заседатель. Не вижу причин вести себя как маленькие дети.

Одиннадцатый заседатель. Я тоже... Ведь на нас лежит большая ответственность... Наше присутствие здесь — один из элементов демократии. Ведь мы... Ну, как же это?.. Забыл это слово... Ах да... приглашены сюда. Приглашены собраться здесь и решить: виновен или невиновен человек, которого мы никогда не знали... какой бы мы приговор ни вынесли, мы лично ничего не проигрываем и не выигрываем. В этом-то и заключается наша сила... И уже никак нельзя переводить это дело на личности.

Долгая неловкая пауза...

Двенадцатый заседатель. И все же мы до сих пор ни к чему не пришли... Есть у кого-нибудь какие-либо предложения?

Шестой заседатель. Мне думается, мистер Председательствующий, мы могли бы попробовать проголосовать еще раз.

Председательствующий. Согласен... Кто за то, чтобы голосовать?

Осматривает сидящих за столом.

Седьмой заседатель. Хорошо, давайте голосовать!

Третий заседатель. Я требую открытого голосования... Пусть каждый выскажет свое мнение... Мне хотелось бы знать мнение каждого.

Председательствующий. По-моему, это справедливо. Кто-нибудь возражает?.. Хорошо! Я буду вызывать вас по номерам.

Берет карандаш и бумагу и по мере голосования делает в той или иной графе отметку.

Председательствующий. Голосую я!.. Виновен... Второй?

Второй заседатель. Невиновен.

Председательствующий. Третий?

Третий заседатель. Виновен.

Председательствующий. Четвертый?

Четвертый заседатель. Виновен.

Председательствующий. Пятый?

Пятый заседатель. Невиновен.

Председательствующий. Шестой?

Шестой заседатель. Невиновен.

Председательствующий. Седьмой?

Седьмой заседатель. Виновен.

Председательствующий. Восьмой?

Восьмой заседатель. Невиновен.

Председательствующий. Девятый?

Девятый заседатель. Невиновен.

Председательствующий. Десятый?

Десятый заседатель. Виновен.

Председательствующий. Одиннадцатый?

Одиннадцатый заседатель. Невиновен.

Председательствующий. Двенадцатый?

Двенадцатый заседатель. Виновен.

Шестой заседатель. Теперь голоса разделились поровну...

Десятый заседатель. Ну, знаете, что я вам скажу! Теперь уже здесь, в этой комнате, вот сейчас, совершается преступление.

Председательствующий. Голоса разделились поровну...

Третий заседатель. Я согласен сейчас же пойти в зал суда и объявить, что заседатели не смогли прийти к единодушному решению... Нет никакого смысла продолжать это!

Седьмой заседатель. Присоединяюсь к этому мнению... Пойдем и скажем об этом судьбе. И пусть молодой человек попытает счастья с другими заседателями.

Пятый заседатель (*Седьмому*). Значит, вы все еще считаете, что для обоснованных сомнений нет никаких оснований?

Седьмой заседатель. Нет, уже не считаю.

Одиннадцатый заседатель. Простите, может быть, вы не совсем понимаете термин — обоснованные сомнения?

Седьмой заседатель (*сердито*). Что вы хотите этим сказать? С кем, по вашему мнению, вы разговариваете? (*Остальным.*) Нет, вы посмотрите на этого парня!.. Пришел сюда неизвестно откуда и вздумал здесь поучать других!.. Какая наглость!

Пятый заседатель (*Седьмому*). Минуточку. Вас здесь же никто не спрашивает, откуда пришли вы сами...

Седьмой заседатель. Я здесь и родился...

Пятый заседатель. Или откуда прибыл сюда ваш отец...

Пристально смотрит на Седьмого заседателя. Тот не выдерживает этого взгляда и отворачивается.

Пятый заседатель. Может быть, нам и не вредно прислушаться к тому, что говорят недавно приехавшие в нашу страну... Мы ведь далеки от совершенства.

Одиннадцатый заседатель. Прошу вас... не надо! Я к этому уже привык... Благодарю вас.

Пятый заседатель. Нет, не все у нас в порядке!

Седьмой заседатель. О'кей! Я извиняюсь... Вы этого хотели?

Пятый заседатель. Да, я хотел именно этого!

Председательствующий. Хорошо, хорошо!.. Прекратим эти споры. У кого есть какое-либо конструктивное предложение?

Второй заседатель (*робко*). Знаете, есть один момент, который меня беспокоит... Вся эта история с колотой раной... и как она была нанесена. Сверху вниз... вы помните?

Третий заседатель. Неужели мы опять начнем все сначала?.. Ведь на заседаниях суда столько говорилось об этом!

Второй заседатель. Я знаю... Но мне непонятно... Рост мальчика пять футов восемь дюймов. А у отца шесть футов два дюйма... Раз-

ница в росте шесть дюймов. Согласитесь, довольно трудно ударить ножом в грудь человека, который на шесть дюймов выше убийцы.

Держа в вытянутой руке нож, вскакивает разъяренный Третий заседатель.

Третий заседатель. Нет, вы, очевидно, не успокоитесь, пока своими глазами не увидите этого... Я вам сейчас это покажу... Пусть кто-нибудь встанет.

С вызовом обводит взглядом сидящих за столом.

С места поднимается Восьмой заседатель. Направляется к Третьему. Тот со стуком закрывает нож и кладет его в карман. Остановившись друг против друга, они некоторое время молча меряются взглядами.

Третий заседатель. Ладно! (Второму.) Смотрите внимательно. Мне не хотелось бы второй раз повторять все это.

Слегка пригибается, чтобы быть ниже Восьмого заседателя.

Третий заседатель. Так я буду ниже на шесть дюймов.

Одиннадцатый заседатель. Больше чем на шесть дюймов

Третий заседатель. Ладно, пусть будет больше!

Опускает руку в карман. Вынимает нож. Раскрывает его. Отводит руку с ножом, поднимает ее, готовясь к удару.

Продельвая все это, он, не отрываясь, в упор смотрит в глаза Восьмому заседателю. Наконец с силой замахивается ножом.

Второй заседатель (кричит). Осторожно!

Когда нож почти уже коснулся Восьмого заседателя, Второй резко хватает руку, в которой Третий заседатель держит нож.

Шестой заседатель. Это же вам не шутки в конце концов!

Пятый заседатель. Да что это с вами?

Седьмой заседатель. Успокойтесь!.. Никого не ранили?

Восьмой заседатель (тихо). Нет, никого не ранили.

Третий заседатель. Ну вот, видели? Вот вам и ваши сомнения... Посмотрите, удар вниз и вглубь... Так бы я и ударил ножом в грудь человека выше меня ростом. Так это и было сделано... Смотрите, смотрите хорошенько и попробуйте доказать мне, что я неправ...

Обращается он преимущественно ко Второму заседателю. Но тот ничего не отвечает. В ожидании ответа Третий заседатель некоторое время смотрит на него, потом вонзает нож в стол и садится. Все молча смотрят на нож.

Третий заседатель. Вниз и вглубь... Думаю, что теперь никто спорить не будет.

Вынув нож из стола, Восьмой заседатель закрывает его, потом снова открывает, меняет положение руки и бьет им сверху вниз.

Восьмой заседатель (Шестому). Вам приходилось когда-либо наносить человеку удар ножом?

Шестой заседатель. Конечно, нет.

Восьмой заседатель (Третьему). А вам?

Третий заседатель (бурчит). Не болтайте глупостей!

Словно не расслышав, Восьмой заседатель повторяет свой вопрос.

Восьмой заседатель. А вам?

Третий заседатель (*громко*). Нет, не приходилось.

Восьмой заседатель. Откуда же вы знаете, как это делается?

Третий заседатель. Чего вы добиваетесь?.. Мне это подсказывает простой здравый смысл.

Восьмой заседатель. А вы видели когда-нибудь, как убивают человека ножом?

Третий заседатель (*молчит, нервно оглядывается*). Нет.

Восьмой заседатель. Хорошо... Я вот что хотел бы спросить у вас... Ведь обвиняемый умел обращаться с ножом... Его направили в исправительную школу именно за то, что он в драке нанес ножевую рану... не правда ли?

Двенадцатый заседатель. Правильно.

Восьмой заседатель. А теперь смотрите!

Закрывает нож, тут же снова открывает его, меняет положение ножа так, чтобы нанести удар из-под руки.

Восьмой заседатель. Разве вам не кажется, что это довольно неуклюжий способ обращения с ножом?

Третий заседатель. Чего вы от меня хотите?

Опять закрывает нож, снова открывает, но теперь уже держит его так, чтобы рука была сверху.

Пятый заседатель. Погодите минуточку... Чего же я думаю?.. Дайте-ка мне нож.

Протягивает руку за ножом.

Восьмой заседатель. Вы когда-нибудь видели, как дерутся на ножах?

Пятый заседатель. Да, видел.

Восьмой заседатель. В фильмах?

Пятый заседатель. Дома, у нас на заднем дворе... На пустырях... Такие вот складные ножи были обязательным предметом и у ребят и у взрослых в том окружении, среди которого я жил... Как это я раньше не вспомнил об этом!.. Очевидно, подсознательно стараешься забыть про такие вещи... (*Открывает нож.*) Конечно, никто, кому приходилось когда-нибудь держать в руках складной нож, не станет наносить удар сверху вниз. Складным ножом таких ударов не наносят. Вы обязательно должны бить снизу вверх.

Восьмой заседатель. Значит, таким ножом нельзя было нанести той раны, от которой умер отец обвиняемого?

Пятый заседатель. Нельзя. Если у обвиняемого действительно был хоть какой-то опыт обращения с ножом.

Третий заседатель. Я этому не верю!

Десятый заседатель. И я тоже. Вы здесь все время показываете нам какие-то фокусы.

Восьмой заседатель (*Двенадцатому*). А как вы думаете?
Двенадцатый заседатель (*неуверенно*). Да... право, я не знаю.

Восьмой заседатель (*Седьмому*). Ну, а что скажете вы?

Седьмой заседатель. Я вам скажу вот что... Право, мне все это порядком надоело... Мы не трогаемся с места... Давайте же наконец кончим эту историю и разойдемся по домам... Я меняю свое мнение... Я за «невиновен».

Третий заседатель. Что вы сказали?

Седьмой заседатель. То, что вы слышали. С меня хватит.

Третий заседатель. Что это значит — с меня хватит?! Это не ответ.

Одиннадцатый заседатель (*сердито, Третьему*). Считаю, что вы правы... конечно, это не ответ! (*Седьмому*.) Что вы за человек такой? Вам не сиделось здесь потому, что у вас в кармане билеты в театр. Вы голосовали за «виновен» в надежде поскорее со всем этим разделаться, а теперь по той же самой причине вы изменили свое решение... Я думаю, что вы не имеете права играть так человеческой жизнью... Это безобразно... это просто ужасно!

Седьмой заседатель. Минуточку... какое право вы имеете так разговаривать со мной?

Одиннадцатый заседатель (*строго*). Я имею полное право так разговаривать с вами! Раз вы голосуете за то, что человек невиновен, — вы должны быть убеждены, что он действительно невиновен. А если верите, что он виноват, так и должны голосовать... Или у вас... кишка слаба поступить так, как вы считаете правильным?

Седьмой заседатель. Но послушайте...

Одиннадцатый заседатель. Виновен он или невиновен?

Седьмой заседатель (*робко*). Но ведь я сказал не... виновен.

Одиннадцатый заседатель. А почему?

Седьмой заседатель. Но я не обязан...

Одиннадцатый заседатель. Обязаны... Говорите!.. Почему?..

Они долго смотрят друг на друга.

Седьмой заседатель (*тихо*). Я... я не думаю, что он виновен.

Восьмой заседатель (*быстро*). Требую повторного голосования.

Председательствующий. Поступило требование переголосовать еще раз... Возражения есть?..

Никто не возражает.

Председательствующий. Хорошо. Будем голосовать. Кто считает, что подсудимый невиновен, прошу поднять руку.

Сразу же, почти одновременно, поднимают руки Второй, Пятый, Шестой, Седьмой, Восьмой, Девятый и Одиннадцатый заседатели. Затем медленно к ним присоединяется Двенадцатый.

Председательствующий несколько секунд всматривается в лица сидящих за столом, наконец медленно поднимает руку сам и лишь после этого начинает про себя считать поднятые руки.

Председательствующий. Опустите!..

Руки опускаются.

— Девять голосов за «невиновен». Теперь поднимите руки, кто считает подсудимого виновным.

Руки поднимают Третий, Четвертый и Десятый заседатели.

Десятый заседатель. Я не понимаю вас! Как можете вы думать, что этот парень невиновен? Ведь вы же знаете, как эти люди лгут. Думаю, что мне не надо об этом говорить вам. Кроме того, я должен сказать, что они...

Со своего места поднимается Пятый заседатель. Ничего не сказав, он поворачивается спиной к столу и отходит к окну.

Десятый заседатель. ...могут убить человека и без всяких причин. Вы понимаете, они напиваются и — бах! Кто-то уже лежит в канаве. Их даже осуждать нельзя за это. Таковы уж они. Вы понимаете, что я хочу сказать? Люди несдержанные, с бурной реакцией, насильники.

Поднимается и также отходит к окну Девятый заседатель, за ним Одиннадцатый.

Десятый заседатель. Человеческая жизнь для них совсем не так дорога, как для нас... Эй, куда вы все идете?.. Эти люди пьянствуют, дерутся, и всегда кто-то среди них оказывается убитым... Для них это не имеет значения! Конечно, встречаются и среди них хорошие люди... Я первый должен это сказать.

Никто не прерывает Десятого заседателя. Но по тому, как его слушают, видно, что его слова не только ни в ком не вызывают сочувствия, а, наоборот, встречают молчаливый протест.

Вот ушел из-за стола к окну Восьмой заседатель. За ним последовали Второй и Шестой.

Десятый заседатель. Я знал несколько вполне приличных людей... но ведь это же исключение. У большинства же из них, кажется, совершенно нет никаких чувств. Они могут натворить все, что угодно... Но что такое здесь происходит?

Из-за стола поднимается Председательствующий. Он тоже подходит к окну. За ним встают Седьмой и Двенадцатый заседатели.

Десятый заседатель. Я говорю свое мнение... Поверьте мне. Это бесчестные люди! Соеди них нет ни одного порядочного. И мы должны быть настороже... Поверьте мне. Этот парень, дело которого слушалось...

Играя ножом, за столом сидит Третий заседатель. Нахмурившись, смотрит вниз Четвертый... Но вот поднимается и он. Также идет к окну. В комнате царит гробовое молчание. Все повернулись спиной к Десятому заседателю.

Десятый заседатель. Да разве вы сами их не знаете?.. Послушайте же меня. Но что вы делаете?.. Я стараюсь объяснить вам...

Ему не дает кончить Четвертый заседатель. Обернувшись к нему, он почти ласково говорит.

Четвертый заседатель. Ну, с меня довольно! Если вы еще откроете рот, я разможу вам череп!

Ошеломленный Десятый заседатель, ничего не понимая, смотрит на него. Все молча застыли на своих местах.

Растерянно озирается Десятый заседатель. Переводит глаза на стол. Десятый заседатель (*робко*). Но я только пытаюсь сказать вам...

Никто не отвечает. Четвертый заседатель упорно смотрит на Десятого.

Четвертый заседатель. Ну, ладно. Давайте садитесь все... А я все-таки считаю, что парень виновен в убийстве. И скажу вам, почему я так думаю. Самым убедительным, по-моему, является показание, которое дала женщина, живущая напротив. Ведь она утверждала, что своими глазами видела это убийство.

Третий заседатель. Правильно... И я считаю это наиболее убедительным доказательством.

Восьмой заседатель. Хорошо. Давайте разберемся в ее показании... Скажите точно, что она говорила?

Четвертый заседатель. Думаю, что могу точно повторить ее слова... Она говорит, что легла спать в одиннадцать часов. Ее кровать стоит у открытого окна, и, лежа, она через окно видит окошко на другой стороне улицы. Женщина лежала, ворочалась в своей кровати, так как не могла заснуть. Наконец, примерно минут десять первого, она повернулась лицом к окну. Посмотрела в окно и увидела, как мальчик ударил ножом своего отца... Мне кажется это абсолютно неопровержимым показанием.

Третий заседатель. Я считаю так же. Это основное показание в деле.

Сняв очки, Четвертый заседатель начинает протирать их. Все молча, с ожиданием смотрят на него. Наконец он опять обращается к заседателям.

Четвертый заседатель. Я действительно не понимаю, как вы можете утверждать, что он невиновен. (*Двенадцатому*.) А вы что думаете по этому поводу?

Двенадцатый заседатель. Да... возможно... было столько различных показаний, которые еще надо проверить.

Третий заседатель. Что вы хотите сказать своим «возможно»?! Это показание абсолютно правильно... Можете отбросить все другие... Этого одного показания вполне достаточно.

Четвертый заседатель. Так же думаю и я.

Протирает свои очки и Второй заседатель. Он щурится, глядя на часы, но не может разглядеть, где находятся стрелки. Шестой заседатель внимательно следит за ним.

Второй заседатель. Сколько сейчас времени?

Одиннадцатый заседатель. Без десяти минут шесть.

Второй заседатель. Как поздно!.. Как вы думаете, они не могли бы отпустить нас сейчас домой?.. а завтра утром мы все это закончим... У одного из моих детей свинка.

Пятый заседатель. На это можете не рассчитывать.

Шестой заседатель (*Второму*). Простите, а вы без очков время не видите?

Второй заседатель. Очень неясно... а что?

Шестой заседатель. Ничего!.. Просто так... Может быть, это и глупая мысль... но... скажите, а что вы делаете, когда просыпаетесь ночью и хотите узнать, который час?

Второй заседатель. Как — что? Надеваю очки и смотрю на часы.

Шестой заседатель. Значит, вы снимаете их, когда ложитесь спать?

Второй заседатель. Конечно!.. Кто же спит в очках?!

Двенадцатый заседатель. К чему все это?

Шестой заседатель. Да так... я думал... Вы же знаете, что женщина, которая говорила в суде, что видела убийство... она же носит очки...

Третий заседатель. Очки носит и моя бабушка! Ну и что из этого?...

Восьмой заседатель. Ваша бабушка не была свидетельницей за процессе об убийстве.

Шестой заседатель. Поправьте меня, если я неправ... Следовательно... эта женщина ложилась спать без очков? Так?

Председательствующий. Минуточку... А она вообще-то носит очки? Я что-то не помню.

Одиннадцатый заседатель. Конечно, носит! На этой женщине были очки... я это прекрасно помню... И, по-моему, очки у нее очень сильные.

Девятый заседатель. Правильно! И она ни разу не сняла их.

Четвертый заседатель. Действительно она носит очки... Странно, что я даже и не подумал об этом!

Восьмой заседатель. Послушайте, но ведь в кровати на ней не могло быть очков?! Безусловно, не могло! А она показала, что она посмотрела в окно уже лежа в кровати, приготовившись ко сну. Как раз в этот момент произошло убийство, а через несколько секунд погас свет. Может быть, она действительно верила, что видела, как мальчик убивал своего отца... Но я считаю, что она могла видеть только расплывчатые пятна.

Третий заседатель. А откуда вы знаете, что она видела? Может быть, она дальнороякая?!

С видом победителя он оглядывает всех. Ему никто не отвечает.

Третий заседатель (*громко*). Откуда он может знать все это? Молчание.

Восьмой заседатель. Думает ли и теперь кто-нибудь, что дело не вызывает никаких обоснованных сомнений?

Серьезно, немножко грустно, он осматривает сидящих за столом. Его взгляд задерживается на Десятом заседателе. Тот смотрит вниз. Почувствовав на себе вопросительный взгляд Восьмого заседателя, Десятый отрицательно качает головой.

Третий заседатель (*громко*). А я все же считаю его виновным!

Восьмой заседатель (*ровно*). Может быть, еще кто-нибудь считает его виновным?

Четвертый заседатель (*спокойно*). Нет... Меня вы убедили в обратном.

Восьмой заседатель (*Третьему*). Значит, остались вы один!

Третий заседатель. А мне все равно — один я или нет! Я имею право и в одиночестве оставаться!

Восьмой заседатель. Да, безусловно... право вы имеете.

Все смотрят на Третьего заседателя.

Третий заседатель. Я же вам сказал, что считаю парня виновным. Чего же еще вы от меня хотите?

Восьмой заседатель. Ваших аргументов.

Все выжидательно смотрят на Третьего заседателя.

Третий заседатель. Я не обязан сообщать их вам.

Восьмой заседатель. Это для нас малоубедительно... Мы хотим послушать их... Время для этого у нас есть.

Повернувшись к Четвертому заседателю и схватив его за руку, Третий заседатель умоляюще говорит ему.

Третий заседатель. Послушайте! Что же это с вами?.. Ведь вы же здесь излагали свои доводы... Вы не имеете права теперь отказываться от них!.. Вы только подумайте — убийца будет свободно расхаживать по улицам... Убийца!.. Нет, он должен умереть!.. Поддержите же меня.

Четвертый заседатель. Мне очень жаль... но у меня... «обоснованные сомнения».

Восьмой заседатель. Мы ждем.

Резко повеонувшись к нему, Третий заседатель кричит:

— Нет!.. Вам не удастся запугать меня!

Все на него смотрят.

Третий заседатель. Я остаюсь при своем мнении... Пусть мы не примем никакого решения!.. Вот и все!

Восьмой заседатель. Ну что ж!.. Больше мы сделать ничего

не можем... Будем все же надеяться, что когда-нибудь, быть может, через несколько месяцев, вам удастся наконец спокойно заснуть...

Пятый заседатель. Ведь вы же остались один.

Девятый заседатель. Надо иметь много мужества, чтобы вопреки всем, одному остаться при своем мнении.

Долго, пристально смотрит на всех Третий заседатель. Все ждут, когда он заговорит... все презирают его за упрямство, за злобу...

Внезапно лицо у него искажается. Он готов заплакать. Наконец, после внутренней борьбы он бьет кулаками по столу и кричит:

— Ладно!..

И поворачивается ко всем спиной.

На минуту в комнате воцаряется мертвая тишина. Потом сразу все начинают разговаривать, двигать стульями. Председательствующий направляется к двери. Стучит. Дверь открывается. Сторож придерживает ее, пока один за другим через нее проходят заседатели.

Последним идет Восьмой. Увидев, что Третий заседатель все еще стоит отвернувшись, Восьмой задерживается в дверях. Третий наконец поднимает голову. Видит, что остался один в комнате...

Медленно направляется к двери и он. Останавливается у стола. Выдергивает торчащий в нем складной нож и подходит к Восьмому заседателю. Нож он держит лезвием вперед, словно собирается им ударить. Долго смотрит на Восьмого заседателя, направив ему в живот острый конец ножа.

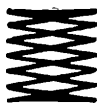
Восьмой заседатель отстраняется. Все так же, ничего не говоря. Третий заседатель берет нож за лезвие и протягивает его ручкой вперед. Потом молча уходит. Восьмой закрывает нож, кладет его в карман и, бросив последний взгляд на комнату, выходит, закрыв за собой дверь.

Пустая комната.

Большой стол с рассыпанными по нему бумажками.

Мы отчетливо видим смятый клочок бумаги, на котором нацарапаны слова: «Невиновен».

Затемнение.

Тадд Шуберт

ЛИЦО В ТОЛПЕ

День. Вид города Пикетт в штате Арканзас. Площадь. Типичный городишко хлопкового района на северо-востоке Арканзаса. Над площадью возвышается здание суда, построенное около пятидесяти лет назад.

Душный, знойный летний день. Сорок градусов в тени, если только ее можно отыскать.

Возле здания суда на садовых скамейках сидят старики фермеры, увлеченные своим любимым занятием — обстругиванием палочек, — занятием пустым, но ставшим для них почти необходимым. Если бы они вырезали из этих палочек что-то определенное, их занятие можно было бы назвать работой. Но фермеры попросту строгают кедровые ветки, и вокруг них вырастают маленькие холмики тонкой, как бритва, стружки. Когда же от ветки остается небольшая щепочка, они небрежно отбрасывают ее в сторону.

Ничто не нарушает размеренных взмахов ножей, в такт мерному стуку которых течет неторопливый разговор. Старики хранят в своей памяти все городские события.

Тут же разместились и игроки в шашки. Любители шашек сосредоточенно обдумывают каждый свой ход, но ничто не ускользает от их проницательных взглядов.

Все происходящее у здания суда вызывает у фермеров язвительные замечания и злые шутки.

Здесь и шериф Хосмер, по прозвищу Большой Джефф, — громадный мускулистый мужчина лет тридцати пяти, уже начинающий тучнеть.

На улице показывается «Понтиак», образца 1952 года с буквами ра-

диокомпании РГРК на одном из бортов. Машина направляется к старинному дому на площади, где помещается местная тюрьма и контора шерифа. Большой Джефф снимает с доски шашки противника и поспешно идет к автомобилю.

Ш е р и ф. Мисс Марция, мисс Марция!

Крупно — машина и сидящая в ней красивая высокая шатенка. Это Марция Джеффрис.

Марция Джеффрис — жизнерадостная, элегантная девушка из Пикетта лет тридцати. Эта жительница Арканзаса обладает живым природным умом и получила образование в восточных штатах, где она в 1949 году окончила частный колледж Сары Лоуренс.

Марция приветственно машет рукой идущему ей навстречу шерифу.

Ш е р и ф. Доброе утро, Марция. Я думаю, мы сможем предложить, что вам нужно. После четвертого июля у нас всегда бывает богатый улов.

Обрадованная Марция благодарит шерифа. Тот садится к ней в машину.

М а р ц и я. Спасибо, шериф.

Подъехав к тюрьме, она поспешно выходит из кабины, взяв свой портативный магнитофон, поднимается с шерифом по лестнице.

В здании тюрьмы.

Галантно, даже с некоторой торжественностью шериф вводит Марцию в камеру. За ними со скучающим видом плетутся два тюремных стража.

Здесь собрана пестрая компания пьяниц, бродяг и авантюристов. Часть этой голой камеры отгорожена решетчатой загородкой. За ней виден негр, который равнодушно смотрит на происходящее.

Не обращая внимания на заключенных, Марция устанавливает свой портативный магнитофон. В ее жизни репортера это всего лишь очередное приключение. Для заключенных же — бесцеремонное вторжение в их мужское общество.

Ш е р и ф (слейным тоном). Ребята, это мисс Марция Джеффрис. Ее дядя — владелец здешней радиостанции РГРК. Она работает на радиопередачах... Я думаю, что кое-кто из вас слышал их передачу «Лицо в толпе». Она хоть и короткая, но сделана здорово.

Однако на угрюмых лицах заключенных — полнейшее безразличие. Его речь не производит на них никакого впечатления.

Ш е р и ф. Я понимаю, что вам это в диковинку... но на этот раз ей хотелось бы провести передачу прямо отсюда.

Раздается недовольное бормотание. Шериф быстро поворачивается, но все по-прежнему молчат. С улыбкой победителя шериф обращается к госте:

— Все отлично, мисс Джеффрис, тюрьма округа Томагаук к вашим услугам.

Воцаряется молчание, нарушаемое лишь раскатистым храпом. Марция не замечает напряженной атмосферы.

Марция. Все очень просто. Вы будете говорить в этот маленький микрофон обычным голосом... будете просто разговаривать, как всегда, и...

Заметив, что ее никто не слушает, замолкает. Видит, что некоторые заключенные поворачиваются и отходят в дальний темный угол камеры.

Марция. Тут вовсе нечего стесняться. Если кто-нибудь хочет спеть песню или рассказать забавный случай...

Все молчат.

Шериф. А ну-ка, дайте я поговорю с ними!.. Эй, Бини, когда ты последний раз сидел у нас, мне кажется, я слышал, как ты пел?!

Бини (*долговязый бродяга-южанин*). А теперь у меня зубы выбиты.

Марция. Мы вас запишем на пленку... на пленке не так будет заметно, что вы шепелявите. (*В микрофон, бодрым тоном профессионального диктора.*) Говорит РГРК, радиостанция северо-восточного Арканзаса. Слушайте нашу утреннюю радиопередачу «Лицо в толпе». Чье лицо? Может быть, ваше, может быть, ваше, а может быть, и ваше. Потому что в каждом лице есть что-то привлекательное, где бы вы его ни встретили.

Меняются кадры с лицами. И все эти лица непривлекательные и безразличные.

Марция. Сегодня Марция Джеффрис ищет новое лицо в толпе. Сейчас она ведет репортаж из тюрьмы округа Томагаук...

Протягивает микрофон Бини и шепчет:

— О'кей, скажите же что-нибудь.

Бини. Не беспокойтесь, мэм! Обращаются со мной хорошо. На этот раз я попал в самую лучшую тюрьму во всем штате.

Издает пронзительный ослиный рев. Разозленный шериф отталкивает Бини от микрофона. Обращается к негру из одиночной камеры:

— Эй, ты! Иди-ка сюда! Ты нам нужен.

Негр (*спокойно*). У меня же черная кожа... в солисты я не гожусь. (*Отворачивается.*)

Шериф (*извиняющимся тоном, Марции*). Вы уже извините, мисс Джеффрис... это такая серость!..

Марция. Я вовсе не хочу, чтобы они кого-то из себя разыгрывали.

Шериф (*тюремщику*). А где тот пьянчушка с гитарой, которого забрали вчера ночью?

Тюремщик. Да, он бы подошел для вашей передачи!

Шериф. Как его зовут?

Тюремщик. Э... э... Родс. Да вон он, лежит в углу.

Именно оттуда, куда показывает тюремщик, и доносится пьяный храп

Шериф. Давай разбуди его.

Бини. Смотри, поосторожнее!.. Он такое может выкинуть!

Шериф. Раз мисс Джеффрис хочет с ним разговаривать — значит, буди его.

Подойдя к спящему, тюремщик грубо расталкивает его.

Т ю р е м щ и к. Эй, вставай!

Вздрогнув, Родс приподнимается. Глаза у него сонные.

Р о д с. Какого...

Потрявоженный бродяга рычит и ревет, как разъяренный зверь. Он стаскивает с ноги ботинок, бросает его в тюремщика, целясь попасть тому в низ живота. Склонившись над магнитофоном, Марция записывает всю эту сцену на пленку. Она приветливо говорит в микрофон.

М а р ц и я. Доброе утро, мистер Родс. Я репортер радиокompании.

Р о д с. Всякий сукин... Катитесь прочь!

Т ю р е м щ и к (нагряждая его пинком). Ш-ш! Шериф здесь.

Р о д с (с достоинством оскорбленного бродяги). Плевать я хотел... Будь здесь даже сам президент Соединенных Штатов... В тюрьме и то не могут дать человеку спокойно поспать...

Бини и другие заключенные заливаются смехом. Родс подозрительно разглядывает Марцию.

Р о д с. А вы кто такая?

М а р ц и я. Знаете, мне хочется, чтобы вы выступили перед нашими радиослушателями... Спели бы песню, рассказали какой-нибудь анекдот или просто поболтали со мной...

Р о д с. Погодите, погодите... Не тарыхтите так быстро!.. Ну, а мне-то какая прибыль от того?.. Я хочу сказать, что я за это получу? Я — мистер Я.

Несмотря на то, что Родс производит на Марцию отталкивающее впечатление, он в то же время ее чем-то заинтересовал. Ей кажется, что в этом нагло-откровенном бродяге есть что-то самобытное. Вместо ответа на его вопрос девушка обращается за помощью к шерифу.

М а р ц и я. Шериф!..

Ш е р и ф (к тюремщику). Как он сюда попал?

Т ю р е м щ и к. Получл неделю за нарушение общественного порядка в нетрезвом виде.

Ш е р и ф. Так вот, если ты сделаешь, о чем тебя просят, ручаюсь — завтра утром первое, что я сделаю, — выпущу тебя на свободу!

Б и н и. Э... э.. нас обоих? Я ведь его импрессарио..

Шериф бросает быстрый взгляд на Бини. Марция снова записывает разговор на пленку.

Р о д с. Шериф, здешние ребята говорят, что вашему слову не очень-то стоит верить.

В первую минуту шериф не знает, что сказать, затем важно, с официальным видом заявляет.

Ш е р и ф. Ты сам-то свое слово сдержи, а за мной дело не станет.

Р о д с (с чувством превосходства). Вот и договорились. А уж завтра утречком я вам такую песенку спою...

Расстегивает на гитаре широкий чехол.

Марция (в микрофон, профессиональным тоном). Вы знаете, когда я училась у Сары Лоуренс — это такой колледж в восточных штатах, — я занималась там музыкой. Именно там я и узнала, что истоки подлинной американской музыки надо искать в самых низах народа. Когда Джордж Гершвин выступал в Нью-Йорке со своими концертами, это была уж такая музыка... на которую словно нацепили галстук-бабочку... Родилась же она среди людей, которые в жизни своей не имели ни одного галстука... (Смотрит на Родса.) Я тут сейчас наскочила на такого парня, про которого вы и не слышали. Его фамилия Родс. (Шепотом.) Как вас зовут?

Родс. Джек, Мек — не все ли равно...

Марция (в микрофон). Сам он называет себя Лоунсом¹ Родс.

Довольная своей выдумкой, она лукаво смотрит на него, ожидая одобрения.

В кадре — Лоунсом Родс.

Неожиданно он громко смеется. Этот смех так заразителен, что нельзя удержаться и не смеяться вместе с ним. Начинают смеяться и его товарищи по камере.

Лоунсом. «Лоунсом»! Ха-ха-ха...

Тянется за своей обшарпанной гитарой. Марция подносит к нему микрофон.

Лоунсом. Только не подгоняйте меня! Выключите-ка на минутку эту штуку.

Марция послушно выключает магнитофон.

Лоунсом. Дайте хоть горло прополоснуть.

Он запускает руку в поношенный чехол гитары и извлекает оттуда наполовину опорожненную бутылку дешевого виски. Делает глоток. Пока он пьет, Марция незаметно снова включает магнитофон.

Лоунсом. Самое лучшее лекарство от плохого настроения.

Все в камере смеются. Лоунсом берет свою старую гитару, поглаживает ее и показывает всем.

Лоунсом. Ну, чем не красавица! (Речитативом.) Гитара лучше любой жещины.. любой женщины.. Ни разу еще я не встречал женщину, которой бы я верил, как этой старой гитаре. Я люблю свою «гитару-мату». Она всегда ждет, чтобы я ее взял и приласкал. Денег она не просит и не изменяет мне, когда меня нет.

Молча перебирает струны.

Лоунсом. А когда она не в духе, я ее укрою вот так, и мы опять друзья.

Улыбается Марции.

Бини. Эй, Лоунсом!

Лоунсом (смакуя это имя). «Лоунсом»!

¹ Лоунсом — по-английски грустный, одинокий. (Здесь и дальше примеч. перев.).

Высокий бродяга. Спой «Аллилуйя — бродяга я!»

Лоунсом. Она и так видит, что ты бродяга... Знаете, мэм, когда собираются в кружок такие люди, как мы — отщепенцы, бродяги, бездельники, неудачники, — называйте нас как хотите, — всякий раз, когда мы сходимся все вместе, мы рассказываем разные смешные истории — и я, и Бини, и все эти горемыки — перекаати-поле, которых вы здесь видите... *(Поет куплет из песни.)* «Коль вино нас не погубит, то уж от женщин нам несдобровать, и разве сам я знаю, когда бродяжничать я брошу». *(Оборвав пение, продолжает небрежно, но уверенно перебирать струны.)* Но самого себя не обмануть. «Собираешься положить голову под крыло и заснуть, а на душе так одиноко, что парень, на которого ты утром и смотреть не хотел, вечером, когда гаснет свет и в камере становится темно, тебе покажется самым близким и закадычным другом». *(Поет.)* «До дома десять тысяч миль, но я не плачу — ведь завтра утром я буду вольным человеком...». Вы слышите, ребята, — я буду вольным человеком. Шериф раскроет свою клетку, и стану вольной птицей я.

Играет несколько тактов из старинной песенки «Как вольная утренняя птичка...». Весь этот монолог похож на задушевную песню-разговор. Заметно, что на слушателей это производит большое впечатление. Всех охватывает какая-то легкая грусть.

У Лоунсома виден редкий природный дар — пробуждать у слушателей самые разнообразные чувства — от глубокой печали до непринужденного веселья...

Аккомпанируя на гитаре, он продолжает свою песенку речитативом.

Лоунсом. О'кей, утром я буду вольным человеком, стоит мне спеть только парочку куплетов и....

Шериф. Спой что-нибудь приличное, вроде «Домика на окраине».

Лоунсом *(морщит нос)*. Не буду я петь никаких «Домиков». Даже если бы мне еще месяц пришлось здесь гнить... Нет уж, сэр, лучше я спою про то, что со мной будет... *(Бормочет.)* «Утром я буду вольным человеком... я выйду...» *(пробует напевать)* «ха-ха-ха! О, прощай, Луна, поскорее уходи. Здравствуй, мистер Солнце, торопись же принести нам новый день... *(Поет и играет более уверенно.)* Приведи скорей шерифа с его большим, большим ключом, чтобы он тюрьму открыл, сделал вольным бы меня. Эге-эге!» *(Негру.)* Ну, а ты, черный парень, ты не прочь бы утром выйти на волю?

Негр *(улыбается)*. Нет, сэр, я бы не прочь!

Лоунсом. «Утром буду вольным я, утром буду вольным я, утром буду вольным я. И я знаю почему». *(Ухмыляется.)* Как вам это нравится, ребята? Думаете, стоит это спеть для передачи?

Негр. Конечно, стоит!

Восхищенная Марция нетерпеливо поглядывает на Лоунсома. Она впервые присутствует при создании современного фольклора.

Лоунсом. «О, когда я был женат... У моей жены были толстые губы и такой длинный-предлинный язык. И когда она предлагала. «Дорогой, поедem на север», — я отправлялся на юг, говоря при этом: «Я не знаю, куда я поеду, то ли в Падьюку, то ли в Канзас...». На любой, большой дороге вольным буду теперь я! (Смеется, довольный своей песней.) Окей, я думаю, что теперь я могу выступить...

Марция (выключает магнитофон). Благодарю вас, Лоунсом Родс... Вы были чудесны. Большое спасибо!

Лоунсом (с удивлением смотрит на аппарат). Вы хотите сказать, что эта штука все время была включена?

Марция (с самодовольным видом). Ага. Я хитрая!

Лоунсом. Ну, тогда остается только изрубить меня на котлеты и скормить собакам!

Все смеются. К общему смеху присоединяется и громкий, какой-то лающий смех Лоунсома:

— Ха-ха-ха.

У Марции довольный вид.

День.

Небольшая радиостанция в Арканзасе.

В кадре — Дж. Б. Джеффрис, дядя Марции, состоятельный человек, владелец радиостанции. Это краснощекий, добродушный мужчина с брюшком. Вид у него независимый. Джеффрис без пиджака, в подтяжках.

Сидя в кресле, вместе с Марцией он внимательно слушает последнюю часть пленки с записью выступления Лоунсома, в то время как негр читает ему ботинки.

После слов Марции: «Благодарю вас, Лоунсом Родс» — Джеффрис выключает магнитофон.

Джеффрис (негру). Тебе понравилось?

Негр. Да, сэр!

Джеффрис. Ей-богу, Марция... (посмеивается) мне кажется, ты откопала неплохого парня. Да, парень что надо!..

Марция. Мне бы хотелось пустить его в передаче «Ранняя птичка», с семи до восьми... Ты разрешишь, дядюшка?

Джеффрис. Я же сказал тебе, что раз ты вернулась домой, тебе разрешается все что угодно! (Берет телефонную трубку.) Соедините меня с тьюрмой, Глэдис... Да-да, с шерифом, или, вернее, с нашим будущим мэром.

Ждет, когда шериф подойдет к телефону, и, как бы раздумывая вслух, говорит Марции:

— Знаешь что... может быть, этот парень и застенчив, но, видно, ты ему здорово понравилась!..

Марция. О дядюшка!.. Не разыгрывай из себя амура.

Джеффрис (в трубку, шерифу). Алло. Большой Джефф?

У телефона шериф. С минуту он слушает, потом говорит в трубку.
Шериф. Родс? Но ведь так было условлено, Джеффрис. Он же был задержан только за нарушение общественного порядка в нетрезвом виде.

Радиостанция.

Крупно — Дж. Б. Джеффрис.

Джеффрис. А вы не знаете, куда он отправился?

Тюрьма. Шериф у телефона.

Шериф. Из этого города можно выехать только по двум дорогам... Не думаю, чтобы он отправился на запад... Он только недавно вышел из тюрьмы Западного Пикетта. Скорее всего его можно найти на восточной дороге.

Утро.

Хлопковый район в штате Арканзас. Дорога, ведущая на восток. На шоссе показывается автобус радиостанции. За рулем Джеффрис, рядом с ним Марция. Вдоль дороги тут и там несколько фермеров занято сборкой хлопка. Жарко...

Джеффрис и Марция зорко смотрят из автобуса, не покажется ли впереди Лоунсом... Наконец метрах в двухстах впереди они видят медленно шагающих Бини и Лоунсома Родса.

Гитара у Лоунсома закинута за плечо, в руке он несет дешевый потрепанный чемодан из искусственной кожи.

Когда машина нагоняет их, Лоунсом в надежде, что его подвезут, поднимает большой палец. Узнав Марцию, он опускает руку. На лице у него появляется лукавое выражение.

Марция (*весело*). Доброе утро! А мы вас искали.

Лоунсом (*вытирает пот со лба*). Да?.. Зачем?

Марция. Это мой дядя, мистер Джеффрис, владелец нашей радиостанции.

Джеффрис. Ну и как, хорошо быть утром вольным человеком?

Лоунсом сплевывает.

Джеффрис (*с интересом*). Куда же вы направлялись?

Лоунсом. Во Флориду, в порт Сент-Джо.

Джеффрис. Далековато... А что там такое?

Лоунсом. Вода. Мостки. Рыбачьи лодки. Полно тарпонов¹.

Джеффрис. А знаете, я и сам давно мечтаю половить тарпонов!

Лоунсом. За чем же дело стало?

Джеффрис. Не могу себе этого позволить.

¹ Морская рыба, которая водится у берегов Флориды.

Лоунсом презрительно смотрит на него.

Джеффрис. У меня радиостанция, газета, типография. Кроме того, я президент Клуба Киванис¹. Нет времени.

Презрительно сплюнув, Лоунсом отходит.

Лоунсом. Пошли, Бини!

Джеффрис. Эй, подождите-ка минутку!

Лоунсом (*раздраженно*). Послушайте, в моем распоряжении всего четыре-пять дней, чтобы добраться до Сент-Джо, если только я не украду у кого-нибудь машину.

С угрожающим видом просовывает лицо в кабину. Затем хитро улыбается.

Джеффрис. Подождите минутку!.. У нас есть для вас место на нашей радиостанции. Каждое утро с семи до восьми...

Лоунсом. Место?! Не нужно мне никакого места.

Джеффрис. Почему же?

Лоунсом. От него слишком пахнет работой. (*Презрительно бормочет.*) С семи часов утра!

Марция. А у вас есть деньги?

Лоунсом (*показывая на гитару*). Мамочка меня всегда прокормит. Ну, а дождь пойдет, так переспим в какой-нибудь тюрьме.

Марция. Попробуйте один день.

Не отвечая, Лоунсом в упор смотрит на нее. Марция продолжает:

— А что, если вам дадут билет на самолет до Флориды? Он будет лежать у вас в кармане, и если только...

По-прежнему ничего не говоря, Лоунсом пристально смотрит на Марцию. Она ему явно нравится. Ее этот дерзкий взгляд слегка волнует и тревожит. Наконец, словно делая большое одолжение, Лоунсом соглашается.

Лоунсом. Ну, ладно... Один день попробую!

Джеффрис (*распахивая перед Лоунсом дверь машины*). Влезайте. Марция, отвези его в гостиницу. Сними номер и... (*смотрит на небригую, подозрительную физиономию Лоунсома*) приведи его немного в порядок.

Лоунсом усаживается рядом с Марцией, которая брезгливо отодвигается от него.

В тот же день.

Номер гостиницы в Пикетте. Небольшая комната. Двухспальная крашенная металлическая кровать, стол и стулья в викторианском стиле. Больше в комнате ничего нет.

Возле чемодана Лоунсома — Марция. Самого Лоунсома не видно, но

¹ Название сети клубов, распространенных в США и Канаде.

через полуоткрытую дверь из ванной доносится его голос. Он негромко напевает непристойный куплет на мотив песенки «Утром буду вольным я».

С брезгливым видом Марция открывает его потрепанный чемодан. Она вытаскивает оттуда немудрый багаж — скаковой бюллетень, начатую бутылку дешевого виски, давно не стиранную рубашку, ключ для открывания пивных бутылок, бюстгальтер, который она тут же бросает в мусорную корзину, и пару грязных носок.

В дверях появляется голый по пояс Лоунсом.

Лоунсом. Хотите послушать новый куплет?.. Я только что сочинил!

Марция. Может быть, вы закроете дверь?..

С подбородка Лоунсома капает мыльная пена. Он еще не кончил бриться. Слова Марции производят на него обратное действие. Он иронически бросает:

— Боже мой, какие мы нежные!..

И, как ни в чем не бывало, входит в комнату, стирает с лица остатки мыла, садится на кровать, берет бутылку и пьет.

Марция. Этот ваш... э-э... гардероб. Может быть, лучше отправить его в стирку?

Лоунсом. Нет... я сам постираю. И тогда смогу отправиться в путь, как только захочу.

Предлагает ей бутылку.

Марция. С утра? Так рано?

Лоунсом (*похлопывая по кровати*). Идите-ка сюда, и мы с утра сможем поближе с вами познакомиться.

Марция. Знаете, нам пора уже идти!

Лоунсом. Бьюсь об заклад, что ни один мужчина еще не приглашал вас посидеть с ним на кровати в гостинице.

Марция. Ну, знаете ли!..

Выходит из комнаты. Он с видом знатока смотрит ей вслед оценивающим взглядом.

Все тот же день.

Радиостанция в Пикетте. Здание, похожее на обыкновенный коттедж.

Маленькая комната.

Уже побритый и немного почищенный, Лоунсом бренчит на своей гитаре. Входит Марция с листом бумаги, на котором напечатаны слова: «Следите за часами. Осталось три минуты!»

Лоунсом подмигивает ей.

Лоунсом. «Утром буду вольным человеком — до самой своей смерти». Леди, или, впрочем, кажется мне, нужно сказать, девушка, главная начальница этой самой передачи, сунула мне сейчас под нос бумажку. В ней написано, что мне осталось выступить всего три минуты. Вот почему я против работы! Работа всегда связана со словом «спешка». В моем род-

ном городке Риддле у меня был кузен Гарри. Так вот, все мы его звали кузен Харри¹, потому что он вечно куда-то торопился. В конце концов как-то раз он споткнулся на лестнице, проехался по ступенькам и сломал свою глупую шею. На его могиле мы сделали надпись: «Он так торопился, что не мог дожидаться, пока попадет сюда!» (Смеется.) Да... я еще собирался спеть куплет о том, как хорошо, когда утром женщина свободна. Готов поспорить на что угодно, вы все мечтаете иногда о том, чтобы не думать о грязной посуде, чтобы ворчливые мужья поскорее убрались на работу. Они ведь вечно грызут вас за каждую мелочь. А все почему?.. Потому что у них не хватает духа поцапаться с хозяином. А как думаете вы, девушки?

День. Один из домов в Пикетте.

Идет передача «Лицо в толпе». При последних словах Лоунсома жена кивает головой.

Жена. Истинная правда!

Сердито сверлит мужа глазами, но тот старательно избегает ее взгляда. Не желая ссориться, торопится уйти.

Муж. До свидания, дорогая! Я опаздываю на работу.

Радиостанция в Пикетте.

Лоунсом. Не люблю говорить против нашего брата, но ни разу еще я не встречал мужчины, который понял бы, как тяжело приходится женщине! Мужчины думают, что стоит ополоснуть тарелки водой — и все в порядке. Но они никогда не видят, как вам приходится чистить кухонную раковину или соскрести с плиты накипь от яблочного сока или мясного соуса.

День. Еще один дом в Пикетте.

Кухня. Стоя на коленях возле плиты, хозяйка чистит духовку.

Хозяйка. И откуда только он все это знает?

Радиостанция в Пикетте.

Лоунсом. Вот мои три минуты и истекли. Теперь старый арканзасский бродяга Лоунсом Родс снова отправится в путь. Снова пойдет он бродить по дорогам, оплакивая свою горькую судьбу... Завывает ветер, а я бреду, не зная куда... один-одинешенек... И там, где пустят меня спеть свою песенку, я повешу на гвоздь свою шляпу, сниму ботинки — там у меня и дом... Развлекал я вас сегодня достаточно. Теперь послушайте пе-

¹ Игра слов. Харри, по-английски, — спешка, спешить.

сенку... (Поэт.) «Я бреду по дороге, на душе у меня тяжело... Я бреду по дороге — на душе у меня тяжело. Не хочу, чтобы это так продолжалось и дальше...».

Главная контора радиостанции. Одновременно эта комната служит и приемной.

У стола Марция разбирает большую пачку писем. По другую сторону сидит Джеффрис. Он в приподнятом настроении. На столе безмятежно спит Лоунсом.

Некоторые письма вызывают у Марции раздражение. Читая очередное письмо, она возмущается, хотя и понимает, что это смешно.

Марция. Послушайте-ка, вот это письмо! «Дорогой Лоунсом, хотя я никогда в жизни вас не видела, я твердо уверена, что вы святой человек».

Раздается особенно громкий храп Лоунсома. Он чему-то улыбается во сне.

Марция. «Только святой способен так понять все тяготы домашней хозяйки, как вы понимаете их»... (Конверт выскальзывает у нее из руки.) Все они пишут одно и то же!.. Лоунсом Родс — первый, кто их понял в Пикетте!.. Им понравился его голос, понравилась его гитара, понравились его идеи... (Сердито фыркает, бормочет.) Знали бы они его идеи!

Джеффрис. Меня не проведешь. Ты им гордишься!

Звонит телефон. Джеффрис снимает трубку.

Марция. Во всяком случае, за все время, как ты владеешь станцией, никогда еще не приходило столько писем.

Джеффрис (в трубку). Привет, Вэйн!.. Так вам понравился этот парень?.. Окэй... я полагаю, что мы сможем выделить время для передачи вашей рекламы... ну, например, три раза в день по одной минуте... Спасибо, что позвонили.

Кладет трубку и обращается к Марции.

Джеффрис. Как тебе это нравится?.. Дельцы уже звонят, чтобы им дали время для передачи рекламы... Нет, как тебе это нравится?.. Эта радиостанция еще даст нам кое-какой доходишко!

Марция. Будь осторожнее с рекламой, дядюшка! Я вовсе не уверена, что он захочет остаться здесь!

Джеффрис. Ты его нашла, Марция, ты и подумай, как его удержать! Мне думается, ты ему приглянулась!

Марция. Очень мило с гвоей стороны!

Раздается новый телефонный звонок, еще один заказ на передачу рекламы.

Вечер.

Местный кабачок.

Несколько пар, далеко не грациозных, танцуют рок-н-ролл, как его танцуют в западных штатах.

Полная официантка, довольно привлекательная, наливает виски в стакан Лоунсома.

Лоунсом. Милочка!.. Как только увидишь, что в этом стакане пусто, подходи и наливай снова.

Официантка (отходя). Хорошо, Лоунсом.

Марция. Боюсь, что теперь вас все будут так звать.

Лоунсом. Близкие друзья зовут меня Ларри. А вы будете звать меня Ларри?

Берет ее за руку. Она отдергивает руку. Лоунсом смешивает виски с пивом.

Марция (потягивая пиво). Вы всегда так пьете?

Лоунсом. Нет, не всегда. В Ридdle насчет этого дела строго... Раньше десяти-одиннадцати часов спиртного не дают.

Марция (улыбаясь). Скажите, а есть в действительности такой город... Риддл?

Лоунсом. Честно говоря, это... Как бы это сказать...

Марция. Это что-то вроде ребуса? Смесь из разных слогов?

Лоунсом. Скорее смесь из разного навоза.

Смеется. Его смех так заразителен, что Марция невольно смеется вместе с ним.

Марция. Тогда откуда же вы?

Лоунсом. Отовсюду... Можете назвать любой город на пятьсот миль в окружности, и я бьюсь об заклад, что хотя бы пару дней пробыл в нем.

Марция. А чем занимался ваш отец?

Лоунсом. Мой старик?.. Он был зазывалой на дешевых ярмарках.

Кричит голосом профессионального зазывалы, умело подражая своему отцу:

— А теперь, если каждый из вас даст мне долларовую бумажку, я сделаю вам подарок за пять долларов!

Марция. Вы любили его? Да?

Лоунсом (горько). Он сбежал и бросил нас, когда я был не больше пивного бочонка ростом!

Марция. И вашей матери одной пришлось воспитывать вас?

Лоунсом (с горечью). Да... она уж меня воспитывала! (Мрачно.) Не говорите мне о ней!

Марция. Ну, а все ваши тетушки и дядюшки, о которых вы рассказываете?

Видно, что ему больно об этом говорить.

Лоунсом. Дядюшки!.. Если бы всякий раз, когда я засыпал, не дождавшись своей старухи, мне давали монету, я мог бы стать богачом. Когда же я просыпался, она мне шептала: «Ш-ш-ш, твой дядя спит!» Спрашиваю, бывало: дядя Лью? «Нет, — отвечает, — это твой дядя

Майк или дядя Мо...». Похоже, что в каждом городе Арканзаса и Миссури у меня было хоть по одному дяде. Да, мэм, моя старушка умела принимать родственников!

Несмотря на шуточный тон, чувствуется, что эти воспоминания до сих пор причиняют ему острую боль. Марция тронута рассказом этого одинокого парня, который за шутками пытается скрыть и свою боль и свое одиночество.

Марция. И все же вы выросли таким беспечным?..

В кабачок входит шериф Биг Джефф Хосмер. Он сразу же замечает Марцию и Лоунсома, который в это время громко смеется. Не понимая, что так развеселило ее собеседника, девушка спрашивает:

— В чем дело?

Лоунсом (*пожимает плечами. Выпивает*). Жизнь рано научила меня быть таким! Хотите еще послушать о моей жизни?

Смеется. Услышав его смех, посетители кабачка оборачиваются. Узнают его. Улыбаются.

Марция. Видно, что вы смеетесь от души.

Лоунсом (*двусмысленно*). Марция, я всегда все делаю от души.

Марция встречается с ним глазами. Его откровенно-нагловатый, пристальный взгляд смущает и волнует ее.

К столу, за которым сидят Марция и Лоунсом, подходит шериф Хосмер. Как бы не замечая Лоунсома, он обращается к Марции с ясным намерением вызвать Родса на ссору.

Шериф. Значит, вы отказались от моего приглашения ради этого... бродяги?.. Если вам такие нужны для ваших радиопередач, я нагоню их вам сколько угодно!

Вплотную придвигается к Лоунсому, который смело поднимается ему навстречу.

Лоунсом. Послушай, ты, тюремная сука...

Замахивается на шерифа. Тот уклоняется от удара. Марция вскрикивает. Изловчившись, шериф наносит опьяневшему Лоунсому удар своим огромным кулачищем. Лоунсом отшатывается.

День.

Радиостанция в Пикетте. Идет очередная передача. С подбитым глазом перед микрофоном стоит Лоунсом и аппетитно жует яблочный пирог. То и дело он раздражается смехом.

Лоунсом. Спасибо за пироги, девушки... Смотрите только, как бы вы меня не испортили! Ну, на сегодня песен с вас хватит! Теперь можно и шуточками перекинуться с вами. Одна у меня уже есть для вас. Про шерифа Хосмера... про Большого Джеффа. Разве не шутка, что он собирается пролезть в мэры? Меня просто смех разбирает, как вспомню об

этом! И зачем ему понадобилось бросать место шерифа, коли ему и там неплохо?.. Знай клади штрафы в свой собственный карман! Это же факт! Я про это слышал сам!

Аппаратная на радиостанции в Пикетте.

Здесь Марция и механик, уже давно работающий на радиостанции. Он в наушниках.

За стеклянной перегородкой виден Лоунсом.

Механик (*обращаясь к Марции*). Впервые слышу, чтобы в этот микрофон говорили истинную правду.

В ответ Марция лишь гордо кивает.

В кадре снова Лоунсом у микрофона.

Лоунсом. У нас в Ридdle делают так... Когда мы кого-нибудь выбираем на официальный пост, мы сначала решаем, кого можно снять с полезной работы. Выбираем кого-нибудь вроде деревенского дурачка, о которых обычно заботится вся община. И вот у нас в Ридdle обычно из соображений экономии таких дурачков назначают в живодеры... Так вот насчет этого вашего шерифа — я, конечно, ничего не хочу сказать против него... но только если у вас есть барбосы, от которых вы не прочь избавиться, тащите их к его дому и проверьте — справится ли он с работой живодера.

Утро.

Дом шерифа Хосмера.

Мы видим не менее двухсот облезлых и тощих псов самого нелепого вида, всевозможных пород, размеров и мастей. Все они воют, скулят.

К подъезду подходит Большой Джефф. Он явно растерян. В бессильном гневе расхаживает среди собак.

Идущие мимо люди в недоумении останавливаются. Шерифа бесит это еще больше. Жестами он показывает смеющимся зевакам, чтобы проходили своей дорогой.

Тюрьма... Заключенные облепили решетки камер.

Увидев идущего шерифа, они кричат:

— Эй, шериф!

— Гав, гав, гав!

— Огрызись, шериф!

— Вот смотрите, идет знаменитый живсдер!

Перед тюрьмой.

Площадь. Здесь, как всегда, собрались старики фермеры. Как всегда, одни из них обстругивают палочки, другие играют в шашки.

И те и другие покатываются со смеху. Лоунсом заставил весь город смеяться над шерифом!

Крупно — самый старый, самый беззубый из любителей обстругивать палочки покатывается со смеху, хлопает себя по колену и хохочет на всю улицу.

Самый старый из обстругивающих палочки. С тех пор как вылутился на божий свет, не видывал ничего более смешного!

Доносится собачий лай.

К дому шерифа подъезжает автобус радиостанции.

За рулем Лоунсом, рядом с ним Марция. Увидя собачью «выставку» перед домом шерифа, они сразу догадываются, в чем дело. Марция восхищена тем, что сделал Лоунсом.

Высунувшись из машины и показывая пальцем на шерифа, Лоунсом громко хохочет.

Лоунсом. Ха-ха-ха! Посмотрите-ка на этого дурня!

Марция понимает всю важность случившегося. Однако о Лоунсоне этого сказать нельзя.

Марция (Лоунсому). Что вы при этом чувствуете?

Лоунсом (продолжает смеяться, глядя на свору собак). При чем при этом?

Марция. Ну... когда у микрофона вы говорите, что вам взбрело в голову, а в результате можете так вот распоряжаться людьми?

Лоунсом начинает по-новому оценивать свои силы.

Лоунсом. Да, похоже, что я на это способен!.. Да, я думаю, что способен!

Впервые он почувствовал свою власть.

Марция смотрит на него восхищенными глазами.

Телевизионный центр в Нью-Йорке.

На четырех мониторах¹ одно и то же изображение — крупным планом Джон Камерон Свейзи.

Свейзи. А теперь один забавный пример так называемой демократии в действии. Оказывается, в небольшом городке Арканзаса на радио работает некий Лоунсом Родс, и он устроил — в буквальном смысле слова — собачью жизнь кандидату в мэры. А началось все это с...

¹ Монитор — контрольный экран.

Утро.

Номер Родса в пикеттской гостинице. Взъерошенный Лоунсом лежит в постели. Рядом на ночном столике несколько пустых пивных бутылок. На кровати возле него сидит полная официантка, которую мы уже видели однажды в кабаке. Она расчесывает Лоунсому волосы. Раздается стук в дверь, слышен голос Марции.

Марция (за кадром). Ларри, Ларри! Вас хочет видеть один человек из Мемфиса. Это театральный агент.

Лоунсом (медленно приподнимается). Что?.. Что?.. Сейчас, минутку!..

Проводит рукой по лицу, как бы прогоняя остатки сна... Толкает в бок официантку, но та, не понимая, в чем дело, продолжает сидеть на месте.

Лоунсом. Уходи. Пройди мимо них, как ни в чем не бывало, а остальное мое дело.

Неохотно официантка встает и, в то время как Марция и Стейнер — театральный агент — входят, выходит из комнаты. Вошедшие не успевают даже как следует разглядеть ее.

Стейнер — мужчина лет под шестьдесят. У него еврейская внешность и заметный акцент южанина.

Лоунсом (официантке). Спасибо за завтрак, Флорин.

С недоумением смотрит Марция вслед удаляющейся официантке, переводит взгляд на пустые пивные бутылки, на окурки со следами губной помады, бросает быстрый взгляд на Лоунсома и, сделав вид, что ничего особенного не заметила, непринужденно продолжает разговор.

Марция. Ларри, это Эйб Стейнер. Он приехал из самого Мемфиса, чтобы повидаться с тобой.

Стейнер. Мистер Родс, я один из старейших театральных агентов Южных штатов. За свою жизнь я заключил немало контрактов, и многие актеры попали через меня в наш «Грэнд Ол'Опри»¹. Я открыл Хэнка Уильямса и Эдди Арнольда и... В то утро, когда я услышал вас, я сказал себе: «Эйб Стейнер, вот человек, у которого есть талант». (Поворачивается к Марции, как бы желая убедить ее.) Не просто развлекательные песенки и забавные истории, а талант... Вам бы хотелось поехать в Мемфис, сынок?

Лоунсом. В Мемфис?!

Стейнер (тихо смеиваясь). Мистер Родс, вы напоминаете мне Уила Роджерса, когда он впервые приехал в Мемфис. Я могу сделать из вас звезду, мой мальчик, если вы попадете ко мне в руки.

Лоунсом. Чепуха все это, мистер!.. Я простой деревенский парень... И я еще не решил, останусь ли на этом чертовом радио.

¹ Ковбойский театр-варьете на западе США.

Стейнер (*собираясь уходить*). Ну что ж, я не из тех, которые любят приставать с ножом к горлу. Но вы не будете возражать, если я зайду еще раз? (*Кланяется Марции.*) До свидания, мисс Джеффрис. (*Уходит.*)

Марция. Грэнд Ол'Опри!.. Это, можно сказать, большая марка!

Лоунсом. Но ему не вредно потрудиться, чтобы заполучить меня. Полагаю, что вам следует знать об этом.

Весело подмигивает ей. Видит, что Марция оглядывает комнату.

Марция. А вы, кажется, не страдаете от отсутствия компании?

Лоунсом. По утрам я бываю особенно голоден... (*Добродушно.*) Ох, уж эти порядочные девушки с рыбой кровью... В душе вы хотите того же самого, что и все остальные! Ну, скажите старому Лоунсому правду?

Марция. Через восемь минут вам выступать.

Не успевает Марция выйти из комнаты, как Лоунсом сбрасывает с себя простыню и остается в нижнем белье.

Лоунсом. Эй, Марци, вернитесь и помогите мне натянуть штаны.

Она бросает на него через плечо быстрый неодобрительный взгляд, в котором тем не менее сквозит явный интерес, и... исчезает.

День.

Радиостанция в Пикетте. Перед микрофоном Лоунсом. Он вытирает лоб красным носовым платком.

Лоунсом. Уф! Сегодня с утра такая жара, что пересох весь ручей. И вы, наверное, ребята, думаете, что вам и выкупаться негде? Но ведь у моего хозяина Дж. Б. Джеффриса замечательный плавательный бассейн, здесь... в городе. Так почему бы вам, ребята, не собраться всем вместе и не отправиться к нему понырять? Джеффрис будет рад вам... Не правда ли, Джеффрис?

Дом Джеффриса. В кадре крупно — Джеффрис и его жена.

Супруги с удовольствием завтракают в тиши своего внутреннего дворика, откуда виден их роскошный плавательный бассейн. Они слушают передачу Лоунсома. Его радушное приглашение приводит их в ужас.

Плавательный бассейн. За ним раскинулись лесные участки, принадлежащие Джеффрису.

Неожиданно из зарослей появляется Лоунсом. Он радостно взволнован и, словно «Крысолов»¹, ведет за собой множество детей.

Лоунсом. За мной, ребята!

¹ Герой старинной немецкой легенды о том, как один человек спас город от нашествия крыс. Когда же ему отказались выдать обещанную награду, он увел из города всех детей.

Ребята бегут за Лоунсом. Визжат, как чертенята, бросаются к плавательному бассейну. Многие из них на ходу раздеваются.

Миссис Джеффрис (*сердито, мужу*). Что ты наделал?.. Я готова убить тебя!

Плавательный бассейн. Сотни ребят радостно плещутся в бассейне, смеются, визжат, обливают друг друга.

Миссис Джеффрис. Мои цветы!.. Мои петунии!.. Не наступите на мои каладиумы!¹

День.

Внутренний дворик дома Джеффриса. Марция объявляет радиопередачу «Лицо в толпе».

Рядом с ней за контрольным пультом сидит звукооператор.

Могущество Лоунсома, его добрые побуждения, скромность и непосредственность, с которыми они были проявлены, произвели на Марцию большое впечатление. Из бассейна к ней подбегает Лоунсом. Хватает микрофон.

Лоунсом. Слышите, как они плещутся и визжат? Эти славные, кудрявые малыши в восторге от гостеприимства Дж. Б. Джеффриса... Вы видели когда-нибудь что-либо подобное?.. Пикетт больше никогда не будет таким, как раньше!

К двери, сзади них, подходит горничная.

Горничная. Вас к телефону, мистер Лоунсом.

В руках у нее телефонная трубка на длинном шнуре.

Марция. Тс-с, Нелли, он на передаче.

Лоунсом. Не важно!.. Кто там еще?..

Марция (*взяв телефонную трубку*). Это режиссер телестудии в Мемфисе. Он говорит, что мистер Стейнер рассказал ему о вас.

Лоунсом. Ну что же, я могу поговорить с ним прямо отсюда, по эфиру... Черт возьми! Все, кто меня слушает, мои друзья. Мне от них нечего скрывать.

Берет трубку из рук растерявшейся Марции.

Мы видим, как невдалеке резвятся в бассейне дети.

Лоунсом. Привет, приятель! Что там у вас?.. Хотите, чтобы я приехал к вам в Мемфис на это ваше телевидение? С моей милашкой? (*Смеется*.) Ну что ж!.. Единственно, что я могу сказать, — вы смелый парень.. Пятьсот долларов в неделю устроит вас, а?.. Договорились?..

Пораженная Марция повторяет театральным шепотом.

Марция. Пятьсот долларов в неделю?!

¹ Каладиум — декоративное растение с серебристыми, розовыми и красными листьями.

Лоунсом (в сторону от микрофона). Ш-ш! Мы можем получить и больше!

Девушка смотрит на него широко раскрытыми глазами, удивленная его самоуверенностью, его природной смекалкой. А Лоунсом в это время без тени смущения говорит одновременно в телефонную трубку и в микрофон.

Лоунсом. Расстаться с Пикеттом для меня, дружище, все равно, что расстаться со своей плотью и кровью!.. И уж если мне надо расстаться с этими славными людьми, я лучше попробую выступить у вас бесплатно. Задаром, ну, скажем, пару недель.... И если я вам не понравлюсь или сам затоскую по Арканзасу — что ж, вернусь назад, и никто не будет в убытке.. Ну, а уж если мы подойдем друг к другу — вы будете платить мне тысячу долларов в неделю. (Смеется.) Понятно?.. (Добродушно подмигивает ошеломленной Марции.) Ну и, конечно, по пятницам дорожные расходы вашего покорного слуги и моей маленькой подружки.. Не говоря уже о понедельнике, вторнике, среде и четверге!.. Марция Джеффрис. О'кэй? По рукам? Дружище! Неплохая для вас сделка! Ну, соседусшки, я передохну, а вы пока послушайте передачу из студии. С вами поговорят два коммерсанта. (Отходит от микрофона, фамильярно обнимает Марцию.) Ну, начинайте паковать свои невыразимые!.. Мы направляемся в Мемфис!

Марция. Вы хотите сказать, что вы направляетесь?! Вы — это вовсе не значит мы!

Лоунсом. Марци!.. Я не шучу! Ведь вы моя опора!

Марция (отодвигаясь). Да... в буквальном смысле слова.

Лоунсом. И ведь мы, Марци, повезем в Мемфис вашу передачу «Липо в толпе». Они хотят сохранить это название.

Марция. Вы можете сохранить его!

Лоунсом. Я ничего не хочу брать просто так, Марци! И неужели вы допустите, чтобы такой деревенский парень, как я, один скитался по большому городу?.. А?

Марция. Ну, вы не долго останетесь в одиночестве!.. Кстати, выступление коммерсантов окончилось... Вам надо к микрофону.

Когда Лоунсом берет микрофон, он весь преображается и выглядит человеком, горячо любящим людей.

Лоунсом. Вот что, соседусшки, скажу вам—куда бы я ни поехал, этот славный городок в моем сердце всегда будет моим родным городом!.. А теперь, перед тем как расстаться с вами, я хочу попросить вас о последнем одолжении! Очень прошу вас уговорить кузину Марцию поехать со мной и быть моей помощницей — вовремя будить меня!.. Нет, без шуток... без этой девчонки я потеряюсь в большом городе. Ну, а вы для меня, я уверен, сделаете это.

Марция поднимает глаза на Лоунсома. Видно, что он уже начал понимать свою силу и значение. В ответ он самоуверенно улыбается ей.

Вечер. Вокзал в Пикетте... Кажется, весь город пришел провожать Лоунсома.

Повсюду флаги и плакаты с надписями: «До свидания, Лоунсом!», «Желаем удачи в Мемфисе!», «Пикетт гордится тобой!»

Играет оркестр подростков; рядом совсем юные гимнастки с булавами. Среди них бросается в глаза соблазнительная девица в обтягивающих ее голубых штанах, с которой нам еще придется встретиться. Это Бетти Лу Флекум.

Крупно — Лоунсом. Он сидит на платформе, прислонившись головой к футляру с гитарой. Он явно расстроен. Нетрудно догадаться чем — Марция не пришла. Вдруг что-то привлекает его внимание. Он вскакивает и бежит. Мы видим, как Лоунсом с трудом пробирается сквозь толпу туда, где стоит Марция. Несколько женщин ее привели на вокзал. Увидев Лоунсома, Марция кричит ему из толпы.

Марция. В моей жизни не было ничего подобного! Целый день ко мне приходили люди и уговаривали меня.

Лоунсом радостно хватает Марцию за руку. Чувствуется, что она действительно ему очень нужна.. Он обнимает девушку, ведет ее к поезду, берет у нее из рук сумку.

Одна из женщин, которую мы раньше видели в ее собственной кухне, говорит:

— Мы бы ее задушили, если бы она не согласилась исполнить вашу просьбу!

Миссис Хайтауэр. Мы бы ей показали!

Жизнерадостность и энергия снова возвращаются к Лоунсому.

Лоунсом. Хэлло! Миссис Хайтауэр, вы славная женщина!

Миссис Хайтауэр с обожанием смотрит на него. Лоунсом продолжает:

— Если ваш старик будет чинить вам неприятности, только дайте мне знать!

Кругом смеются. Миссис Хайтауэр смотрит на мужа со смешанным чувством удовольствия и неловкости. Вокруг них раздаются одобрительные возгласы.

Лоунсом. Нет, серьезно, если кто-нибудь здесь обидит кого-нибудь, я хочу об этом знать! Тогда я вернусь и натравлю на него собак! Слушайте-ка, а ведь я надеялся, что и шериф придет проводить меня.

Эти слова вызывают взрыв хохота.

Марция. Вы в самом деле любите этих людей?.. Правда, любите?..

Лоунсом. Люблю ли я их?.. Не любить их я не могу.. Ведь я один из них. Разве не так? Не так?

Толпа криком выражает свое удовольствие.

Вечер. Перрон. У вагона стоят Лоунсом, Марция. Их окружает толпа провожающих. Встав на подножку вагона, Лоунсом машет какой-то старой женщине.

Лоунсом. Бабушка Спенс, я буду скучать по вашим замечательным пирогам!.. Пришлите мне вашего пирожка в Мемфис. Я съем его во время передачи, и вы услышите, с каким удовольствием я это сделаю!

В кадре крупно старая миссис Спенс. Она трет глаза. Рядом с ней Джеффрис. Вокруг сочувственно смеются.

Миссис Спенс (*обращаясь к Марции*). Я рада, что вы едете с ним... Берегите его ради нас!..

Джеффрис (*Марции, подчеркнуто*). Береги себя!

Крупно — Лоунсом и Марция на подножке вагона.

Он придвигается к ней. Хочет ее обнять. Она, улыбаясь на слова миссис Спенс, отвечает:

— Постараюсь, миссис Спенс.

Обняв Марцию, Лоунсом тащит ее на площадку вагона.

Паровоз дает свисток... Доносится крик кондуктора: «По местам!»

Оркестр подростков-школьников играет песню «Он чертовски славный парень», затем шотландскую песню о дружбе.

Среди юных гимнасток с булавами выделяется «аппетитная» Бетти Лу. Покачивая бедрами, она ловко манипулирует булавами. Все машут, кричат. Некоторые вытирают слезы.

На площадке вагона Лоунсом и Марция.

Поезд трогается. Лоунсом машет рукой, посылает воздушные поцелуи. Делает вид, что вытирает слезы.

Лоунсом. До свидания! До свидания! До свидания, Люси! До скорого, Лютер... Пишите мне! До свидания, добрые люди! Я буду вспоминать вас!..

Перрон. Жители Пикетта посылают своему любимцу последний прощальный привет.

Поезд. В кадре крупно: Лоунсом и Марция.

Посылая рукой прощальное приветствие, Лоунсом искоса поглядывает на Марцию.

Лоунсом. Черт возьми, как я рад, что выбрался из этой дыры.

Марция изумленно смотрит на него. Он подвигается к ней и как можно убедительнее заявляет:

— Дорогая, я пошутил. Вы же меня достаточно хорошо знаете, чтобы не всему, что я говорю, верить.

Смеется своим обычным, раскатистым смехом. Высовывается, чтобы в последний раз помахать рукой.

Лоунсом. До свидания!.. Благослови вас бог, люди добрые! Благослови вас бог...

Готовая снова поверить, Марция смотрит на него испытующим взглядом... Свисток паровоза. Лоунсом посмеивается.

Маленький вокзал и восторженная толпа провожающих исчезают из виду.

Вечер. Общий вид города Мемфис. Отель Пибоди. Вход в отель.

К подъезду отеля приближаются Марция, Эйб Стейнер и Лоунсом.

Вид у Лоунсома далеко не такой самоуверенный. Скорее он похож на растерявшегося деревенского парня, оказавшегося не на своем месте.

Марция. Спасибо за обед, мистер Стейнер.

Стейнер. Не за что... Мне было очень приятно. Завтра утром встретимся на телестудии. (Лоунсому.) Я знаю, что буду гордиться вами, мой мальчик. Я еще никогда не ошибался в талантах.

Прощается и уходит.

Лоунсом (Марции). Почему бы нам не подняться ко мне в номер и — ну... так сказать... ну, вроде как бы подрепетировать программу?

Марция. Вам лучше выступить без подготовки.

Лоунсом. Мне страшно, Марция!.. Я серьезно говорю... Знаете поговорку: беззубая собака громче всех лает.

Марция. У вас-то зубы есть!

С упреком смотрит на нее Лоунсом. Как она не может понять — ведь она действительно нужна ему. Обиженный, он поворачивается и уходит в ночь.

Остановившись у двери отеля, Марция смотрит на его удаляющуюся спину. Она чувствует себя немного виноватой, что оставила его одного. Кричит ему вслед:

—Доброй ночи, Ларри!

Ночь.

Улица в Мемфисе.

По пустынной улице спиной к кинокамере, настороженный и одинокий, идет Лоунсом.

Другая улица. Это Бил-стрит у площади Хэнди сквер.

Заброшенный парк. На газоне спят негры.

В парк входит Лоунсом. Он явно в плохом настроении. Чем-то озабочен. Тихо разговаривает сам с собой.

Лоунсом. Если бы эта старая улица могла говорить... если бы эта старая улица могла говорить... Боже мой, я уже слышу, как она говорит... она говорит... Надо казаться веселым, хотя мне и грустно.

Осматривается и видит пожилую, полную собственного достоинства негритянку. Она сидит, устало прислонившись к дереву, и плачет. Ее зовут миссис Кули. На ее коленях покоится голова спящего мальчугана. Лоунсом подходит к ней.

Лоунсом. О чем вы плачете, леди?.. Вас сломал большой город?

Негритянка отодвигается от белого.

Миссис Кули. Вам это неинтересно, мистер.

Лоунсом. А может быть, и интересно... Откуда вы?.. Я вижу, что у вас ноги устали.

Миссис Кули. Им было от чего устать!

Лоунсом (*охватив ее рукой за плечи*). Да полно же! Ну-ка, расскажите мне обо всем.

Она медленно поворачивается и пристально смотрит на него.

День.

Телевизионная студия в Мемфисе.

На лицо сидящего в кресле Лоунсома накладывают последние штрихи грима. Тут же суетится Стейнер.

Входит Марция. С ней молодой человек в очках. Это Мел Миллер. Он кажется неуклюжим, но у него умное лицо. Высокого роста, очевидно, не очень сильный.

На все происходящее он смотрит несколько пренебрежительно.

В этой же комнате директор программы, операторы, электрики и другие работники телестудии.

Идут последние приготовления к дебюту Лоунсома.

Лоунсом. Знал бы я, что мне накрасят губы...

Марция. Перестаньте ныть. Вы выглядите замечательно.

Не отвечая, Лоунсом делает недовольную гримасу.

Марция. Лоунсом, это писатель Мел Миллер. Студия поручила ему писать для вас тексты.

Лоунсом. Писатель!.. У тебя, парень, будет самая легкая работа на свете, ведь я так и не пристрастился к чтению.

Мел (*улыбаясь*). Я просто буду готовить для вас сценарий.

Лоунсом. Где вы учились? В колледже в восточных штатах?

Мел. Нет. Я учился в школе в Нэшвиле и в сорок четвертом году окончил курсы Вандербилта.

Гриверша делает Лоунсому знак, что она кончила. Тот встает.

Лоунсом. О'кэй, Вандербилт сорок четвертого года.

Директор программы. Все готово, мистер Родс.

Сцена в телестудии. Перед телевизионными камерами усаживается Лоунсом. Марция и Мел подходят ближе к нему, чтобы лучше видеть.

Мел. Это настоящий товар. Верно? И не из тех, кто идет на поводу.

Марция. Да... именно так! Старомодная смесь честности и строптивости, независимости и посредственности... Есть и сентиментальность типа «Отдай свою рубашку ближнему».

Почувствовав интерес девушки к Лоунсому, Мел спрашивает:

— Вы его...

Марция (*быстро, предупреждая вопрос*). Его помощница?.. Да-да... именно.

Аппаратная телестудии. Последние секунды перед началом телевизионной передачи. Режиссер дает последние указания техникам, обслуживающим аппаратуру.

Режиссер. Десять секунд!.. Приготовиться на раз. Внимание по счету два.

Директор программы, подойдя к Лоунсому, сует ему в рот соломинку.

Директор программы. Вот, теперь у вас по-настоящему деревенский вид. (*К оператору.*) Эта соломинка — удачный штрих!

В кадре крупно: диктор.

Диктор. Итак, леди и джентльмены, вот он! На телевидении в Мемфисе пока это новый человек, но, несомненно, он станет нашим верным другом. Сейчас мы начинаем программу «Лицо в толпе» с участием арканзасского бродяги Лоунсома Родса!

Телевизионные камеры направляются на Лоунсома. Снято под таким углом, что мы видим и телекамеры, и Марцию, и Мела, и Стейнера, которые напряженно следят за Лоунсомом.

Лоунсом (*непринужденно*). Здравствуйте!.. Знаете, раньше я никогда не видел самого себя на этой штуковине. Так что, если я остановлюсь, чтобы полюбоваться на себя на этом самом, как он называется...

Директор программы. Мониторе?

Лоунсом. Ага, мониторе. Покажите людям то, о чем я говорю.

В кадре крупно: монитор с изображением Лоунсома.

Лоунсом. Знаете, соседочки, режиссер сказал, что мне нужно сидеть вот так и смотреть прямехонько, как бы на вас. Он не сказал только, что прямехонько на меня будет смотреть красный глазище!.. Но мне кажется, что этот глаз я где-то уже видел.

В кадре крупно: красный глазок телекамеры.

Голос Лоунсома. Мне кажется, будто на меня смотрит мой дядюшка Эбернати, после того как нахлещется своей самогонки «пять звездочек».

Смеется звукооператор, смеются рабочие сцены. Они видят на мониторе изображение Лоунсома. Смеется и рабочий Гайми, который смотрит прямо на сцену на живого Лоунсома.

Лоунсом. Водку он предварительно выдерживает. А продолжительность этой выдержки дядюшка Эб отмечает на бутылке звездочками.

(Пост.) «Кукурузная водка, кукурузная водка... Если ты не погубишь меня, буду жить я, пока не умру. И когда б в океане вода самогонкой была, я б как утка в нем плавал и нырял бы до самого дна». (Внезапно обрывает пеню.) Черт подери, у меня слишком жжет глотку, чтобы петь с утра... Послушайте, что же это получается у вас в больших городах? Вы что здесь, совсем спать не ложитесь? А? Вчера вечером в отеле я собрался вздремнуть часиков двенадцать. Но черт подери совсем! Кругом шум, гам. Свет то гаснет, то опять зажигается, на улице хохочут девушки.

Врывается взрыв пронзительного девичьего смеха.

Лоунсом. Я звоню вниз портье... Здесь ведь в каждом номере телефон... Спрашиваю, что здесь творится? Случайно, не встречаются Новый год? «Нет,— говорит.— Но что вы хотите? Сейчас всего десять часов! В Мемфисе это обычное дело». Тогда я снова натягиваю на себя свою одежду и выхожу посмотреть, что творится вокруг.. Эй, мистер оператор! Придвиньте-ка сюда этот красный глаз, мне хочется быть поближе к своим друзьям.

Аппаратная телестудии.

Режиссер. Ладно, подвиньте на три. (Своему помощнику.) Он здесь не больше двух минут, а уже командует!..

Помощник. Похоже, он знает, что делает!

Телестудия. Крупно — Лоунсом.

Лоунсом. И знаете, что еще я заметил в вашем большом городе? У вас здесь много людей, попавших в беду... Днем это не заметно, потому что днем люди как угорелые несутся туда-сюда!.. А вот ночью, поздней ночью, это сразу становится заметно. Около четырех часов утра — вот когда это бросается в глаза... Тут-то и замечаешь людей, у которых горе... Я представляю себе, что думает сейчас президент телекомпании!.. Какой у него должен быть вид, если он смотрит эту передачу... Впрочем, вряд ли он ее смотрит... Ну, а если все же смотрит, то, наверное, говорит: «Что же делает со мной этот новый парень?! Ведь люди хотят развлекаться!» Ну что же... Пожалуйста! Я прихватил с собой гитару и целый мешок деревенских шуток.

Берет в руки небольшую торбу с грубо выведенной надписью: «Шутки» — и показывает ее телезрителям.

Лоунсом. Но мне хочется, люди добрые, рассказать вам, что случилось со мной сегодня на рассвете. Посмотрим, а может, и с вами бывало такое же! Сдается мне, что и с вами случалось нечто подобное. Потому что и вы и я... может быть, мистер телепрезидент и не понимает этого, но готов поспорить, что вот рабочий Гайми меня поймет!..

Неподалеку с сигаретой во рту стоит Гайми. Он усмехается.

Лоунсом. Кстати, спасибо за сигарету, Гайми! ...Так вот... вижу, сидит в Хэнди-парке леди и плачет. Может, я уж не такой хороший, но я не могу спокойно смотреть, как плачет славная старая леди, которой некогда деваться в половине пятого утра... И она плакала, да как плакала!.. И было видно, что у нее устали ноги. «Мэм,— говорю я ей.— Извиняюсь, что лезу к вам, но, я думаю, двое незнакомых людей имеют право познакомиться». Да и она видит, что дядюшка Лоунсом ей ничего плохого не сделает. Ну, ладно. А теперь я попрошу миссис Кули выйти сюда и рассказать вам, что она рассказала мне в то утро, когда пила кофе, которое я принес ей из закусочной «Белая сова». И если уж это не тронет вас — значит, в вашей груди не сердце, а камень... Тогда я пакую свою единственную рубашку и старую отцовскую библию в футляр из-под гитары и возвращаюсь домой, в Риддл.

В кадре крупно: Марция и Мел.

Марция (*вполголоса*). Насчет единственной рубашки — это правда, а что касается библии... ее сначала нужно еще приобрести...

Мел. Но его рассказ о том, как он бродил ночью... Мне бы так хорошо не удалось написать.

Обернувшись, видит миссис Кули, направляющуюся к Лоунсому.

Мел. Ого, негритянка!.. Чтобы решиться на такое в Мемфисе, нужно быть очень смелым человеком!

Марция (*с гордостью*). Я вам говорила. Он никого не боится и никому не подчиняется.

Сцена в телестудии.

Крупно — Лоунсом и миссис Кули. Он жестом подзывает ее к объективу. Она не решается подойти.

Лоунсом. Не бойтесь этой штуки... Расскажите им, как рассказывали мне, что с вами случилось.

Миссис Кули (*торопливо*). Ну так вот... мой дом...

Но больше она сказать ничего не может — у нее перехватывает дыхание. Она замолкает.

Лоунсом. Он сгорел. У нее семеро ребят, а дом не был застрахован. Она пешком пришла в Мемфис, чтобы разыскать сестру и ее мужа. Но похоже, что они выехали отсюда, не оставив адреса. И вот она бродила, бродила по городу и не знала, куда же ей деваться...

Миссис Кули. Я ни одной живой души не знаю в Мемфисе.

Лоунсом. Вы серьезно так думаете?.. Поспорим, что у вас здесь наберется тысяч двадцать друзей, и каждый из них готов доказать это, послав вам полдоллара, чтобы вы могли вернуться в Миллингтон и выстроить там хороший дом для своих ребятишек. (*К зрителям.*) Но убедительно прошу вас, не посылайте больше, чем полдоллара... вам, наверное, и эту сумму трудно выкроить... Миссис Кули, может быть, вы думаете,

что вы всего лишь «лицо в толпе»?.. Но теперь у вас есть друзья, и они о вас позаботятся. Правда ведь, люди добрые?

Утро

Гостиница. Номер Лоунсома. В неудобной позе сильно уставшего человека на кровати спит Лоунсом.

Раздается громкий стук в дверь. Лоунсом едва успевает пробормотать: — Войдите...

...как в комнату врываются возбужденные Марция и Стейнер.

Они говорят, перебивая друг друга.

Марция. Лоунсом, вы бы видели, сколько денег уже получено! Что-бы сосчитать их, пришлось взять пять девушек... Одевайтесь скорее!

Стейнер. Ну, молодой человек, по сбору пожертвований вы блестяще выдержали экзамен. У вас уже появился заказчик рекламы.

Лоунсом. Почему такой трезвон?

Стейнер. Звонят из матрасной фирмы!.. Это значит, что вам обещана тысяча в неделю!..

Лоунсом. Марци, мои штаны! Помогите-ка мне их натянуть.

Нарочито беспомощно опирается на Марцию. Та помогает ему одеваться. Лоунсом почти валится на нее.

Марция. Стойте спокойно, эй вы, слюнтяй!

День.

Вход в отель Пибоди. Через вращающуюся дверь Марция и Стейнер проталкивают Лоунсома.

Стейнер. Такси!

Лоунсом (хватаясь за глаз). Ой!

Марция. Что случилось?

Прикрыв глаз красным носовым платком, Лоунсом жалуется.

Лоунсом. Еще когда я только что приехал в этот собачий город, мне попала в глаз соринка.

Стейнер. Осторожнее, не наступите в..

Показывает на кучку. Лоунсом отпрыгивает. Вытирает ногу о край тротуара.

Телестудия.

На сцене перед аппаратом выступает Лоунсом.

Лоунсом. ...И я никак не могу избавиться от этой проклятой соринки. Принесите мне кто-нибудь платок, а? Эй, Вандербилт сорок четвертого года, как насчет вон того платочка у вас в кармашке пиджака?!

В кадре крупно — Мел. Немного смущенный, он отходит от Марции, входит на сцену и протягивает Лоунсому свой носовой платок.

Лоунсом. Спасибо!.. Нет, кроме шуток, друзья, кто правит этим городом?.. Что это такое, в самом деле! Нельзя пройти и квартала, чтобы

вам глаза не забило угольной пылью или чтобы вы не вляпались во что-нибудь такое, что вслух даже назвать неприлично!..

— А воздух?! Вот у нас в Риддле воздух — так воздух!.. Знаете, на воздух у меня старомодные взгляды. До сих пор считаю, что люди должны дышать чистым воздухом. Вы знаете, мне однажды пришлось побывать в Лос-Анжелосе. Так должен сказать вам, там совсем не осталось воздуха! Они там дышат каким-то месивом. А все потому, что в Лос-Анжелосе слишком много фабрик, что каждый там думает только о себе. Один испанец рассказал мне, что они называют Лос-Анжелос городом «потерявшихся ангелов»¹ — «Лос Анхелос». Нечего удивляться, что они потерялись! Потеряешься, если будешь летать в этом месиве без приборов!

Бросив взгляд в сторону, замечает, как Мел что-то шепчет Марции.

Лоунсом. Эй ты, Вандербилт сорок четвертого года! Если ты сочинишь для меня какую-то писанину, которую я все равно не читаю, то можешь немножко и поработать, чтобы хоть как-то отработать свой хлеб!.. Что ты скажешь, если я попрошу тебя вкатить сюда вон те монеты?

Делая вид, что он принимает это за шутку, Мел вкатывает на сцену тачку, полную полдолларовых монет. Лоунсом набирает горсть серебра и пропускает его сквозь пальцы.

Лоунсом. Гм! Гм!.. Эта музыка приятнее даже, чем звон гитары! Восемнадцать тысяч пятьсот сорок одна такая штучка! А ведь мы, по существу, сбора-то еще и не начинали..

— Миссис Кули просит сказать вам: «Спасибо. Вы добрые люди». Вот видите, вы помогаете человеку построить дом. Уверяю вас, нет ничего невозможного в этом мире, если в нас побеждает доброе начало.

Студия телевидения.

Передача продолжается. Глядя в сторону, Лоунсом кивает головой, усмехается. Обращаясь к телезрителям, сообщает:

— Я вижу, что старина... тот самый, кто следит за часами, дает мне сигнал.

Жестами показывает, что его торопят.

Лоунсом. Они боятся, что не хватит времени для передачи рекламных объявлений. Вы, наверное, не знаете, что у меня есть хозяин? Я тоже этого не знал до тех пор, пока сегодня утром меня не разбудили.

Подходит к огромному портрету напыщенного мистера Лаффлера. Этот почтенный мистер снят возле своего матраса.

Лоунсом. Пойдите-ка!.. Помню, у меня где-то было это рекламное объявление.

Роется в своих карманах, вынимает маленькую бумажку.

¹ Лоунсом смешивает испанский артикль м. р. мн. числа «лос» с английским прилагательным «лрст», означющим «потерянный, потерявшийся».

Лоунсом (читает). «Совет Джонни Лонгшота старить на Дейли Дубль...». Нет, это не то.

Вынимает другую бумажку из другого кармана.

Лоунсом (читает). Лоунсом, дорогой, ты не забыл твою маленькую Анни из Арканзаса... Нет, это тоже не то... О, вот где оно!

Вынимает из-за уха бумажку, свернутую трубочкой. Читает ее содержание без выражения, без знаков препинания, как читают дети.

Лоунсом. «Послушайте, друзья, почему бы вам не застраховать свой сон знак вопроса. Именно так вы поступаете, когда покупаете себе удобный матрас Лаффлера Е-3 точка. Выпускается шести различных сортов...» Э, да это начало следующего объявления. (Отбрасывает бумажку в сторону.) Лично я, если устал, как собака, могу спать даже на полу... Да что там говорить... Крепче всего в своей жизни я спал в товарном вагоне. Говорят, что твердые матрасы полезнее для позвоночника. А уж раз так, то не лучше ли спать прямо на полу? Если же среди вас есть такие неженки, что не могут обойтись без постели, наверное, удобные матрасы Лаффлера Е-3 еще не самые плохие... (Меняя тон.) Конец рекламных объявлений. А ведь конец рекламных объявлений может стать и концом Лоунсома Родса.

Раскатиисто хохочет.

День.

Ресторан на крыше одного из отелей Мемфиса.

За столом Лоунсом, Марция и Стейнер. Лоунсом пьет пиво. За противоположным столиком завтракает Лаффлер. Двое ребят подходят к столику Лоунсома, собираясь попросить у него автограф.

Стейнер. Лоунсом, смотрите, вон за тем столиком человек принимает таблетку — это хозяин.

Не отвечая и никак не реагируя на слова Стейнера, Лоунсом ласково обращается к подошедшим детям.

Лоунсом. Как вас зовут, ребята?

Дает им свой автограф. Довольные ребятишки уходят.

Стейнер. Это серьезно, Лоунсом! Я говорил с мистером Лаффлером по телефону не меньше получаса. (Показывая на Лаффлера.) Уверен, он вас заметил, но даже ни разу не посмотрел в нашу сторону. Он говорит, что у него в контракте есть лазейка и что, если вы еще будете высмеивать его матрасы, он сумеет воспользоваться ею и расторгнуть контракт.

За другим столиком Лаффлер что-то горячо обсуждает со своими юристами. Два местных политика Кинкэд и Мюррей подходят к столику Лоунсома.

Кинкэд. Мистер Родс! Я Кинкэд, а это Мюррей. Мы члены городского управления. Мы уполномочены приветствовать вас в Мемфисе.

Лоунсом. Что же... спасибо, начальник!

Мюррей. Вам, может быть, не приходилось слышать об этом, но вот уже подряд три года Мемфису присуждается приз, как самому чистому городу в Соединенных Штатах. И разве справедливо...

Кинкэд. Мемфису присужден приз!

Лоунсом. Ребята, я не дал бы приз за ту гадость, в которую я влип. Ха-ха-ха. (С силой хлопает их по спине.) Ребята, должен вам сказать, что я случайно попал на телевидение... но пока я здесь выступаю, я буду говорить все, что я думаю!.. Правильно, Марци?

Она сжимает его руку.

Стейнер. Но, Лоунсом...

Лоунсом. Чего мне здесь здорово не хватает, так рыбной ловли. И, пожалуй, единственно только ради этих минут, когда можно выложить вам, политиканам, всю правду, стоит так тяжело трудиться. Ха-ха-ха!

Члены управы в замешательстве переглядываются. Но смеется Лоунсом дружелюбно.

Лоунсом. Выпейте пива, ребята, я плачу. (Стейну.) Займитесь этим, хорошо?.. Вы готовы, Марци?

Встает, к неудовольствию Стейнера. Отходит от столика.

Стейнер (Марции). Не могли бы вы его немного обуздать?

Марция. Может быть, хозяева компании и члены управы его и не понимают... а вот народ как будто понимает.

Догоняет Лоунсома. Берет его под руку.

Тот же ресторан. Снято с другой точки.

Касса. Подходят Лоунсом и Марция. В это время появляется Джой де Пальма, рассыльный фирмы «Лаффлер мэтрас компани». Это молодой человек с открытым лицом. Но его внешность обманчива. Держится он очень самоуверенно.

Де Пальма. Эй, Лоунсом, я тебя ищу. У меня для тебя месячный талон на бесплатную кормежку в закусочной «Белая сова». Это тебе за то, что ты утром сделал им такую рекламу! Ты, наверное, не знаешь, что я немного подрабатываю на стороне...

Марция. Подрабатываете?

Де Пальма (протягивая Лоунсому лист бумаги). Все, что от тебя требуется,— это иногда мимоходом, как будто невзначай, вставить пару слов об их блюдах. А они уж в долгу не останутся... будешь получать то ящик пива, то бесплатную выпивку. Это в общем составит не меньше чем...

Марция. Но красть время у своего настоящего хозяина незаконно.

Де Пальма. Золотко, если тебя не поймали, нет ничего незаконного!

Этот диалог явно забавляет Лоунсома. Джой ему нравится.

Лоунсом (смеясь). До скорого, Джой.

Лоунсом и Марция собираются уходить

Марция. Кто это?

Лоунсом. Это Джой де Пальма. Рассыльный из конторы Лаффлера... Ха-ха-ха.

Марция. Он долго не задержится в рассыльных.

Снова появляется де Пальма.

Де Пальма (с явным удовольствием). Лаффлер злится на тебя, но... (делает понимающий жест) не унывай.

Весело смеясь, Лоунсом уходит с Марцией.

В тот же день.

Зрительный зал в театре телевизионной студии. Он переполнен зрителями. Выступает Лоунсом.

Лоунсом. ... Ну, значит, мистер Лаффлер сказал мне, что ему не нравится, как я высмеиваю его матрасы... А ведь я сказал, что неплохо поспать ночку и на таком матрасе, если ты здорово устал.. Ого, да, кажется, я опять за старое взялся.

В зрительном зале стоит хохот.

Лоунсом. Но что поделаешь! Я просто не могу слова сказать из того, что они хотят заставить меня говорить!

Зрители снова разражаются смехом. Но Лоунсом жестом останавливает их.

Вынимает из кармана очередную рекламу.

Лоунсом. Ну, ладно, попробую. (Читает про себя.) Важная новость! (Откладывает бумажку.) Люди добрые! Вы же вовсе не такие дураки, чтобы самим не разобраться, что важно, а что нет. Вы знаете, что атомная бомба и тому подобные штуки — это вещи важные!.. Думаю, что на матрасе Лаффлера спину не пролежишь, но, право же, от такой новости мир не перевернется!

В кадре крупно: Марция.

Марция (смеясь, Мелу). Он становится все несноснее!

В кадре крупно: Лоунсом. Он подмигивает Марции.

В кадре крупно: Марция. Она побеждена взглядом Лоунсома.

Лоунсом. Ну что ж... если вы больше не увидите меня, спою вам песенку на память. (Аккомпанирует себе на гитаре.) «Прощайте, мистер Лаффлер, спасибо за поездку! Хотел бы ваших денег, но все ж дороже честь. На этой на рекламе мы с вами не сошлись, порвите мой контракт и волю дайте мне. Утром вольным человеком, утром вольным человеком снова буду я».

Зрители смотрят на него с обожанием. Жестом Лоунсом приглашает их подхватить припев «Вольным человеком буду я!»

Ночь. Отель Пибоди. Коридор.

К номеру Марции по коридору приближается Лоунсом. В руках у него

гитара и старый истрепанный чемодан. Он навеселе. Перед дверью Марции останавливается. Стучит.

Номер Марции.

В кровати спит Марция. Услышав стук в дверь, она встает.

Марция. Кто там?

Голос Лоунсома. Это я, Лоунсом... э-э-э, Ларри. Я пришел попрощаться.

Схватив халат, Марция подбегает к двери.

Марция. Одну минуту.

Открывает дверь. В коридоре стоит Лоунсом.

Лоунсом (слегка запинаясь). Просто зашел сказать... я уйду... снова пойду бродяжничать...

Марция. Куда?

Лоунсом (пожимая плечами). Не все ли равно? (Размахивает телеграммой.) Это от мистера Лаффлера. Он решил уволить меня, если я не дам обещания предварительно показывать тексты моих выступлений... Какая чушь! У меня не бывает никаких текстов... Есть только я... Я имею в виду, что был только я!

Марция. Ларри, оставайтесь здесь... Хотя бы для работы по сбору пожертвований. Вспомните, что вы сделали для миссис Кули...

Лоунсом. Не-е... я сматываю удочки! В благодетели я не гожусь!

Марция. Наоборот, как раз годитесь... Только вы сами этого не понимаете!

Лоунсом (громче). Послушай, я не собираюсь больше лизать пятки этим матрасникам... Увидимся как-нибудь в тюрьме.

Намеревается уйти, но вдруг, заколебавшись, останавливается. Задумчиво роняет:

— А что, если мы потрясем их немного? Ведь мы приехали на свои деньги?!

Марция. Ларри, подите сюда!..

Неожиданно для нее они целуются. Сначала она в смущении отстраняется от него. Но страстная сила его объятий захватывает ее. Она вновь принимает к нему. Долгий страстный поцелуй.

Глядя на нее, Лоунсом усмехается.

Лоунсом. А я-то считал, что у тебя рыба кровь!.. Ах, Марция, Марция! Это же марципан! Ты мой марципанчик!

Утро.

Здание фирмы Лаффлера.

Десятка полтора поклонников Лоунсома Родса спозаранку собрались у здания, где помещается фирма Лаффлера. Они стучат в витрину отдела розничной продажи.

Несколько человек принесли плакаты: «Мы будем спать с Лоунсомом Родсом на полу», «Предоставьте Лоунсому Родсу свободу на телевидении», «Вам не будет покоя, мистер Лаффлер». На всех плакатах одна и та же подпись: «Мемфисский клуб поклонников Лоунсома Родса». Кто-то притащил сюда матрас фирмы Лаффлера.

Некоторых из этих демонстрантов мы уже видели среди восторженных телезрителей. К собравшимся подходит полицейский.

Полицейский. Что вы собираетесь делать с этим матрасом?

Молодой демонстрант (с невинным видом). Ничего, начальник...

Полицейский. И не советую вам. А теперь пройдите.

Как только полицейский отворачивается, молодой демонстрант подносит к матрасу зажженную спичку. Матрас загорается. Несколько человек продолжают барабанить по витрине. Стоя в дверях конторы, несколько служащих Лаффлера наблюдают эту сцену. Среди них Джой де Пальма, рассыльный. Его лицо холодно, в глазах злобный интерес и некоторое тайное удовольствие. К нему подходит секретарша, женщина средних лет.

Секретарша. Джой, вас требует босс. (Увидев, как барабанят по витрине.) Отвратительно!

Джой поспешно уходит.

День. Кабинет Лаффлера. Лаффлер говорит по телефону. Здесь же в комнате находится коммерческий директор Сэм Крайор.

Лаффлер (в трубку, нетерпеливо). Ага, м-да... так вы считаете, что увольнение Лоунсома Родса затрагивает вопрос о гражданских правах?.. А как обстоит дело с моими гражданскими правами?.. А? Благодарю вас! Всего хорошего!

Со стуком вешает трубку. Приказывает секретарше:

— Не соединяйте меня больше ни с кем.

В кабинет входит Джой де Пальма. Сэм Крайор изучает какие-то цифры.

Крайор. Мистер Лаффлер, с тех пор как вы наняли Лоунсома Родса, по вчерашний день включительно, наш оборот увеличился на пятьдесят пять процентов!

Лаффлер. Мне кажется, здесь пахнет дымом!..

Крайор. Вы уверены, что не поторопились с его увольнением?

Де Пальма напряженно прислушивается к разговору. Входит секретарша.

Лаффлер (раздраженно). Ну, что еще там у вас?

Секретарша. Телефон, мистер Лаффлер.

Лаффлер. Разве я вам не говорил...

Секретарша. Это звонит редактор отдела развлечений «Пресс-Симитар».

Мгновение Лаффлер колеблется, затем снимает трубку.

Лаффлер (*секретарше*). Скажите им, чтобы они перестали барабанить. (*В трубку.*) Алло, никаких комментариев... Да-да. Именно так! И никаких комментариев! (*Вешает трубку.*)

Крайор. Мистер Лаффлер, я понимаю, он вас обидел... но как коммерсант я должен сказать, что повышение сбыта на пятьдесят пять процентов — хороший утешитель!

Лаффлер. Довольно, Сэм, довольно! Вы достаточно ясно изложили свою точку зрения... Я подумаю об этом... Я ведь всегда смогу вернуть его! Крайор выходит. Лаффлер поворачивается к Джой.

Де Пальма. Вы звали меня?

Лаффлер (*передает ему бумаги*). Отнесите это в отдел кредитов. (*Подозрительно принимается.*) Я уверен, что здесь пахнет дымом!

Де Пальма. Если сказать правду, мистер Лаффлер, так они там на улице жгут один из ваших матрасов... Это отвратительно с их стороны!

Лаффлер (*по внутреннему телефону*). Позвоните в полицию и передайте, чтобы арестовали этих хулиганов всех до одного! (*Устало поворачивается к де Пальме.*) Джой, ты умный малый, скажи, как, по-твоему, я поторопился уволить Родса?

Де Пальма. Если бы это был мой товар, я бы никому не позволил высмеивать его.

Снова входит секретарша.

Лаффлер. Ну, что опять?

Секретарша. Ваша жена...

Лаффлер снимает трубку. Джой выскальзывает из комнаты.

Приемная в конторе Лаффлера. Коммутатор. Секретарши и все остальное, что полагается иметь деловому человеку.

Де Пальма развязно обращается к одной из двух седовласых секретарш:

— Соедините меня с нью-йоркской фирмой «Браунин, Шлегель и Макнелли». Немедленно!

Та колеблется.

Де Пальма. Не беспокойтесь, это с ведома начальства. Мистер Лаффлер велел мне сообщить им кое-что. (*Поглаживая воротник на блузке секретарши.*) Какие красивые кружева.

Секретарша. А вы знаете их номер?

Де Пальма. Это крупнейшее рекламное агентство в Нью-Йорке. Узнайте в справочной.

Уходит в кабинет Лаффлера.

Кабинет Лаффлера.

Лаффлер заканчивает разговор с женой.

Лаффлер. Да... да... Дорогая, не можешь ли ты заниматься своими делами и не вмешиваться в мой?.. И передай, пожалуйста, дамскому клубу садоводов-любителей, чтобы они также занимались своими делами и не лезли в мои. *(Вешает трубку.)* Даже собственная жена! Я вел счастливую жизнь и, как мне казалось, преуспевал, пока этот Франкенштейн¹ в образе Лоунсома Родса не явился, чтобы преследовать меня!

Де Пальма. Если действительно хотите знать мое мнение — вы поступили совершенно правильно, отделавшись от него. Вы должны придерживаться своих принципов, мистер Лаффлер. И у вас и у вашего отца реклама велась всегда на высоком моральном уровне. Именно потому фирма Лаффлера и пользуется доверием... Что бы сказал ваш отец...

Лаффлер. Ты прав!.. Спасибо, Джой!.. Ты и в самом деле помог мне принять решение. Сорок четыре года существует фирма Лаффлера... У нее незапятнанная репутация. Спасибо, Джой. В ближайшее же время я назначу тебя помощником коммерческого директора.

Де Пальма. Спасибо, мистер Лаффлер! *(Выходя, бормочет.)* Ну, это мы еще посмотрим...

Приемная в конторе Лаффлера. Из кабинета быстро выходит де Пальма.

Телефонистка. Я соединила вас с Нью-Йорком.

Де Пальма *(взяв трубку)*. Алло...

Канцелярия в агентстве «Браунинг, Шлегель и Макнелли».

Крупно — телефонистка агентства.

Телефонистка. Говорит агентство «Браунинг, Шлегель и Макнелли»... Междугородный из Мемфиса? Одну минуту.

Переключается на другую линию. Кому-то докладывает.

Телефонистка. Некий мистер Джозеф де Пальма из Мемфиса... Говорит, что он ведет переговоры от имени Лоунсома Родса.

Кабинет Джима Колльера.

Вице-президент агентства начальник отдела радио и телевидения Джим Колльер выглядит сорокалетним студентом. Волосы у него подстрижены ежиком.

Заканчивает разговор с работником агентства, пришедшим обсудить с начальством какой-то вопрос по искусству.

¹ Франкенштейн — литературный персонаж. Созданный рукой человека, он обладает якобы сверхъестественной силой и преследует своего создателя.

Колльер. Вы видите, какая это сумасшедшая работа!.. Да, вот еще что! Один делец из Мемфиса предлагает нам какого-то комика из местного телецентра. С этим телецентром не могут тягаться ни КБС, ни НБК¹, вместе взятые. *(В трубку.)* Алло, мистер де Пальма.

Приемная в конторе Лаффлера.

Де Пальма. Алло, говорит де Пальма. Я просто хотел вам сообщить, что Лоунсома Родса засыпают предложениями. «Вэрайети»² называет его неразгаданным Уиллом Роджерсом... Если он вас интересует, так имейте в виду — мы ждем ответа не позже пяти часов. Хорошо?

Снова кабинет Колльера.

Колльер. М-да. Понимаю вас. До свидания, бэби. *(Секретарше.)* Пошлите за ним машину, лучше «Тандербёрд».

Приемная в конторе Лаффлера.

Де Пальма *(телефонистке)*. А теперь соедините меня с агентством «Дж. Уолтер Томпсон»...

Телефонистка в нерешительности, колеблется. Де Пальма сует ей деньги.

Та же приемная в конторе Лаффлера.

Положив ноги на пульт коммутатора, сидит де Пальма и разговаривает по телефону.

Де Пальма. «Вэрайети» называет его неразгаданным Уиллом Роджерсом и считает, что в нем есть некоторые черты Артура Годфри и Теннесси Эрни... черты, которые вам понравятся... Ответ дайте не позже пяти... Хорошо... *(Вешает трубку.)* Теперь соедините меня с агентством Каднера...

Что-то записывает в свой блокнот.

Все та же приемная в конторе Лаффлера.

По-прежнему де Пальма говорит по телефону.

Де Пальма. «Вэрайети» называет его неразгаданным Уиллом Роджерсом с чертами Артура Годфри, Теннесси Эрни, Герба Шрайнера и Джорджа Гобеля. Черты эти нельзя недооценивать... Ровно в пять часов... Хорошо...

¹ Две крупнейшие компании телевидения и радиовещания: «Колумбия Бродкастинг Систем» и «Нейшнл Бродкастинг Корпорейшн».

² Название газеты.

Деловой кабинет агентства Каднера.

Ответственный работник агентства только что кончил говорить по телефону. Вешая телефонную трубку, говорит кому-то, кого мы не видим:

— Я думаю послать за мистером Родсом «Линкольн континентал». Мы можем включить это в наши расходы.

Снова приемная в конторе Лаффлера.

Наконец-то де Пальма закончил свои телефонные переговоры. Повесив трубку, он победно щелкает пальцами.

Де Пальма. Общество талантов!..

Утро. Отель Пибоди.

У подъезда выстроилось несколько машин. Бросаются в глаза новый «Линкольн континентал» и новый «Ягуар». Подъезжает новый «Тандербэрд».

Швейцар. Еще одна машина для Лоунсома Родса?

Шофер. Привет от «Общества талантов».

То же утро. Коридор в отделе Пибоди. К двери номера Марции подходит Мел. Стучит.

Мел. Марция! *(Прислушивается.)* Марция, вы просили вовремя захватить за вами и отвезти вас на студию.

Ответа по-прежнему нет. Оглядывается и видит перед дверью чемодан Лоунсома. Собирается постучать еще раз. Но что-то удерживает его, и уже поднятая рука повисает в воздухе. Он поворачивается и уходит от двери.

Делает несколько шагов по коридору. Видит де Пальма, который торопливо идет ему навстречу.

Де Пальма. *(возбужденно)*. Хэлло, вы не видели Лоунсома?

В ответ Мел угрюмо кивает на дверь Марции.

Мел. Вы его, вероятно, найдете там.

Увидев, что де Пальма подходит к указанной им двери, он возвращается и хочет задержать его.

Мел. Минутку, сэр, я бы на вашем месте не стал вламываться туда.

Де Пальма *(отталкивая его)*. Я — не вы, вы — не я!

Подскочив к двери номера Марции, он барабанит в нее.

Де Пальма. Эй, откройте! Откройте!

Голос Лоунсома *(глухо)*. Да?.. Что такое? Кто там?..

Де Пальма. Судьба это, вот кто! Джо, судьба.

Утро. Спальня Марции.

Немного приоткрыв дверь, Лоунсом выглядывает в коридор. Де Пальма врывается в комнату. Марции там не видно.

Лоунсом. Ты что?..

Де Пальма (*проходя мимо двери ванной комнаты*). Я знаю, поряточные девушки тоже этим занимаются, но они не любят, когда это становится известно. Никто об этом не узнает. (*Переходя на деловой тон*.) Дорогуша!.. Это более важно. Я продал твое выступление.

Лоунсом. Кому?

Де Пальма. Тем, кто хорошо платит. Слышал когда-нибудь о «Браунинге, Шлегеле и Макнелли»?.. Впрочем, ты этого не знаешь!.. Это настоящее рекламное агентство. Я их заставил поторговаться с агентством Каднера и МСА¹.

Лоунсом. МС... как их там?

Де Пальма. ...И полдюжиной других, которых ты тоже не знаешь. БСМ² хотят, чтобы ты выступал в их программе «Час «Вайтаджекс»³, которая передается в восемь часов по всей стране. Я сказал им, что ответ дам в семнадцать часов. Мы держим путь на Нью-Йорк!

Лоунсом (*потрясенный*). Мы?

Де Пальма. Они спрашивали меня, есть ли у тебя свой агент в Нью-Йорке. Так вот — познакомься со своим нью-йоркским агентом!

Лоунсом (*разражается смехом*). Бродяга из Пикеттской тюрьмы в Арканзасе и мемфисский рассыльный!.. (*Поет и приплясывает*.) «Я просто картежник бродячий, брожу взад и вперед».

Как бы между прочим, де Пальма протягивает Лоунсому договор, по которому становится его партнером.

Де Пальма. Подпиши, это простая формальность.

Лоунсом (*подписывая*). «Бреду я на запад, бреду я на юг, а сейчас держу путь на север».

Неожиданно из двери ванной комнаты выглядывает Марция.

Марция. Послушайте, в договоре обязательно должно быть указано, что Ларри может говорить все, что он хочет. Не забывайте, он сам себе хозяин.

Де Пальма (*которому скучно это слушать*). Ну да, ну да! Золотко, вы сами напишите этот пункт, а я его вставлю.

Лоунсом (*продолжает напевать*). «Я брожу, брожу...». Братишка, плевал я на их рекламу и чихать мне на их начальников. Я им всем задам перцу, заставлю считаться с собой! И откроем мы, дорогой мой, «Общество содействия ближнему». «Содействие ближнему».

Раздается телефонный звонок.

¹ Названия рекламных агентств.

² Названия рекламных агентств.

³ Час программы телевидения, посвященный рекламе препарата «Вайтаджекс».

Лоунсом (к де Пальма). Возьми трубку.

Тот берет трубку. Он уже чувствует себя равным Лоунсому.

Де Пальма. Алло...

Слушает, что ему говорят в телефон, и смеется, с видом превосходства покачивает головой.

Де Пальма. Это Эйб Стейнер. Он в вестибюле. Хочет видеть тебя. Говорит, что с ним мистер Лаффлер.

Лоунсом колеблется, не знает, как поступить.

Лоунсом. Скажи им, что у нас совещание.

Де Пальма (в трубку). Очень сожалею, но мистер Родс только что уехал в Нью-Йорк.

Лоунсом восхищен наглостью де Пальма.

Лоунсом. Держись, мамочка! А я поддам газу!..

В кадре крупно: Марция. Она смотрит на Лоунсома со смешанным чувством любви, гордости и тревоги.

Рекламное агентство «Браунинг, Шлегель и Макнелли». Кабинет Мейси. Богато обставленная угловая комната с двумя окнами на каждой стороне. Человек десять ответственных сотрудников собрались вокруг огромного письменного стола Мейси. Одни из них уже лысые и обрюзгшие, другие еще молодые, подтянутые. Но все они типичные представители Мэдисон авеню.

Идет совещание. Председательствует Мейси — начальник финансовой части; это негодяй с благородной внешностью лет пятидесяти пяти, страдающий тяжелым недугом — «агентствоманией».

Все рассматривают гигантскую коробку с таблетками «Вайтаджекс».

Мейси вынимает из кармана золотой портсигар. Но вместо сигарет в нем пузырьки со всякими пилюлями, в том числе и с нитроглицерином. Он отбирает несколько пилюль и глотает их, запивая водой.

Мейси. За последний квартал на рекламу «Вайтаджекс» мы израсходовали триста тысяч долларов из денег генерала Хейнсворта. И единственно, чего мы добились, — это падения курса акций с десяти до семи.

Кивает головой на диаграммы на стене, где все изображено графически. Хорошенькая секретарша меняет диаграмму.

Слово берет доктор Уайли, химик, с типичной внешностью ученого.

Уайли. Разрешите сказать мне?

Мейси. Прошу, доктор!

Доктор Уайли. Я довольно тщательно исследовал этот препарат в лаборатории. В таблетках «Вайтаджекс» содержится несколько гран аспирина и какое-то количество сахара... Все это может немного поднять энергию... Но, честно говоря, нам, собственно, продавать-то нечего.

Мейси (*секретарше*). Вычеркните это из стенограммы, мисс Мэрей. Вы знаете, что генерал Хейнсворт всегда читает отчеты о совещаниях производственной группы.

Доктор Уайли. Я ничем не могу помочь!.. Меня ведь пригласили в качестве химика.

Мейси (*сурово*). Доктор Уайли, но ведь в таблетках «Вайтаджекс» нет ничего вредного?

Доктор Уайли. Они не убивают, если вы это имеете в виду... Я бы сказал, что они относительно безвредны. Так же как и многие другие старые патентованные средства!

Мейси (*холодно*). Благодарю вас, доктор... А теперь вернемся к основному вопросу. Со всем нашим уважением к отделу телевидения и его внезапному энтузиазму к... э... э... Лоунсому Родсу.

Он и Колльер — начальник отдела радио и телевидения — кивают друг другу с любезностью людей, у которых за пазухой камень.

Мейси. Я за респектабельные методы торговли. Поэтому-то я и предпочел бы включить наши пятнадцать минут рекламы в программу Мэрроу.

Входит секретарша, за ней Лоунсом.

Секретарша. Мистер Родс.

Мейси (*с досадой, Колльеру*). Джимбой, не считаете ли вы?.. (*Бормочет про себя.*) Это против всяких правил...

Колльер. Я убежден, что если вы, Мейс, и все остальные увидите его, то поймете, чем он купил телевидение!

Лоунсом. Здорово, ребята!

Мейси (*бормочет*). Это против правил, Джимбой, против правил...

Де Пальма. Джентльмены! Это Лоунсом Родс!

Все присутствующие, за исключением работников группы телевидения, встречают Лоунсома довольно холодно.

Лоунсом (*с воодушевлением*). Я пришел помочь вам продавать эти печеночные, или как там их, пилюльки.

Во рту у него жевательный табак. Он хочет от него избавиться.

Лоунсом. Черт побери, у вас, что же, нет здесь плевательниц?

Мейси (*секретарше, с явным отвращением*). Принесите мистеру Родсу плевательницу.

Лоунсом (*к Мейси*). Ну, а теперь говорите, в чем ваша беда, гу-бошлеп?

Мейси не отвечает. Он прилагает огромные усилия, стараясь сохранить самообладание.

Колльер. Видите ли, мистер Родс, возможно, вы знаете, что «Вайтаджекс» — хилый отпрыск фирмы «Интернейшнл компани». Они готовы даже выпускать пилюли меньшего размера по пониженной цене!

Мейси. Джимбой, прежде чем делать поспешные выводы, я бы посоветовал...

Неторопливо Лоунсом берет со стола бутылочку с маленькими белыми пилюлями.

Лоунсом. Ш-ш-ш!.. Спокойно, спокойно! Дайте-ка мне взглянуть на эти бедные маленькие пилюли, которые вы пытаетесь сбавить... Я бы сказал, что они выглядят бледновато! В них нет заряда... Э, у меня есть идея — давайте сделаем их желтыми! Желтый цвет — цвет солнца и энергии. Как примет мужчина такую пилюлю, так ему уж и на месте не усидеть. Сразу сила прибавляется, и с женщинами он уже не так держится... Понимаете! Вот так-то! Если вы хотите, чтобы у вас блестели глаза и кровь кипела, проглотите горсточку «Вайтаджекс» — и ваша батарея заряжена! Смотрите.

Подбрасывает несколько пилюль, ловит их ртом, как тюлень, и энергично грызет. Затем несколько раз подпрыгивает.

Лоунсом. Ого-го!.. Я готов! У меня уже кипит кровь... Я стал совсем другим! Со мной происходит чудесная перемен!

Бросается за хорошенькой секретаршей. Та с криком выбегает. Смеясь, он останавливается.

Лоунсом. Вот что делает со мной «Вайтаджекс», а я ведь еще пилюли-то и не проглотил!.. А вам, ученым гениям, подавай хороший тон!.. В тех местах, откуда я приехал, мы боимся, если какой-нибудь парень выглядит слишком благородно, как бы он часы не стянул!.. Я двину вашу торговлю!

Начинает импровизировать песенку о «Вайтаджексе».

Лоунсом (*напевает*). «Вайтаджекс», что ты делаешь со мной?.. «Вайтаджекс», что ты делаешь со мной? У-ух ты, я полон силы и экстаза».

Его непосредственность невольно захватывает членов правления. Все оживляются, начинают одновременно говорить.

Лоунсом смеется своим заразительным смехом:

— Ха-ха-ха.

В кадре крупно: Лоунсом Родс на экране телевизора.

Он выступает в программе, рекламирующей «Вайтаджекс». Декорации изображают дерево «Вайтаджекс», на котором растут огромные, как грейпфруты, пилюли, которые то вспыхивают, то гаснут.

Лоунсом (*с увлечением*). Да, соседшки, желтый цвет — это цвет солнца и энергии. Вот почему «Вайтаджекс» и создает такое ощущение, что вам не сидится на месте! Поверьте мне, пилюли эти действительно придают силу, когда вы с женщинами... Понятно? Перед вами ваш старый приятель Лоунсом Родс. Я — за «Вайтаджекс». И я говорю вам, если вы хотите, чтобы у вас блестели глаза и кровь кипела, проглотите пилюлю «Вайтаджекс» — и ваша батарея заряжена. У-ух, ты!

Акомпанируя себе на гитаре, поет новый вариант песенки о «Вайтаджексе»: «От «Вайтаджекса» у вас блестят глаза...».

...Быстрая смена кадров демонстрирует феноменальный успех, который реклама Лоунсома обеспечила пилюлям «Вайтаджекс».

Лоунсом Родс поет перед телевизионной камерой песенку о «Вайтаджексе». На этот раз он выступает в сопровождении трех соблазнительных девиц. Они исполняют ту же песенку на маленькой круглой эстраде, символизирующей увеличенную пилюлю «Вайтаджекс».

...Переполненный зрительный зал подхватывает припев «У-ух ты!»

...Лицо Лоунсома. Скучное, больное, осунувшееся. Он принимает пилюлю «Вайтаджекс»...

...Мультипликация: огромная пилюля «Вайтаджекс» проходит через пищевод и, когда достигает желудка, взрывается, как атомная бомба.

...Лицо Лоунсома. Оно полно бодрости и силы.

Лоунсом поет «У-у-хх, ты!» Голоса подпевают ему.

...Рекламная мультипликация.

Маленький поросенок с хвостиком колечком глотает пилюлю «Вайтаджекс». Хвостик выпрямляется, становится твердым. Поросенок начинает преследовать хорошенькую маленькую свинку.

...Лоунсом ведет передачу, рекламирующую пилюли «Вайтаджекс».

Свое выступление он начинает по-английски, потом переходит на другие языки: итальянский, шотландский, французский, греческий, немецкий, китайский...

Однако, на каком бы языке он ни говорил, все время слышны слова «Вайтаджекс» и «У-ух, ты!».

...Девушка, похожая на Мерилен Монро, забирается под одеяло. У нее обольстительная внешность.

Девушка. Почему вы не принимаете «Вайтаджекс», как это делает Лоунсом Родс?.. Я буду ждать, когда вы начнете принимать эти пилюли.

До плеч укрывается пушистым одеялом. Потом высовывает руки, чтобы погладить стоящую на ее ночном столике бутылку огромных размеров с пилюлями «Вайтаджекс».

Девушка. Я послала своему дружку запас на десять лет.

Снова высовывает из-под одеяла обнаженную руку и с многозначительной улыбкой гасит свет...

День. Поместье генерала Хейнсворта. Вдалеке видны яхты.

Во внутреннем дворике виллы Хейнсворта Мейси разговаривает с генералом и со своим помощником. Негр-дворецкий подает им напитки. Генерал Хейнсворт — крепкий, бодрый мужчина лет шестидесяти пяти. У него мягкий голос.

Мейси. Генерал, с того времени, как ваш дед основал «Интернейшнл драг», эта фирма никогда не прибегала в торговле к вульгарным методам.

Хейнсворт. За три месяца индекс наших акций достиг тридцати девяти и восьми десятых!

Мейси. Генерал, я хочу, чтобы мои слова были записаны... Я утверждаю, что иметь дело с Лоунсом — значит, рисковать. Это человек, с которым невозможно сотрудничать... поступки которого невозможно предсказать. Мы потратили десятки тысяч долларов на то, чтобы найти для «Вайтаджекса» такие яркие и броские эпитеты, как бодрящие и стимулирующие, а Родс имел наглость на глазах у зрителей разорвать наш текст в клочки.

Хейнсворт. Тридцать девять и восемь десятых...

Мейси. Но, генерал...

Голос Лоунсом а. Эй, генерал, где вы там, черт возьми?!

Приезду Лоунсом а генерал явно обрадовался.

Генерал. Я здесь, мой мальчик!

Вместе с Марцией и де Пальма подходит Лоунсом. Мейси и его помощник явно недовольны их появлением. Словно не замечая этого, Лоунсом обращается к Мейси и его помощнику.

Лоунсом. Привет, девушки! Здорово, принстонец¹ сорок шестого! Как дела, Старые мощи?

Генерал Хейнсворт смеется.

Все это глумление неприятно Мейси и его помощнику. Они встают.

Мейси. Генерал, извините нас, но нам нужно вернуться в город.

Наскоро пробормотав слова прощания и кивнув всем головой, они уходят.

Лоунсом (*посмеиваясь*). Боюсь, что эти молодчики с Мэдисон авеню из-за меня чувствуют себя не очень-то счастливыми!

Хейнсворт. Мое предприятие существует не для того, чтобы они чувствовали себя счастливыми. Мое предприятие существует для того, чтобы народ покупал «Вайтаджекс».

Де Пальма (*подобострастно*). Точно!

Хейнсворт. Бедный старый Мейс! У него уже был однажды сердечный приступ, и, боюсь, вы доведете его до второго!.. Но что поделаешь, такова уж его печальная участь.

Смотрит в сторону, туда, где причаливает одна из его лодок.

Хейнсворт. Хэлло, сенатор!.. Хорошо доехали?

Берег. Недалеке гидроплан. В кадре крупно — сенатор Уоррингтон Фуллер. Он прилетел на гидроплане.

Сенатор Фуллер — политическая фигура. Это лысеющий тучный человек с пенсне на носу. В одежде он консерватор. Не допускает никаких вольностей даже ради воскресного отдыха за городом. В руках у него портфель.

¹ Окончивший университет в Принстоне (США) в 1946 году.

Сенатор Фуллер (*кричит с берега*). Превосходно, благодарю вас. Превосходно. Я присоединяюсь к вам, как только приведу себя в порядок. Идет в сопровождении своего секретаря. На ходу что-то диктует ему.

В кадре крупно — Лоунсом и Хейнсворт.

Хейнсворт. Это мой гость, сенатор Фуллер. Вот такого человека я хотел бы видеть в Белом доме.

В разговор вмешивается Марция.

Марция. Это не его называют последним из изоляционистов?

На нее неодобрительно смотрит де Пальма. Хмуро, явно недовольный ее словами, глядит и Хейнсворт.

Хейнсворт. О, может быть... некоторые левые нью-йоркские газеты... Я хочу, Родс, чтобы вы познакомились с людьми такого сорта... Я собираюсь, если так можно выразиться, взять вас под свое крылышко и заняться вашим образованием.

Лоунсом (*скромно*). Но, генерал, ведь я простой деревенский парень!

Хейнсворт. Молодой человек, никогда не забывайте об Уилле Роджерсе. Это был самый обыкновенный ковбой, со жвачкой во рту и лассо за поясом. А забрался так высоко, что разговаривал с президентами и королями.

Де Пальма (*глубокомысленно*). Если хотите знать, я то же самое думаю...

Хейнсворт. Я всегда был сторонником системы планирования и считаю, что планировать нужно заранее и на продолжительный срок. Мысленно я всегда заглядываю на два-три года вперед... Сейчас Лоунсом просто популярен.

Заметив выткнувшиеся лица собеседников, поспешно поправляется.

Хейнсворт. О!.. Очень популярен. Но Лоунсом Родс мог бы стать влиятельной силой, мог бы формировать общественное мнение, стать национальным достоянием, священным для нашей страны, как памятник Вашингтону. (*Бросив взгляд на Марцию.*) Подозреваю, что ваша идеалистически настроенная молодая леди не согласна со мной?!.. Но изучение истории со времен древнего Египта до наших дней убедило меня, что каждому сильному и здоровому обществу для масс нужна твердая рука мудрого избранника... Конечно, для нашей страны это неприемлемо. Вот почему нам и нужен популярный символ... своего рода рождественская елка, на которую мы и будем вешать наши идеи!.. Ну, а телевидение — величайшее средство убеждения масс.

Все смотрят на Лоунсома.

Де Пальма. Я говорю не для того, чтобы льстить вам, но...

Вежливо, но несколько свысока, Хейнсворт обрывает его.

Хейнсворт. Что?.. Да-да... конечно... Ну, давайте-ка займемся сейчас всем этим. (*Секретарю.*) Роджер, вы записываете?.. Итак, для на-

чала попробуем поместить фото Лоунсома на обложке «Лайфа». (Секретарю.) Напомните мне, что нужно пригласить Генри на завтрак...

Быстрая смена кадров, рассказывающих, как Лоунсома превращают в «национальное достояние».

...Обложка журнала «Лайф». Крупно — портрет и подпись под ним: «Лоунсом Родс и легенда о мудром простаке».

...Журнал «Лук». Фото и крупная подпись: «Лоунсом Родс — министр без портфеля (но с гитарой)».

...Страница в журнале «Ньюс-Уик». Крупный заголовок: «В прошлом году — Крокетт! В этом году — Родс!»

...Рекламный фургон журнала «Джорнэл Америкэн». На борту надпись «Счастливейшие годы моей жизни. Лоунсом рассказывает о папе и маме».

Мейси и другие сотрудники агентства осматривают куклу, изображающую Лоунсома Родса.

Кукла издает звук, напоминающий «ха-ха-ха», и перебирает струны гитары. И Мейси, и его помощники, и одна из секретарш молча склонились над куклой с таким видом, словно они слушают фугу Баха.

Мейси. Вам не кажется, что второе «ха» должно звучать по крайней мере на два тона ниже?!

Помощник. Это существенное замечание.

Мейси (секретарше). Запишите это, пожалуйста, мисс!

Снова мелькают кадры.

...Несколько огромных воздушных шаров, изображающих Лоунсома Родса.

...Комиксы, посвященные Лоунсому.

...Лоунсом Родс спускает на воду авианосец.

Беседка.

Председательница женского клуба любителей-садоводов, держа в руках ирис, проникновенно говорит, обращаясь к Лоунсому.

Председательница клуба. С чувством глубочайшей гордости я посвящаю вам новейший гибрид, выведенный в нашей лаборатории садоводства. Этот ирис мы, девушки, назвали «Ирис Лоунсома Родса».

Лоунсом (взяв цветок). Ну, знаете, девушки!.. Вы, пожалуй, заставите меня слишком загордиться!..

Торжественная церемония у подножия горы.

Масса народу. Кто-то произносит речь.

О р а т о р. От имени нашей великой нации я имею честь объявить, что отныне и во веки веков это чудесное творение природы будет называться горой Лоунсома Родса.

Снимают покрывало, накинутое на небольшой круглый бронзовый ба-
рельеф, вделанный в скалу.

Лоунсом глубоко растроган.

Идет телевизионная передача «Вы пережили это». Она посвящена Лоунсому. Диктор, ведущий программу, захлебывается от избытка чувств.

Д и к т о р. И в те трудные времена, Лоунсом, у вас был друг... Сегодня мы на самолете доставили его в Нью-Йорк, чтобы он помог вам вспомнить горести и радости минувших дней. Потому что, Лоунсом Родс, вы пережили все это!

Сначала за кадром слышится голос.

Г о л о с Б и н и. Эй, Лоунсом!

И почти тут же перед камерой появляется Бини. Горячие объятия.

Л о у н с о м. Хэлло, старый черт! Где ты пропадал?!

В кадре крупно — «Ведущий клакер» неистово хлопает. Зрители вопят от восторга.

Критически осмотрев Бини, Лоунсом вынимает из кармана большую пачку денег.

Л о у н с о м. Купи себе приличную одежду. Довольно уж тебе ходить пугалом!..

Восторженные вопли зрителей заглушают все остальные звуки. «Ведущий клакер» жестом останавливает их. Зал затихает.

Идет очередная телепередача. Ее ведет Лоунсом. С какой-то благотворительной целью он собирает пожертвования.

Две хорошенькие телеграфистки сидят у прямого провода. Они едва успевают принимать телеграммы о поступивших пожертвованиях. Другие девушки по телефону принимают сообщения о пожертвованиях.

Весь этот поток информации передают Лоунсому. Прочтя сообщение, он швыряет бумажку в огромную корзину.

Л о у н с о м (ч и т а е т). Получено двести долларов. Получено пятьдесят долларов. Получено две тысячи долларов.

Замолкает. Читает про себя. Меняя тон, весело, с сияющим видом обращается к зрителям.

Л о у н с о м. А теперь я хочу, чтобы вы послушали вот это: «Дорогой Лоунсом, ребята нашего отделения, в госпитале для ветеранов, собрали девять долларов семьдесят пять центов».

Он восторженно машет телеграммой.

Лоунсом. А вы еще спрашиваете, как я могу не спать по семнадцать часов в сутки!.. Скажу, друзья, вам — это действует на меня лучше всякого сна!

Зрительный зал в телевизионном театре.

Крупно — «Ведущий клакер». Он бешено аплодирует. Зрители в истерическом состоянии.

На сцене трясущийся, парализованный ребенок в кресле-каталке. Лоунсом целует ребенка.

Лоунсом. Разве я тебе не говорил, малыш?.. Разве не говорил...

Ребенок трясется.

Отель «Шерри Тауерс».

Управляющий. В качестве управляющего отелем «Шерри Тауерс» я имею честь вручить вам золотой ключ к двум верхним этажам лучшего отеля Нью-Йорка.

Вспышка лампочек фоторепортеров. Бесчисленные рукопожатия. Лоунсома окружают репортеры. Они толкают его со всех сторон. У него измученный вид.

Контора Лоунсома. Роскошно обставленные комнаты.

Кабинет Марции. На столе две куклы, изображающие Лоунсома Родса. На стене портрет Лоунсома, сильно идеализированного художником.

Кроме Марции за тем же столом Мел. Они работают над созданием комиксов, посвященных Лоунсому Родсу.

Входит Лоунсом. С измученным видом он буквально валится на диван. Мел. Я не считаю, что язык этих комиксов так уж безграмотен.

Лоунсом. О-ох!.. Дайте хоть дух перевести! Единственное место в этом притоне, где ничего не красят, не белят и не обивают.

Тяжело, многозначительно вздыхает.

Лоунсом. А тут еще генерал хочет, чтобы я полетел на Формозу. (Передразнивая.) «Не найдется ли у Лоунсома Родса трех дней, чтобы отправиться на Формозу?»

Марция. Какое отношение к тебе имеет Формоза или ты к Формозе?

Лоунсом. Да он хочет, чтобы я встретился с тамошним правителем. Это старый приятель генерала.

Мел. А что вы знаете о Формозе?..

Лоунсом. Э-э, генерал по дороге успеет напичкать меня всем этим!

Мел. Он, конечно, напичкает!

Нервный, измученный Лоунсом не выдерживает. Эло огрызается.

Лоунсом. Заткнись, Вандербилт сорок четвертого!

Не отвечая, Мел выходит из комнаты. Марция встает из-за стола и, подойдя к дивану, ласково уговаривает.

Марция. Ларри, не берись за то, чего не знаешь. Парень, которого я встретила в тюрьме, говорил, что он думал... он тогда думал, Ларри...

Входит рассыльная. Это интересная, хорошо знающая жизнь девица.

Рассыльная. Они готовы и ждут вас, мистер Родс...

Украдкой Лоунсом и рассыльная обмениваются понимающим взглядом. Девушка выходит. Устало поднимается с дивана Лоунсом.

Марция. Мы обедаем вместе?

Лоунсом. Один крупный журналист тащит меня в клуб «Двадцать один». Там около шести часов у меня интервью... Если я вовремя разделяюсь с этим, позвоню тебе и...

Но договорить ему Марция не дает. Она прерывает его и со сдержанной страстью почти молит:

— Послушай... не лги мне. Я знаю, мы не помолвлены... ты вовсе не обязан каждый вечер брать меня с собой... Но только не лги мне!

Чувствуя, что его поймали, Лоунсом все же пытается вывернуться.

Лоунсом. Я не лгу тебе... нет-нет... правда, я не лгу!

Марция. Хорошо...

Лоунсом (*уходя*). Марци, не знаю, что бы я делал без тебя!

Марция (*просто*). В один прекрасный день узнаешь...

Пораженный Лоунсом останавливается. Оборачивается. Какое-то мгновение он кажется уязвленным... Но потом обращает все это в шутку. Весело подмигнув, уходит.

Задумчиво смотрит ему вслед Марция.

Минуту спустя в комнату возвращается Мел.

Мел. Я забыл здесь свои очки.

Берет их с ее письменного стола.

Мел. У Фрейда это называется предлогом для возвращения. В данном случае Фрейд прав... Мы не пообедаем вместе?

Марция. Я подумаю... и попозже скажу вам.

Мел. Вы будете ждать, не вспомнит ли он все же о вас в последнюю минуту и не пригласит ли?..

Марция. Я бы предпочла не говорить об этом... Спасибо, Мел.

Мел. За что?

Марция. За то, что вы так добры ко мне.
Мел. Перестаньте называть меня добрым!
Уходит. Марция снова склоняется над рукописью.

Ночь. Спальня Марции.

В постели спит Марция. На столике у кровати стоит, почти нетронутый, поднос с ужином.

Раздается телефонный звонок. Марция сразу просыпается и берет трубку.

Марция. Алло... Ларри?... Ларри, а сколько времени?

Ночь. Спальня Лоунсома Родса. Квартира Родса помещается над его конторой. Отделана она также роскошно, в стиле модерн.

С балкона открывается вид на Центральный парк. Лоунсом — в шелковом халате, с вышитой на груди монограммой. В руках у него телефонная трубка на длинном шнуре, позволяющем, разговаривая, передвигаться по всем комнатам.

Вслед за Лоунсом камера ведет нас в огромную гостиную. Здесь недавно происходило любовное свидание. На столе и сейчас стоят пустые бутылки и стаканы, валяются окурки со следами губной помады.

Слегка подвыпивший Лоунсом говорит по телефону.

Лоунсом. Марци, Марци, послушай! Ты должна приехать!.. Мне не надо было слушать советов Джоя и поселиться здесь, над конторой... Двадцать пять комнат — и я в них один! Я чувствую себя как... как... потерпевший кораблекрушение на необитаемом острове.

Спальня Марции.

Марция. Ларри!.. Знаю я этот остров. На нем полно всяких девиц.

Гостиная в квартире Лоунсома Родса.

Неожиданно из большого, в современном стиле кресла поднимается рассыльная, которую мы уже видели. Заспанная, ничего не понимая, она озирается по сторонам.

Рассыльная. Лоунсом...

Тот пугается. Поспешно прикрывает рукой трубку.

Лоунсом. Ш-ш, ш-ш!

Совет Бини, который всегда у него под рукой.

Лоунсом. Достань ей такси. (В телефон.) Это я разговаривал с Бини.

Бини провожает девушку. Та останавливается, вяло целует Лоунсома.

Рассыльная. Поскорее позвони мне, моя куколка.

Лоунсом делает ей знак, чтобы она скорее уходила. С оскорбленным видом та уходит.

Как ни в чем не бывало, Лоунсом продолжает убеждать Марцию.

Лоунсом. Алло, Марци! Ты должна приехать... Этого нельзя откладывать до утра... Марци, дорогая, поверь, для меня это вопрос жизни или смерти... Послушай, если ты не приедешь, я брошусь с балкона в парк. А у меня ведь здесь и озеро неподалеку!

Ночь.

Квартира Лоунсома. Гостиная. В комнату входит Марция. Заметив беспорядок, останавливается. Она догадалась, что здесь происходило свидание.

На балконе, по-прежнему в халате, Лоунсом.

Лоунсом. Я здесь, Марци...

Увидев, что Марция не двигается, что она колеблется, входит ли ей, и понимая, что она обо всем догадалась, Лоунсом пускает в ход свой испытанный трюк.

Лоунсом. Послушай, у меня сегодня вечером была девушка. Ну да, была! Зачем я буду лгать тебе?! Я сам не знаю, что со мной... Я места себе не нахожу... Я не могу выносить одиночества... А после... этого... я еще более одинок... вдвое больше, чем раньше... Я имею в виду... Я хочу сказать... Иди ко мне.

Все еще внутренне колеблясь, но уже почти покоренная, Марция неуверенно направляется к нему...

Та же ночь.

Балкон в квартире Лоунсома. На балконе Марция и Лоунсом.

Лоунсом. Марци, погляди на все эти телевизионные антенны. Их целый лес. Они торчат кругом, как ветки на дереве. До самого Сан-Дьего! И все они ждут, что я скажу!..

Марция. Ты разбудил меня среди ночи только затем, чтобы сказать это?

Лоунсом (горячо). Марция, я хочу сказать... Все эти миллионы людей... которые верят в меня и делают, что я им скажу... Мне страшно, Марци... Ей-богу!.. И потом генерал и все эти тузы, которые пытаются меня учить...

Марция. Учить тебя?.. Или использовать тебя?..

Лоунсом (резко, со страстью). Вот-вот... В этом-то и дело!.. Генерал говорит, что я нужен стране!.. Подумай, как все это ужасно запугано. Они считают, что я — это сила! Я так глубоко во всем этом завяз, Марци, в тысячу раз глубже, чем мог даже подумать в Арканзасе. Я сплю теперь здесь, подальше от всех этих кондиционированных воздушных.

Показывает на угол балкона, где все напоминает об его прежней жизни бродяги из Арканзаса.

Лоунсом. Художнику-декоратору это не нравится. Но разве это не мой балкон?.. Может быть, перед телекамерой я начинаю вести себя так, словно собираюсь... проглотить за завтраком все западное полушарие... Но внутри, вот тут, в моей котельной... (*Бьет себя в грудь.*) Мне нужно, чтобы кто-то дал мне дружеский совет. Не такой, какие я получаю от Джоя... всегда о процентах да акциях, да фирмах!.. И не того сорта, что мне дают эти аристократы с Мэдисон авеню, которые, не успею я сморщиться, чтобы чихнуть, уже кричат: «Будьте здоровы!..» Нет, сейчас, когда я взбираюсь на самую вершину, мне нужна ты. Потому что ты поднимаешься вместе со мной, потому что в тебе одной мое спасение! Честное слово, Марци! Да, ты одна — мое спасение! Поверь мне, одна только ты... и... (*Неожиданно.*) Марци, выходи за меня замуж... Выходи за меня... Вот зачем я тебя звал!

Она не отвечает. Молчание длится долго. Не зная, что еще сделать, что сказать, Лоунсом также молчит. Он ковыряет землю в горшках с завядшей геранью. Наконец прерывает затянувшееся молчание.

Лоунсом. Знаешь, здесь ничто не выживает... Все убивает городская пыль.

Растерявшаяся от неожиданности Марция молчит. Затем, принимая его предложение, тихо говорит:

— Ларри, я уезжала из дому учиться... Пару лет проработала в конторе конгрессмена в Вашингтоне... Отпечаток, наложенный маленьким арканзасским городком, немного стерся с меня. Но я все же девушка из арканзасского городка Пикетта. Под этим белым воротничком скрыта первобытная самка — мать... Только не обижай меня!.. Не играй мной, не делай мне больно!..

Утро. Квартира Лоунсома. В комнате одна Марция. Она кончает завтрак и смотрит по телевизору утреннее выступление Лоунсома.

На экране телевизора Лоунсом. Его выступление по телевизору представляет резкий контраст с последующей сценой.

Лоунсом (*в телевизоре*). Такие браки, как бывало в старину, то есть старомодный брак, — это по мне! Брак, который никогда не стареет...

Продолжает почти речитативом, в сопровождении трио девушек в кринолинах, участвующих в этом слащавом номере.

Лоунсом. Знаете, люди добрые, некоторые из вас бросают свои старые машины, потому что блестящая новая модель привлекла ваш взгляд... Но, друзья мои, вы же не можете подходить к жене, этому маленькому ангелу, к своей помощнице, которой вы обещали любовь и нежную заботу, с такой же меркой, как к старой подержанной машине!.. Вот, например, возьмите моих папу и маму. Пятьдесят лет прожили они вме-

сте! В прошлом месяце была золотая свадьба. И до сих пор ходят, держась за руки. Поверите ли, до сих пор влюблены друг в друга! Скажу вам, друзья, пусть у вас будет и новый дом в стиле модерн и роскошный лимузин, но по-настоящему богатым вы будете лишь тогда, когда будете жить с женой так же, как жили в доброе старое время.

Вместе с трио девушек поет песенку «До конца наших дней». Внезапно обрывает пение.

Лоунсом. Вы помните, на днях я беседовал с вами о разводе и советовал тому из вас, друзья, кто задумал развестись, попытаться немного поразмыслить над другой стороной вопроса...

Входит Бини. В его внешнем облике произошла заметная перемена. Одет он кричаще. На нем модный костюм спортивного вида.

Бини. Тут одна леди хочет вас видеть, Марци!

Марци. Леди?

Бини. Ну, так сказать... она одета...

Марци. Я не хочу никого здесь видеть.

Бини. Ладно, я скажу, чтобы она сматывала удочки!

Передача тем временем идет своим чередом.

Лоунсом (на экране телевизора). Никогда не бросайте свою первую любовь, хотя бы потому, чтобы последнее слово осталось за вами... Вот вам совет дядюшки Лоунсома... Ну, а теперь я вам расскажу, что пять тысяч брачных пар передумали разводиться. Все они написали мне об этом... И больше всего меня тронуло письмо из моих родимых арканзасских мест... Из Пикетта, от миссис Вильмы Хайтауэр. Хайтауэры мои старые добрые друзья!.. Я просто не мог допустить, чтобы с ними такое случилось. Я заставил их прилететь сюда ко мне, чтобы все с ними обсудить.

Телевизионную камеру направляют на чету костлявых, далеко не романтического вида арканзасцев.

Лоунсом. Вильма, дорогая, иди сюда. Оскар, подойди ко мне!

Кружа Вильму в танце, Лоунсом подводит ее к Оскару. Говорит Оскару лукаво:

— Если ты не пожелаешь ее взять — возьму я!..

Чета танцует, стоя на месте. Лоунсом в такт покачивается.

Лоунсом. Совсем неплохо, а? Как деревенский парень, я скажу по-просту: Оскар и Вильма, желаю вам счастливо провести второй медовый месяц! Существует только одно место, которое я люблю больше, чем мой Арканзас, — это священная страна су-пру-жест-ва!

Чей-то женский голос насмешливо имитирует «ха-ха-ха» Лоунсома.

В дверях появляется неизвестная женщина. Она смотрит на Марцию, потом на экран. Ей лет под сорок. У нее довольно неопрятный вид. Возможно, что в свое время она и была недурна.

На экране Лоунсом продолжает разглагольствовать об очередной супружеской чете и ее втором медовом месяце.

Марция. Простите, вы...

Женщина. Я миссис Родс.

Марция (выпытывая). Э... э... Родственница мистера Родса? Не его ли мать?

Миссис Родс. Нет, его жена.

У Марции перехватывает дыхание. Взволнованная, она знаком показывает Бини, чтобы тот вышел.

Марция. Бини...

Бини уходит.

Миссис Родс направляется к Марции. По дороге она задерживается у телевизора, на экране которого Лоунсом распространяется о преимуществах «старомодного брака».

Миссис Родс. Вы не будете возражать, если я немножко пригласу этого нахала? (С головы до ног осматривает Марцию.) Так это вы новая милашка Лоунсома?.. Лоунсом мужчина пылкий! Ну что же, надеюсь, вам больше повезет, чем мне.

Лоунсом (по телевизору). Да, сэр, у нас в Ридdle мой дядя Эбернати любил говорить... можно иметь целый банк денег и разъезжать в золотой карете, но лучшая штука на свете это счастье в семье.

Миссис Родс. Ха-ха-ха.

Марция. Я хочу, чтобы вы правильно поняли... На самом деле я только сотрудница мистера Родса.

Миссис Родс. Да нет, вы кой-что побольше! Ваш выпускающий — двоюродный брат моего свояка. Он мне и сказал, где вас можно найти... Так что уж не выкручивайтесь, милая моя!

Марция. Я думаю, мистер Родс мог бы сделать мне одолжение и сам сказать об этом.

Миссис Родс. Мистер Родс никому и никогда не делает одолжений, милочка. Я могла бы написать о нем целую книгу!..

Марция. Вы для того и приехали, чтобы собрать о нем новый материал?

Миссис Родс. Да... я приехала собирать, но только не материалы. До тех пор пока вы не убедите Ларри, что он должен выдавать мне три тысячи в месяц, я не только не дам ему развода, но и устрою вам обоим веселенькую жизнь!.. У меня уж есть на примете парни из журнала «Контидншл», которые разнюхают все что угодно!..

Марция. Я не помолвлена с вашим мужем... Я хочу сказать, что я...

Миссис Родс. Ларри думает, что ему нужно попробовать каждую встреченную бабу. Но как только добьется своего, он называет ее шлюхой и бросает. Такая уже у него психа... как это там у вас называется?!.. Однажды я застала его и мою лучшую подругу! Так он свернул мне челюсть.

Марция. Теперь она у вас, кажется, в полном порядке...

Поднимается и ведет миссис Родс к двери.

Марция. Простите, но у меня сегодня очень занятое утро... До свидания, миссис Родс!

Миссис Родс. Скажите Ларри: три тысячи в месяц — и он ваш.

Она подходит к телевизору и включает звук как раз в тот момент, когда Лоунсом прощается с очередной примирившейся супружеской парой.

Лоунсом (в телевизор). А теперь, милые детки, всегда живите счастливо, а не то придет дядюшка Лоунсом и стукнет вас лбами.

Взяв гитару, играет заключительные такты песенки «Старомодный брак». Под эту музыку он провожает супругов со сцены.

Миссис Родс (с кислой миной). «Старомодный брак» — вот уж действительно «правдивая песня». Небось гвоздь сезона!

Уходит. Расстроенная Марция провожает ее глазами. Потом, обращаясь к изображению на экране, зло бросает:

— Заткнись, ты!..

День. Контора Лоунсома Родса.

Анфилада только что отремонтированных комнат. В сопровождении Джо де Пальма и Бини Лоунсом показывает генералу Хейнсворту комнаты, отделка которых только что закончилась. В нескольких шагах позади идет Марция. Она все еще находится под влиянием предыдущей сцены.

Осмотр уже почти закончен. Все собрались в огромном, разгороженном на две части зале для репетиций. Одна стена представляет сплошные окна, из которых открывается вид на небоскребы Нью-Йорка к югу от 58-й улицы. На соседней стене диорама, изображающая Пикетт в идеализированном виде. Все выдержано в «ультраплюшевом» стиле. Явно чувствуется, что это смесь последнего слова нео-арканзасского стиля и утонченного стиля Мэдисон авеню.

Идет репетиция какого-то киноэпизода. Репетируют босоногие певцы-баритоны. Они поют песенку «Мы простой люд».

Баритоны. «Дружеский привет... Мы простой люд, идем на воскресное чтение, чтобы Библию вместе читать, а потом воскресный со вкусом отведать обед. Мы простой люд».

Время от времени эта песня слышится на протяжении всего последующего эпизода.

Де Пальма. Это песня для одного нового сюжета. Лоунсом только что закончил ее.

Хейнсворт. Хороший мотив!.. Он легко запоминается.

Вмешивается Марция. Показывает на двух невзрачных парней, стоящих в стороне.

Марция. Ее написали вот эти два парня. Конечно, их имена нигде не указаны.

Генерал бросает на нее быстрый взгляд... Песня обрывается. Неожиданно раздается взрыв аплодисментов.

В кадре возле одной из стен аплодирующая автоматическая установка. Лоунсом незаметно проскользнул к ней и сейчас стоит у контрольного пульта, который чем-то напоминает верхнюю часть электрического органа. Нажимает на другой рычаг. Раздается взрыв еще более бурных аплодисментов, слышен рев толпы, свист...

Де Пальма. О генерал, мы хотим, чтобы вы взглянули на это.

Все направляются к машине.

Де Пальма (на ходу). Лоунсом сам сконструировал эту аплодирующую установку. Достаточно только нажать вот эти рычажки, и она будет смеяться...

Лоунсом включает рубильник. Раздается смех.

Де Пальма. И хихикать...

Лоунсом включает новый рубильник. Раздается хихиканье. Хвастаясь перед генералом, Бини с гордостью говорит:

— Вот какое чудище!!..

Хейнсворт. Это гениально!

Де Пальма. Мы собираемся выпустить их в продажу. И назовем «Аплодирующие автоматы Лоунсома Родса».

Марция. Механический смех, механические аплодисменты... К чему мы только идем?

Де Пальма. К тому, чтобы изготовить модель еще больших размеров. Вот к чему мы идем! Генерал, я пришлю вам говорящий автомат.

За кадром раздаются голоса баритонов, продолжающих репетировать «Мы простой люд». Их песня не смолкает больше до конца эпизода...

Неожиданно из левой стороны зала раздается голос Лоунсома.

Лоунсом. А ну-ка, генерал, взгляните!

Нажимает кнопку. Задняя стена большого репетиционного зала раздвигается, и перед нами новый кабинет Лоунсома. В нем стоит письменный стол в форме гитары. Позади стола огромный макет «гитары-мамы». Из-за макета струится свет, который и освещает комнату.

Лоунсом. Мой кабинет.

Под предводительством веселого ассистента режиссера здесь ждут аудиенции с десятков актеров.

Ассистент режиссера (заискивающе). Мистер Родс, эти актеры пришли на пробу для передачи «Лицо в толпе». Они ждут вашего приема... Помните, вы назначили на одиннадцать часов?

Лоунсом. Да-да!.. Но... займитесь-ка, дорогой, этим сами... Посмотрите на этот стол, генерал. Это же моя «гитара-мама». Вам нравится стол в форме гитары?..

Ассистент снова обращается к Лоунсому.

Ассистент режиссера. Мистер Родс! (Актерам.) Встаньте!

Подходит к группе сидящих актеров. Переходит от одного к другому, сообщая Лоунсому их амплуа.

Ассистент режиссера. Этот — на роль бывшего испанского гранда, это — тип бывшей хористки «Зигфельд Фоллиз»¹, это — тип исполнителя мамбо²; это — тип ипподромного «жука»³, это — отставного буетчика, а это — актера, исполнителя шекспировских ролей.

Проходя мимо одного особенно неказистого артиста, корчит гримасу.

Ассистент режиссера. Ну, а этот... не знаю... может быть, на роль гангстера. Помните, был такой в фильме «На водном фронте».

Лоунсом. Вам не кажется, что они немного смахивают на актеров-профессионалов?

Ассистент режиссера (неожиданно, испугавшись). Да-да, пожалуй. Но днем ко мне придет еще целая группа.

Лоунсом. Марци, лучше будет, если ты сама их еще раз проверишь.

Марция. Типажи для «Лица в толпе» из телевизионной гильдии актеров!

Генерал снова смотрит на Марцию испытующим взглядом. Выходит. Идет по длинному широкому коридору, минуя расположенные по обеим сторонам кабинеты. Все следуют за ним.

В конце коридора комнаты, отведенные под различные отделы. Все они с соответствующими надписями, соответствующим образом обставлены. Это — «Ассоциация содействия ближнему», «Летний лагерь Лоунсома Родса для детей-бедняков», «Компания Лоунсом Родс», «Инструмент компании» и т. д.

Хейнсворт (на ходу). Я сожалею, но придется закончить осмотр. У меня назначена встреча в «Юнион-клубе». Я завтракаю с сенатором Фуллером.

Вместе с де Пальма идет к лифту. Лоунсом задерживается и обращается к Марции.

Лоунсом. Марци, ты сегодня с утра напряжена, как часовая пружинка. В чем дело?

Марция. В следующий раз, когда будешь делать девушке предложение, сначала не забудь развестись.

Возле лифта.

К лифту подходят генерал и де Пальма.

Де Пальма. Мне бы хотелось, генерал, чтобы вы увидели всю нашу организацию в целом. Посмотрели бы наш склад подарков, которые непрерывно поступают в «Ассоциацию содействия ближнему».

¹ Известное в свое время американское варьете.

² Мамбо — танец.

³ На жаргоне играющих на скачках — человек, спекулирующий сведениями о лошадях.

На заднем плане мы видим носильщиков. Они несут новые подарки — кольчугу, птичку из Южной Азии, связку бананов, индзийский головной убор и т. д.

Де Пальма. Видите сколько?! И все это только за один день! Разборкой подарков у нас заняты двенадцать девушек.

Хейнсворт. Вы, должно быть, пригласили меня сюда по другому, более конкретному делу?

В кадре снова Лоунсом и Марция.

Лоунсом. Марци, послушай!.. Бини мне все рассказал. Но дело обстоит не так уж плохо, как ты полагаешь. Я развелся в Мехико пару лет назад. Но судью, который нас разводил, обвинили в жульнических проделках, и моя бывшая жена утверждает...

К ним подходит секретарь. Он замолкает.

Секретарь. Вот последние сводки.

Лоунсом (на минуту забыв обо всем на свете). Бог ты мой!.. Родс 41,9, оппозиция — 19,5. Этому парню остается только выброситься из окна...

Понимая, что Марция с нетерпением ждет продолжения его объяснений, Лоунсом возвращается к прерванному разговору.

Лоунсом. Ну, так вот... моя бывшая жена утверждает, что и развод наш тоже был жульническим. Но у меня есть хороший адвокат в Хуаресе. Он говорит, что если я туда приеду, то он поможет мне с ней развязаться в двадцать четыре часа.

Марция. Ларри, не играй со мной! Не думай, что я одна из твоих девиц.

Лоунсом. Марци, я готов поклясться на десятке библий... И в следующий раз, когда ты будешь со мной разговаривать, я уже буду в Хуаресе. Мы с де Пальма...

Неожиданно в их разговор врывается голос Джоя де Пальма, который все еще стоит с генералом возле лифта.

Голос де Пальма (громким шепотом). Лоунсом, а генералу понравилась наша идея перетянуть его от «Браунинга, Шлегеля и Макнелли».

Оставив Марцию, Лоунсом бросается к генералу и де Пальма. Марция стоит не двигаясь. Она потрясена.

У лифта.

Де Пальма (захлебываясь). С вашими двенадцатью миллионами в банке и нашим талантом мы можем создать свое собственное рекламное агентство... Кому тогда будут нужны «Браунинг, Шлегель и Макнелли» с их мистером Мейси?.. А уж для вас мы постараемся!..

Хейнсворт. Напишите мне докладную записку. Мне нравится эта идея.

Отводит в сторону подошедшего Лоунсома.

Хейнсворт. Сынок, я знаю, что не должен вмешиваться в чужие дела... но все, что касается вас... в какой-то степени касается всей общест-венности... Ваш капитал — это ваша энергия, жизнерадостность, довер-чивость. Плохая, неподходящая женщина — как река... она подмывает и подмывает берег, пока он не рухнет.

Спускается лифт.

Генерал бросает быстрый взгляд на Марцию. Та стоит на таком рас-стоянии, что ничего не может услышать.

Хейнсворт. Моя вторая жена была очаровательная, даже блестя-щая женщина! И мне понадобилось двадцать лет, прежде чем я понял, что вместо сердца у нее в груди камень.

Поворачивается и любезно раскланивается со всеми, в том числе с де Пальма и Марцией.

Хейнсворт. До свидания, джентльмены! До свидания, мисс Джеф-фрис.

Когда он входит в лифт и за ним захлопывается дверца, де Пальма подпрыгивает.

Де Пальма. Заполучили!.. Заполучили!.. Заполучили его деньги! Это настоящий переворот. Через два года «Браунинг, Шлегель и Мак-нелли» будут у нас на жалованье.

Марция. Так, значит, Ларри, он за этим сюда приезжал?

Как бы изучая, Лоунсом критически оглядывает Марцию.

Де Пальма (Марции). Если бы все шло по-вашему, он бы высту-пал раз в год по обещанию! Но Лоунсом Родс принадлежит Америке!.. Он олицетворяет...

Марция. Хватит, Джой! Надеюсь, вы помните, кто я?.. Я знала его еще тогда, прежде... И он мне нравился, тоже тогда, прежде. Он был одержим дьяволом. Но это был его собственный дьявол!

Де Пальма. А как же насчет благотворительных заведений? «Со-действие ближнему», «Летний лагерь Лоунсома Родса для детей бедняков»?

Марция. Все это теперь только рекламные фокусы!

Де Пальма. Чего вы добиваетесь?.. Что вы все выдумываете?

Лоунсом. Будь справедлива, Марция.

Де Пальма (выходя из себя, орет). Боже мой! Чего волноваться? Нет, чего волноваться?.. Чего тут спорить? Всякому ясно, что она настоя-щая пивка.

Неожиданно Марция дает Джой увесистую пощечину. На мгновение пораженный, тот застывает на месте. Холодно смотрит на нее и злобно улыбается, как бы обещая с ней рассчитаться, угрожая чем-то, о чем он не хочет сейчас говорить. Затем поворачивается к ней спиной и спокойно обращается к Лоунсому.

Де Пальма. Пора ехать. У нас напряженная программа. Машина ждет внизу. Я специально заказал самолет, чтобы лететь в Пикетт.

Марция. Простите меня, Джой!

Де Пальма (холодно кивает). Я только вчера вечером договорился по телефону. Мы будем в жюри Арканзасского конкурса гимнасток с булавами... К тому же я продал выступление для теле- и радиопередачи, которая будет вестись прямо со спортивного поля пикеттской школы... Мел, наверное, уже сочинил вступление. Герой возвращается туда, где он сделал первые робкие шаги своей карьеры.

Марция. Простите меня, Джой.

Де Пальма (не замечая ее). Пошевеливайся, старина... Я обещал, что ты прилетишь в два часа и возглавишь церемонию открытия.

Берет Лоунсома под руку и тянет его к двери. Следом за ними идет Марция.

Марция. А как же быть с медалью Национального братства? Тебе же должны вручать ее завтра вечером!

Де Пальма (через плечо). Вы получите вместо него... Вы или Мел... Скажите им, что он всех их любит, как братьев... что его сердце... о, впрочем, вы знаете свою роль!

Лоунсом. Марция?

Де Пальма (тянет его). Пошли, пошли. (Уходит.)

Марция (упавшим голосом). Да, я знаю свою роль.

Внезапно Лоунсом оборачивается к ней.

Лоунсом (просто). Марци, не думай, что я забыл... Без тебя я остался бы бродягой!

Марция. А со мной?

Уязвленный, он уходит вслед за нетерпеливо ожидающим его де Пальма. Прикусив губу, Марция несколько мгновений смотрит им вслед. Потом направляется в сценарный отдел.

Комната сценаристов.

Эта комната значительно меньше и гораздо более скромно обставлена, чем те, которые мы уже видели. По стенам развешаны плакаты с афоризмами: «Адаптирование классиков в присутствии заказчика. Принимаем также в стирку грязное белье». «Побег из свободы». «Уходя из комнаты, не забудьте стряхнуть с волос солому».

В комнате около подюжины сценаристов, погруженных в «синтетическое» творчество.

Среди них мы видим и Мела.

Два автора упражняются в меткости. Мишенью им служит портрет Лоунсома. Чучело Лоунсома Родса болтается в петле на самодельной игрушечной виселице.

Мел (заглядывает в работу соседа). Ужасно! Просто уж-жасно!

Автор пожимает плечами и продолжает печатать. Входит Марция.

Мел. Добро пожаловать в нашу труппу!

Марция. Это единственное место, которое не показывали генералу.

Мел. Естественно! Здесь находится лепрозорий великой телевизионной индустрии. Его населяют безликие люди. Даже денежные чеки нам подсовывают под дверь. Так удобнее сделать вид, что мы вообще не существуем.

Другой автор (*выглядывая в окно, с тоской*). Знаете, в один прекрасный день я выберусь из этой ямы по лестнице из долларовых бумажек и поставлю свой собственный спектакль. И туда уж эту деревенщину, этого проповедника я близко не подпущу.

Начинает бешено стучать на машинке. Все сценаристы хором, презрительно подражают хохоту Лоунсома:

— Ха-ха-ха.

Марция (*подзадоривая их*). Но подумайте, как радостно сознавать, что ты пусть маленький, но все же винтик в великом человеческом механизме, имя которому Лоунсом Родс!

Сценаристы (*хором*). Ха! Ха! Ха!

Мел. Эй, послушайте ее!.. Похоже, что она переходит на нашу сторону.

Марция (*неожиданно, в упор, Мелу*). Почему вы не уходите отсюда?

Мел. А почему вы не уходите?

Марция. Я слишком крепко с ним связана.

Мел. Женская логика.

Она смущена, избегает его взгляда.

Марция. Вступление для него написали?

Мел (*перелистывает один из экземпляров*). Парень из нашего города делает не только добро, но и все остальное...

Марция. Такой мягкотелый мужчина, как вы, — и так злы!

Мел. А вы разве не знали, что все мягкотелые мужчины злы. Они ненавидят себя за свою мягкотелость и ненавидят этих крикливых фанфаронов, привлекающих своим неистовством симпатичных девушек, которых следовало бы быть поосторожнее.

Находит написанное им вступление и начинает читать, делая в определенных местах знак рукой, как «Ведущий клакер» в телестудии, чтобы Марция аплодировала.

Мел (*читает*). Сегодня во время передачи «Лицо в толпе» вы отправитесь в трогательное путешествие вместе с Лоунсом Родсом, нашим старым бродягой из Арканзаса, который возвращается на родину в свой маленький немощенный, грязный городишко, типичный городишко хлопковой полосы...

День.

Школьный стадион в Пикетте.

Диктор заканчивает речь. Перед нами проходит маршем большой оркестр, в головной части которого идут два или три ряда гимнасток с булавами в костюмах тамбур-мажоров.

Диктор. Простой деревенский парень, любимец всей Америки, вернулся сегодня туда, где он делал свои первые робкие шаги. Вернулся к простому люду, который первым увидел и полюбил его. Он приехал, чтобы из нескольких сотен участниц конкурса выбрать новое «Лицо в толпе». Эта счастливица будет объявлена—«Мисс Арканзас тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года»... Но вот и он сам!

Лоунсом (хватая микрофон). Вы только взгляните на них! Девушки, выкормленные кукурузой! Сердце Америки! Соль земли!

Крупно — большой барабан. На нем слова: «Добро пожаловать домой, Лоунсом!»

Отъезд камеры. Тот же самый барабан, оркестр и гимнастки в блестящих парадных костюмах, выстроившиеся на школьном стадионе для встречи Лоунсома. Они застывают по стойке «смирно», затем перестраивают ряды, образуя слова «Мы любим Лоунсома».

Лоунсом (к Бини). Посмотри-ка, Бини!.. (К толпе в микрофон.) Не стоило затевать такое хлопотливое дело, но, черт подери, мне это нравится!

Перед ним в ряд выстраиваются гимнастки с булавами.

Лоунсом. Привет всем!

Стадион отвечает ему приветственным криком:

—Привет, Лоунсом!

Все бросаются к нему, рвут на куски его одежду.

Тот же день.

Аппаратная телецентра в Нью-Йорке.

Марция и Мел на мониторе наблюдают за сценой возвращения Лоунсома в родной город.

Мел. Это опасно.

Марция. Что? Упражнение с булавами?

Мел. Нет. Власть! Нужно быть святым, чтобы устоять перед властью, которую дает тебе этот маленький ящик.

Школьный стадион.

Крупно — Бетти Лу Флекум. Она игриво выступает вперед. Это очень пухленькая, очень молоденькая, очень задорная и весьма уверенная в себе девушка. Умело, со знанием дела она покачивает бедрами и вертит задом. Ее поведение никак не вяжется с незатейливыми словами приветственного стишка — песенки, которую она исполняет. Все подпевают ей.

В конце выступления Бетти подбрасывает свою булаву в воздух, ловко делая колесо и вовремя успевает поймать булаву. Толпа провожает ее одобрительными криками и свистом¹.

Трибуна для почетных гостей.

На трибуне Лоунсом, Бини, наиболее уважаемые граждане города.

Дж. Б. Джеффрис (Лоунсому). Ей всего семнадцать лет.

Лоунсом. Очень милая крошка.

Оборачивается и многозначительно подмигивает Бини.

Бини (шепотом). Тебе не кажется, что мы снова попали в каталажку и нам все это снится?

Лоунсом. Ш-ш! Веди себя прилично. На нас смотрит вся Америка.

Бини поспешно пытается принять торжественный вид.

Группа гимнасток.

Множество школьных «венер» выстраиваются перед трибуной для почетных гостей. Все они вызывающе выставляют напоказ свои прелести. Бетти Лу Флекум должна выделяться среди них.

Трибуна для почетных гостей.

Крупно — Лоунсом и Бини.

Бини (жадно рассматривает девушек). Да, в Америке есть на что посмотреть!

Выступает Дж. Б. Джеффрис. Его речь транслируется.

Джеффрис. Друзья, мое сердце слишком переполнено радостью, чтобы говорить! Могу лишь сказать, что я счастлив приветствовать в Пикетте тебя, великий артист, тебя, великий гуманист, тебя, великий американец, тебя, наш Лоунсом Родс!

Раздается гром аплодисментов, которые Лоунсом спокойно останавливает жестом руки.

Лоунсом (в микрофон). Братья арканзасцы и братья американцы, я знаю, что должен был бы начать с веселого рассказа о моих родичах из Риддла. Но в этот день я чувствую себя таким ничтожеством, видя собравшихся здесь прекрасных представительниц молодого поколения американских женщин...

Нью-Йорк.

День. Аппаратная телецентра. Марция и Мел смотрят на монитор.

Марция. О нет!.. Ничтожеством он себя не чувствует!

¹ В США свист — выражение одобрения, восторга.

Не спуская глаз с экрана, где Лоунсом по-прежнему «соловьем разливается», Мел насмешливым жестом, явно иронизируя, показывает, что работа у того не из легких.

Лоунсом (на экране телевизора). Могу похвастаться — когда-то, очень давно, я тоже жонглировал булавами! И клянусь — это подлинно американский вид искусства. Но, прежде чем эти прелестные девушки примутся за свое дело, я хотел бы вам показать, как чертовски трудно управлять этими булавами... Ну, так кто же, девушки, из вас доверит мне одну из этих серебряных «пушинок»?

Пикетт.

Трибуна для почетных гостей.

Кадр включает и девушек, выстроившихся перед трибуной. При последних словах Лоунсома по их рядам проносится смешок. Бетти Лу Флекум первая бросается вперед.

Она подбегает к трибуне, передает Лоунсому свою булаву и, не в силах совладать с собой, пылко чмокает его в лоб.

Бетти Лу. Мой дорогой поросенок!

Медленно отходит, покачивая бедрами.

Лоунсом. Нет, вы посмотрите! Ну чем не милашка!.. Хотел бы и я иметь такую походку!

Зрителей покоряет такая непосредственность, и они восторженно принимают каждую его выходку.

Обращаясь к оркестру, Лоунсом приказывает:

— Сыграйте-ка мне!

Оркестр в ритме марша играет «С утра я вольный человек».

Лоунсом смешно раскачивается, не сходя с места. Потом неуклюже начинает крутить булаву. Публика довольна.

Он подбрасывает булаву в воздух. Она тут же падает.

Лоунсом. Ох, извините!.. Видите, как это трудно?.. Нет, уж лучше я ее отдам тому, кто умеет с ней обращаться.

Довольный де Пальма подзадоривает Родса.

Де Пальма. Знаешь, ты становишься совсем другим человеком, когда с тобой нет этой пивки!

Лоунсом одной рукой обнимает де Пальма.

Лоунсом. Итак, продолжайте ваш конкурс!.. Желаю удачи... да поможет вам бог! И пусть победит сильнейшая!

Отойдя от де Пальма, протягивает булаву Бетти Лу.

Взяв булаву, девушка ловко ею салютует ему и возвращается на свое место. К Лоунсому снова подходит де Пальма и передает ему пластинку.

Лоунсом. Ах да! (Публике.) Я привез пластинку с моей песенкой, которую только что сочинил. Думаю, ребята, вы с удовольствием покрутите под нее... Вот она: «Гитара-мама».

На стадионе раздается музыка рок-н-ролла, якобы сочиненная Лоунсомом.

Лоунсом. Первая претендентка! Сюзанна Маккинли из Биглстауна. А ну-ка, Сюзанчик, покажите класс!

Выйдя из шеренги девушек, Сюзанна Маккинли исполняет упражнение. Лоунсом отыскивает глазами Бетти Лу, которая ждет своей очереди. Бетти видит, что она произвела на Лоунсома впечатление.

По очереди девушки исполняют упражнения. Каждую из них Лоунсом представляет публике с прибаутками, в своем обычном, но значительно уже приглаженном деревенском стиле.

Лоунсом. А сейчас выступает мисс Бетти Лу Флекум. А ну-ка, мисс Флекум, покажите класс!

Крупно—Бетти Лу.

Оркестр играет «Танец огня». Зрелище действительно красиво. С акробатической ловкостью Бетти Лу крутит булавы, на концах которых горят зажженные факелы.

...Крупно — крутящиеся булавы с факелами.

Трибуна для почетных гостей.

Лоунсом (в микрофон). Леди и джентльмены, братья хлопкоробы и остальная шатия-братия!.. Считаю очки и так и этак... Впрочем, я просто похвастался... я и считать-то толком не умею... Вертел я все и так и сяк, и выходит, что по единодушному, то есть по-моему, решению победительницей конкурса надо признать мисс Бетти Лу. «Мисс Арканзас 1957 года!»

Перед трибуной для почетных гостей.

В кадре участницы конкурса.

Среди участниц конкурса настоящий бедлам. Бетти Лу визжит от восторга. Три девушки, не выдержав, раздражаются рыданиями. Какая-то из женщин, типа актрисы на роль матерей, утешает одну из неудачниц, одетую в скромную гимнастическую форму. Девушка раздраженно говорит женщине.

Неудачница. Это все из-за тебя, мама! Если бы ты позволила мне надеть купальный костюм, а не эту юбку...

...Вокруг Бетти Лу Флекум толпятся доброжелатели, любители популярности, представители прессы. Но Бетти, ни на кого не обращая внимания, расталкивает всех, пробираясь к Лоунсому. И когда наконец оказывается с ним рядом, бросается к нему на шею.

Бетти Лу. О, я так взволнована!.. Так счастлива!

Словно в экстазе, рыдает в его объятиях.

Лоунсом. Ну, полно, полно... ты это заслужила, крошка!

Бетти Лу. И только подумать, что именно меня вы выбрали! Вы же мой кумир, честное слово! Я приклеила ваш портрет на потолок, над своей кроватью, и, как только утром просыпаюсь, прежде всего вижу вас Ну, а теперь вы будете мне отцом!

Лоунсом. Ну что ты, сердечко ты мое!

Иронически улыбаясь, Бини высовывается из-за плеча Бетти.

Бини. Ну, как самочувствие, папаша?

Здесь стоит и Джой де Пальма. С видом человека, знающего жизнь, он явно наслаждается этой сценой.

Бар в телецентре. За столиками тут и там группками сидят знаменитости.

В дальнем конце зала за одним из столиков — Марция и Мел.

Входит Мейси. У него самодовольный вид. К нему сразу же обращаются несколько человек.

Фей Эмерсон. Сильное зрелище, папаша!

Мейси. Да, получилось недурно.

Беннет Серф. Эй, Мейс, твоё представление просто колоссально!

Мейси. Думаю, действительно что-то в этом роде.

Бетти Фернесс. Мейс, очень здорово вышла эта сцена с булавами.

Мейси. Спасибо, Бетти! Как сказал Лоунсом — это новый вид американского искусства.

Подходит к Мелу и Марции, которые внимательно наблюдают за происходящим. Все это их явно забавляет.

Мейси (Марции). Постановочка — первый сорт, мисс Джеффрис! Наши акции пойдут вверх.

Направляясь к другому столику, приказывает бармену.

Мэйси. стакан чистой воды, пожалуйста.

Вынимает свой золотой портсигар с лекарством.

Марция. Бедный Мейси!

Мел. Он живет на диете из питроглицерина и акций компании «Трендкс». И это они называют жизнью! На самом же деле — это повестка на тот свет! (Бармену.) Еще два коктейля из вермута с джином, только на этот раз, Вальтер, не мешайте их.

Появляется юный курьер телецентра с телеграммой, которую он и отдает Марции.

Курьер. Только что получено, мисс. (Уходит.)

Марция. У этого заведения одна особенность. Здесь чувствуешь себя так, будто ты на службе.

Мел (с удовольствием потягивая коньяк). Не совсем.

Марция (заглянув в телеграмму). О, чудесно!.. Это от нашего деревенского парня. Его не будет сегодня. (Читает.) «Лечу в Хуарес. Постарайся достать вместо меня на завтра Артура Годфри. Скажи ему, при

случае я сделаю то же самое для него. Не сдавай крепость. Рассчитываю на тебя». Я так часто удерживаю эту крепость, что у меня уже мозоли на плечах.

Мел. А что такое в Хуаресе?

Марция. Бары... Адвокаты... Там быстро женятся... Быстро разводятся...

Мел. Ах вот оно что! (Пауза.) Вы покраснели?!

Марция. В этом повинен крепкий «Мартини».

Мел. Мне нужно было бы, как полагается джентльмену, пожелать вам счастья. Но я предпочитаю быть невежей и надеяться, что он поперхнется таблеткой «Вайтаджекса».

Быстро наклонившись к нему, Марция целует его в щеку.

Раннее утро.

Аэропорт Ла Гардия.

Самолет ДС-6 подруливает к месту высадки пассажиров.

На переднем плане Марция и Мел. Марция нарядно одета. Она возбуждена и радостно взволнована.

Вместе с ними — целая свита сотрудников телецентра. Среди них Мейси, Джим Колльер, один из вездесущих репортеров, коммерческий директор фирмы «Вайтаджекс», толпа поклонников Лоунсома.

Мел. Не хватает только мэра и Гайми. (Марции.) Вы очаровательно выглядите.

Но Марция почти не обращает внимания на Мела. Она напряженно следит за приоткрывающейся дверцей самолета.

Марция. Ларри! Ларри!

Бежит к самолету. Мел поворачивается и уходит. Контролер пытается остановить Марцию.

Марция. Послушайте! У меня есть пропуск. Я его...

Еще никогда Марция так не называла себя, и она с трудом, стесняясь, произносит это слово.

Марция. ...невеста.

Не обращая больше внимания на контролера, она бросается к самолету.

Крупно — самолет ДС-6.

Двенадцать юных пикетских гимнасток, размахивая мексиканскими шляпами и туристскими сувенирами, стайкой выпархивают из самолета на подставленный трап. Вспыхивают лампочки фотографов. Репортеры устремляются вперед. Навстречу им выходит де Пальма.

Репортер. Похоже, что он привез в Нью-Йорк всех участниц конкурса.

Де Пальма. Всего лишь двенадцать подружек новобрачной.

Репортер. Что?

Де Пальма (репортеру). Повнимательнее с этим материалом. Он пойдет на первую полосу.

Репортер. Да, конечно!

Из дверей самолета появляется Лоунсом Родс под руку с неугомонной Бетти Лу Флекум. На руках у Бетти две мексиканские собачки.

Фотокорреспондент. Что он сказал?.. Новобрачная?..

Лоунсом. Так и есть, ребята!.. Эта молодая леди только что оказала мне честь и стала миссис Родс. Мы повенчались в Хуаресе.

Репортеры и фотокорреспонденты бросаются к Бетти Лу Флекум, хватают ее, буквально стаскивают вниз и устанавливают возле трапа. Непрерывные вспышки. Свалка среди фотокорреспондентов, которые дерутся за более удобные для съемки места.

Лоунсом (к Бетти). Все в порядке, дорогая. Просто они хотят нас сфотографировать!

Голоса фотокорреспондентов. Эй, одну минуточку! Вот так!

— Вы влюбились с первого взгляда?

— Она будет выступать с вами по телевидению?

— Так, еще раз.

— Только побольше секса...

Кто-то задирает Бетти юбку.

Лоунсом. Эй, полегче там! Я ведь сам еще только заполучил ее.

К Бетти протискивается Эрл Уйлсон, готовясь увековечить эту сцену для потомства. В руках у него блокнот.

Эрл Уйлсон. Какой объем вашего бюста, миссис Родс? Талии? Размер ноги?

Не выдержав этого напора, Бетти вопит...

В кадре крупно — одна Марция.

...Сквозь толпу пробирается Марция...

Вдали от самолета стоит Мел. Не понимая, что происходит на посадочном поле, он останавливает двух репортеров.

Мел. Что там творится?

Репортер. Они удрали!

Мимо Мела, никого не замечая, проходит Марция.

Мел (зовет). Марция! Марция!

Не откликаясь, может быть, даже не услышав, Марция поспешно уходит.

Вице-президенты компании, управляющий финансовой частью, коммерческий директор, представители прессы толпятся вокруг Лоунсома. Все поздравляют его.

В кадре — рекламное объявление:

«Она — это живое воплощение «Вайтаджекса».
Так считает Лоунсом Родс»

Другая реклама:

«Самая популярная чета Америки повторяет свою свадьбу
для телезрителей»

Телевизионный театр. Зрительный зал переполнен.

Сцена изображает небольшую деревенскую церковь. На паперти по обе стороны от входных дверей выстроились двенадцать девушек из свадебного кортежа Бетти Лу. Сельский оркестр играет свадебный марш на мотив песенки Лоунсома «Старомодный брак».

Помощник режиссера подает знак, и гимнастки — подружки невесты — описывают своими булавами в воздухе полукруг, образуя арку.

В дверях церкви появляются Лоунсом и Бетти Лу. Бетти идет гимнастической, немного неестественной походкой.

В кадре крупно — Лоунсом и Бетти Лу.

Лоунсом. И вот, уважаемые, она перед вами — моя маленькая арканзасская изюминка, Бетти Лу. С той поры, когда я попал в бочку дедушки Баскома, полную кукурузной самогонки, и вылакал ее до самого дна, я еще ни разу не был так счастлив, как сейчас. Конечно, завтра утром я не буду уже больше вольным. Но если я и потерял свободу (*бросает многозначительный взгляд на Бетти*), то стало мне, во всяком случае, не намного хуже.

При этих словах Бетти целует Лоунсома и кричит.

Бетти. Мой дорогой поросеночек!..

Из зала несутся истерические крики и вопли девушек. Но сразу же воцаряется тишина, как только Лоунсом объявляет.

Лоунсом. А теперь хотите узнать, что меня прежде всего привлекло к ней?

Бетти сбрасывает с себя шлейф подвенечного платья.

Лоунсом. И что потом меня к ней привлекло?

Бетти сбрасывает гофрированный корсаж, под которым остается только очень открытый бюстгальтер.

Лоунсом. И что меня без конца к ней привлекает?

Бетти сбрасывает с себя длинную юбку и предстает перед публикой в одном бюстгальтере и трусиках, плотно облегающих ее фигуру.

Лоунсом. Леди и джентльмены! Теперь миссис Лоунсом Родс станцует перед вами свой потрясающий танец с вращающимися огненными булавами. Танцевать она будет под музыку скерцо из Седьмой симфонии Людвига ван Бетховена.

Гаснет свет. Раздаются аплодисменты. Бетти Лу начинает жонглировать огненными булавами, Лоунсом убегает со сцены.

За кулисами телевизионного театра.

Со сцены стремительно выбегает Лоунсом. К нему подходит Мейси. У него очень расстроенный вид. Лоунсом поднимает с пола двух мексиканских собачек.

На экране телевизора видна Бетти со своим фейерверком.

Лоунсом (собачкам). Тико и Пико, я готов съесть вас!

Мейси. Можно поговорить с вами одну минутку, мистер Родс?

Направляясь к своей артистической уборной, Лоунсом резко бросает: — Я вам уже сказал, что не желаю, чтобы в этой программе парни из вашего агентства путались у меня под ногами.

Взволнованный Мейси следует за ним.

Мейси. Но это ужасно важно, мистер Родс!.. Я работаю с «Браунингом, Шлегелем и Макнелли» уже семнадцать лет, и я полностью отвечаю за финансовые дела фирмы «Интернейшнл Драг». Мистер Родс, генерал только что сообщил мне, что он собирается порвать с нами. Этот молодой мистер де Пальма втерся к нему в доверие и...

Лоунсом. Мейси, Джой де Пальма для меня выполняет чертовскую работу... и все это находится в его ведении!

Мейси (запинаясь). Но вы же знаете, что такое бизнес... это же смерть, если акции падают или вы теряете клиента... Даже не по своей вине, а ведь виноват всегда бывает управляющий финансовой частью... Мистер Родс, если я потеряю вклады, они меня выгонят... а у меня сын учится в Принстоне, я...

За этим разговором с неодобрением наблюдают сидящие над сценой на осветительных мостках электрики.

Один из электриков. Хотел бы я показать этого «человеколюбца» в его подлинном виде.

Мейси. Мистер Родс!.. Вы видели мой кабинет. Угловой кабинет с четырьмя окнами... Вы знаете, сколько нужно проработать у «Браунинга, Шлегеля и Макнелли», чтобы получить угловой кабинет с...

Неожиданно Мейси хватается за сердце и падает на пол.

Лоунсом (оглядывается). Где Бини?.. Где мой верный Бини?.. (Замечает его.) Эй, Бини, вызови домашнего врача да смотри, чтобы они его быстренько отсюда убрали, а то сорвут еще программу.

Хмурится, увидев, что возле расprostертого на полу Мейси начинает собираться народ. Замечает Мела.

Лоунсом. Эй, Ромео, Вандербилт сорок четвертого, где Джульетта? Почему ее здесь нет?.. Почему она не занимается своим делом?..

Мел. Даже вы могли бы догадаться...

Лоунсом. Послушай, ты, четырехглазый лобастик! Найди телефон, позвони Марции, скажи ей, чтобы она ехала сюда и принималась за дело.

Дав волю своему бешенству, Мел почти рычит.

Мел. Сам ей скажи, самовлюбленный маньяк.

Лоунсом (пораженный его тоном). Что?..

Мел. Мне наплевать, что ты имеешь почти сорок восемь процентов акций «Трендкса»... что у тебя есть швейцар у дверей, который до смерти боится, что если он при твоём появлении не стукнется лбом о тротуар, как бы его не прогнали!.. Пусть на экранах телевизоров в восемнадцать миллионов домов торчит сейчас твоя наглая морда, а ты только и делаешь, что мелешь чепуху, и каждый спешит проглотить эту чушь вместо завтрака... Пусть сегодня Америка раскрывает тебе объятия, умолая: «Лоунсом, возьми меня, я твоя!»... Но так не будет всегда!..

Лоунсом. Ты уволен!

Мел. Уволен?! Я ухожу! Заявление у меня давно лежит в кармане. Достает заявление. Лоунсом вырывает у него бумагу, комкает ее и отбрасывает в сторону.

Лоунсом. На телевидении тебе больше не работать. Мы занесем тебя в черный список... Будешь обивать пороги от Гонолулу до чертова пекла. С презрением смотрит на него Мел.

Мел. Тоже мне благодетель!

С минуту Лоунсом стоит, словно пригвожденный. Его приводит в себя ассистент режиссера, который обращается к нему хриплым шепотом.

Ассистент режиссера. Мистер Родс, мистер Родс... Ваш выход.

День. Квартира Марции в Нью-Йорке.

Холодная, отчужденная Марция меряет шагами комнату. Лоунсом пытается оправдываться.

Лоунсом (выпаливает). Вот настоящая, голая правда!.. Я боялся на тебе жениться... Это правда!

Марция. В прошлый раз ты говорил, что боялся не жениться на мне.

Лоунсом. Тоже правда... И то и другое правда, Марция! Ты... ты внушаешь мне какой-то ужас. Ты... ты знаешь больше меня... и я вижу, как ты все время ко мне придираешься. Ты и этот наглый тип Мел. Скажи по правде, ведь ты осуждаешь меня?.. Разве не так?

Марция. Ты начинаешь делать то, над чем сам еще недавно издевался.

Лоунсом. Ты понимаешь, что я хочу сказать?.. Чем больше растет моя слава, тем больше ничтожеством стараешься ты представить меня в моих собственных глазах! Возьми Бетти. Крошка Бетти Лу Флекум вышла замуж за Лоунсома Родса и живет в этих десятках больших комнатах в Шерри Тауерс!.. И чувствует себя как золушка, попавшая во дворец!..

Марция. Ларри, не нужно ничего объяснять мне... Бетти—твой зритель, упакованный в аккуратненькую коробочку, перевязанную желтой лентой... Она — логическое завершение единственного в своем роде романа двадцатого века — романа Лоунсома Родса с его телезрителями.

Лоунсом. Я дорого бы дал, чтоб ты не была такой злой!..

Марция. Я не злая... Если я говорю так о «мисс Арканзас», это

вовсе не от злости... Что с нее взять?.. Она и в этой игре всего лишь зритель... Я-то ведь знаю, хот ты женился на ней, чтобы не жениться на мне!

Лоунсом (с сознанием собственной вины). Послушай, Марци... я помню, что всем обязан тебе... И я готов дать тебе хороший куш... ну, скажем, десять процентов моей доли. С этими деньгами тебе и пальцем шевелить не надо будет... Сможешь купить себе где-нибудь остров... Будешь посиживать да пересчитывать денежки, которые я тебе дам!..

Марция (с возмущением). Ты мне дашь!.. Нет, он мне даст!.. Ничего ты мне не дашь!.. Подожди, не сбрасывай меня со счетов, как ты сделал с беднягой Эйбом Стейнером! Идея передач «Лицо в толпе» — моя. Да и вся затея с Лоунсом Родсом — моя... Мне с самого начала следовало быть равным партнером! Но... теперь-то уж я буду равным партнером... По крайней мере я собираюсь получить, что мне причитается!..

Лоунсом. Это на тебя не похоже, Марци.

Марция. И я требую, чтобы это было официально сформлено!

Лоунсом. Хорошо, хорошо!.. Я скажу Джою, чтобы он оформил документы. Подойти-ка к зеркалу... ты увидишь там миллионершу Марци.

В кадре крупно — зеркало.

Марция вплотную подходит к зеркалу... Рассматривает свое лицо... сейчас суровое и напряженное.

Лоунсом. К тому же... существует и Вандербилт сорок четвертого...

Марция. Он уезжает в Мемфис... Мне кажется, он хочет забыть нас обоих.

Лоунсом. Думаю, он готов ждать тебя, пока экватор не замерзнет!

Марция. Он и ждал именно столько!

Шапка в газете «Вэрайети»:

«Третий год подряд Лоунсом возглавляет первую десятку
«Да здравствует король телевидения!»

Эти кадры идут под нарастающую дробь барабана, что должно подчеркнуть величие Лоунсома Родса, как «национального достояния»

Контора компании «Федеральная радиовещательная сеть».

За столом группа ответственных сотрудников компании и руководителей рекламных агентств. Они собрались сюда для торжественного акта — Лоунсом подписывает новый контракт.

Комнату озаряют ослепительные вспышки лампочек фоторепортеров.

Президент. Лоунсом, теперь вы еще на три года принадлежите «ФРС»!

Лоунсом. Может быть, я принадлежу вам, а может, и вы мне!

Новые вспышки. Довольный смех...

Крупно набранный заголовок в очередном номере газеты:

«Шутка» Лоунсома по поводу войны в Межпланетном пространстве вызывает прения в Сенате»

Кабинет Лоунсома... Пресс-конференция...

За своим столом в окружении восьми корреспондентов, забрасывающих его вопросами, торжественно восседает Лоунсом.

Первый репортер (*Джерри Стоун из газеты «Чикаго таймс»*).
Мистер Родс, каким образом вы собираетесь заниматься политикой?

Лоунсом. Ребята, я всего лишь эстрадный артист!..

Второй репортер (*Фландерс Данн из газеты «Лондон обсервер»*). Но все эти ваши забавные истории приобретают все более полемический характер?!..

Лоунсом. Ребята, но ведь вы же прекрасно знаете, что я всего лишь эстрадный артист!

Несмотря на такой скромный ответ, заметно, что он весьма и весьма польщен.

Третий репортер (*Нед Трмейн из журнала «Аутлук»*). Генерал Хейнсворт уже начал борьбу за президентское кресло для сенатора Фуллера. Не означает ли этот факт, что вы собираетесь...

Лоунсом (*смеется*). Что ж, могу вам сообщить, что бы ответил на это мой дядя Эбернати: «Чем раньше насадка проснется, тем больше она снесет яиц».

Цитируя изречение своего дяди, Лоунсом произносит слова с настоящим местным «деревенским» акцентом.

Четвертый репортер — Флорабел Кин из журнала «Голливудская замочная скважина». Это сварливого вида женщина лет пятидесяти, накрашенная и обвешанная недорогими украшениями. Она похожа на второсортную голливудскую кинозвезду.

Четвертый репортер. Мы все заметили, что в последний год миссис Родс больше не выступает в вашей программе. Означает ли это, что у вас пропал интерес к упражнениям с булавами — этому великому американскому искусству — или же, как склонны думать некоторые, к самой миссис Родс?

Корреспонденты смеются. Лоунсом выходит из себя. Указывая пальцем прямо на мисс Кин, он почти кричит.

Лоунсом. Вы ведьма!.. Тошная ведьма!.. Это последнее интервью, которое вы получили у меня!..

Стучит кулаком по столу. Поднимается.

Лоунсом. Хватит вопросов! У вас и так много материала...

И, выходя, сердито бросает своей «свите».

Лоунсом. Пошли, нечего зря время тратить.

Еще один газетный заголовок:

«Руководители Пентагона приглашают Лоунсома на конференцию по вопросам психологической войны»

При вспышке лампочек фоторепортеров мы видим Лоунсома Родса на конференции в Пентагоне в окружении генералов и адмиралов.

Генерал. Что вы, мистер Родс, скажете, ознакомившись со стоящей перед нами проблемой?

Лоунсом. Если говорить о моральном духе населения... так вот... моему дяде Эбернати пришлось в свое время здорово повозиться с родайландской породой красных кур... Так вот, джентльмены!.. Должен сказать вам, что это самая подлая и зловредная птица на свете... Мы решили эту проблему таким путем...

Экран телевизора.

Выступает Уинчелл.

Уинчелл. Я знаю, что они стараются сохранить это в тайне, но зачем же Лоунсому Родсу нужно ехать к генералу Хейнсворту и совещаться с ним?.. Ох уж этот генерал и этот Лоунсом!..

Последние слова сенсационного сообщения Уинчелла заглушаются все нарастающей дробью барабана.

Поместье Хейнсворта.

Просмотровый зал. Здесь много народу. Обняв одной рукой Лоунсома, генерал смотрит на экран и слушает заснятое на кинолентку выступление сенатора Фуллера.

Среди присутствующих и сам сенатор. С ним организатор агитации за него в проходящей предвыборной кампании, два процветающего вида финансиста, которые поддерживают его кандидатуру на выборах. Здесь спокойный, ладно скроенный человек с трубкой в зубах. Это Джон Пурвис, газетный издатель из родного города сенатора Фуллера и его сторонник. Он с давних времен поддерживает сенатора. В задних рядах сидят их жены.

Развалившись в кресле, Лоунсом с нескрываемым злорадством слушает бездарное выступление сенатора.

Все возрастающее поклонение телезрителей разительно изменило не только его общественное положение, но и облик Лоунсома. Он стал богатым, влиятельным человеком. Его безудержно растущая самовлюбленность приобрела некоторую утонченность, типичную для представителей Мэдисон авеню. Перед нами человек, твердо уверенный, что с его мнением должны согласиться, что не существует вопроса, который он не мог бы разрешить.

Несмотря на стремление сохранить внешность деревенского парня, у него по-модному коротко подстрижены височки, на ногах — дорогие туфли. Его вполне можно принять за того, кем он и является сейчас, — за короля могущественной кучки избранных, позволяющего себе, как принято на сцене, некоторые деревенские вольности.

На экране сенатор Фуллер произносит речь. Он каждую минуту запинаясь, то и дело заглядывает в заранее написанную речь. Все это портит впечатление, больше того — раздражает.

Фуллер похож скорее на адвоката довольно толкового и рассудительного, даже добросовестного, несмотря на известную уязвимость и ограниченность.

Сенатор (на экране). ...требует строжайшей проверки. Я не могу заставить себя поверить, что открытое разбазаривание богатств Америки... (Смотрит в текст.)

Бини, сидящий в зале возле сенатора, с наслаждением зеваает.

Сенатор. ...внутри страны и за границей ведет к прочному миру и процветанию. (Заглядывает в текст и внимательно читает, затем поднимает голову и неуверенно произносит заключительную фразу.) Спасибо вам всем. Добрый вечер.

В зале наступает неловкая тишина.

Хейнсворт (кричит). Свет!

Зал освещается.

Фуллер (смущенно). Я знаю, это не то, что хотел бы услышать американский народ... но думаю, что я лучше знаю, что для него полезнее!

Хейнсворт. Мы тоже так думаем... Поэтому-то все собравшиеся здесь и хотят, чтобы вы стали будущим президентом Соединенных Штатов. Но ваша задача — заставить избирателей полюбить вас, заставить их слушать вас. Сенатор, я вынужден говорить начистоту... Ваши выступления по телевидению... как бы это сказать... это полный провал... Вы не согласны, Лоунсом?

Лоунсом. Валяйте дальше... Кстати, Бини, я просил тебя проверить кривую роста голосов избирателей во время выступления сенатора в передаче «Лицо в толпе».

Бини. Зверский рост!.. Прошу прощения... Четыре и две десятых!

Лоунсом (с видом превосходства). Жмите дальше, ребята... Я вам попозже скажу, что я думаю.

Хейнсворт. Мы должны считаться с этим!.. Политика вступила в новую эпоху — эпоху телевидения. Вместо длинных публичных дискуссий народу нужны короткие, ударные, боевые лозунги. На этом он выигрывает время. За свой доллар он хочет получить побольше шумихи, и как можно больше суматохи в Вашингтоне. А для этого нужны сила и очарование!.. Да, и очарование!..

Все, обернувшись, смотрят на Фуллера. Тот улыбается, но его улыбка лишена всякого очарования.

Пурвис (*выбывая трубку*). Генерал!.. Мои газеты поддерживали Уортингтона Фуллера с первого дня его появления на политической арене. Он не позер. Он не умеет напоказ целовать младенцев и похлопывать людей по плечу. Он не...

Хейнсворт (*резко перебивает*). Вот этому-то как раз ему и надо научиться! Большинство граждан этой страны с ним не знакомы... Учтите, мы должны найти тридцать пять миллионов покупателей на товар, именуемый Уортингтоном Фуллером!

Пурвис. Мне кажется, вы недооцениваете то уважение..

Услышав это, Лоунсом открыто смеется. Говорит покровительственно.

Лоунсом. Уважение!.. А вы слышали когда-нибудь, чтобы кто-то покупал что-либо из уважения к товару, будь то пиво, крем для волос или материал?..

Неожиданно поднимается с места и, скрестив на груди руки, несколько мгновений молчит, как бы призывая: «Посмотрите на меня!»

Лоунсом. Вас должны любить!.. Понимаете, любить!..

Пурвис (*Лоунсому*). Может быть, я отстал от моды, но не кажется ли вам, что существует известная разница между политикой и... (*неуверенно*) э... э... той областью, в которой вы работаете?

Лоунсом. Чушь!

Пурвис (*вынимая трубку из рта*). Прошу прощения, сэр!

Лоунсом. Простите, если задел ваше самолюбие, но я повторяю: чушь! Политика — это люди!

Пурвис. Мистер Родс...

Лоунсом (*выпрямившись*). Генерал просил меня пораньше окончить репетицию и приехать сюда. Но если вы не хотите слушать мое мнение... Протягивает руку за своей шляпой.

Фуллер. Пожалуйста, продолжайте, мистер Родс.

Лоунсом присаживается рядом с сенатором и задушевым тоном, поучая его, как ребенка, говорит.

Лоунсом. Сенатор, я профессионал... И я следил за изображением на этом экране так же, как если бы это был исполнитель в моей постановке. И должен сказать, сэр, что такой исполнитель никогда не имел бы успеха у моих зрителей, у тех шестидесяти пяти миллионов, которые каждую неделю встречаются со мной у экранов телевизоров в своих гостиных. Ну, а если товар не годится, с моей точки зрения... вы сами понимаете, что это значит?!.. Раз он не годится для меня — значит, его не купят граждане этой страны для ответственной работы на Пенсильвания авеню.

Жестами Хейнсворт просит Фуллера извинить Лоунсома за грубую прямолинейность. Фуллер знаком отвечает генералу, что он все понимает и хочет выслушать Лоунсома до конца.

Стремительно повернувшись к Бини и показывая всем на него, Лоунсом продолжает:

— Вот, взгляните-ка на этого парня... Знаете, где я его откопал? Думаю, он на меня не обидится, если я скажу об этом. В тюрьме. Он глуп. У него мозги не работают. Весь его ум ушел в ноги. И я доверяю этим ногам, понятно?

Бини сидит с задранными на переднее сиденье ногами.

Лоунсом. Если он не смеется, если постановка ему не нравится, то я уже знаю — тут что-то не так, и зрители ее просто не примут... Вы меня понимаете? Так вот... Бини, что ты думаешь о личности, которую сейчас видел на экране?

Смушенно смотря на сенатора, Бини молчит.

Лоунсом. Не бойся... выкладывай все как есть!

Бини. Как вчерашнее пиво — ни запаха, ни вкуса.

Лоунсом (*торжествуя*). Видите, чего вам не хватает, сенатор? Так как же вы заставите этого человека, эту бродячую обезьяну голосовать за вас?

В кадре крупно — Фуллер и Бини. Они молча меряют друг друга глазами. Наконец Фуллер нарушает молчание.

Фуллер. Честно говоря... я не знаю...

Лоунсом. Тогда, может быть, я знаю?! Знаете, что вам нужно, чтобы поднять кривую роста голосов избирателей? Вам нужно, только, смотрите не упадите, стать совсем другим человеком!

Фуллер. Другим человеком?.. Да что вы... как же это возможно?

Лоунсом. Подождите минутку... Скажите, вы держите дома каких-нибудь животных?

Фуллер (*растерянно*). У нас с женой есть сиамский кот.

Лоунсом. Бини?..

Тот жестом показывает, что это совсем ему не интересно.

Лоунсом. Сиамские коты! Вы видите? (*Показывая на Бини.*) Он смотрит по сторонам, это его не интересует... Мои зрители любят собак. Одна стойка охотничьей собаки действует лучше, чем десять тысяч слов... Ведь барбос Рузвельту совсем не повредил, а? И Дику Никсону тоже?

Фуллер (*слабо улыбаясь*). Да, должен признать, что это правильно.

Лоунсом. У вас есть какое-нибудь любимое занятие?

Фуллер. Да. Филателия. Я хочу сказать, коллекционирование марок. Уже сам взглядом спрашивает одобрения у Бини.

Лоунсом. Еще чего!.. Этим уже занимался ФДР¹. Я имею в виду рыбную ловлю, охоту или что-нибудь в этом роде... Непонятно почему, но люди как-то не очень доверяют парню, который не умеет махать клошкой для гольфа или поймать на крючок форель. Это вам, наверное, известно?!.. А прозвище у вас есть? (*Импровизирует.*) И если уж этот Фуллер «Курчавый» нас и надувает, то разве лишь, когда делает прическу...

Фуллер. «Курчавый»!.. А ведь это довольно смешно!

¹ ФДР — Франклин Делано Рузвельт.

Лоунсом. Вот видите! Значит, и вы способны смеяться над своей лысиной. А теперь, чур, не обижаться, мы же на телевидении... Не поджимайте так плотно губы, а то вы становитесь на бабу похожи.. Лицо не должно быть напряженным, нужно уметь вовремя рассмеяться.

Сенатор понимающе хихикает. Лоунсом кажется ему несколько странным и необычным, но все в нем интересует его.

Лоунсом. Для вас все это звучит немного дико? А?

Фуллер. Нет, я понимаю, что это новый метод... и что мне нужно этому научиться. Потому-то я и приехал сюда!

Лоунсом. Вот это парень! (Смеется.) «Курчавый», положишься на меня. (Остальным.) Они у меня его полюбят! Ручаюсь, что полюбят...

Хейнсворт. Знаете, то же самое было и с «Вайтаджеском».

Де Пальма (небрежно, как бы между прочим). Он должен войти в состав кабинета...

Крупно — генерал Хейнсворт. Внезапно его осенила какая-то мысль...

Несколько часов спустя.

Тот же просмотровый зал. Полумрак.

В комнате только двое — Хейнсворт и Лоунсом. Генерал Хейнсворт в домашней куртке. Лоунсом без галстука, в расстегнутой рубашке. Они выпивают перед сном.

Глубоко погруженный в собственные мысли, Лоунсом не слушает, что говорит генерал.

Генерал. Лоунсом, во всей стране я не знаю человека, который мог бы так легко завоевать симпатии и доверие сенатора, как это сделали сегодня вы. Просто блестяще!

Поглощенный какой-то своей мыслью, Лоунсом неразборчиво бормочет. Не слушая генерала, нетерпеливо поднимает руку.

Лоунсом. Помолчите, пожалуйста... Я думаю...

Продолжает что-то бормотать.

Генерал. Лоунсом, послушайте меня, как своего приемного отца. У вас есть один недостаток. Вот эта ваша манера, когда вдруг вы теряете контроль над собой... Сегодня вечером, например, вы чуть не набросились на сенатора.. К тому же вы начинаете портить отношения с прессой. Вы великий человек, но...

Наконец туманная идея, бродившая в голове Лоунсома, приобрела конкретную форму.

Лоунсом. Крэкер Баррел, Крэкер Баррел Лоунсома Родса¹.

Генерал. Что такое?

¹ Игра слов. Крэкер Баррел буквально «бочка для крэкера» — сухого, тонкого пенья. В Америке крэкер — прозвище бедняков-белых в юго-восточных штатах.

Лоунсом (*нетерпеливо*). Моя новая программа. Я хочу, чтобы вы сейчас же взялись за ее подготовку... Группа актеров в пестрых деревенских костюмах сидит вокруг Лоунсома Родса и слушает, что он говорит. А говорит он обо всем — начиная от цен на кукурузу и кончая водородной бомбой.

У генерала несколько озадаченный вид. Лицо Лоунсома сияет.

Лоунсом. Вижу, вам это не нравится.. Ну что ж, забудьте об этом. Мне стоит поднять трубку, и я сейчас же получу поддержку Тима Эндрюса из «Нейшнл моторс»... В конце концов я не просто эстрадный артист. Я влияю на массы, я формирую общественное мнение. Я—это сила... Сила...

Крупно — титры на экране телевизора: «Лоунсом Родс в программе «Крэкер Баррел».

Двойной экспозицией титры накладываются на изображение Лоунсома в сельской лавке.

Голос диктора. А теперь фирма «Вайтаджекс»—пилюли бодрости и силы, фирма «Шелтон сигаретс» — лучший очищенный табак, фирма «Бест Фрэнд Дог Фуд»—корм для собак имеют честь представить вам премьеру Лоунсома Родса «Крэкер Баррел».

Телецентр. Передается новая программа «Крэкер Баррел».

Декорации изображают сельскую лавку в Арканзасе в несколько утрированном виде.

Вокруг большой бочки из-под крэкера собралась компания «закадычных дружков». На бочке сидит Лоунсом. Он здесь главенствует. Остальные участники сидят на небольших ящиках или на шатких стульях. Среди них дряхлый старик, который почти все время дремлет в кресле-качалке.

Идет бесконечный разговор об одном и том же.

Лоунсом. Что меня действительно раздражает в этих наших «лимонниках»¹, так это то, что они пытаются разыгрывать из себя первосортных бизнесменов, когда им по всему миру приходится закрывать свои отделения.

Собеседники одобрительно посмеиваются. Раздаются возгласы:

— Так, так, задай им, Лоунсом!

Старик в качалке наполовину просыпается.

Старик. Истинный бог, это так!

Аппаратная.

Звукооператор. С каждым часом он все увереннее выходит на мировую арену.

¹ «Лимонники» — прозвище англичан в Америке.

Снова телецентр. Идет та же передача.

В этот момент Лоунсом смотрит в сторону. При виде появившегося на сцене сенатора Уортингтона Фуллера он изображает чрезвычайное удивление. Фуллер кажется чуть-чуть более «молодцеватым» и непринужденным, чем в предыдущем эпизоде.

Лоунсом. Вот так так!.. Посмотрите-ка, кто пришел поболтать с нами у старой бочки из-под крэкера!.. Ведь это же сенатор Уортингтон Фуллер! Встает, чтобы приветствовать его.

Лоунсом. Здорово, «Курчавый»! Как поживаешь, старина?.. Вот это действительно приятный сюрприз!.. Входи, входи, познакомься с ребятами!

Та же аппаратная.

Звукооператор (*хмуро*). Эту программу следовало бы назвать «Большой сюрприз».

Бар в телецентре.

Из бара, в глубине которого находится телевизор, слышна передача «Крэкер Баррел».

Входит Мел. Подходит к стойке. Садится.

Бармен. Алло, мистер Миллер! Давненько у нас не были. Что подать? Как всегда?

Марция (*за кадром*). Подайте мне коктейль из вермута с джином, но только не смешивайте их.

Изумленный Мел оборачивается и видит Марцию. Она сидит одна в дальнем углу. Мел встает. Направляется к ней. Он заметно изменился. И изменился к лучшему. У него уже нет прежнего угнетенного вида, появилась уверенность в себе.

Изменилась и Марция. Но к худшему. Это воплощение издерганного человека. Она выглядит переутомленной и опустошенной.

Камера, следуя за Мелом, пока он идет через всю комнату, захватывает одновременно и стоящий около Марции телевизор. Передача слышится отчетливее.

Мел. Вы кого-нибудь ждете?

Марция. Нет... Просто хочется спокойно посидеть за рюмкой.

Сначала Мел смотрит вверх, на телевизор, затем вниз, на ее стакан. Показывая на стакан с коктейлем, говорит:

— Я не помню, чтобы раньше это за вами водилось...

Марция. Мне приходится принимать по тысяче человек в день... А это дает мне зарядку.

Прерывают разговор, чтобы посмотреть на экране телевизора беседу сенатора Фуллера с Лоунсом.

Лоунсом (*на экране*). Так вот, сенатор, я знаю, мои слушатели ждут, что вы им скажете самую настоящую, неприкрашенную крестьянскую

правду о том, как вы относитесь к вопросу все большего, большего и большего развития социального обеспечения.

Фуллер. Я рад, что вы задали мне этот вопрос, Лоунсом... Я бы сказал, что в наши дни люди одержимы навязчивой идеей. *(Поправляет себя.)* Я хочу сказать, что они помешались на обеспечении. Они хотят, чтобы их опекали... ограждали от всего и все время, от колыбели до могилы. По-моему, это расшатывает моральные устои нации. Да что говорит! Ведь вот же Даниель Бун не ждал пособий по безработице и пенсий для престарелых. Топор, ружье и, пожалуй, удача — вот все, в чем он нуждался, чтобы обеспечить себе существование в диких лесах.

Мел. Настоящий лесовик, не правда ли?

Фуллер. Вот какие люди создали нашу страну! Я считаю, что нам нужны необыкновенные люди, а не необыкновенное правительство.

Лоунсом. Вот это вы им здорово сказали, сенатор!..

На экране одобрителный шепот «закадычных дружков» Лоунсома...

Мел смотрит на Марцию. У нее смущенный вид.

Лоунсом *(на экране)*. Ну, сенатор, я знаю, вам не терпится вернуться в Вашингтон, чтобы удержать их, пока они не выбросили еще больше денег на ветер, поэтому позвольте поблагодарить вас за этот маленький, такой приятный визит.

Мел *(обращаясь к бармену)*. Не будете ли вы добры чуть-чуть приглушить звук?

Бармен немного приглушает телевизор. Мел жестом просит приглушить еще больше, имитируя в воздухе поворот ручки регулятора. Бармен почти полностью выключает телевизор.

Мел. В его пользу можно сказать лишь одно — в нем есть мужество невежества.

Марция. Ну, как наша старая студия в Мемфисе?

Мел. Я не был в тех краях. Все это время я писал книгу. Книгу о...

Показывает на Лоунсома на экране умолкнувшего телевизора.

Мел. Я назвал ее «Демагог из Денима»... Никогда еще в жизни так приятно не проводил время.

Марция. Вы выглядите превосходно.

Мел. Все эти месяцы он называл меня «Вандербилт сорок четвертого» и «Лобастый»... Мне давно следовало дать ему по морде... Теперь у меня есть чем дать по морде... Этой книгой.

Марция. Она будет опубликована?

Мел. Я приехал заключить контракт. Издатели ухватились за книгу. Они считают, что сейчас как раз настало время сорвать с него маску... пусть люди увидят, какой он на самом деле негодяй и мошенник!

Марция. Мел, я бы этого не сказала. •

Мел *(более мягко)*. А что бы вы сказали?

Марция. Я... э-э... Просто... со всеми этими генералами, сенаторами и крупными политическими «шишками», которые окружают его

теперь, ему все труднее оставаться по-прежнему таким же простым, каким он был раньше.

Мел (*с грустью, спокойно*). Вы все еще с ним?

Марция (*немного запинаясь*). Ну... по крайней мере... я смягчаю некоторые из его безумных идей, которые он то и дело собирается выплескивать в эфир... и я... я, кажется, единственный человек, который еще может с ним говорить... Я не даю ему увольнять людей... И в конце концов на карту ведь поставлены огромные деньги. Наше агентство, основанное за счет компании «Интернейшнл Драг», в настоящее время — крупное дело с ежегодным оборотом почти в миллион долларов.

Мел замечает, что Марция, потушив почти нетронутую сигарету, через минуту зажигает новую.

Мел. А как идет торговля гитарами-«мамочками»?

Марция. Они... (*Перебивая себя*.) Мел, я нашла его... и он... ну, словом, он мой, на горе или радость... И я все время стараюсь делать все, хотя бы немного, что от меня зависит, чтобы он стал лучше!

Мел. Марция, знаете ли вы, что вы такое? Вы то убежище, где он отдыхает после жестокой борьбы. Вы амортизатор, защищающий его от столкновений и с бывшими женами, и с новыми женами, и с любовницами, и с разного рода бродягами... Вы — то маленькое, но необходимое колесико, без которого громадный обтекаемый экспресс, называемый Лоунсомом Родсом, сорвется с рельсов, слетит под откос и погибнет!

Марция (*с горечью*). Я не могу дождаться, когда прочту вашу книгу.

Мел. Не беспокойтесь! Я пощадил вас больше, чем вы щадите себя. Молчание...

Марция (*тихо*). Я знаю... знаю...

Мел (*собираясь уйти*). Послушайте!.. Я позову вас когда-нибудь еще... когда увижу, что вы готовы.

Уходит. Марция смотрит на экран телевизора. Лоунсом исполняет свой знаменитый номер «Дорога Лоунсома», изображающий его уход из сельской лавки. Он прощается с «закадычными друзьями».

Лоунсом. Ну, пока, ребята!.. Увидимся на будущей неделе. Будьте здоровы все! Не забывайте старую поговорку: «В здоровом теле — здоровый дух»... Очень приятно, что наш «Курчавый» — старик Фуллер заглянул к нам. Не часто такой большой человек заглядывает к беднякам... Ну, пока! Привет всем! Помните, что сказал старина «Курчавый»: «Необыкновенные люди, а не необыкновенное правительство».

Уходя по дороге, изображенной на сцене, запевает псалом «Ближе к тебе, Иисус». И его силуэт с висящей через плечо гитарой долго виден на фоне этой уходящей вдаль дороги. Время от времени он оглядывается на зрителей, приветствует их непринужденным жестом, как бы говоря своим «закадычным друзьям»: «До скорого свидания!»

На экране телевизора проплывают заключительные титры, в которых указывается: «Ко-продюсер—Марция Джеффрис».

В кадре крупно — расстроенная Марция.

Апартаменты Лоунсома в «Шерри Тауерс».

В пустые комнаты входит Лоунсом. Оглядывается. С победоносным видом мурлычет песенку «С утра я буду вольным». В руках у него большой конверт с надписью: «Секретно».

Лоунсом. Эй, Бетти. Взгляни-ка на последнюю сводку Института Гэллага¹. Я добился, что за «Курчавого» теперь одиннадцать процентов избирателей вместо трех, что были раньше... Это счастливое число! Он должен пройти.

Объектив камеры движется вместе с ним мимо буфета с напитками, превращенного по желанию Бетти в модернизированную стойку бара, затем в роскошную туалетную комнату Бетти, ведущую в ее спальню. В задней комнате слышен какой-то шум, суета.

Лоунсом. Изюминка!.. Дорогая, ты здесь?!.. Крошка моя!.. Твой римский папа возвратился домой.

Слышны приближающиеся шаги. Лоунсом раскрывает объятия, чтобы заключить в них свою маленькую Бетти. Но вместо нее появляется Джой де Пальма. Он поправляет галстук.

Дрожа от бешенства, Лоунсом направляется к нему, готовый его ударить. Джой спокойно смотрит на него.

Де Пальма. Ты не посмеешь ударить!

Лоунсом (рычит сквозь зубы). Ты... ты...

Де Пальма. Не разыгрывай передо мной благородного защитника святости брака!.. Тоже мне, папа римский! Я знаю, где ты провел несколько ночей, когда Бетти ждала тебя. Только ударь меня, и все это завтра же будет в газетах! И завтра люди будут ненавидеть тебя так же сильно, как любят сегодня.

Лоунсом. Я... ты уволен! Тебе нечего больше делать в фирме «Лоунсом Родс Энтерпрайзес».

Де Пальма. Могу сделать сообщение, которое потрясет тебя... Сейчас я — президент фирмы «Лоунсом Родс Энтерпрайзес»! У меня пятьдесят один процент акций компании. Мы теперь с тобой на равной ноге, Ларри.

Направляется к двери, как будто ничего не случилось.

Де Пальма. Кстати, я хочу завтра утром видеть тебя в конторе... Мне наплевать, что ты говоришь, когда дурачишь людей своей болтовней в «Крэкер Баррел» во время заключительных титров, но сохранять милый и любезный вид ты обязан. Расточай перед ними свои медоточи-

¹ Институт Гэллага — институт общественного мнения в США.

вые речи до тех пор, пока не получишь знака (*показывает, как бы перерезая горло*), что передача окончена.

Уходит. Лоунсом, потрясенный, направляется к спальне Бетти.

Спальня Бетти.

Комната отделана в пастельных тонах, с несколько утрированной роскошью, с претензией на элегантность. Много фотографий Бетти в костюме гимнастки с булавами.

Сама Бетти одета в дорогое шелковое кимоно. У нее очень испуганный вид.

Входит Лоунсом. Сразу же направляется к внутреннему телефону. Берет трубку.

Бетти. Я только что собиралась приготовить себе свежую содовую. Повернувшись к Бетти, Лоунсом зло бросает.

Лоунсом. Слушай, ты!.. У тебя-то нет пятидесяти одного процента акций!.. Тебя я увольняю!

Бетти. Лоунсом, я... честное слово, я, право, ничего не сделала...

Лоунсом (*в трубку*). Бини, достань миссис Родс купе в ближайшем поезде в Литтл-Рок.

Бетти. Как это я уволена?!.. Я твоя жена. Ты...

Лоунсом. Я сказал — ты уволена! Я собираюсь поступить с тобой так же, как с любым другим актером, который провалился в моей программе. У меня с тобой контракт, и ты будешь каждую неделю получать свои деньги, пока живешь в Арканзасе.

Бетти (*потягивая свежую содовую*). Но я не хочу ехать домой. Эд Салливан предлагает мне выступить с моим номером с горящими булавами в его субботнем представлении.

Несколько мгновений Лоунсом молча смотрит на нее, как бы изучая.

Лоунсом. Ты можешь выступить со своим танцем с горячей булавой в дамской уборной на вокзале в Литтл-Роке.

Бетти. Но ты женился на мне, ты... (*Плачет.*)

Лоунсом. Я, собственно, и не женился на тебе... Марция была права. Это был просто способ избежать женитьбы на ней.

Бросившись плашмя на кровать, Бетти громко рыдает.

Лоунсом (*кричит на нее*). Заткнись! Это мне нужно плакать!

Ночь. Квартира Марции.

Только что проснувшаяся Марция в одной ночной рубашке идет к входной двери. Открывает.

Шатаясь, входит Лоунсом. Как человек, хорошо знающий дорогу, он прямо направляется к спальне. Проходя мимо Марции, на ходу сообщает ей:

— Только что отделался от Бетти... от этой сладкоголосой шлюхи. Она хотела погубить меня и наверняка погубила бы.

Вошел в спальню. За ним входит Марция. Он садится на кровать. Начинает снимать ботинки.

Лоунсом. Приготовь мне выпить.

Пока он раздевается, Марция молча смотрит на него.

Марция. Что ты делаешь?

Лоунсом. Нам нужно быть очень осторожными... больше, чем раньше... Для всех я должен оставаться женатым, пока не получу назначения.

Марция. Чего?

Лоунсом (*понижая голос*). Это пока еще большой секрет!.. Генерал разговаривал с Фуллером... Он внушает ему мысль создать в кабинете пост для меня... В дни надвигающегося кризиса и опасности, как говорит генерал, кто может лучше меня сплотить народ, воодушевить его и объединить вокруг правительства?!.. Если мы протащим Фуллера, а я знаю, что мы это сделаем, он будет обязан этим мне... Министр по вопросам морального состояния нации!.. Как это, по-твоему, звучит, Марция?.. Министр морального состояния нации...

Марция смотрит на него, не в силах что-либо промолвить.

Однако, охваченный манией величия, Лоунсом совершенно не замечает реакции Марции.

Лоунсом. Генерал просит Фуллера окончательно договориться со мной по этому вопросу после большого обеда, который я дам завтра вечером, открывая кампанию «Боритесь за Фуллера!» Ты тоже должна прийти... Я обеспечу тебе сопровождающего и куплю новое платье.

Марция. «Боритесь за Фуллера!»?

Он не слушает ее. Продолжает раздеваться.

Лоунсом. Да!.. «Боритесь за Фуллера!» Как тебе нравится это название?.. Это я придумал. Все от него без ума. Двадцать крупнейших людей Америки придут ко мне на банкет, чтобы поддержать кампанию «Боритесь за Фуллера!» От Объединенного штаба будет адмирал в отставке, будут два губернатора, несколько крупных банкиров и даже один член кабинета.

Марция (*следя за ним с возрастающим ужасом*). Какой...

Лоунсом (*отмахиваясь от нее*). Да не знаю... Я сказал генералу, чтобы он достал мне одного из них.

Марция. И они придут на трой...

Лоунсом. Милая, если я попрошу их, они должны прийти!.. Детка, они побоятся не прийти!.. Я мог бы убить их! Вот так. Ха-ха-ха.

Смех его похож на смех маньяка.

Марция. Боюсь, что это правда.

Лоунсом. Что — правда?

Марция. Что сейчас ты, пожалуй, был бы способен на это.

Лоунсом (*улегшись в кровати*). Видела последнюю сводку за сегодняшнее утро? Пятьдесят три и семь десятых!

Рукой делает жест, как будто ловит что-то в воздухе.

Лоунсом. Собрал еще миллион!.. Теперь вся страна — мое стадо овец!

Марция. Овец...

Лоунсом. Деревенщины, крэкеры, дубины, инвалиды, домохозяйки, все эти чучела гороховые... все, кто вскакивает с места, стоит лишь кому-нибудь свистнуть! Они еще не подозревают этого, но все они будут «борцами за Фуллера»... Они мои... Они принадлежат мне. У них такие же мысли, как у меня, только они еще большие ослы, поэтому мне и приходится думать за них.

С какой-то почти безумной страстью обнимает Марцию. Ее это пугает.

Лоунсом. Марция, ты только подожди... и ты увидишь! За спиной президента править буду я... а за моей спиной править будешь ты.

Лежа в его объятиях, она смотрит на него тоскливым, испытующим взглядом.

Марция (*про себя*). Что я наделала?

Со страстью, к которой примешивается самодовольство, Лоунсом целует ее в плечо.

Лоунсом. И всем этим я обязан тебе, Марци. Всякий раз, когда я буду давать интервью, я обязательно буду говорить об этом... Ты создала меня!

Марция. Я знаю... знаю... Я знаю!..

Выпустив из объятий Марцию, он, обнаженный, развалился в постели, как человек, заслуживший свой отдых.

Лоунсом. Погаси свет!.. Я устал... Завтра большой день. По-настоящему большой день!

Тянется к лампе, стоящей на ночном столике. Гасит ее. В темноте командует.

Лоунсом (*Марции*). Ну, иди ко мне... Иди же!.. Мне нужно выспаться...

Марция снова зажигает свет. Торопливо набрасывает поверх ночной рубашки халат, закутывается в него. Задержавшись на миг, чтобы бросить на него последний, полный ужаса взгляд, стремительно выбегает из комнаты.

Ночь... Улица. Дом, где живет Марция. Идет дождь.

Из дверей выбегает Марция. Она стоит под дождем на краю тротуара, почти не сознавая, где она, почему она здесь.

Подъезжает такси.

Шофер. Куда, мисс?

Марция. Не знаю, не знаю.

Как сомнамбула бредет через улицу, удаляется от камеры, исчезает из виду в тумане уличных фонарей и ночного дождя.

Кабинет Лоунсома.

Окруженный своими служащими, за письменным столом сидит Лоунсом. Все трепещут перед ним. Лоунсом слегка пьян.

Лоунсом. Уж не хотите ли вы сказать, что с сегодняшней программой что-то не ладится? Не хотите ли вы сказать...

Ассистент режиссера. Видите ли, Марция не показывалась целый день.

Ассистентка режиссера. Я звонила во все места, куда только можно...

Ассистент режиссера. Она единственная, кто может все скоординировать...

Лоунсом. Скоординировать, черт побери!.. Уж не хотите ли вы сказать, что успех моей программы зависит от какой-то спесивой неврастельнички?.. От какой-то истерической юбки... Все вы мне надоели! Неучи! Простифили! Подхалимы!..

Ассистентка режиссера. Не хотите ли черного кофе, мистер Родс?

Лоунсом (*наслаждаясь ее растерянностью*). Это что, тонкий намек, что я подвыпил? А я вовсе не пьян... просто мне все противно... Противно делать все самому... Но ничего... не беспокойтесь... я справлюсь. Руки у меня развязаны, я всегда смогу сделать все сам, без чьей-либо помощи... Я и раньше не раз спасал эту программу.

Выходит.

Вечер. Театр в телецентре.

Идет передача Лоунсома «Крэкер Баррел».

За кулисами вдоль боковой стены, возле сцены появляется Марция. Она идет по направлению к аппаратной. Следом за ней, по-видимому, браня ее, идет Джимбой Колльер.

Колльер. Марция, где ты была? Как ты могла поступить так?

У нее рассеянный вид. На слова Колльера она не обращает внимания.

Сцена.

Установлены декорации для телепостановки «Крэкер Баррел». Началось выступление Лоунсома. Он в раздраженном состоянии.

Лоунсом. Знаете ли вы, что сейчас всюду появились женщины нового типа, которые называют себя «современными женщинами»?.. Вы, конечно, видели их в конторах и в первоклассных кабаках, которые они называют коктейль-холлами. Все эти женщины нового типа пугают муж-

чин... Они захватывают мужские должности... и даже пристрастились к брюкам. Они нас раздражают, устраивают нам сцены, если работают... А если не работают, то хотел бы я знать, что же они делают днем? Все эти жены и все прочие... Черт побери! Моя старушка была слишком занята приготовлением свиной требухи и овсянки, штопкой и починкой белья, заботами о своих мужчинах... ей некогда было думать о том, чтобы стать «современной» и «независимой», о всякой подобной ерунде! Она всю свою жизнь любила только одного мужчину, моя мама! Я знаю, что это сейчас не в моде, так же как и корсет, но иногда я спрашиваю себя: Лоунсом! Куда девалась эта не современная, не сложная, не освобожденная и все же такая счастливая женщина, любящая только одного мужчину?.. Однако, что пользы волноваться из-за того, чего нельзя изменить?!

Аппаратная телецентра.

Режиссер и операторы сидят у пульта. Атмосфера напряженная и неспокойная.

Режиссер (*в отчаянии, по телефону*). Мне все равно, в каком состоянии фильм. Имейте его наготове, чтобы дать на реплике!

Помощник режиссера. Наконец-то она идет!

Режиссер. Слава богу!

Входит Марция. За ней Колльер. Она очень осунулась. Внешне спокойна, но ее спокойствие подобно кратеру вулкана накануне извержения.

Режиссер. Где ты была, Марция?.. Мы целый день пытались найти тебя.

Колльер. Ты должна была смонтировать фильм.

Марция (*спокойно*). А я этого не сделала.

Колльер. Ты понимаешь, насколько это важно?

Марция. А мне все равно!

Все смотрят на нее с удивлением. Она уходит.

Тот же вечер.

Сцена телевизионного театра.

На сцене Лоунсом. По-видимому, он находится у «сельской лавки».

Лоунсом. Одна из особенностей этого небольшого городка в том, что здесь вы всегда можете услышать, как кто-то играет на скрипке или пилит на губной гармошке. Вот... Мне кажется, я как раз слышу, как двое парней наигрывают деревенские песенки.

Прикладывает к уху руку. Прислушивается. Музыка не слышно. Сразу потеряв апломб, неуверенно продолжает.

Лоунсом. Я сказал, что слышу деревенскую музыку... Это реплика, ребята... Я сказал — музыка...

В кадре крупно — растерявшиеся музыканты и дирижер.

Дирижер. Песня, которую мы репетировали, не пропущена! Мы сыграем «Джинни с каштановой челкой»...

В кадре крупно — Лоунсом. Услышав, что оркестр начинает нерешительно играть, требует:

— Прекратите это! (*Хрипло поет.*) «Там-та-там, та-та-там...» Ничего. Это сойдет за музыку!.. А теперь... сообщение исключительной важности.

Смотрит на диктора. Снова неловкая пауза.

В кадре крупно — диктор. Он перебирает какие-то бумажки. Вид у него явно растерянный.

В кадре крупно — Лоунсом.

Лоунсом (*нетерпеливо*). Тоже не готов!.. Друзья, если вы услышите сейчас грохот, то не думайте, что это будут катиться шары. Нет! Это покатаются головы!

Пристально смотрит в сторону аппаратной. Потом кричит оператору.

Лоунсом. Мистер оператор! Поверните камеру, и пусть это ничтожество с десятидолларовым черным галстукон рекламирует свою собачью пищу.

Представитель фирмы «Корм для собак» не знает, что ему делать.

Лоунсом. Ну что же! Покажите!.. Вы так гордитесь своей продукцией, так показывайте же ее!

Представитель фирмы неловко выполняет его требование.

Лоунсом (*резко*). Если какая-нибудь собака смотрит эту передачу, она может увидеть и свой обед... не пришлось бы и нам такое жевать, если мы не объединимся вокруг таких патриотов, как «Курчавый» Фуллер, таких практических и сильных людей. Мы с «Курчавым» на прошлой неделе охотились на уток. Я брал с собой свою маленькую кинокамеру, снимал, чтобы показать вам, друзья, как это происходило.

Снова томительная пауза.

Аппаратная телецентра. На мониторе появляются начальные кадры фильма. Сначала идут кадры с опознавательными номерами, предназначенными только для киномеханика.

В кадре крупно — Марция.

Вокруг Марции приглушенные разговоры о катастрофе. Однако она по-прежнему не говорит ни слова, не делает ни одного движения. Это воплощение бесстрастия и спокойствия.

Голос Лоунсома. Эй, вы там, растяпы в проекционной, покажите нам фильм.

Наконец начинается сам фильм о том, как Лоунсом и «Курчавый» Фуллер охотятся на уток. Но фильм не смонтирован как следует. Все, что там происходит, выглядит довольно смешно, так как ясно видна инсценировка.

В аппаратную входит Лоунсом. Он в ярости. Увидев Марцию, кричит на нее.

Лоунсом. Мне нужно поговорить с тобой! Сегодня я не могу, потому что должен спешить на банкет. Но завтра жду тебя с утра!

Входит хронометражист с хронометром в руках.

Хронометражист. Вам следует закругляться, мистер Родс... У вас осталась одна минута на окончание передачи.

Лоунсом (*жестикулируя, Марции*). У меня в конторе! Утром! Марция смотрит на него не отвечая.

Звукооператор предлагает ей папиросу. Заметив, что у нее дрожат руки, он ласково, чтобы подбодрить, похлопывает ее по руке.

Ассистент режиссера. Осталось двадцать секунд, мистер Родс...

Лоунсом выходит, хлопнув дверью.

На экране — кадр из фильма об охоте на уток.

Лоунсом спешит на сцену заканчивать передачу «Крэкер Баррел». Вместе с ним идут Бини, костюмер, держащий наготове куртку «деревенского покроя», хронометражист.

Лоунсом (*обращаясь к Бини*). Все готово для обеда?

Бини. Все будет первый класс!

Лоунсом. Дай мне немного сен-сена.

Берет у Бини сен-сен, кладет в рот. Дышит Бини в лицо.

Лоунсом. Пахнет водкой?

Замечает складку на куртке, в которой выступает в «Крэкер Баррел». Набрасывается на костюмера.

Лоунсом. Ты, глупый осел. Сколько раз я должен говорить тебе не делать складки на рукаве? Это не в стиле!

Костюмер (*испуганно*). Сэр, это не моя вина... мне велели это сделать...

Лоунсом. Кто тебе велел? (*К Бини*.) Ты видишь, они делают это нарочно. Я тебе так и говорил. Уволь его! (*Угрожающе, вполголоса*.) Кругом одни идиоты...

По мере приближения к сцене выражение высокомерия и ярости на его лице сменяется напускным дружелюбием.

Лоунсом. Ах вы, мошенники!.. Вы все еще здесь? Почему же вы не на работе? Ну скажите, разве не чудак этот охотник на уток, «Курчавый» Фуллер?

Сцена в театре телецентра.

В кадре крупно — Лоунсом.

Лоунсом. Знаете, когда мы стояли плечом к плечу по пояс в холодной воде и нам начинало улыбаться солнце, «Курчавый» сказал мне: «Лоунсом, я думал о жене и детишках, о том, как мы были счастливы все

эти годы, и мне пришла в голову мысль, что те, у кого общая вера,—это крепкая семья». Вот что он мне сказал! Говорю вам — вот кто подлинно может вдохновить людей! Это настоящий человек!

Директор программы жестом показывает, что время истекло.

Лоунсом торопится закончить свой монолог. Недалеко от него ждет диктор. И как только Лоунсом произносит последние слова, он вступает.

Диктор. Программу «Крэкер Баррел» Лоунсома передавали: фирма «Шелтон сигаретс», фирма «Бест Фрэнд Дог Фуд», фирма «Вайтаджекс».

Немного отвернувшись от камеры, считая, что передача закончена, Лоунсом говорит своим «закадычным дружкам» по сцене.

Лоунсом. Уф, рад, что наконец-то все кончилось.

Иронически смеется...

Но микрофон еще не выключен, и последние слова Лоунсома попадают в эфир.

Аппаратная телецентра.

Здесь видно все, что происходит на сцене. Видеть можно одновременно и на экране и непосредственно на сцене через стекло в сцене.

Слышен голос Лоунсома. Через стекло виден нервно жестикулирующий директор программы. Он знаками показывает Лоунсому, чтобы тот попрощался со зрителями.

Этих жестов Лоунсом не видит и продолжает болтать.

Лоунсом. Я собираюсь стрелять в людей вместо уток...

Один из «дружков» Лоунсома наклоняется и незаметно касается его колена. Тот оборачивается и наконец догадывается, в чем дело. С привычной непринужденностью он немедленно входит в роль деревенского молодца.

Лоунсом. Ну, а теперь поторопитесь домой и помните, что сказал вам дядюшка Лоунсом: «Те, у кого общая вера, — это крепкая семья...»

Оператор выключает голос Лоунсома.

По-прежнему, как будто ко всему безучастная, стоит Марция, наблюдая за происходящим.

Оператор. О, если бы они слышали, как этот псих разговаривает на самом деле.

Через стекло виден Лоунсом. Он жестами спрашивает, выключен ли микрофон. Оператор знаками показывает ему, что передача окончена, и с облегчением лезет за сигаретой в карман своего пиджака, висящего на стуле. Видно, как на сцене смеются Лоунсом и его «закадычные дружки».

На экране телевизора проплывают титры, которые по мере их появления читает диктор.

Все большее волнение охватывает Марцию. Она понимает, о чем сейчас говорит Лоунсом на сцене. Повинуясь внезапному импульсу, подходит к пульта и с таким видом, словно включает не микрофон сцены, а электрический стул, поворачивает рычажок и, распростершись, прикрывает собой пульт, надеясь так подольше удержать канал открытым.

Голос диктора выключается, и в аппаратной раздается голос Лоунсома.

Лоунсом. Фуллер! Тоже мне знаменитый охотник! Он трясся вот так... (Показывает.)

Один из «друзков». Ты действительно думаешь, что эта дубина сойдет за «настоящего человека»?

Звукооператоры пытаются оттащить Марцию от пульта. Она отбивается с отчаянием маньяка, кусается, царапается, брыкается ногами, кричит.

Марция. Продолжай говорить! Говори! Говори еще!

Лоунсом. В глазах этого дурачья?.. Они делают все, что я им говорю. Это просто дрессированные тюлени.

Вечер. Бар телецентра. Вместе с другими Мел с удивлением смотрит необычную телепередачу.

Голос Лоунсома. Я брошу им дохлую рыбу, и они захлопают своими плавниками.

Мел медленно встает. Поворачивается, чтобы уйти.

Тот же вечер.

Телецентр.

В кадре крупно — Лоунсом.

Лоунсом. Черт поberi! Я мог бы взять куриный помет и выдать им его за икру! (С гаденьким смехом.) Я мог бы заставить их есть собачью пищу и думать, что это бифштекс!

Портовый кабачок. Группа каких-то подозрительных личностей.

Один из них. погоди! Мы тебе покажем, негодяй!.. Да мы тебя... черт проклятый!

Сцена телевизионного театра.

У дверей Лоунсом прощается со своими сценическими «друзками» и направляется по дороге, изображенной на сцене.

Лоунсом. Будьте уверены, они у меня в руках, как...

Посылает воздушный поцелуй воображаемым зрителям.

Лоунсом. Спокойной ночи, жалкие идиоты! Спокойной ночи, несчастные слюнтяи.

Идет все по той же дороге, напевая псалом: «Ближе к тебе, Иисус...».

Квартира американской семьи среднего достатка. Четыре полные женщины средних лет играют в бридж.

Первая женщина (с ужасом). Да он просто чудовище!

Вторая женщина (вставая). Я хочу позвонить на студию и...

Квартира семьи уроженцев Пуэрто-Рико.

Вся семья сидит за обеденным столом и с удивлением смотрит на экран телевизора.

Номер Фуллера в одной из гостиниц Нью-Йорка.

Фуллер собирается на торжественный обед. Услышав передачу, перестает одеваться. Он ошеломлен...

Квартира первой жены Родса.

За столом первая миссис Родс и посыльный в форме. Они выпивали и смотрели передачу с Лоунсом.

Миссис Родс. Я давно считала, что он слишком дерет свою глотку. Ну, теперь плакали мои три тысячи в месяц!

Больничная палата. В кровати тяжелобольной Мейси. Возле него медицинская сестра. Они тоже смотрят злосчастную передачу.

Сестра. Я не могу поверить, что это тот же самый Лоунсом Родс.

Мейси (мрачно). Это он... Только на этот раз он наконец-то показал свое подлинное лицо!

Аппаратная.

С помощью нескольких человек звукооператор отрывает бьющуюся в истерике Марцию от контрольного пульта.

Марция. Теперь они будут знать!.. Теперь они все будут знать!.. Теперь они будут знать!..

Когда ее наконец силой оттаскивают от пульта, она, вся сжавшись, начинает рыдать в объятиях звукооператора.

Сцена телевизионного театра.

Не подозревая о катастрофе, полный самодовольства, Лоунсом Родс спешит уйти. Он отпивает большой глоток из карманной фляги. Бини помогает ему надеть дорожное пальто.

Лоунсом. Ну, ребята, нам нужно торопиться. У меня очень важная встреча. (*Сердито, обращаясь ко всем.*) Вы смотрите, чтобы завтра всем быть в полной форме. Иначе я с вами здорово разделаюсь. (*К Бини.*) Пошли, Бини.

Оба поспешно уходят.

Вестибюль телецентра.

Лоунсом и Бини торопливо направляются к кабине ожидающего их лифта.

Лифтер (*весело*). Держу кабину для вас, мистер Родс. «Экспресс Лоунсом Родс»! Идет вниз!

Лоунсом. До самого низа, мой мальчик!

Здание телецентра.

Телефонная станция.

Телефонистка. «ФРС»... «Федеральная радиовещательная сеть»... Лоунсом Родс? (*Включает штекер.*) Эта линия занята... (*Пробует другой.*) Извините, все линии заняты.

Быстрая смена кадров. В каждом телевизоре у телефона.

Первая телевизорщица. Можете передать ему от меня, что я никогда больше не буду смотреть его мерзкие передачи!

Коммутатор.

Красные огоньки непрерывно вспыхивают по всему коммутатору. Отвечая на вызов, телефонистка быстро говорит другой телефонистке, сидящей рядом:

— Весь пульт горит! Что ж он такое сказал?

Вторая телефонистка. Должно быть, что-то колоссальное! Хорошо, мадам, я ему передам.

Одновременно горят почти все красные лампочки. Телефонистки еле успевают отвечать на вызовы.

— «ФРС»... Да, мадам... все эти линии заняты, подождите, пожалуйста... Извините, сэр, мистер Родс ушел из студии.

Телефонная будка.

В ней мужчина. Он видел эту передачу в баре.

Телезритель. Так мы слюнтяи?.. Вот как!.. Можете сказать этому Лоунсому Родсу от меня...

Рабочий кабинет генерала Хейнворта.

Генерал у телефона. Он взбешен.

Хейнсворт. Я спрашиваю — мы что, платим вашей радиосети по сто тысяч в час, чтобы укрепить наше предприятие или чтобы разрушить его?

Контора «Федеральной радиовещательной сети».

Президент «ФРС».

Президент. Одну минутку, генерал. (Секретарю.) Вызовите к телефону де Пальма... Помните, генерал, что это именно ваше рекламное агентство пригласило Лоунсома Родса в «ФРС».

Рабочий кабинет Хейнворта.

Хейнсворт. Мы должны сделать так, чтобы этот скандал не коснулся фирмы «Вайтаджекс». Я хочу сказать, что нам нужно от него отмежеваться! Вы должны скорее выступить с хорошей заменой.

Снова контора «Федеральной радиовещательной сети». У телефона президент.

Президент. Совершенно верно, де Пальма... Вы знаете условия контракта... Статья о моральном поведении: «Любое действие, оскорбляющее общественное доверие...» Я позвоню нашим адвокатам, чтобы...

Клуб «Двадцать один». Уютная комната. За угловым столиком сидит де Пальма. С ним молодой, красивый юноша, с резкими чертами лица, типичный житель западных штатов. Назовем его Барри Миллс.

Одет Джой с безупречным вкусом, вид у него вылощенный. Это впечатление усиливается благодаря очкам и жилету. Он похож на преуспевающего человека. Да так оно и есть. Ему около тридцати, а он уже ответственное лицо в большом рекламном агентстве «МСА».

На стене, за его спиной, телефон, по которому он сейчас разговаривает. Де Пальма говорит быстро, вкрадчивым голосом.

Де Пальма. Эд, я целиком с тобой... Он слишком далеко зашел... Вот и все! Я скажу моему адвокату, чтобы он во всем держал связь с тобой... Как насчет того, чтобы ты и генерал позавтракали со мной завтра? Здесь, в клубе «Двадцать один»... Я как раз достал парня, который, по моему, заменит его, — Барри Миллс. Молодой Лоунсом Родс, но с ним гораздо легче иметь дело!

Понимающе улыбается Миллсу. Ясно уже, это будущий Лоунсом.

Миллс. Подождите, пока еще не бросайте старой упряжки. Ведь я всего только простой деревенский парень.

Де Пальма (*подмигивает Миллсу и продолжает по телефону*). Хорошо, я его привезу. Примерно к часу. Доброй ночи, Эд!

Вешает трубку, смотрит на Барри Миллса и делает большим и указательным пальцами старый, почти забытый им мальчишеский жест, означющий высшую степень удовлетворения.

Типография. Наборный цех газеты «Вэрайети».

Рабочий подходит к наборщику и передает ему листочек бумаги.

Наборщик (*читает*). «Лоунсом все время разыгрывал фарс. Это величайший обманщик, который когда-либо существовал».

Рабочий. Ну, что касается меня, так я никогда не понимал, что в этом типе нашли люди. Но что бы там ни было, он получил свое!

Все тот же вечер.

Вестибюль на первом этаже в здании телевизионного центра.

Открывается дверь лифта. Быстро выходят Лоунсом и Бини.

Лифтер. Вот как живо я вас доставил вниз, мистер Родс!

Лоунсом (*через плечо, к Бини*). Дай ему доллар за то, что он не сажал по пути всякую деревенщину.

Поспешно шагая, проходит мимо епископа Шийна, который направляется в студию в сопровождении другого священника и одного из сотрудников телецентра. Лоунсом небрежно приветствует его.

Лоунсом. Как дела, отец?

Здание телевизионного центра.

Радио Сити.

У тротуара ждет большой черный лимузин. Шофер в форме заводит мотор.

Несколько прохожих устались на Лоунсома, подошедшего к машине.

Полагая, что прохожие хотят получить от него автограф, Лоунсом бросает на ходу:

— Никаких автографов! Не сегодня! Не сегодня! — К шоферу. — Не подпускай их близко, Фрэнк.

Садится в машину. Сразу же открывает небольшой погребец, находящийся в лимузине.

Лоунсом. Гони во весь дух. У меня всего полчаса, чтобы переодеться к обеду.

Лимузин с шумом отъезжает.

Вечер. Телецентр.

В студию входит Мел. Он сразу чувствует необычную атмосферу. Чем-то неуловимым студия напоминает сейчас анатомический театр, куда при-несли для вскрытия жертвы несчастного случая. Повсюду небольшие группы служащих. Все разговаривают приглушенными голосами.

Мел подходит к одной группе. Здесь режиссер, его помощник. Вокруг них несколько служащих.

Мел. Прямо гибель «Титаника»! Что случилось?.. Эта ночь войдет в историю как «Незабываемая ночь».

Показывая на аппаратную, режиссер говорит растерянно:

— Марция...

И жестами показывает, что она «свихнулась».

Мел. Где она?

Режиссер. Все еще в аппаратной!

Больше ни о чем не спрашивая, Мел идет в указанном направлении...

...Через стекло видно Марцию. Она бессмысленно смотрит в одну точку, но, очевидно, не замечает, что происходит вокруг.

Аппаратная.

Бесшумно открывается дверь. Входит Мел. Останавливается позади Марции. Она словно в трансе.

Мел. Я слышал, что вы только что дописали конец к моей книге.

Если, идя сюда, Мел и намеревался позлорадствовать, то сейчас, увидя ее такой потрясенной, плачущей, он сразу стал серьезным. Не зная еще, как и чем ее можно утешить, он садится возле нее. Через мгновение звонит телефон. Мел снимает трубку. Слушает.

Мел. Я посмотрю, здесь ли она.

К Марции, шепотом.

Мел. Это он.

Держит трубку. Выжидающе смотрит. Она медленно берет трубку.

Банкетный зал в «Шерри Тауерс».

Длинный банкетный стол, изысканно сервированный для званого обеда.

На огромных плакатах, вывешенных на первом плане, можно прочесть:

«Нет ничего заслуживающего большего доверия, чем простой ум простого человека. А он выступает за достойного Фуллера. Лоунсом Родс».
«Боритесь за Фуллера!»

Примерно человек шесть парадно одетых официантов, величественных, седых негров во главе с элегантным метрдотелем, стоят растерянные, застыв, словно пригвожденные к месту. Гостей нет.

У бокового столика по телефону разговаривает Лоунсом. Он в смокинге, в белом жилете. Волосы гладко причесаны. Он приложил много усилий, чтобы с помощью расчесок и щеток сгладить деревенскую грубоватость

своей внешности. Лоунсом уже пьян и продолжает пить шампанское из стакана для воды.

Лоунсом (принужденно). Марци, ты мне нужна!.. Приходи сейчас же... Никто не пришел. Все отказались прийти. Фуллер не прислал мне даже телеграммы... Генерал прислал. Ни с того ни с сего меня стали бояться, как отравы.

Швыряет скомканную телеграмму на пол. Слуга подходит и передает ему еще одну телеграмму. Не читая, он комкает и ее и бросает на пол.

Замечает, что один из официантов делает другому жест, означающий: «Он спятил». Мгновенно Лоунсом становится мертвенно-бледным. Сразу же передает телефонную трубку Бини.

Лоунсом. Бини, продолжай разговаривать с ней... не давай ей вешать трубку...

Бросается к официанту. Хватает его за накрахмаленную грудь сорочки.

Лоунсом. Вы что, смеетесь надо мной?.. Надо мной смеетесь! Смеяться вы можете тогда, когда вам это полагается! Когда я захочу, чтобы вы смеялись!.. Вы думаете, что со мной все кончено?.. Вы думаете, я потерял все шансы, чтобы стать министром национальной морали?.. Так нет же!.. Запомните, как легко я их потерял, с такой же легкостью верну обратно! Я заставляю их снова полюбить меня!.. Вы будете любить меня... Я хочу слышать, как вы говорите: «Мы будем любить вас»... А ну, скажи!.. Скажи, или ты будешь уволен...

Налетает с кулаками на официантов, пытаюсь силой заставить негров сказать, что они любят его.

До смерти перепуганные официанты молчат. Окончательно потеряв власть над собой, Лоунсом обнимает стоящего в шеренге последним негра и истерически спрашивает:

— Люби меня... люби меня... Ну, люби же меня!..

Но тот от ужаса молчит. В ярости Лоунсом швыряет его на пол.

Лоунсом. Убирайтесь вон!.. Все убирайтесь вон... вы, разодетые черные обезьяны!.. Убирайтесь вон отсюда!.. Убирайтесь вон!.. Меня от вас тошнит!.. Вон! Вон!..

Валит на пол еще одного. Яростно толкает других к двери...

То же время. Аппаратная в телевизионном центре.

Все, что кричит Лоунсом в банкетном зале, так отчетливо слышно здесь в аппаратной, что, кажется, вся ненависть и испугание Лоунсома вот-вот ворвутся сюда через трубку, которую держит Марция.

Мел. Он дошел до испугания. Потерял всякий контроль над собой.

Банкетный зал.

Лоунсом выхватывает у Бини телефонную трубку.

Лоунсом. Как скоро ты сможешь быть здесь, Марция? Меня окружают предатели... О, этот оператор!.. Подожди, я доберусь до него!..

Аппаратная.

В кадре — Мел и Марция.

По-прежнему голос Лоунсома ясно слышен.

Голос Лоунсома. Я его уволю... Я его сожгу на медленном огне.

Поняв, что Лоунсом еще не знает, кто в действительности открыл канал в эфир, Мел выжидающе смотрит на Марцию. Надеется, что она скажет об этом Лоунсому. Наконец понимает, что она этого не сделает.

Голос Лоунсома. Он участвует в заговоре против меня!.. Они все завидуют мне...

Банкетный зал.

В кадре крупно — Лоунсом. Он все еще говорит по телефону с Марцией.

Лоунсом. Марция!.. Марция!.. Марция!.. Ты меня слышишь?.. Если ты не приедешь сейчас же, я прыгну вниз... Если тебя не будет через десять минут, все будет кончено. Это будет конец Лоунсома Родса... Я поставлю всех в этой стране пожалеть о том, что они сделали!.. Я прыгну вниз. Так помоги мне... я прыгну... Я прыгну!

Телевизионный центр. Аппаратная.

У телефона Марция. Позади нее Мел.

Марция (истерически). О!.. Прыгай! Прыгай! Прыгай! Уйди наконец из моей жизни! Уходи... из жизни моей уходи!.. Прыгай!... Прыгай!.. Прыгай!..

Вешает трубку. Рыдает...

Нестерпимо жаль ее Мелу... Но он не хочет больше щадить ее. Он говорит тихо, и от этого еще более беспощадно звучат его слова.

Мел. Я не верю вам!.. Через час вы будете у него!

Марция. Ведь нашла его я!.. Я отвечаю за него...

Мел. Почему вы не сказали по телефону, что это вы, кто...

Марция. Но ведь очень трудно...

Мел. Ну и что же?.. И все-таки вы должны пойти к нему и сказать все, прежде чем он успеет обвинить двадцать других людей! Все — и прямо в лицо!.. И тогда, может быть, я поверю вам!..

Марция. Это совсем не так просто!..

Мел. Нужно же наконец все поставить на свое место!.. Или вы идете и говорите ему, что это сделали вы, и окончательно порываете с ним... так, чтобы он никогда больше не посмел прийти к вам плакаться... или же берете его за ручку, вытираете ему бледный, вспотевший лобик... Одним словом, делаете все, чтобы он опять стал на ноги и снова начал портить вам жизнь! А гореть-то от всего этого будете вы, а не этот сукин сын!.. Понимаете?.. Или — или... И не завтра, не через три часа, а сию же минуту... Так будет лучше для всех. Идем!..

С той же сдержанной яростью и твердостью, которые он обрел войдя сюда, Мел заставляет ее пойти с ним.

Аппартаменты Лоунсома. Холл.

Открывается дверь лифта. Из него выходят Марция и Мел.

Через дверь доносится голос Лоунсома, затем гром аплодисментов. Пораженные, они останавливаются.

Голос Лоунсома. ...Министр национальной морали!.. Я слишком скромнен для такой грандиозной задачи, которую вы мне поручаете... Но, если говорить серьезно, это дело поручено мне как раз вовремя... еще можно спасти Америку... Я говорю «спасти Америку», Бини. (*Громкие аплодисменты.*)

Лифтер. Может, кто-нибудь пошлет за доктором?! Он кричит так вот уже двадцать минут!

Ничего не понимая, Мел и Марция смотрят друг на друга. Открывают дверь в квартиру Лоунсома. Лифтер остается в холле. Сюда продолжает доноситься истерический голос Лоунсома.

Голос Лоунсома. Кто же, кроме Лоунсома Родса, может сплотить народ в дни кризиса?.. Кто, кроме Лоунсома Родса, может заставить народ действовать?.. Кто еще может заставить его сказать: «Так им и надо, Лоунсом! Так им и надо, Лоунсом!» (*Хохочет.*) Вот почему Лоунсом Родс — это ответ Америки на вопиющую необходимость укрепить национальную мораль!.. Бини!

Громкие аплодисменты, свист, крики одобрения.

Длинный коридор.

Вдали сквозь широкое окно видны огни Нью-Йорка.

По коридору идут Марция и Мел.

Банкетный зал с хорами.

Большой стол изысканно сервирован, но за ним нет ни одного человека.

В комнате гремит голос Лоунсома...

Не сразу замечаешь растерянного Бини. Он испуганно прижался к автомату для аплодисментов.

На хорах Лоунсом. Он похож на маньяка. Его кривляющаяся, размашисто жестикулирующая фигура отбрасывает сверху на стол, сверкающий хрусталем, огромную зловещую тень.

Лоунсом. Я спасу Америку, если даже мне придется объявить войну... Может быть, я простой деревенский парень, но если президент посмеет остановить меня, я наводню Белый дом миллионами телеграмм... Бини!

Каждый раз, когда Лоунсом произносит его имя, Бини включает аппарат, и раздается взрыв аплодисментов.

Лоунсом. Я предъявляю ему обвинение в государственном преступлении!.. Бини!

Аплодисменты...

Лоунсом. Я его создал, и я его сокрушу... Народ слушает Лоунсома Родса! Народ любит Лоунсома Родса! Народ... (стучит кулаком по перилам) заодно с Лоунсомом Родсом!

Иступленно кричит. В зал входят Мел и Марция.

Лоунсом. Лоунсом Родс — это народ! Народ — это Лоунсом Родс! Внезапно его голос затихает. Напускная бравада гаснет. Он закрывает лицо руками и рыдает. Пристально смотрит на обезумевшего Лоунсома Родса Марция. Она ненавидит и в то же время бесконечно жалеет его.

Он хрипло поет, как когда-то распевал в тюрьме Пикетта.

Лоунсом (поет). «За десять тысяч миль от дома... И я даже не знаю своего имени...».

В это время Бини поворачивает рычаг автомата. Раздается гром аплодисментов, которые непрерывно усиливаются. И вдруг так же внезапно смолкают. Бини выключил автомат.

Мел (к Бини). Зачем вы это делаете?

Бини. Он любит слушать аплодисменты... И.. я не знал, что мне делать.

Лоунсом отнимает руки от измученного лица. Видит Марцию. Стремительно бросается по лестнице к ней вниз.

Лоунсом. Марция!.. Я знал, что ты придешь... Знал, что ты будешь со мной... Слушай, Марци, я потерял их... Но мне нужно поговорить с ними еще раз... Я скажу им... Я.. я сказал это нарочно... только для того, чтобы проверить, сколько же из них действительно слушали меня... Все равно они, как и раньше, будут есть из моих рук...

От отчаяния он переходит к надежде. Радостно возбужденный, воображает себя снова хозяином положения.

Лоунсом. А когда я опять достигну вершины, я первым делом расправлюсь с этим оператором, с этим мерзавцем, который предал меня...

Марция. Ларри... это была я...

Лоунсом пристально смотрит на нее. Марция принуждает себя продолжать. Мел стоит позади нее, холодно наблюдая за происходящим объяснением.

Марция. Да, это была я.

Лоунсом. Не может быть!

Марция (с болью). Я включила канал. Сознательно... Я не могла иначе.

Как будто его больно ударили, Лоунсом вздрагивает.

Марция. Я говорю тебе об этом, чтобы навсегда покончить с тобой... чтобы ты никогда больше не приходил ко мне... Никогда!..

Неожиданно успокоившись, сразу став пассивным, признав свое поражение, он почти утешает ее.

Лоунсом. Ладно, Марци... ладно. Мой маленький Марципанчик, желаю тебе счастья... с Мелом. А теперь оставьте меня в покое... Оставьте меня все в покое!

Марции жаль Лоунсома, жаль, что они причинили друг другу столько зла.

Марция. Ларри!.. Прости меня...

С ужасом отшатывается от нее Лоунсом. Он выглядит покинутым, одиноким...

Лоунсом. Оставьте меня в покое!... Оставьте же меня в покое! Оставьте меня!

Марция бросает на него последний взгляд и, не сказав больше ни слова, уходит. Мел идет за ней. Вслед им Лоунсом неуверенно говорит:

— Слушай, со мной еще не покончено... Ты знаешь, что еще со мной будет?..

Приостановившись, Мел оборачивается. Со спокойной уверенностью говорит.

Мел. Я тебе скажу, что будет с тобой. Ты когда-нибудь получишь свою работу обратно! Только она уже не будет такой!.. Пройдет достаточно длительный срок. Остынут страсти. И кто-нибудь вспомнит: «А почему бы нам и не попробовать его еще разок в меньшем масштабе? Ведь у людей короткая память». И тот, кто так скажет, будет частично прав... Одни тебя забудут... другие — нет... Но ты еще будешь выступать! Может быть, не в самые лучшие часы, не в числе первого десятка... может быть, даже не в числе первых тридцати пяти, но выступать будешь! Только твои выступления будут уже не такими, как раньше... А сейчас появится пара новых молодчиков, и твои «болезньики» будут вертеться вокруг них... Может быть, в один прекрасный день кто-нибудь и спросит: «А что случилось с тем... ну, как его? Ну, с парнем, который был таким знаменитым, был номером первым пару лет назад?» И другой на это ответит: «Да-да... Знаю, о ком вы говорите! Его имя на языке вертится... Ведь он так был знаменит... И как это мы могли забыть его имя?.. Кажется, он что-то еще делает. Недавно слышал, будто он где-то выступает в дневной передаче. А кстати, вы видели Барри Миллса?.. По-моему, после Уилла Роджерса лучше его никого не было...» О!.. С тобой не все кончено! Ты еще зарабатываешь себе на жизнь! Просто это будет совсем не то, что раньше!

Поворачивается к Лоунсому спиной и вместе с Марцией идет к двери. Лоунсом. Марция, не покидай меня!

Проходя мимо автомата для аплодисментов, Мел слегка ударяет по рычагу. Раздается гром аплодисментов.

Под нарастающий грохот аплодисментов Марция и Мел выходят из комнаты. Лоунсом остается один посреди зала.

Аплодисменты нарастают. Лоунсом не двигается.

Вечер... «Шерри Тауерс». К тротуару подъезжает такси. Шофер открывает дверцу. Марция и Мел идут к машине.

У открытой дверцы автомобиля Марция задерживается. Смотрит на верхний этаж... Последний взгляд.

Из освещенных окон льется свет...

В кадре сквозь лес телевизионных антенн на хорах виден Лоунсом. Его руки протянуты вперед. Он как бы умоляет вернуть ему утраченную теперь аудиторию.

Полным отчаяния, режущим ухо голосом он кричит.

Лоунсом. Не покидай меня! Не бросай меня... Не покидай меня!..

Улица.

У раскрытой дверцы такси Марция и Мел.

Внезапно Марцию охватывает страх. Ей кажется, что вот сейчас на ее глазах тело Лоунсома полетит вниз.

Марция (Мелу). Мел?..

Мел (сухо, смотря вверх). Не думаю, чтобы он покончил с собой.

Марция. О Мел!.. Мел... это моя вина... Я виновата... если бы я тогда оставила его в тюрьме в Пикетте.

Кажется, она на грани истерики.

Мел (твердо). Перестань, Марция!.. Ты поддалась обману. Как и все мы. Но мы разгадали их... В этом наша сила. Мы разгадали их!

Ничего больше не говорит Марция, но видно, что самую человеческую, самую лучшую часть своего «я» она оставила на изобилующем крутыми поворотами пути успеха, по которому шла с Лоунсомом.

Никогда уже больше не будет она той живой, доверчивой девушкой, с которой мы познакомились в Арканзасе.

Когда машина отъезжает, на улице слышится неясный, отдаленный крик:

— Не покидай меня! Не покидай меня...

Крик сменяется песней «С утра я буду вольным».

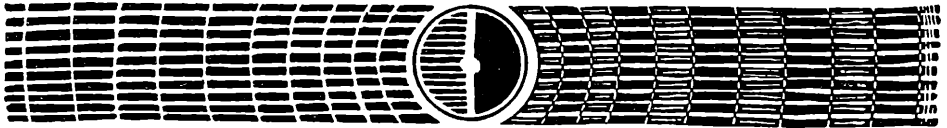
Песня некоторое время нарастает, а потом постепенно переходит в дисгармоничное смешение звуков.

Бен Лект

ПРОЩАЙ,
ОРУЖИЕ

Темно. Площадь в селении Орсино.

В некоторых домах окна освещены. Но большинство маленьких зданий погружено в темноту. Слышится звук колес приближающейся полевой кухни, которую тащит мул. На месте возчика два солдата. Мул идет лениво. Темную улицу быстро перебегают кошки и собаки.

Через площадь идет военный. В руках у него небольшой чемодан и сумка. Он идет медленно, с интересом смотрит по сторонам. Это лейтенант Фредерик Генри.

Издали, с Альп, глухо доносятся редкие пушечные выстрелы. Как ни странно, они похожи в ночной тишине на милую колыбельную песенку, исполняемую баритоном.

Военный приближается к небольшому зданию на углу. Единственная лампа над дверью освещает маленькую табличку со скромной и поэтической надписью: «Вилла Росса». Окна виллы освещены. Оттуда доносится слабый шум. Из дверей выходят два офицера. Они идут усталой походкой. В окне наверху видны оживленные лица двух девушек, которые стучат по стеклу, приветственно машут руками.

Один из офицеров с равнодушным видом отвечает на прощальное приветствие девушек, другой даже не оборачивается.

Лейтенант с чемоданчиком подходит к «Вилле Росса».

«Вилла Росса».

Через окно заметно, что в доме поднялась суматоха. Очевидно, девушки, смотревшие в окно, увидели на улице что-то интересное. Они подзывают приятельниц.

Теперь в окно смотрят уже три лица, полных простодушного восторга. Девушки снова весело стучат по стеклу.

Улица.

К «Вилле Росса» подошел лейтенант Фредерик Генри. Он смотрит вверх. Усмехается, увидев, как сердечно приветствуют из окна его возвращение. Машет в ответ рукой, идет дальше.

Перед итальянским госпиталем Генри приостанавливается. Подходит к воротам, сейчас широко распахнутым. Входит во двор, где обычно стоят санитарные машины и где они ремонтируются. Это временный гараж.

Под навесом — пять санитарных машин. Одна из них подвешена на блоках.

Сержант санитарного корпуса Бонелло, крепкий, добродушный человек лет тридцати, копается в моторе поднятой на блоках машины.

Генри (входя). Эй, Бонелло!

Увидя лейтенанта, сияющий сержант с деревенской простотой и простодушной сердечностью приветствует его.

Бонелло. Смотри-ка, кто вернулся!.. Сеньор лейтенант!

Генри протягивает руку. Бонелло протягивает свою. Но, увидев, что она в масле, вытирает руку о штаны и только после этого здоровается с лейтенантом. Офицер подходит к поднятой машине, с интересом осматривает ее.

Генри. Машины в порядке?.. А как эта?

Глядя с гордостью на свою машину, Бонелло весело говорит.

Бонелло. Порядок!.. Порядочек номер один!

Генри. Были какие затруднения в связи с военными действиями?

Бонелло. В Орсино у санитарной службы нет затруднений в связи с военными действиями, но...

Пожимает плечами, с тревогой смотрит в сторону холмов.

Бонелло. ...там воевать тяжело... всегда тяжело...

Офицер успокаивает, ласково потрепав его по плечу.

Генри. Я знаю, Бонелло, как ты переживаешь все это... (Осматривается.) А где остальные?..

Гараж. Из глубины двора к гаражу подходят Аймо и Пассини.

В кадре — Аймо. Это внешне складный, но недалекий, простоватый парень.

В кадре — Пассини. У него внешность типичного клерка. Аймо дразнит Пассини, подбрасывая вверх его шляпу, которую владелец тщетно пытается отнять.

Пассини. Отдай мне шляпу!.. И иди играть с девочками.

Аймо. Где? Где они?.. Покажи мне девочек, и я пойду с ними играть.

Замечает приближающегося Генри. Останавливается. Сразу став серь-

езным, становится в позицию «смирно». Пассини видит это. Тоже поворачивается и как раз в момент, когда Генри подходит к ним, также встает «смирно», исподтишка забирая у Аймо свою шляпу.

Генри (*просто*). Ну, я вижу, ничего не изменилось... Здравствуйте, Пассини!

Протягивает руку, Пассини пожимает ее.

Генри. Здравствуйте, Аймо! (*Протягивает ему руку.*) Все еще изводите других?

Аймо. Я, сеньор лейтенант? Это Пассини все ноет...

Аймо принимает смиренный вид. Пассини поражен. От негодования он застывает на месте с открытым ртом. Не смущаясь, Аймо продолжает.

Аймо. Вы знаете, что он сказал мне о вас вчера?.. Он сказал, что лейтенант не вернется!..

Пассини (*прерывая*). Это ложь!.. Я сказал, вы не вернетесь, потому что американцы слишком ловки!

Генри (*забавляясь*). Может быть, не все...

К ним подходит Бонелло с вещами Генри.

Бонелло. Ну-ка, отнесите это в комнату сеньора лейтенанта.

Вещи подхватывает Аймо. Большой чемодан он передает Пассини. Тот смотрит на приятеля с кислой физиономией. Оба отдают честь и уходят. Смеясь, Генри провожает их взглядом. Поворачивается к Бонелло.

Генри. Ну-с, посмотрим... (*Осматривается. С улыбкой, к Бонелло.*) Похоже, что без меня у вас дело шло лучше, чем при мне.

Бонелло. Нет!.. Лучше, когда есть офицер, которому можно пожаловаться.

Смеясь, Генри подносит к пилотке два пальца. В ответ Бонелло отдает честь. Провожает офицера почтительным взглядом.

Кабинет Стампи.

Обычная комната, превращенная в рабочий кабинет. На стене развешены карты.

В окно виден идущий по двору Генри...

...В кадре крупно—спина офицера. Это майор Стампи. Он смотрит на входящего в комнату Генри.

В дверях Генри сталкивается с сержантом. В руках у того несколько папок. Отдав честь Генри, сержант выходит из комнаты.

Генри (*официально*). Лейтенант Генри возвратился из отпуска и приступил к исполнению служебных обязанностей.

Стампи. Хорошо отдыхали, лейтенант?

Генри. Очень хорошо, сэр!

Стампи. Вы вернулись вовремя. Мы рассчитываем, что через несколько недель у нас будет проход в снегу, и затем (*улыбается*) мы двинемся. (*Снова улыбается, отдает честь.*) Рад, что вы вернулись, лейтенант!

Генри. Благодарю вас, майор Стампи!
Отдает честь, уходит.

Одна из комнат на вилле, занятой под жилье офицеров.

В комнате две кровати, таз для умывания, кувшин с водой.

Это жилище майора Ринальди и лейтенанта Генри. Сейчас здесь майор Ринальди играет в шахматы с патером — отцом Галли. Ринальди в расстегнутом френче, со знаками различия медицинского корпуса. Над левым нагрудным карманом френча священнослужителя — темно-красный бархатный крест. В остальном его одежда не отличается от одежды майора.

Патер погружен в изучение фигур на доске.

Входит Генри.

Останавливается в дверях. Осматривает комнату. Молчит.

Ринальди. А что вы скажете, отец, если после своей смерти обнаружите, что бога нет?

Отец Галли. Я оставлю эти плохие новости при себе, майор.

Увидев в дверях Генри, Ринальди радостно восклицает, поднимаясь с места.

Ринальди. Посмотрите! Кутенок вернулся!

Подходит к Генри, целует его в обе щеки.

Генри. Хэлло, Рини!.. *(Повернувшись к патеру.)* Здравствуйте, отец Галли!

Отец Галли. Хорошо провели время?.. Выглядите вы очень хорошо.

Ринальди. Ложь — это грех, отец. Лейтенант Генри выглядит ужасно. Еще один поцелуй, и он бы развалился.

Генри *(обращаясь к Ринальди)*. Что нового?.. От майора Стампи я слышал, что мы почти готовы двинуться.

Ринальди. Да, скоро мы двинемся в Альпы, потом спустимся с Альп, захватим Австрию и закончим войну!

Отец Галли. Дай бог!..

Ринальди. Упрямый парень. Два года на войне и все еще воображает, что существует божье милосердие.

Отец Галли *(смеется, обращаясь к Генри)*. Много видели интересного, Фредерико?

Генри *(немного смущенно)*. М-м... я... м-м... видел несколько красивых церквей, отец!

Ринальди. Надеюсь, только снаружи?!..

Отец Галли. Может быть, когда-нибудь, когда у вас будет время, Фредерико, вы зайдете в одну из них... Бог терпелив. Скажите мне... вы ходили на рыбную ловлю в Абрюцци? Видели мою семью?

Генри *(смущенно)*. Мне очень жаль!.. Я собирался поехать в Абрюцци, но в Неаполе дела обернулись так, что... *(Увидев огорчение на лице отца Галли.)* Мы как-нибудь поедем туда вместе, отец.

Просительно смотрит на Ринальди. Пытаясь хоть как-нибудь вывернуться из неловкого положения, взывает к чувству товарищества.

Генри. Может быть, и Рини поедет с нами?!

Отец Галли (*улыбаясь*). Да, иногда неверующие бывают заядлыми рыбаками.

Щелкнув каблуками, Ринальди кланяется и отдает честь патеру. Генри распаковывает свои вещи.

Генри. Как дела в госпитале, Рини?

Ринальди. С тех пор как вы уехали, ничего нового!.. Желтуха, пневмония, немного умышленного членовредительства. И, конечно, венерические болезни! Их всегда труднее избежать, чем вражеских пуль... Но скажите мне, не могу больше ждать, — как вы провели время?

Генри. Здорово!..

Ринальди. Много красивых девушек?

Генри. Вполне достаточно.

Ринальди. В вашем возрасте я никогда не произносил такого слова.

Видя, что разговор принял несколько вольный характер, отец Галли хотя и улыбается снисходительно, но считает, что ему лучше удалиться. Он поднимается.

Отец Галли. Я думаю, майор, что мы закончим нашу партию завтра?!

Ринальди. Вы — хороший патер, отец Галли. Но все же патер!.. И я буду счастлив завтра вас обыграть.

Отец Галли (*уходя*). До завтра, Фредерико.

Генри. Спокойной ночи, отец.

Сняв френч и рубашку, Генри моется.

Ринальди. Куда вы ездили и что вы делали?.. Расскажите мне все сразу.

Генри. Я был везде. Милан, Флоренция, Рим, Неаполь, Таормина...

Ринальди (*нетерпеливо*). Вы так говорите, словно читаете расписание поездов. Скажите, где было самое интересное приключение?

Генри. В Милане.

Ринальди. Потому что оно было первым?

Генри. Она чудесно играла на пианино.

Ринальди (*передразнивая*). А, ничего похожего на талант!.. Я помню в Вероне, как-то одна акробатка...

Генри. Заткнитесь!

Ринальди. Я досаждаю моему другу... Извините меня. Однако у меня есть кое-что интересное. Здесь, в Орсино, наблюдается значительное улучшение в военной обстановке. У нас появились хорошенькие английские девушки.

Генри (*без энтузиазма*). Чудесно!

Ринальди. Да-да... англичане открыли здесь новый госпиталь. Я теперь влюблен в одну из прибывших — мисс Баркли.

Генри. Поздравляю.

Ринальди. Я даже подумывал о женитьбе на мисс Баркли. Но должен признать, что у нее есть один недостаток: она необщительна.

Генри. Вам, должно быть, не повезло.

Кончает умываться, вытирает лицо.

Пропустив мимо ушей замечание приятеля, Ринальди продолжает рассказывать о понравившейся ему девушке.

Ринальди. Нет... но она очень странная и очень хмурая... Кто знает, может быть, она предпочтет вас мне... Вы увидите ее завтра. У вас есть деньги?

Генри. Да.

Ринальди. Одолжите мне пятьдесят лир.

Генри. Возьмите у меня в бумажнике.

Ринальди (*вынимая деньги из бумажника*). Я должен произвести на мисс Баркли впечатление состоятельного человека. Вы мой большой, хороший друг и финансовый покровитель!

Генри. Не преувеличивайте.

Ринальди (*считая деньги*). Если я изменю мнение о мисс Баркли, мне пригодятся эти деньги для «Виллы Росса»... Бедные девочки, они потеряли меня!

Генри. Вас и пятьдесят лир.

Ринальди. И вас. Кармелина сказала, что, если Фредерико не вернется в ближайшее время, они оденут «Виллу Росса» в траур.

С наслаждением Генри растягивается на койке.

Генри (*сонно бормочет*). Хватит о бабах.

Ринальди (*улыбаясь*). Так-так, мой кутенок!.. Я вижу, вы успешно провели свой отпуск.

Видя, что Генри засыпает, Ринальди накрывает его и уходит.

Утро. Улица перед большой виллой. Вдоль улицы тянутся деревья с густо разросшейся кроной. Сквозь них просвечивают яркие лучи солнца.

Очень большая и красивая вилла.

Сад. В нем чудесные деревья.

На фронте виллы нарисован Красный Крест. Над входом вывеска: «Английский госпиталь».

К дверям подходят Генри и Ринальди. Из госпиталя выходят две сестры милосердия. Вслед за ними — пожилой майор в форме войск английской санитарной службы.

Сестры — интересные девушки. У одной из них фигурка кажется воздушной. Глаза Ринальди устремлены на нее.

По мере ее приближения он с все возрастающим интересом изучает де-

вушку. А когда она проходит, Ринальди поворачивается и продолжает смотреть на нее сзади.

Ринальди. Новенькая... Англия — великая страна!
Входят в госпиталь.

Английский госпиталь. Небольшая комната. За ней виден вестибюль. Там сидит дежурный приемного покоя.

Через вестибюль проходят санитар и сестра милосердия.

В госпитале тихо. Раненых еще нет, так как он только недавно открылся.

Входят Ринальди и Генри. Ринальди видит спину молодой женщины в форме Женского добровольческого корпуса обслуживания действующей армии. Она стоит на коленях на полу перед открытым шкафом с бельем, которое проверяет по списку. Ринальди направляется к ней, Генри идет рядом.

Быстрая смена кадров.

Крупно — спина и плечи Кэтрин.

Ринальди (неуверенно). Мисс Баркли?

Женщина оборачивается. Крупно — лицо Кэтрин. В кадре Кэтрин на коленях перед шкафом. В ее руках рубашка, которую она осматривала. На шее висит изящный стек.

В кадре — Ринальди, Генри и Кэтрин. Она по-прежнему стоит на коленях, сверяя рубашки со списком, который держит в руках.

Ринальди. Доброе утро!.. Могу я представить вам моего юного американского друга лейтенанта Генри?

Кэтрин. Здравствуйте!

Поднимается с пола. Снимает с шеи стек и вертит его в руках.

Генри. Хэлло!

Ринальди. Я уже говорил Фредерико, насколько приятнее стала война с тех пор, как в Орсино прибыли англичане.

Кэтрин (обращаясь к Генри). Разве это не странно для американца — находиться в итальянской армии?

Генри. Я не совсем в армии... Это всего санитарные части.

Отошедший Ринальди испытующе смотрит на них. Его лицо отражает сделанный им вывод: юность предпочитает юность! И чем дольше он наблюдает за оживленным разговором девушки, которая ему нравится, с его другом, который явно понравился ей, тем большее разочарование охватывает Ринальди. Но он с юмором относится к такой очевидной «непопулярности» собственной персоны и признает ее с мудрой понимающей улыбкой. Но все же делает попытку включиться в разговор.

Ринальди (покровительственно). Санитарная служба — очень важная, в своем роде, служба...

Однако Кэтрин, словно не слыша, игнорирует вмешательство Ринальди.

Кэтрин. И все-таки это очень странно... Почему вы так поступили?

Генри. О, мне не удалось устроиться военным корреспондентом. А я очень не хотел кого-нибудь убивать... Тогда я решил пойти в Красный Крест... посмотреть...

Кэтрин (с гримасой). Посмотреть!..

Генри. Да... Может быть, я захочу кое-что написать. Меня назначили в санитарную часть... (С улыбкой.) Вот и вся история.

Ринальди (улыбаясь, Кэтрин). А у меня совсем другая история. Я влюблен в человечество (галантно делает легкий поклон) обоего пола... В комнату входит миловидная рыжеволосая сестра. Она прерывает Ринальди.

Сестра. Доктор Ринальди...

Ринальди (оборачиваясь). Да.

Сестра. Доктор Гейтс очень хотел бы видеть вас, если вы свободны.

Ринальди смотрит на Кэтрин, которая пристально разглядывает Генри.

Ринальди (пожав плечами). Я свободен. (Обращаясь к Кэтрин.)

Извините меня!

Та равнодушно улыбается ему. Генри незаметно изучает ее.

Сестра (к Ринальди). Тогда, пожалуйста, за мной, доктор!

Ринальди (оглядев ее, радостно). С удовольствием!

Уходит с сестрой... Наступает неловкое молчание. Генри смотрит на стек в руке Кэтрин, которым она слегка ударяет по ладони.

Генри. Что это за стек?

Кэтрин. Он принадлежал одному парню... Его убили в прошлом году.

Генри (взяв стек). Простите...

Кэтрин. Он был очень славный. Собирался жениться на мне... а на Сомме его убили.

Генри. Там были сильные бои.

Кэтрин. Его мать прислала мне этот маленький стек. Ей вернули его вместе с другими вещами.

Генри. Вы долго были обручены?

Кэтрин. Восемь лет. Мы вместе росли.

Генри. Почему вы не вышли за него замуж?

Кэтрин. Не знаю. И была дурехой, что не вышла. (Спокойно, глядя на него.) Вы когда-нибудь любили?

Генри. Временами... У вас красивые волосы.

Кэтрин. Я собиралась остричь их, когда он умер.

Генри. Это было бы ужасно.

Кэтрин (буднично, словно она часто уже говорила это раньше). Мне хотелось сделать для него что-нибудь. Он мог бы получить все, что хотел, если бы я только тогда понимала, что его могут убить... Я бы вышла за него замуж или еще что-нибудь... А я этого не сделала... Думала, что, если мы будем любовниками, для него же будет хуже идти на войну. А потом он был убит, и вот конец всему.

Генри (пытаясь немного утешить ее). Не знаю...

Кэтрин (с уверенностью). О да. Это конец всему. (Смотрит на Генри.) Здесь очень красиво... Это правда, что они собираются наступать?

Генри. Я так слышал.

Кэтрин (небрежно). Тогда у нас появится работа. Сейчас работы нет.

Генри. Вы давно работаете сестрой?

Кэтрин. С конца пятнадцатого. Я пошла тогда же, когда и он... Я помню, у меня была глупая мысль, что его могут привезти в госпиталь, где работаю я. С сабельной раной, с повязкой вокруг головы.

Генри. Но случилось не так?..

Кэтрин. Нет... У него не было сабельной раны. Его разорвало на куски... Вы полагаете, это будет продолжаться вечно?

Генри. Нет.

Кэтрин. Что может прекратить это?

Генри. Где-нибудь сломается.

Кэтрин. А в конце концов это не имеет значения. Так или иначе мы все равно умираем.

Генри. Это вопрос времени.

Кэтрин (лукаво). Вы так думаете?.. (Улыбается.) Я должна идти... До свидания.

Уходит. Генри провожает ее взглядом. И даже когда она почти скрывается из его глаз, он все еще продолжает задумчиво смотреть ей вслед.

Входит Ринальди. Генри не замечает его. Ринальди смотрит на Генри, бросает взгляд вслед уходящей девушке, снова смотрит на Генри. Пожимает плечами, признав тем самым, что, какие бы надежды он ни возлагал на Кэтрин Баркли, они меркнут перед заинтересованностью Генри.

Вечер. Офицерский клуб.

Салон в цокольном этаже виллы. Через дверь видна столовая, которую ординарцы убирают после только что закончившегося обеда.

В салоне перед горящим камином в покойных креслах сидят три офицера и отец Галли. Один дремлет после еды. Другие два офицера пьют кофе с коньяком.

На переднем плане Генри и Ринальди играют на бильярде. Генри прицеливается, бьет и... мажет.

Ринальди. Я думал о мисс Баркли. Она красива и загадочна, но она не для нас. Мисс Баркли не только женщина. Она проблема. А это не хорошее сочетание.

Снова Генри промазал.

Генри (раздраженно). Ваша проповедь сбила меня.

Очередь Ринальди. Он целится. Входит майор Стампи. В руках у него бумага.

Стампи. Ну, джентльмены, у меня есть новости!.. Завтра утром в десять, будь там дождь или снег, мы выступаем.

Реагируют на эту новость офицеры по-разному.

Офицер (*посмеиваясь*). Я слышал эту новость два дня назад от моего ординарца!

Ринальди (*выпрямляясь*). Мы выступаем утром! А я трачу здесь время на бильярдные удары! (*Ставит свой кий в угол.*) Пойдемте, кутенок! После таких новостей через полчаса будет невозможно протиснуться на «Виллу Росса».

Генри. Вы идите, Рини!.. У меня нет настроения.

Ринальди. Это безумие! Завтра ночью вы будете мерзнуть в Альпах... И вам понадобится немного теплых воспоминаний.

Молча Генри не спеша гоняет шары. Ринальди с минуты изучает его. Наконец догадывается, в чем дело.

Ринальди. Эх, я глупец! Англичане!.. Несмотря на все мои предупреждения, вы собираетесь навестить мисс Баркли. (*Оборачивается, зовет.*) Отец Галли! Мне нужна ваша помощь.

Отец Галли. Да, майор?

Ринальди. Пожалуйста, скажите нашему юному другу, что, если он трижды увидит мисс Баркли, он должен будет жениться на ней.

Отец Галли вздыхает и с забавной досадой смотрит на Ринальди.

Ринальди. Скажите ему: «Таков английский закон». И это еще не все. После свадьбы пойдут дети!.. И нет конца бедствиям, которые могут принести нашему Фредерико англичане.

Отец Галли. Майор, едва ли я могу отбить охоту к свадьбе.

Ринальди. Ага!.. Враг! Разве вы уже недостаточно согрешили для одного дня?

Генри (*забавляясь*). Отец Галли согрешил?

Ринальди. Да! Он ел мясо... а сегодня пятница.

Отец Галли (*улыбаясь*). Очень жаль, что приходится разочаровать вас: сегодня четверг.

Ринальди (*строго*). А я говорю, что пятница. И я знаю, что вы ели: дохлую австриячину... вот что вы ели!

Разоблачение этого «греха» отца Галли рассмешило и Генри и самого патера. Он уже давно страдает от нападок Ринальди и, по существу, привык к ним.

Отец Галли. Да-да, я знаю... И было белое офицерское мясо.

Ринальди. Теперь благословите меня, отец, поскольку вы согрешили.

Отец Галли (*смеясь*). Никакого благословения вам на ночь не будет, майор.

Ринальди. Очень хорошо!.. (*Обращаясь к Генри.*) Вы идете, кутенок? (*Протягивая ему руку.*) Я предлагаю вам последний шанс.

Генри. Увидимся завтра, на построении.

Ринальди. Хорошо!

Делает несколько шагов, останавливается и, полубернувшись, говорит Генри.

Ринальди. Но если не все пойдет хорошо, вы знаете, где меня найти. Уходит. Патер и Генри смотрят ему вслед. Генри видит, как привязан отец Галли к Ринальди, и ему это очень приятно.

Генри. Вы любите Ринальди за его грехи?

Отец Галли (со вздохом). Кто может не любить его! А шутки... (Машет рукой.) Это совсем не то, что он чувствует... Он живет и работает для других. Такой человек чувствует бога...

Слова патера производят впечатление на Генри. С минуту он размышляет о них.

Отец Галли (другим тоном). Но не позволяйте мне задерживать вас здесь, Фредерико. У вас свои планы.

Генри (испытующе, с легкой улыбкой). Вы не относитесь к ним неодобрительно?

Обняв Генри, отец Галли выводит его из комнаты. Смеется, грозит ему пальцем.

Отец Галли. Все зависит...

Вестибюль в английском госпитале.

Мраморный пол. Вдоль стен выстроились мраморные бюсты на деревянных расписных постаментах. Фрески на стене уже начали трескаться и осыпаться.

В холле, куда выходит дверь канцелярии, тоже стоят мраморные бюсты.

В пустом вестибюле сидит Генри. Входит дежурная по приемному покою. Генри встает.

Дежурная. Мисс Баркли сейчас спустится.

Садитесь за свою конторку.

Генри. Очень вам благодарен.

Проаживается, затем садится в неуютное итальянское кресло. Вытаскивает сигарету, собираясь закурить. Но, чиркнув спичку, вдруг замечает, что дежурная пристально смотрит на него. Гасит спичку, прячет в карман сигарету.

Дежурная возвращается к прерванной работе. Генри окидывает взглядом мраморные бюсты. Пытаясь быть любезным и общительным, он решает поговорить с дежурной.

Генри. Похоже на кладбище.

Дежурная (поднимает глаза от работы). Что вы сказали?

Генри (показывает на мраморные бюсты). Я говорю об этих бюстах. Они напоминают мне кладбище.

Увидев, что своим замечанием он не вызвал больших симпатий, пытается пошутить. Улыбается дежурной.

Генри. Я думаю, это не очень хорошо для пациентов!

Дежурная (холодно). Я считаю, что эти бюсты довольно краси-

вы... Между прочим, лейтенант, полагаю, вам известно, что нашим девушкам вечером не разрешается выходить с территории госпиталя.

Генри. Вот как?

Дежурная. Итальянцы не одобряют присутствия женщин в непосредственной близости от фронта.

Генри. Это довольно глупо с их стороны, не правда ли?

Глядя на него в упор, дежурная говорит значительно.

Дежурная. Я склонна думать, что они совершенно правы!

Генри обескуражен. Не знает, что ответить. Положение спасает приход Кэтрин. У нее в руках тот же стек.

Генри поднимается, идет к ней навстречу. Она подходит к нему с улыбкой, но выглядит несколько рассеянной.

Кэтрин (*подавая руку*). Добрый вечер!

Генри. Хэлло, мисс Баркли!

Он понимает, что за ними наблюдает дежурная, это его связывает.

Генри. Здесь можно куда-нибудь пойти?

Кэтрин (*холодно*). Зачем?

Генри (*растерянно*). Мне бы хотелось ... повидаться с вами.

Кэтрин (*через минуту*). Я полагаю, мы могли бы погулять в саду. Но, кажется, собирается дождь...

Генри. Сейчас дождя нет.

Она соглашается. Направляется в сад. Он идет рядом с ней.

Сад при английском госпитале.

Появляются Кэтрин и Генри. Они идут молча. Наконец Генри прерывает молчание.

Генри. У них, конечно, жестокие правила для вас, сестер милосердия.

Кэтрин. Я не совсем сестра милосердия. Я то, что называют «В.А.Д.» — служащая Женского добровольческого корпуса обслуживания действующей армии.

Генри. Какая разница?

Кэтрин. Сестра — это вроде доктора. И чтобы стать сестрой, надо долго учиться. А мы кончаем краткосрочные курсы. Только для войны.

Генри. Многие вещи — только для войны.

Кэтрин воспринимает это холодно. Помолчав, она сухо спрашивает.

Кэтрин. Зачем вы хотели меня видеть?

Генри (*с улыбкой*). Разве это не ясно?

Кэтрин (*сухо*). Вы хотите сказать — «посмотреть»?

Генри. Мне нравятся ваши взгляды.

Кэтрин. Откровенно говоря, мне не нравится ваше отношение к войне. (*Слегка хлопает стеклом по ладони.*) Некоторые пошли на войну по другим причинам.

Генри (*наблюдая за ней*). Вы имеете в виду — за лучший мир и все такое?

Кэтрин. Да. Вам это кажется довольно глупым, не так ли?

Подошли к скамейке.

Кэтрин. Мы можем здесь посидеть.

Генри. Прекрасно.

Садятся.

Генри. Не следует принимать вещи слишком близко к сердцу. В лучшем случае — это короткая жизнь.

Кэтрин (*спокойно*). Да, я тоже так думаю.

Генри. Тогда почему бы не наслаждаться ею? Давайте оставим войну.

Кэтрин. Это очень трудно. Ее негде оставить.

Генри. Так или иначе, давайте все же оставим ее.

Обнимает ее одной рукой. Она пытается снять его руку. Говорит хладнокровно.

Кэтрин. Пожалуйста...

Генри. Почему бы нет?

Кэтрин. Это бессмысленно.

Генри. Нет, это не так.

Кэтрин. Люди, которые даже не знают друг друга... Мне это не нравится. Со мной никогда этого не было.

Поднимается со скамейки. Генри встает вслед за ней.

Генри. Пожалуйста...

Обнимает ее. Она стоит по-прежнему холодная, равнодушная, глядя ему прямо в лицо. Он обнимает ее крепче. Начинает целовать. Она сильно бьет его по лицу.

Пощечина поразила его. К тому же ему больно так, что на глазах у него невольно выступили слезы. После минутного молчания она сознает, что ударила слишком сильно.

Кэтрин. Мне очень жаль.

Ощупывая свое лицо, Генри старается сохранить достоинство. Небрежно говорит.

Генри. Все в порядке.

Кэтрин. Мне ужасно жаль!.. Но для меня невыносима мысль оказаться в положении сестры в ее выходной вечер. Я не хотела причинить вам боли... А я ушибла вас, да?

Генри (*небрежно*). Все в порядке... Это бывало и прежде.

Девушка пытается все превратить в шутку.

Кэтрин. Вы хотите сказать, для вас обычное дело, что девушки дают вам пощечины?

Генри. Ну... не всегда.

Кэтрин. И вы ничего не имеете против, когда они так поступают?

Генри (*с улыбкой*). Конечно, приятнее, когда они этого не делают! Особенно, если они красивы, как вы!

Кэтрин. Вам нет необходимости говорить чепуху. Я сказала, что сожалею. (*Улыбается.*) Но вы милый!

Генри. О нет... совсем нет. Но мы по крайней мере ушли от войны.

Кэтрин тихо смеется. Он впервые слышит ее смех.

Генри. Думаю, я мог бы и подождать, пока мы узнаем друг друга... если бы для этого было время.

Значение его слов до Кэтрин доходит не сразу.

Кэтрин. Вы уезжаете?

Генри. Мы все уезжаем.

Кэтрин (*взволнованная*). Когда?

Генри. Утром.

Смотрит на стек, затем на него. Сжимая стек, с минуту молчит. Наконец заговаривает, и в ее голосе слышится глубокое душевное волнение.

Кэтрин. Я была бы рада поцеловать вас... если вы еще хотите этого. Он обнимает и целует ее. Она не отвечает на поцелуй.

Начинается дождь.

Он снова, более страстно, целует ее. Она освобождается из его объятий... Смотрит на дождь... Генри нетерпеливо оглядывается, ища укрытие. Разглядев оранжерею, берет ее за руку.

Генри. Пошли!

Оба бегут к оранжерее.

В оранжерее. Крыша оранжереи протекает, кое-где выбиты стекла. Раствений осталось мало. В ночной мгле они кажутся черными. Там и тут виднеются статуи. Свет, падающий сюда из сада и госпиталя, позволяет видеть лишь их силуэты.

Входят Генри и Кэтрин. Останавливаются и через стеклянные стены смотрят в ночь... Дождь стучит по стеклам и крыше. Гремит гром. Поднимается ветер.

Явно взволнованная, Кэтрин вытирает лицо, мокрое от дождя. Смотрит на потоки воды на стеклах. Вздрагивает. Генри обнимает ее плечи.

Генри (*заботливо*). Вы дрожите?!

Кэтрин (*не глядя на него*). Это ничего.

Генри. Что случилось?

Кэтрин. Правда, ничего.

Генри. Скажите мне.

Кэтрин (*нервно улыбаясь*). Это только... Я всегда боялась дождя.

Генри. Почему?

Кэтрин. Не знаю.

Генри. Скажите мне.

Кэтрин (*дрожа*). Не заставляйте меня.

Генри. Скажите мне...

Кэтрин. Я боюсь дождя потому, что иногда вижу себя в нем мертвой.

Снова вздрагивает. Он обнимает ее, крепко прижимает к себе. Дождь стихает.

Неожиданно она прильнула к нему. Он обнимает ее крепче.

Кэтрин (*ее голос дрожит*). Держите меня... Держите меня.

Он сжимает ее в объятиях, горячо целует.

Кэтрин (*между поцелуями*). Скажите: «Я вернулся к Кэтрин ночью».

Секунду Генри вопросительно смотрит на нее. Говорит.

Генри. Я вернулся к Кэтрин ночью.

Кэтрин. О дорогой!.. Вы вернулись, правда?

Генри. Да.

Кэтрин. Я так люблю вас... И это было ужасно!

Он целует ее. Прижимает крепче к себе. Кэтрин медленно разжимает руку, державшую стек. Он падает на землю.

В кадре крупно — стек, лежащий на земле...

Ночь. Оранжерея.

Дождь уже перестал. Но дождевые капли все еще скатываются по стеклянным стенам.

Голова Кэтрин у Генри на коленях. Ее глаза закрыты и прикрыты рукой. Генри гладит ее рассыпавшиеся волосы, говорит мягко, нежно целует в лоб.

Генри. Как ты себя чувствуешь?

Кэтрин. Все совсем хорошо... И не беспокойтесь. Я не собираюсь плакать. Или упрекать вас...

Генри. Дорогая... пожалуйста...

Иронизируя над собой, Кэтрин тихо смеется.

Кэтрин. Это действительно очень забавно... Чтобы со мной это случилось. И не с тем, кого я любила годы и годы, а с тем, кого я только что встретила... с незнакомцем. (*Смеется.*) Вас зовут Фредерик Генри, да?

Генри. Дорогая, не говори так... ну, пожалуйста!.. Я люблю тебя. Ты такая... милая.

Кэтрин. Милая — это как раз то, что нужно человеку, уходящему на войну, правда?.. (*Садится.*) Теперь мне пора идти. Становится поздно.

Генри (*беря ее за руку*). Нет, ты должна выслушать. Я люблю тебя.

Кэтрин. Вам нет необходимости разыгрывать что-то... Или говорить глупости...

Генри (*нежно*). Я ничего не разыгрываю, Я просто люблю тебя. Я знал это, когда ты меня целовала.

Кэтрин. Я не целовала вас... (*Закрывает глаза.*) Я думала... это звучит, как у помешанной... я думала: он вернется ко мне ночью.

Генри. Кэтрин, дорогая!

Кэтрин. «Кэтрин». Вы произносите это не всегда одинаково. Но вы очень славный. (*Похлопывает его по руке.*) Я рада, что вы такой славный... Но вам нет необходимости притворяться, будто вы меня любите... На сегодняшний вечер хватит. Это на меня иногда чуть-чуть находит.

Хочет встать.

Генри (*протестуя*). Но...

Вставая, Кэтрин перебивает его.

Кэтрин. И теперь вы можете идти на войну... и все об этом забыть.

Генри. Нет. Я вернусь... К тебе... Больше ни к кому.

Кэтрин (*поправляя волосы*). О, прошу вас... вы только хуже делаете... Как будто я ребенок, который нуждается в утешении. Я сделала то, что сделала, и не нуждаюсь в утешении.

Генри. Кэтрин, прошу тебя. Я...

Кэтрин. Надеюсь, что наступление не будет слишком трудным. (*Протягивает ему руку.*) И что вы не будете ранены.

Генри (*неохотно принимая ее руку*). Дорогая, не уходи так...

Кэтрин (*небрежно*). Спокойной ночи!

Быстро уходит. Пораженный Генри смотрит ей вслед.

Опускает голову. Стоит так. Он разочарован, расстроен.

Сад. От оранжереи удаляется Кэтрин.

В кадре крупно — Кэтрин.

По ее лицу видно, что она несчастна, что она говорила совсем не то, что в действительности чувствовала. Она борется со слезами.

На секунду приостанавливается, чтобы взглянуть на Генри. Уже открывает рот, собираясь что-то сказать... Но он, к несчастью, не смотрит на нее. Ее снова охватывает недоверие, и она снова почти не владеет собой.

Улица, на которой находится «Вилла Росса».

По улице идет Генри. Подходит к «Вилле Росса».

В окна видны силуэты фигур. Доносится шум. Это офицеры и девушки поют и весело смеются. Генри останавливается. Смотрит на окна. Прислушивается к музыке, раздумывая, входить или нет. Делает нерешительный шаг к вилле, затем останавливается. На его лице решение — не входить. Поворачивается и направляется домой.

Рассвет. Английский госпиталь. Комната Кэтрин.

Здесь когда-то была или маленькая гостиная или музыкальная комната. Теперь эта комнатка приспособлена под жилье. В ней стоят три бе-

лые эмалированные койки. На двух спят сестры. На третьей, ближайшей к окну, лежит Кэтрин. Она не спит...

В местечке начинают звонить колокола. Их звон слышен и здесь.

В кадре крупно — лицо Кэтрин. Мы видим, как она несчастна, как измучена бессонной ночью, которую провела раздумывая о том, что случилось в оранжерее.

С дальних холмов доносится звук трубы. С минуту Кэтрин на это не реагирует. Но вдруг вспоминает, что этот звук означает, вспоминает слова Генри о том, что сегодня они выступают. Садится.

Так и сидит она в неясном свете рассвета, глубоко расстроенная, озабоченная.

Орсино.

Воинская колонна. Люди, грузовые машины, мулы, артиллерия... Все это движется по улице. Кроме рева моторов мощных грузовых машин слышатся выкрики команд, непрерывные крики погонщиков мулов. Погонщики в красных фесках. Это берсальеры.

Отряд карабинеров следит за тем, чтобы сзади не оказалось оставших солдат.

Конная артиллерия, повозки с боеприпасами и провиантом двигаются по обочине дороги. Пехотные части идут по грязному месиву дороги. Солдаты с винтовками и противогАЗами. На некоторых пехотинцах надежды стальные шлемы, но у большинства они прицеплены к ранцам.

Голоса офицеров, подающих команды, сливаются с нестройными криками солдат, орущих на лошадей. Некоторые подразделения, маршируя, поют альпийскую песню.

Солдат окружает толпа горожан. Они машут и приветствуют медленно проходящую колонну, желают им победы.

Молодые и старые женщины бегут за движущимися повозками и машут руками, выкрикивая имена близких.

Повелительно гудят несколько забрызганных грязью автомобилей, в которых видны офицеры высших рангов.

За войсками бегут восхищенные дети.

Около дюжины собак воеет и лает вслед уходящим войскам.

Какой-то артиллерист, сидя на своем покачивающемся орудии, в отчаянии прощально машет рукой.

От толпы отделяется девушка и бежит за колонной крича.

Девушка. Марио! Марио!

Гараж, где стоят санитарные машины.

В кабине машины Генри сидят Аймо, Бонелло и Пассини. Задние двери машины открыты. На краю в ожидании сидит Ринальди. Вздвонванный Генри оглядывается во все стороны.

Одна санитарная машина этой группы отъезжает и подстраивается к выступившей колонне.

Ринальди (к Генри, с симпатией). Мне жаль, кутенок, но... нам пора выезжать.

Генри делает к нему несколько шагов, не спуская глаз с дороги, ведущей к английскому госпиталю.

Генри. Еще одну минуту!..

Из гаража выезжает вторая машина и присоединяется к колонне.

Генри понимает, что задерживаться больше нельзя, что здесь осталась лишь его машина. Бросив на толпу последний взгляд, он вскакивает в кабину. Говорит повелительно.

Генри. Подвиньтесь. Я немного поведу сам.

Бонелло и Пассини освобождают место для Генри. Аймо становится на подножку. Генри выводит машину со двора и подстраивается к колонне.

Быстрая смена кадров.

...Улица в Орсино.

В колонне движется машина Генри. Впереди нее две другие машины той же санитарной части.

...Сквозь толпу мы видим мечущуюся Кэтрин. Она в английской военной форме.

...Взволнованная Кэтрин очень спешит. Она боится опоздать. Все время нетерпеливо оглядывает грузовики и санитарные машины.

...Санитарная машина.

Прищурив глаза, Генри нетерпеливо осматривает улицу. Рядом с ним сидят Бонелло и Пассини. Аймо стоит на подножке...

...Увидев какую-то санитарную машину, Кэтрин направляется к ней. В волнении кричит.

Кэтрин. Лейтенант Генри! Лейтенант Генри!

...Другая санитарная машина.

...Сидящие в машине смотрят на Кэтрин. В недоумении пожимают плечами.

...Еще одна санитарная машина. Кэтрин уже в отчаянии кричит.

Кэтрин. Лейтенант Генри!.. Где лейтенант Генри?

...Люди, сидящие в машине, не слышат ее. Машина проезжает...

...Санитарная машина Генри.

...Крупно — Генри, прищурив глаза, оглядывает улицу. Вдруг его глаза вспыхивают... Он видит в толпе Кэтрин... Кричит.

Генри. Кэтрин!.. Кэтрин!..

Она его не слышит... Генри, тормозит и, вылезая из машины, быстро говорит Бонелло.

Генри. Возьми руль!

Выпрыгивает из машины. Машина на секунду останавливается, затем медленно трогается и движется вслед за колонной.

В толпе Генри лихорадочно пробирается к Кэтрин. Зовет ее.

Генри. Кэтрин!

Она услышала его, ее глаза загораются радостью. Торопливо пробегает к нему.

...Через толпу Генри спешит к Кэтрин...

...С противоположной стороны к нему торопится Кэтрин...

...Генри идет к Кэтрин через толпу. Кэтрин приближается к нему с противоположной стороны...

...Бросаются друг другу в объятия. Горячо целуются.

Выскользнув из объятий, Кэтрин пристально смотрит в лицо Генри.

Кэтрин. Это правда, что ты сказал?.. Что ты любишь меня?

Генри. Я схожу по тебе с ума.

Кэтрин (*из глубины души*). О, тогда возвращайся ко мне!.. Обещай, что ты вернешься!..

Генри (*страстно целуя ее*). Я обещаю!

Кэтрин. Обещай, что ты не допустишь, чтобы с тобой что-нибудь случилось!

Генри. Не допущу... До свидания, Кэтрин.

Целует ее последний раз и бежит к машине. За ним несколько секунд бежит Кэтрин.

Кэтрин (*кричит*). До свидания, мой дорогой!.. Я буду ждать... Я буду ждать...

Санитарная машина. В кузове у открытой дверцы сидит Ринальди. Он с волнением наблюдает за встречей Кэтрин и Генри... за их прощанием.

Подбегает Генри. Всклакивает в кузов. Смотрит назад, на Кэтрин.

Некоторое время он видит ее. Но вскоре Кэтрин теряется в толпе.

Лунная ночь. Подножие горного склона. Отсюда началось наступление. Итальянские войска медленно начинают подъем...

В лунном свете все выглядит призрачным. Кажется, это призрачная армия поднимается по зигзагообразной дороге... Вдали неясно вырисовываются белые вершины гор.

Не слышно орудейной стрельбы. Скрип и грохот артиллерии и грузовых машин да тяжелая поступь пехоты — единственные звуки, слышимые в ночи.

Вместе со всеми в колонне двигаются и пять санитарных машин. Машины двигаются медленно, зажатые и спереди и сзади солдатами и артиллерией.

Передняя санитарная машина — машина Генри. В кабине Аймо играет на гармонике. Пассини смотрит вверх. Он чем-то испуган. Бонелло, мрачный, ведет машину.

Закрытый кузов санитарной машины.

В кузове Генри и Ринальди. Ринальди выпивает.

Генри. Мы можем долго пробыть в этих горах.

Ринальди. Бедный бэби!.. Вам это покажется еще дольше.

Генри (*подумав немного*). Вы полагаете, мы должны захватить все Альпы?

Ринальди (*улыбаясь*). Ваши слова звучат так, словно мисс Баркли была очень общительной.

Генри (*спокойно и сердито*). Заткнитесь!

Ринальди. Скажите мне, и вы почувствуете себя лучше. А что, она...

Генри (*перебивая его, более сердито*). Заткнитесь!

Ринальди. Вы увидите, что я человек крайне деликатный... Она уже...

Генри (*перебивая*). Если хотите быть моим другом, заткнитесь!

Ринальди. Мне незачем хотеть быть вашим другом...

Генри смотрит на него, готовый обороняться.

Ринальди. Я ваш друг—и к тому же завистливый. (*Вздыхает.*) Много прошло времени с тех пор, когда и я мог кому-то сказать «до свидания».

С минуту Генри смотрит на него. Старая дружба постепенно растопляет его гнев. Он смотрит на Ринальди с дружеским участием.

Генри. Никогда не думал, что вы одинокий человек, Рини!

Ринальди (*улыбаясь*). В войну я не одинок...

Под шутовской улыбкой он хочет скрыть грусть. Но это ему плохо удается.

Ринальди. Да, когда человек один, война для него неплохое место...

Вздыхает. Говорит задумчиво, словно разговаривает сам с собой.

Ринальди. Полезное место...

Заставляет себя снова казаться веселым. Передает Генри бутылку.

Ринальди. А ну, выпьем за мисс Баркли!

Генри (*поднимая бутылку*). За Кэтрин! (*Пьет.*) Она — чудесная девушка!

День.

Подъем продолжается.

И хотя колонна еще в предгорье, ниже лесной полосы, тут и там уже хорошо виден снег.

Головная санитарная машина. В кабине Аймо, Бонелло и Пассини.

Уверенно манипулируя рулем, Бонелло, прищурясь, смотрит вверх.

Бонелло. Они спускаются.

Пассини (*безнадежно*). Может быть, они передумали.

Аймо (*насмешливо*). Ха-ха-ха!

Пассини. Вы думаете, им нравится атаковать?

Бонелло. Никто не любит атаковать.

Аймо. Я люблю ходить в атаку.

Пассини. Значит, ты глуп.

Аймо. Великий Пассини читает книги... Знает все на свете.

Пассини (*раздраженно*). Это лучше, чем не знать ничего.

Бонелло. Ш-ш!.. Каждый глуп. Бой — глупость! Война — глупость!

Это несколько успокаивает Пассини. Но зато злится Аймо.

Пассини. Правильно! Он прав. Что мы здесь делаем?.. (*Поеживается.*) Холодно!

Сняв с себя шарф, Бонелло дает его Аймо. Тот с притворной озабоченностью закутывает им шею Пассини и треплет его по голове. С минуту Пассини отказывается, затем закутывается шарфом. Он доволен.

В это время машины поравнялись с полевым госпиталем.

Бонелло. Вот и полевой госпиталь!

Полевой госпиталь. Возле него суетятся солдаты. Одни вносят койки, другие разгружают машины.

Открыв окошечко за спиной, Бонелло сообщает офицерам.

Бонелло. Полевой госпиталь, сеньор лейтенант.

Машина останавливается. Открывается дверца. Выскакивает Генри. Оглядывается.

Генри (*указывая*). Вон ваша лесопилка, доктор.

Ринальди (*вылезая*). Ну, желаю удачи! Я покину вас.

Обмениваются рукопожатием.

Генри. Мы увидимся, майор.

Ринальди. До свидания, кутенок!

Улыбается. Уходит.

Генри направляется к кабине машины.

Генри. Бонелло! Я сам немного поведу машину... Пассини, вы с Аймо можете пересесть в кузов.

Пока идет это перемещение, Ринальди и Генри машут друг другу.

Тот же день.

Меняются кадры.

...Дорога в горах... Вид на полевой госпиталь сверху.

...Красные кресты на здании госпиталя.

...Санитарная машина. Генри теперь сидит на месте водителя. Бонелло — рядом с ним.

...Та же дорога... Военская колонна уже выше линии лесов.

...Глубокий снег.

...В кадре — панорама Альп.

...Снова зигзагообразная дорога в горах.

...Глубокий снег.

...Колонна поднимается вверх по горному склону... Подходит к повороту дороги.

Вторая половина дня.

Та же дорога. Но теперь она извивается значительно выше. Стало холоднее.

Колонна огибает очередной зигзаг дороги.

В кадре — силуэты людей на фоне неба.

Еще выше в горах...

Санитарные машины проезжают мимо священника в военной форме.

В кадре — его силуэт на фоне горных пиков...

Священник благословляет солдат, выбегающих из колонны... Получив благословение, они возвращаются в строй.

Бонелло. Хорошее дело — благословение.

Генри. Вреда оно не принесет.

Закат. Горное плато.

На плато въезжает санитарная машина. Здесь станция фуникулера. От нее вверх и вниз уходят канаты.

...Панорама горного плато. Позади величественный горный хребет. Все покрыто снегом. В одном конце плато, как раз напротив горного склона, сделанная в снегу пещера.

...Множество мулов, орудий, людей поднимаются прямо по склону, так как на дороге затор.

Подъезжают еще две санитарные машины.

Из одной выходят Генри, Бонелло и остальные. Генри направляется к снежной пещере.

У входа останавливается. Зовет своих людей.

Генри (кричит). Прежде чем войти, разверните машины... и заправьте баки.

Аймо. Нам следовало бы открыть затычки.

Пассини (раздраженно). Да... Это поможет выиграть войну.

Бонелло (глядя на их новое помещение). Очень здорово. Спим в снегу.

Возвращается к машине. Поднимает капот.

Подъезжают четвертая и пятая машины.

Покрытый снегом гребень горы.

Как раз над станцией фуникулера обосновался наблюдательный пост. Сверху он забаррикадирован мешками с песком.

Здесь же вышка гелиографа. Видны восемь орудий полевой артиллерии.

На наблюдательном пункте офицер (он капитан) смотрит в полевой бинокль.

Появляется Генри, отдает честь.

Генри. Прошу прощения, капитан.

Капитан опускает бинокль, знаком предлагает войти. Генри входит.

Генри. Решил подняться сюда взглянуть.

Капитан (*вручает ему бинокль; показывает*). Линия нашего фронта как раз внизу.

Быстрая смена кадров.

...Линия итальянских войск. Заграждения из колючей проволоки. Окопы с итальянскими солдатами.

Капитан. Противник на том хребте, напротив нас.

В кадре крупно — Генри и капитан. Генри смотрит в бинокль.

Капитан. Пусть-ка они получат!

Дает сигнал артиллеристам.

Капитан. Огонь!

...Взрывы итальянских снарядов.

...Минуту спустя несколько вражеских снарядов взрываются возле итальянских позиций.

...Слышен свист пронесшегося снаряда. Генри и капитан оборачиваются. Смотрят.

...Солдаты, поднимающиеся вверх по горе, бросаются плашмя в снег. Находящиеся у санитарных машин тоже кидаются на землю. Слышен близкий взрыв снаряда, разорвавшегося немного ниже станции фуникулера.

Капитан. Пытаются достать наш склад снабжения.

В это время над их головами с визгом пролетает еще один снаряд. Он разрывается около станции фуникулера.

Генри (*отдавая честь*). Я лучше спущусь... Похоже, у нас найдется работа.

Капитан. Воспользуйтесь фуникулером.

Генри выбегает.

...Пригнувшись, он бежит по направлению к гелиографу. Раздается свист еще одного снаряда, пролетающего над ним. Через некоторое время снаряд взрывается. Генри добегает до вышки гелиографа и прыгает в вагончик фуникулера. Дает знак оператору. Вагончик почти тут же начинает спускаться. В это же время слышится еще один взрыв.

...Вагончик движется вниз. Встревоженный Генри выглядывает наружу. Невдалеке разрывается снаряд.

...По всему склону горы то здесь, то там разрываются снаряды. Поднявшиеся было из снега солдаты снова ложатся.

...Вагончик достиг станции. Генри выскакивает. Зовет.

Генри. Пассини!

Новый взрыв сотрясает станцию, поднимает в воздух снег и камни. Пассини бежит к Генри. Тот показывает на санитарную машину.

Генри. Открой ту дверь!

И пока Генри бежит по направлению к машине, Пассини держит дверь открытой. Вблизи разрывается еще снаряд. Генри отпрыгивает от машины, бросается в снежный сугроб. За ним падает Пассини. Возле носилок приседает санитар. Аймо и Бонелло прячутся за машину. Генри и Пассини поднимают из сугроба головы. Но новый взрыв сотрясает станцию. Они снова зарываются лицом в снег. Дрожа от страха, Пассини поднимает голову.

Пассини. *Mamma mia!*¹

Положив руку на плечо Пассини, Генри ободряет его.

Генри. Не робейте, Пассини!

Поднявшись, он бежит к двери машины. За ним Пассини. Только Генри успевает добежать до двери, как рядом разрывается снаряд. Секунду Генри стоит неподвижно. Взгляд у него безумный. Около него съезжился Пассини. Генри снова бросается в снег, Пассини делает то же.

Прямое попадание в машину... На месте машины — воронка, вырытая в снегу взрывом.

Неподвижный Генри лежит на снегу. Рядом стонет Пассини...

...Генри открывает глаза. Осматривается.

Пассини. *Oh, mamma mia! Mamma mia!*

Услышав стоны, Генри с трудом поворачивается, чтобы посмотреть на лежащего поблизости Пассини. Но не может двинуть ни правой, ни левой ногой. Все же, с усилием подтягиваясь на локтях, ползет к стонущему Пассини.

Пассини. *Oh, mamma mia! O Иисус!.. Убей меня!*

С ужасом Генри смотрит на Пассини. У того одна нога оторвана, другая висит на сухожилии. От боли Пассини закусил свою руку. Непрерывно стонет.

Пассини. *O Христос!.. Убей меня! O mamma mia! O пречистая дева Мария, убей меня. Прикончи! Прикончи! O Иисус! O mamma!*

Сорвав свой шарф, Генри накладывает жгут на культю ноги Пассини, из которой фонтаном хлещет кровь. Поток крови затихает.

Над ними медленно плывет ракета, ярко освещая площадку. При свете ее Генри видит, что Пассини уже мертв.

Генри протягивает руку к своей ноге. На лице у него панический страх. Он ощупывает ногу с таким видом, словно не может ее найти... Нога на месте, но из нее хлещет кровь.

Бонелло (зовет). *Лейтенант Генри! Лейтенант Генри! (Подходя.) Они убиты! Оба убиты!.. (Видит Генри.) А у вас все в порядке?*

¹ Мама моя! (Итал.).

Генри (с болью). Моя нога.
Неожиданно Бонелло видит тело Пассини.
Бонелло (потрясенный). Пассини!
Аймо (подходя, испуганный). Матерь божья!.. Матерь божья!
Генри. Заткнитесь и дайте мне руку!
Бонелло и Аймо поднимают Генри.
Бонелло. Опирайтесь на нас!
Направляются с раненым Генри по склону вниз.
Вдруг Аймо споткнулся и упал. На него падает Генри.
Генри (мрачно). Осторожнее!.. Осторожнее.
Аймо. Простите.
Снова поднимают Генри.
Бонелло. Мы пойдем потихоньку.
Генри (хрипло). Тише... Полегче.

Горное плато.

Сюда только что вернулась санитарная машина. Две другие санитарные машины спускаются с ранеными вниз по горной дороге. Бонелло и Аймо несут Генри к пустой машине. Два шофера укладывают в нее раненого солдата.

Бонелло (подходя к ним). Наверх... положите его наверх.

Шоферы кладут раненого на верхнюю подвесную койку. Он завернут в одеяло. На нижнюю койку Бонелло и Аймо укладывают Генри.

...Наверху, на гребне, продолжает греметь бой.

Аймо (укладывая Генри). Вам удобно?

Генри (его глаза закрыты). Все в порядке.

Бонелло. Держитесь, лейтенант! Мы поедем быстро.

В санитарной машине.

С одеяла раненого солдата капает кровь.

Генри смотрит на койку, висящую над ним. Парусина прогибается под тяжестью лежащего там раненого. Слышится гул мотора... Машина уже вихляет по дороге. В такт покачивания машины Генри болтается вместе со своей койкой. Его голова бьется о стенку кузова...

Генри смотрит на койку над ним. Из одеяла, в которое завернут человек наверху, еще сильнее капает кровь. Теперь она капает на лицо и грудь Генри. Он с трудом, болезненно морщась, отворачивает голову от этого потока крови.

Генри (зовет). Бонелло! Эй, Бонелло!

Машина останавливается.

Через окошко, позади сиденья шофера, Аймо смотрит в машину.

Аймо. Что случилось?

Генри. У раненого надо мной кровотечение.

Бонелло. Лучше я поеду быстрее, лейтенант! Нам недалеко до госпиталя.

Генри пытается отодвинуться от льющейся на него крови раненого солдата.

Вместе со своей койкой он покачивается в такт машине. Следит за капающей сверху кровью.

Вдруг человек наверху завозился, словно устраиваясь поудобнее. Поток крови начал затихать. Генри смотрит. Крови почти нет.

Повернув голову, Бонелло смотрит через окошко в кузов машины.

Бонелло. Как верхний парень?

Генри. Я думаю, он умер.

Бонелло. Почти доехали.

В полевом госпитале.

Большая комната, похожая на барак. Невысокими ширмами она разделена на небольшие отделения.

За некоторыми ширмами операционные столы. За ними работают хирурги. Из-под ширм выглядывают ботинки и краги врачей. Из-под одной ширмы видны чьи-то голые ноги, из-за другой выходит хирург. Его руки до локтя в крови. Он идет к патеру. Кивком головы указывает на человека на операционном столе за ширмой. При этом хирург пожимает плечами, давая тем самым понять, что состояние раненого безнадежно. Патер, в руке у него крест, уходит за ширму...

По бараку идет отец Галли. Он направляется к небольшой комнатке, отделенной перегородкой от общей палаты. Там стоит с полдюжины коек. На них дремлют раненые.

На одной из коек — лейтенант Генри. Возле него — врач, санитар и Ринальди. У санитара в руках палка с привязанными к ней полосками бумаги. Он отгоняет мух от лица спящего лейтенанта.

Еще несколько санитаров тем же способом сгоняют мух с других раненых.

Не подходя близко, отец Галли смотрит на Генри и майора Ринальди. Патер видит, что Генри просыпается. Он улыбается ему, хотя глаза раненого и не смотрят на него. Генри смотрит на Ринальди, который невозмутимо разговаривает с капитаном медицинской службы.

Ринальди. Какого рода раны, капитан?

Капитан. Множественные поверхностные ранения правого и левого бедра и правого и левого колена. Глубокие ранения левого колена и ступни.

Заметив, что Генри открыл глаза, Ринальди улыбается ему.

Ринальди (капитану). Дайте противостолбнячную сыворотку и пометьте крестом обе ноги.

Капитан. Слушаюсь.

Ринальди. Как поживаете, бэби?

Генри (*раздраженно, хрипло*). Превосходно!

Ринальди ощупывает забинтованное колено и слегка сгибает его.

Ринальди. Так больно?

Генри (*хмуро*). А вы как думаете?

Ринальди. Это мелочь по сравнению с тем, что вы почувствуете после. Боль еще не начиналась.

Генри (*хмуро*). Приятно слышать.

Показывая на бутылку, Ринальди сообщает.

Ринальди. Подарок. Лучший коньяк в Италии. (*Санитару.*)

Штопор!

Санитар сейчас же подает штопор.

Генри. А как гора? Мы ее взяли?

Ринальди. Пятьдесят тысяч итальянцев победоносно мерзнут сейчас на ее вершине. (*Санитару, открывающему коньяк.*) Стакан.

Санитар уходит за стаканом. Ринальди замечает отца Галли.

Ринальди (*улыбаясь*). О, здесь и отец Галли с его святым утешением!

По-прежнему стоя в отдалении, отец Галли дружески смотрит на Генри... Санитар возвращается со стаканом. Неожиданно Ринальди с заговорщицким видом обращается к патеру.

Ринальди (*вполголоса*). У нашего кутенка будет все в порядке!

Отец Галли. Я счастлив слышать это.

Ринальди. У меня есть еще одна хорошая новость. Лейтенант Генри будет награжден. Может быть, серебряной медалью.

Генри. За что?

Налив коньяк, Ринальди подносит стакан к губам Генри и держит его, пока тот пьет.

Ринальди. За героизм!.. Вы сделали что-нибудь героическое?

Генри. Ничего.

Ринальди. Вынесли кого-нибудь на спине под огнем?

Генри. Никого.

Ринальди (*зондируя почву*). Вы отказались от оказания вам медицинской помощи раньше, чем другим?

Генри (*сердито*). Нет.

Ринальди (*пьет*). Мы добьемся для вас бронзовой медали. И вас переведут в новый американский госпиталь в Милане.

Генри (*поспешно*). Нет, Ринальди!.. Я хочу, чтобы меня отправили в Орсино.

Ринальди. Это не в моей власти. Всех раненых американцев приказано отправлять в Милан. И почему бы вам не хотеть быть переведенным... (*Внезапно замолкает и улыбается.*) Я очень глуп!.. Тут не география. Тут мисс Баркли!

Генри (*непреклонно*). Я еду в Орсино.

Ринальди. Спокойно!.. Тихо!.. Я посмотрю, что можно сделать.
(*Пылко.*) Между нами, мы с отцом Галли сделаем все, чтобы послать мисс Баркли в Милан. До свидания, кутинок. Коньяк под кроватью.
(*Серьезно.*) Что касается Милана... я договорился, что там вас будет наблюдать лучший хирург в Италии и наблюдать лучше, чем я. Я люблю вас, Фредерико... и вы скоро поправитесь!

Наклоняется над Генри, ласково улыбается ему. Отходит. Останавливается перед санитаром и конфиденциально говорит.

Ринальди. Лейтенант Генри — побочный сын президента Вильсона. Следите, чтобы на него не села ни одна муха!

Выходит. Глаза Генри сонно повертываются к отцу Галли, который молча стоит у окна возле кровати.

Отец Галли (*спокойно*). Вам не больно?

Генри. Уже лучше.

Отец Галли (*улыбаясь*). Я буду молиться за ваше скорейшее выздоровление.

Генри (*сонно и небрежно*). Вы надеетесь, что он слышит вас?

Отец Галли. Он слышит, если вы любите его.

Генри. Боюсь, я мало знаю о любви.

Отец Галли (*со вздохом*). Когда любишь, хочется что-то сделать... хочется жертвовать собой.

Генри. Если я полюблю какую-либо женщину, это действительно будет так?..

Отец Галли. Да... И тогда вы будете счастливы. Но я слишком много болтаю. Вам нужен покой. Может быть, из Милана вы поедете домой.

Генри (*сонно*). И вы тоже. В Абрुцци. (*Улыбается.*) В следующий раз я навещу вас.

Отец Галли (*улыбаясь*). И мы вместе пойдем ловить рыбу в ручье около самого дома.

Генри (*сонно*). В Висконсине есть одна река...

Голос Генри замирает. Отец Галли стоит у окна. Мысли унесли его в родной край.

Отец Галли. Прекрасные реки есть повсюду. В Абрюцци, может быть, одна из лучших. А народ... добрый, всегда с улыбкой, обращенной к богу. Крестьяне при встрече называют вас «дон».

...В окно, у которого стоит отец Галли, виден двор, сидящий там солдат, который сколачивает кресты и пишет на них имя, чин и номер полка убитых и уже похороненных неподалеку солдат...

Отец Галли. Весна — самое прекрасное время в Италии. Но еще лучше осень... хорошо тогда бродить в каштановых рощах, с нависшей над тобой темно-зеленой листвой...

Смотрит на Генри.

...Глаза Генри закрыты. Он спит. Патер молчит, затем с нежностью говорит спящему.

Отец Галли. Доброго сна тебе, мой друг... и, может быть, бог вынесет тебя к твоей реке.

Солнечное утро в Милане.

По улице быстро едет санитарная машина.

...Лежа на боку на подвесной койке, Генри пытается дотянуться до окна и посмотреть наружу через грязное стекло.

...Машина подпрыгивает, кренится то в одну, то в другую сторону.

Генри старается удержаться на узкой койке.

...Улица перед американским госпиталем...

...Много прохожих. Оживленный гул голосов.

...Старые женщины с корзинками в руках направляются к рынку, другие уже возвращаются оттуда.

...Перед винной лавкой молодая девушка сметает мусор с тротуара.

...Машина подъезжает к госпиталю. Резко останавливается.

Он на ходу надевает куртку. Подходит к шоферу, открывающему кузов.

Шофер. Это американский госпиталь?

Швейцар. Ты что, не видишь флага?

Шофер (с сомнением). Полагаю, что да!

Вытаскивает из кузова носилки. На них никого нет. Шофер онемел от изумления.

Шофер. Куда он девался?

Заглядывает внутрь... Генри лежит на полу.

Шофер. А-а!.. Вот вы где.

Коридор госпиталя.

Открывается дверь лифта. Двое выносят Генри, обливающегося потом, корчащегося от боли.

Генри (мрачно). Вы имеете представление, куда вы идете?

Швейцар. Я думаю, у них есть здесь кровати.

Смотрит в один, потом в другой конец пустого коридора. То же самое делает шофер.

Шофер. Никого нет... Что будем делать?

Швейцар (к Генри). Я кого-нибудь поищу.

Генри (мрачно). Хорошая мысль.

Швейцар. Вот она.

Появляется опрятная женщина с суровым лицом, среднего возраста. Она в форме сестры милосердия. Ее зовут мисс Ван Кампен. Рядом с ней бойкая белокурая американская девушка. Это Эллен Фергюсон. Тоже в

форме. Она везет каталку. Подвозит ее к двери лифта. Мужчины поднимают Генри, кладут его на каталку. Швейцар начинает ее толкать.

Ван Кампен. Вы наш первый пациент, лейтенант Генри. Ваш доктор в Орсино известил меня о вашем приезде. Я мисс Ван Кампен, начальник госпиталя.

Генри (*мрачно*). Здравствуйте.

Ван Кампен. А это мисс Фергюсон.

Фергюсон (*улыбаясь*). Хэлло!

Генри. Здравствуйте. (*Оглядывается кругом.*) Нет ли здесь еще других сестер?

Ван Кампен (*решительным тоном*). Только мисс Фергюсон и я сама. Я думаю, нас вполне достаточно для одного пациента.

Генри (*устало, но настойчиво*). А вы не ожидаете других?

Ван Кампен (*игнорируя вопрос*). Угловая палата, швейцар.

Швейцар везет Генри к двери палаты.

В палате.

Швейцар ввозит Генри в палату. В комнате платяной шкаф, кровать, два стула и голые стены. Есть балкон. Через двери балкона открывается вид на крыши домов.

Фергюсон и швейцар перекалдывают Генри с каталки на кровать.

Ван Кампен. Разденьте и вымойте его, мисс Фергюсон. И принесите ему ночную рубашку, швейцар.

Генри. Спасибо, я разденусь и вымоюсь сам.

Ван Кампен (*решительно*). Чепуха!

Фергюсон снимает с Генри брюки. Швейцар выходит. Фергюсон снимает с Генри также френч и рубашку. Он остается в одних трусах.

Ван Кампен. Вам не нужно судно?

Генри (*резко*). Нет... Когда будет доктор?

Ван Кампен. Когда вернется. Мы звонили ему на озеро Комо.

Генри. Я хочу есть. Как с едой?

Ван Кампен. Мы находим ее вполне удовлетворительной.

Генри. Можно мне к обеду вина?

Ван Кампен (*твердо*). Только по предписанию врача.

Генри (*хмуро*). Какого врача? Здесь нет врачей.

Швейцар возвращается с госпитальной ночной рубашкой и вручает ее Фергюсон. Та надевает рубашку на Генри. Швейцар, оглядываясь назад, выходит.

Ван Кампен. Положите это в рот. Мы посмотрим, насколько вы больны.

Сует ему в рот термометр.

Генри (*раздраженно*). Я не больной, я — раненый. И мне нужно выпить. Разве я не могу выпить один раз до прихода врача?

Ван Кампен (*резко*). Абсолютно нет!
Со злостью Генри раскусывает термометр, ломает его, выплевывает кончик, оставшийся во рту.

Ван Кампен (*невозмутимо*). Это настоящее ребячество.

Вынимает из кармана другой термометр и добавляет.

Ван Кампен. Переверните его, мисс Фергюсон. Посмотрим, как ему удастся разбить термометр теперь.

Сестра переворачивает Генри на бок. Ее улыбающееся лицо повернуто в сторону от начальницы. Ван Кампен стоит в ожидании с температурным листком в руках.

Палата Генри.

На кровати на спине лежит Генри. Он оброс щетиной.

Входит Фергюсон. Ее форменное платье сестры милосердия спереди натянулось так, словно с тех пор, как мы ее видели последний раз, у нее выросла грудь.

Генри. Достали?

Фергюсон. Да, сэр. Я прорвала блокаду. Отвернитесь.

Генри (*ухмыляясь*). Мне уже за двадцать один.

Фергюсон растегивает блузу и вынимает оттуда две бутылки вина. Показывает их Генри.

Генри. Какая жалость!.. Они вам очень шли.

Дав ему бутылку, девушка прячет другую под матрац.

Фергюсон. Теперь смотрите, чтобы Ван Кампен не застала вас, когда вы будете потягивать его. А то она даст жизни нам обоим!

Генри (*делая глоток*). Выяснили что-нибудь относительно мисс Баркли?

Фергюсон. Да, конечно.

Генри (*быстро*). Что?

Фергюсон молчит. Он резко добавляет.

Генри. Что вы выяснили?

Фергюсон (*улыбаясь*). Посмотрите на него! Прикованный к постели Ромео.

Снова замолкает, затем говорит с симпатией.

Фергюсон. Мисс Баркли приезжает с восьмичасовым поездом.

Генри (*сияющий*). Она приезжает!.. Вы не обманываете?!..

Смотря на его взволнованное лицо, Фергюсон роняет.

Фергюсон. Должно быть, в ней что-то есть.

Слышится стук в дверь.

Фергюсон. Наверно, парикмахер. Я подумала, что вам следует побриться. Это всегда помогает воссоединению!

Направляется к двери.

Фергюсон. Спрячьте бутылку. И старайтесь не раздражать Ван Кампен.

Открывает дверь. Появляется пожилой, мрачный, усатый человек. Это парикмахер. Под мышкой у него набор инструментов и полотенце, в руках — таз с горячей водой. Генри убирает бутылку под матрац.

Фергюсон (от двери). До прибытия предмета ваших мечтаний у вас четыре часа. Попытайтесь отдохнуть.

Уходит. Парикмахер возится около кровати. Генри улыбается ему.

Генри. Мне лежать или сесть?

Не отвечая, парикмахер молча смотрит на него, намыливает ему лицо. Генри, возбужденный новостью, сообщенной Фергюсон, садится, улыбается мрачному парикмахеру.

Генри. Сделайте меня очень красивым...

Намыливание окончено. Взяв бритву, парикмахер так же молча начинает брить.

Генри. Какие военные новости?

В ответ парикмахер молча бреет. Генри улыбается ему.

Генри. Какие еще из альпийских вершин захвачены?

С мрачным видом, продолжая бритье, парикмахер молчит.

Генри. Что случилось? Я думал, что парикмахеры разговаривают.

Лицо парикмахера темнеет.

Генри. Ну же, какие там новости?!

Парикмахер (быстро). Я вам ничего не скажу!

Генри. Послушайте, мой друг! Я не видел газет уже целую неделю. Как идут военные действия?

Парикмахер (сквозь сжатые губы). Берегитесь! Бритва острая.

Генри (раздраженно). Да что это с вами?

Парикмахер (гордо). Молчите! Я итальянский патриот.

Начинает брить еще быстрее.

Генри. Осторожнее с этой бритвой.

Парикмахер (злоюще). Это вы осторожнее!

Генри. Я вежливо спросил вас о войне.

Парикмахер (свирепо). Еще один вопрос, и я перережу вам горло.

Открывается дверь. Входит Фергюсон.

Генри (к Фергюсон). Где вы откопали этого помешанного?

Фергюсон. Что случилось?

Генри. Он хочет перерезать мне горло.

Фергюсон. Да что вы!

Генри. Спросите его.

Фергюсон. Зачем вы хотите перерезать ему горло, Луиджи?

Парикмахер. Ни одному грязному австрияку не выжать из меня военных сведений. Скорее я убью его.

Фергюсон. Он не австриец, Луиджи. Я сказала вам. Он американец.

В изумлении, открыв рот, парикмахер смотрит на Генри.

Парикмахер. Я думал, вы сказали — австриец.

Хочет. Весело смеясь, он заканчивает бритье.

Парикмахер. Хо-хо!.. Вот потеха-то! Я чуть не перерезал ему горло!.. Я сказал себе, ха-ха-ха!.. Как только этот грязный австрияк даст мне еще один вопрос, я перережу ему горло!

Изображает бульканье и разыгрывает пантомиму — как он перерезает горло. Вытирая лицо Генри, оглушительно хохочет.

Генри. Убирайся отсюда, ты, лунатик!

Продолжая хохотать, парикмахер направляется к двери.

Парикмахер. Ха-ха-ха! Вот так штука могла бы получиться! Я перерезал горло! Не то горло!

Выходит.

Ночь. Палата Генри.

Дверь открывается. Появляется Кэтрин. Она нетерпеливо стремилась в Милаан, и теперь ее сердце неистово бьется. Все это время, с момента их прощания несколько дней назад, она думала, мечтала, помнила о Генри. Все ее время было заполнено воображаемыми картинами близости и страсти и, несмотря на успокоение Ринальди, беспокойством о его ранах.

Пристально и молча смотрит на нее Генри. Она медленно идет к его кровати.

Кэтрин. Хэлло!

Генри. Хэлло!

На какой-то момент Кэтрин приостанавливается. Затем снова идет к кровати. Все это время они, не отрываясь, смотрят друг на друга.

Генри. Ты милая!.. Как чудесно, что ты приехала сюда.

Кэтрин. Это ухитрился устроить майор Ринальди.

Генри не спускает с нее глаз. Она останавливается.

Генри. Иди сюда. Прошу тебя!

Кэтрин не двигается.

Кэтрин. Как ты себя чувствуешь?

Генри (делает нетерпеливый жест рукой). Прошу тебя...

Кэтрин. Тебя уже оперировали?

Генри. Нет. Забудь об этом... Прошу тебя, дорогая!

Она подходит к кровати. Он жадно обнимает ее.

Кэтрин (нежно). Дорогой мой.

Он крепко прижимает ее к себе.

Кэтрин. Тебе нельзя.

Генри. Я схожу по тебе с ума.

Горячо целует ее.

Кэтрин. О дорогой. (Откидывается назад.) Ты правда меня любишь?

Генри (горя от нетерпения снова обнять ее). Я обожаю тебя... Иди сюда, прошу тебя.

Кэтрин. Но ты действительно меня любишь?

Генри. Перестань говорить об этом... Кэтрин, прошу тебя!

Она снова прижимается к нему. Они целуются. Он отпускает ее и нежно говорит.

Генри. Закрой дверь.

Кэтрин. Нет... Тебе не следует.

Генри. Не говори. Прошу тебя... Ну, прошу тебя! Я тебя люблю.

Она поднимается, идет к двери. Открывает ее и выходит.

Слабо освещенный длинный коридор. Он совершенно пустой.

...Ряд закрытых дверей...

Открывается одна дверь. В ней показывается Кэтрин. Она смотрит вдоль коридора... Позади нее свет. Когда это доходит до ее сознания, она поворачивается, с секунду колеблется, скрывается в комнате и закрывает дверь.

В кадре — закрытая дверь.

Палата Генри. Светает. Слышен крик петуха. Мелодично звонят колокола.

У закрытой двери на балкон стоит Кэтрин. Она смотрит, как разливается утренний свет по крышам. Генри лежит в постели, наблюдая за ней.

Генри (*спокойно*). Иди сюда.

Отвернувшись от окна, Кэтрин серьезно смотрит на него.

Генри (*после паузы*). Я схожу с ума от любви к тебе.

Она подходит к кровати, садится около него. Он мягко притягивает к себе ее голову, нежно целует, поглаживает волосы, гладит ее шею, нежно говорит.

Генри. Гладенькая... гладенькая, как клавиши рояля.

Кэтрин (*глядя его подбородок*). Гладенький, как наждак.

Генри. Колется?

Кэтрин. Нет, милый. Я только пошутила над тобой.

Он ласкает ее волосы. Они рассыпаются.

Генри. Твои волосы чудесны.

Подставляет свою голову под каскад рассыпающихся волос.

Генри. Я люблю жить в палатке.

Настроение Кэтрин резко меняется. Она становится задумчивой. В ее глазах появляются слезы.

Кэтрин. Милый, ты будешь хорошо ко мне относиться, правда?

Генри (*улыбаясь*). Да, всегда!

Кэтрин. Будешь, да? Потому что мы собираемся вести странную жизнь.

Наклоняется над ним и нежно целует его. Поднимается, идет к балкону. Открывает дверь.

На улице совсем светло. Она стоит в открытой двери с вытянутыми руками и вдыхает свежий утренний воздух. Поворачивается к Генри. На ее лице восторг. Тихо добавляет.

Кэтрин. Но это единственная жизнь, какую я хочу!

Вечер. Палата госпиталя.

В кадре крупно — полковник Валентини. Это пожилой, с худощавым лицом, обаятельный человек и талантливый врач. Он в форме войск санитарной службы.

Валентини. Для меня честь — оказать помощь другу добрейшего Ринальди... Он учился у меня в университете и с самого начала обнаружил талант к анатомии женщин...

Полковник стоит возле кровати Генри. Неподалеку второй врач, штатский, молодой, полный, одетый во все белое, в очках с толстыми стеклами. По другую сторону кровати — Фергюсон. В руках у нее большой красный конверт с рентгеновскими снимками... Кэтрин нежными движениями губкой обмывает разбинтованную ногу Генри.

Заметив чрезмерное усердие в действиях Кэтрин, Валентини отводит ее руку.

Валентини. С вашего позволения, сестра... Я думаю, что нога пациента уже достаточно отполирована.

Слова врача приводят Кэтрин в замешательство. Но ее смущение больше похоже на смущение возлюбленной, чем сестры.

Валентини (доктору). Скажите, пожалуйста, что показывает рентген?

Доктор (строго, обращаясь к Фергюсон). Рентген!.. Снимок «А».

Сестра подает врачу большой рентгеновский снимок. Он глубокомысленно рассматривает его. Поведение этого доктора вызывает у Фергюсон немного ироническое отношение. Уж она-то знает, что это за врач! Валентини медленно сгибает ногу Генри.

Доктор. Я думаю, безопаснее будет отложить вскрытие коленного сустава до тех пор, пока не образуется киста вокруг инородных тел... На это потребуется пять-шесть месяцев.

Генри (зло). Я не собираюсь лежать, как кукла, в течение шести месяцев.

Валентини (сухо, иронически). Может быть, после нашего исследования мы узнаем немножко больше относительно того, сколько на это потребуется!

Обращает внимание на внимательное и взволнованное лицо Кэтрин.

Валентини. Молодой человек, это ваша девушка?

При этом вопросе Кэтрин молча улыбается. Нежно улыбаясь в ответ ей, Генри говорит с гордостью:

— Я ее парень!

Валентини (смотря на них). Ага, я так и думал.

Осторожно прощупывает ногу Генри.

Валентини. Раны и смерть. Смерть и раны. Я вижу их уже тридцать лет!.. Но война несколько меняет картину. Вместо старости в моей помощи нуждается юность. Какой это позор — калечить в качестве объекта молодые ноги!.. (Доктору.) Что показывает рентген левой коленной чашечки?

Доктор (изучая рентген). Коленная чашечка чистая.

Валентини (резко). Что?

Доктор. Никаких инородных тел до самой икры...

Валентини (смотря на колено Генри). Вы сошли с ума! Я вижу шрапнель даже невооруженным глазом.

Доктор (все еще изучая снимок). Прошу прощения, полковник!.. Но там ничего нет. Левая нога нуждается лишь в небольшом зондировании икры.

Схватив рентгеновский снимок, Валентини смотрит на него.

Валентини. Это же снимок правой ноги!

Доктор. Это невозможно!

Валентини (мрачно). Для гения в медицине нет ничего невозможного.

Нахмурившись, смотрит на доктора.

Валентини. А теперь будьте добры взглянуть на обсуждаемую ногу... на левую... и описать, что в ней имеется.

Доктор (угодливо, к Фергюсон). Дайте мне посмотреть нужный снимок, мисс Фергюсон... Левой ноги.

Берет из ее рук другой снимок. Исподтишка Фергюсон делает презрительную гримасу. Валентини улыбается Генри и Кэтрин.

Валентини. Она — милая девушка. Я безвозмездно буду принимать у вас детей вплоть до третьего бэби. А за последующих буду брать небольшой гонорар.

Доктор (изучая снимок). Лодыжка странно распухла и, по-видимому, полна инородных тел.

Валентини (резко). Какая лодыжка?

Доктор. Левая. (Показывает.) Вот здесь.

Валентини (глядя на снимок). Это не лодыжка. Это бедро.

Доктор. Да, конечно. Я держал снимок вверх ногами.

Валентини (пристально глядя на доктора). Естественная ошибка. Переворачивая снимок, чтобы рассмотреть его, доктор строго говорит Фергюсон.

Доктор. В следующий раз, мисс Фергюсон, подавайте мне снимок правильно... неперевернутым.

Сестра почти не скрывает своего злорадства и еле успеваает согнать с лица торжествующую улыбку, когда врач поднимает на нее глаза.

Генри (к Валентини). Ну, как доктор? Придется ли мне ждать операции полгода?

Валентини (торжественно). Ну, я думаю, мы сможем приняться за вас немного раньше. (Пауза.) Ну, скажем, завтра утром.

Генри (улыбаясь). Доброе дело!

Доктор поражен.

Валентини (доктору). Благодарю вас за помощь.

Делая запись в истории болезни, Валентини говорит Генри.

Валентини. Мы снова встретимся с вами, юноша, завтра в десять часов утра.

Генри (полусалютуя). Увидимся в вашей мясорубке. Спасибо.

Валентини отдает Кэтрин историю болезни.

Валентини. Я оставляю его в хороших руках. (Улыбается ей.) Любовь — лучший целитель. До свидания, счастливый народ.

Кэтрин. Мы оба от всего сердца благодарим вас, доктор!

Доктор идет за выходящим Валентини. Фергюсон говорит ему вслед.

Фергюсон. Если вам еще нужна моя помощь, доктор...

Тот бросает на нее мрачный взгляд. Она идет за ним к двери. Генри протягивает руку к Кэтрин.

Генри (делая знак). Пс-с-с-с!..

Подойдя к кровати, Кэтрин кладет ему в рот термометр.

Кэтрин. Я на работе.

Улыбается, оправляет постель.

Кэтрин. Я должна подготовить тебя... Я не хочу, чтобы тебя касался кто-нибудь еще. Я знаю, что я глупая. Но я взбешусь, если кто-нибудь из них дотронется до тебя.

Все еще с термометром во рту, Генри поддразнивает ее.

Генри. Ты имеешь в виду Фергюсон?

Кэтрин (поправляя постельное белье). И особенно Фергюсон... Теперь маленький совет. Когда тебе дадут эфир, не думай о нас. Потому что люди под наркозом становятся очень болтливыми. Думай о чем-нибудь очень неприятном. Или читай молитвы. Это, должно быть, производит очень приятное впечатление.

Вынимает термометр.

Генри. Я не буду болтать. Не скажу ни одного слова.

Кэтрин. Не хвастайся. Ты очень хороший, тебе не нужно хвастаться.

Смотрит на термометр.

Кэтрин. И у тебя такая замечательная температура.

Генри. Мне больше нравится твоя.

Кэтрин. Я горжусь твоей температурой.

Генри. Наверно, у всех наших детей будет прекрасная температура.

Кэтрин. Вероятно, у наших детей будет отвратительная температура.

Генри смотрит на нее с обожанием.

Генри. Сегодня ночью?

Протягивает к ней руку и тихо добавляет.

Генри. Прошу тебя...

Улыбаясь, Кэтрин направляется к двери.

Кэтрин. История болезни на сегодня предписывает немного лекарств, ванну и слабительное. (С притворной суровостью добавляет.) И больше ничего!

Посылает ему воздушный поцелуй и уходит.

Утро. Коридор госпиталя возле операционной.

Кэтрин и Фергюсон выкатывают Генри из операционной. Доктор Валентини и Ван Кампен идут за ними. Генри все еще под действием наркоза, но уже начинает приходить в себя. Лицо Кэтрин светится лаской и нежностью.

Фергюсон. Он придет в себя через несколько минут. О лучшей операции нельзя было и мечтать.

Кэтрин. Не качайте его.

Пока они везут его по коридору на каталке, Генри слабо стонет. Говорит голосом человека, все еще находящегося под наркозом.

Генри. Кэтрин... Кэтти... Поди сюда...

Фергюсон (нервно). Ван Кампен слушает. Лучше бы заставили молчать вашего Ромео.

Генри. Кэтти... Поди сюда...

Фергюсон. У нашего пациента, кажется, довольно однообразные воспоминания. Если она его услышит, вы погибли.

Везут каталку быстрее. Им удается оставить Ван Кампен за пределами слышимости.

Поздние сумерки.

Вдали виден Миланский кафедральный собор.

Облачная, мрачная ночь. Откуда-то издалека слышен гром.

Палата Генри.

Глубокая ночь. Горит лишь одна маленькая лампа... У стены около кровати видны костыли. Это указывает, что прошел значительный период времени со дня ранения Генри, что его выздоровление идет успешно. Кэтрин в форме. Она протирает спиртом спину Генри. Он в это время попивает клубничное вино, которое ему не очень нравится.

Кэтрин. Доктор Валентини говорит, через несколько недель ты сможешь гулять.

Генри. А он не сказал, буду ли я хромым?

Кэтрин. Нет, не сказал. Но я надеюсь, что будешь. И еще надеюсь, что это продлится до окончания войны. *(Улыбается.)* Тогда тебе не нужно будет возвращаться в армию.

Генри *(сделав еще глоток, говорит сердито)*. Ты можешь представить себе человека, который выделяет вино со вкусом клубники?

Кэтрин. Почему бы нет? Это звучит чудесно.

Генри. Оно даже не пахнет клубникой. В следующий раз, если я не каюсь слишком неблагоприятным, я предпочел бы немножко бренди.

Кэтрин. Оно слишком крепко для тебя.

Генри *(переворачиваясь)*. Сказать тебе, Кэт, что я сделаю?.. До-стань мне еще одну бутылку бренди, и я женюсь на тебе!

Кэтрин *(посмеиваясь)*. Ты хочешь сказать, что за одну бутылку бренди сделаешь из меня порядочную женщину?

Генри. Нет, в самом деле, я намерен жениться на тебе... если даже ты еще раз принесешь мне эту гадость!

Смотрит на бутылку и ставит ее на пол, самонадеянно предполагая, что никакой дискуссии по поводу его идеи относительно женитьбы не будет.

Кэтрин *(помолчав, говорит спокойно)*. Нет, мы не поженемся.

Генри *(очень удивленный)*. Нет, поженемся.

Кэтрин *(подходя к нему)*. Милый, выйти за тебя замуж — я предпочла бы всему на свете. Но тогда меня отправят отсюда.

Генри. Кто сказал?

Кэтрин. На фронте не разрешают быть вместе с женами. Меня моментально выставляют из Италии, и какая-нибудь другая сестра посвятит себя уходу за тобой... Я бы не перенесла этого.

Генри. Мы можем пожениться тайно.

Кэтрин. В Италии нельзя сохранить это в тайне. Нужно получить свидетельство у консула и дать публикацию в печати, и...

Все еще не убежденный, но уже разочарованный, Генри перебивает.

Генри. Но ведь ясно, что...

Кэтрин *(перебивая)*. Тебе нет необходимости убеждать меня, милый. Я буду счастлива выйти за тебя замуж после войны, если ты еще захочешь этого.

Генри. А если все же теперь? Тебя не смущает, что мы не женаты?

Кэтрин *(трясет головой)*. Нет... Видишь ли, милый, это имело бы для меня значение, если бы я была религиозна. Но ты — моя религия. Ты для меня все на свете.

Неожиданно в комнате слышен порыв ветра. По стеклу балконных

дверей с силой бьет дождь. Кэтрин смотрит на дребезжащие стекла. На лице у нее страх.

Обнимая Кэтрин, Генри ласково уговаривает ее.

Генри. Иди ко мне, Кэт.

Уткнувшись ему в плечо, Кэтрин прячет лицо.

Кэтрин. Это все ерунда. Я не боюсь дождя.

Повторяет, словно желая убедить себя в этом.

Кэтрин. Я не боюсь дождя!

Нежно гладит ее по голове Генри. Раздается удар грома. Дождь льет сильнее. Кэтрин секунду смотрит на дождь. Снова отворачивается, так как ее попытка переубедить себя не удалась.

Кэтрин. О боже, как бы я хотела не бояться.

Генри ласково целует ее. Подняв к нему лицо, она говорит жалобно.

Кэтрин. Ты всегда будешь любить меня, правда?

Генри (*нежно*). Всегда... Я буду любить тебя и в дождь, и в снег, и в град.

Говорит он по-прежнему ласково, стараясь успокоить ее, но в то же время шаловливо пытается незаметно распустить ее волосы.

Генри. Что там бывает еще?..

Распускает ее волосы.

Генри. И потом я всегда буду любить твои волосы!

Страх у Кэтрин начинает проходить. Несколько успокоенная и немного смущенная, она говорит.

Кэтрин. Я думаю, я глупая.

Генри. Даже наполовину не такая глупая, как я... Ты ничего не знаешь?

Прячет свое лицо под спадающие волосы Кэтрин.

Генри. Я бы хотел жить в палатке...

В кадре — их головы вместе. Волосы Кэтрин закрывают обоих...

Утро. Кухня, где готовят сестры. Кэтрин готовит для своего пациента завтрак. На горячей газовой плите сковородка. Входит Фергюсон.

Фергюсон. Вы видели двух новых пациентов?

Кэтрин. Нет.

Фергюсон. Ранение головы и грыжа. (*С кислым видом.*) Интересно...

Достает сигарету из кружки, куда она их прячет, берет спички. Закуривает.

Кэтрин. Я им благодарна. Я боялась, что меня отправят обратно.

Фергюсон. Как ваш герой?

Кэтрин (*весело*). Он три раза прошел по коридору. Затем хотел попробовать пробежаться. Мне пришлось силой удержать его от этого.

На следующей неделе мы собираемся покататься на лодке. Я думаю, для него это будет хорошо... как вы полагаете, Фергюсон?

Фергюсон (*сухо*). Классно.

Кэтрин. Я обегала весь Милан в поисках американской овсянки. Это всего лишь каша. Но он настаивает, чтобы она была из американской овсянки. К счастью, к бекону он относится более лояльно.

Фергюсон (*улыбаясь*). Они все одинаковы.

Кэтрин. Что вы хотите сказать?

Фергюсон. У них у всех одинаковые обычаи. И главный из них.

(*Пауза.*) Они не хотят быть женатыми.

Кэтрин (*улыбаясь*). Он сделал мне предложение три дня назад.

Фергюсон (*несколько саркастически*). Какое предложение?

Кэтрин. Выйти за него замуж.

Фергюсон (*просив*). Ну и ну!.. Я беру обратно все слова о том, что он из тех парней, которые любят девушек и потом бросают их. Поздравляю!

Улыбаясь, Кэтрин продолжает готовить.

Кэтрин. Нет!.. Выйти сейчас замуж — значит расстаться! Ты же знаешь правило.

От изумления Фергюсон не может вымолвить ни одного слова. Наконец она обретает дар речи.

Фергюсон. Ты с ума сошла?.. Не отвечай. Слушай... Через пару месяцев твой Фредерико отбудет на паре здоровых ног и бросит тебя.

Кэтрин. Этого не будет!

Фергюсон. Милая, это тоже правило! Каждый солдат считает, что он вправе ухаживать за дамой, которую захватил, служа своему отечеству.

Кэтрин (*повышая голос*). Прекрати, пожалуйста, пока я не разозлилась!

Фергюсон. Хорошо, злись! Может быть, это прочистит тебе мозги!

Входит Ван Кампен. Девушки немедленно замолкают.

Ван Кампен. По поводу чего весь этот шум, мисс Баркли?

Взволнованная Кэтрин не в состоянии придумать какую-нибудь ложь. За нее отвечает Фергюсон.

Фергюсон. М-м, видите ли, я... как раз говорила, что единственный способ помочь союзникам — это прибыть сюда американцам и прибыть как можно быстрее. Наша английская леди не одобряет такого предложения.

Ван Кампен (*обсим*). Я не потерплю никаких нарушений в этом госпитале!.. Никаких.

Кэтрин. Слушаюсь, мисс Ван Кампен.

Направляется к двери, держа в руках поднос с едой.

Ван Кампен. И если вам не нравятся американцы, мисс Баркли, будьте добры держать это при себе.

Кэтрин. Хорошо, мисс Ван Кампен.

Уходит.

Ван Кампен (*принюхиваясь*). Мисс Баркли курит?

Фергюсон (*пряча сигарету*). Нет... я не... я полагаю... Нет, нет, она не курит.

Быстро выходит.

Солнечный день. Начало лета.

Озеро. Маленькая лодка с небольшим тентом над кормой. Генри гребет. На нем рубашка с засученными рукавами и военные брюки. В лодке рядом с его костылями лежат френч, галстук и кепи. Там же удочка и другие рыболовные принадлежности. В задней части лодки лежит форма Кэтрин и ее шляпа с полями.

Сама Кэтрин плавает позади лодки, держась за нее одной рукой. Она в купальном костюме, какие носили в то время. Волосы у нее распущены.

Лодка останавливается. Генри берет удочку, насаживает крючок, забрасывает. Кэтрин ныряет. Вынырнув, подплывает к Генри.

Кэтрин. Скольких женщин ты любил?

Генри (*твердо*). Ни одной.

Кэтрин (*улыбаясь*). Конечно, исключая меня.

Генри. Ты первая и единственная.

Кэтрин. Ну, а сколько все-таки еще?

Генри. Ни одной.

Кэтрин. Ты сочиняешь.

Генри. Немножко.

Кэтрин. Правильно. Лучше говори мне неправду. Именно этого я и хочу.

Снова ныряет, в то время как Генри возится с рыболовными принадлежностями. Вынырнув, Кэтрин подплывает к нему с новым запасом вопросов.

Кэтрин. Они были хорошенькие?

Генри. Не особенно.

Кэтрин. Правильно... Ты только мой! Это правда. И ты никогда не принадлежал кому-нибудь еще. (*С любовью улыбается ему.*) Но я не возражаю, если и принадлежал. Я их не боюсь. Но не рассказывай мне о них.

Генри. Я не буду.

Смеется, Кэтрин перекувыркивается в воде. Генри продолжает удить. Она снова подплывает с третьей серией вопросов.

Кэтрин. А когда девушка сама говорит?..

Генри. Я не знаю.

Кэтрин. Конечно, нет! *(Пауза.)* А она говорит ему, что любит его?.. Скажи мне. Я хочу это знать.

Генри *(неохотно)*. Да, говорит. Если он этого хочет.

Кэтрин. А он говорит, что любит ее? Пожалуйста, скажи. Это очень важно.

Генри. Да, говорит... если хочет.

Кэтрин. Но ты никогда этого не говорил? *(Взволнованная, смотрит на него.)* Скажи мне правду... Ну, пожалуйста!

Генри. Нет.

Отводит в сторону глаза.

Кэтрин. Ты бы не стал. Я знаю, что ты бы не стал! О, я так люблю тебя, милый.

Наклонившись над бортом лодки, Генри целует ее. Она снова ныряет. Выплывает и снова задает свои вопросы.

Кэтрин. Девушка говорит только то, что хочет мужчина?

Генри *(нервно)*. Не всегда.

Кэтрин. *(Из глубины сердца)*. А я буду. Я буду говорить только то, что захочется тебе... и я буду делать только то, что захочется тебе, и тогда ты никогда не пожелаешь других девушек! Правда?

Генри. Никогда.

Кэтрин. Я буду делать все, что ты захочешь, и буду говорить все, что ты захочешь, и тогда у меня все будет замечательно! Правда?

Генри. Ты сама — замечательная и чудесная.

Кэтрин. Меня больше нет. Есть только то, что хочешь ты. Проси...

Генри. Тебя!

Хватает ее, втаскивает в лодку. Лодка почти опрокидывается, но Генри все же схватывает Кэтрин и целует ее. Оба падают, обнявшись и смеясь, как дети. Генри крепко целует ее.

Тихо покачивается на воде лодка. Над озером слышен счастливый смех.

Ночь. Коридор в госпитале.

В кадре крупно — Фергюсон.

Слышится голос Ван Кампен.

Голос Ван Кампен. Мисс Баркли! Где мисс Баркли?

Пытаясь принять озадаченный вид, Фергюсон хочет уйти. Но появившаяся Ван Кампен зовет ее.

Ван Кампен. Мисс Фергюсон...

Фергюсон останавливается. Ван Кампен подходит к ней.

Ван Кампен. Вы не видели мисс Баркли?

Фергюсон *(уклончиво)*. Я ей скажу, что вы хотите ее видеть.

Ван Кампен. Где она?

Но Фергюсон не только хороший товарищ. Она и храбрый товарищ.

Фергюсон. Я уверена, что она в кухне. Всегда сама готовит все блюда. Всегда работает как ломовая лошадь.

Ван Кампен. Благодарю вас.

Уходит. Фергюсон спешит в противоположную сторону. Она поспешно подходит к палате Генри. Стучит в дверь. Никакого ответа. Озабоченно оглядывается. Стучит сильнее.

Дверь открывается. Придерживая распущенные волосы, выглядывает Кэтрин.

Фергюсон. Ван Кампен на охотничьей тропе.

Кэтрин. Где она?

Фергюсон. Я послала ее по окольному пути — в кухню. У тебя две минуты на сборы.

Кэтрин (*испуганная, скороговоркой*). Спасибо.

Поспешно закрывает дверь. Фергюсон быстро уходит в направлении, противоположном тому, откуда пришла.

Палата Генри.

В панике Кэтрин что-то ищет. Генри сидит на кровати.

Кэтрин (*нервно*). Мои шпильки!

Поискав их рукой на кровати, Генри показывает.

Генри. На столе.

Кэтрин бросается к столу. Находит шпильки. Быстро подбирает волосы. Вдруг замечает на кровати бутылку с вином. Хватает ее и засовывает под матрац. Выключает верхний свет, оставив одну лишь настольную лампу около кровати. Схватив со стола книгу, усаживается в кресло и опускает глаза на открытую страницу.

А Генри в это время, натянув одеяло до подбородка, повертывается спиной к Кэтрин и к двери. Закрывает глаза и притворяется спящим.

Дверь открывается. На пороге появляется Ван Кампен. Она видит невинную сцену. Спокойно говорит.

Ван Кампен. Мисс Баркли, вы будете докладывать доктору Кордини в палате «Б».

Кэтрин. Хорошо, мисс Ван Кампен.

Ван Кампен. Я не понимаю, почему вы считаете необходимым оставаться в этой палате, когда пациент спит.

Кэтрин. О, я не знала, что он спит. Я читала ему.

Ван Кампен. Чтение не входит в ваши обязанности, мисс Баркли.

Кэтрин. Простите. Я думала...

Закрывает книгу.

Ван Кампен. Вы можете оставить книгу. Он может дочитать ее без вашей помощи.

Положив книгу, Кэтрин выходит. За ней выходит Ван Кампен. Закрывает за собой дверь. Генри запускает в дверь пепельницей.

Конец лета. Солнечный день. Ипподром. Идут скачки. Среди лошадей, участвующих в заезде, выделяется вороная по кличке Черный Гриф.

...На трибунах Кэтрин и Генри. Перед ними на столике бутылка вина и еда. Кэтрин сидит. Генри стоит, тяжело опираясь на палку. Он в сильном возбуждении. Мысли Кэтрин далеко от скачек.

Генри (*кричит*). Давай, Черный Гриф. Пошевеливайся!

Не глядя на Кэтрин, говорит ей.

Генри. Посмотри на этого сукина сына!.. На шестой номер!

Черный Гриф, идущий под номером шесть, значительно отстал. Разгневанный Генри рвет билет. Садится.

Генри (*разочарованный*). А я рассчитывал провести сегодняшний вечер в Гран Итали.

Просительно смотрит на Кэтрин.

Генри. Давай посмотрим, не повезет ли нам в следующем заезде?

Наконец замечает настроение Кэтрин. Смотрит на нее. Видит, что ее мысли далеко от скачек.

Генри. Что случилось, Кэт?

Стараясь отделаться от своих мыслей, она трясет головой.

Кэтрин. О, ничего, милый!

Генри. Не потому же ты расстроена, что мы проиграли заезд?

Кэтрин. Конечно, нет.

Генри. Тогда что же случилось?

Кэтрин (*отводит глаза*). Да, право, ничего не случилось.

Генри (*начиная беспокоиться*). Нет, что-то случилось. Прошу тебя, скажи.

Кэтрин. Я не хочу... Я боюсь... это огорчит тебя... или будет тревожить тебя.

Генри (*с мягкой улыбкой*). Нет, этого не случится... если это не тревожит тебя.

Но через минуту Кэтрин говорит неохотно, очень тихо, как и положено вести такой разговор в общественном месте.

Кэтрин. Хорошо... У меня будет ребенок.

Это известие не вызывает у Генри энтузиазма. Он поражен.

Генри. Вот это новость!

Кэтрин. Ты не расстроен?.. Прошу тебя, ну, пожалуйста, не тревожься.

Генри. Я только тревожусь о тебе.

Кэтрин (*горячо успокаивает его*). О, прошу тебя, не надо. Все будет в порядке. И ты не должен тревожиться. У всех есть дети. Это естественная вещь.

Генри. Ты молодчина.

Кэтрин. Совсем нет. Но я не хотела бы доставлять тебе хлопоты после этого разговора. Я знала об этом уже давно. Но разве я не была до сих пор хорошей девочкой? Ты этого даже не предполагал.

Генри. Нет... Когда это должно произойти?

Кэтрин. Где-то в марте.

Генри (после минутной паузы). Так... Это предreshает одну вещь. Завтра мы поженимся.

Кэтрин (быстро). Нет, нет! Вот почему я и не говорила тебе этого раньше. Я не хотела, чтобы ты чувствовал себя так, словно попал в ловушку. (После паузы, озабоченно.) Скажи, ведь у тебя нет такого чувства?

Погруженный в собственные мысли, Генри рассеян.

Генри. Физиология — всегда ловушка.

Она не шевельнулась, не сделала ни одного жеста, но внутренне как-то отстранилась от него.

Кэтрин. Всегда — нехорошее слово.

Генри (поняв, что он сказал). Прости меня, Кэт.

Кэтрин. Нет, ничего. Но, видишь ли, у меня никогда не было детей. И я всегда старалась все делать так, как хотелось тебе... А теперь ты говоришь о «всегда».

Генри (сокрушаясь). Я не имел этого в виду, Кэт. Я бы отрезал себе язык. Я в восхищении, честное слово. Теперь я разыщу священника... или, может быть, мэра и...

Обида у Кэтрин почти прошла.

Кэтрин. Нет, нет, что ты! Меня немедленно посадят на пароход, отплывающий в Англию...

Увидев, что Генри огорчен, продолжает более оптимистически.

Кэтрин. Может быть, война окончится раньше, чем тебе нужно будет возвращаться. Самое важное для нас — быть вместе сейчас... так долго, как только можно... и...

Ее прерывает барабанная дробь и звук рожка из оркестра. Они смотрят на место букмекера около круга.

Место букмекера.

...Какой-то человек, держа мегафон, поворачивается лицом к трибунам. Его голос, усиленный мегафоном, заполняет ипподром.

Человек. Внимание! Внимание!

Постепенно гул голосов стихает. Устанавливается тишина.

Человек. Специальные известия с фронта Изонцо!.. Несмотря на отчаянное сопротивление отборных частей австрийской армии, наши войска дошли до вершин Сан-Габриэля и Сан-Марко, нанеся врагу тяжелые потери.

Приветственные крики толпы. Оркестр начинает играть военный марш.

Трибуны. Столик Генри.

Вместе с толпой восторженно аплодирует и Кэтрин. Когда же затихает шум толпы, она говорит.

Кэтрин (*в возбуждении*). Разве это не чудесная новость? Теперь я уверена — война скоро кончится! И затем, милый...

Но у Генри иное настроение.

Генри (*угрюмо*). Возможно, война скоро кончится.

Кэтрин. Милый! Не думай так.

Генри. Ничего не могу поделать.

Почему Генри хмурится, когда такие хорошие известия, Кэтрин не понимает. Спрашивает.

Кэтрин. Но почему?

Генри. Я думаю о... немцах.

Теперь она уже совсем ничего не понимает.

Кэтрин. О немцах?

Генри. Да... Русские заключили с ними сепаратный мир.

Вздыхает. Задумчиво и печально продолжает:

— Вот почему я думаю, что на этом фронте можно ожидать немцев.

Кэтрин. Мы побьем немцев!.. Мы побьем австрийцев! Мы побьем всякого!.. И потом у нас наступят чудесные дни, правда?

Генри (*машинально*). Конечно.

Кэтрин смотрит на Генри, берет его за руку и трясет, чтобы вывести из этого гнетущего настроения. Оркестр играет все громче.

Кэтрин. Разве это не чудесная свадебная мелодия?..

С блестящими глазами, сжимая его руку, Кэтрин торжественно произносит.

Кэтрин. Я, Кэтрин, беру тебя, Фредерико, в мужа...

Жених смотрит на нее с нежностью и обожанием...

Генри. Чтобы любить и лелеять, пока смерть не разлучит нас.

Смотрят друг на друга преданными глазами. Генри берет ее руку, целует ей палец, на котором носят обручальное кольцо. Оркестр продолжает играть.

Вечер. Нижний этаж госпиталя. Коридор.

Швейцар провозит мимо Ван Кампен тележку с грязными простынями, одеялами и другим бельем. Из тележки слышится позвякивание бутылок. Швейцар, нервничая, смотрит на Ван Кампен. У нее зарождается какое-то подозрение. Она подходит к тележке.

Ван Кампен (*резко*). Нино!

Швейцар останавливается. Ван Кампен проверяет содержимое тележки и извлекает оттуда две пустые бутылки из-под виски, одну из-под коньяка и еще одну в форме медведя, стоящего на задних лапах.

Ван Кампен. Где вы взяли эти бутылки?

С несчастным видом Нино молчит.

Ван Кампен. Они из комнаты лейтенанта Генри, не так ли? (*Сурово смотрит на Нино.*) Я требую ответа, Нино.

Нино. Это пустые бутылки. (*Умоляюще смотрит на начальницу.*)
Пожалуйста!

Ван Кампен. Я понимаю.
Удаляется с бутылками в руках.

Лестница, ведущая в коридор второго этажа. Коридор на втором этаже. По ступенькам поднимается Ван Кампен. Входит в слабо освещенный коридор. В каждой руке она держит по винной бутылке. Идет по коридору. Обгоняя ее, сестра провозит больного.
Возле двери палаты Генри Ван Кампен останавливается. С минуту прислушивается, затем осторожно и бесшумно открывает дверь.

Палата Генри.

Огонь не горит в палате. Но в лунном свете смутно видны силуэты Кэтрин и Генри. Волосы Кэтрин распущены по плечам. Она стоит на коленях перед кроватью. Генри гладит ее волосы и целует ее.

После поцелуя Кэтрин говорит тихо.

Кэтрин. Спокойной ночи, любимый.

Ван Кампен включает свет. Кэтрин вскакивает на ноги. Генри сидит на кровати. Кэтрин стоит покрасневшая и виноватая. Несколько секунд, пока Ван Кампен смотрит на Генри, затем на Кэтрин, в комнате висит напряженная тишина. Наконец, игнорируя Кэтрин, Ван Кампен обращается к мрачному Генри.

Ван Кампен (*холодно*). Лейтенант Генри, я давно подозревала, что вы используете этот госпиталь как место для собственных развлечений.

Генри. Мисс Баркли — не развлечение. Мы...

Ван Кампен (*прерывая и игнорируя его слова*). Это ваши бутылки?

Генри. Да. Одна из-под коньяка, другая из-под кюммеля. И они пустые.

Во время этого разговора Кэтрин начинает отходить к двери, надеясь незаметно выскользнуть.

Ван Кампен. Одну минуту, мисс Баркли.

Кэтрин останавливается.

Ван Кампен. Вами мы займемся позже. Вы знаете о существующих правилах и поэтому знаете, что вас ожидает. (*Поворачивается к Генри.*) А что касается вас, лейтенант, то вы уже, очевидно, больше не выздоравливающий. Я сегодня же сообщу в штаб, что с сегодняшнего вечера вы готовы вернуться к исполнению ваших служебных обязанностей.

Выходит. Кэтрин и Генри смотрят друг на друга.

Кэтрин (*смотря на Генри*). С сегодняшнего вечера!

Вечер. Миланская улица. Туман. Изморось.

Несчастные Кэтрин и Генри бредут по мокрой улице.

Холодно и пасмурно на улице. Тревожно и грустно на душе у обоих.

Он в военной форме, в плаще. На ней темно-синий плащ и неяркая фетровая шляпа. Около освещенной витрины магазина они останавливаются.

В витрине — спортивные товары, включая сапоги для верховой езды, рюкзаки и ружья. На фоне снежного пейзажа выставлены лыжи и лыжные ботинки. Есть и часы. Они показывают приблизительно 22 часа 42 минуты. Кэтрин и Генри некоторое время молча смотрят на витрину.

Кэтрин. Почти одиннадцать.

Генри. В нашем распоряжении еще несколько часов.

Снова минутное молчание.

Кэтрин. Скоро начинается лыжный сезон в Сан-Мориц.

Генри. Мы когда-нибудь поедем туда.

Кэтрин. Хорошо.

Уныло бредут дальше.

Он бережно переводит ее через улицу. Перейдя на другую сторону, они видят в воротах пару. Юноша и девушка крепко прижались друг к другу. Юноша плащом прикрывает девушку от измороси. Кэтрин и Генри проходят мимо, опустив глаза.

Генри. Они похожи на нас.

Кэтрин (с тоской). Никто не похож на нас.

Генри. Я бы хотел, чтобы у них было куда пойти.

Кэтрин. Возможно, это не принесло бы им добра.

Генри. Не знаю. Каждый должен иметь место, куда мог бы пойти.

Несколько минут они бредут молча. Кэтрин старается прогнать плохое настроение.

Кэтрин. Мне уже лучше... А когда мы вышли, у меня было ужасное настроение.

Генри. Нам всегда хорошо, когда мы вместе.

Кэтрин. Мы всегда будем вместе.

Генри. Да... За исключением того, что в два часа с небольшим я уезжаю.

Кэтрин (стараясь быть храброй). Не думай об этом, милый... Тебе нужно возвращаться за вещами?

Генри. Нет. Швейцар возьмет мой багаж и займет мне место.

Слегка ощупывает свое колено.

Кэтрин. Хорошо. После твоего отъезда я вернусь и заберу свои вещи.

Видит, что Генри ощупывает колено.

Кэтрин. Как твоя нога? Ты устаешь?

Генри. Нет, но давай ходить не слишком долго.

Кэтрин. Пойдем куда-нибудь!

Настроение Генри немного поднялось.

Генри. Хорошо.

Оглядывается. Видит небольшую вывеску отеля. Головой показывает на нее Кэтрин.

Генри. Давай войдем туда.

Кэтрин смотрит на вывеску, потом на него.

Кэтрин. Хорошо.

Вечер. Небольшой вестибюль в отеле. Слева от двери стоит конторка, справа широкая лестница ведет наверх.

За конторкой сидит регистратор. Неподалеку посыльный — небольшой паренек в поношенной форме с блестящими пуговицами.

В кресле возле конторки сидит растолстевшая, безвкусно одетая женщина средних лет — бывшая соблазнительница с крашеными волосами. У нее на коленях маленькая собачка. Женщина только что вернулась с вечерней прогулки с собакой. Обе отдыхают перед тем, как подняться к себе наверх.

Входят Генри и Кэтрин. Генри с независимым видом направляется к конторке. Кэтрин стоит у двери, стараясь ни на кого не смотреть.

Генри (*регистратору*). Мне нужна комната. Если есть — удобная.

Регистратор (*улыбаясь*). На какой срок?

Генри. Мой поезд уходит в полночь.

Со знанием дела, окидывая оценивающим взглядом смущенную Кэтрин, регистратор достает ключ.

Регистратор. О да. Понимаю. Третий этаж, двадцать вторая комната... (*Вручает ключи.*) Наша лучшая комната. Всегда пользуется успехом. (*Звонит.*) Артуро!

Посыльный выходит вперед. Регистратор смотрит через конторку.

Регистратор. Багажа нет?

Генри. Нет.

Регистратор (*понимая*). Тогда нет необходимости делать запись.

Генри поворачивается, чтобы идти.

Регистратор. Десять лир. Пожалуйста, вперед.

Раздраженный Генри возвращается, вынимает деньги из кармана и кладет на конторку.

Регистратор. Может быть, мосье и мадам пожелают какого-либо вина? У нас есть хорошее французское шампанское.

Генри. Хорошо. А также несколько бутербродов.

Вручает регистратору еще одну кредитку «на чай».

Довольный регистратор меняет тон.

Регистратор. Я могу прислать фазана. Мосье любит фазана?

Генри (*поворачиваясь*). Приготовьте что-нибудь.

Идет к Кэтрин.

Смушение Кэтрин растет. Особенно неловко она себя чувствует, когда Генри берет ее за руку и ей приходится под взглядом всех присутствующих подниматься по лестнице.

Сидящие в вестибюле многозначительно переглядываются. Дама следит за Кэтрин взглядом опытного профессионала.

Смушение Кэтрин еще больше увеличивает неожиданно разразившаяся лаем собачонка, сидящая на коленях у дамы.

Дама (*успокаивая собачонку*). Фу, как стыдно... стыдно... стыдно...

Не поворачивая головы, Кэтрин слегка вскидывает на нее глаза.

Все тот же вечер.

Отель.. Небольшая комната с красным плюшем и бронзой. Несколько зеркал. Тяжелые портьеры.

Старомодная широкая кровать.

На кровати поверх одеяла разостлан плащ Кэтрин. Одетая, она неподвижно лежит на нем. Ее волосы блестят от падающего на них света...

У Кэтрин вид очень несчастной женщины. Генри у стола задумчиво потягивает вино.

Кэтрин. Как раз подходящая обстановка, правда?

Встает с кровати, смотрит в одно из зеркал, поправляет волосы. Ее отражение появляется сразу в трех зеркалах. На них смотрит Генри. Видит, что Кэтрин очень несчастна.

Генри. Что случилось, дорогая?

Кэтрин. Прежде я никогда не чувствовала себя девкой.

Молча Генри подходит к окну, откидывает портьеру и смотрит на улицу.

Генри. Ты — не девка.

Кэтрин (*уныло*). Я знаю, милый, но неприятно чувствовать, будто ты девка...

Увидев, что лицо Генри становится еще более несчастным, она тут же смягчается.

Кэтрин. Ну, иди сюда.

Он не двигается.

Кэтрин. Иди сюда, милый! Ну, пожалуйста! Я снова хорошая девочка.

Отвернувшись от окна, Генри улыбается ей, подходит к столу, наливает вино и несет его Кэтрин.

Генри. Ты у меня замечательная девочка!

Кэтрин (*берет вино*). Конечно, я твоя.

Генри. И ты замечательная и простая девочка.

Кэтрин. Да, я простая. Но никто никогда не понимал этого до тебя.

Генри. Вначале ты мне казалась иной. Я думал, что ты немножко сумасшедшая.

Кэтрин (*пьет вино*). Я и была немного сумасшедшей... Но не какой-нибудь особенной сумасшедшей. Я смутила тебя, милый, правда?

Генри (*смеясь*). Немножко...

Кэтрин (*пьет*). Вино — великая вещь. Оно заставляет забыть все плохое.

Генри (*более радостным тоном*). Тогда выпей еще.

Кэтрин. Порок — тоже замечательная вещь...

Продолжая так болтать, Кэтрин обходит комнату, обследуя мебель красного плюша, бронзу, зеркала...

Кэтрин. Люди, предающиеся ему, по-видимому, делают это со вкусом... Красный плюш действительно бесподобен. Как раз то, что надо!

Генри (*оглядывая комнату*). Не знаю, каково было бы проснуться в этой комнате утром... с похмелья...

Кэтрин (*продолжая свою мысль*). Но все, что делаем мы, кажется таким невинным и простым... (*Прихлебывает вино*.) Вино чудесное! Но у моего отца от него очень сильная подагра.

Генри. У тебя есть отец?

Кэтрин. Да. И у него подагра... Тебе не нужно будет даже встречаться с ним... А у тебя нет отца?

Генри. Нет. У меня отчим.

Кэтрин. Он мне понравится?

Генри. Тебе не нужно будет с ним встречаться. Но он очень великодушен. Я могу вытягивать из него чеки, когда только захочу.

Кэтрин (*приближаясь к нему*). Это хорошо... (*Целует его*.) Нам с тобой так чудесно! И меня больше ничто не интересует... Я чувствую себя настоящей твоей женой. И поэтому я так счастлива!

С улицы доносится бой соборного колокола, отбивающего время... Сейчас половина двенадцатого...

Генри (*грустно цитирует*). «И никогда не уйти человеку от бремени — вечно слышать колесницу крылатую времени».

Приближается время его отъезда...

Кэтрин очень несчастна.

Кэтрин. Пора идти?

Генри (*подавленный*). Почти пора.

Кэтрин идет к кровати, берет шляпу и начинает играть ею.

Генри. Не тревожься, дорогая. До этой поры ты держалась молодцом, а теперь тревожишься.

Кэтрин. Я не буду.

Генри. Ты часто будешь писать?

Кэтрин. Каждый день. Письма читают?

Генри. Да.

Кэтрин надевает шляпу и плащ, Генри помогает ей.

Кэтрин. Я буду писать очень путаные письма.

Генри. Но не слишком путаные.

Кэтрин. Они будут только немножко путаные.

Грустно оглядывает комнату. Оба молчат.

Кэтрин. Мы еще никогда не жили долго в своем домике.

Генри. Но еще поживем.

Обнимает ее.

Кэтрин. Я приготовлю для тебя хорошенький домик... к твоему возвращению.

Генри. И для маленькой Кэтрин. (*Целует ее: мягко.*) Нам в самом деле пора идти, дорогая.

Кэтрин (*со вздохом*). Хорошо... Ты иди первым.

Он выходит. Кэтрин печально оглядывает последний раз комнату и выходит за ним.

По улице едет экипаж.

В экипаже Генри и Кэтрин. Они молчат. Им грустно. Слышно только цоканье копыт по мостовой и шум колес...

Наконец Генри прерывает молчание.

Генри. Я очень беспокоюсь о тебе. Куда ты поедешь? Где будешь рожать?

Кэтрин. Пожалуйста, не беспокойся. Денег у меня достаточно, и я найду какое-нибудь замечательное место. Может быть, на озерах. Ты получишь отпуск, и для нас наступит чудесное время.

Глядя на нее, Генри улыбается, берет ее руку, и они снова грустно умолкают...

Молчат долго... Экипаж едет дальше...

Кэтрин. Ты ведь думал, что я немножко сумасшедшая, когда встретил меня, правда?

Генри (*улыбаясь ей*). Не слишком сумасшедшая.

Кэтрин. Правда, я была мертвой... Теперь я ожила — навсегда.

Генри (*берет ее руку и целует ее*). Это же произошло и со мной.

Она гладит его волосы, не давая ему заметить ее усилий удержать слезы.

Снова молчат...

Кэтрин. Нам не следует ехать дальше.

Генри. Да... (*Вздыхает.*) Мы почти доехали.

Кэтрин. Можно мне войти вместе с тобой в вокзал?

Генри. Легче будет попроситься здесь.

Он смотрит на нее. Когда она поднимает на него глаза, храбрость покидает ее. Обессиленная, Кэтрин падает в его объятия.

Кэтрин. О дорогой... благодарю тебя, благодарю тебя за все.

Генри. Я люблю тебя.

Кэтрин. Я люблю тебя. Я обожаю тебя.

Вечер. Площадь перед вокзалом. Дождь. Туман.

В тумане видно суетливое движение машин и людей. Их силуэты двигаются по направлению к вокзалу и обратно...

К обочине тротуара подъезжает экипаж. Дверца экипажа открывается. Из него выпрыгивает Генри. Стоя под дождем, он смотрит в экипаж и изо всех сил старается улыбнуться находящейся там Кэтрин.

Генри (кучеру). Отвези леди в американский госпиталь.

Кучер кивает головой.

На лице Кэтрин напряженная улыбка.

Кэтрин. Обещай, что ты вернешься...

Генри. Я обещаю... До свидания... Береги себя и маленькую Кэтрин...

Кэтрин (сидит не шевелясь). До свидания, дорогой.

Генри. До свидания.

Он медленно закрывает дверцу экипажа. Делает знак кучеру. Тот чмокает, понукая лошадь. Экипаж трогается.

Провожая глазами удаляющийся экипаж, стоит Генри под дождем. В заднем окошке экипажа он смутно видит лицо Кэтрин. Она обернулась к нему, и в маленьком, заливаемом дождем окошке видна ее рука, которой она машет до тех пор, пока экипаж не исчезает в тумане.

Сумерки. Городская площадь в Орсино.

Через ту же самую площадь, на которой мы впервые встретились с Генри после его возвращения из отпуска, идет он сейчас с чемоданом в руке и рюкзаком за плечами. Останавливается на минуту, поглаживает раненое колено, сгибает его. Затем поправляет рюкзак и двигается дальше.

Война изменила площадь...

Слышен отдаленный гул артиллерии. То и дело проезжают грузовые машины, проходят солдаты...

Генри идет той же дорогой, на которой мы его уже видели однажды... Вот он снова проходит мимо «Виллы Росса».. Смотрит вверх. Там темно.

В одном из окон «Виллы Росса» он видит девушек, которые смотрят на далекие горы. Но они не обращают внимания на Генри.

Он останавливается около гаража для машин. Там всего одна машина и... ничего похожего на гараж... Подходит к вилле, где живут офицеры... Входит.

Кабинет майора Стампи.

Стены комнаты увешаны картами. Стол майора завален бумагами.

В дверях появляется Генри. Стампи поднимает глаза. У него напряженный и усталый вид.

Стампи. Здравствуйте!.. Как ваше здоровье?

Генри. Все в порядке, майор. Как обстоят дела?

Стампи. Вы и не поверите, как все плохо. Но будет еще хуже. (Хмурится.) Что слышно о ваших соотечественниках? Теперь, когда ваша страна вступила в войну, много ли мы увидим здесь американцев, кроме вас?

Генри. Десятимиллионная армия проходит обучение.

Стампи. Их всех направят на французский фронт. К нам сюда ни за что никого не пошлют. И нам придется встретиться с немцами один на один.

Генри. Вы думаете, их много?

Стампи (пожимает плечами). Пять—десять дивизий... кто знает?.. Но я полагаю, что мы-то довольно скоро узнаем это.

Генри. Боюсь, что немцы неплохие вояки.

Стампи (отрицательно качает головой). Не то чтоб у них были лучше солдаты, но у них лучше военная машина. Они создавали ее в течение многих лет — пушку за пушкой, в то время как мы, итальянцы, занимались цивилизацией. (Пожимая плечами.) Конечно, сейчас от цивилизации не очень много пользы. Но...

Ему явно не хочется продолжать разговор на эту тему.

Стампи. В городе осталась только одна санитарная машина. Другие я послал в Капоретто... Вы знаете Капоретто?

Генри. Да. Маленький славный городок с фонтаном на площади.

Стампи. Я сомневаюсь, сохранился ли там фонтан... Лучше идите и повидайте вашего друга Ринальди.

Генри. Как он?

Стампи. Могу вам сказать, что у него сифилис и он весь поглощен этим.

Дает почувствовать, что разговор окончен. Они отдают честь друг другу, и Генри выходит.

Комната, где живут Генри и Ринальди.

Открывается дверь. Входит Генри. Кроме отца Галли, который стоит у окна и смотрит на улицу, в комнате никого нет.

Хорошо слышен отдаленный гул артиллерийских залпов.

Генри. Хэлло, отец Галли!

Отец Галли (*поворачиваясь*). Фредерико!.. Рад вас видеть. Все ваши раны зажили?

Генри (*снимает с себя снаряжение*). Все зажили.

Отец Галли. Вы вернулись в плохую пору.

Генри. Да... Немного шумно.

Входит майор Ринальди. У него усталый вид, бледное лицо. Изменились и его манеры.

Ринальди (*равнодушно*). Хэлло, бэби!

Генри. Хэлло, Рини!

Ринальди. Как нога?

Генри. Работает.

Ринальди (*со слабой улыбкой*). Садитесь.

Генри садится. Ринальди ощупывает его ногу.

Ринальди. Восемьдесят процентов подвижности... это преступление — послать вас обратно. (*Поднимается.*) А теперь.. расскажите мне все, кутенок.

Генри. Особенно нечего рассказывать... А как вы?

Ринальди. Как я? Выживаю пули из кровавого месива. Ампутирую руки, ноги, части лица. Я становлюсь отличным хирургом... Мы отпразднуем мою гениальность. Мы напьемся, кутенок.

Генри. Я устал.

Ринальди (*идет за бутылкой*). Мы напьемся! Затем пойдем на свидание с громкоголосыми девочками. Тогда мы почувствуем себя прекрасно.

Приносит бутылку и два стакана.

Ринальди. Семь звездочек. Трофей из Сан-Габриэля. (*К отцу Галли.*) Рюмочку коньяку, отче?

Отец Галли. Нет, спасибо.

Ринальди. Апостол Павел сказал: вкусите вина ради пользы желудка.

Отец Галли. Да, я знаю.

Ринальди (*со слабой улыбкой*). Отец Галли знает. Но отец Галли лучше, чем апостол Павел. Апостол Павел любил бегать за бабенками и был не дурак выпить. Разве это не так, Фредерико?

Генри. После наступления темноты я никогда не обсуждаю поведение святых.

Ринальди. Так... значит, вы тоже перешли на сторону патера!.. И мне придется искушать его одному! Священнослужители всегда выигрывают! Все кончают тем, что преклоняют колена. Кроме несчастного Ринальди. Он остается верен дьяволу.

Подойдя к Ринальди, отец Галли ласково говорит, стараясь ободрить его.

Отец Галли. Нет, Ринальди! Ничего... Ничего.

Хмуро смотрит на него Ринальди. Генри хочет поднять у всех настроение, берет стакан.

Генри. За всех нас! (*Пьет.*)

Ринальди (*наблюдая за ним*). А вы изменились. Даже поете по-другому. Вы женились?

Генри. Еще нет.

Ринальди. Все еще любите?

Генри. Да.

Ринальди. Ту же девушку?

Генри. Да.

Ринальди. А она вас?

Генри. Замолчите.

Ринальди (*с горечью в голосе*). Ну что ж: к черту любви!

Отец Галли. Он переутомился...

Налив себе еще вина, Ринальди смотрит на стакан.

Ринальди. Пятый всадник Апокалипсиса. Разрушает печень и вызывает дрожь в руках. Дрожащая рука хирурга в чьих-то внутренностях... Отлично!.. Я пью за вскрытие внутренностей.

Отец Галли. Вам нужно взять отпуск.

Ринальди (*пьет*). Он хочет от меня избавиться. Потому что я болен.

Генри. Это правда, отец?

Отец Галли. Нет, это он так думает... У него болезненное воображение.

Ринальди (*он пьян*). Это правда! И у каждого это есть... Это у всего мира есть... Я пью за святого Меркурия¹.

Ложится на свою кровать.

Отец Галли (*спокойно*). У вас была слишком тяжелая работа. День и ночь. (*К Генри.*) Не хватает врачей.

Ринальди (*бормочет*). Расскажите мне о мисс Баркли, кутенок. Мне хочется услышать что-нибудь хорошее. Расскажите мне что-нибудь хорошее.

Закрывает глаза. Его голова слабо свешивается на одну сторону. Он заснул. Генри и отец Галли с минуту смотрят на него.

Отец Галли (*со вздохом*). Я поговорю с полковником, чтобы ему дали отпуск... Спокойной ночи, Фредерико!

Генри. Спокойной ночи, отец!

Отец Галли выходит. Генри укрывает измученного Ринальди одеялом. Он видит, как изменился когда-то сильный, самоуверенный Ринальди.

Вечер. Горная дорога недалеко от Орсино.

Это та же самая дорога, которую мы видели во время наступления. Доносится гул боя. В разных точках, то близко, то в отдалении, слышатся залпы тяжелой артиллерии.

Машина Генри, полная солдат и военного снаряжения, поднимается из Орсино в горы.

¹ Игра слов. Обозначает также «ртуть».

Вниз спускается несколько санитарных и грузовых машин с ранеными. Капитан карабинеров, сидящий в коляске мотоцикла, которым управляет связной, едет вдоль дороги, останавливая колонну и поворачивая ее обратно вниз.

...Машина Генри.

За рулем Генри. Вместе с ним сидят Аймо и Бонелло.

Аймо (сбитый с толку). Почему они поворачивают?

Мрачный Бонелло молчит.

Генри. Не знаю, но это не к добру.

Через ветровое стекло машины Генри видит, как воинская колонна поворачивает обратно.

К машине Генри приближается мотоцикл. Генри тормозит. Офицер вылезает из коляски мотоцикла и идет к машине. Отдает честь.

Офицер. Простите, лейтенант. Поворачивайте и поезжайте обратно.

Генри. Зачем?

Офицер. Таков приказ. Мы должны очистить шоссе на всем протяжении до Орсино... и быстро!

Отдает честь. Генри делает то же. Офицер идет к мотоциклу.

Когда мотоцикл отъезжает, Генри начинает разворачивать машину.

Бонелло. Не понимаю.

Генри. Я ничего не знаю, но могу сделать довольно милое предположение...

Та же дорога...

Та же воинская колонна.

Но теперь уже и машина Генри и колонна движутся вниз по дороге, по направлению к Орсино.

Крупно — машина Генри. В кабине шофера — Генри, Аймо и Бонелло. Слышен свист снаряда.

Бонелло. Вы слышите это?

Они видят, что снаряд разрывается в Орсино.

Генри. Немцы!.. Должно быть, они прорвались!

Лица Аймо и Бонелло искажает страх.

Вечер. Орсино. Улица, ведущая к итальянскому госпиталю.

Непрерывный, оглушающий грохот артиллерийской канонады.

Вражеские снаряды разрываются на улицах Орсино, разрушают дома, убивают и ранят людей.

Чтобы не отдать в руки врага запасы продовольствия и военное снаряжение, итальянцы взрывают их.

Все это видят и слышат Генри, Аймо и Бонелло, пока их машина идет к итальянскому госпиталю.

Вестибюль госпиталя.

И здесь царит смятение. Готовятся к отъезду. Непрерывно входят и выходят санитары и солдаты.

Входит Генри. Из двери кабинета Стампи выходит лейтенант медицинской службы. Обращается к Генри.

Лейтенант. Приказ из дивизии. Отведите вашу машину на линию отступления.

Генри. Взять раненых?

Появляется встревоженный капитан Басси.

Басси. Отступление?.. Откуда вы получили такие сведения, лейтенант?

Лейтенант. Из дивизии.

Басси. Это ложь!.. Нет никакого отступления. Дивизии приказано держать линию, что бы ни случилось.

Не обращая внимания на слова капитана, Генри говорит лейтенанту медицинской службы.

Генри. Я подчиняюсь Медицинскому корпусу. И когда оттуда мне приказывают ехать, я еду... А вы, пожалуйста, правильно понимаете отдаваемые вам приказы.

Уходит в палату.

Вечер. Палата в госпитале.

Отец Галли в облачении медленно прохаживается в полуосвещенной комнате среди кроватей. Входит Генри. Ринальди весь дрожит от нервного возбуждения, разговаривая с майором Стампи. Врач устал до предела. Хочет спать, поэтому все время нервно протирает глаза.

Стампи. Капоретто потерян. Прорвались пятнадцать немецких дивизий. Все три наши армии отступают.

Ринальди. Меня это не удивляет.

Стампи (резко). Мы эвакуируемся. Приказано, чтобы каждый доктор отходил с армией.

Ринальди. А раненые?

Стампи. Для раненых лучше, если их не будут трогать. Санитарные машины будут использованы под перевозку медицинского оборудования.

Ринальди. Я не оборудование. Я человек. Я остаюсь.

Стампи (непреклонно). Я повторяю приказ дивизии: каждый доктор должен быть при своей армии.

Ринальди (отдавая честь). Слушаюсь, синьор! (Мрачно.) Приказы — замечательная вещь. Я не имею права оставить дивизию! Лучше... (его голос прерывается) оставить... (Делает жест в сторону раненых.)

Сурово смотрит на него Стампи. Молча отворачивается и уходит. Генри подходит к Ринальди.

Генри. Вы больны, Рини.

Ринальди (с горечью). Бросить раненых... умирающих!
Генри (берет его за руку). Пойдемте, Рини! Вы здесь не годитесь...
У вас лихорадка.

Ринальди. Да, синьор!.. Они будут брошены, синьор, без всяких колебаний.

Генри видит отца Галли, который молится возле одной кровати. Идет к нему. Прерывает молитву патера.

Генри. Простите меня, отец!.. Через несколько часов немцы будут здесь. Поедемте с нами. В машине есть место.

Отец Галли. Я остаюсь здесь.

Генри. Они разнесут город, прежде чем войдут в него.

Отец Галли (спокойно). Умирающие нуждаются во мне.

Генри. А как же Абруцци? Каштановые рощи? Река?

Отец Галли. Может быть... Если на то будет воля божья.

Генри (помолчав). Вы, отец, принадлежите к числу людей, которых не забывают.

Отец Галли. Если будете когда-нибудь ловить рыбу, может быть, вспомните и обо мне... и одну форель поймаете за меня.

К ним присоединяется Ринальди. Обращаясь к отцу Галли, лихорадочно говорит.

Ринальди. Отец Галли! Мне приказано ехать. Но ваш приказ — от бога — лучше. Вы остаетесь. (Отдает честь.) Я отдаю честь вашему командующему, отец Галли!

Отец Галли. Его благословение пребудет с вами.

Генри (тихо, беря Ринальди за руку). Пойдемте, Рини.

Уходят. У двери Ринальди оборачивается и лихорадочными глазами смотрит на раненых, на отца Галли, одиноко стоящего среди них...

В кадре — одинокая неподвижная фигура патера среди раненых.

День. Грязное поле. Санитарная машина.

Кабина шофера. За рулем Генри. Рядом с ним Ринальди.

Угрюмый, оглядываясь по сторонам, ведет машину Генри. Ринальди с горечью, тихо, словно про себя, говорит.

Ринальди. Мы бежим... Патер остается. А Ринальди бежит... Он бежит.

С раздражением смотрит на него Генри, но, увидев, что Ринальди в полузабытье, с участием наклоняется к нему...

Панорама сельской местности.

На огромном пространстве буквально кишат, сталкиваясь, торопясь, застревающая в грязи, машины и повозки с артиллерией, военным снаряжением, с боеприпасами, идут войска, гражданское население, едут подводы с разным имуществом, гонят скот.

Это отступление. Мы его видим сначала с одной стороны, затем сзади, потом с другой стороны и, наконец, спереди.

В этом месиве из людей, машин и подвод и санитарный транспорт. Многие автомашины, в том числе и машина Генри, конные повозки и грузовики переполнены женщинами, детьми и стариками. Есть маленькие дети, которые держат на руках еще более маленьких — грудных детей.

Часть санитарных машин забита запакованными корзинами и госпитальным оборудованием. На корзинах ясно виден Красный Крест. На некоторых в унылых позах сидят подобранные пассажиры.

Несколько машин застряло в грязи. Их стараются вытащить.

Среди пешеходов видны больничные каталки. На них везут раненых.

...Вместе с армией уходит и население района. И хотя уходят все, уходят люди всех классов, большинство здесь, в этом развороченном муравейнике, все же составляют крестьяне и простой городской люд.

Многие идут босыми. У других на ногах неудобная обувь на высоких каблуках. Некоторые несут ботинки в руках. Многие сгибаются под тяжестью узлов, корзин, чемоданов. Все в грязи, вымокшие, измученные, в рваной одежде.

...Среди людей и машин бродят отбившиеся от хозяев животные.

Идет дождь. Но зонтики — только у счастливых.

Кругом безмолвные свидетели этого панического бегства — брошенные машины возле дороги; в грязи валяются солдатские сумки, предметы домашнего обихода, часто нелепые и ненужные. Одни, по-видимому, взяты потому, что были дороги чьему-то сердцу, были когда-то семейными реликвиями... Другие схвачены второпях, как первые попавшиеся на глаза вещи. Вот чья-то гладильная доска, клетка с птицами, большой стеклянный ящик со статуэткой китайского мандарина и тут же кухонные горшки, музыкальные инструменты и глиняные кувшины для воды. Несколько картин в рамках: мадонна с младенцем, Христос, римский папа... Портреты родственников и предков, несколько деревянных костылей, причудливая дамская шляпка, корзины с дыплятами, зонты... зонтики...

Потерявшиеся дети плачут и бродят в поисках пропавших родителей... Визжат свиньи, лают собаки.

Какая-то женщина несет на плече ребенка в корзине. Другая поддерживает старика. Бредут несколько инвалидов. Их сопровождают не то родственники, не то просто добрые люди. Мальчик тянет на поводке собаку, но у него больше нет сил и самому-то идти...

На грузовиках диваны, швейные машины, чьи-то огромные портреты, развевающиеся по ветру оконные шторы, печка, старенькое пианино, большие кухонные котлы...

Уставшие отдыхают, усевшись на обочине дороги, прямо в грязь, некоторые даже лежат.

И как заключительный аккорд этого трагического эпизода мы видим на горе огромный силуэт распятого Христа, смотрящего вниз на отступление.

Пасмурный, серый день. Машина Генри.

Машина очень медленно продвигается по грязной дороге... В шоферской кабине по-прежнему Генри и Ринальди.

Ринальди явно хуже. Генри мрачен. Он пытается провести машину через толпу, поэтому должен все время лавировать, чтобы никого не задеть.

Ринальди. Эту сцену стоит запомнить!.. Дайте дорогу Ринальди, спасающему свою шкуру!

Генри. Заткнитесь, Рини. Вы весь горите.

В кузове санитарной машины.

Из открытых дверей кузова выпирают корзины с госпитальным имуществом. Возле них спит Аймо. Бонелло сидит и мрачно смотрит на все происходящее. Видит трагическую группу: двух старух и старика. На руках у одной из старух — спящий ребенок. Идет женщина помоложе. На руках у нее грудной ребенок, другого, маленького и слабого, который уже через силу переставляет ножки, она тащит за руку.

Несколько секунд Бонелло смотрит на женщину с детьми и вдруг, приняв решение, спрыгивает с машины... Помогает женщине и ее детям устроиться в кузове. Но машина теперь полна и для него самого нет места. Женщина разражается благодарными слезами... Бонелло идет за машиной... По мере того как машина продвигается вперед, Бонелло отстает, сливается с толпой, теряется в ней...

Ночь. Туман. Отступление продолжается... Проезжает машина Генри. Виден только ее силуэт...

Виден и еще один силуэт... Силуэт повешенного. На него жутко смотреть.

В кадре крупно — Генри и Ринальди. Оба смотрят вверх, на повешенного.

Генри. Должно быть, немецкий лазутчик.

Ринальди. Посмотри, он плюет на нас. Мертвый плюет на нас!.. Плевок... Вот что мы заслужили!

...Отступление продолжается... Среди бесконечного потока машин и людей движется и санитарная машина Генри...

Дороги забиты... грязь... На повороте машина Генри вязнет в грязи... увязла...

Генри выпрыгивает из кабины. Из кузова выпрыгивает Аймо. Они направляются посмотреть, что случилось. Видят поломку. Коротко, обращаясь к Аймо, Генри констатирует:

— Сломалось колесо.

Зовет Ринальди.

Генри. Неудача, Рини. Придется нам двигаться пешком. (К Аймо.)
Где Бонелло?

Аймо (пожимая плечами). Не знаю... Я спал, когда он вылез из машины и...

Генри (цинично). Дезертировал, да?.. Как бы там ни было, Аймо, держитесь с нами.

Аймо (отдавая честь). Слушаюсь, синьор лейтенант.

Подойдя к Ринальди, Генри протягивает ему руку, чтобы помочь.

Генри. Пошли, Рини. Предстоит длинный путь.

Ринальди. Отец Галли остался. Патер остался, а Ринальди бежит.

Генри (повелительно). Пошли! Без глупостей!

Ринальди. Я хочу увидеть немцев! Я хочу быть первым капитулировавшим.

Нетерпеливо схватив его за руку, Генри почти выносит врача из машины. И пока Генри вытаскивает его, Ринальди говорит жалобно, с проблеском своего юмора.

Ринальди. Простите, кутенок... Я причиняю вам столько хлопот!

Поставив Ринальди на землю, Генри ощупывает свое колено. Оно до сих пор причиняет ему страдания. Но он успокаивает друга.

Генри. Все будет хорошо, если не подведет колено.

Вышли из машины и другие пассажиры.

...Мимо проезжает грузовая машина. В ней — девушки из «Виллы Росса». Девушек замечает Аймо. Взволнованный, он кричит.

Аймо. Эсмеральда! Эсмеральда!

Девушки оглядываются. Эсмеральда видит Аймо.

Эсмеральда (кричит). Аймо!

Она машет ему рукой, знаками приглашает присоединиться к ним. Секунду Аймо колеблется, наконец решается, вскакивает в машину с девушками и тут же исчезает в кузове, повалившись между ними.

Усталые Генри и Ринальди видели эту сцену. С горечью смотрит Ринальди вслед Аймо. Генри также досадно.

Ринальди (с горькой улыбкой). Мои единственные привязанности также мне неверны.

Все та же ночь. Туман.

Бредут усталые Генри и Ринальди. В отдалении видны какие-то вспышки света.

Ринальди (с горечью). Какую ценность представляем мы для Италии? Годимся только для того, чтобы сдать в плен... Ну и пусть немцы подгребут лопатой весь этот мусор...

Тут же замолкает... На его лице останавливается лучик света. Это ка-

рабинер направил на Ринальди свой фонарик. Рядом с первым карабинером стоит еще один, также с фонариком, и офицер.

Первый карабинер (*хватая Ринальди*). Вы арестованы.

Генри. О чем вы говорите?

Второй карабинер. Вы тоже арестованы. (*Хватает за руку Генри.*)

Генри (*выдергивая руку*). Вам известно, что вы не имеете права трогать офицера?

Тянется за пистолетом, но в это время один из карабинеров хватается за Генри сзади и так дергает его руку, что она чуть не выворачивается из сустава. Генри невольно оборачивается, и тогда второй карабинер тоже хватается за него.

Офицер. Если будет сопротивляться, расстреляйте!

Генри (*протестуя*). Что все это значит?.. Кто вы такие?

Офицер. Полевая жандармерия.

Генри. Почему вы арестовали майора Ринальди?

Офицер. Мы слышали, что он говорил... Он — немецкий лазутчик, проповедующий поражение.

Генри. Как раз наоборот, дурачье этакое!

Офицер (*указывая кивком головы*). Ведите их туда, где остальные...

Карабинеры ведут Генри и Ринальди. Они пробиваются в толпе. На них глазеют уставшие беженцы, но большого интереса к ним не проявляют.

Их ведут в сторону от дороги... через пролом в стене.

Недалеко от дороги находится довольно просторный двор и какое-то небольшое строение. Здесь-то и заседает импровизированный военно-полевой суд. Грубый стол освещает лампа. За столом восседают члены суда: полковник, подполковник, два майора, капитан и лейтенант. Здесь еще один армейский майор — прокурор и капитан — защитник. Сержант и судебный исполнитель ведут протокол. Позади полковника — два карабинера с винтовками.

Неподалеку, под охраной карабинеров, стоит группа людей. Вводят Генри и Ринальди. Пораженные, они смотрят на суд.

Генри. Это военно-полевой суд!

Перед столом стоит арестованный офицер.

Полковник. Номер вашей дивизии?

Арестованный офицер (*с легким немецким акцентом*). Девятнадцатая.

Полковник. Девятнадцатая дивизия была отведена отсюда десять дней назад. Вы — немец в итальянской форме.

Майор (*обвинитель*). Этот человек является шпионом. Он виновен в распространении паники. Он призывал сдаваться в плен. Я требую, чтобы он был приговорен к смерти!

Капитан (*защитник*). Я передаю обвиняемого в руки военно-полевого суда.

Полковник тихо совещается с членами суда.

Генри мрачен. На губах Ринальди горькая улыбка.

Суд кончает совещаться. Полковник обращается к обвиняемому. Карабинеры застывают, слушая приговор суда.

Полковник. Именем его величества короля, суд признает арестованного виновным и приговаривает его к расстрелу.

Карабинеры берут за руки арестованного, намереваясь увести. Арестованный протестует.

Арестованный офицер. Нет! Подождите! Я расскажу...

Полковник (*прерывает*). Уведите его!

Один из карабинеров берет за руку Ринальди, чтобы подвести к столу. Тот с презрением отталкивает руку жандарма.

Ринальди. Мне не нужна помощь. Уберите прочь ваши руки!

Карабинер отступает, и Ринальди приближается к членам суда. Лишь сзади за ним следует карабинер. Генри стоит, потрясенный, понимая, какая судьба ожидает его друга.

Ринальди подходит.

Полковник. Ваше имя, звание и место рождения?

Ринальди. Мое имя Алессандро Ринальди. Мое звание — трус, и я обещаю место моего рождения, назвав его.

Полковник. На вас знаки различия Медицинского корпуса.

Ринальди (*с безумным видом*). Извините меня. Я забыл оторвать их. (*Срывает знаки различия.*)

Генри (*исступленно*). Нет! Нет! Рини! Перестань! Скажи им правду!

Офицер. Он способствовал разброду. Он назвал нашу армию мусором...

Ринальди (*в безумстве*). Им приказали отступить! Но не отцу Галли! Он не подчинился такому приказу!

Офицер (*резко*). Он говорил, чтобы наши люди сдавались в плен...

Ринальди (*в неистовстве*). Они бегут! Я бегу вместе с ними! Я — доктор, нужный нашим умирающим солдатам! А я бегу! Распоряжайтесь мной, мусорный инспектор!

Генри. Остановитесь! (*Обращается к суду.*) Дайте я скажу за него!

Полковник. Молчать!

Ринальди (*в неистовстве, суду*). Ну-ну, герои! Расстреляйте труса и выиграйте войну!

Полковник. Вы — немецкий лазутчик или сознательный дезертир. (*Совещается с членами суда.*) Именем его величества короля вы приговорены к расстрелу.

Карабинеры хватают Ринальди и уводят его. В это время слышно, как

невдалеке приводится в исполнение приговор над предыдущим осужденным. Доносится команда:

— Приготовиться!.. Огонь!..

Слышен залп...

Пока его ведут к столу, Генри говорит в отчаянии.

Генри. Вы сошли с ума!.. Майор Ринальди болен! Говорю вам, он болен!

Подойдя к столу, он небрежно отдает честь. Члены суда замечают, что честь отдана неправильно. Двое из них значительно переглядываются.

Генри. Полковник, вы должны выслушать меня! *(Указывая в направлении, куда увели Ринальди.)* Он один из лучших хирургов вашей армии!

Полковник *(холодно)*. Нашей армии?.. Ваше имя, звание и место рождения?

Но Генри молча смотрит в ту сторону, куда увели Ринальди.

Полковник. Отвечайте!

Генри. Лейтенант Фредерик Генри. Двенадцатая часть санитарных машин итальянского Медицинского корпуса.

Футах в двадцати от импровизированного зала суда импровизированное место для казни. Карабинеры подводят Ринальди и сажают на стул перед отрядом стрелков. Он сидит, широко расставив ноги, спиной к стрелкам. Один карабинер начинает завязывать ему глаза. Ринальди отталкивает его. Поворачивает голову в сторону Генри, улыбается и слабо машет рукой.

Ринальди. До свидания, кутенок! Я иду к отцу Галли...

Генри стоит с широко раскрытыми глазами. Задыхаясь, кричит.

Генри. Нет!..

Перестав махать рукой, Ринальди все еще смотрит, улыбаясь, на Генри.

Подается команда:

— Приготовься!.. Огонь!..

Залп... Ринальди падает. Он мертв.

Потрясенный Генри смотрит на эту сцену.

Полковник. Вы не итальянец. Вы носите итальянскую форму, но вы даже не знаете, как итальянцы отдают честь! И вы были с...

Внезапно Генри срывается с места. Кулаком сбивает одного из тех, кто пытается задержать его, коленом наносит офицеру удар в пах и очертя голову бросается прочь.

И пока карабинеры поднимают винтовки, он исчезает через брешь в стене. Выстрелы раздаются слишком поздно.

Рассвет, сильный дождь. Дорога. Грязь...

Видна часть длинной канавы, заросшей частым диким кустарником. Над ней дорога. Еще выше другая дорога.

На фоне предрассветного неба мы видим отступающие воинские части. Войска, артиллерия и военные повозки медленно движутся по грязной дороге. По дороге, проходящей ниже, с трудом тащится отступающее мирное население — семьи, их тележки и вещи.

По кустарнику, воровски оглядываясь, боясь, как бы его не обнаружили, пробирается Генри. Обернувшись, чтобы посмотреть назад, он обо что-то спотыкается, падает и видит мертвеца.

Это труп какого-то мужчины, довольно высокого, но все же дюймов на шесть меньше ростом, чем Генри. Испуганный Генри отползает обратно и, ошеломленный, смотрит на труп. Затем осторожно осматривается. Вдруг ему в голову приходит какая-то мысль. Он возвращается и воровски начинает снимать с трупа свитер.

Сельская местность.

По рельсам медленно движется длинный товарный состав. У насыпи — Генри. На нем снятая с мертвого гражданская одежда. Она ему не совсем по росту. Он хватается за поручни проходящего мимо него вагона и вскакивает на площадку.

Вечер. Железнодорожный вокзал в Милане. У перрона останавливается поезд Красного Креста.. Слышны стоны. Доктора, медсестры, бойскауты носят носилки. Одна за другой отъезжают от вокзала машины с ранеными.

К соседней платформе подходит товарный поезд. Обтрепанный, грязный и небритый Генри спрыгивает с площадки и бредет по путям. Останавливается, так как возле вагонов санитарного поезда увидел санитаров, которые несут раненых. Неожиданно появляется Ван Кампен, и Генри отступает в тень. Ван Кампен зовет Фергюсон. Та подходит.

Когда Генри увидел Фергюсон, его усталое лицо на какую-то минуту осветилось радостью. Он смотрит на сестру. Следит за Ван Кампен.

Фергюсон приближается к тому месту, где стоит Генри. И как только Ван Кампен скрывается, Генри подходит к Фергюсон, хватая ее за руку.
Г е н р и. Фергюсон!

Увидя возле себя какого-то измазанного человека, Фергюсон смотрит на него с изумлением.

Ф е р г ю с о н. Фред Генри! Что вы здесь делаете?

Генри (*напряженно*). Не задавайте мне никаких вопросов...

Фергюсон (*в изумлении*). Что у вас за вид!

Генри. Я попал в беду... Где Кэтрин?

Фергюсон (*зло перебивает*). В беду!.. Я надеялась, что вам дырявят голову!! Бросить девушку в таком неприятном положении!

Схватив ее за плечи, Генри напряженно, настойчиво продолжает.

Генри. Где Кэтрин?

Фергюсон. Слушай ты, переодетое чучело!.. Не толкай меня.

Генри (*умоляя*). Я не могу стоять здесь и спорить, Фергюсон... Прошу вас — где она? Прежде чем меня схватят, прошу вас — где она?

Наконец Фергюсон тронула его мольба. С минуту она колеблется, изучает его.

Фергюсон. Стрeza. Отель «Валерия». Комната номер семь.

Генри (*отпуская ее руку*). Спасибо!

И в это время он слышит голос Ван Кампен.

Голос Ван Кампен. Лейтенант Генри!

Генри делает шаг назад. От бегства его удерживает присутствие двух проходящих мимо карабинеров.

Ван Кампен. Вы ранены?

Генри молчит.

Ван Кампен. Почему на вас эта неподобающая одежда?..

Перехватывает взгляд, брошенный им на карабинеров.

Ван Кампен. Мне кажется, я понимаю...

Делает шаг, намереваясь подойти к карабинерам. Он останавливает ее движением руки.

Генри (*тихо, напряженно*). Прежде чем вы что-нибудь предпримете, позвольте мне сказать вам...

Ван Кампен. Вам незачем говорить мне что-нибудь! Вы — дезертир!

Генри. Но не в том смысле, в каком вы полагаете...

Ван Кампен. Я считала вас довольно жалким образчиком человека... но все-таки человека!..

Генри. Я был вынужден...

Ван Кампен (*перебивает*). Да, конечно... трусы вынуждены бежать...

Ищет глазами карабинеров. Увидела. Зовет.

Ван Кампен. Карабинеры!

С состраданием и сочувствием к Генри наблюдает за этой сценой Фергюсон. Она уже открыла рот, намереваясь остановить Ван Кампен, но Генри повертывается и бежит.

Ван Кампен. Ловите этого дезертира!

Услышав эти слова Ван Кампен, он с ужасом оглядывается. Еще быстрее бежит по путям, направляясь к другой платформе. Но когда приближается к ней, его снова видит Ван Кампен, которая пронзительно визжит.

Ван Кампен. Ловите этого дезертира!

Глазами, полными страха, следит Фергюсон за Генри. Два карабинера, мимо которых прошмыгнул Генри, с подозрением смотрят ему вслед.

А на платформе по-прежнему пронзительно кричит Ван Кампен.
Ван Кампен. Ловите этого дезертира!
Но ее голос заглушает шум приближающегося поезда.

Вторая платформа на Миланском вокзале.

Направляясь к вагонам, по платформе проходит воинская часть. В ней исключительно молодежь, почти школьники. Это шестнадцати и семнадцатилетние пареньки, которых отправляют на войну. Все в новом обмундировании, новых ботинках. У некоторых в дула винтовок воткнута гвоздика. Маршируя, они поют.

Несколько матерей с глазами, полными слез, идут рядом с колонной. Они дают последние наставления своим детям-солдатам.

Женщины: До свидания, Гвидо!

—До свидания, дитя мое!

—Анжело, не простудись! Возвращайся домой, как только война окончится!

—Луиджи! Луиджи! Становись плохих женщин!

Коридор в пансионе.

В кадре крупно — дверь, табличка № 7.

Генри стучит в дверь. Ждет. С беспокойством оглядывается по сторонам, затем стучит снова. Дверь открывается. Выглядывает Кэтрин. Она застегивает последние пуговицы халата. Поражена, увидев Генри.

Кэтрин (нежно). Милый!

Он входит в комнату.

Комната в пансионе.

Входят Кэтрин и Генри. Комната освещена только одной лампой, которую, войдя, включила Кэтрин, и отблеском углей в камине. Генри запирает дверь. Кэтрин не отрывает сияющих глаз от его лица. У нее нет слов сначала от удивления и восторга, а затем, когда она замечает, что он небрит и одет неподобающим образом, от страха.

Генри (в совершенном изнеможении). Хэлло!

Кэтрин (с глазами, полными счастливых слез). Милый!

Генри (нежно). У тебя все хорошо?

Кэтрин (все еще изучая его ужасный вид). Что такое? Что случилось?

Генри (*устало*). Я расскажу тебе об этом позже... Я так...

Падает без чувств на пол. Кэтрин в панике бросается к нему, садится около и кладет к себе на плечо его голову.

Кэтрин. Милый! Ты болен! Я позову доктора!

Генри. Нет... Мне не нужен доктор. Я не болен... во всяком случае, если и болен, то совсем по-иному.

Кэтрин. Как — по-иному? Я не понимаю.

Генри (*после паузы*). Это означает, что я покончил. Я покончил с войной... Я заключил сепаратный мир.

Молча Кэтрин обдумывает его слова. Постигнув смысл сказанного, говорит спокойно.

Кэтрин. Ты хочешь сказать — дезертировал?

Генри (*устало*). Да. Я дезертир.

Молчание. И через секунду, утешая, Кэтрин уверенно решает.

Кэтрин. Это не твоя армия... И не твоя страна. (*Мягко*.) Расскажи мне, что случилось.

Генри (*с трудом*). Побывал в самых разных... адских переделках...

На глазах у него навертываются слезы.

Генри. Ринальди больше нет в живых.

Всхлипывает. По его лицу катятся слезы. Сейчас это разбитый человек и физически и духовно. Он настолько измучен, что не дает себе отчета, что делает или говорит. Лишь когда до его сознания начинает доходить уют и тепло плеча Кэтрин, он, как ребенок, находит утешение в ее материнском объятии. Но все же это раненое животное, получившее передышку во время бегства от своих преследователей.

Кэтрин (*вскрикивая*). Не может быть!

Генри. Они убили его. Взвод стрелков... Лучше я не буду рассказывать тебе об этом.

Кэтрин. Нет, нет! Я хочу слышать.

Генри. Он был болен и говорил, как безумец... И взвод стрелков разможил ему голову... На очереди был я. Нельзя выиграть в споре со взводом стрелков.

Кэтрин (*сдерживая свой ужас*). Конечно, нельзя... И незачем пытаться. И незачем тебе возвращаться.

Генри (*устало, с горечью*). Я не против них. Они хорошие парни, храбрые. Я всем им желаю удачи. Они заслужили ее... Но это зрелище больше не для меня.

Словно успокаивая обиженного ребенка, Кэтрин утешает его.

Кэтрин. Конечно, нет... Мы вместе. И это — самое главное. Все остальное нас не касается... Это так далеко. Только мы... одни мы.

Генри. Ты такая милая, что вернулась.

Кэтрин. Дитя мое... мое бедное дитя...

Она обнимает его еще крепче, устраивает поудобнее, тихонько укачивает. Его глаза закрываются.

Солнечный день. Озеро Мажжиоре.

Пансион. Маленькая терраса с каменной балюстрадой. С террасы открывается вид на озеро.

На террасе, удобно устроившись, лежит Генри. Наконец-то он далеко от ада, через который ему пришлось пройти. Он выбрит. На нем, за исключением брюк, новая одежда. Генри наслаждается полным покоем и красивым видом, открывающимся перед ним. Кэтрин подает ему завтрак. Она старается предугадать его малейшее желание, смотрит на него с обожанием.

Кэтрин. Должна сказать, что ты выглядишь лучше.

Подходит к нему. Целует его.

Генри. Я бы съел еще. Наверное, я буду чувствовать себя голодным целую неделю.

Кэтрин снова наполняет его тарелку. Подает.

Кэтрин. Я думала, ты собрался спать целую неделю.

Осматривает на Генри костюм. Одергивает рукава.

Кэтрин. Рукава коротковаты. Но это было лучшее, что я могла достать. И ты, милый, немного высоковат для твоего возраста!

Генри (*небрежно*). Это замечательный костюм.

Кэтрин (*улыбаясь*). Мы останемся именно здесь. Практически здесь пусто в это время года... и дешево.

Генри. Лучшего нечего и желать.

Кэтрин (*как заботливая жена*). Теперь давай посмотрим... Достать тебе газеты?

Генри. Нет. Я не хочу их читать.

В памяти ожило только что пережитое. Генри оставляет кофе. Прикрывает глаза рукой.

Кэтрин понимает, что она своим вопросом воскресила тяжелые воспоминания.

Кэтрин. Прости... (*Мягко.*) Было так плохо, что ты даже не хочешь читать об этом, милый?

Генри. Да... Это было довольно скверно.

Оба молчат.

Кэтрин. Мне хотелось бы быть в то время с тобой... тогда я также знала бы об этом...

Наливает ему еще кофе... Вспоминая, что он был «на очереди» к расстрелу, она, скрывая страх, говорит.

Кэтрин. А что будет, если они найдут тебя?

Генри (*спокойно*). Если я увижу их первым, я перестреляю их.

Кэтрин (*ужаснувшись*). Ты не сделаешь этого! А что они сделают с тобой?

Генри (*хладнокровно*). Конечно, расстреляют.

Кэтрин потрясена... Худшие ее опасения подтвердились.

Кэтрин. Тогда мы не можем оставаться здесь! (*Напряженно думает.*) Мы можем отправиться в Швейцарию!

Генри. Прошу тебя, милая. Я устал даже думать об этом.

Кэтрин (*игнорируя его слова*). Граница здесь очень близко!

Генри. Да... И по всей границе их охрана как живая изгородь из пикетов.

Обдумывая это, Кэтрин поворачивается, смотрит на бухту и лодки.

Кэтрин. Мы украдем одну из тех лодок... Нам нужно только пересечь озеро!

Генри (*устало*). Это больше двадцати миль.

Кэтрин. Ты можешь сделать это! (*Берет его за руку.*) Я видела, как ты гребешь... Помнишь?

Генри. А что ты скажешь о патрульных лодках? Они обязательно заметят нас.

Кэтрин. Нет, не заметят, если мы отправимся ночью. Милый, неужели ты не понимаешь?.. Мы должны уехать отсюда — и немедленно. Сегодня же ночью!

Подумав, Генри неохотно соглашается.

Генри (*вздыхнув*). Хорошо... (*Задумчиво.*) Я пошлю за тобой, как только буду в безопасности.

Кэтрин (*с негодованием*). Ты пошлешь за мной!.. Я не хочу и слышать об этом. Я еду с тобой.

Генри. А ребенок?.. Это путешествие может быть бурным.

Кэтрин. И все же мы отправимся все вместе! Она должна будет рискнуть!.. Или мы все рискуем, или ни один из нас.

Не отвечая, Генри закрывает руками лицо. Кэтрин подходит к нему, обнимает его за плечи.

Кэтрин (*умоляюще*). Прошу тебя...

Он смотрит на нее, с минуту колеблется, наконец решается.

Генри. Хорошо... (*Обнимает ее.*) Ты умница.

Лунная ночь. Бухточка на озере.

В весельную лодку Генри укладывает чемодан.

На руке у Кэтрин висит зонт, в руках пакет с сэндвичами и бутылкой вина. Генри помогает ей спуститься в лодку. Она садится на корме. Он торопливо отталкивает лодку от берега, берет весла и начинает грести.

Маленькая лодка медленно удаляется от берега.

В лодке.

Генри гребет. Все, кажется, идет хорошо. Кэтрин улыбается ему.

Кэтрин (*смотрит, как он гребет*). Милый, не так быстро. Ты усталешь.

Генри. До рассвета мы должны войти в воды Швейцарии.

...Ночь. Панорама озера. На его берегах видны силуэты гор. Кое-где — и на побережье и в горах — светятся огоньки... В озере тускло отражается синее ночное небо...

Облака начинают закрывать луну. По озеру плывет лодка...

Поднимается ветер. Яркая вспышка молнии. Удар грома. Тучи нависли над озером. Закрыли луну, все небо... Льет дождь... Плыть становится труднее. Вода заливает лодку. Пошарив сзади себя, Генри находит черпак и начинает вычерпывать воду.

Генри и Кэтрин промокли насквозь.

Кэтрин. Ну, это я могу делать и сама.

Генри (*настойчиво*). Для тебя это вредно... Я не могу позволить тебе рисковать... Я хочу отвезти тебя обратно в отель.

Кэтрин (*твердо*). Ты не отвезешь меня обратно.

Генри (*перестав грести*). Нет, отвезу. Это безумие... Ты и ребенок...

Кэтрин (*начиная злиться*). Если ты меня высадишь, я поплыву за тобой... Немного дождя не повредит ни мне, ни ребенку... Повредит другое: сидеть в комнате отеля и думать — не поймали ли тебя карабинеры... И не поставили ли к стенке!.. Ну, а теперь гребь.

С минуту Генри смотрит на нее. Наконец сдается.

Генри. Хорошо!.. Ты выиграла.

Кэтрин. Вот теперь ты пай-мальчик.

Генри. Я бы выпил.

Достав из пакета бутылку, Кэтрин откупоривает ее и прикладывает к его губам. Он пьет.

Генри. Спасибо!

Взяв бутылку, Кэтрин снова закупоривает ее.

Кэтрин. Кушайте на здоровье!

Достает зонт, открывает его и, присев как можно ближе к Генри, старается прикрыть и его.

Генри. Прислушайся, не слышно ли рокота мотора.

Кэтрин. Хорошо.

Взяв черпак, Генри набирает в него воды. Пьет. Вода так холодна, что его пробирает дрожь. Кэтрин оглядывается по сторонам, смотрит на небо.

Кэтрин. Ты ничего не знаешь?

Генри. А что?

Кэтрин. Я думаю, этот дождь ненадолго...

Генри. Надеюсь, что нет.

Кэтрин (*воспрянув духом*). А больше ты ничего не знаешь?

Генри. А что?

Кэтрин (*торжествуя*). Мне все равно, даже если он будет лить вечно!

С минуту Генри смотрит на нее, захваченный ее храбростью, ее победой над своим страхом, затем снова начинает грести и направляет лодку прямо в бушующие волны...

То же озеро. Те же силуэты гор на его берегах, но расположение мерцающих огоньков иное, чем было раньше.

Дождь перестал, но дует сильный ветер. Маленькая лодка с трудом борется с сильными ударами волн.

Генри гребет медленнее. Он очень устал. Борется с усталостью и Кэтрин.

Кэтрин. Интересно, далеко еще?

Генри. Мили и мили.

Кладет весла и некоторое время сидит сгорбившись.

Генри. Давай поднимем парус.

Кэтрин. Какой парус?

Генри. Зонтик. *(Дает ей одно весло.)* Возьми его под мышку и правь им, как рулем.

Ветер надувает зонтик-парус. Маленькая лодка набирает скорость. От сильного ветра лодка идет скачками и зигзагами.

Лицом к носу лодки сидит Генри. С двух сторон он поддерживает парус-зонтик, чтобы тот не вырвался. С тревогой следит за спицами зонта, которые прогибаются от ветра. Позади него Кэтрин.

Кэтрин. Я правильно правлю?

Генри. Абсолютно правильно.

Кэтрин. Мы двигаемся замечательно... Ты гений!

Ветер крепчает. Маленькая лодка, вихляя, мчится вперед. Зонтик-парус все больше увеличивает ее скорость. Чтобы не дать зонту вывернуться под напором ветра, Генри изо всех сил удерживает его с двух сторон.

Но вдруг одна из спиц ломается. И тут же порыв ветра вывертывает зонт. Плавание под парусами кончилось!

Ставший ненужным сломанный зонт Генри выбрасывает за борт.

Кэтрин. Какая жалость!

Генри. Дай мне весло.

Берет у нее весло. Кэтрин смеется.

Генри. Что случилось?

Кэтрин. Ты так смешно выглядел, когда держал зонт!

Генри. Я думаю!

Кэтрин. Не сердись, милый. Это было ужасно смешно. Ты выглядел двадцати футов в ширину... и очень горячо сжимал его края.

Генри. Да... очень смешно.

Прежде чем взять весла, Генри смотрит на свои руки. На них водяные мозоли. Но он снова гребет.

...Гребни волн, освещенные причудливым светом луны... И озеро и его берега сейчас выглядят уже по-другому. Озеро чем-то похоже на огромный лист рябого стекла... Вдали видна лодка. Она кажется небольшой покачивающейся на волнах скорлупкой с двумя маленькими фигурками в ней...

В кадре крупно — лодка. В ней Генри и Кэтрин.

Кэтрин. Сколько еще осталось, как ты думаешь?

Генри. Я думаю, еще миль десять.

Кэтрин. Еще долго грести, бедненький мой... Ты еще не умираешь от усталости?

Генри. Нет, ничего... У меня руки все в волдырях.

Кэтрин (*прислушивается, испуганная*). Я что-то слышу.

Изредка доносится шум моторной лодки. По воде запрыгали световые пятна ее поисковых прожекторов. Генри перестает грести, прислушивается. Смотрит.

Генри. Она идет в этом направлении. Нам лучше податься к берегу.

Поворачивает голову. Начинает грести быстрее.

Пока лодка с Генри и Кэтрин направляется к зарослям, моторная лодка приближается. Лучи ее поисковых прожекторов шарят по воде все ближе и ближе. И в тот момент, когда лодка с пассажирами почти скрывается в зарослях, луч прожектора падает на ее корму.

Генри. Ты думаешь, они видели нас?

Кэтрин. По-моему, нет... Пока еще нет.

Генри. Тебе их видно?

Кэтрин. Они как раз подходят... и их видно.

Генри делает ей знак, приказывая лечь на дно лодки. Оба ложатся. Кэтрин осторожно выглядывает из-за борта. Видит приближающуюся моторную лодку.

Кэтрин (*шепчет*). Я вижу их.

Генри. Итальянцы?

Кэтрин. Да. Должно быть, карабинеры. На них такие широкие шляпы.

Небольшая моторная лодка. Это патрульное судно. Сейчас оно идет параллельно весельной лодке. На корме видна таможенная стража в шляпах альпийских стрелков, с карабинами за спиной. На высоких воротниках ясно видны желтые знаки. Что-то желтое прикреплено и к шляпам. Среди них два карабинера.

Патрульное судно делает широкий разворот и начинает двигаться в том же направлении, откуда пришло. Его путь легко определить по свету прожекторов. Видно, что оно удаляется...

...Заросли. Волны от патрульного судна доходят до лодки. Раскачивают ее... Все ближе зловещий гул мотора. Неожиданно стук мотора начинает удаляться.

Генри (*с облегчением*). Они возвращаются! Мы, должно быть, недалеко от границы!

Кэтрин падает в объятия Генри.

Кэтрин. О милый, я так испугалась!

Генри обнимает ее одной рукой. Другой убирает с ее лба непослушную прядь волос.

Генри. Я тоже... у тебя все в порядке?

Кэтрин (твердо). О милый, я никогда в жизни не чувствовала себя так хорошо!

Тянется к нему. Целует его. Генри тяжело дышит. Вдруг оба замирают, испуганные каким-то странным шорохом...

Из зарослей вылетает утка. Кэтрин и Генри смотрят друг на друга, радостно смеются... обнимаются.

...Озеро... То опускаясь, то поднимаясь на гребнях волн, плывет в серой предрассветной мгле маленькая лодка.

...Рассвет. Панорама швейцарского городка, раскинувшегося на небольшом холме, на берегу озера. Над одним из больших зданий плещется флаг. Когда над горизонтом показывается солнце, становится видно, что это швейцарский флаг.

...Восход солнца. Озеро... Лодка. В лодке Кэтрин и Генри.

Кэтрин. Швейцарский флаг!

Повернув голову, Генри смотрит на город, на флаг.

Генри. Я забыл, как дружелюбно может выглядеть флаг.

Принимается снова грести. Кэтрин улыбается. Она вся сияет.

Кэтрин. Разве он не красив?

На краю мола с закинутыми удочками сидит рыбак. К берегу приближается лодка.

Со счастливой улыбкой Кэтрин машет из лодки рыбаку...

Лодка касается берега. Генри, усталый, но счастливый, на секунду поднимает вверх весла... Выпрыгивает из лодки, помогает выйти Кэтрин. Глубоко, с облегчением вздыхает.

Кэтрин (счастливо). О милый...

Генри. Мы в Швейцарии.

Кэтрин (прижимаясь к нему, весело). О милый!.. Милый!.. Это чудесная страна.

Генри. Да!.. В ней так приятно находиться!

Раннее утро.

В кафе, за исключением слуги, никого нет. Хотя Кэтрин и Генри, главным образом Кэтрин, немного и привели себя здесь в порядок, на них все же видны следы их тяжелого ночного путешествия.

Сидя за столом, они уничтожают яичницу. Перед ними множество булочек, масло, джем и крем. Кэтрин пьет молоко, Генри — кофе. Их чемоданы стоят около них. Измученный и голодный Генри счастлив.

Генри. Ты можешь поверить, что мы действительно в Швейцарии?
Кэтрин. Но это на самом деле так... не правда ли, милый? И мне не нужно ехать на вокзал провожать тебя?

Генри. Надеюсь, что нет.

Кэтрин (*содрогаясь*). Не говори так. Меня это ужасает!.. (*Смотрит на руки Генри. Берет их в свои.*) Бедные твои руки! Мы купим мазь... магическую швейцарскую мазь!

Генри. Забудь о моих руках. Я все еще голоден.

С сияющей улыбкой Кэтрин смотрит на него.

Кэтрин. Мы оба голодные.

Неожиданно взгляд Генри падает на приближающегося таможенного офицера.

Генри. Ох-ох... Это похоже на беду.

Кэтрин тоже видит офицера.

Кэтрин. Ох!.. (*Собрав все свое мужество.*) Они ничего не могут нам сделать. Я британская, а ты американский подданный... И у нас все в порядке.

Генри. Предоставь мне вести разговор.

Молча Кэтрин пытается скрыть свой страх. Офицер подходит к их столу. Это лейтенант; он чисто выбрит, слова выговаривает очень тщательно.

Лейтенант (*холодно*). Извините. Я лейтенант Циммерман.

Неожиданно Кэтрин одаряет его ослепительной улыбкой. Офицер не отвечает на нее.

Лейтенант (*бесстрастно*). Это ваша лодка там?

Генри (*хладнокровно*). Да.

Но офицера не обманывает ни тон Генри, ни поведение Кэтрин, хотя она и избегает его взгляда.

Лейтенант. Ваша национальность?

Генри. Американец.

Несколько секунд молчит, затем указывает головой на Кэтрин.

Генри. Англичанка.

Лейтенант (*холодно*). Покажите ваши паспорта.

Испуганная Кэтрин старается скрыть свой страх. Генри ободряюще улыбается ей. Они вручают лейтенанту свои паспорта.

Лейтенант (*изучая паспорта*). Почему вы приехали в Швейцарию?

Генри пытается держаться независимо и спокойно. Но это не очень удается ему.

Генри. Мы туристы. Моя кузина и я хотим заняться зимним спортом.

Лейтенант (*насмешливо*). И вы приплыли сюда из Италии на лодке?

Генри кажется, что он говорит небрежно.

Генри. Да... Гребля — мой любимый вид спорта. Когда у меня есть возможность, я всегда гребу.

Лейтенант (*сухо*). В самом деле? Ваша кузина тоже?

Пытаясь вести себя так же, как Генри, Кэтрин говорит с излишним энтузиазмом.

Кэтрин. Да, я люблю это занятие!

Лейтенант (*смотрит на нее*). Кузина с теми же наклонностями, другой национальности... гребущие всю ночь... Очень интересно! (*Более твердо*.) Что вы делали в Италии?

Генри. Я пописывал... Можно сказать, изучал местный колорит.

Лейтенант. Так... А вы, мисс Баркли?

Генри (*быстро*). Она изучала искусство.

Кэтрин (*в подтверждение этого*). Рубенс... Рафаэль, Рембрандт, знаете, и тому подобное.

Лейтенант (*кивая головой*). Так... А сколько у вас денег?

Генри. Две с половиной тысячи лир.

Это производит впечатление на лейтенанта. Его поведение сразу меняется.

Лейтенант. Две с половиной тысячи лир... А у вашей кузины?

Кэтрин (*живо*). У меня тысяча двести лир.

Лейтенант (*торжественно*). Ага...

Что-то бормочет, складывая обе суммы.

Лейтенант. Три тысячи семьсот лир...

Видя, какое впечатление это произвело на лейтенанта, Генри поспешно говорит.

Генри. Я могу также выписать чек на мой американский счет.

Лейтенант реагирует и на это. Его голос неожиданно становится почтительным. Теперь он больше похож на комиссионера, чем на стража закона.

Лейтенант. Так как вы любите греблю, я могу порекомендовать вам одно отличное местечко — высоко в горах...

По мере того как говорит, он превращается в настоящего комиссионера и сам восхищается тем, что расхваливает.

Лейтенант. ...Один из самых красивых видов во всем районе Юнгфрау... вид сверху на самое романтическое озеро...

Кэтрин (*живо*). Это звучит очаровательно.

Лейтенант. И представьте себе, какое совпадение: отель в этом местечке принадлежит моей матери. Ее зовут мадам Циммерман. Очень красивое место.

Генри (*восхищенный сделкой*). Я уверен, что там действительно красиво!..

Входит сержант. На нем серо-зеленая форма и похожая на немецкую каска. Лицо здорового человека, с маленькими усами щеточкой. У него официальный и строгий вид. Подходит к лейтенанту.

Лейтенант. Я напишу вам на карточке ее имя и адрес.

Пишет. Одновременно через плечо строго приказывает сержанту.

Лейтенант. Возьми багаж и найди экипаж для этих туристов.

Сразу же меняется и сержант. Он отвечает подобострастно.

Сержант. Слушаюсь, сэр!

Лейтенант (*любезно*). Ваши паспорта будут храниться в полиции. Я сожалею об этом, но это необходимо при создавшихся обстоятельствах. Они будут возвращены. (*Делает жест рукой.*)

Рассчитывая на свое обаяние, Кэтрин пускает пробный шар.

Кэтрин. Капитан Циммерман!

Лейтенант (*кланяется*). Лейтенант Циммерман.

Кэтрин. Простите... Лейтенант Циммерман... А как с нашей лодкой?.. Мы... м-мм... позаимствовали ее у наших друзей, и нам бы хотелось послать ее обратно.

Лейтенант (*проницательно*). Боюсь, что вашим... друзьям... придется немного подождать. К сожалению, лодка должна быть конфискована.

Генри (*быстро*). Но вы уверены, что нас никто не будет беспокоить?

Лейтенант. Конечно... Я уверен, что вы и ваша кузина найдете отель моей матери очень комфортабельным. К вашим услугам.

Отдает честь и, щелкнув каблуками, уходит.

Подавляя смех, Кэтрин и Генри смотрят ему вслед. Лейтенант оборачивается, смотрит на них. Неожиданно улыбается, подмигивает, уходя, посмеивается.

Счастливые Кэтрин и Генри подмигивают в ответ.

Генри. Это великая страна.

Кэтрин. Да. Такая практичная!

Оба смеются.

Закат. Начало декабря.

За снежными вершинами Альп садится солнце. На склоне горы отель — обычное здесь, похожее на хижину здание. Сейчас его окна горят в лучах заходящего солнца. Это пансион Циммерман.

Вторая половина дня.

Комната в отеле. Горит камин. Завешанная пологом кровать.

На кровати, скрестив ноги, сидит Кэтрин. Она кончает застегивать блузку. Доктор Эмерих укладывает свой стетоскоп в футляр. Это крепкий, здоровый человек средних лет.

Доктор Эмерих. Ни одного неблагоприятного симптома... Замечательная беременность!.. Вы должны быть очень довольны, мистер Генри...

За столиком возле камина сидит Генри. Его стертые руки забинтованы. Он курит длинную швейцарскую трубку, украшенную орнаментом. Затем выбивает ее, продувает, набивает новым табаком и снова разжигает эту прекрасную, но неудобную для курения трубку.

Эмерих (*продолжая*). Я предписываю немного сна и, конечно, упражнения... Но никаких подъемов на альпийские вершины. (*Показывая на Генри.*) Колено вашего мужа теперь в прекрасном состоянии. (*Улыбается.*) Но некоторое время он должен обращаться с ним осторожно. Мы хотим, чтобы у ребенка был здоровый отец.

Кэтрин (*повертываясь к Генри*). Да, мы хотим, чтобы он мог гулять с ребенком.

Эмерих. Он и будет. Ваш ребенок родится весной. Идеальное время года для начала жизни.

Идет к двери. Кэтрин и Генри провожают его.

Генри. Спасибо, доктор Эмерих. Мы будем встречаться с вами регулярно, не правда ли?

Эмерих (*протягивая руку*). Конечно. Но не волнуйтесь. У нас в Швейцарии дети рождаются довольно часто. До свидания, миссис Генри.

Кэтрин. До свидания, доктор. И спасибо. (*Радостно.*) О, я так рада, что у меня все в порядке.. (*Смотрит на Генри.*) Милый, перестань возиться с этой дурацкой трубкой... (*Неожиданно.*) Ох! Ох!

Генри. Что случилось?

Кэтрин. Маленькая Кэтрин. Она пытается перевернуться. (*Идет к нему.*) Хочешь потрогать, где она?

Он осторожно кладет ей на живот руку.

Генри. Ого!.. Это больно?

Кэтрин. Нет, глупый! Это приятно чувствовать.

Генри снова начинает возиться с трубкой.

Генри. Между прочим... (*Держа паспорта.*) Мне сегодня вернули из полиции паспорта... Теперь мы можем пожениться.

Кэтрин. Нет.

Генри (*усмехаясь*). Я уверен, что это будет сочтено самым правильным актом... если только ты не сумасшедшая!

Кэтрин. Не такая сумасшедшая, как ты думаешь. Я не собираюсь прощать тебе «ловушку»... никогда! Но прежде всего, не собираюсь поражать весь кантон известием, что я не замужем.

Генри (*протестуя*). О...

Кэтрин. Куда бы мы ни пошли, это будет неудобно. Уже слишком заметно. Я не могу выходить замуж такой матроной.

Проходит перед ним, нарочито демонстрируя свою располневшую фигуру.

Генри. Ты была бы замечательной невестой.

Кэтрин. Мы поженимся, как только я снова похудею. И каждый ска-

жет: «Какая красивая пара!» У нас на свадьбе будут флердоранжи, ор-ганная музыка... и кто-нибудь, чтобы присматривать за ребенком.

Глядя на Кэтрин, Генри смеется. Раздается стук в дверь.

Генри. Войдите!

Входит краснощекая пожилая леди с подносом в руках. На подносе пиво, вино и закуска. Это фрау Циммерман.

Кэтрин. О, как чудесно, фрау Циммерман! Я умираю с голоду...

Накрывая на стол, хозяйка смеется. Ее смех напоминает кудахтанье.

Фрау Циммерман. Послушайте-ка одну минутку! Когда мой сын сообщил мне о вашем приезде, он допустил одну ошибку. Он думал, что вы кузен и кузина! (Хохочет.) Вот пиво и претцели¹ для джентльмена и горячее вино и специи для мадам. (С сияющей улыбкой.) Всего хорошего, леди и джентльмен.

Они улыбаются ей. Хозяйка уходит.

Генри (погасивая пиво). Я думаю: может быть, мне жениться на фрау Циммерман.

Кэтрин. Она слишком хороша для тебя.

Генри (указывая на вино). Пей, пока горячее.

Кэтрин изучает себя в зеркале, висящем на стене. Потом садится за стол.

Кэтрин. Милый, я собираюсь остричь волосы... очень коротко.

Генри. Сейчас?

Кэтрин. О нет. Когда я снова похудею. Я опять буду худой, и у меня будут короткие волосы. Ты не собираешься запретить мне это, правда?

Генри. Можешь отрезать, если хочешь.

Нахмурив брови; Кэтрин смотрит на него.

Кэтрин. Ах так? Я думала, тебе нравится, что у меня длинные волосы!

Генри. Мне очень нравится, что они длинные.

Кэтрин. Но ты сказал, что ты предпочитаешь короткие.

Генри. Я не говорил.

Кэтрин (настойчиво). Ты намекнул на это.

Генри. Я ни на что не намекал. Я только стараюсь не спорить с тобой.

Кэтрин. Мне бы хотелось, чтобы ты не старался запутать меня... Я знаю, почему я тебе надоела... потому что я слишком люблю тебя.

Генри (громко). Ты с ума сошла!

Кэтрин. Не кричи на меня, пожалуйста!

Генри. Я не кричу. Я пытаюсь сказать тебе, что ты мне не надоела. Мне все надоело — кроме тебя.

Поверив в это, Кэтрин снова счастлива.

Кэтрин. О милый!.. (Подойдя, целует его.) Ты не должен об-

¹ Крендели с солью. (Нем.)

ращать на меня внимания. Мы с тобой действительно одно целое, и у нас не должно быть недоразумений из-за пустяков.

Генри. Их и не будет.

Кэтрин. Но у других это случается... Они любят друг друга, но придираются по пустякам и ссорятся, а потом вдруг оказывается, что они уже не одно целое!

Генри. Мы не будем ссориться.

Кэтрин. Мы не должны делать этого потому, что нас только двое. Мы двое против всех в мире! И если между нами что-нибудь произойдет, мы пропали. Они проглотят нас!

Генри. Им не удастся, потому что ты очень храбрая. А с храбрыми никогда ничего не случается.

Кэтрин. Они, конечно, тоже умирают.

Генри (*задумчиво*). «Трус умирает тысячу раз, а храбрый — только один».

Кэтрин. Кто бы это ни написал, он, наверно, сам был трусом. Он хорошо знал трусов, но ничего не смыслил в храбрых. Храбрые умирают много тысяч раз, если они умны.

Генри (*искренне*). Ты говоришь авторитетно. Ты храбрая!

Кэтрин. Нет, совсем нет... Но как бы там ни было, я не намерена стричься, пока не родится маленькая Кэтрин и пока я снова не похудею. Тогда я остригусь и стану для тебя хорошенькой новой девушкой, и ты снова влюбишься в меня.

Генри (*сажая ее к себе на колени*). Я и так достаточно влюблен в тебя. Что ты еще хочешь от меня? Чтобы я совсем потерял голову?

Кэтрин. Да, чтобы ты совсем потерял голову.

Генри. Хорошо. Этого я и сам хочу.

Обнимает ее крепче. Так, обнявшись, они и сидят, освещенные лучами заходящего солнца, на фоне темнеющих вершин альпийских гор.

Мишень, укрепленная на дереве. В мишень впивается стрела. И хотя она не попадает в центр, все же это хороший выстрел.

Кэтрин. Ты хороший стрелок, милый!

Генри. Теперь попробуй ты, Кэт.

Показывает, как надо стрелять.

Генри. Разверни плечи параллельно мишени, оттяни стрелу и пус-кай ее... Так... хорошо... теперь давай посмотрим, как ты выстрелишь.

Она стреляет. Мимо.

Кэтрин. О, я никогда не научусь.

Генри. С тебя довольно?

Кэтрин. Я думаю, да. Давай пройдемся.

Прежде чем тронуться, Генри собирает и складывает лук, стрелы, ми-шень...

Они бредут по лесу, прогуливаясь, то молча, то разговаривая.

Кэтрин. Пойдем домой, ты выпьешь пива.

Генри. Хорошо.

Кэтрин. А я не буду пить. Доктор сказал, у меня довольно узкий таз и лучше, если маленькая Кэтрин будет небольшой.

Генри (*встревоженный*). А что еще он сказал?

Кэтрин. Ничего... Кроме того, что он очень доволен моим кровяным давлением.

Генри. А что он сказал о том, что у тебя слишком узкий таз?

Кэтрин. Он не сказал, что слишком узкий... Ничего. Совсем ничего... Но он сказал, что я не должна кататься на лыжах.

Генри. Совершенно верно.

Кэтрин. Я ответила, что мечтала походить на лыжах вместе с тобой. Тогда он сказал, что ходить-то можно, а вот падать нельзя.

Генри. Он великодушный шутник, правда?

Кэтрин. А ты знаешь что, если я выйду за тебя замуж, я стану американкой, и, когда бы я ни вышла замуж, по американским законам маленькая Кэтрин все равно будет считаться законным ребенком.

Генри. Где это ты выискала?

Кэтрин. У фрау Циммерман есть нью-йоркский «Уорлд альманах»... Я очень рада, что я буду американкой. И мы поедем в Америку, правда, милый?.. Я хочу увидеть Ниагарский водопад.

Генри. Я повезу тебя туда в наш медовый месяц.

Кэтрин. Я хотела посмотреть что-то еще, но не могу вспомнить, что именно.

Генри. Большой Каньон?

Кэтрин. Нет. Но я посмотрела бы и это.

Генри. Что же еще?

Кэтрин. Золотые ворота, вот что я хотела посмотреть. Где они находятся?

Генри. В Сан-Франциско.

Кэтрин. Тогда давай поедем туда.

Генри (*обнимая ее рукой*). Я повезу тебя повсюду и покажу тебе все. Ты даже не знаешь, как я схожу с ума по тебе... Разве у нас не прекрасная жизнь?

Кэтрин. Мне хорошо, но иногда я думаю, что ты, пожалуй, какой-то неспокойный.

Генри. Нет... Иногда я думаю о фронте... но долго я ни о чем не думаю... только о нас.

Кэтрин (*уверенно*). Но ты все же думаешь... время от времени... о майоре Ринальди... разве нет?

Генри (*грустно размышляя*). Да... но не очень часто. Я не хочу думать о войне. Я покончил с ней.

Кэтрин (*целует его руку*). Это хорошо. Я рада.

С минуту идут молча.

Кэтрин. О чем ты думаешь сейчас?

Генри. Я думаю о виски.

Кэтрин. Виски?!.. Какое виски?

Генри. Я думал, как оно хорошо.

Кэтрин (*делает гримасу*). Хорошо... Позабудем о пиве и достанем тебе виски.

Вечер. Падает снег. Панорама швейцарской деревни.

Канун Нового года. Звонят церковные колокола...

...Спальня в отеле Циммерман.

Генри и Кэтрин играют в шахматы. В камине догорает огонь.

Генри (*небрежно, передвигая фигуру*). Вот так!.. Шах и мат.

Кэтрин (*возбужденно, передвигая фигуру*). Мне все равно. Я беру твою королеву.

Генри (*терпеливо*). Дорогая, игра окончена. Это мат.

Кэтрин. Но почему? У меня же больше этих дурацких фигур, чем у тебя... (*Поднимается.*) О, я бы предпочитала, чтобы ты любил играть в карты. Это гораздо веселее.

Часы начинают отбивать полночь. Генри смотрит на свои ручные часы. Наступает Новый год.

Кэтрин. С Новым годом, дорогой! Желаю счастья.

Генри (*обнимает ее*). Всем нам троим!

Кэтрин. Это тысяча девятьсот восемнадцатый...

Целуются. Бьют последние удары, и часы замолкают.

Кэтрин. Ты не возражаешь, если мы останемся в одиночестве в новогоднюю ночь?.. Только с тобой...

Генри. Я никогда не чувствую одиночества, когда мы вместе.

Кэтрин. Но иногда мужчине хочется побыть одному.

Генри. Я думаю, что иногда и девушке тоже хочется побыть одной.

Но если люди любят, они ревнуют друг друга к этому.

Кэтрин (*немножко задетая*). У меня никогда не бывает желания побыть одной, без тебя.

Генри. У меня тоже. Раньше моя жизнь была заполнена массой разнообразных вещей. А теперь, если тебя нет со мною рядом, я чувствую себя одиноким в мире.

Кэтрин. Но теперь тебе скучно со мной. Я стала похожа на бочку.

Генри. Нет, не похожа. Ты стала красивее, чем когда-либо.

Кэтрин. Все равно... завтра ты спустишься в город и найдешь себе какого-нибудь молодого, веселого партнера.

Генри. Я сказал тебе, что не хочу быть с кем-нибудь еще.

Кэтрин. Нет, ты будешь! А я собираюсь начать Новый год приобретением для маленькой Кэтрин ее первого гардероба. И сделаю это завтра же. Я выясню, что для этого необходимо.

Генри. Ты должна знать. Ты же была медицинской сестрой.
Кэтрин. Но солдаты в госпитале так редко обзаводились детьми.
Генри. Я же обзавелся.
Смеясь, она запускает в него подушкой.

День. Бильярдная в отеле.

На бильярде играют Генри и какой-то глубокий старик. Это граф Греффи, древний, но элегантный итальянец.

Возле бильярда в ведерке со льдом бутылка вина. Генри наблюдает, как Греффи забивает шар. Потом берет свой стакан и прихлебывает вино.

Греффи. Вчера в мой театральный бинокль я наблюдал за вами и за вашей очаровательной леди... Это была милая картина! Я не понимаю, как вы находите время для старого человека.

Генри. Вы совсем не кажетесь старым, граф Греффи.

Греффи кладет на полку забитый им шар.

Греффи. Состарилось только мое тело. Иногда я боюсь, что у меня отломится палец, как кончик мелка... а дух не стареет и мудрости не прибавляется.

Генри. Вы мудры.

Греффи. Нет. Это большое заблуждение говорить о мудрости стариков. Старики не мудры, они только осторожны.

Генри. Быть может, в этом и состоит мудрость.

Греффи. Это малопривлекательная мудрость. Что вы в жизни цените больше всего?

Генри. Любимого человека.

Греффи. Вы цените жизнь?

Генри. Да.

Греффи. Я тоже. Потому что это все, что у меня осталось... Вы верующий?

Генри. Иногда... по ночам.

Улыбаясь, Греффи поднимает стакан.

Греффи. Я думал, что с возрастом стану более набожным, но этого как-то не случилось. Очень жаль!

Генри. Вы хотели бы жить после смерти?

Греффи. Это зависит от того, как жить... Эта жизнь очень приятна. Я хотел бы жить вечно. И мне это почти удалось.

Смущенно улыбаясь, Генри пьет. Греффи кладет на полку еще один забитый шар.

Греффи. Мы не поговорили о войне... Как вы думаете, кто ее выиграет?

Генри. Мне было бы интереснее узнать, что думаете об этом вы?

Греффи. Я думаю, ее выиграют итальянцы.

Генри. Почему?

Греффи. Они более молодая нация.

Генри. Разве молодые нации всегда выигрывают войну?

Греффи. Они способны на это в течение известного периода.

Генри. А потом?

Греффи. Они стареют... Поскольку в это дело впутали вашу страну, я предполагаю, теперь и вам скоро придется принять в ней участие.

Генри. Я уже побывал на ней.

Греффи. О? Я не знал. Вы говорите об этом без энтузиазма.

Генри. Я не люблю эпитетов, связанных с войной: верность, слава, самопожертвование. То, что я видел, было далеко от славы. И самопожертвование было больше похоже на чикагские боини... с той лишь разницей, что в Чикаго мясо не предается погребению.

Греффи снова бьет. И снова шар в лузе.

Греффи. Да, старые люди черпают в войне тему для дискуссий, а молодые находят смерть. Но я боюсь, что война — один из необходимых атрибутов нашей цивилизации.

Генри. Не моей цивилизации.

Греффи. А какой цивилизации вы придерживаетесь?

Генри. Остаться в живых. И кого-нибудь любить.

Греффи. Как было бы приятно, если бы жизнь заключалась только в этом.

Генри. А почему бы нет?

Греффи. Потому что, куда бы ни ступил человек, он остается частью мира. Один американский поэт писал, что ничто не может предотвратить дождь, смерть или завтрашний день.

Задумчиво молчит Генри. Греффи бьет. Шар в лузе.

Греффи. Вот и партия. Я должен был бы дать вам фору... Надеюсь, моя стариковская болтовня не слишком утомила вас.

Ставит на место свой кий.

Генри. Нет... но... (Тепло.) Я надеюсь кое-что написать.

Подняв стакан с вином, Греффи искренне говорит.

Греффи. Желаю вам успеха. Я надеюсь, ваша работа будет очень успешной... и у вас будет долгая юность и много счастливых воспоминаний в старости.

Генри (пьет). Благодарю вас!.. И надеюсь, что вы будете жить вечно.

Греффи. Спасибо. Но если этого не случится и если вы когда-нибудь станете набожным, помолитесь за меня.

Генри. Я помолюсь за вас. И, возможно, я стану очень набожным.

Греффи. Вы любите! Не забывайте, что это тоже религиозное чувство.

Генри. Вы верите в это?

Греффи. Конечно... (Пьет.) Я надеюсь, вам нравится шампанское. Это моя последняя любовь.

День.

Вестибюль в отеле фрау Циммерман.

Через окно видны остатки тающего снега. Кэтрин и Генри прощаются с фрау Циммерман. В руках у них чемоданы.

Генри. Вы понимаете, не так ли, фрау Циммерман?

Фрау Циммерман. Все в порядке, мистер Генри. Вам незачем что-то объяснять мне.

Кэтрин. Нам здесь очень нравится, и нам очень не хочется уезжать.

Генри. Просто нам необходимо переехать в город, чтобы быть поближе к больнице.

Фрау Циммерман. Я понимаю. А вы вернетесь сюда поздней весной, когда здесь так замечательно... и останетесь здесь с малышом?

Генри. Да, если у вас будет комната.

Кэтрин. Это было бы чудесно.

Фрау Циммерман. Мы могли бы поместить малыша с няней в большой комнате, которая теперь закрыта, а вы с мадам могли бы занять свою прежнюю.

Генри. Мы будем рассчитывать на это.

С нежностью смотрит на них фрау Циммерман. Поколебавшись, тянется к Кэтрин и целует ее в щеку. Кэтрин тронута.

Фрау Циммерман. Благослови господь вас обоих!.. И маленького.

Кэтрин. Спасибо!

Фрау Циммерман протягивает руку Генри. Он прощается, затем берет чемоданы. Оба направляются к двери.

Улица перед салоном красоты.

Мерными шагами расхаживает Генри перед салоном. Смотрит на свои часы, затем подходит к двери.

Салон красоты.

Маленький кабинет в салоне красоты. Парикмахерша завивает Кэтрин. Тихонько позвякивают щипцы. Входит Генри. Останавливается в дверях. В зеркале он видит лицо Кэтрин.

Генри. Еще долго?

Кэтрин. Ну не будь таким нетерпеливым. Она выполняет красивую работу. И очень важно, чтобы я выглядела как можно лучше, когда встречу маленькую Кэтрин.

Генри. Я уверен, это произведет на нее большое впечатление.

Парикмахерша. Это у вас первый ребенок, мадам?

Кэтрин. О нет. У нас есть двое мальчиков.

П а р и к м а х е р ш а. О, это замечательно!

Г е н р и. И две девочки.

П а р и к м а х е р ш а. О-ля-ля, мосье!

Кэтрин меняется в лице. У нее схватка.

Кэтрин (*взволнованно*). Ох-ох...

Смотрит на Генри, он смотрит на нее.

Сумерки. Улица, где находится больница

К больнице приближается экипаж, в котором мы видим Кэтрин и Генри. Он обнимает ее. Экипаж останавливается перед больничным подъездом. Генри помогает Кэтрин выйти из экипажа. Они поднимаются по ступенькам, Генри поддерживает ее.

Кэтрин (*смотрит на него улыбаясь*). Милый, она не встанет между нами, правда? Наш постреленок?

Генри (*крепче обняв ее*). Нет. Мы ей не позволим.

Кэтрин. Разве это не будет забавно? Нас будет трое.

Ночь. Больничная палата.

В кровати Кэтрин. Сестра, приземистая женщина, похожая на мать семейства, проверяет ее пульс. На Кэтрин больничная, очень простая с квадратным вырезом ночная рубашка. Входит Генри с чемоданом.

Генри. Хэлло, Кэт. Как ты себя чувствуешь?

Кэтрин. Прекрасно, милый.

Генри. Я принес твои вещи...

Ставит чемодан, осматривается.

Генри. Доктора еще нет?

Сестра. Он будет через несколько минут.

Генри (*Кэтрин*). Ну, как?

Кэтрин. Схватки повторяются теперь довольно часто.

Ее лицо искажается... Началась схватка. Но, несмотря на боль, она улыбается. И как только боль отпускает ее, довольная, говорит.

Кэтрин. Вот это уже настоящая... Ты иди, милый. Пойди что-нибудь перекуси... Сестра сказала, это может продолжаться долго.

Сестра. Первые роды обычно бывают продолжительными.

Генри. Я лучше останусь.

Кэтрин. Прошу тебя, милый, иди!.. Твое присутствие меня как-то стесняет... А я так хочу быть хорошей женой и родить этого ребенка без всяких историй!..

Сестра (*Генри*). У вас много времени... Если хотите, вы успеете поехать.

Генри. Нет... Я только выйду за дверь.

Идет к двери. Останавливается там. Тихо зовет.

Генри. Сестра...

Она подходит к нему.

Генри (*застенчиво*). Как вы думаете, я смогу присутствовать в родильной?

Сестра. Да... я уверена, что все будет хорошо.

Генри. Спасибо.

Он посылает Кэтрин поцелуй. Она улыбается ему, и Генри выходит.

Та же ночь.

Родильная. Кэтрин лежит на столе, покрытая простыней. По одну сторону стола сестра, по другую доктор Эмерих и другой врач. В одной руке у доктора Эмериха резиновая маска, присоединенная к баллону. Генри тоже в белом халате, стоит в ногах и смотрит на лицо Кэтрин.

Роды уже начались.

Кэтрин (*в каком-то экстазе*). Вот это сильная схватка!

Эмерих. Тужьтесь!.. Как можно сильнее.

Кэтрин. Теперь уже скоро. Я чувствую.

Эмерих. Да, моя милая... Мы дадим вам немного газа, чтобы облегчить боли.

Кэтрин. Я никому не хочу доставлять хлопот.

Новая схватка. Несмотря на дикую боль, Кэтрин счастлива... Эмерих надевает ей на лицо маску... Генри напряженно смотрит на нее. Когда боль стихает, Эмерих снимает маску.

Кэтрин. Милый?..

Генри. Да?..

Кэтрин. Я только хотела убедиться, что ты здесь.

Генри. Я не уйду.

Кэтрин. Вот пай-мальчик.

Снова схватка...

Родильная. Вокруг стола, на котором лежит Кэтрин, стоят Эмерих, врач, медсестра и Генри. Кэтрин совсем пьяна от наркоза. Оба доктора и сестра после бессонной ночи борются с усталостью.

Кэтрин. О милый!.. У меня самый замечательный доктор... Он рассказывал мне самую замечательную историю, а когда началась очень сильная схватка, он что-то сделал, и меня как будто не стало... Он замечательный! Доктор, вы — замечательный.

Генри (*с любовью*). Ты пьяна.

Кэтрин. Я знаю. Но ты не должен так говорить.

Начинается схватка.

Кэтрин. Дайте мне это... Дайте мне!

Доктор дает ей наркоз. Она вцепляется в маску и дышит так часто и глубоко, что респиратор щелкает. Делает глубокий вдох... Доктор снимает с нее маску.

Кэтрин (*говорит, как пьяная*). О! О! Эта была очень сильная...

Генри подходит к ней ближе. Берет ее руку.

Кэтрин. Как ты думаешь, рожу я когда-нибудь этого бэби?

Генри. Конечно, родишь.

Кэтрин. Немного раньше у меня были очень сильные схватки... Я не знаю, что случилось.

Эмерих. Не беспокойтесь. Все идет прекрасно.

Кэтрин (*слабым голосом*). Не может ли мой муж давать мне наркоз?

Эмерих. Если вы хотите. (*К Генри.*) Будете поворачивать до цифры два.

Подойдя к доктору, Генри смотрит, как это делается.

Генри. Да, понимаю.

Кэтрин. Я хочу это сейчас!

Крепко прижимает маску к лицу. Генри поворачивает рычажок на циферблате до номера два. Когда она снимает маску, он выключает подачу газа и идет к ней. Кэтрин слабо улыбается ему.

Кэтрин. Спасибо, милый! Это было чудесно. Ты так добр ко мне.

Гладит его руку. Генри вытирает пот с ее лица.

Кэтрин. Бедняжка!.. Ты иди... Иди пообедай.

Генри. Нет, я хочу остаться здесь.

Кэтрин. Мне так обидно, что это затянулось... Я думала, все это пройдет у меня легко.

Генри целует ее руку.

Кэтрин. Я стараюсь, как могу... Я толкаю, а она снова уходит.

Ее лицо напрягается, голос поднимается выше.

Кэтрин. Вот подходит!.. Дайте мне!

Доктор дает ей наркоз.

Кэтрин. О доктор, пожалуйста, дайте мне больше! (*Бормочет.*) О-о, о-о, о-о! Не работает! Не работает! Я готова умереть, лишь бы это кончилось. О-о, о-о, о-о! Пожалуйста, сделайте так, чтобы это кончилось!

Всхлипывая, дышит через маску. Генри с трудом переносит это. Он с мольбой смотрит на доктора. Тот неуверенно дает ей снова наркоз.

Генри тяжело переживает муки Кэтрин. Видит, как Кэтрин от боли стискивает кулаки. Доктор снимает с нее маску.

Кэтрин. Она не работает. Ничего не работает. (*С трудом дышит.*) О милый, я такая глупая. Я так хотела родить этого ребенка и никому не причинить неприятностей... а теперь я уже без сил... я больше ничего не могу... и газ не помогает.

Генри (*берет ее руки*). Ведь ты же у меня храбрая.

Кэтрин. Я уже больше не храбрая. Я сломлена. Меня сломили.

Генри. Еще немного, и все кончится.

Кэтрин. Милый, ведь я не умру, правда?

Генри. Нет, я обещаю тебе, что ты не умрешь.

Кэтрин. Я не хочу умереть и оставить тебя... Но я так устала от этого и я чувствую, что умру.

Генри. Чепуха. Каждый чувствует себя так.

Кэтрин. Я всегда знала, что я умру.

Генри. Ты не умрешь!.. Ты не можешь умереть! Я не позволю тебе. Он тяжело переживает ее страдания. На глазах у него слезы. Эмерих видит это.

Кэтрин. Не обращай на меня внимания, милый. Пожалуйста, не плачь... Не обращай на меня внимания. Только я уже сломлена. Бедняжка ты мой!.. Я так люблю тебя... и я опять буду хорошей.

Генри. У тебя будет все хорошо, милая. Все будет хорошо.

Кэтрин. Ты так добр ко мне.

Эмерих. Выйдите, пожалуйста, на несколько минут, я исследую ее.

Кэтрин (*слабым голосом*). Потом ты снова можешь вернуться, милый... Правда, доктор?

Эмерих. Да... Я пошлю сказать, когда ему можно будет вернуться.

Генри поочередно смотрит на врачей, на Кэтрин. Он боится за нее и не хочет уходить... Все же поворачивается и уходит.

Больничный коридор. К креслу возле письменного стола идет Генри. Садится. Смотрит в окно на дождь. Несколько минут сидит неподвижно. Разговаривает сам с собой.

Генри. Бедная Кэт. Вот что получают за то, что любят друг друга.

Поворачивается. Видит, что из родильной выходит сестра.

Сестра. Мистер Генри, вас хочет видеть доктор.

Генри (*живо*). Что-нибудь случилось?

Сестра не отвечает. Генри идет за ней. Подходит к родильной. Дверь открывается. Выходит Эмерих.

Генри. Как идут роды, доктор?

Эмерих. Они не идут больше!

Генри (*обезумев, не понимает*). Но... Она была настолько здоровой. Вы сами говорили, что она была...

Умоляюще смотрит в глаза Эмериху. Тот и сам тяжело переживает это неожиданное несчастье.

Эмерих. Я знаю... Но как-то... (*Пожимает плечами.*) Иногда природа обманывает ожидания.

Генри. Что вы советуете?

Эмерих. Есть два пути... щипцы, которые могут привести к разрывам и довольно опасны для роженицы, не говоря уже о ребенке... Или кесарево сечение.

Генри. А насколько опасно кесарево сечение?

Эмерих. Не больше, чем обычные роды. Если бы это была моя жена, я бы сделал кесарево сечение.

Генри. А каковы последствия?

Эмерих. Никаких, Только шов.

Генри. А если вы будете только ждать и не будете принимать никаких мер?

Эмерих. В конечном итоге придется принять какие-нибудь меры. Миссис Генри уже потеряла большую часть своих сил. И теперь чем скорее мы будем оперировать, тем меньше опасность.

Генри (*помолчав минуту*). Оперируйте как можно быстрее.

Эмерих. Я пойду и дам указания.

Уходит. Генри входит в родильную.

Родильная. Врач стоит неподвижно, глядя на покрытое потом лицо Кэтрин. Входит Генри. Кэтрин слышит его шаги. С трудом поворачивает голову, чтобы увидеть его. Она в отчаянии.

Кэтрин. Ты разрешил ему?

Генри. Да.

Кэтрин. Ну и хорошо!.. Теперь уже скоро все кончится. (*Слабо улыбается.*) Я больше не умру, милый. Я уже миновала тот момент, когда могла умереть... Ты рад?

Генри. И больше не возвращайся туда.

Эмерих. Вы бы не сделали такой глупости. Вы бы не умерли и не оставили вашего мужа.

Кэтрин. Милый...

Генри. Да, Кэт.

Кэтрин. На улице дождь?

Генри, поняв смысл ее вопроса, избегает встречаться с ней глазами.

Генри. Нет... Думаю, что нет.

Кэтрин. А я думаю, на улице дождь.

Склонившись, Генри целует ее. Две медсестры и какой-то доктор входят с каталкой, кладут на нее Кэтрин и увозят. Невыразимо страдая, Генри смотрит им вслед.

Хоры в операционной. Они нависают как раз над операционным столом. На хорах Генри, две медсестры и четыре студента-медика. Генри сидит в первом ряду.

...Операционная.

Кэтрин еще не совсем уснула под наркозом. Она еще возится и бормочет... Наконец затихает, лежит неподвижно. Эмерих начинает операцию.

...Хоры. Глаза Генри устремлены в окно позади операционного стола. Сильный дождь барабанит по стеклу. Окно потемнело от потоков воды. Вспомнив предчувствие Кэтрин, он вздрагивает... Его глаза возвращаются к операционному столу.

...Операционная. Эмерих поднимает на руках ребенка. Передает его ассистенту. Тот шлепает ребенка по ягодицам.

...Хоры. Сестра, сидящая около Генри, присмотревшись, определяет пол ребенка.

Сестра. Мальчик... Поздравляю вас!

Генри молчит.

Другая сестра. Великолепный мальчишка. Разве вы не гордитесь им?

Генри (с горечью). Он едва не убил свою мать.

Смотрит на операционный стол.

Вторая половина дня. Палата Кэтрин.

С закрытыми глазами Кэтрин лежит на кровати... Сестра открывает дверь.

Сестра. Вы можете войти, на минутку.

Входит Генри. Подходит к кровати. Кэтрин открывает глаза. Ее голос очень слаб.

Кэтрин. Хэлло, милый!

Генри. Хэлло, моя любимая.

Кэтрин. Кто родился?

Генри. Мальчик. Длинный, толстый и темный.

Кэтрин. С ним все в порядке?

Генри. Да, он замечательный.

Кэтрин. Я страшно устала... И у меня все адски болит.

Сестра. Выйдите, пожалуйста. Мадам Генри нельзя разговаривать.

Кэтрин (тихо). Ты не ел весь день, милый. Иди что-нибудь поешь. К твоему возвращению у меня будет все в порядке.

Наклонившись, Генри целует ее влажный лоб.

Генри (шепчет). Я вернусь через пятнадцать минут.

Кэтрин (слабеющим голосом). Приятного аппетита.

С глубоким состраданием смотрит на нее Генри. Ему не хочется уходить... Но сестра держит для него дверь открытой. И он идет...

Коридор. В коридор выходит Генри. К нему направляется Эмерих.

Эмерих (тихо). Вам сказали о ребенке?

Генри. Нет.

Эмерих. У него пуповина захлестнулась вокруг шейки. Мы не смогли вызвать дыхания.

Оба молчат.

Генри. Итак, он мертвый.

Эмерих. Да. Такая жалость... Такой прекрасный ребенок.

Генри (*спустя минуту*). А как она? Тоже умрет?

Эмерих. Нет, мой мальчик. У нее будет все хорошо... Пошли, выпьем кофе.

Генри не двигается. Осунувшийся и измученный, он оглядывается назад, туда, где лежит Кэтрин. Врач берет его за руку.

Эмерих. Уверяю вас, все будет в порядке.

Выводит его. Ошеломленный Генри послушно идет за ним.

Сумерки. Дождь. Кафе.

За столиками в зале сидят человек двенадцать посетителей. За одним хрипло хохочут трое мужчин.

За кассой полная женщина в черном платье. Она же следит за порядком. В комнате очень сильно накурено. За окнами льет дождь. Входят Генри и доктор Эмерих. К ним подходит хозяин кафе.

Хозяин. Два, доктор Эмерих?

Эмерих. Да, кофе и бриоши. Пожалуйста, в нишу.

Хозяин. Она освободится через пару минут.

Эмерих. Мы подождем.

Хозяин торопливо уходит. Генри и Эмерих стоят в ожидании. Генри не слышит шума, не видит обедающей публики. Он весь поглощен мыслями о Кэтрин.

Первый посетитель. Это правда. Даже немецкое коммюнике признает, что это правда.

Второй посетитель. Да... а месяц назад они говорили, что итальянцев может спасти только чудо.

Первый посетитель. Ну что ж, чудо случилось. Итальянцы уже вышли на реку Пьяве.

Генри (*ни к кому не обращаясь*). Бедная Кэт... Она так... (*Его голос прерывается*.) Она так хотела малыша.

Возвращается хозяин.

Хозяин. Доктор, стол готов.

...Ниша в кафе.

За столик усаживаются Генри и Эмерих. Хозяин приносит кофе и бриоши и уходит.

Генри. Я не понимаю этого. Я сам чувствовал, как он ворочался. Он был живым в Кэтрин. За исключением последней недели. В последнюю неделю он стих. Может быть, все это время он был уже мертв.

Эмерих (*успокаивая*). Пей кофе, мой мальчик.

Генри. Бедный малыш! Ему даже не удалось рискнуть... Может быть, как раз это и правильно. В конце концов тебя убивают. И может быть, это лучше, чем умереть на грязной дороге.

Машинально прихлебывает кофе.

Генри. И ты не знаешь, зачем все это... Да и не успеваешь узнать... Они швыряют тебя в жизнь и сообщают тебе всякие правила. И в пер-

вый же раз, как только тебя застанут врасплох, тебя убивают... В конце концов они убивают тебя. Рассчитывай именно на это. Сиди и жди, и тебя убьют.

Неожиданно замолкает. У него странное выражение, словно он к чему-то прислушивается.

Эмери х. Что такое?

Генри. Я должен вернуться.

Быстро встает.

Эмери х. Вы должны допить кофе.

Генри (неожиданно). Вот! Вот!

Быстро идет к выходу. Эмери х следует за ним, но более медленно.

Коридор в больнице.

По коридору поспешно идет Генри. Его встречает медсестра.

Сестра. Мистер Генри, я пыталась дозвониться вам по телефону.

Генри. Что случилось?

После секундной паузы сестра неохотно, с сочувствием сообщает.

Сестра. У миссис Генри кровотечение.

Генри. Могу я войти?

Сестра. Пока еще нет.

Генри. Это опасно?

Сестра. Это очень опасно.

Из-за Генри появляется доктор Эмери х. Он стремительно проходит в палату Кэтрин. Там к нему присоединяется сестра. Генри стоит неподвижно, глядя на дверь палаты.

Генри (проникновенно). Не дай ей умереть.

Подходит к стене. Почти касается ее лицом. Тихо бьет кулаками по стене возле своих щек.

Генри. О господи, прошу тебя, не дай ей умереть! Я все сделаю для тебя, если ты не дашь ей умереть. Как бы неправильно я ни поступал, прошу тебя, боже милостивый, не надо... не надо!.. Не дай ей умереть!.. Ты взял нашего малыша, но не допусти, чтобы умерла и она. Не надо, не надо, боже милостивый! Не допусти... не допусти...

Из палаты выходит сестра и кивает Генри. Он идет к двери палаты.

Палата Кэтрин.

Следом за сестрой Генри входит в палату. Эмери х стоит около кровати. Когда подходит Генри, Эмери х предусмотрительно отходит. Кэтрин смотрит на Генри и улыбается. Генри склоняется над кроватью и начинает плакать.

Кэтрин (тихо). Бедняжка мой!

Генри. У тебя все хорошо. Ты еще поправишься.

Кэтрин. Я умираю... (Пауза.) А я так не хочу.

Генри берет ее за руку.

Кэтрин (*слабо*). Не трогай меня.

Он отпускает ее руку. Она открывает глаза и смотрит ему в глаза глубоким взглядом. Выражение горечи на ее лице медленно сменяется улыбкой.

Кэтрин (*шепотом*). Бедняжка мой. Трогай, сколько хочешь.

Генри. Ты поправишься, Кэт... Я знаю, ты поправишься.

Кэтрин. Я хотела написать тебе письмо, чтобы оно осталось у тебя, если что-нибудь случится. Но так и не написала.

Генри. Ты хочешь, чтобы я что-нибудь сделал, Кэт? Хочешь, чтобы я послал за кем-нибудь?

Кэтрин. Только ты... (*Пауза.*) Я не боюсь... Только я не хочу этого.

Генри около нее. Он шепчет.

Генри. Кэт!..

Кэтрин. Было так хорошо!..

Генри. Да.

Кэтрин. Милый, ты не позволишь себе с другой девушкой того, что было у нас?.. И не будешь говорить ей тех слов, какие говорил мне... правда?

Генри. Никогда.

Кэтрин. Но я хочу, чтобы у тебя были другие девушки.

Генри. Они мне не нужны.

Кэтрин улыбается. У нее серое лицо. Слабый голос.

Кэтрин (*очень слабым голосом*). Я буду приходить и оставаться с тобой по ночам.

Генри плачет... не отвечает. У нее закрыты глаза. Генри встает, глядит на ее восковое, изнуренное лицо. Она широко открывает глаза и с последним проблеском сознания смотрит в лицо своему возлюбленному.

Кэтрин. Я ни капельки не боюсь, милый... Только это гадкая штука.

Ее голова валится набок. Эмерих подходит к кровати. Генри стоит неподвижно, пристально глядя на Кэтрин. Врач пальцами трогает ее горло.

Эмерих. Она умерла.

Генри молчит. Подходит сестра и натягивает простыню на голову Кэтрин. Генри смотрит, слишком ошеломленный и пораженный, чтобы двигаться или протестовать. Через минуту к нему подходит Эмерих и кладет руку на его плечо.

Эмерих. Больше ничего нельзя было сделать. Операция показала....

Генри (*прерывает*). Я не хочу говорить об этом.

Минутная пауза.

Эмерих. Могу я... что-нибудь сделать?..

Генри. Ничего... Только оставить нас одних.

*Натан С. Дуглас,
Гарольд Джексон Смит*

СКОВАННЫЕ
ЦЕПЬЮ

Сильный мужской голос поет. Мелодия песни печальна и монотонна.

...Шел он далеко,
Шел без удачи,
Шел он далеко.
Шел он в Кентакки —
Шел он далеко...

Ночь. Дорога. Ветер.

Уходит вдаль старое горбатое шоссе. Только что прошел ливень. Как грязные лохмотья, висят облака, закрывая все небо. По дороге медленно ползет похожий на огромного жука крытый грузовик. Далеко виден свет его фар.

Где-то между Флоридой и Месон-Диксон-Лайн грузовик сворачивает в сторону и едет вдоль мрачного болота. Его колеса скользят на мокром асфальте.

Кабина грузовика. В ней Дженингс и Бейкер.

Дженингс — человек средних лет, с обветренным, точно выдубленным лицом. Напрягая зрение, он пристально смотрит через ветровое стекло. Машину то и дело заносит к обочине, и он старается все время держать ее на середине дороги.

Краснощекий и синеглазый Бейкер моложе Дженингса.

Песня звучит тише, а временами рокот мотора и совсем заглушает ее.

Бейкер нервно ерзает.

Д ж е н и н г с. Что ты все время ерзаешь?

Б е й к е р. Мне узки штаны.

Дженингс. Сотни раз говорил тебе, что для такой длительной поездки хороши только хлопчатобумажные.

Бейкер. Для такой поездки хороша только одна вещь — водолазный костюм... (*Кивком показывает назад, в сторону поющего.*) А тут еще приходится слушать его!.. Всю дорогу от Уолкервилла.

Дженингс (*начинает раздражаться*). Да оставь ты его в покое! Ему и так хватает неприятностей.

Бейкер. Он действует мне на нервы.

Впереди показываются огни идущей навстречу машины.

Бейкер. Осторожнее!

Дженингс. Слушай, не мешай мне вести машину.

От резкого поворота грузовик опять заносит к самому кювету. Мимо проезжает встречная машина.

Кабина водителя.

С трудом Дженингс выводит грузовик обратно на середину дороги. Бейкер сидит бледный. Лицо его покрыто потом. Оба некоторое время молчат.

Дженингс. Эти стеклоочистители никуда не годятся... Почти ничего не видно.

Бейкер. А ты слишком быстро ведешь машину... Особенно, если почти не видишь дороги.

Дженингс (*насмешливо*). Боишься, да?

Бейкер. Что значит «боясь»? Эти машины с дынями носятся так, словно хотят обогнать завтрашний день...

Дженингс. Раз ты заключил контракт и хочешь заработать, тебе приходится ездить быстро.

Бейкер. Но тебе-то за быструю езду ведь не платят.

Дженингс (*примирительно*). Ну, ладно... ладно... Я поеду потише!

Бейкер (*немного помолчав*). До чего же противно несет от болота после дождя...

Дженингс. Сколько сейчас времени? У меня уже спина начинает болеть.

Бейкер. Что-то около девяти.

Дженингс. Мы опаздываем уже на полтора часа...

Бейкер. Нет, ты только послушай его! Всю дорогу тянет одно и то же. Посадить бы его в открытый кузов... Посмотрели бы тогда, как он запоеет — на ветру под дождем.

Конец его фразы заглушает рев другого грузовика, который надвигается на них из темноты. Бейкер напряженно всматривается в приближающиеся огни.

Бейкер. Эти вшивые перевозчики дынь...

Дженингс. Какого дьявола ты все время психуешь?
Бейкер. Что значит «психуешь»? Плевать я хотел, что кто-то утром в Балтиморе не получит дыню на завтрак...
Дженингс (*повышая голос*). Тогда тем более перестань орать!
Бейкер. Ну и ладно! И не затыкай мне глотку.
Повернувшись в ту сторону, откуда слышится песня, он кричит.
Бейкер. Заткнись там, черт тебя поберит!.. Заткнись!

Кузов грузовика.

В полумраке на деревянных скамейках, расположенных вдоль бортов грузовика, сидят мужчины. Они скованы парами. Их уставшие лица посинели от холода.

Поет широкоплечий негр с лицом, точно высеченным из камня. Его зовут Каллен. Человек, с которым он скован, по имени Джексон, с виду такой же силач, и у него такое же застывшее лицо, но это... белый. Он сидит, отодвинувшись от негра, насколько ему позволяют четыре фута кандалов. Все молчат.

Голос Бейкера (*за кадром*). Я сказал тебе, заткнись!!!

Джексон (*с насмешкой*). Ты слышал, что сказал капитан, черномазый... чего же ты не замолчишь?

Насмешка Джексона относится к Бейкеру... Но негр принимает ее на свой счет. Он перестает петь, медленно поворачивается, смотрит на Джексона, потом так же медленно встает во весь рост. С силой поднимает цепью Джексона. Несколько мгновений они стоят в кузове, в упор глядя друг на друга.

Каллен (*спокойно*). Если ты, Шутник, еще раз назовешь меня черномазым, я убью тебя.

Ленивая улыбка скользит по лицу Джексона, но тело его напрягается.

Джексон (*так же спокойно*). Попробуй, мальчик...

Каллен уже готов нанести удар, но в это время яркий свет от фар встречной машины неожиданно ослепляет сидящих в кузове. Слышится пронзительный скрежет тормозов... резкий поворот... грохот...

Ночь. Дождь.

Внезапно становится тихо. Слышен лишь шум дождя да свист выходящего из шин воздуха. Медленно вращается едва видимое колесо перевернутой машины.

Та же ночь. Та же дорога.

Приближаются огни фар. Это машина скорой помощи.

Санитарные машины и машины шерифа, как голодные муравьи, окружили обломки грузовика. Недалеко рабочие уже расчищают дорогу. Кру-

гом люди. Увозят тяжелораненых, пострадавшие более легко — ждут своей очереди, лежа на носилках.

В кадре крупно — шериф Макс Мюллер. Это человек среднего роста. Он кажется слишком мягким для должности шерифа. Слова не скажет прежде, чем не обдумает его.

Мюллер направляется к полицейской машине. Проходя мимо раненых, он наклоняется над одними носилками.

У полицейской машины. Мюллер устало говорит в радиотелефон.

Мюллер. Говорит Мюллер... Нет, губернатор, смертельных случаев нет... Занесло в сторону... Да... Бежало только двое. Да, губернатор... Я знаю, какая у меня первоочередная обязанность. Мы ждем собак... Да, губернатор, с минуты на минуту... Я звонил начальнику тюрьмы Комисскому... Да, губернатор... я уверен, вы сделаете...

Вешает трубку. Явно недовольный смотрит на телефон. Поворачивается и смотрит на стоящего рядом блондина, весь вид которого говорит о здоровье и довольстве.

Редактор газеты. Привет, Макс. Я первый?

Мюллер. Привет, Дэйв. Я позвал только тебя одного.

Редактор. Что-нибудь новенькое?

Мюллер. Все, что было, я уже тебе рассказал. Шофера еще без сознания. А те или ничего не знают, или ничего не хотят говорить.

Редактор. С кем ты говорил по телефону?

Мюллер. С губернатором.

Редактор. Я могу что-нибудь напечатать?

Мюллер (сухо). Конечно... Он сказал, что специально займется этим делом.

Редактор. Очень мило с его стороны.

Мюллер. В этом же году выборы!

Редактор. Выборы и для тебя, Макс!

Мюллер (проходящему мимо солдату войск местной охраны). Попробуй еще раз позвонить Комисскому... Нам срочно нужно их белье для собак.

Солдат. Слушаю, сэр!

Мюллер. И позвони снова в Мейрисвилл. Узнай, нашли они, наконец, того парня... с собаками.

Солдат уходит. Другой солдат приносит Мюллеру термос и несколько бумажных стаканчиков.

Второй солдат. Пожалуйста, шериф. Немного горячего кофе.

Мюллер. Спасибо.

Второй солдат (передавая стаканчик редактору газеты). Горячо.

Мюллер (увидев что-то). Что за черт?

Через канаву ловко переезжает пикап. Из него выскакивают семь мужчин. Это местные жители. Все они в охотничьих костюмах, с ружьями разных систем и калибров. Среди них молодой парень с портативным радио. Он, очевидно, подражает во всем Элвису Пресли¹. Общительный и веселый, он ведет себя так, словно он главный в группе. Зовут его Лой Генс.

Лой. А вот и мы, Макс!

Мюллер. А кто вас звал?

К шерифу подходит Фрэнк Джайбон, капитан полиции штата, знаток своего дела. Ему сорок лет, он полон сил.

Капитан. Я позвал их.

Мюллер. Что я с ними буду делать?

Капитан. Дело им найдется... У вас ведь не хватает людей.

Говорит все это капитан покровительственным тоном, терпеливо, но с таким видом, как будто речь идет о пустяках.

Капитан. У меня только шесть человек. Если тех двоих не поймают где-нибудь на дороге, нам придется прочесать всю округу, чтобы накрыть их.

Мюллер (приехавшим). Эй, поосторожнее с ружьями!.. Это вам не игрушки.

Лой. Сейчас не время для шуток, Макс. С этой минуты мы все — охотники... за бегущими зайцами...

Мюллер (холодно). Они — люди.

Лой (весело). Это почти одно и то же.

Мюллер (с сарказмом). Конечно... Они будут бежать до тех пор, пока смогут. Будут идти, пока не упадут. Но и тогда они заставят себя подняться и, спотыкаясь, будут идти, пока не упадут снова. Услышав лай собак вблизи, они поползут... Да... это одно и то же!

Лой. Мы просто хотим помочь тебе, Макс.

Мюллер. Ты хочешь мне помочь, Лой?

Лой. Конечно, Макс!

Мюллер протягивает ему пустой стаканчик из-под кофе.

Мюллер. Прекрасно!.. Выброси его.

Идет к полицейской машине.

Вытаращив глаза, Лой смотрит вслед Мюллеру и машинально мнет в руках стаканчик.

Возле полицейской машины стоят редактор, Мюллер и дежурный солдат у радиотелефона.

Редактор. Тоже помощнички!

¹ Элвис Пресли — популярный среди американской молодежи киноактер и исполнитель модных песенок.

Мюллер. Не говори!

Редактор. А что слышно насчет тех двоих, которые убежали?

Солдат (у радиотелефона). Начальник тюрьмы Комисский на про-
воде, шериф.

Мюллер (редактору). Скажи капитану, чтобы он дал тебе донесе-
ния. Из них ты можешь взять все, что захочешь. (В телефон.) Хэлло,
начальник тюрьмы? У телефона Макс Мюллер...

На носилках раненый арестант. Солдат снимает с него ручные канда-
лы, подходит к полицейской машине и бросает кандалы на кучу других.

Редактор делает записи в блокноте. Капитан читает вслух донесение.

Капитан. Нох Каллен — негр... оскорбил словесно и действием... на-
меревался убить... от десяти до двадцати... В освобождении до суда отка-
зано... Одинокое заключение... Трудовой лагерь... Джон Джексон... не-
американского происхождения... вооруженный грабеж... от пяти до десяти...
нападении на конвой... дополнительные пять лет... В освобождении до су-
да отказано.

Подходит шериф.

Редактор (Мюллеру). Как это начальника тюрьмы угораздило ско-
вать белого человека с черным?

Мюллер. Должно быть, он не лишен чувства юмора.

Редактор. А что он говорит теперь?

Мюллер. Говорит, не стоит торопиться... Он считает, что они убь-
ют друг друга, не пройдя и пяти миль!

Не разбирая дороги, бегут Каллен и Джексон.

Сельская местность. Джексон и Каллен бегут. Сухой валежник хрустит
у них под ногами. Четыре фута цепей связывают их бег, делают его не-
равномерным, каким-то скачкообразным. Подбегают к ручью. Припада-
ют к воде. Пьют.

Оторвавшись от воды, садятся. Тяжело дышат. Оба в царапинах, в
грязи. По их измученным лицам видно, что ночной путь был не легок. Но
в их глазах одно желание — спастись!

Джексон. Скоро рассвет...

Каллен. Да... Скорее уж наступил бы!

Джексон. Хорошо, что мы стояли, когда произошла катастрофа...

Неожиданное воспоминание быстро стирает с лица Каллена проблеск
надежды.

Каллен (*злобно*). Да... тебе вдвойне посчастливилось...

Джексон (*мягко*). Сегодня они двоих недосчитаются... парень...
(*Пауза.*) Скорей бы наступил рассвет... (*Пауза.*) Ты думаешь, мы далеко ушли?

Каллен. Миль восемь... может быть, десять... Мы сейчас в конце болота.

Джексон. А где болото кончается?

Каллен. В сорока пяти милях от Колби...

Джексон. Ты говоришь так, словно знаешь эти места.

Каллен (*коротко*). Я недалеко здесь работал, в скипидарном лагере.

Достает из пачки последнюю сигарету, зажигает спичку. Смяв пачку, выбрасывает ее.

Джексон. Посмотри-ка на тот огонь!

Каллен (*лаконично*). Если они так близко, что могут видеть нас, то они смогут и схватить.

Обдумывая эти слова, Джексон вдруг осознает все значение своего побега. По его лицу скользит медленная улыбка, он начинает смеяться, оскалив зубы... Закуривает... Зажженная спичка догорает в его руке. Он бросает ее, тушит ногой. Его внимание привлекают тюремные ботинки. Долго, с удивлением смотрит на них.

Джексон. Посмотри-ка на них... посмотри на эти разбитые... тюремные башмаки!

Внезапно ему приходит какая-то мысль... Свободной рукой он лихорадочно шарит по земле... что-то ищет... Каллен вынужден приспособливаться к рывкам цепи.

Каллен. Что с тобой?

Джексон. Семь лет я был замурован в каменном мешке... и вдруг это уже позади!..

Наконец он находит камень, внимательно рассматривает его, взвешивает на руке.

Джексон. Сколько мы прошли, говоришь?..

Каллен. Около десяти миль...

Погруженный в свои мысли, Джексон смотрит на камень.

Джексон. Семь лет я шагал по тюремному двору... и вот... ушел от него за десять миль!

Приступ бешеной энергии овладевает им... Он кладет на валун цепь и поднимает камень.

Джексон. Не будет больше тюремных башмаков.

Камень с силой опускается на цепь.

Джексон. Не будет больше тюремных башмаков!.. (*Возбуждение растет в нем.*) Я куплю себе пару лосевых ботинок!..

Камень с еще большей силой опускается на цепь.

Джексон. ...Белый костюм и шелковую рубашку!.. Я буду Чарли Потейтос¹!.. Чарли Потейтос, разгуливающим по улицам...

Камень с силой опускается на цепь.

Джексон. ... В шляпе из тонкой соломки и с хорошенькой девочкой.

Камень с силой опускается на цепь...

Внезапно Джексон поднимает глаза на Каллена.

Джексон (*протягивая камень Каллену*). На, возьми, бой²!.. Твоя правая рука свободна... Бей по цепи!.. Бей сильнее... Разбей ее вдребезги!.. Давай, бой!

Слово «бой» коробит Каллена. Но он берет камень и медленно поднимает его.

Каллен (*злобно*). «Бой», да? Слушаю, босс... слушаю, босс...

Сильно ударяет по цепи.

Каллен. Запомни, нет никаких больше «слушаю, босс»!

Рука Каллена высоко поднимает камень.

Джексон. Я буду танцевать под джаз...

Камень с силой опускается на цепь.

Каллен. ...Никаких больше «слушаю, босс»!

Джексон. ... Я сяду на пароход и уеду в Рио, и меня никогда не найдут!

Каллен. Никаких «хорошо, босс»!

Бьет по цепи.

Джексон. ...Меня никогда не найдут!

Каллен. Нет больше «слушаю, босс»!

Камень с бешеной силой ударяет по цепи... и раскалывается на мелкие куски. Наступает напряженная тишина.

Каллен (*тихо и удивленно*). Она не разбивается... не разбивается...

В глазах Джексона появляется непреклонная решимость. Он медленно встает. Каллен по-прежнему стоит на коленях, не сводя глаз с осколков камня.

Джексон (*сурово*). Пойдем.

Цепь натягивается. Неожиданный толчок выводит Каллена из задумчивости. Он смотрит на Джексона.

Каллен. Пойдем, куда?

Джексон (*настойчиво*). В Пайнвилл... Мы идем в Пайнвилл.

Каллен (*решительно*). Пайнвилл на юге. Я не пойду на юг...

Джексон. Я знал одну девочку в Пайнвилле. Если она еще там, мы разобьем цепи.

Каллен. А потом?.. В этом южном городе, где хозяйничают белые, я всем буду бросаться в глаза. Как ты думаешь, разве трудно им там меня схватить?

¹ Игра слов: «Чарли Потейтос» — «Чарли Богач», («Потейто» — на американском жаргоне — деньги).

² «Бой» имеет два значения: мальчик и слуга.

Джексо́н. Отвяжись от меня!.. Мы не жених и невеста... Какое мне-то дело...

Калле́н (*мягко*). Мы теперь словно муж и жена. Да, это так, Шутник!.. (*Показывая на цепи.*) Вот наше обручальное кольцо! (*Молчит, затем решительно продолжает.*) И дорога на юг, Шутник, для нас не свадебное путешествие. Мы пойдем на север!..

Джексо́н (*презрительно*). Через болото?!

Калле́н. Я долго работал на скипидарном заводе... милях в шестидесяти севернее. Там каждый день ходит поезд, забирает скипидар... От западного края болота поезд идет довольно медленно... пересекает границу штата и направляется к химическим заводам на севере Огайо... (*Молчит, что-то обдумывая.*) Попытаемся сесть на этот поезд...

Джексо́н. Ты долго был в тюрьме?

Калле́н. Восемь лет...

Джексо́н. Откуда ты знаешь, что поезд там еще ходит?

Калле́н (*упрямо*). Я не знаю, но...

Джексо́н (*злорадствуя*). Ты не знаешь!.. Ты упрощаешь меня шти шестьдесят миль, а сам ничего не знаешь!.. Так зачем же зовешь?.. Семь верст киселя хлебать?.. Нет, не выйдет!.. Пошли на юг!..

С бешенством тянет цепь, но Каллен даже не встает... Он хохочет. Это приводит Джексона в ярость.

Собрав все силы, Джексо́н волочит хохочущего Каллена по земле. Останавливается, тяжело дыша от злости и напряжения. Бросает гневный взгляд на Каллена. Тот поднимается на колени, смотрит снизу на Джексона; спокойно говорит.

Калле́н. Чарли Потейтос?.. А?

Джексо́н. Да...

Калле́н. Ты хотел пройтись по улице с девчонкой под ручку?

Джексо́н. Да...

Калле́н (*показывая на цепи*). ...И с этим в другой руке?

Джексо́н (*требовательно*). Замолчи!

Калле́н. Ты сядешь на пароход и поедешь в Рио?..

Джексо́н. Да!

Калле́н. И потянешь за собой свой якорь?

Джексо́н. Я разобью их!

Медленно поднявшись, Каллен оказывается лицом к лицу с Джексоном.

Калле́н (*с издевкой*). Может быть, ты перекусишь их зубами?

Джексо́н (*бешено*). А может быть, для этого подойдет твоя голова?!..

Он замахивается свободной рукой, собираясь ударить Каллена. Тот хватается его за запястье, и они долго стоят в напряженной, неподвижной позе, готовые каждую секунду броситься друг на друга.

Калле́н. Придет еще время, Шутник, и для этого... оно придет... Но если ты хочешь, чтоб это случилось сейчас... я не возражаю!..

Джексон (*резко*). Тебе, мальчик, легче, чем мне. Тебя ведь нельзя даже увидеть в темноте.

Каллен. Но зато ты можешь слышать меня, Джокер¹... Для меня отсюда только один путь... И мы вместе пойдем на север... или вместе пройдем десять миль назад — в тюрьму.

Смысл угрозы Каллена не сразу доходит до Джексона. Он пристально смотрит на негра. Его рука медленно расслабляется... Каллен выпускает ее... Она падает, как плеть.

Джексон. Ты прав, парень... Время придет... Будь уверен... оно придет!

Каллен (*решительно*). Дорога на север там...

Медленная презрительная улыбка Джексона не может скрыть гнева в его глазах. Он нехотя поворачивается и идет в ту сторону, куда указал Каллен...

День.

В кадре крупно — собаки.

На грузовике две клетки с собаками. В одной четыре ищейки, в другой два доберман-пинчера. Собаки волнуются и громко лают.

Шериф Мюллер и капитан завтракают и разглядывают собак. Из-за машины появляется суетливый маленький человек в добротных охотничьих сапогах, по имени Солли. За ним следует его помощник Вильсон, молчаливый человек неопределенного возраста с невыразительным лицом.

На заднем плане рабочие ремонтной бригады расчищают дорогу от перевернувшихся грузовиков.

Кроме машин войск местной охраны здесь находятся еще джип шерифа и пикап, снаряженный как хороший интендантский склад. Вокруг пикапа сейчас собрались солдаты и местные охотники. Они завтракают. У всех приподнятое настроение.

Солли (*резко*). Не дразните собак!

Мюллер. Что?

Солли. Вы едите как раз перед ними... Как вы думаете, какой нюх у них будет после этого?!

Капитан. Успокойся, Солли. Никто не собирается портить нюх у твоих собак... Это шериф Мюллер.

Солли. А, здравствуйте, Мюллер! (*Оправдываясь*.) Я и не думал кричать... только собаки у меня очень нервные.

Доберман-пинчеры злобно прыгают в клетке в сторону Мюллера. Угрожающе рычат. Шериф отступает от клетки.

¹ Джокер — шутник.

Солли. Красавцы, а?

Мюллер. Какая это порода?

Солли. Доберманы. (Со смехом.) Я скажу вам, с собаками лучше не связываться.

Мюллер (сухо). Особенно с такими.

Солли (весело). Да... Ищейки не едят котлетки!.. Когда мы догоним тех двоих, они собьют их с ног.

Мюллер. Нам не это нужно.

Капитан. Мы имеем дело с двумя довольно опасными преступниками, шериф... Вы не знаете, с чем мы можем столкнуться.

Мюллер. Чем они могут быть опасны... они в кандалах.

Капитан (резко). Прости меня, Солли.

Взяв шерифа под руку, отводит его в сторону.

Капитан. Послушайте, Мюллер... у вас впервые такое дело... Эти двое — угроза для всего штата. и если ваши взгляды так гуманны, то подумайте о здешних фермерах и о своих людях!..

Мюллер. Предоставьте, капитан, мне самому решать, о чем мне следует думать!

Капитан. Это, конечно, ваше дело, шериф!.. Ну, а что касается меня... я считаю, что этих собак мы должны взять с собой. У меня тоже есть люди, о которых я должен заботиться.

Мюллер (подумав). Ладно... Только держи собак на привязи. (К Солли.) Слышите?.. Держите этих собак на привязи и не спускайте их без моего разрешения.

Уходит.

Капитан. Давай, Солли, начинай. В дежурной полицейской машине ты найдешь старую одежду беглых.

Солли. Нам придется прошагать много миль... Эта парочка петляла достаточно!

Капитан (солдату). Соберите людей.

Идет к шерифу. Солли направляется к полицейской машине.

Джип. Мюллер смотрит на карту, расстеленную на капоте джипа. Подходит капитан. Мюллер поднимает голову.

Мюллер. К западу — ничего.

Капитан. Пора бы дорожным постам сообщить нам что-нибудь.

Мюллер. Они могут идти только в двух направлениях. Один из них — север, через болото, к Камберленду...

Капитан (указывая на карту). В Камберленде — воинские казармы. Почему бы им не двинуться нам навстречу. Тогда беглые окажутся в клещах.

Мюллер (смотрит на капитана с удивлением). В клещах!

Приближается Лой.

Мюллер. Вероятнее всего, они пойдут прямо, на юг, куда-нибудь в сторону Колби. Болото ведь довольно нездоровое место.

Поворачивается к Лою.

Мюллер. Что у тебя, Лой?

Лой. Да вот, Макс, твоя жена просила тебе передать.

Передает Мюллеру свитер.

Разбредшиеся на шоссе люди собираются на зов солдата. Капитан поворачивается к Максy.

Капитан. Все готовы выслушать ваши инструкции, шериф.

Надев через голову свитер, шериф с усмешкой смотрит на редактора.

Мюллер (*капитану*). Начинайте.

Капитан. Хорошо!

Мюллер (*редактору*). Теперь послушай, что он скажет!..

В то время как капитан взбирается на кузов джипа и начинает говорить, Мюллер оглядывается, пытаясь увидеть, что делает Солли.

Капитан (*обращаясь к парню с радио*). А ну-ка, выключи свою штуку!

Твердо, по-военному, говорит собравшимся.

Капитан. Все в порядке, ребята! Мы готовы тронуться в путь. За старшего у нас — шериф Мюллер, я его помощник. Все указания вы будете получать от нас.

Дежурная полицейская машина. Солли вынимает оттуда картонный ящик. Открывает его. Вытаскивает разорванную грязную нижнюю рубашку, нюхает ее. Бросает рубашку обратно в ящик и тащит его к своему пикапу.

У пикапа Вильсон берет собак на поводок. Подходит Солли. Вынимает из принесенной коробки вещи, разбрасывает на земле и заставляет собак нюхать их.

Голос капитана. Вы делитесь на две группы — две стрелковые цепи, которые и пойдут развернутым строем. В центре будет штабная группа, состоящая из шерифа Мюллера и меня.

В своем щеголеватом мундире капитан как бы олицетворяет армию.

Капитан. Войска местной охраны образуют одну группу и идут на правом фланге.

Озадаченный шериф с удивлением смотрит на капитана. Редактор ловит взгляд шерифа. Шериф пожимает плечами. Оба улыбаются.

Раздается лай собак. Шериф сразу же оглядывается.

Собаки уже все на поводке. Солли и Вильсон стороной ведут их к общей группе, туда, где говорит капитан.

Возбужденные собаки обнюхивают землю, лают.

Капитан. Каждый из вас должен все время быть в поле зрения другого. Нельзя отходить в сторону больше, чем на двадцать пять ярдов. Обгонять собак тоже нельзя. Мы будем идти за ними.

Мюллер и редактор молчаливо наблюдают за собаками и совершенно не слушают капитана.

Капитан. Насколько нам известно, люди, которых мы преследуем, не вооружены... Два выстрела будут означать, что вы их обнаружили.

Внимание Мюллера привлекает звук охотничьего рожка.

Собаки радостно лают, нетерпеливо рвутся вперед по следу.

Возбужден и Солли. Он кричит.

Солли. Шериф!.. Капитан!.. Мы готовы! Старая Джинджер¹ сразу почуяла. (Собаке.) Хорошая девочка... хорошая девочка...

Капитан. Еще одно замечание...

Теряя терпение, Мюллер смотрит на капитана.

Капитан. Все это может занять пару дней, а может, и больше. Так что вы сейчас лучше проверьте свое снаряжение. И не забудьте!.. Надо держать равнение в цепях и не отставать! (Смотрит вниз, на шерифа.) Одну минутку.

Спрыгивает с кузова джипа.

Капитан (шерифу). Хотите что-нибудь добавить?

Мюллер (решительно). Нет!

Мягко улыбаясь, Мюллер застегивает пуговицу на блузе капитана.

Мюллер. Начинайте.

У капитана недовольный вид. Он чувствует, что шериф не доверяет ему.

Все выстраиваются неровной цепочкой по обеим сторонам от Солли, Вильсона и собак. За ними идут шериф, редактор и капитан. Подражатель Пресли, пройдя мимо шерифа, снова включает свое радио.

День. Река. Волны на реке напоминают резное зеленое стекло. Пенясь, они с шумом разбиваются о блестящий черный камень.

От весенних дождей река взбухла. Слышен глухой рев воды. Калден и Джексон пристально смотрят на бушующий перед ними поток с упорством людей, для которых отступление страшнее опасности впереди.

Первым поднимается Джексон. Он осматривает реку и пожимает плечами.

¹ Джинджер — изюминка. (Англ.)

Джексон. Пошли...

Делает шаг к воде, но цепь удерживает его. Каллен словно зачарованный смотрит на реку. Его лицо окаменело.

Каллен. Как ты думаешь, здесь глубоко?

Джексон (холодно). Какая разница?

По-прежнему Каллен не двигается. Джексон презрительно смотрит на него.

Джексон. Ты хотел идти на север, не так ли?

Точно скованный каким-то кошмаром, Каллен поднимается. Джексон направляется к воде. Каллен идет за ним.

Бушует, бурлит река. Высокие волны, разбиваясь о камни, разлетаются белыми клочьями пены. Местами видна обманчивая гладь черной, как нефть, воды. Здесь в глубине прячутся стремительные водовороты...

...Беглецы входят в воду по пояс. От ледяной воды у них захватывает дыхание. Из всех сил стараются они удержаться на ногах.

Под ногами неровное дно, им мешают волны и цепь, которая все время натягивается. Поэтому они двигаются очень медленно и неуверенно.

Вот они выбирают из водоворота на отмель. Течение здесь сильнее, но зато есть камни, на которые можно поставить ногу, хотя они мокрые и скользкие. Каллен идет неуверенно.

...Они почти на середине реки... Их силы иссякают.

Устав бороться с бушующей водой, Каллен встает на валун. Ноги у него скользят, разъезжаются, он падает, сильно ударяется о камни, тащит за собой Джексона...

Оба оказываются во власти бурного потока. Барахтаясь, они пытаются достать ногами дно... не могут... Бьются о камни, за которые хотят уцепиться... Быстрое течение крутит их, поднимает одного над другим...

Ударившись о полузатопленный камень, Джексон из последних сил, с отчаянием цепляется за него. Ему приходится удерживать не только себя, но и Каллена, который, беспомощно распластав руки, плывет вниз по течению, сильно натянув цепь. Он, словно громадная рыба, выброшенная на поверхность, жадно глотает воздух.

Но, несмотря на все усилия, пальцы Джексона медленно отрываются от камня... Они снова во власти течения...

На их пути огромный валун.

Стараясь предохранить себя от удара, Джексон выставляет вперед руки. Каллен же, наполовину скрытый под водой, ударяется о камень головой. Его тело сразу становится безвольным. Джексон поднимает над водой голову Каллена, бросает взгляд на берег, с ужасом смотрит снова на потерявшего сознание Каллена. После долгих поисков находит для него опору. Приподнимает из воды Каллена и начинает пробираться к берегу, где течение более спокойно.

Река снова становится глубже... Идти все труднее. Тело Каллена выскальзывает из рук Джексона и на какое-то мгновение скрывается под водой... Джексон то идет, то плывет, волооча за собой неподвижного Каллена, и наконец вытаскивает его на отмель.

Берег. Река осталась позади.

Стараясь привести Каллена в чувство, Джексон неистово трясет его, шлепает по лицу.

Джексо н. Каллен!.. Каллен!.. Очнись!

Наконец Каллен кашляет, пытается уклониться от неприятных ударов. Оставив его, Джексон садится рядом. Тяжело дышит после пережитого испытания. Спустя некоторое время садится и Каллен. Трясет головой.

Каллен. Спасибо.

Джексо н. За что?

Каллен. Что ты меня вытащил.

Джексон удивленно смотрит на него. Колеблется, холодно говорит.

Джексо н. Вот чертовщина!.. Да я вовсе не вытаскивал тебя!.. Мне просто ничего другого не оставалось... Ведь ты мог утащить меня!..

Встает и холодно смотрит на Каллена. Молча ждет, пока Каллен, превозмогая боль, встанет.

Край болота. Невдалеке река. День.

Раздается два выстрела.

Капитан вкладывает револьвер в кобуру. Нагибается и поднимает окурок сигареты. Рассматривает его.

К капитану подбегают солдаты, охотники, шериф и редактор. Солли сзывает собак и берет их на поводки. Вильсон сдерживает свору неистово лающих, взволнованных выстрелами ищеек.

Мюллер (*подходя*). В чем дело?

Капитан (*торжествующе*). Вы были против собак?

Мюллер (*глядя на окурок, который держит капитан*). Что вы говорите?.. Я никогда не был против собак. Они — лучшие друзья человека! Разве нет?!

Поднося окурок к самым глазам, капитан внимательно рассматривает его.

Мюллер (*капитану, насмешливо*). Что там?.. Губная помада? (*Подходящему Солли.*) Ничего особенного, Солли. Пойдемте.

Солли. Минуточку, шериф. Я больше не могу сегодня спускать собак. Им нужен отдых.

Капитан. Но у нас еще куча времени...

С мягкой улыбкой Мюллер поднимает на него глаза и начинает освобождаться от рюкзака.

Мюллер. Ничего, наши люди тоже нуждаются в отдыхе.

Солли (шерифу). Значит, договорились?

Мюллер. Да, Солли.

Это явно злит капитана.

Солли (собакам). Идите сюда, детки!

Уводит собак. Мюллер садится на землю и, хмыкая от удовольствия, стаскивает башмаки.

Мюллер. Последний переход был тяжелым.

Капитан. Этим вы даете им время вырваться вперед.

Мюллер. Они тоже должны отдыхать.

Смотрит на капитана, который, все еще стоит возле него, стараясь овладеть собой и скрыть охватившую его злость.

Мюллер. Вы что-то плохо выглядите...

Вечер. Болото.

Низина покрыта кустарником, низкорослыми деревьями, испанским мхом.

Два человека, крадучись, охотятся на что-то невидимое нам.

В надвигающейся темноте тягостно звучит бесконечное кваканье лягушек. Чувствуется близость болота. Снова появляются двое. Их лица суровы и кажутся худыми в холодных лучах заходящего солнца.

Негр тихо поднимает руку и взмахивает палкой. Быстро наносит удар. Лягушка торопливо прыгает.

Джексон. Поймал?

Каллен бешено бьет палкой по земле. Джексон присоединяется к нему и бьет по кустарнику. Вдруг Каллен теряет равновесие, падает и тянет за собой Джексона. Тот морщится от боли в запястье.

Наклонившись, оба лихорадочно ищут что-то в траве. Джексон поднимается, торжествующе держа за лапу огромную лягушку.

Джексон. Поймали.

Уже ночь. У костра сидят Джексон и Каллен. Они сторонятся друг друга, насколько позволяет это длина цепи.

Разложенные в ряд, сушатся у костра мокрые сигареты.

Глаза Каллена устремлены на насаженную на вертел лягушку, которую Джексон держит над маленьким пламенем.

Густой мрак и бесконечные шорохи болота сеют тревогу и беспокойство. По временам из темноты доносятся другие звуки, резкие и необычные. Они пугают Джексона.

Джексон. Прислушайся-ка... Что это?

Каллен. Ночные птицы... главным образом... насекомые...

Джексон. Было бы неплохо, если бы они заткнулись!

Вынув из огня зажарившиеся лягушачьи лапы, Джексон дает одну Каллену.

Каллен (*равнодушно*). Спасибо.

Джексон не отвечает. Он поглощен едой. Вдруг совсем рядом раздается крик какой-то ночной птицы. От неожиданности Джексон вздрагивает.

Джексон (*словно оправдываясь*). Как будто собаки лают.

Каллен. Слишком уж скоро.

Джексон. Они, наверное, уж начали погоню... Как думаешь, быстро они идут?..

Каллен (*спокойно*). Сюда нет дороги... Им придется так же пробираться, как шли мы.

Тишина... Джексон вновь прислушивается к ночным звукам. Он, как бы между прочим, указывая на болото, спрашивает.

Джексон. А звери здесь есть?

Каллен. Есть.

Джексон. Какие?

Каллен. Всякие...

Джексон. Например?..

Каллен. Крокодилы, медведи, ... кабаны...

Джексон. Почему же их не слышно?..

Каллен. Они звери!.. Или они сами охотятся, или на них охотятся... И в том и в другом случае они не выдают себя...

Джексон (*обдумав ответ Каллена*). Мне это нравится!..

Кончив есть, Джексон бросает кости в огонь, облизывает пальцы. Присаживается у костра на корточки. Выбрав сухую сигарету, берет ее в рот, а оставшиеся осторожно складывает в свой карман. Закуривает.

Ночные шорохи, кажется, еще плотнее окружили маленький огонек и двух уставших людей возле него.

Джексон. Послушай-ка... Миллионы голосов... И ни один из них не понимает, что значит другой.

Каллен (*пожимая плечами*). Это всего лишь насекомые...

Джексон (*презрительно*). Насекомые или люди — какая разница?!.. Никто не понимает друг друга... Животные умнее. Будь осторожен и охотись только для себя! Мне это нравится!..

Неожиданно пронзительный предсмертный вопль какого-то зверя разрывает ночную тишину.

Джексон. Кто это?

Каллен. Это крик ласки. Сова, должно быть, ее поймала.

Джексон. Но ты же сказал, что они не издают звуков.

Каллен (*тихо*). Только когда они умирают...

Молчат... Джексон задумывается. Потом в раздумье, больше для себя, говорит.

Джексо н. Такова жизнь... Всю жизнь ты молчишь и только один раз открываешь рот, когда умираешь...

Некоторое время смотрят друг на друга, словно только что высказанная мысль помогла им понять друг друга. Но их обоюдная злоба все еще сильна, и они оба отводят глаза. Джексо н протягивает Каллену на половину выкуренную сигарету.

Каллен. Спасибо...

Джексо н (*раздраженно*). Почему ты не оторвал конец сигареты?

Каллен. А?!

Джексо н. Ты всегда говоришь спасибо... Я ненавижу это слово.

Каллен (*пожимая плечами*). Оно ничего не значит.

Джексо н (*отрывисто смеясь*). Ничего?! А вы ведь все стараетесь на этом слове построить свою жизнь... И ты знаешь об этом. В Нетчезе у большого модного отеля я когда-то отводил на стоянку чужие автомобили за чаевые. Какой-нибудь хлыщ дает мне свою машину, и я должен сказать ему: «Благодарю вас, сэр». Я ему оказываю услугу, отводя на стоянку его машину, и я же должен говорить: «Благодарю вас, сэр». И чем громче я скажу это, тем больше получу на чай!

Каллен. Так уж положено!..

Джексо н (*серьезно*). И вовсе так не положено! Если ты Чарли Потейтос... человек с деньгами, тогда можешь никому не кланяться! Вот я и собираюсь так жить!

Замолкает, потом говорит тише.

Джексо н. ...И даже когда они не давали мне чаевых, я все равно должен был говорить «спасибо». Каждый раз, когда я слышал это слово, оно вонзалось в меня словно иголка. Вот что может случиться со словом... Ты знаешь, что я имею в виду, бой?

При слове «бой» Каллен быстро поднимает голову.

Каллен (*хладнокровно*). Да!.. Я знаю, что ты имеешь в виду!.. В меня сейчас тоже словно вонзилась иголка. (*Отчеканивая каждое слово.*) Не зови меня больше боем!

В упор смотрят друг на друга. Видя холодную злобу в глазах Каллена, Джексо н слабо улыбается, понимая, что нашел, чем можно уколоть Каллена.

Джексо н (*старательно подчеркивая слова*). Эх, ты слишком чувствителен, парень!

Каллен (*злобно*). Ничуть!

Джексо н (*успокаивающе*). Хорошо, если так! Но я хочу дать тебе маленький совет... ты мне нравишься, парень... Ты должен научиться принимать вещи такими, какие они есть, и не бунтовать против них, если не хочешь стать неудачником. Хотел бы я посмотреть, как ты учишься жить, парень!

Каллен (*холодно, с презрением*). Как ты... в том модном отеле, я?

Джексо н (*спокойно*). Да... именно, как я, в том модном отеле...

Каллен (*злбно, передразнивая*). Ты хочешь и меня устроить в тот отель, а?

Джексон (*парируя*). Конечно. Через заднюю дверь, если ты сможешь таскать ведро и швабру.

Каллен. А ты через парадный ход... чтоб собирать свои чаевые!

Джексон (*начинает раздражаться*). Какая муха тебя укусила... Неужели из-за того, что я в машине назвал тебя чернома...

Каллен (*обрывая его*). Да!.. И это тоже!

Джексон (*презрительно, насмехаясь*). Но ты же такой и есть! Это ведь все равно, что лопату называть лопатой... Я, например, ханки¹, и я не спору против этого. Ты можешь называть меня хоть азиатом, я не возражаю.

Каллен. А что ты знаешь об азиатах?

Джексон (*расставляя свою ловушку*). А что ты имеешь в виду?

Каллен (*вызывающе*). А ты что имеешь в виду?

Джексон. То, что уже сказал... Не приставай ко мне... Не я выдумываю презрительные клички.

Разъяренный Каллен не обращает внимания на его слова.

Каллен. Ты со дня рождения дышал ими, и, как только научился говорить, эти слова вылетали у тебя, стоило тебе открыть рот.

Джексон. И это приводит тебя в бешенство, не так ли?

Злбно смотрит на него Каллен.

Джексон. Но это же так и есть?.. Такая у тебя горькая судьба. Не я установил эти правила!

Каллен. Ты только живешь по этим правилам!

Джексон (*раздраженно*). Все живут по каким-нибудь правилам. Каждый связан с тем, что его окружает... Даже эти болотные звери!

Каллен. Даже та ласка!..

Джексон. Ты зовешь меня лаской?!

Каллен (*с презрительной улыбкой*). Нет!.. Я зову тебя... белым.

Сплевывает в огонь и растягивается на земле. Джексон в бессильной ярости, злбно смотрит на него.

День. Берег реки.

По берегу с лаем рыскают собаки. Со злостью разбрызгивают они воду у берега, но не решаются броситься в бушующую реку.

Стараясь собрать всю свору, Солли, такой же возбужденный, как и его собаки, громко сзывает их. Подходят Мюллер, капитан и редактор.

Солли. Эй!.. Эй!.. Назад!.. Ко мне!..

Пока он собирает собак, берет их на поводки, на берегу собираются все участники погони.

¹ Ханки — презрительное прозвище в США рабочего неамериканского происхождения.

У радиотелефона шериф Мюллер.

Мюллер (*в телефон*). Говорит Мюллер... Вы можете снять дорожные посты... Они идут на север... Нет, это невозможно, они не повернут назад... Они уже пересекли Мак-Хенри. (*Пауза.*) Да, следы довольно свежие... Мы возьмем их через день или два... (*Пауза.*) Джип не может идти дальше. Провизию нам придется нести на себе... Все будет в порядке... Пожалуйста, позвоните моей жене. Скажите ей, что все в порядке... Хорошо...

Передает трубку шоферу. К нему подходит редактор.

Редактор. Ты не возражаешь, Макс, если я позвоню в свою газету?

Мюллер. Звони.

Поворачивается к капитану, который изучает карту.

Мюллер. Нашли что-нибудь?

Капитан (*указывая на карту*). Мы можем перейти вброд здесь...

Обрывает себя на полуслове.

Капитан. Лой!

Тот сразу же выключает свое портативное радио.

Капитан. Мы можем перейти вброд здесь, перегруппироваться уже на том берегу и там искать следы.

Мюллер. Хорошо.

Собирается отойти.

Редактор (*в телефон*). Телеграфное агентство?.. Отдайте им все, что у нас есть.

Разговаривая, редактор одновременно прислушивается к разговору Макса с капитаном.

Слова капитана заглушают разговор редактора по телефону.

Капитан. Этот окружной путь займет у нас пару часов.

Мюллер. Что ж, ничего не поделаешь.

Капитан. А я думаю, кое-что можно сделать.

Мюллер насмешливо смотрит на него.

Редактор (*в телефон*). Только сделайте это получше. Вы знаете, что писать... к сожалению, сейчас мне нужно кончать разговор... Я соединюсь с вами, как только смогу... Хорошо!

Вешает трубку.

Капитан. Почему бы не связаться с Камберлендом, пока джип еще здесь?

Мюллер (*раздраженно*). Для чего? Чтобы попросить танк и парочку бронетанковых дивизий?

Капитан. Те двое обогнали нас на двенадцать часов, а мы еще можем потерять два часа.

Мюллер (*собирается уходить*). Я высоко ценю арифметику.

Капитан (*упрямо*). Моя профессия — ловить людей.

Мюллер (*выходит из себя*). А моя — принимать решения.

Бросив гневный взгляд на Мюллера, капитан быстро уходит.

Ничего не подозревающий Лой подходит к шерифу.

Лой. Скажи, Макс...

Лицо Лоя сосредоточенно, он напряженно о чем-то думает. Шериф оборачивается к нему.

Мюллер (*резко*). В чем дело?

Лой (*жалобно*). Я не знаю... Мне кажется, что со мной что-то происходит.

Мюллер. О чем ты говоришь?

Лой. Смотри. Я весь распух. И здесь...

Он обнажает руку, расстегивает воротник.

Редактор. Да это же крапивница!

Гнев Мюллера проходит. Он смеется.

Мюллер. О, ради бога, не надо больше!..

Лой (*с обидой*). Вы смеетесь, а меня это сводит с ума!

Взяв его под руку, Макс ведет Лоя к джипу, где капитан все еще возится с картой. Подходит и говорит, смеясь, капитану.

Мюллер. На войне должны быть потери. Вы ждали ранений, капитан. Смотрите, вместо них крапивница.

Продолжая смеяться, жестом указывает на джип.

Мюллер (*Лоя*). Влезай... ты можешь вернуться с джипом!

Мюллер (*снова капитану*). Послушайте, Фрэнк, почему вы все время нервничаете?! Мы сейчас гоняемся за парой бедных бродяг, которые, наверное, ищут отпущения грехов и обильной еды, а ничего этого они не найдут... И поэтому измотаются раньше нас... Завтра мы их поймаем...

Капитан (*холодно*). Как просто у вас все получается.

Мюллер (*с усмешкой*). Так на самом деле и есть... Все равно, что гнаться за зайцами. (*Поворачивается к Лоя*.) Правильно, Лой?

Лой (*сквозь распухшие губы; без злобы*). Иди к черту!

Смеясь, Мюллер громко обращается к участникам погони, окружившим их.

Мюллер. Ну ладно, ребята, пора за работу!

Джип сзади объезжает растянувшуюся цепочку людей.

Все идут за шерифом по южному берегу реки.

День. Болото. Дождь.

Спиной к Каллену лежит Джексон. Открывает глаза, но не двигается. С минуту он не может понять, где находится. Поворачивает голову. Видит, что лежит рядом с негром. На лице Джексона появляется брезгливое выражение. Он отворачивается. Садится. Цепь резко дергает Каллена за руку. Тот порывисто поднимается, щурится от солнечного света.

Каллен (*уставившись в одну точку*). Что-нибудь случилось?

Джексон (*холодно*). Нам пора идти.

Поднимается с земли. Каллен сидит некоторое время, потирая виски. Потом встает и он.

Д ж е к с о н (холодно). Пошли.

И они отправляются в путь.

День. Дождь. Сосновый лес.

На краю болота стоит кривая сосна. Утреннее солнце сюда едва проникает. Все здесь выглядит уныло и дико.

Два человека устало бредут по болотной траве среди густых деревьев, выстроившихся, словно в парке, прямыми рядами.

Их шаги тонут в толстом ковре сосновых игл.

Неожиданно Каллен останавливается.

На земле ясно видна колея, проложенная телегой. Двое останавливаются на краю этой дороги. Внимательно оглядываются. Выходят на середину дороги.

Слышится скрип колес и стук лошадиных копыт.

Г о л о с. Но, пошла! Но, но... Иди же...

На мгновение двое застывают, а потом торопливо ныряют за насыпь с другой стороны...

Яма.

Джексон и Каллен летят вниз и с шумом падают в лужу на дне ямы.

Слышат, как наверху проезжает телега.

Д ж е к с о н (тревожно). Ты думаешь, он?..

К а л л е н. Ш-ш-ш!

Шум проезжающей телеги постепенно замирает.

Д ж е к с о н (смотрит по сторонам). Где мы?

Каллен пожимает плечами.

К а л л е н. Похоже на старый глиняный карьер. Вот и землечерпалка. Джексон смотрит вверх в направлении взгляда Каллена. Видит заржавевшую старую землечерпалку, опрокинутую на краю ямы.

Д ж е к с о н. Надо выбираться отсюда.

Наматывают на руки цепь, чтобы облегчить хоть немного стертые железом запястья, и начинают выбираться из ямы. Хватаются за мелкий кустарник, выбивают ботинками в глине ступеньки. Но кустарник вырывается с корнем, и они теряют опору. Поскользнувшись, белый падает первым и медленно тянет за собой Каллена. Они цепляются за выступы грязи на глиняной стене, но неизбежно сползают вниз, на дно ямы.

К а л л е н (холодно). Освободи цепь.

Оба отпускают цепь, освобождая руки.

Д ж е к с о н. Ладно, давай попробуем еще раз.

К а л л е н. Отойдем назад. Нам надо разбежаться.

Отходят. Бросаются на глиняную стену, стараясь задержаться на ней ногами и уцепиться пальцами за красную липкую грязь. Белому это удается, а нога Каллена начинает скользить. Он застывает в неудобной позе.

Джексо н. Лезь.

Каллен. Не могу.

Джексо н. Лезь, будь ты проклят!

Каллен. У меня скользят ноги.

Продолжая соскальзывать, он тянет за собой и белого.

Обессиленные, они некоторое время отдыхают на дне ямы. Джексо н свирепо поглядывает на Каллена.

Джексо н. Может быть, одному забраться на плечи другого.

Не говоря ни слова, Каллен становится на колени перед глиняной стеной. Джексо н взбирается на его плечи. Каллен медленно выпрямляется, поднимая Джексона.

Джексо н. Все в порядке?

Каллен. Двигай дальше!

Джексо н осторожно выбивает ногами в глине ступеньки и карабкается вверх.

Джексо н. Освободи-ка цепь, дай мне подтянуться.

Высоко над собой Каллен держит закованную руку. Джексо н делает еще один осторожный шаг вверх.

Каллен. Цепь вся. Мне надо лезть.

Взбирается на первую ступеньку. Останавливается.

Джексо н. У тебя все в порядке?

Каллен. Да... Лезь выше...

Джексо н (довольно хмыкая). Уже почти наверху!

Каллен. Я поднимусь еще на одну ступеньку...

Джексо н почти достигает края ямы. Он пытается схватить какой-то кустик, но цепи не хватает, рука повисает в воздухе, а он начинает сползать вниз.

Джексо н. Черт побери!

Каллен. Только не торопись.

Джексо н. Отпусти немного цепь.

Каллен. Самого себя, что ли, мне поднять?

Неожиданно Джексо н теряет равновесие.

Джексо н. Осторожней!

Оба снова падают вниз. В припадке бешенства Джексо н тут же вскакивает и бросается на стену.

Не ожидавший этого Каллен валится лицом в грязь. Они лежат, тяжело дыша; их лица так измазаны красной глиной, что различить можно только глаза. С яростью они пристально смотрят друг на друга.

Каллен (после паузы). Может быть, соберем немного деревяшек.

Не отвечая, Джексо н кивает в знак согласия. Оба поднимаются из лужи. Собирают гнилые корни, ветки, обломки досок, которые валяются в

яме. С трудом подходят к стене и начинают всовывать куски дерева в глину. Получаются грубые, но прочные опоры, идущие со дна ямы, больше чем на четыре фута вверх. Закончив работу, Джексон поворачивается лицом к стене, сгибается.

Джексон. Лезь.

Каллен взбирается к нему на плечи.

Джексон. Не начинай, пока я тебе не скажу.

Он медленно разгибается и, осторожно ставя ноги, взбирается на четырехфутовое укрепление с Калленом, застывшим на его плечах. От напряжения он покраснел и тяжело дышит.

Джексон. Теперь давай.

Очень медленно Каллен переносит всю тяжесть на плечи Джексона и подтягивается до тех пор, пока по пояс не высовывается из ямы. Тогда он хватается за выступ старого крана и осторожно перекачивается наверх.

Возле ямы.

Каллен. Вот и все... Я уже наверху. Теперь крепче держи цепь.

Молча Джексон подчиняется ему. Боясь потерять равновесие, он не поднимает головы. Минута... и он тоже выбирается наверх.

Оба одновременно падают от усталости, тяжело дышат. Джексон вынимает сигарету и закуривает. Каллен наблюдает за ним. Он видит, как Джексон осматривает запястье, стертое до крови, и берет того за руку.

Джексон (*выдергивая руку*). Что тебе надо?..

Каллен. Давай посмотрю.

Джексон. Зачем?

Каллен. У тебя, кажется, началось воспаление.

Джексон. Ну, а ты что сделаешь?

Каллен. Перевяжу.

Джексон. Мне не нужны твои милости.

Их взгляды встречаются. Несколько секунд они смотрят друг на друга.

Каллен (*тихо*). А я никаких милостей тебе не оказываю.

Джексон медленно протягивает руку. Каллен берет ее, внимательно осматривает. Развязывает цветной платок у себя на шее и, сдвинув железный браслет на кисть, осторожно прикладывает платок к ране. Качает головой. Набирает пригоршню грязи, осторожно замазывает ею больное запястье и завязывает руку платком.

Джексон. Для чего это?

Каллен. Припарка.

Белый садится и смотрит прямо перед собой.

Джексон. А ничего... Приятно и прохладно...

Каллен не отвечает.

Джексон. Чего ты хочешь от меня?.. чтобы я сказал: спасибо? (*Ответа нет.*) Спасибо!.. Спасибо, спасибо, спасибо!

Но Каллен по-прежнему не отвечает.

Джексо н. А!..

Со злостью вынимает изо рта сигарету.

Каллен. Так это тебя приводит в бешенство?

Не понимая, зачем Каллен задает такой вопрос, Джексо н удивленно смотрит на него.

Каллен. Я говорил это всю мою жизнь... Когда я был ребенком, мой отец водил меня в церковь, и, хотя у меня не было ботинок, я кричал: «Спасибо тебе, господи» — так же громко, как и другие дети... У них ведь тоже не было ботинок...

Джексо н (спокойно). В конце концов все божьи дети получают ботинки.

Протягивает Каллену окурок сигареты... Встает.

Джексо н. Пойдем.

Поднимаясь, Каллен выбрасывает сигарету. Без всякой задней мысли говорит.

Каллен. Мы пойдем рядом, это будет спокойней для твоей руки.

Джексо н (внимательно посмотрев на Каллена). Конечно.

День. Туман.

Отряд шерифа упорно обыскивает окрестности. Заметно, что все устало, особенно парень с радио. Отряд вытягивается цепочкой. Кто-то хромает, кто-то останавливается, чтобы подтянуть ремни своего рюкзака.

Следы тяжелого похода заметны и на шерифе, он тревожно оглядывается. Заметив это, капитан мрачно улыбается. Мюллер ловит взгляд капитана, вздыхает и бредет дальше.

Сумерки. Окраина поселка.

Появляются Каллен и Джексо н. Они осторожно перелезают через ствол поваленного дерева и смотрят на сгрудившиеся домишки на противоположной стороне дороги. На фасаде одного из них витрина. Поблизости сарай с остроконечным навесом; под ним подъемный механизм.

Беглецы внимательно разглядывают убогие жилища, дворы, в которых развешено белье. Окна домов освещены. Каллен и Джексо н тихо разговаривают.

Джексо н. Кажется, поселок невелик.

Каллен. Здесь живут только возчики скипидара. Вот там склад.

Показывает на сарай.

Джексо н. А это магазин какой-нибудь компании?

Каллен. Да.

Джексо н. Он как раз в центре.

Каллен. Там и еда... и рабочий инструмент тоже... Все, что нам нужно.

Они неодобрительно смотрят на огни. Где-то лает собака. Другая отвечает ей. Джексон глубоко вздыхает.

Джексон. Если нам повезет, мы быстро освободим руки и наполним желудки. (*Задумчиво.*) Скоро они все лягут спать... Нам лучше пока спрятаться, чтобы кто-нибудь не увидел нас.

Осторожно спускаются они вниз. Усаживаются позади изгороди, внимательно наблюдая за поселком и изредка перебрасываясь ничего не значащими словами. Джексон вынимает сигарету, закуривает.

Ночь. Поселок.

Освещено всего несколько окон... Из одного дома выходит женщина. Она несет в свинарник какие-то объедки.

Каллен. Кормят свиней. Значит, ужинать кончили.

Джексон. Я тоже кормил свиней на тюремной ферме... (*Вспоминая.*) Хорошая была ферма!..

Каллен. Да... Хорошая ферма... все там механизировано.

Джексон. Этот парень тоже отхватил неплохую ферму. У него приличный инвентарь.

Каллен. И ему не надо все делать руками, да еще с одним мулом...

Джексон. Если даже и так, у тебя всегда достаточно еды.

Каллен. Ты думаешь? Я обрабатывал своими руками тридцать шесть акров. Мне помогала жена, иногда — сынишка. И у нас никогда не было достаточно еды.

Джексон удивленно смотрит на него.

Джексон. Я не знал, что ты был женат.

Негр не отвечает.

Джексон. Что же случилось с ней? Она ушла с Джуди?

Теперь уже Каллен с недоумением смотрит на него.

Джексон. Ее взял Джуди?

Каллен. Кто такой Джуди?

Джексон. Джуди?!.. Ты не знаешь Джуди с большим зеленым кадилаком?.. Все женщины, мужья которых в тюрьме, становятся его собственностью... Как только закрываются ворота тюрьмы, тут же открываются двери дома и входит Джуди... Мужчина выходит из тюрьмы, а жены уже нет... Джуди натянул ему нос!..

Отвернувшись, Каллен смотрит на поселок. Какое-то мгновение Джексон наблюдает за ним.

Он чувствует, что сказал что-то лишнее и причинил Каллену боль. В душе Джексона просыпается жалость и желание хоть чем-нибудь помочь негру. Но эти чувства чужды Джексону, и он не знает, как их выразить. Опускается рядом с Калленом на колени. Он сосредоточенно смотрит на поселок.

В одном из домов гаснет свет.

Та же ночь.

Всего в шести домах светятся окна.

Каллен и Джексон настойчиво ждут.

Джексон. Еще один погас... Теперь осталось пять.

Каллен. Да.

Молчание.

Джексон. А что стало с твоим сынишкой?

Каллен. Ему было только пять лет, когда я ушел. Он, наверное, теперь меня и не помнит.

Бросив быстрый взгляд на Каллена, Джексон снова смотрит в сторону поселка. После откровенного разговора он чувствует себя неловко, не знает, как же теперь держать себя. Начинает с трудом подбирать слова и вдруг выпаливает с неожиданной силой.

Джексон. Каждый борется в одиночку! Не ты один!.. Каждый!.. Это точно!..

Молчат. Джексон протягивает Каллену окурочек. Тот глубоко затягивается.

Джексон. Всю дорогу я чувствую запах кофе.

Каллен (*сухо*). Ветер дует с другой стороны.

Джексон. Может быть!.. Но он дует и в моем воображении тоже.

Ночь. Край глиняной ямы. Рядом ковш крана, который мы уже видели. Кругом мокро, грязно.

Здесь отряд расположился на отдых. Горит небольшой костер. Над ним дымится котелок с кофе. Редактор снимает котелок с огня. Неподалеку рассказывает озабоченный шериф. Остановившись, он смотрит, как редактор разливает кофе.

Мюллер. Одного не пойму... Как им удалось так далеко уйти?!

Редактор (*протягивая чашку с кофе*). Вот, Макс...

Взяв кофе, Мюллер присаживается рядом с редактором.

Мюллер. Я рассчитывал поймать их сегодня...

Замолкает и смотрит на подходящего к ним капитана. Лицо того холодно и бесстрастно.

Редактор. Садитесь. Как насчет чашки горячего кофе?

Не отвечая на приглашение и продолжая стоять, капитан обращается к шерифу.

Капитан. Я думаю, вас интересуют наши потери?!

Мюллер (*помолчав*). Конечно... Давайте.

Капитан. Трое.

Мюллер. Что с ними?

Капитан. Стерли ноги.

Мюллер. Отшлите их обратно.

Капитан. Кто-то должен пойти с ними.

Мюллер (*помолчав*). Назначьте кого-нибудь.

Капитан. И так уже ушли многие.

Мюллер. Ну и что?

Капитан. Солли сказал, что следы свежей не становятся...

Мюллер. Ну и что?

Капитан. А то: я хочу, чтобы в рапорте было указано, что я просил обратиться за помощью, а вы отказали. Отвечаете за это вы!..

Мюллер (*устало кивает*). Да, отвечаю я. Вы еще что-нибудь хотите напомнить мне?

Капитан (*холодно, подчеркивая*). Только это. На мою должность меня не избирают, как вас. И я не боюсь, что потеряю ее.

Ни слова не говоря, Мюллер бросает на него ледяной взгляд. Капитан поворачивается и уходит. Редактор насмешливо смотрит на шерифа.

Редактор. В его словах есть доля истины.

Мюллер (*раздраженно*). Если бы я его слушал, пришлось бы вызвать сюда морскую пехоту.

Редактор. Ну, а если те парни удерут, ты окажешься в довольно глупом положении из-за того, что отказался обратиться за помощью.

Не понимая, к чему клонит редактор, Мюллер внимательно смотрит на него.

Редактор. Я вынужден буду все опубликовать, Макс.

Раздраженный шериф выливает остатки кофе.

Мюллер. Знаешь, что я тебе скажу, Дэйв!.. У меня есть жена, двое ребят и долг банку. Моя должность шерифа дает мне шесть тысяч восемьсот долларов в год. Это твердый заработок, здесь не нужно надрываться... К тому же эта работа... мне нравится. Но не пугай меня, что я ее потеряю. Я всегда смогу вернуться к частной адвокатуре.

Редактор (*улыбаясь и качая головой*). Не обижайся, Макс!.. Мы старые друзья, но ведь ты и сам знаешь, что тебе давала адвокатура!.. Ты же честный человек!.. Перестань себя обманывать.

Внимательно посмотрев на редактора, Мюллер переводит взгляд на огонь.

Танцующие блики огня то и дело меняют выражение его лица. Размышляя над словами редактора, он смотрит в одну точку... Молчит... Закуривает...

Мюллер (*тихо, с болью*). Я поймаю их... Я не хотел этого... но теперь я начинаю ненавидеть этих двух парней...

Окраина поселка. Каллен и Джексон все еще сидят возле изгороди.

Джексон (*выплывывая сигарету*). Где-то теперь мой старик... (*Криво улыбаясь*.) После того как мне исполнилось четырнадцать, я его увидел... только в день своей демобилизации из армии, и это было в по-

«следний раз!.. Мы тогда пропили половину моих денег... (Молчит.) А!.. Я ничего не имею против него.

Каллен (усмехаясь). А у моего была слабость — библия... Он все время поучал нас.

Джексон. Чему там научишься?.. (Повернувшись к Каллену.) Я когда-то работал на автомобильном заводе... на конвейере. Один доллар и восемьдесят центов в час... на какого-нибудь прохвоста, чтобы тот без заботы гонял свой кадиллак.

Каллен. Неплохой заработок!

Джексон (сердито). Для тебя—может быть!.. А для меня, знаешь, что это было?.. В субботу вечером в кабачке с какой-нибудь рыжей или блондинкой разыгрываешь из себя богача... И что бы там ни было, а в понедельник утром ты идешь на работу с заплывшими глазами...

Каллен. Но ведь кто-то должен же делать эти машины?..

Джексон. Пусть какой-нибудь простофиля делает их, я хочу водить автомобили.

Каллен (сухо). Сначала купи.

Джексон (насмешливо). Это на доллар восемьдесят в час?.. При таких заработках наберешь только на подержанный шевроле... Это не для меня, приятель... Я не такой дурак... Надо знать, кто ты,—из тех, кто дает или кто берет... Что касается меня, я — беру.

Каллен. Вот как ты попал в тюрьму?!

Джексон. Я не сумел стать большим хапугой... и был всего лишь мелким воришкой... а нужно быть крупным вором. Если ты будешь очень крупным вором, ты можешь ничего не бояться.

Угрюмо смотрит в темноту.

Каллен. Еще несколько огней погасло.

Джексон (после паузы). А за что они взяли тебя?

Каллен (холодно). «Оскорбил словами и действиями... намеревался убить».

Джексон. Здорово!..

Каллен. Какой-то чужой человек пришел ко мне на мою землю... я не уплатил аренду... Кричал на меня. А когда я ему ответил тем же, он вытащил наган. Я отнял его...

Джексон. И за это они посадили тебя в тюрьму?

Каллен. Нет... я вдобавок всыпал ему.

Джексон. Ты мог бы убить его?

Каллен. Может быть... если б меня от него не оттащили.

Джексон (качая головой). Не надо было пускать в ход кулаки..

Каллен (с неожиданной злостью). Разумеется!

Джексон. Чего ты вдруг взбесился?

Каллен. Я не взбесился... Я бешеный с самого рождения...

Джексон. Я же говорю тебе только, что было бы лучше...

Каллен. А я не хочу слушать!.. Я этого вздора наслушался от жены. Она все время твердила: «Надо покоряться» — и, когда они бросили меня в одиночку, она продолжала свое: «Надо покоряться». И раньше, когда я отдавал свою долю урожая за право пользоваться землей и меня обвешивали... она все говорила: «Надо покориться, а то накличешь на себя беду». И моего сына она учила тому же... (*Молчит.*) Вот что испортило мне жизнь, хотя никакого Джуди-повесы в зеленом кадиллаке и нет... Она не понимает меня... И мы стали сразу чужими...

Нервно ежится, смотрит через забор.

Каллен. Что они, никогда не лягут спать?

Оба смотрят на поселок.

Поселок погружен в темноту. Только в доме напротив светится еще одно окно. Из дому выходит какой-то мужчина... идет к сараям.

Каллен (*задумчиво*). Я иногда думал, что если бы можно было ее увезти куда-нибудь... где люди не так пугливы... может быть, она перестала бы всего бояться.

Совсем рядом, локоть к локтю, опираясь на бревно, они наблюдают за поселком. Какой-то звук заставляет их вздрогнуть. Каллен пристально смотрит в ту сторону.

Каллен (*растягивая слова*). Это возвращается он...

Двор.

Мужчина отходит от сараев и, застегивая штаны, направляется к дому.

Джексон (*ухмыляясь*). На ночь как раз нужно застегиваться!.. Пошли!..

Они перелезают через забор. На мгновение припадают к земле. Каллен так пристально смотрит на лицо Джексона, что тому становится неловко.

Джексон. Что ты так смотришь на меня?

Каллен. Твое белое лицо... Оно сияет, как луна в полнолуние. (*Усмехаясь.*) Только пойми это правильно!

Джексон. Ну что же мне теперь делать?!

Каллен. Не знаю, что тебе делать, может быть...

Раскопав возле себя мокрую землю, он набирает пригоршню грязи. Джексон несколько секунд смотрит на него и затем мажет себе грязью лицо и руки.

Джексон. Так лучше?

Каллен. Да. Еще вот здесь. Тут осталось чистое место.

Он «гримирует» Джексона.

Каллен. Теперь сияет только твоя глупость.

Джексон. Значит, мы похожи друг на друга.

Каллен (*успокаиваясь*). Проверим! Пошли.

Поселок. Все утопает в темноте. Среди домишек появляются Джексон и Каллен. Останавливаются на обочине дороги. Пересекают улицу и, крадучись, направляются к магазину.

Вход в магазин.

Осторожно беглецы поднимаются по скрипящим ступенькам. Каллен пытается открыть дверь. Она не поддается. Подходит к окну. Джексон тяжестью своего тела давит на оконный переплет. Напрягает все силы, но окно не открывается. Каллен жестом предлагает поискать другой вход...

Подходят к другому окну, выходящему в переулок. Каллен отталкивает Джексона, пытается приподнять раму. Старается изо всех сил, но у него ничего не выходит. Идут дальше...

Останавливаются у задней двери. Она заперта висячим замком. Они переглядываются. Внезапно Джексону приходит удачная мысль. Он указывает Каллену на крышу. Обдумывают, как бы забраться туда... видят бочку. Вместе приносят ее к дому и ставят на уровне карниза.

Крыша. Жестяная труба дымохода.

Над карнизом показывается голова Джексона. Он осматривает крышу.

Внизу, у бочки, Каллен нетерпеливо ждет сигнала Джексона. Так и не дождавись, забирается на бочку.

Та же крыша.

Теперь над карнизом видны уже две мужские головы.

С трудом Джексон карабкается на крышу. Каллен следует за ним. Ползком они приближаются к трубе. Сначала освобождают трубу от проволочных креплений. Потом Каллен подходит к трубе и начинает тихонько ее расшатывать. Раздается скрежет. Оба замирают, прислушиваются. Кругом тихо. Каллен снова принимается за трубу.

Каждый раз, когда раздается пронзительный металлический скрежет, Каллен застывает, и несколько мгновений оба напряженно смотрят друг на друга. Лицо Каллена блестит от пота. Джексон, пытаясь заглушить скрежет, прижимается к трубе. В такт движения Каллена она раскачивается взад и вперед. Неожиданно труба оседает... Оба опускаются на колени, замирают от страха. Стоя на коленях, Джексон с трудом начинает вытаскивать эту длинную металлическую трубу из гнезда. Она на-

клоняется, и Джексон почти повисает на ней. Каллен подкладывает пальцы под листы жести, соединяющие крышу с трубой, и начинает медленно их отдирать. Полуторадюймовые гвозди поддаются с трудом.

Труба наконец освобождается, и внизу что-то с грохотом падает.

Где-то поблизости залаяла собака. Но ее лай прекращается так же неожиданно, как и начался. В наступившей тишине чувствуется что-то зловещее... Джексон и Каллен напряженно прислушиваются. Но кругом тихо.

Осторожно они вынимают из отверстия часть трубы и так же осторожно кладут на крышу. Каллен, встав на колени над отверстием, начинает тихо сдирать кровельную дранку... Джексон присоединяется к нему... Они аккуратно складывают дранку в кучу.

Наконец дыра в крыше достаточно расширена, для того чтобы в нее мог пролезть человек. Отверстие находится как раз между двумя балками. Каллен пытается хоть что-нибудь разглядеть через дыру.

Каллен. Нет, ничего не видно.

Спускает в отверстие ноги, но Джексон отталкивает его. Схватившись за балку, он повисает на ней.

Голос Джексона. Я должен прыгать.

Каллен. Ты чересчур шумишь! Держись за цепь.

Голос Джексона. Я падаю!

Каллен. Держись за цепь!..

Пододвинувшись к самой дыре, Каллен старается поплотнее усесться...

В магазине.

Пальцы Джексона скользят... От балки отрывается одна рука... потом другая, и он повисает в воздухе на цепи. Джексон глухо стонет. Тщетно пытается сдвинуть железный браслет, который режет ему руку... и наконец, обессиленный, замирает.

На крыше.

Согнувшись над отверстием, Каллен с трудом удерживает Джексона на цепи.

Каллен (с беспокойством). Эй ты... Шутник, что с тобой?

Перекинув цепь через балку, он спускает ноги в отверстие. Постепенно освобождает цепь... пытаюсь на ней спустить Джексона вниз. Но удержать белого ему трудно. Каллен теряет силы.

В магазине.

Неподвижное тело Джексона раскачивается как раз над прилавком. Каллен хватается за балку и, повиснув в воздухе, судорожно ищет опору для ног. Падает на прилавок. Джексон вслед за ним... Раздается грохот... Валится жестяная посуда. Каллен лежит, оглушенный шумом... Поднимает голову, видит раненую руку Джексона. Встает, наклоняется над

ним. Джексон лежит без сознания. Неожиданно в заднюю дверь стучат. Каллен вздрагивает. В панике трясет Джексона.

Голос (за дверью). Кто там?

Луч света прорезает комнату. Глаза Каллена быстро обегают вокруг. Кто-то через боковое окно освещает комнату фонарем.

Каллен прячется прежде, чем свет достигает его.

Другой голос (за дверью). Что здесь происходит?

Первый голос. Там кто-то есть. Я слышал их.

Третий голос. Как же они туда забрались?

Первый голос. Да и сам не пойму. Все замки целы. Придется взломать их.

Второй голос. Вот Клоуд... Он принес ключи.

Джексон приходит в себя, тупо озирается. Пытается встать, но Каллен поспешно толкает его обратно к прилавку, прежде чем свет падает на них.

Третий голос (за дверью). Что-нибудь видно?

Первый голос. Нет... Но я знаю, что там кто-то есть...

Луч света скользит над ними. Каллен прижимает Джексона к полу. Оба прислушиваются.

Доносятся голоса. Начинают лаять собаки...

Джексон. Что будем делать?

Каллен. Держись за меня крепче, Шутник! Мы выберемся отсюда.

Дорога в поселке. Здание магазина.

В домах загораются огни. Выходят люди с собаками. Световой узор от фонарей перерезает дорогу.

В магазине Джексон и Каллен прячутся за прилавком. Потом, крадучись, подходят к выходу. Увидев через окно движение на улице, останавливаются. Какой-то новый звук со стороны задней двери заставляет их насторожиться... Там кто-то гремит замком.

Каллен. Приготовься!

Прикрывая Джексона, Каллен вместе с ним прыгает в окно.

Ночь. На дорогу, проходящую мимо магазина, выскакивают Джексон и Каллен. Кто-то увидел их, кричит.

Они бегут по дороге вниз. Раздается выстрел. Слышится свист пули. Каллен пропускает Джексона вперед. Они вбегают в проулок между двумя домишками.

Огибают их. Появляются двое мужчин. Каллен поворачивает обратно, к центру поселка. Джексон останавливает его, и они поворачивают к сараям.

Со стороны дороги приближаются голоса. Окончательно потеряв надежду выбраться отсюда, Джексон и Каллен останавливаются, а когда все же решают снова бежать, сталкиваются с Джо. Все трое на мгновение теряются от неожиданности. Беглецы первыми приходят в себя и бросаются на Джо, прежде чем тот успевает выстрелить. Начинается ожесточенная борьба.

Джо. На помощь!

Чья-то рука цепью бьет Джо по голове. Он тяжело падает.

И они снова пытаются бежать... И снова останавливаются... На них направлены тонкие, как иглы, лучи фонарей. Каллен и Джексон стоят в центре перекрещивающихся огней карманных фонариков. Раскачиваясь, цепь их бросает мрачные отблески.

Вперед выступает плотный человек по имени Мэк.

Мэк. Вот так... не двигайтесь.

Их окружают вооруженные люди. Мэк подходит к распростертому на земле человеку, наклоняется над ним. Люди с фонариками образуют круг. Центр этого круга, где стоят Каллен и Джексон, освещают более дюжины лучей.

Мэк. Похоже, что вы, парни, попали в беду... (*Внимательно посмотрев на Джексона.*) Скажите!.. здесь и белый!..

Ночь. Улица в поселке.

По улице ведут Каллена и Джексона. Толпа расступается перед ними. Конвоиры грубо толкают их к стене склада.

У склада.

Ко всему равнодушные, усталые, стоят Каллен и Джексон, прислонившись спиной к стене склада. Их окружают взволнованные жители поселка с ружьями наперевес. Охватившее всех напряжение проявляется и в неестественной тишине и в приглушенных голосах... и в то же время все происходящее чем-то неуловимым напоминает ночной пикник.

У нескольких мужчин в руках чашки с кофе. Его разливают и подают женщины. Они хотя и суетятся, но тоже не спускают глаз с дома, освещенного ярче других.

Оттуда выходит Большой Сэм и локтями прокладывает себе дорогу сквозь толпу. Это громадный мужчина, лет под пятьдесят. У него неторопливые движения и мягкий голос, но все в нем говорит о властности и силе. На него смотрят, как на вожака.

Люди уступают ему дорогу, когда он подходит к пойманным; он долго смотрит на них, словно изучая. Те вяло отвечают на его взгляд.

Большой Сэм. Значит, это вы убежали из той самой партии каторжан?

Джексон. Да, сэр.

Большой Сэм. Что и говорить! Вам не повезло!
Отворачивается. К нему подходит Мэк. Хватает Большого Сэма за руку.

Мэк. Ну как он, Сэм?

Большой Сэм. Доктор накладывает ему швы.

Мэк (*настойчиво*). Но как он?

Большой Сэм (*нахмури в брови*). Не знаю. Он еще не пришел в себя.

Мэк (*кому-то в толпе*). Отделайся от женщин, Рэйф.

Рэйф (*женщинам, тихо*). Собирайтесь, дамы! Вам всем пора быть в постельке...

Женщина (*с беспокойством*). А что собираются делать мужчины?

Рэйф. Состоится собрание старых богомольцев, сударыня! Только мужчин... Идите... да поторапливайтесь!

Мэк. Собрание богомольцев?!.. Чудесно придумано! Рэйф, а ты достал веревку?

Женщины явно испуганы. Они зовут детей, собирают свои вещи.

Женщина (*ребенку, резко*). Иди домой... быстрее!

Вторая женщина зовет своих ребят и уводит их в дом.

Вокруг пленников сомкнулось грозное кольцо. Толстая веревка, сложенная кругами, проносится по воздуху и ложится почти у ног пленников.

Подходит Мэк. Поднимает ее. Начинает разматывать веревку. Оцепенев, пленники смотрят на все происходящее.

Джексон (*хрипло*). Разбей у нас цепь, приятель!

Мэк (*резко*). Я тебе не приятель... Приятель у тебя уже есть.

С веревкой в руке он прогуливается перед пленниками.

Мэк (*Джексону*). Кто из вас сделал это?

Джексон не отвечает. Мэк поворачивается к Каллену.

Мэк. Ты это сделал?

Каллен не отвечает.

Мэк. Почему ты это сделал?

В толпе кто-то хихикает. Мэк поворачивается к Джексону. Он доволен собой.

Мэк (*показывая на Каллена*). Почему он это сделал?

Ответа нет.

Мэк. Ты защищаешь своего приятеля?

Забрасывает веревку на конек склада. Джексон не отвечает.

Мэк. Ну, да не важно!.. Повесят вас обоих.

Джексон (*страстно*). Послушайте, мистер... вы не можете с нами ничего сделать. Ведь мы бежали из тюрьмы...

Мэк. Ну и что?

Джексон. Так нас же ищут. Подумайте, что будет... если они найдут нас уже...

Мэк. Когда они найдут вас, вы будете уже падалью.

Джексон. Вам это дело так не пройдет!

Мэк. Никто и не узнает, кто вздернул вас!

Повернувшись, он ухмыляется стоящим сзади него. В это время на конек склада забрасывается вторая веревка.

Джексон (*в отчаянии*). А вы знаете, что за убежавших преступников дается большая награда тем, кто их поймают?

Мэк (*холодно*). Награду дают и за мертвых.

Джексон (*почти в истерике*). Вы не понимаете!.. Вы не можете линчевать меня... я белый!

Каллен быстро поднимает на Джексона глаза. В них — презрение и гнев.

Мэк. Белый!.. Ну, так я тебе сейчас покажу, из какого ты сорта белых! (*Каллену*.) Плюнь в него.

Большой Сэм (*с негодованием*). Ради бога, Мэк...

Мэк (*упрямо*). Ну!.. Плюнь в него.

Большой Сэм. Мэк...

Мэк (*злобно*). Оставь меня в покое, Сэм!

Толпа сжимается теснее.

Голоса. Конечно... оставь его...

Мэк (*усмехаясь*). А мы сейчас немного повеселимся.

Мэк (*Каллену, резко*). Ну, давай... Давай!.. Ты слышишь меня?!..

Но Каллен не шевелится даже. Мэк бьет его по лицу. Мгновение Каллен смотрит на него с холодной злостью, потом плюет ему в лицо.

На минуту все ошолбенели. Мэк вытирается... бьет Каллена кулаком по лицу... Каллен отшатывается.

Что-то злобно кричат несколько человек, наступают на Каллена. И, прежде чем он успевает уклониться от удара, кто-то бьет его... Отстраняя неистовствующих озверевших людей, к Каллену подходит Мэк и бьет его в живот. Каллен падает и цепью тащит за собой Джексона. Большой Сэм бросается на Мэка и вытаскивает его из свалки.

Большой Сэм (*срет*). Остановитесь!.. Прекратите!

Толпа быстро успокаивается.

Мэк (*угрожающе*). Не стой на моем пути, Сэм... или... и тебе будет плохо.

Большой Сэм держит Мэка за рубашку.

Большой Сэм. Я сказал тебе, что Джо поправится.

Мэк. Он сказал мне... Чудесно!..

Оттолкнув руку Сэма, он возвращается к беглецам. Сэм идет за ним.

Большой Сэм. Тебе на все наплевать, да?

Мэк. Есть более важные вещи.

Встав впереди пойманных, Большой Сэм преграждает путь Мэку. Обращается к толпе.

Большой Сэм. Что же вы стоите... вы же хотели линчевать их?

Поднимает веревку.

Большой Сэм. Вот, Гловер!.. *(Протягивает веревку.)* Тебе так хотелось этого. Ну что, давай надевай петлю им на шею. Давай!.. *(Обращается к другому.)* А ты, Пейкер... ты жаждешь крови...

Поднимает лежащий у костра топор и бросает его к ногам Пейкера.

Большой Сэм. Возьми изруби их!.. *(Обращаясь ко всем.)* Или вы хотите сжечь их?

Вынимает из костра горящую головню.

Большой Сэм. Возьмите!.. Выжгите им глаза!

Все в нерешительности. Неожиданно Мэк вырывает из рук Большого Сэма горящую головню и бежит к испуганным пленникам. Большой Сэм останавливает его и с силой бьет кулаком в челюсть. Мэк падает, как подкошенный.

Большой Сэм *(тяжело дыша)*. Еще есть желающие?

Из соседнего дома выходит костлявый человек. Он был санитаром в прошлую войну и потому в поселке сльвет за доктора.

Доктор *(бодро кричит)*. Все в полном порядке. Он молодец.

Спускаясь с крыльца, он рассказывает.

Доктор. У него рваная рана. Пришлось наложить шесть швов, но он чувствует себя молодец. *(Видит на земле Мэка.)* А что с этим?

Его слова остаются без ответа. Доктор вопросительно смотрит на молчащих людей.

Большой Сэм *(устало)*. Заприте их где-нибудь. Завтра я отоплю их обратно с подвойей...

Рассвет. Поселок.

На улицах пусто. В домах нет огней.

В кадре крупно — веревка, свешивающаяся со склада.

Сарай.

В тесном сарае, где сложен рабочий инструмент, спинами к столбу привязаны Каллен и Джексон. На лице Каллена следы побоев. Перед лицом Джексона маленькое окошко.

Джексон. Светает... Кому была нужна твоя сумасшедшая выходка? Они могли забить нас до смерти... вполне могли...

Каллен *(сухо)*. А для чего тебе жизнь? Чтобы за десять лет, которые тебе дадут, сломать хребет на каторжных работах?

Джексон. И все же это лучше, чем смерть.

Каллен *(спокойно)*. Ты когда-нибудь видел линчевание?

Джексон (*запальчиво*). А что?

Каллен. Ты так был напуган, словно ты уже его видел.

Джексон. Да... я видел линчевание. Видел, что однажды сделали с одним парнем... его вытащили из тюрьмы среди ночи!.. То собрание было такое же бешеное, как и это... Может быть, они сейчас пьянствуют... и что-нибудь замышляют против нас. Может быть, Большой Сэм лег спать... А они, может быть, идут к нам! Что тогда?

Каллен (*спокойно*). Ну и ничего! Скажешь им, что ты белый.

Джексон уже готов что-то со злостью ответить, но его внимание отвлекает увиденное за окном. Он сразу насторожился.

Слышится приближающийся звук шагов... пронзительный скрежет металла... это отмычкой открывают дверь... Входит Большой Сэм.

Джексон. Что вам нужно? Я не слышал, чтобы подъезжала подвода.

Молча Сэм смотрит на них... вынимает охотничий нож... подходит к пленникам и разрезает веревки. Они стряхивают их, растирают затекшие руки.

Большой Сэм. Ну, а теперь уходите.

Джексон. Куда... что вы задумали?

Большой Сэм. Я даю вам возможность уйти.

Джексон (*с тревогой*). С какой стати? (*Каллену*.) Не ходи... Они, наверное, где-нибудь ждут нас.

Закованную в наручники руку Джексона все еще обвивает веревка. Он пытается от нее освободиться. Сэм протягивает ему свой нож. Джексон удивленно смотрит на него... и вдруг хватается Сэма за руку.

В кадре крупно: рядом два запястья — Джексона и Большого Сэма. На запястье Большого Сэма — синевато-багровые рубцы от железных браслет, когда-то изуродовавших руку. Не шелохнувшись, Большой Сэм холодно смотрит на Джексона.

Большой Сэм (*тихо*). Идите!

Джексон отпускает его руку. Каллен также замечает рубцы... Большой Сэм идет к двери, оставляет ее открытой. Но Каллен не трогается с места.

Каллен. А как насчет вон того лома? Можно нам взять его?

Большой Сэм. Не теряй времени, парень.

Каллен (*упрямо*). А сигареты?

Большой Сэм молча отдает ему свою пачку. Каллен и Джексон направляются к двери.

Большой Сэм. Минутку!..

Двое останавливаются.

Большой Сэм. На всякий случай... если вас поймают. Вас отсюда никто не выпускал. Понятно? Вы убежали.

Джексон. Ладно.

Большой Сэм (*спокойно*). Ну, бегите, цыплята, бегите!

Двое скованных убегают под защиту близлежащего леса. Большой Сэм смотрит им вслед, пока они не скрываются из виду...

День. Прерии.

Из последних сил бегут двое.

Тот же день. Прерии. Но место уже другое.

Изнемогая от усталости, шатаясь, бредут двое скованных.

Смеркается. Поселок. Откуда-то доносится лай собак.

Голос Мюллера. Хорошо... они тебя ударили. Ну, а потом что было? Ты-то что-нибудь сделал с ними?

Появляются шериф, полицейские, рабочие, жители поселка.

Джо. Не знаю... Потом я помню только, как доктор приводил меня в порядок.

Шериф делает нетерпеливый жест, поворачивается к Мэку, который стоит рядом.

Мюллер. Ну, а вы знаете, что было дальше?

Но Мэк лишь смотрит на него во все глаза.

Мюллер (женщине). А вы?

Никакого ответа. Обращается к другой женщине.

Мюллер. А вы тоже ослепли и оглохли в эту ночь?

Женщина (равнодушно). Они всех женщин отравили по домам.

Мюллер. Почему?

Женщина (тихо). Спросите их.

Шериф смотрит на Большого Сэма.

Мюллер. Что вы сделали с ними, Сэм?

Большой Сэм (вжливово). Я вам уже сказал, шериф. Мы заперли их. А они вылезли и убежали.

Мюллер. Они не могли выбраться оттуда сами. На наружной стороне двери остался след отмычки. Кто-то выпустил их.

Большой Сэм. Откуда мне знать об этом, шериф?.. Я заведую скипидарным складом, а не тюрьмой.

Мюллер. Но кто же приходил к ним, Сэм? Кто выпустил их?

В ответ Сэм пожимает плечами.

Мюллер. Сэм, если вы их линчевали... то лучше скажи мне об этом сейчас, потому что собаки все равно найдут их.

Большой Сэм. Почему мы должны были убить их, шериф? (Смотрит в другую сторону, на лающих собак.) У вас больше возможностей для этого.

Шериф сурово смотрит на Большого Сэма, потом решительно поворачивается и громко зовет Солли.

Мюллер. Солли! Пошли!

Солли. Мы идем с рассвета... мои собаки устали...

Мюллер (почти в бешенстве). Веди их, или я погоню их сам!

Это заявление беспокоит всех участников погони. Кто-то из них говорит:

— Подожди, Макс, а как же мы? Ведь у нас уже ноги отваливаются.

Другие поддерживают смельчака.

Голоса. Сердце у тебя есть, Макс?..

— Скоро будет совсем темно...

— Почему не отдохнуть до завтра...

Мюллер. Вы что думаете, это пикник? Хотите участвовать в погоне? Если хотите, так подчиняйтесь распоряжениям! Приготовьтесь и будьте готовы выступить. (Со злостью, капитану.) Позвоните в Камберленд. Скажите, что мне нужны все мужчины, какие там есть. Я хочу, чтобы их как можно быстрее отправили вдоль западного края болота...

Капитан. Подготовка к походу займет много времени. Им придется выступать в темноте.

Мюллер. Мне все равно... Лишь бы выступили!

Капитан (со сдержанной улыбкой). Слушаюсь, сэр!

Уходит. К шерифу подходит редактор. Мюллер сразу же успокаивается.

Редактор. Знаешь, я впервые видел его улыбку...

Темнеет. Заросли тростника.

По зарослям пробираются Джексон и Каллен. Джексон спотыкается, падает.

Джексон. Подожди... Подожди... Дай отдохнуть.

Опускается на землю и Каллен.

Джексон. Мы, должно быть, пробежали миллион миль... Как ты думаешь, далеко ушли?

Каллен не отвечает. Это раздражает Джексона. Он попытался начать разговор, чтобы положить конец враждебности, которая с новой силой вспыхнула между ними, когда их поймали. Он по-воровски, мельком взглядывает на Каллена. Но тот даже не смотрит на него, закуривает. Злоба против Каллена и отчаяние растут в душе Джексона, но все же он пытается говорить спокойно.

Джексон. Из тебя вышел бы хороший бегун, но если бы я не останавливал тебя всякий раз, мы бы сдохли где-нибудь по дороге.

Ответа нет.

Джексон (раздраженно). Почему ты молчишь? Чем ты недоволен?.. Мы же усежали... (Тихо.) Почему ты молчишь? Ты должен на коленях ползать и благодарить меня... Ведь ты палец о палец не ударил... Говорил с ними я...

Хочет закурить. Заглядывает в свою пачку, но там нет ни одной си-

гареты. Подозрительно смотрит на него Каллен... бросает ему свой окурок. Тот падает на землю.

Джексо н. Не смотри на меня так... После плевка тому парню в лицо... тебя неизбежно должны были избить...

Подняв окурок, Джексо н, прежде чем поднести его к губам... бессознательно отрывает конец... Каллен резко поворачивается и вышибает у него изо рта сигарету.

Джексо н вскакивает на ноги. Поднимается и Каллен. Вzbешенные, они смотрят друг на друга. Давно копившиеся злоба, ненависть, стыд вот-вот готовы прорваться в безудержной ярости.

Каллен (холодно). В чем дело?.. боишься заразиться цветом моей кожи?

Джексо н. Ты поднял на меня руку?

Каллен (с холодным презрением). Подумаешь, на тебя!.. Ты хочешь загребать большие куски... а ведь ты... ничтожество. Ты просто трепло!..

Свободной рукой Джексо н с силой бьет Каллена. Тот тяжело дышит, но не защищается.

Каллен. Давай — расскажи мне басню о том, как ты станешь Чарли Потейто, когда снимешь цепи.

Снова Джексо н бьет Каллена.

Каллен. Что, басенка не выходит?.. И ничего у тебя не выйдет, потому что ты даже не человек... ты — ничто. Ты обезьяна на привязи. Кто-нибудь дернет за веревочку, вот ты и прыгаешь.

Опять Джексо н бьет Каллена.

Каллен. Ты сказал — придет время и мы столкнемся. Так вот это время пришло!!..

Это приводит Джексона в бешенство. Внезапно он бьет Каллена ногой. Тот с размаху кулаком бьет Джексона по лицу. Джексо н падает, тянет за собой Каллена. От усталости и изнеможения их удары почти безболезненны. Сцепившись, они катаются в зарослях тростника и кричат со злобным отчаянием... стараются ударить по глазам, царапаются, лягаются...

Обвив цепью шею Каллена, подмяв под себя, Джексо н с бешенством душит его.

Джексо н. Я убью тебя!

Каллен (с издевкой). Ты прав, белый... ты убьешь меня. Тебе от этого станет легче... Ты сделаешься большим человеком...

С трудом Каллен разжимает руку Джексона... заламывает ее ему за спину.

Каллен. Всего добьешься... Только это не так просто... убить меня... попробуй-ка, а?

Сцепившись, они продолжают кататься по траве. Неожиданно раздается чей-то голос:

— Руки вверх!

Подняв головы, оба смотрят в ту сторону. Видят мальчишку лет одиннадцати, направившего на них ружье. Оба вскакивают.

Некоторое время все стоят молча. Вдруг Джексон бросается на мальчика. Тот от испуга роняет ружье... Каллен цепью задерживает Джексона.

Мальчишка в страхе отступает назад, обо что-то спотыкается... падает...

Джексон в панике подбегает к мальчику.

Каллен. Что теперь будем делать?

Джексон (*сисломленный*). Не знаю... Давай скорее уйдем.

Каллен. Подожди!

Джексон. Нет-нет!.. Пойдем! Здесь где-нибудь поблизости могут быть люди.

К ребенку подходит Каллен. Встав на колени, склоняется над ним, приподнимает, осматривает его затылок.

Каллен. Всего только шишка.

Мальчишка открывает глаза. Видит склонившегося над ним Каллена, который кажется ребенку страшным, огромным, как глыба. Мальчишка пронзительно кричит.

Мальчик. Пустить меня!

Он вскакивает и прячется за Джексона, уцепившись за его ноги.

Мальчик. Прогоните его... Не давайте ему обижать меня.

Стоя на коленях, Каллен смотрит то на ребенка, то на Джексона.

Выдержать этот взгляд Джексон не может. Он выдавливает из себя улыбку. Каллен поворачивается спиной к мальчику.

Каллен. Ты где живешь, малыш?

Мальчик вопросительно смотрит на Джексона.

Джексон (*мягко*). Не бойся, скажи ему.

Мальчик. У холма.

Каллен. По той дороге?

Джексон. Скажи.

Мальчик. Да.

Каллен. А что ты здесь делал?

Мальчик. Охотился.

Каллен. Как же твой папа разрешает тебе одному охотиться?

Мальчик. Его здесь нет больше.

Каллен. С кем же ты живешь?

Мальчик. С матерью.

Мужчины переглядываются.

Джексон. Вы только двое живете?

Мальчик. Да, сэр... А почему вы скованы вместе? Вы ведете его в тюрьму?

Джексон (*мельком взглянув на Каллена*). Что-то вроде этого. У тебя небось куча приятелей, таких же ловких, как ты. Соседей.

Мальчик. Да нет же. Всего двое — мать и я. Мы работаем на ферме. Иногда по воскресеньям ходим в Камберленд позидаться с дядей Джорджем.

Обменявшись с Калленом многозначительным взглядом, Джексов предлагает.

Джексо н. Я лучше отведу тебя домой, малыш.

На ферме.

Двое мужчин и ребенок подходят к старому дому. Это типичная ферма в лесной глуши, с посережшими от ветра, лишенными красок, но еще добротными постройками. Одна из ступенек крыльца требует ремонта.

Дверь дома открывается. На Джексона смотрит хорошо сложенная, еще молодая женщина. Но возле рта и у глаз уже видна сеть морщинок.

Ее взгляд сразу замечает цепь на руке Джексона. Она видит стоящего сзади Каллена, ружье, которое тот держит, засохшую кровь на лбу мальчика. В ее глазах появляется испуг.

Женщина (резко). Что они с тобой сделали?

Мальчик (подбегая к ней). Ничего, ма, я упал!

Она прижимает к себе сына.

Белый покачивается от усталости.

Женщина. Что вам надо?

Джексо н. Не волнуйся, красавица. Мы хотим только поесть чего-нибудь.

Несколько мгновений она молча, как бы изучая, смотрит на Джексона, потом, отойдя в сторону, пропускает их в дом.

В доме.

Скромно обставленная комната — простые кровати, стол, стулья. В пристройке кухня. В комнате чисто и уютно. Всюду видна заботливая рука хозяйки.

Измученный Джексо н почти падает на стул. Каллен садится рядом. Заметив, что женщина собирается выйти из комнаты, Джексо н с подозрением смотрит на нее.

Джексо н. Ты куда?

Женщина. Вы же сказали, что хотите есть.

Джексо н. Ну, ладно...

Вместе с матерью хочет пойти и мальчик.

Джексо н. Нет, малыш, ты останешься здесь.

Женщина идет на кухню. Через минуту приносит тарелку каши и ставит ее перед Джексо ном. Он берет ложку, но не ест. Женщина все еще стоит у стола.

Джексо н. А ему?

Ответа нет.

Джексо н. Дай ему каши!

Женщина (сыну). Дай ему каши.

Мальчик нехотя подчиняется. Женщина наблюдает за Джексоном.

Джексон (с полным ртом). Эй, малыш, есть у вас большой молоко-ток и зубило?

Мальчик. Есть... в сарае.

Джексон. Пойди принеси их.

Вместе с мальчиком хочет пойти и мать.

Джексон. Ты останешься здесь!

Женщина останавливается.

Мальчик. Идти, ма?

Женщина. Иди.

Мальчик выходит из комнаты.

Джексон. Есть у тебя кофе?

Женщина. На плите.

Джексон. Ладно, погоди, пока он не придет.

Они пристально смотрят друг на друга. Взгляд женщины падает на железный браслет на руке Джексона. Она смотрит на цепь с таким выражением, словно только что ее заметила. Джексон машинально прячет руку под стол. Их глаза снова встречаются. Он бессознательно проводит рукой по волосам.

Женщина (тихо). Я принесу тебе кофе...

Медленно выходит из комнаты. Джексон почувствовал симпатию хозяйки. Удивленный, он провожает ее глазами... ловит на себе взгляд Каллена... отводит глаза в сторону... осматривается. Женщина возвращается, ставит на стол кофейник и посуду. Из буфета приносит миску с маисовыми лепешками.

Женщина. У меня есть немного маисовых лепешек... они холодные, но свежие... я пекла их утром.

Джексон. Спасибо.

Женщина (просто). Ешь на здоровье...

Оба смущенно молчат.

Женщина. Ты откуда?

Джексон не отвечает.

Женщина. Ты можешь сказать мне... Тебе нечего бояться меня... Все останется здесь.

Все еще не отвечая, Джексон смотрит на женщину. Чувствует, что Каллен наблюдает за ним. Смущенный, отводит глаза и снова осматривает комнату. Видит на стене картину.

Джексон (смущенно). Хорошая картина.

Женщина (с достоинством). Я сама ее сделала.

Джексон (удивленно). Ты?

Женщина. Это не так уж трудно... Их покупают в магазине вместе с красками. На картине есть номера... ну, я по ним и раскрашиваю. У них там всякие картины, какие только хочешь!

Д ж е к с о н. Они красивые!

Ж е н щ и н а. Я люблю красивые вещи.

Д ж е к с о н. А ту... ты раскрашивала тоже?

Ж е н щ и н а. Эту? (*Смущенно смеясь.*) Нет... Я вырезала ее из журнала.

Д ж е к с о н. А что там такое изображено?

Подойдя к картине, женщина вслух читает надпись.

Ж е н щ и н а (*неуверенно*). Там написано: «Сцена веселого пира в... Мерди Грэс, в Новом Орлеане».

Д ж е к с о н. Да? Я был в Мерди Грэс.

Ж е н щ и н а. Оно выглядит как здесь?

Д ж е к с о н. Я видел места и получше.

Ж е н щ и н а. Ты хочешь сказать, что это не так хорошо, как на картине?

Д ж е к с о н. Да нет... и это место ничего. Музыка, танцы... хорошенькие девочки.

Ж е н щ и н а. Я, наверно, кажусь тебе страшной. Пойду умоюсь.

Их взгляды опять на миг встречаются. Они отводят глаза в разные стороны. Смущенно молчат. Женщина наливает кофе. Каллен пристально смотрит на нее, но ее глаза устремлены на Джексона.

Ж е н щ и н а. Ты долго пробудешь здесь?

Д ж е к с о н. Нет.

Ж е н щ и н а. Они идут следом?

Джексон ниже склоняется над тарелкой. Молча ест Каллен..

Ж е н щ и н а (*нерешительно*). Там поезд...

Джексон быстро поднимает голову. Рука Каллена с ложкой застывает в воздухе.

Ж е н щ и н а. Он подходит к перевалу в час дня. Там есть удобное место, где можно вскочить на ходу. В гору он идет медленно.

Д ж е к с о н. Откуда ты знаешь такие подробности?

Ж е н щ и н а (*мягко*). Мой муж работал на этой линии.

Входит мальчик.

М а л ь ч и к. Вот молоток, а вот зубило.

Оба не сводят глаз с молотка и зубила.

Ж е н щ и н а. Хотите еще кофе?

Но мужчины одновременно отодвигают стулья и берутся за молоток и зубило.

К а л л е н (*лихорадочно*). Здесь.

Указывает на каменную плиту, вделанную в полу. На корточках присаживаются возле нее. Рядом Каллен кладет ружье.

Д ж е к с о н. Хватит тебе места, чтобы размахнуться?

К а л л е н. Знай держи зубило!

Положив закованную руку на камень, Джексон держит другой зубило. Три звонких удара... и железо спадает с его руки.

Каллен. Теперь меня!

Обмениваются инструментами. Джексон осторожно прицеливается. Удар — и цепь падает.

Устало ухмыляясь, Джексон смотрит на Каллена.

Каллен (*облизывая губы*). Ну, теперь мы освободились...

Неожиданно Джексон шатается, роняет молоток, глаза у него закрываются. Каллен подхватывает его и несет на кровать.

Женщина. Что с ним?

Каллен. Ослаб... Да и все это на него подействовало.

Увидев раненую руку, женщина вздрагивает.

Женщина. Джонни, набери воды в большой котел и поставь его на плиту.

Каллен (*не очень настойчиво*). Ты останешься здесь, малыш.

Женщина (*вспыхнув*). Делай, что я говорю!

Мальчик. Хорошо, ма.

Взяв ружье, Каллен устало садится за стол. Потирает свою воспаленную руку, качает головой, опущенной на ружейный ствол.

Каллен. О господи, как я устал.

Женщина все еще стоит возле Джексона. Она слышит ровное дыхание Каллена, догадывается, что он заснул. Смотрит на него, переводит глаза на Джексона. Ее взгляд задумчив.

Женщина (*хрипло, сыну*). Поторопись там с водой!

Ночь. Та же комната.

На кровати лежит Джексон. Его раненая рука аккуратно забинтована. Женщина кладет холодный компресс ему на лоб. Смотрит на него. В ее взгляде желание. Гладит ему грудь, руку... Слышит, что спящий Каллен зашевелился. Смущенная, отдергивает свою руку. Оглядывается. Сидя на стуле, спит Каллен, ... женщина, крадучись, подходит к нему... осторожно вынимает ружье из рук Каллена, быстро отходит.

Кладет ружье возле кровати... Снова склоняется над спящим. Джексон беспокойно мечется во сне. Смочив в тазу полотенце, женщина нежно вытирает его вспотевшее лицо. Прикладывает ко лбу ладонь, чтобы убедиться, нет ли у него жара. Жадно смотрит на его обнаженное тело... Пальцами касается щетинистых щек...

Неожиданно Джексон просыпается. Приподнявшись на локтях, дико озирается.

Джексон. Где он?..

По глазам видно, что он пришел в себя.

Женщина. Ш-ш-ш!..

Джексон глядит на ее лицо...

Джексон (*хрипло шепчет*). Где Каллен?

Женщина (*показывает кивком*). Этот?

Подняв голову, Джексон видит, что Каллен спит.

Джексон (*приподнимаясь на локти*). Долго я спал?

Женщина. Нет... всего пару часов.

Джексон (*помолчав, резко*). А где мальчишка?

Женщина. Там. (*Кивает в сторону ниши.*)

Джексон. Я лучше разбуджу Каллена.

Женщина. У тебя жар... Тебе нужно еще отдохнуть. До поезда еще долго.

Джексон. А сколько сейчас времени?

Женщина. Два часа.

Снова откидывается на подушку.

Джексон. Ты так и сидела всю ночь?

Женщина. Да.

Джексон. А почему не шла спать?

Женщина. Я наложила тебе свежую повязку на руку...

Опускает глаза. Джексон наблюдает за ней... он начинает понимать ее поведение, догадывается, о чем она думает.

Джексон. Хм...

Женщина. Что?

Джексон. Я вспомнил... о том, кто последний раз тоже сидел всю ночь у моей постели и ухаживал за мной.

Женщина (*наугад*). Твоя жена?

Джексон (*с юмором*). Нет. Это было тощее пугало с усами в грязной майке из тюремного госпиталя. Он дежурил. У него были красные глаза. Со мной тогда случился солнечный удар на дорожных работах (*Глядя на нее.*) Я не женат.

Женщина (*помолчав*). Как она выглядит?

Джексон. Кто выглядит?

Женщина. Тюрьма...

Джексон (*пожимая плечами*). А как ты ее себе представляешь?

Женщина. Она унылая, да?

Он не отвечает. Потом переводит разговор.

Джексон. Что с твоим мужем?

Женщина. Он ушел. Уже восемь месяцев прошло. А я здесь осталась.

Джексон. Да, одной тебе небось не весело.

Женщина. Похоже на тюрьму, да?

Джексон (*медленно*). Да, похоже.

Женщина (*возбужденно*). Неужели там так плохо?

Джексон. Конечно!

Женщина. Я не о том... а вот ты одинок... когда кругом пусто... и ты пытаешься заполнить эту пустоту слезами...

Джексон. Это не дело, если в ход идут только слезы. Ты конченный человек тогда...

Женщина (*безнадежно*). А что же делать?

Джексон (*помолчав*). Остаются еще мечты! Укрась жизнь мечтами. Женщина (*волнуясь*). Но ведь надо же что-то узнать... чтобы по-настоящему мечтать об этом...

Джексон. Зачем?

Женщина. Я родилась в двадцати милях отсюда. Я ничего больше не видела.

Джексон. Вовсе не обязательно все видеть. Главное—захотеть. И тогда в твоём воображении появятся картины.

Женщина. Какие картины?

Джексон. Разные. И разные люди... и разные места. И тогда будет и музыка, и огни, и серпантин... и ты будешь танцевать.

Женщина. Как в Мерди Грэс?

Джексон. Как в Мерди Грэс... А то ты поплывешь в лодке по таким местам, каких никогда не видела... Там будет белый песок пляжа, и горячее солнце, и высокие здания, сделанные из стекла... И будто кто-то ждет тебя. Нежный и влюбленный. И... красивый...

Он задумывается, вспоминая свои мечты, которым предавался в долгие годы лишений.

Женщина. Она... она красивая?

Джексон. Я лучше разбужу Каллена.

Хочет встать, но она кладет ему руку на грудь.

Женщина. Нет... Нет!.. Не сейчас. Сейчас не надо...

Джексон снова медленно опускается на кровать. Ее рука все еще у него на груди. Джексон смотрит на руку, потом заглядывает в ее глаза. Не мигая, она смотрит на него.

Женщина (*мягко*). Она милевиднее меня?..

Джексон. Это было так давно... Жизнь перепутала все мои мечты...

Женщина. Такая уж жизнь!

Убирает руку.

Джексон. Не уходи.

Женщина. Нет... не уйду!

Вынимает шпильки, встряхивает головой — и волосы каскадом падают вниз, закрывая их лица.

Джексон (*шепотом*). Не уходи.

Женщина. Я здесь... я здесь...

День. Та же комната.

Солнечный луч падает на спящее лицо Джексона. Он морщится... просыпается и сразу садится. Ему явно лучше. Повернувшись, видит Каллена и мальчика. Они еще спят. Женщина быстро подходит к Джексону. Прикладывает палец к губам.

Джексон (*шепчет*). Сколько времени?

Женщина (*шепчет*). Пять.

Джексо́н Я лучше пойду умоюсь.

Свешивает ноги с постели.

Же́нщина. Умывальник во дворе. Вот мыло.

Когда он берет мыло, их руки соприкасаются.

Же́нщина. Как ты себя чувствуешь?

Джексо́н (*мягко*). Прекрасно.

Же́нщина. Сейчас принесу тебе полотенце.

На цыпочках он направляется к двери. Замечает ружье. Берет его...

Выходит.

С полотенцем в руках в комнату возвращается женщина. Подходит к шкафу... задумчиво что-то ищет в ящике. Вынимает мужскую сорочку. Рассматривает ее. Выходит, осторожно прикрыв за собой дверь.

День. Двор фермы.

Обнаженный по пояс Джексо́н с наслаждением умывается. Капли воды, которые он разбрызгивает вокруг себя, блестят в лучах утреннего солнца. Женщина смотрит на его белое тело, на крепкие мускулы.

Джексо́н. Ух!

Видит женщину. Она протягивает ему полотенце. Ее глаза полны грусти и теплоты. Джексо́н берет полотенце и начинает энергично растираться.

Джексо́н. Хорошо!

Же́нщина. Пойду приготовлю тебе завтрак.

Протягивает ему сорочку.

Джексо́н (*с любопытством*). Это мужнина?

Же́нщина. Тебе будет впору.

Оглядев все вокруг, Джексо́н глубоко вдыхает свежий утренний воздух.

Джексо́н. Ты, кажется, хорошая женщина. Он, наверное, был сумасшедший, что оставил все это.

Же́нщина. Здесь земля плохая... Ей нужны мужские руки.

Джексо́н. В один прекрасный день он вернется.

Же́нщина. Тогда я не останусь здесь.

Джексо́н. Что ж ты думаешь делать?

Же́нщина (*вызывающе*). А ты?

Она вплотную подходит к нему.

Джексо́н. Я, милая, далеко иду... в Рио.

Направляется в дом. Она хватает его за руку.

Же́нщина. Подожди!

Джексо́н. У меня нет времени...

Же́нщина. Я тебе не нравлюсь?

Джексо́н (*серьезно*). Нет... ты мне нравишься... Ты мне очень нравишься.

Же́нщина. Тогда возьми меня с собой!

Джексон. Эх, милая, мне на хвост наступил закон. И я, напуганный, от него удираю.

Женщина. Возьми и меня с собой!

Джексон. Лишний груз себе на спину?

Женщина. Нет! У меня есть машина...

Настроение Джексона меняется. Он явно заинтересован.

Джексон. Машина?!

Женщина. В сарае... Там сзади... Она сломана... не заводится...

Не дослушав ее, Джексон идет к сараю.

В сарае стоит старый довоенный «Плимут».

К машине торопливо подходит Джексон... Уверенным движением он открывает капот.

В сарай входит женщина.

Джексон (*склонившись над мотором*). Садись!.. Садись и попробуй!

Женщина (*не понимая*). Что?

Джексон (*нетерпеливо*). Попробуй... попробуй завести его...

Взволнованная женщина садится за руль, нажимает на стартер. Мотор по-прежнему молчит.

Джексон. Сколько времени он вот так стоит?

Женщина. Уже три недели.

Джексон. Зажигание... Есть заводная ручка?

Не дожидаясь ответа, Джексон бросается к багажнику, лихорадочно выбрасывает все оттуда, пока не находит заводной ключ... Встав перед радиатором, пытается завести машину ключом. Никак не может... Морщится от боли... Снова хватается за ручку... Наконец мотор заводится. Джексон обходит машину, осматривая ее. Женщина выходит из кабины. Встает перед Джексоном.

Джексон (*восторженно улыбаясь*). В машине барахлит распределитель.

Женщина (*требовательно*). Поедем... Сейчас же!..

Джексон. Постой...

Женщина. Ты же сказал, что у тебя нет времени?!

Джексон. Я должен разбудить Каллена.

Женщина. Нет!

Джексон в недоумении смотрит на нее.

Женщина. Мы не можем взять его с собой!

Джексон. Почему?

Женщина. Они сразу же узнают вас.

Джексон. Все равно везде они опознают нас.

Женщина. Нет... они будут искать двух мужчин... А мы будем путешествовать как муж и жена.

Джексон (смешавшись). А как же Каллен?

Женщина. Ты ему ничем не повредишь... Какая разница... будут ли они следить за одним из вас или за обоими сразу?..

Джексон (быстро). А мальчишка... как насчет ребенка?

Женщина. Мы оставим его в Камберленде у моего брата и поведем на юг.

Джексон. Я подумаю.

Обняв его, она прижимается к нему.

Женщина (страстно). Не надо ни о чем думать, кроме нас... двоих... Прошу тебя... Прошу!..

Он порывисто обнимает и целует ее. В сарай входит Каллен. С виноватым видом они отходят друг от друга. Джексон включает мотор. Каллен криво усмехается.

Каллен. Хорошая рубашка!

Джексон. Мы отправляемся на юг.

Каллен пристально смотрит на Джексона, переводит взгляд на женщину. Начинает понимать происходящее.

Каллен. Кто это мы?!

Джексон. Я и она.

Каллен. На этом драндулете?

Показывает на машину.

Джексон. Мотор работает...

Каллен. Но они же следят за дорогами.

Джексон (раздражаясь). Они будут искать там, куда их поведут собаки...

Каллен. А для собак приманкой буду я?

Джексон. Вместе мы еще бóльшая приманка... Приходи и голыми руками бери нас.

Не понимая, почему Джексон оправдывается, женщина вмешивается в разговор.

Женщина. Он слишком слаб, чтобы путешествовать пешком.

Джексон (Каллену). Тебе еще подвернется случай... может быть, даже лучше этого.

Каллен. Вы уже все решили...

Все молчат... Говорить больше не о чем...

Женщина. Пойду приготовлю вам поесть.

Быстро уходит. Каллен, не взглянув даже на Джексона, идет прямоком к дому. Джексон направляется вслед за ним.

Приближаются к дому.

Джексон. Эй, Каллен...

Пытается что-то сказать... и не может. Некоторое время Каллен молчит... Наконец до него доходит бормотание Джексона. Неохотно отгоняя от себя неприятные мысли, он отзывается.

Каллен. Что тебе?..

В доме.

Женщина делает бутерброды. Рядом с ней мальчик.

Женщина (сыну). Иди умойся.

Входят Каллен и Джексон. Женщина обращается к ним:

— Я сделала вам бутерброды... Вон там кофе.

Каллен (берет кофе). Далеко отсюда до железной дороги?

Женщина. Двенадцать миль... если идти через холмы...

Каллен. Что значит «если идти через холмы»?.. Разве есть другая дорога?

Женщина (помедлив, небрежно). Да... Можно идти напрямик... через болото... так ближе.

Каллен. Мне не хотелось бы идти через болото.

Женщина. Там есть тропка... Ты сэкономишь пару часов... да и собакам труднее будет тебя догнать. Засветло здесь нетрудно идти.

Каллен. А как мне найти тропу?

Женщина. Иди вон по той тропинке вниз, прямо к болоту. Приблизительно через час пути она обрывается, но там не топко... Потом увидишь налево, в стороне, большой кипарис. Ну и иди прямо на него.

Каллен. А дальше?

Женщина. Если доберешься до кипариса, нечего беспокоиться!.. Тогда иди прямо на запад и попадешь к железной дороге... Мимо нее не пройдешь.

Каллен возвращает ей пустую кружку, берет у нее пакет с бутербродами.

Каллен. Спасибо за еду.

Резко поворачивается и направляется к двери.

Джексон. Каллен!

Каллен. (останавливаясь). Ну?

Джексон. Всего хорошего!

Каллен. Ладно... Всего хорошего, Шутник...

Выходит. За ним выходит Джексон и смотрит вслед, пока негр не исчезает из виду.

Женщина начинает собирать вещи. Джексон подходит к камину. Ставит ружье. Заметив на полу платок, который Каллен носил на шее, поднимает его. Словно оцепенев, рассматривает... Он чувствует себя виноватым перед негром... Подходит женщина и забирает платок у него из рук.

Женщина. Я сожгу его.

Неожиданно Джексон страстно обнимает женщину. Его охватило желание... Он хочет забыться...

Женщина. Только не сейчас. Прошу тебя... Сын может войти. (Отталкивает его.) Не будь сумасшедшим, милый... у нас впереди много времени.

Входит мальчик. Он все видел. Женщина быстро отходит в сторону. Продолжая укладывать вещи, мать обращается к мальчику.

Женщина. Мы уезжаем, милый, в Камберленд.

Мальчик. Сейчас?

Женщина. Сейчас. Будь послушным. Пойди сними во дворе белес веревки. Только поскорее.

Мальчик. В Камберленд!.. С ним?

Женщина. Да. Он ведь тебе нравится?

Мальчик. Конечно... Он хороший!

Джексон (женщине). Лучше скажи ему все.

Женщина. В дороге. Он смысленный парень. (Сыну.) Иди.

Мальчик уходит. Джексон поднимает с пола цепь, которой он был скован с Калленом.

Джексон (тревожно). Что будет, если они поймают его?

Женщина. Не бойся... они не поймают его.

Джексон. Почему ты так в этом уверена?..

Женщина. Говорю тебе — не бойся... Сам ты не выдашь себя...

Ну, а он... тоже не сможет этого сделать...

Джексон. О чем ты говоришь?

Женщина. Он никогда не выйдет из болота...

Джексон. Ты правильно ему указала дорогу?

Женщина. Там нет никакой дороги. Там сплошная трясина и топкое дно.

Джексон (потрясенный). Зачем ты сделала это?

Прервав свои лихорадочные сборы, она недоумевающе смотрит на него.

Женщина. Ведь если они его поймают, он может рассказать им про тебя.

Джексон (в бешенстве). Что он рассказал бы им? Что?

В ярости бьет цепью по столу.

Джексон. Почему он должен что-то сказать им?

Женщина (испуганно.) А так они не будут больше искать вас. И у нас было бы время...

Джексон. Время для чего?!

Окончательно смешавшись, женщина понимает, что теряет его.

Женщина. Время, чтобы добраться до города... до большого города... достаточно большого, чтобы они никогда не могли найти тебя...

Тянется к нему, но он отворачивается от нее.

Женщина (в отчаянии). У меня есть четыреста долларов, я сберегла из страховых денег... Мы могли бы хорошо пожить! Каждый день есть в ресторанах... Ходить в театр... Ты можешь начать новую жизнь... А потом, если нам нужны будут деньги... мы продадим ферму.

Входит мальчик. Берет цепь.

Мальчик. Что делать с ней?

Джексон (ожесточенно). Ты такой же смысленный, как твоя мать... Ты все можешь придумать.

Женщина (быстро). Брось в колодец.

Джексон. Разумеется. Как ты спровадила Каллена в болото.

Женщина. Что тебе дался черномазый? Я сделала это для тебя!

Джексон. Для меня ты ничего не сделала!

Женщина. Ради нас!.. Ради нас обоих!

Джексон. Ты даже не знаешь моего имени!

Женщина. Мне все равно, как тебя звали они.

Джексон (решительно.) Джонни! Мое имя — Джонни. Зови меня Джонни.

Женщина. Джонни!.. Джонни!.. Я люблю тебя, Джонни.

Джексон (грубо). Ты не любишь меня. Ты даже не знаешь меня.

Женщина. Джонни! Перестань!.. У нас же нет времени. Ты сам говорил, что они идут следом.

Джексон (почти злобно). Ты ничего не знаешь обо мне.

С силой отталкивает стул и идет к двери. Женщина следует за ним.

Женщина. Что случилось? Что я сказала плохого? Куда ты идешь?

Джексон. Уходи прочь!

Но она цепляется за него. Вошедший мальчик смотрит на них широко раскрытыми глазами.

Женщина. Джонни... Джонни, послушай... Не бросай меня... Всю свою жизнь я ждала этого часа... уйти от этой чертовой земли... от этого одиночества. Муж бывал дома всего два дня в неделю... И как-то не пришел совсем. Я не виню его.. Но я тоже не хочу больше здесь оставаться... Хочу идти с тобой... Я хочу уйти отсюда, можешь это понять, можешь?

Джексон. Пусти меня!

Он пытается освободиться от уцепившейся за него женщины. Мальчик берет ружье.

Наконец Джексон отталкивает женщину. Она падает. Мальчик стреляет в Джексона. Тот шатается... Мальчик целится в него второй раз, но женщина толкает ствол вверх. Сын смотрит на нее в замешательстве..

День. Болото.

Напрямик через болото, не обращая внимания на колючий кустарник, с трудом одолевая каждый метр, бежит Джексон. Временами останавливается, чтобы восстановить дыхание... Кричит. Его голос то и дело прерывается от усталости.

Джексон. Каллен!.. Каллен!.. Каллен!..

И снова бросается вперед... Кровь сочится через рубашку. Он шатается, почти падает. Зовет. Остановившись, слушает... яростно ругается.

Джексон. Калле-е-н!.. Будь ты проклят, Каллен!..

...Встревоженный Каллен прячется в кустарнике. Голос Джексона приближается. Вот уже раздается совсем недалеко.

Голос Джексона. Каллен!.. Каллен!..

Молчание. Затем следует почти вопль.

Голос Джексона. Каллен!

Взяв палку для защиты, Каллен вытирает пот... Он не знает, как быть...

...Шатаясь, Джексон идет через болото. Оступается, падает, поднимается и, спотыкаясь, снова бредет через заросли кустарника, еле волоча ноги.

По-прежнему прячется в кустарнике Каллен. Пот градом течет с него... Видит Джексона, который, спотыкаясь, медленно приближается к нему.

Джексон. Каллен! Черт возьми, где ты?

Выйдя из своего укрытия, Каллен идет навстречу Джексону.

Каллен. Что тебе надо?

Джексон (с облегчением). Каллен!.. Где ты прятался, Каллен?.. Я так бежал!

Опускается на землю.

Каллен. Ты один?

Молча Джексон кивает.

Каллен. Они догнали вас?

Все так же молча Джексон отрицательно качает головой.

Каллен. Зачем же ты пришел сюда?.. Что тебе от меня надо?

Джексон. Она неверно тебе сказала. Здесь нет никакой дороги.

Каллен. Зачем она это сделала?

Джексон. На тот случай, чтобы ты не выдал, если тебя поймут.

Каллен. А что с твоим плечом?

Джексон. Мальчишка в меня стрелял.

Каллен внимательно осматривает рану. Рана серьезна.

Каллен. Нам повезло... мы попали на твердую землю и быстро прошли эту дорогу.

Джексон (все еще сидя). Но я не могу идти дальше.

Каллен (непреклонно). Надо идти. Пойдем!..

Не двигаясь, Джексон смотрит на него. Каллен поднимает его за руку.

Каллен (резко). Пойдем, парень... Ведь мы скованы одной цепью.

Поднявшись, Джексон идет за Калленом.

Дом на ферме.

Из-за ближайших деревьев появляется отряд преследователей. Впереди бегут собаки.

У двери дома стоят женщина и ее сын. Во дворе сразу стало тесно. Солли возится с собаками. Из дому выходит человек. Подходит к шерифу. Здесь же редактор и капитан. Они разговаривают с женщиной. Мюллер выглядит постаревшим. Его глаза покраснели, он все время задумывается. Капитан, напротив, все так же подтянут, чисто выбрит. Он ведет допрос вместо шерифа, лишь по временам взглядом спрашивает его одобрения.

Капитан (бодро). Взяли они какое-либо оружие? Ружья, ножи?

Женщина. Нет.

Капитан. Отлично!.. Может быть, они что-нибудь говорили? Куда пойдут?

Женщина. Я не слышала.

Мужчина. Здесь их нет. Все ясно.

Капитан (мальчику). Ты должен был слышать что-нибудь, сынок. О чем они говорили?

Малыш смотрит на мать. Молчит.

Капитан. Они поели, а что еще они делали? Они же должны были взять что-нибудь с собой?

Женщина. Ничего такого, за что можно посадить в тюрьму.

Бросив взгляд на шерифа, капитан видит, что его лицо по-прежнему ничего не выражает. Капитан снова обращается к женщине.

Капитан. Вы так говорите, словно не хотите помочь нам...

Редактор смотрит на Мюллера.

Мюллер (вяло). Не стоит терять время здесь. Спасибо, мэм.

Недовольный капитан прекращает допрос. Все направляются за Солли.

В кадре крупно— лицо женщины, полное горечи. Она прижимает к себе сына.

День. Дикая местность.

Каллен почти несет Джексона. Оба изнемогают от усталости и нервного напряжения.

Джексон. Не выйдет... Не выйдет...

Каллен. Нет, выйдет!

Джексон. Далеко еще?..

Каллен. Теперь уж близко...

Джексон. Почему она так сделала?

Каллен. Хотела помочь тебе...

Джексон. Да... называется, помогла...

Каллен. Нельзя обвинять людей за то, что они не знают, что делают...

Д ж е к с о н. А я обвиняю еe!
Идти все труднее. Они часто оступаются...

День. Прерии.

Отряд идет за собаками, которые упорно рвутся к болоту. Пока Солли заставляет собак пойти вдоль болота, все останавливаются. Собаки нетерпеливо лают, идут по следу.

С о л л и (з о в е т). Здесь они пошли напрямик.

Стараясь перекричать лай собак, капитан делится с Мюллером своими наблюдениями.

К а п и т а н. Судя по лаю, они напали на свежий след, Макс. (К р и ч и т.) Солли, спускай доберманов!

С о л л и (к р и ч и т). Вильсон!

Шериф поворачивается, чтобы посмотреть на доберманов, которых ведет Вильсон. В молчаливом нетерпении этих псов чувствуется угроза...

Редактор смотрит то на собак, то на шерифа. Почувствовав на себе чей-то взгляд, шериф поднимает глаза на редактора... Оба смотрят на кровожадных псов, которых Вильсон держит на коротком поводке.

Шериф отводит взгляд от собак. Он похож на человека, только что очнувшегося от сна.

М ю л л е р. Подождите.

К а п и т а н. Что случилось?

М ю л л е р. Те собаки...

К а п и т а н. Что «те собаки»?

М ю л л е р. Собаки больше не нужны...

К а п и т а н (р а з д р а ж а я с я). Не стоит возвращаться к старому, Макс.

М ю л л е р. Никаких собак!

М о л ч а н и е... Лицо капитана становится злым.

К а п и т а н. Границу округа мы перешли сегодня утром, Макс... Эта область вам не подведомственна... И я не хочу поднимать старый спор.

Жестом капитан приказывает Вильсону действовать. Подходит Солли, чтобы снять намордники с доберманов.

М ю л л е р (р е з к о, к С о л л и). Подождите, Солли!

К а п и т а н (н е т е р п е л и в о). Мы зря теряем время, Макс.

М ю л л е р (з л о). Мы должны поймать их, а не убивать!

К а п и т а н. Они — опасные преступники... и они бежали. Они и так уже стоят штату кучу денег.

С о л л и. Но ведь нельзя спускать одних ищеек...

К а п и т а н. Когда мне нужно будет, я спрошу твое мнение, Солли. Макс, мы заняты этой охотой уже четыре дня, а все еще находимся не меньше, чем в десяти милях от границы нашего штата. Если они перейдут ее раньше, чем собаки настигнут их, эту работу за нас никто не доделает... Вы что хотите, чтоб мы выглядели стадом дураков?

Мрачно улыбаясь, шериф обменивается многозначительным взглядом с редактором.

М ю л л е р (тихо). Никаких кровожадных псов, Фрэнк.

Капитан. Это обычная история, Макс! Обычная!.. Мне все равно, останутся они живы или умрут. И они это прекрасно знали, когда бежали. Я отдаю приказ. Вперед, Солли!

Солли снимает с собак намордники. Предчувствуя свободу, псы волнуются, пускают слюну. Солли собирается спустить их с поводков.

Мюллер смотрит на собак. На его лице мелькает отвращение. Подняв пистолет, он направляет его на доbermanов.

М ю л л е р. Если ты сделаешь хоть одно движение, Солли, я расстреляю их.

Капитан. Ради бога, Макс!

М ю л л е р (твердо). Вы будете слушать меня?

Капитан (помолчав, раздраженно). Не надо, Солли.

М ю л л е р. Дальше я пойду один. Дайте мне пару ищеек. Если что-нибудь случится, вы можете спустить других собак.

Капитан (нерешительно). Мне это не нравится.

М ю л л е р. Ну, а это уже ваше дело!

Прячет пистолет и уходит. Ошеломленный капитан поворачивается к редактору.

Капитан. Какая муха его укусила?

Редактор (с легкой иронической улыбкой). По-моему, никакая.

Дикие заросли.

Спотыкаясь, пробираются через кустарник Каллен и Джексон... Останавливаются, чтобы отдышаться... Слышится далекий гудок локомотива... Обменявшись испуганным взглядом, они еще больше спешат...

На перевал поднимается поезд...

Из последних сил бегут двое к поезду...

Бегут... Вдруг Каллен оступается... падает. Джексон хватается за руку, и они продолжают бежать...

Поезд приближается... Вот уже виден локомотив... вагоны...

Двое бегут... Джексон немного позади...

Гудит поезд... Стучат колеса вагонов...

Когда двое беглецов выходят к железнодорожному полотну, поезд идет уже почти рядом с ними. Но им еще нужно подняться на насыпь. С трудом они лезут вверх.

Локомотив поравнялся с ними... Проходит...

Двое взбираются по насыпи... Каллен протягивает руку... Тащит Джексона вверх...

Стуча по рельсам, бегут вагоны...

Каллен торопит Джексона... Наконец они одолели высокую насыпь... Идет поезд... Набирает скорость...

Теперь двое бегут рядом с вагонами... Каллен оглядывается назад... Джексон снова отстал... Вот уже последний вагон поравнялся с ними. На лице Каллена отчаяние.

Поезд идет слишком быстро для них... Джексон не может больше бежать...

Каллен протягивает руку и ловит протянутую к нему руку Джексона. Джексону кажется, будто он бежит так быстро, что вот-вот упадет...

Подпрыгнув, Каллену удается схватить одной рукой поручень вагона. Другой он крепко держит руку Джексона.

Какое-то время они бегут рядом с поездом.

Лицо Каллена искажается от боли. Рука скользит по поручню. Джексон спотыкается... Он уже волочится по земле...

Рука Каллена разжимается... Оторвавшись от поезда, оба катятся под откос.

Поезд удаляется... Наступает глубокая тишина.

Весь в синяках и ссадинах, морщась от боли, Каллен приподнимается... осматривается... Подползает к Джексону, который, раскинувшись, лежит неподалеку от него.

Каллен. Как ты, Джокер?

Джексон (*шепчет*). Ничего.

Каллен. Сильно ушибся?

Джексон. Я хорошо себя чувствую...

Каллен. Конечно...

Относит его в тень.

Джексон. Ты ухаживаешь за мной, словно добрая старая нянька.

Каллен. А разве это не так?

Издали доносится лай собак. Джексон с тревогой смотрит на Каллена.

Джексон. Собаки?

Каллен. Лежи спокойно...

Джексон. Каллен...

Каллен. Да...

Джексон. Эту погоню мы превратили в ад для них!..

Каллен (*мягко*). Конечно, превратили.

Усевшись рядом, Каллен кладет голову Джексона к себе на колени, устраивает его поудобнее на каменистой земле.

Лай собак становится громче.

Джексон. Каллен.

Каллен. А?

Джексон (тихо). Помнишь ту песню, которую ты пел в грузовике?..

Каллен. Да.

Джексон. Кажется, прошло столько времени с тех пор!.. (Тихо смеется.) Чарли Потейтос!.. Я сейчас просто картофельное пюре...¹

Каллен. Ты молодец!.. (Качает головой, усмехается.) «Шел он далеко, шел без удачи»...

Не переставая петь, Каллен обнимает белого...

...Шериф идет к насыпи один. Он видит, как белого обнимает негр, слышит его незатейливую песню... Шериф идет все медленнее... останавливается... Собаки останавливаются тоже. Перестают лаять.

Но Каллен и Джексон даже не смотрят в сторону болота, откуда приближается отряд. Не видят они и шерифа, который стоит совсем близко от них. Каллен поет...

Шел он далеко,
Шел без удачи...
Шел он далеко,
Шел он в Кентакки...

Все замерли, словно зачарованные этой песней, — и отряд, и шериф, и собаки, и высокая трава у края болота.

А Каллен, покачивая на руках белого, продолжает петь свою бесконечную песню...

...Лугом зеленым
Шел Сэм далеко,
Шел без удачи...

¹ Здесь игра слов: «потейто» для американцев означает и картофель и деньги.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ОСВЕДОМИТЕЛЬ

Производство — «РКО», выпуск — май 1935 года, США.

Автор сценария — Дадли Николс. Режиссер — Джон Форд. Оператор — Джозеф Август. Художники — Вейн Нест Польгаль, Шарль Кирк, Жюли Херон. Музыка — Макса Стейнера, Рихарда Хагемана.

В главных ролях:

Джайпо Нолен — Мак Лаглен, Мэри Мак Филипп — Хитчер Эндел, Дан Галлахер — Престон Фостер, Кэт Медден — Маргет Грэхем, Фрэнк Мак Филипп — Уоллес Форд, миссис Мак Филипп — Уна О'Коннор, Терри — Джозеф Керриген, Барлан Мульхолленд — Джозеф Соьер, Том Коннор — Нейл Фитэдджеральд, Пат Муллиген — Доланд Мик, тетушка Бетти — Мей Болен.

КАК ЗЕЛЕНА БЫЛА МОЯ ДОЛИНА

Производство — «20-й век — Фокс», выпуск — октябрь 1941 года, США.

Автор сценария — Филипп Дани. Режиссер — Джон Форд. Оператор — Артур Миллер. Художники — Рихард Дэй, Томас Литль. Композитор — Альфред Ньюмен.

Сценарий написан по одноименному роману Ричарда Левеллина.

В главных ролях:

Мистер Граффид — Уолтер Пиджон, Энгарад — Моурин О'Хара, мистер Морган — Дональд Криэн, Бронуэн — Анна Ли, Хью — Радди Мак Доуэлл, Ианто — Джон Лодер, Бетс Морган — Сара Олагуд, Сифарга — Бэрри Фитэдджеральд, Айвор — Патрик Ноуэлс, миссис Николас — Этель Гриффитс.

ГРАЖДАНИН КЕЙН

Производство — «РКО», выпуск — 1941 года, США.

Авторы сценария — Орсон Уэллес, Герман Манкневич. Режиссер — Орсон Уэллес. Оператор — Грег Толанд.

В главных ролях:

Чарлз Фостер Кейн — Орсон Уэллес, Джек Лилэнд — Джозеф Коттен, Сьюзен Александер — Дороти Комингор, Уолтер Тэтчер — Эверетт Слоан, Мэри Кейн — Агнес Морхед.

В эпизодах снимались также Рей Коллинс, Поль Стюарт, Эрскин Санфорт, Джордж Кутурис.

ВСЕ, ЧТО МОЖНО КУПИТЬ ЗА ДЕНЬГИ

Производство — «РКО», выпуск — 1943 года, США.

Авторы сценария — Ден Тотерон, Стефен Винсен Беннет. Режиссер — Вильям Дитерле. Оператор — Джозеф Август.

Сценарий написан по роману С. В. Беннета «Дьявол и Даниэль Вебстер».

В главных ролях:

Даниэль Вебстер — Эдвард Арнольд, мистер Скратч, Дьявол — Уолтер Хастон, машина Стоун — Жан Дарвелл, Белла — Симоне Симон, Слоссэм Люси — Джен Локкхарт, Майзер Стивенс — Джон Квален, судья Хаусорн — Х. Б. Уорнер, шериф — Фрэнк Конлэн, Даниэль Стоун — Линди Уейд, Си Биббер — Джордж Клевелэнд, Мэри Стоун — Энн Ширлей, Джабез Стоун — Джемс Грей.

ДВЕНАДЦАТЬ РАССЕРЖЕННЫХ МУЖЧИН

Производство — «Орион — Нови», выпуск — апрель 1958 года, США.

Автор сценария — Реджинальд Роуз. Режиссер — Сидней Льюнетт. Оператор — Борис Кауфман. Второй режиссер — Джордж Юстин.

Сценарий написан по одноименной пьесе Реджинальда Роуза.

В главных ролях:

Восьмой заседатель — Генри Фонда, Третий заседатель — Ли Кобб, Десятый заседатель — Эд Беглей, Четвертый заседатель — Е. Дж. Маршалл, Седьмой заседатель — Джэк Уарден, Председательствующий — Мартин Балзам, Второй заседатель — Джон Фидлер, Пятый заседатель — Джэк Клугмэн, Шестой заседатель — Эдвард Биннс, Девятый заседатель — Джозеф Свини, Одиннадцатый заседатель — Джордж Воскови, Двенадцатый заседатель — Роберт Веббер, судья — Руди Бонд, сторож суда — Билл Нельсон.

ЛИЦО В ТОЛПЕ

Производство — «Братья Уорнер», выпуск — июнь 1957 года, США.

Автор сценария — Бадд Шульберг. Режиссер — Элиа Казан. Операторы — Гарри Стрэдлинг, Гейн Решер. Композитор — Том Глезер.

В главных ролях:

Лоунсом Родс — Энди Гриффит, Марция Джеффрис — Патриция Нел, Джой де Пальма — Энтони Франсуаза, Мел Миллер — Уолтер Меттау, Бетти Лу Флекум — Ли Ремайк, генерал Хейнсворт — Перси Уорм, Бини — Род Брансфилд, мистер Лафлер — Чарлз Ирвинг, Дж. Б. Джеффрис — Говард Смит, Мейси — Поль Макрат, первая миссис Родс — Кей Медфорд, Джим Колльер — Александр Киркленд, сенатор Фуллер — Мерила Нилен, шериф Хосмер — Биг Джефф Бесс, Эб Стейнер — Генри Шарп.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

Производство — «20-й век — Фокс», цветной, выпуск — декабрь 1958 года, США.

Автор сценария — Бен Хект. Режиссер — Чарлз Видор. Операторы — Пьетро Парталуни, Освальд Маррис. Композитор — Марио Насеймбен.

Сценарий написан по одноименному роману известного писателя Э. Хемингуэя.

В главных ролях:

Лейтенант Фредерик Генри — Рок Гудсон, сестра Кэтрин Баркли — Женнфер Жонс, майор Алессандро Ринальди — Витторио Де Сика, отец Гали — Альберто Сорди, Бонелло — Курт Казунар, мисс Ван Кампен — Мерседес Мак Кэмбридж, д-р Эмерих — Оскар Хомолка, Элен Фергюсон — Элен Стритч, Пассини — Леопольдо Триесте, Аймо — Франки Интерленги, майор Стампи — Хозе Нието, капитан Басси — Джордж Бреат.

СКОВАННЫЕ ЦЕПЬЮ

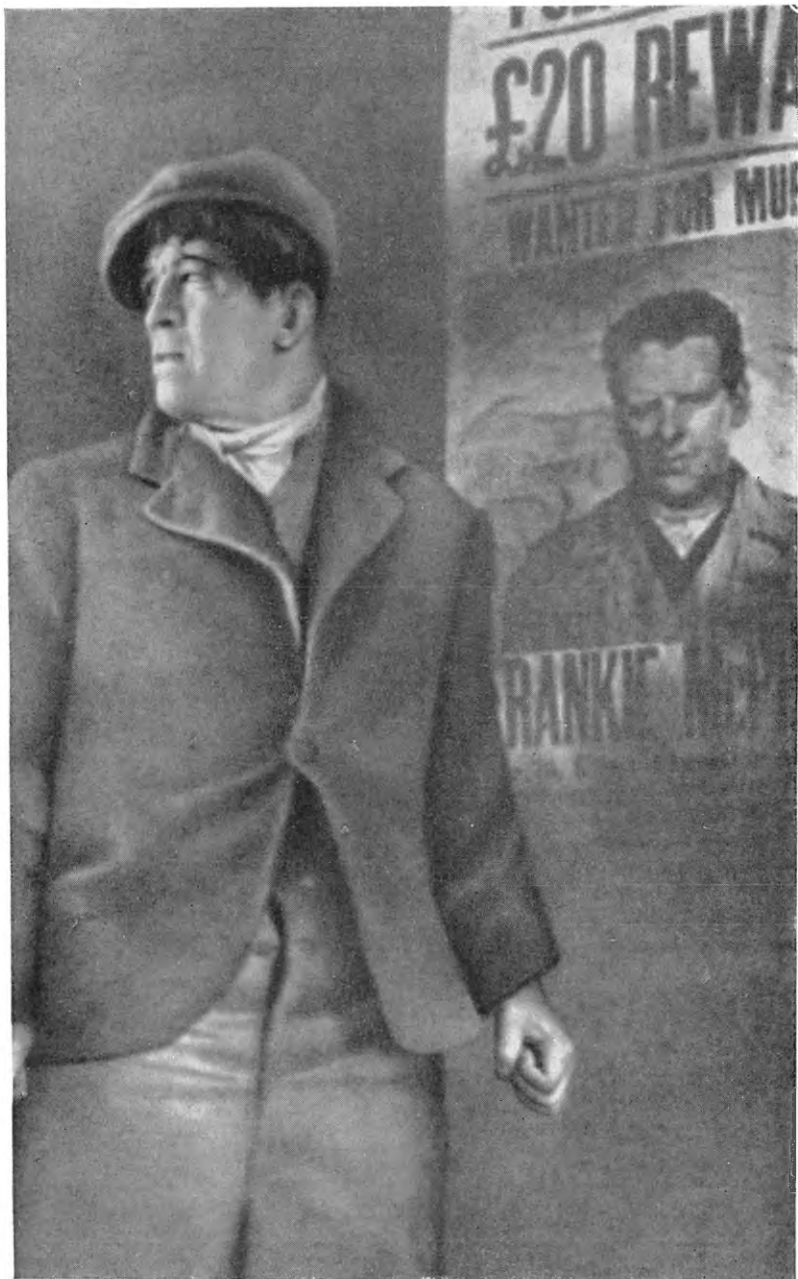
Производство — «Юнайтед артист», выпуск — август 1958 года, США.

Авторы сценария — Натан Е. Дуглас, Гарольд Джекоб Смит. Режиссер — Стенли Крамер. Композитор — Эрнест Голд. Текст песен — В. Хенди, Чрис Смит.

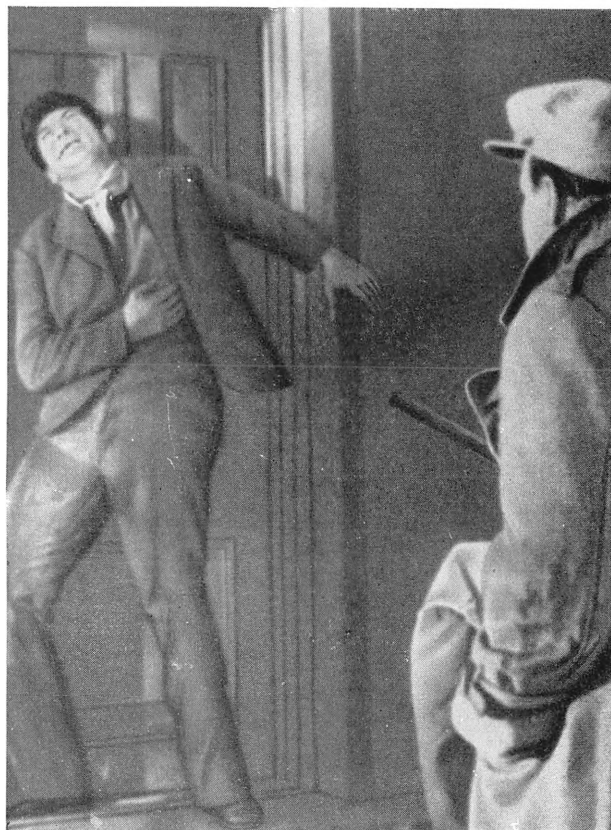
В главных ролях:

Джо, Шутник, Джексон — Тони Кёртис, Нох Каллен — Сидни Пойтер, шериф Макс Мюллер — Теодор Байкел, капитан Фрэнк Гиббонс — Чарлз Мак Гроу, Большой Сэм — Лон Чани, Солли — Кинг Донован, Мэк — Клод Акнис, редактор — Лоренс Добкни, мальчик — Кивин Коулин, женщина — Кара Уильямс.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМОВ

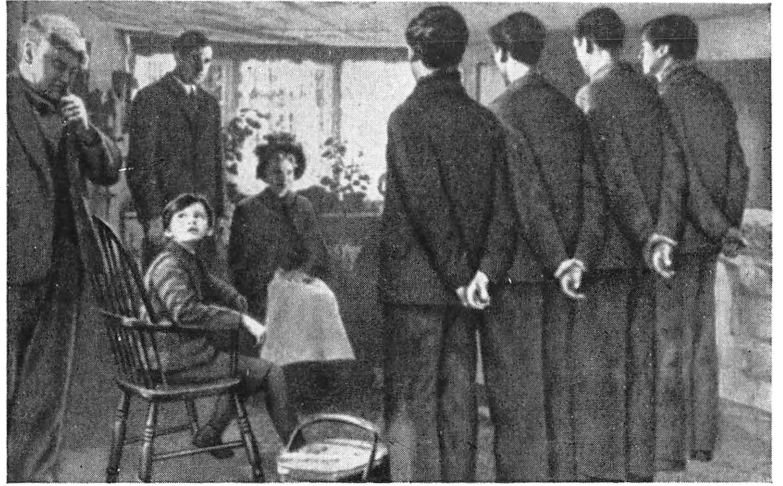
«ОСВЕДОМИТЕЛЬ»

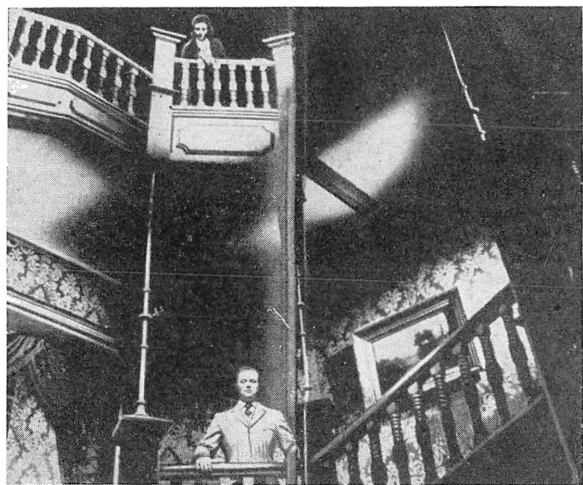

«ОСВЕДОМИТЕЛЬ»

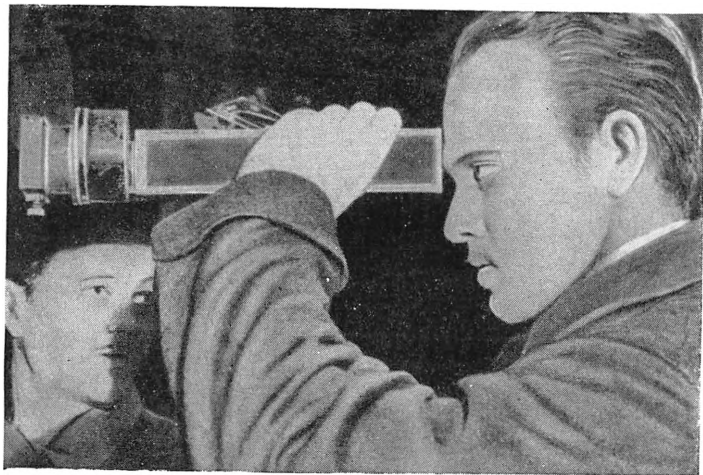

«КАК ЗЕЛЕНА БЫЛА МОЯ ДОЛИНА»

«ГРАЖДАНИН КЕЙН»

**«ДВЕНАДЦАТЬ
РАССЕРЖЕННЫХ
МУЖЧИН»**

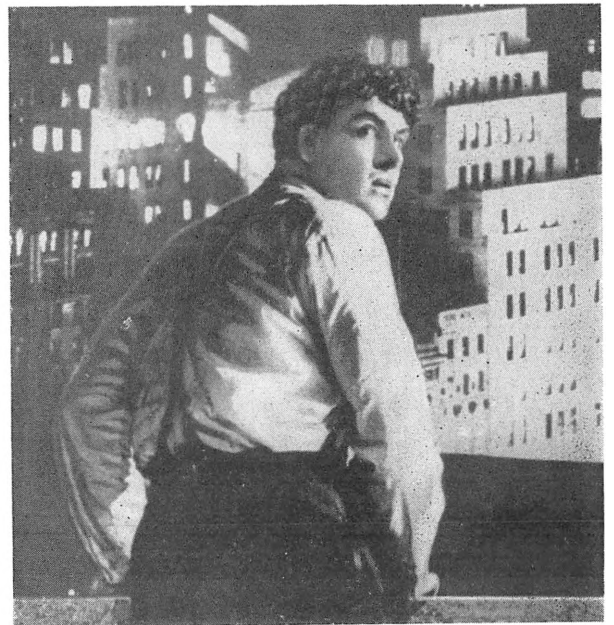

«ЛИЦО В ТОЛПЕ»

«ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!»

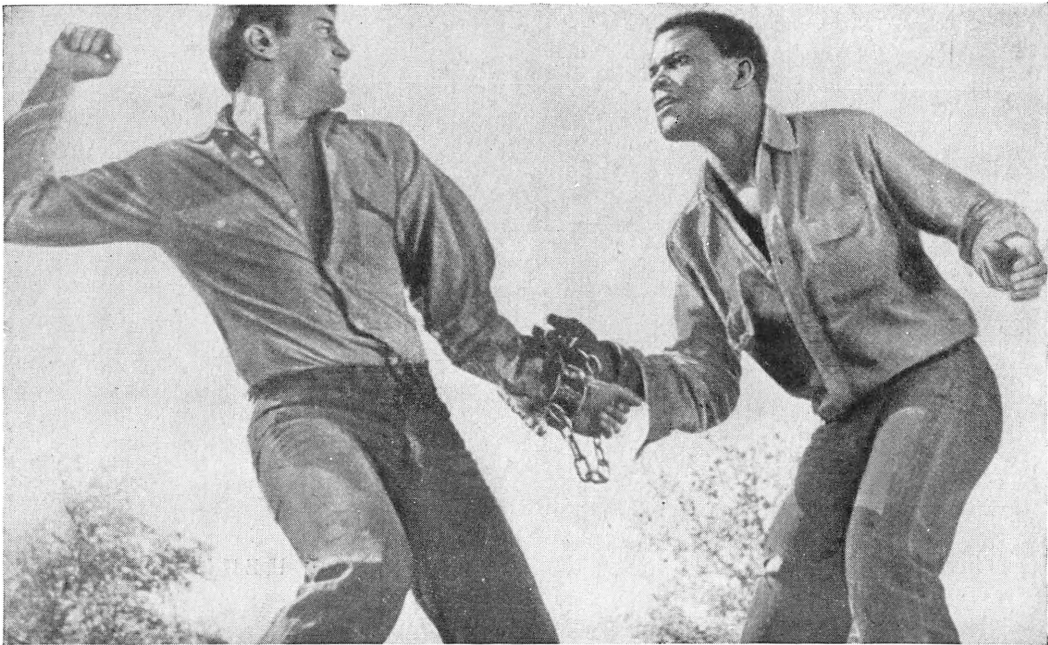

«ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!»

«СКОВАННЫЕ ЦЕПЬЮ»

«СКОВАННЫЕ
ЦЕПЬЮ»

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Об американском кино — <i>В. Колодяжная</i>	5
Д. Николс — ОСВЕДОМИТЕЛЬ — перевод с английского <i>И. Ликиной</i>	25
Ф. Данн — КАК ЗЕЛЕНА БЫЛА МОЯ ДОЛИНА — пере- вод с английского <i>А. Егоровой и В. Колодяжной</i>	95
О. Уэллес, Г. Манкиевич — ГРАЖДАНИН КЕЙН — перевод с английского <i>А. Егоровой и В. Колодяжной</i>	181
Д. Тотерон, В. Беннет — ВСЕ, ЧТО МОЖНО КУПИТЬ ЗА ДЕНЬГИ — перевод с английского <i>Ю. Лункиной</i>	259
Р. Роуз — ДВЕНАДЦАТЬ РАССЕРЖЕННЫХ МУЖЧИН — перевод с английского <i>А. Эрштрема</i>	333
Б. Шулльберг — ЛИЦО В ТОЛПЕ — перевод с английского <i>Н. Лебедевой</i>	371
Б. Хект — ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ! — перевод с английского <i>В. Зелениной</i>	477
Н. Е. Дуглас, Г. Д. Смит — СКОВАННЫЕ ЦЕПЬЮ — перевод с английского <i>Н. Крыловой</i>	575
Фильмографическая справка	637
Кадры из фильмов	639

СЦЕНАРИИ АМЕРИКАНСКОГО КИНО

Редактор *А. Г. Назарова*
Оформление художника *Г. А. Кудрявцева*
Художественный редактор *Э. Э. Ринчино*
Технический редактор *Э. Н. Малек*
Корректоры *Т. В. Кудрявцева и Б. М. Северина*

Сдано в набор 4/IV 1960 г. Подписано к печати 15/VI 1960 г. Форм. бум. 70×92¹/₁₆.
Печ. л. 41 (условных л. 47,97) Уч.-изд. 43,83. Тираж 13000 экз. А06557 изд. № 15169
Зак. 733. „Искусство“. Москва И-51, Цветной бульвар, 25

Московская типография № 6 Мосгорсовнархоза.

Цена 25 р. С 1 января 1961 г. цена 2 р. 50 к.

